

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2021. № 466. Май

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО
- PHILOLOGY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 466. May

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Н.А. Глущенко**, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.; **А.Г. Корогаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,

Doctor of Philology, Professor

Ramil L. Akhmedshin,

Doctor of Law, Professor

Dmitry A. Katunin,

PhD in Philology, Associate Professor

Lev M. Prozumentov,

Doctor of Law, Professor

Petr P. Rumyantsev,

PhD in History, Associate Professor

Artem Yu. Rykun,

Doctor of Sociology, Professor

Valery A. Surovtsev,

Doctor of Philosophy, Professor

Victor G. Shilko,

Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Киосе М.И. Текстовая и дискурсивная лингвокреативность детской приключенческой повести в англоязычной литературе	5
Пантелеева Л.М. Стилистические и смысловые особенности эпитафий (на материале текстов провинциальных кладбищ Пермского края). Часть II	16
Пузик А.А. Отадъективные глаголы эссивной семантики в немецком, английском и украинском языках в сопоставительном аспекте	28
Чекушин В.В. «Советский Пушкин»: пушкинский субстрат автомифотворчества А.Н. Толстого 1930-х гг.	40
Чернышева В.А. Понятие инхоативности у латинских грамматиков	47

ФИЛОСОФИЯ

Аникин Д.А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования	55
Фаритов В.Т. Аскетизм и юродство в философии Ф. Ницше	64
Черникова И.В., Логиновская Ю.В. Глобально-эволюционный подход к сознанию в когнитивной науке	71

ИСТОРИЯ

Борисов Д.А., Сафаров А.М. Западная модель урегулирования Афганского конфликта: взлет и падение «боннского трека» (2001–2014 гг.)	79
Бочарникова М.В. Соглашение Южной Кореи и США о свободной торговле (KORUS FTA) в 2006–2019 гг. и его влияние на Альянс Южная Корея–США	88
Дамешек Л.М., Кушнарева М.Д. Якутский губернатор И.И. Крафт и его вклад в строительство Муру-Якутской магистрали в начале XX в.	94
Лекаренко О.Г. Кризис бреттон-вудской валютной системы и начало европейского валютного сотрудничества	98
Мишин В.Ю., Симоненко А.В. Политика президента Мун Чжэ Ина в вопросах урегулирования межкорейских отношений: поиск баланса желаемого и возможного	107
Плате А. Объяснить, «как... на самом деле функционирует политика»: немецкий историк Вольфганг Райнхард, теория переплетений и микрополитика	118
Спичак А.В., Угрюмова М.В. Законодательное регулирование числа раскольников и документационное оформление борьбы с раскольниками в XVIII – начале XX вв. (по материалам государственного архива в г. Тобольске)	124
Стригунов К.С., Манойло А.В. Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы	131
Талалаева Е.Ю. Конфессиональные «параллельные» общества в контексте иммиграционной политики Скандинавских стран	143

CONTENTS

PHILOLOGY

Kiose M.I. Text and Discourse Linguistic Creativity of Children's English-Language Adventure Fiction	5
Panteleeva L.M. Stylistic and Semantic Features of Epitaphs (Based on Texts of Provincial Cemeteries in Perm Krai). Part II	16
Pouzik A.A. Deadjectival Verbs of Essive Semantics in German, English and Ukrainian: A Typological Approach	28
Chekushin V.V. The Soviet Pushkin: Pushkin's Substratum of Aleksey N. Tolstoy's Self-Mythmaking of the 1930s	40
Chernysheva V.A. The Concept of Inchoativity in Works of Latin Grammarians	47

PHILOSOPHY

Anikin D.A., Linchenko A.A. Memory Wars in the East European Frontier: In Search of Research Methodology	55
Faritov V.T. Asceticism and Foolishness of Christ in Friedrich Nietzsche's Philosophy	64
Chernikova I.V., Loginovskaya Yu.V. A Global Evolutionary Approach to Consciousness in Cognitive Science	71

HISTORY

Borisov D.A., Safarov A.M. The Western Model of Settling the Afghan Conflict: The Rise and Fall of the "Bonn Track" (2001–2014)	79
Bocharnikova M.V. South Korea and the United States Free Trade Agreement (KORUS FTA) in 2006–2019 and Its Impact on the South Korea-US Alliance	88
Dameshek L.M., Kushnareva M.D. Yakut Governor Ivan Kraft and His Contribution to the Construction of the Amur-Yakutsk Highway at the Beginning of the 20th Century	94
Lekarenko O.G. The Crisis of the Bretton Woods Monetary System and the Beginning of European Monetary Cooperation	98
Mishin V.Yu., Simonenok A.V. President Moon Jae-in's Policy on the Settlement of the Inter-Korean Relations: Searching for a Balance between the Desirable and the Possible	107
Plate A. Explaining "How... Politics Actually Work?": The German Historian Wolfgang Reinhard, the Theory of Verflechtungen and Micropolitics	118
Spichak A.V., Ugrumova M.V. Legislative Regulation of the Number of Schismatics and Documentation of the Fight against Schismatics in the 18th – Early 20th Centuries (Based on Materials from the State Archive in Tobolsk)	124
Strigunov K.S., Manoilo A.V. The Coup d'Etat in Bolivia: Internal and External Factors	131
Talalaeva E.Yu. Confessional "Parallel" Societies in the Context of the Immigration Policy of the Scandinavian Countries	143

Шлапек Е.А., Кондратьева С.В. Миграция как вызов национальной безопасности: проблемы адаптации просителей убежища (опыт г. Торнио, Финляндия)	150
---	-----

ПЕДАГОГИКА

Безукладников К.Э., Прохорова А.А. Методическая система мультилингвального обучения будущих инженеров: эмпирическое исследование	158
Новикова Э.Ю. Компетентностный профиль переводчика эпохи 4.0: презентационная компетенция	165
Пашченко Л.Г., Коричко А.В., Давыдова С.А. Физкультурно-спортивные предпочтения работников нефтегазодобывающих предприятий: поведенческие и биологические факторы	173
Сосуновский В.С., Загrevская А.И., Акинина М.Д., Радаева С.В. Организация физического воспитания дошкольников в педагогической системе М. Монтессори	182
Шерайзина Р.М., Александрова М.В., Ефлова З.Б. Сельская школа и сельский учитель: продуктивные российские и зарубежные практики	190

ПРАВО

Ахмедшин Р.Л. Индивидуализация тактического воздействия: теоретические и прикладные аспекты	202
Бессонов А.А., Гайворонская А.А. Прайминг и его эффекты в получении криминалистически значимой информации	207
Бурмагин С.В. Требование законности решений уголовного суда: правовые основания и содержательные компоненты	213
Заиграева В.К. Отличительные особенности объекта контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов	225
Калюжный А.Н., Шурухнов Н.Г. Скрытие преступлений, как элемент способа совершения работоторговли и использования рабского труда	231
Скоревич А.С., Мезинов Д.А. Криминалистический потенциал заимствования коммуникативных моделей в тактику проведения допроса	238
Слинько С.В., Слинько Д.С., Филін Д.В. Общие и специальные теории уголовного процесса	249
Шеслер А.В. Виды уголовно-противоправных деяний	255
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	261

Shlapenko E.A., Kondrateva S.V. Migration as a National Security Challenge: Problems of Asylum Seekers' Adaptation (A Case of Tornio, Finland)	150
--	-----

PEDAGOGICS

Bezukladnikov K.E., Prokhorova A.A. Methodological System of Future Engineers' Multilingual Training: An Empirical Research	158
Novikova E.Yu. Translator Competence Profile in the 4.0 Digital Age: Presentation Competence	165
Pashchenko L.G., Korichko A.V., Davydova S.A. Physical Culture and Sports Preferences of Employees of Oil and Gas Producing Enterprises: Behavioral and Biological Factors	173
Sosunovsky V.S., Zagrevskaya A.I., Akinina M.D., Radaeva S.V. Organization of Preschoolers' Physical Education in the Montessori Pedagogical System	182
Sherayzina R.M., Alexandrova M.V., Eflova Z.B. The Rural School and the Rural Teacher: Productive Russian and International Practices	190

LAW

Akhmedshin R.L. Individualization of Tactical Impact: Theoretical and Applied Aspects	202
Bessonov A.A., Gaivoronskaya A.A. Priming and Its Effects in Obtaining Forensically Relevant Information	207
Burmagin S.V. The Requirement of Legality of Decisions of the Criminal Court: The Legal Basis and Content Components	213
Zaigraeva V.K. Distinctive Features of the Object of Smuggling of Strategically Important Goods and Resources	225
Kalyuzhnyi A.N., Shurukhnov N.G. Crime Concealment as an Element of the Method of Committing Slave Trade and Slave Labor Use	231
Skorevich A.S., Mezinov D.A. Forensic Potential of Borrowing Communication Models into the Interrogation Tactic	238
Slinko S.V., Slinko D.S., Filin D.V. General and Special Theories of Criminal Procedure	249
Shesler A.V. Types of Criminal Acts	255
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	261

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-114.2

М.И. Киосе

ТЕКСТОВАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ ДЕТСКОЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Устанавливаются особенности лингвистической креативности дискурса детской приключенческой повести. С помощью параметрического анализа определяются показатели экспозиции, развития действия, кульминации и развязки. Векторное моделирование позволяет описать координаты векторов лингвокреативности дискурса в целом и нарративных компонентов. В результате обнаружены техники трансформации дискурсивных показателей и оценена степень лингвокреативности конкретного представителя данного типа дискурса.

Ключевые слова: лингвокреативность; детская приключенческая литература; типы нарратива; векторные модели; параметризация.

Введение

Проблема изучения лингвистической креативности получила к настоящему моменту ряд решений описательного характера, при этом в фокусе исследования оказывались разные ее аспекты, например, формы (устная и письменная) креативности [1, 2], возрастная адресация источника [3–6], отдельные жанровые или дискурсивные формы репрезентации креативности [7–9], когнитивные модели креативности [10, 11], креативность отдельных лингвистических средств [12, 13], семиотические основания феномена лингвокреативности [14], сам процесс порождения лингвокреативного текста [15]. В настоящей работе лингвокреативность будет рассматриваться как явление языковой поэтики [16–19], объектом анализа которой являются лингвистические возможности дискурсивно специфического оформления текстов. Под лингвокреативностью мы вслед за И.В. Зыковой будем понимать «способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемую коллективной личностью (социумом, народом) и индивидуальной личностью (отдельным представителем социума, народа), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т.е. модифицируются» [20. С. 638]. Параметрами лингвистической креативности могут служить обобщенные лингвистические характеристики, эксплицированные в виде маркеров и используемые в тексте для конструирования поэтической формы текста и дискурса. В поэтике художественного текста применительно к англоязычному материалу получили описание такие параметры, как повторы [21], регистр речи [22], имена собственные [23], средства создания комического эффекта [24], окказионализмы [25] и др. Однако полученные результаты по активности отдельных параметров не позволяют провести контрастное исследование

дискурсов на предмет лингвистической креативности, так как выявленные для одного типа текста особенности могут не обнаруживаться в другом типе текста, при этом дискурсивная значимость одних и тех же параметров может варьироваться в разных типах текстов.

Разработка методологического решения проблемы контрастного анализа дискурсивной креативности представляет особую значимость в связи с тем, что знание относительной дискурсивной значимости возможностей лингвистической креативности позволяет оценить лингвокреативный потенциал конкретного текста. Так, если значения его параметров лингвокреативности находятся в диапазоне средних значений по дискурсу в целом (его эталонных значений) или имеют стандартное для данного типа дискурса распределение значений показателей, то его лингвокреативный потенциал достаточно невысок. Если же обнаруживаются превышенные или, наоборот, заниженные значения параметров, то можно говорить об особом, отличающемся типе языкового конструирования текста, а значит, говорить о том, что некоторый текст демонстрирует более высокий уровень лингвистической креативности.

Решение проблемы исследования междискурсивной креативности с помощью параметрического анализа было предложено в работе И.В. Зыковой и М.И. Киосе [26], где на материале контрастных дискурсов, кинодискурса и дискурса детской литературы, была разработана многоуровневая система параметров лингвокреативности и определены различия в показателях активности этих параметров, в том числе с учетом сопряженности разных параметров. В ходе анализа было выявлено 52 значимых для обоих типов дискурса параметра лингвокреативности, представляющие фонологический, морфологический, словообразовательный, лексико-фразеологический, синтаксический и графемный уровни языка. Они могут служить универсальными средствами лингвокреативности, или средствами лингвокреативности-1. Однако, в дискурсе такие средства не всегда способствуют реализации его поэтической функции, а только в тех

случаях, когда они играют особую прагматическую роль. Поэтому в [26] помимо лингвокреативности-1 мы выделили и лингвокреативность-2, а именно, дискурсивно-обусловленную лингвокреативность, одной из возможностей реализации которой может стать неконвенциональное распределение активности параметров в дискурсе. Так, если для дискурса детской литературы характерна низкая частота использования окказиональных метафор (по сравнению, например, с поэтическим дискурсом), то повышение частоты таких метафор является результатом реализации некоторой прагматической функции. То же можно сказать и об особенностях использования не окказиональных средств, но связанных со сменой языковых категорий, интерференций разного типа, например языковых, межъязыковых и межсемиотических элементов. Дело в том, что функцию поэтизации в дискурсе могут иметь особые распределения параметров лингвокреативности-1. Так, если в дискурсе намного чаще, чем конвенционально, используются уже не окказиональные, а языковые метафоры или устойчивые фразеологизмы, то это также свидетельствует об их особой дискурсивной роли.

В ходе контрастивного анализа кинодискурса и дискурса детской литературы (по итогам текстового аннотирования данных параметров, статистической обработки на предмет активности отдельных параметров и их попарных корреляций) было вынесено решение о значимости параметров и их распределений для конструирования двух типов дискурса. Однако нерешенным остался вопрос о разработке инструментария для разграничения текстовой и дискурсивной лингвокреативности, позволяющего оценить лингвокреативный потенциал индивидуального текста относительно дискурса в целом. Проблема анализа состоит в том, что установление большей или меньшей активности показателей отдельных параметров или их корреляций одного текста в сравнении с другим текстом не может свидетельствовать о том, что текст является более креативным. Необходимо, во-первых, ориентироваться на средние, или эталонные, показатели параметров по дискурсу в целом, во-вторых, принимать во внимание и распределение показателей параметров, так как, например, сниженная активность некоторого синтаксического параметра может «компенсироваться» повышенной активностью лексико-фразеологического параметра.

В настоящей работе предпринимается попытка применить методику векторного моделирования для описания текстовой и дискурсивной креативности и установления «координат» векторов лингвокреативности дискурса, которые могут служить опорными, или эталонными, для установления лингвокреативного потенциала конкретного текста. Как отмечает Р. Стернберг, «креативность заключается в возможности произвести текст, который является одновременно новым (т.е. оригинальным, неожиданным) и соответствующим условиям и сдерживающим факторам коммуникации» [27. Р. 3]¹, поэтому использование эталонных показателей как точки отсчета для установления новаторства представляется вполне оправданным решени-

ем. Векторный инструментарий позволяет провести комплексную оценку лингвистической креативности конкретного текста в сопоставлении с креативностью дискурса в целом. Совокупность параметров лингвокреативности можно представить в виде многомерного вектора, который мы будем называть **вектором лингвокреативности**.

В настоящей работе будет продемонстрирована методика векторного анализа текстовой и дискурсивной лингвокреативности и с ее помощью реализовано контрастивное исследование лингвокреативности дискурса детской приключенческой повести на материале произведений успешной (получившей награды Ньюбери) англоязычной литературы 1950-х гг.

Методика и процедура исследования

Векторный инструментарий получил широкое распространение в современной дистрибутивной (в основном лексической) семантике (см., например, [28–30]), однако в последние годы появляются работы, где он используется для исследования других лингвистических и когнитивных категорий, например, пространственных моделей [31], когнитивно-семиотических характеристик конструирования коммуникации [32], концептуальных метафор [33]. Использование векторных моделей продуктивно и для изучения особенностей распределения активности параметров лингвокреативности в конкретном тексте в сравнении с дискурсом в целом.

Материалом исследования становятся тексты детской (ориентированной на возраст средней школы) приключенческой литературы, получившие признание в англоязычной литературной критике и включенные в списки обязательной школьной литературы. Для снижения влияния разных текстовых и временных факторов к анализу привлечены реалистичные тексты со сходными сюжетами (основное текстовое событие конструируется вокруг контактов ребенка с природой) одного временного периода (1950-е гг. создания), написанные авторами-мужчинами, представляющие собой «автобиографическое» описание от первого лица мальчика среднего школьного возраста в качестве основного участника. Важным условием корректной процедуры статистического анализа является одинаковый объем текстового материала, который позволит проводить анализ без введения дополнительного этапа нормализации данных, который снижает ценность исследования. Обнаружение законченных текстов с одинаковым объемом (объем текстов мы оценивали в знаках) оказалось невозможным, поэтому было принято решение о нахождении и привлечении к анализу сопоставимых по объему законченных фрагментов текстов (отдельных глав повествования), представляющих три основные компоненты нарратива, а именно экспозицию, развитие действия, кульминацию и развязку [34]²; объем каждого из фрагментов составил 17–20 тыс. знаков с пробелами. В качестве материала исследования отобраны начало повести Ф. Гибсона «Old Yeller» (1956 г.) общим объемом 20 062 знака (экспозиция),

Дж. К. Джорджа «My Side of the Mountain» (1959 г.) общим объемом 18 389 знаков (развитие действия), Дж. Р. Ульмана «Banner in the Sky» (1955 г.) общим объемом 16 733 знака (кульминация и развязка)³. Для нивелирования влияния отличающего объема языкового материала на активность параметров принято решение при оценке распределения активности параметров работать исключительно с их относительными показателями, т.е. с привлечением процедуры нормализации данных.

Рассмотренные в совокупности (ок. 55 тыс. знаков с пробелами), эти фрагменты дают представление о дискурсивной активности отдельных параметров исследуемого дискурса и об общем распределении дискурсивной активности параметров, представленной в виде векторной модели. Последующий **анализ векторных моделей отдельных текстов и векторной модели лингвокреативности дискурса** позволяет установить специфические характеристики лингвокреативности конкретного текста.

На первом этапе анализа был уточнен состав параметров лингвокреативности применительно к англоязычному материалу в связи с тем, что список параметров, предложенный в [26], был предварительно разработан для анализа русскоязычного текста⁴. Уточнения касаются ряда словообразовательных, морфологических и синтаксических параметров, характер которых обуславливается типологическими особенностями языка (см.: [35–37]). Так, применительно к анализируемому русскоязычному материалу в качестве словообразовательных параметров рассматривались следующие: «аффиксальная модификация субъективной и функциональной оценки», «окказиональное словообразование», «окказиональное безаффиксное словообразование», «окказиональное сокращение», «словообразовательная ошибка», «аттракция производных слов». Для анализа англоязычного материала было принято решение отказаться от разграничения окказионального и конвенционального словообразования в связи с возможностями конверсии в английском языке, где, например, конвенциональное слово, образованное с помощью словосложения, но впоследствии трансформируемое с помощью конверсии, не может быть однозначно отнесено к проявлениям окказионального или конвенционального словообразования. Также к числу сомнительных могут быть отнесены примеры образования вымышленных имен собственных (например, топонимов) с использованием словосложения и достаточно частотные случаи словообразования, где первый компонент образован по конверсии (при этом, как показывает анализ материала, допускаются разные варианты оформления слова даже в пределах одного текста, например, слитное, через дефис или раздельное). В (1)–(3) примерами такого словообразования с использованием словосложения служат слова *roller-coastering*, *Birdsong* в *Birdsong Creek*, *ice-walls*.

(1) *There, caterpillaring around boulders, roller-coastering up ravines and down hills, was the mound of rocks that had once been Great-grandfather's boundary fence* (J. George).

(2) *I remember like yesterday how he strayed in out of nowhere to our log cabin on Birdsong Creek* (F. Gibson).

(3) *And when he spoke, his voice was still almost as quiet as when it had been muffled by the ice-walls of the crevasse* (J.R. Ullman).

В связи с обнаружением таких случаев оценка была осуществлена по всем примерам словосложения. Таким образом, список параметров был уточнен, и в отношении словообразовательных параметров аннотированию подверглись «аффиксальная модификация субъективной и функциональной оценки», «словообразование», «безаффиксное словообразование» (включающее конверсивное), «сокращение», «словообразовательная ошибка», «аттракция производных слов».

При адаптации морфологических параметров (категориальные новации разных частей речи) под англоязычный материал мы обратили внимание, что затруднительно разграничивать случаи категориальных новаций (например, использование числительного *one* в функции существительного) и грамматикализации (например, использование глаголов *to have* и *to do* в качестве вспомогательных или интенсифицирующих) или лексикализации, так как в обоих случаях лексические / грамматические единицы анализа приобретают лексико-морфологические характеристики иной категории, морфологической или лексико-морфологической. Поэтому все примеры, демонстрирующие трансформации признаков морфологических категорий, были размечены, как, например, «категориальная трансформация глагола», «категориальная трансформация прилагательного», «категориальная трансформация существительного», «категориальная трансформация союза, вопросительного слова, частицы или предлога», при этом для разметки параметров определенного типа мы руководствовались этимологически первичной частеречной формой слова (для оценки направления конверсии использовались словари [38, 39]). Так, примеры 4–8 иллюстрируют проявления категориальных трансформаций глагола *to try* – *a try* в (4), существительного *corn* в компонент композита при конверсии в *corn rows* в (5), прилагательного / местоимения *other* в субстантивированное *the other* в (6), предлога *on* в структуре фразового глагола *went on* в (7)⁵.

(4) *After three tries, I finally got a handful of dry grass on the glow in the tinder* (J. George).

(5) *I still lacked three or four corn rows being finished when sundown came and Jumper decided it was quitting time* (F. Gibson).

(6) *The other meant that when he opened his head, the sound he let out came closer to being a yell than a bark* (F. Gibson).

(7) *"I'm not certain what I'll do," he went on* (J.R. Ullman).

При адаптации синтаксических параметров и оценки, например, инверсии мы руководствовались любым изменением порядка предъявления членов предложения, в отличие от русскоязычного материала, где инверсия была рассмотрена как вариант трансформации одного из типов линейных схем.

Принятие решения в отношении привлечения к анализу таких категориальных модификаций, пусть и

неокказиональных, обусловлено необходимостью учитывать их роль в распределении активности параметров в дискурсе и в конкретном фрагменте. Как мы указали выше, особое распределение активности параметров лингвокреативности-1 может свидетельствовать о специфическом прагматическом характере дискурсивного фрагмента.

В отношении фонологических и лексико-фразеологических параметров никаких изменений первоначально предложенной для анализа русскоязычного материала системы сделано не было. Так, среди параметров лингвокреативности лексико-фразеологического уровня оценку получили смена регистров коммуникации, смена социально-территориального кода, смена профессионального кода, смена языкового кода, смена лингвосомиотического кода, лексический экспрессив и эмотив, лексический неологизм и окказионализм, лексико-парадигматическая новация (синонимы, антонимы и др.), многозначность, стилистический троп, использование имени собственного, лексическая ошибка, фразеологизм (идиоматическое выражение, коллокация или фразовый глагол), фразеологическая ошибка (ошибка в выборе коллокации). Проиллюстрируем примерами некоторые из перечисленных параметров.

Так, в примерах (8)–(10) обнаруживаются проявления смены регистров коммуникации (в данном случае на более высокий регистр) в *do me a favor* в (8), смена профессионального кода (появление терминов) в *wind tunnel* в (9), смена лингвосомиотического кода (здесь появление численного кода) в *1860* в (10), лексический экспрессив и эмотив в *mad* в (11)⁶:

(8) *When they reached the path Rudi spoke again, hesitantly. "Will you please do me a favor, sir," he asked* (J.R. Ullman).

(9) *It was cold and hard, but I was so tired I could have slept in a wind tunnel* (J. George).

(10) *He came in the late 1860s, the best I remember* (F. Gibson).

(11) *He made me so mad at first that I wanted to kill him* (F. Gibson).

Всего анализу подвергались 52 параметра шести языковых уровней: фонологического, морфологического, словообразовательного, лексико-фразеологического, синтаксического и графемного.

На втором этапе была применена процедура ручной разметки параметров по текстам и статистическая обработка данных. В качестве единицы анализа выступало графически оформленное предложение. Для разметки параметров использовались численные кодовые обозначения, в частности фонологические параметры начинались с 1 (например, 101 – для параметра «фонетический эллипсис», 102 – для параметра «звукоподражание», 103 – для параметра «фонетический акцент»), морфологические параметры начинались с 2 (например, 201 – для параметра «категориальная трансформация прилагательного», 202 – для параметра «категориальная трансформация существительного») и т.д. Приведем пример разметки предложения (12):

(12) *Here was he <504>, safe on the glacier's <403> surface, showing fear <406> and despair <505, 406, 413>* (J.R. Ullman).

Здесь использованы следующие кодовые обозначения: 504 – «инверсия», 403 – «смена профессионального кода», 406 – «лексический экспрессив и эмотив», 505 – «параллельные конструкции и однородные члены предложения», 413 – «фразеологизм» (здесь это коллокация *to show feelings, emotions*).

Данные были обработаны с применением программы HETEROSTAT комплексного расчета параметров дискурса (государственный регистрационный номер 2020661240, дата регистрации 21.09.2020, разработчики Киосе М.И., Ефремов А.А.) на предмет активности каждого параметра, а также на предмет совместной активности всех параметров (определение попарных корреляций всех параметров с определением коэффициента корреляции Пирсона). В результате получены показатели активности всех параметров по трем текстовым фрагментам, иллюстрирующим три компонента нарратива (экспозицию, развитие действия, кульминацию и развязку). Их относительные значения выступают координатами векторов лингвокреативности каждого из нарративных типов и представляют интерес в плане обнаружения различий в векторных моделях исследуемых типов текстов.

Также проведен анализ всего массива данных и установлены показатели активности параметров по всему дискурсу в целом, в результате была получена векторная модель лингвокреативности рассматриваемого типа дискурса. Контрастивный анализ векторных моделей лингвокреативности дискурса и отдельных нарративных типов текста позволяет определить отличия в плане реализации активности параметров каждого текста от дискурса в целом.

Помимо описательной статистики проведен и анализ корреляций с определением значимых корреляций параметров каждого нарративного типа и дискурса в целом. Проведение такого анализа является неотъемлемой частью описания лингвокреативности текста и дискурса, так как активность параметров может проявляться не только в результате проявлений единичных параметров, но и в их распределении, или синхронизации.

В результате исследования были описаны две основных техники проявления активности параметров лингвокреативности: 1) техника активности отдельных параметров; 2) техника синхронизации параметров. Анализ данных техник позволил обнаружить значимые различия в дискурсивной и текстовой лингвокреативности рассмотренных нарративных типов.

Результаты исследования

Исследуемые массивы трех нарративных типов сходны по объему знаков, однако при подсчете количества единиц анализа (предложений) и количества слов были обнаружены значимые различия (табл. 1).

При ожидаемом сходном количестве слов и предложений при сходном количестве знаков обнаружены значимые различия, проявляющиеся, прежде всего, в увеличении количества предложений во фрагментек кульминации и развязке.

Данные по количеству знаков, слов и предложений текстов

Нарративный тип текстов	Количество знаков (с пробелами)	Количество слов		Количество предложений	
		абсолютное	относительное	абсолютное	относительное
Фрагмент-экспозиция	20 062	4 014	,2	282	,0141
Фрагмент-развитие действия	18 389	3 571	,194	262	,0142
Фрагмент-кульминация и развязка	16 733	3 191	,191	390	,0233

Такая ситуация объясняется присутствием в диалогах и при описании кульминационных событий эллиптических предложений, предложений-обращений и повелительных предложений, однокомпонентных предложений глагольного и именного типа, простых нераспространенных предложений, соотносящихся с быстрой сменой действий текстового события, как в примерах (13)–(16):

(13) *And the north face?* (J.R. Ullman).

(14) *“Wait...”* (J.R. Ullman).

(15) *“Can it be climbed?” “Climbed? The Citadel?”* (J.R. Ullman).

(16) *It’s not so steep* (J.R. Ullman).

При этом и сами слова оказались несколько короче в кульминации-развязке, что, очевидно, так-

же соответствует общей тенденции динамики события, снижения количества описательных фрагментов в пользу инструктивных, апеллятивных, декларативных и иных прагматически более значимых фрагментов. Слова во фрагменте-экспозиции оказались длиннее, что объясняется присутствием более длинных описательных прилагательных, снижением количества кратких разговорных форм.

После обработки массивов данных были получены результаты активности отдельных параметров и шести уровней параметров в целом. Результаты активности уровней по трем нарративным типам текста и величины средних отклонений представлены в табл. 2.

Таблица 2

Активность групп параметров лингвокреативности

Группа параметров	Фонологические		Морфологические		Словообразовательные		Лексико-фразеологические		Синтаксические		Графические		Общий показатель активности параметров
	абсолютные	относительные	абсолютные	относительные	абсолютные	относительные	абсолютные	относительные	абсолютные	относительные	абсолютные	относительные	
Фрагмент экспозиция	32	,0169	622	,328	107	,056	778	,41	257	,136	100	,053	1896
Фрагмент-развитие действия	25	,018	381	,274	94	,068	516	,371	346	,249	27	,019	1389
Фрагмент-кульминация и развязка	23	,0197	343	,293	66	,056	361	,309	342	,293	34	,029	1169
Среднее отклонение	7,1	,001	115,56	,02	15,3	,005	150,9	,036	38,7	,06	30,9	,013	

Как видно из таблицы, активность параметров разных уровней варьируется в представленных текстах. Наибольшие показатели средних отклонений (по относительным величинам активности параметров) продемонстрировали параметры синтаксического, лексико-фразеологического, морфологического и графического уровней. При дальнейшей детализации активности параметров обнаружены основные отличия в показателях.

Например, в отношении графических параметров отмечены отличия в использовании параметра «модификации с буквами»: в тексте-экспозиции вводится множество названий, прозвищ, которые переданы с прописной буквы, как в примерах (17)–(18):

(17) *As Papa pointed out the day the men talked over making the drive, we had plenty of grass, wood, and water* (F. Gibson).

(18) *We called him Old Yeller* (F. Gibson).

Однако для текста-кульминации и развязки характерно преобладание показателей параметра «новации со знаками препинания», в основном это многоточия, сочетания вопросительного и восклицательного знаков, заключения в кавычки, как в (19):

(19) *To pull him from a crevasse – save him...* (J.R. Ullman).

Рассмотрим подробнее показатели параметров лексико-фразеологического уровня, отличающегося наибольшей активностью параметров в абсолютных величинах (табл. 3).

Таблица демонстрирует отличия в проявлении лексико-фразеологической креативности трех исследуемых нарративных типов дискурса. В целом отмечается сниженная активность всех параметров

данного уровня в фрагменте-кульминации и развязке, что можно объяснить избыточностью проявления таких новаций в текстовой ситуации напряженности и накала событий.

Таблица 3

Активность параметров лингвокреативности лексико-фразеологического уровня

Параметры	Активность параметров лингвокреативности лексико-фразеологического уровня														
	Смена регистров коммуникации	Смена социально-территориального кода	Смена профессионального кода	Смена языкового кода	Смена лингвосомиотического кода	Лексический экспрессив и эмотив	Лексический неологизм и окказионализм	Лексико-парадигматическая новация	Многозначность	Стилистический троп	Новация в использовании имени	Лексическая ошибка	Фразеологизм	Фразеологическая ошибка	
Фрагмент-экспозиция	112	0	121	0	5	132	4	11	4	111	113	0	165	0	
Фрагмент-развитие действия	51	0	98	0	2	74	2	19	0	121	20	0	129	0	
Фрагмент-кульминация и развязка	24	0	48	2	0	75	2	10	0	109	24	0	66	1	
Нарратив в целом	187	0	267	2	7	281	8	40	4	341	157	0	360	1	

В то же время для фрагмента-экспозиции, нацеленного на вовлечение читателя в текстовое событие, характерно активное использование проявлений таких параметров. При этом, как видно из табл. 3, автор не так часто (относительно показателей параметров других фрагментов) использует тропы, парадигматические новации (синонимы, антонимы), чаще прибегая к новациям в использовании имен собственных, а также к смене кодов разного типа (регистра, профессионального кода). Характерно введение эмоциональной лексики, что, возможно, позволяет автору с самого начала произведения создать определенный оценочный фон для конструирования текстового события, образов героев и их отношений.

Полученные данные указывают на специфику каждого из нарративных типов. Использование значений параметров позволяет рассматривать их как координаты векторов лингвокреативности, характеризующих каждый из типов текста. Однако для реконструкции векторных моделей лингвокреативности необходимо провести нормализацию полученных данных и использовать относительные величины параметров с учетом общей активности параметров в данном нарративном типе. Нормализация данных проводится при вычислении той доли, которую получает конкретный параметр относительно общей активности всех параметров конкретного нарративного типа дискурса. Такое представление данных позволяет подвергать контрастивному анализу не абсолютные значения параметров, а их относительные значения и учитывать их значимость в конструировании нарративного типа дискурса. Вычисление относительных показателей активности параметров трех текстов позволяет установить координаты вектора лингвокреативности всего дис-

курса в целом как некоторого дискурсивного эталона и далее рассматривать показатели отдельных текстов как проявления лингвокреативности конкретных текстов.

Демонстрируемые на рис. 1 векторные модели лингвокреативности трех нарративных типов дают наглядное представление о характере распределения относительных значений параметров; также показана векторная модель рассматриваемого типа дискурса в целом. Использование относительных показателей активности параметров векторной модели дискурса в качестве эталонных позволяет проводить процедуру сравнения этих показателей с показателями каждого последующего привлеченного к анализу текста, представляющего данный тип дискурса, и определять отклонения его показателей от эталонного. На основе полученных данных можно делать выводы о проявлении лингвокреативности в исследуемом тексте. Таким образом мы устанавливаем, действительно ли некоторый текст демонстрирует особые показатели лингвокреативности или же его показатели являются стандартными (пусть и высокими), так как соотносятся с показателями эталонного текста.

На данном этапе продемонстрируем описанную процедуру анализа на трех фрагментах, репрезентирующих разные нарративные типы дискурса. На рис. 2 показано распределение относительной активности параметров трех нарративных типов и дискурса в целом.

Так, фрагмент-экспозиция демонстрирует повышенную активность параметров 202 («категориальная трансформация существительного»), 401 («смена регистров коммуникации»), 411 («новация в использовании имени»), 601 («модификация с буквами») и

сниженную активность параметров 410 («стилистический троп»), 501 («эллиптическая конструкция»).

Фрагмент-развитие действия демонстрирует повышенную активность параметров 403 («смена профессионального кода»), 410 («стилистический троп»), 413

(«фразеологизм»), 505 («обращение»), 507 («независимая автосемантия») и сниженную активность параметров 203 («категориальная трансформация местоимения»), 411 («новация в использовании имени»), 601 («модификация с буквами»).

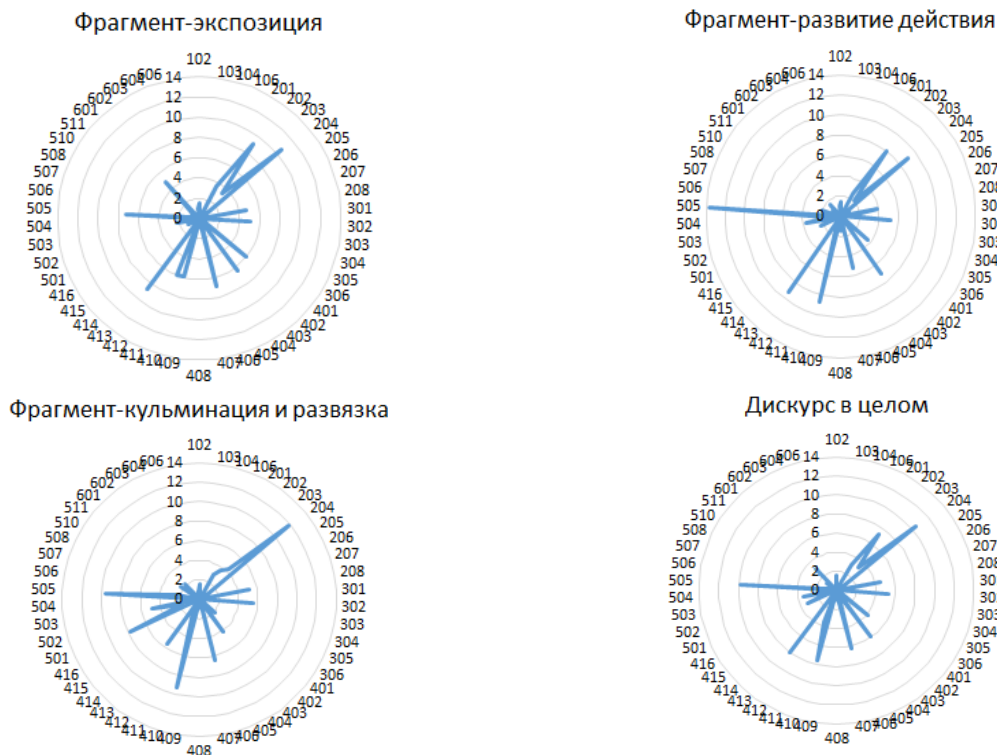

Рис. 1. Векторные модели лингвокреативности трех нарративных типов текста и дискурса в целом

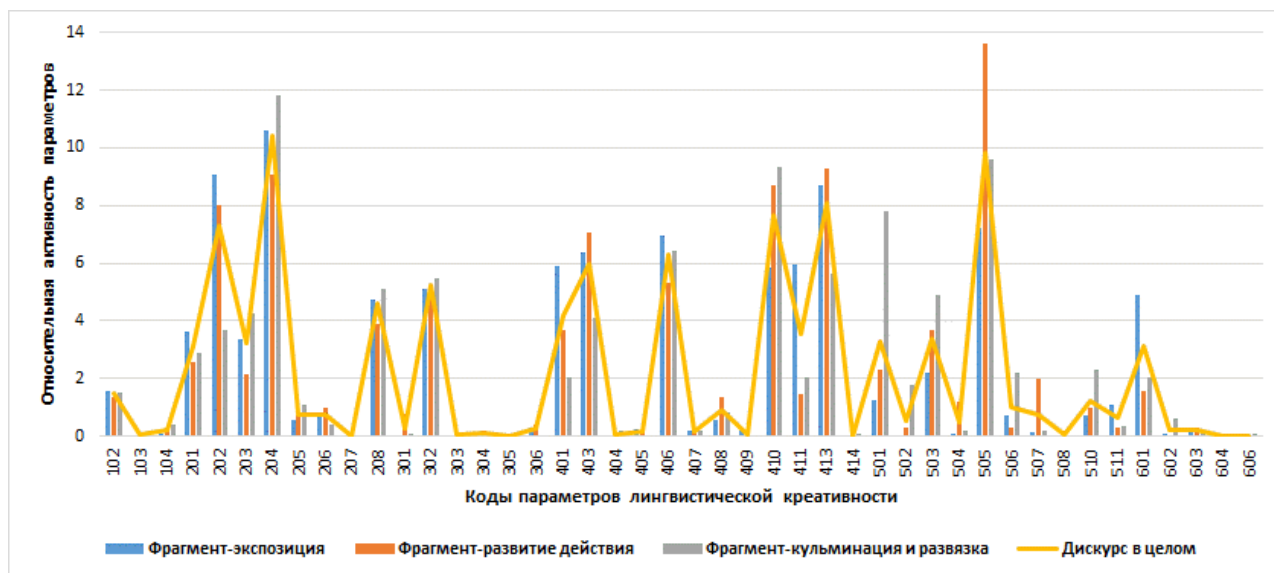

Рис. 2. Распределение относительной активности параметров

Фрагмент-кульминация и развязка демонстрируют повышенную активность параметров 204 («категориальная трансформация глагола»), 410 («стилистический троп»), 501 («эллиптическая конструкция»), 502 («синтаксическая независимость»), 503 («синтаксическая фигура»), 506 («обращение»), 510 («синтаксическая активность служебных частей речи»), 602 («новация со знаками препинания») и сниженную активность параметров 202 («категориальная транс-

формация имени существительного»), 401 («смена регистров коммуникации»), 403 («смена профессионального кода»), 411 («новация в использовании имени»), 413 («фразеологизм»), 507 («независимая автосемантия»).

Примененное далее исследование сопряженности векторов лингвокреативности для анализа степени расхождений координат векторов, однако, не дало значимых результатов. Был проведен корреляцион-

ный анализ распределений относительных показателей параметров каждого из нарративных типов дискурса и дискурса в целом. При $p < 0,01$ с учетом g критического для данной выборки ($k = 102$), составляющего 0,25, r -Пирсона оказался выше 0,9 во всех случаях; такие высокие показатели не дают возможности использовать данный метод в качестве основного для установления сопряженности показателей лингвокреативности разных типов одного дискурса. Однако при наличии более значимых дискурсивных расхождений (например, при привлечении разных

типов дискурса) указанный метод может оказаться более продуктивным.

Далее приведем данные по наличию попарных корреляций для параметров трех нарративных типов дискурса и всего дискурса в целом. С учетом количества предложений каждого текста определены критические значения r -Пирсона: 0,12 – для фрагмента-экспозиции и фрагмента-развития действия, 0,1 – для фрагмента кульминации и развязки, 0,09 – для дискурса в целом. На рис. 3 показаны распределения значимых попарных корреляций.

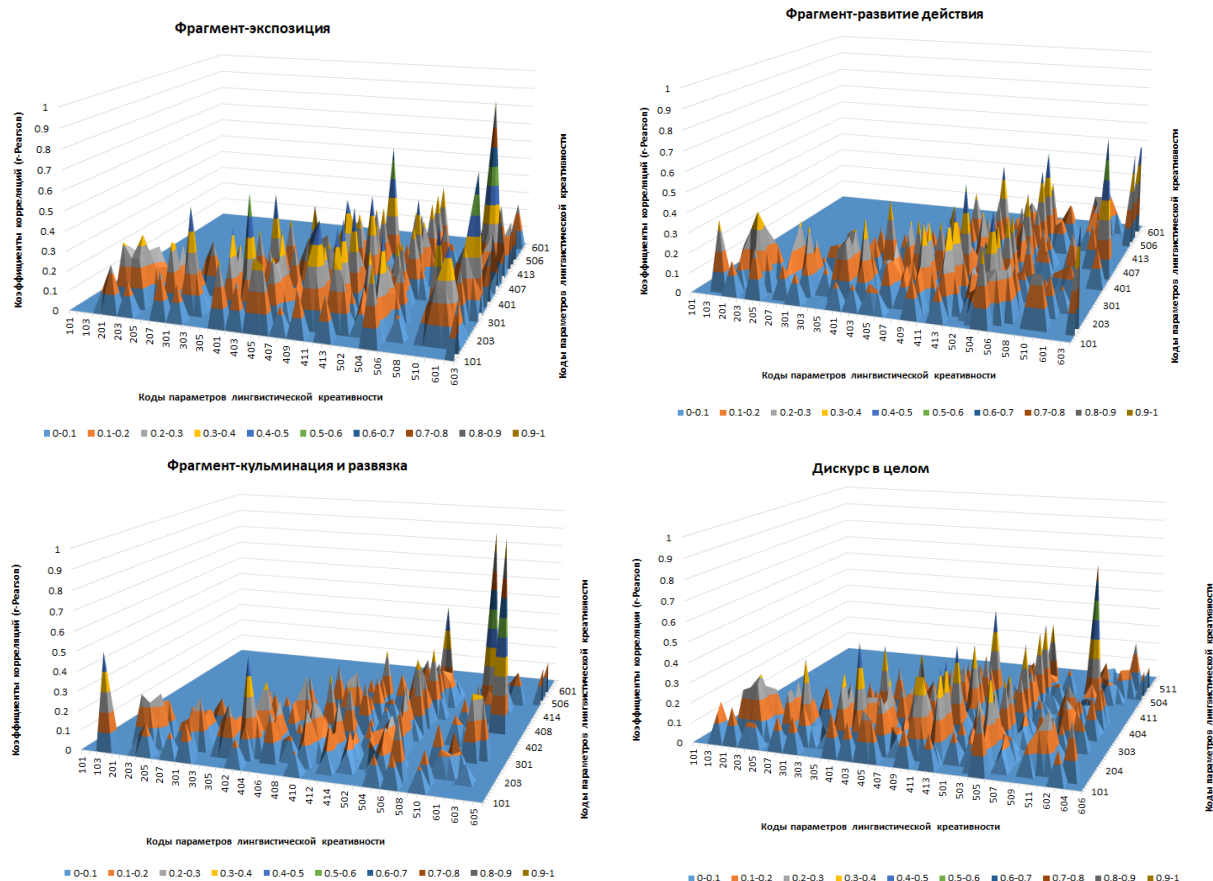

Рис. 3. Диаграммы значимых попарных корреляций параметров лингвокреативности

Из рис. 3 видно, что наибольшее количество значимых попарных корреляций параметров обнаруживается в фрагменте-экспозиции, а самое низкое – в фрагменте-кульминации и развязке. Очевидно, как и в ситуации с отдельными параметрами, для кульминации с текстовым накалом высокие значения корреляций параметров лингвокреативности оказываются лишними, а в ситуации необходимости привлечения внимания читателя, напротив, синхронизация параметров оказывается очень значимой. При этом для фрагмента-кульминации характерны самые высокие показатели корреляций, обнаруженные между параметрами 601 («модификация с буквами») и 411 («новация в использовании имени»), 603 («новация с написанием») и 407 («лексический неологизм и окказионализм»), 505 («параллельные конструкции или

параллелизмы (однородные члены предложения)») и 503 («синтаксическая фигура»).

Для фрагмента-экспозиции обнаружены самые высокие корреляции параметров 602 («новация со знаками препинания») и 303 («безаффиксное словообразование»), 601 («модификация с буквами») и 411 («новация в использовании имени»).

Для фрагмента-развития действия характерно большое количество значимых корреляций параметров, однако особенно высоких значений их корреляций не наблюдается.

Для дискурса в целом обнаружен высокий показатель корреляции параметров 601 («модификация с буквами») и 411 («новация в использовании имени»), что также характерно для фрагментов-кульминации и экспозиции, а также 403 («смена профессионального

кода») и 202 («категориальная трансформация имени существительного»).

Однако значения корреляций не учитывают количества пар активных параметров, поэтому данный анализ не может служить самостоятельным инструментом оценки и должен сопровождать анализ активности параметров, проведенный и продемонстрированный выше.

Таким образом, оценку дискурсивной лингвокреативности конкретного текста целесообразно проводить с использованием анализа двух основных техник ее проявления:

1) техники активности отдельных параметров, а именно повышения и снижения активности отдельных параметров лингвокреативности в сравнении с эталонными показателями дискурса;

2) техники синхронизации параметров, а именно повышения и снижения активности корреляций параметров в сравнении с эталонными показателями дискурса.

Сам метод векторного моделирования лингвокреативности оказывается достаточно эффективным для установления эталонных показателей параметров и отклонений от них в конкретных текстах, однако он имеет меньшую значимость при определении различий в коэффициентах сопряженности векторов лингвокреативности.

Заключение

В настоящем исследовании предложен метод векторного моделирования лингвокреативности для оценки

лингвокреативности конкретного текста и дискурса в целом. На материале англоязычных приключенческих повестей реализовано поэтапное описание методики оценки лингвокреативности с установлением активности отдельных параметров и групп параметров и определением попарных корреляций параметров в трех нарративных типах данного дискурса. Было осуществлено комплексное параметрическое и статистическое описание текстов трех нарративных типов (фрагмента-экспозиции, фрагмента-развития действия и фрагмента-кульминации и развязки), в ходе которого оценку получили 52 параметра 6 уровней языка (фонологического, морфологического, словообразовательного, лексико-фразеологического, синтаксического). В результате анализа определены эталонные показатели дискурса в целом и отклонения от данных показателей в трех нарративных типах. Полученные данные указывают на специфику каждого из нарративных типов и в дальнейшем используются как координаты векторов лингвокреативности, характеризующих каждый из типов текста.

Проведенное исследование позволило установить эффективность метода векторного моделирования при анализе лингвокреативности при оценке двух основных техник ее проявления: техники активности отдельных параметров лингвокреативности в сравнении с эталонными показателями дискурса и техники синхронизации параметров в сравнении с эталонными показателями дискурса. Также установлены ограничения в использовании метода для анализа сопряженности векторов лингвокреативности дискурсивных фрагментов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Точная цитата: «Creativity is the ability to produce work that is both novel (i.e. original, unexpected) and appropriate (i.e. adaptive concerning task constraints)».

² Нарративный тип финала, или коды, в том или ином виде присутствует во всех фрагментах, так как они являются завершенными главами нарратива.

³ В качестве границ фрагментов рассматривались границы глав, с необходимостью учитывать содержательно завершенные фрагменты связано некоторое отличие в объеме материала исследования.

⁴ Список параметров был разработан по итогам анализа теоретических источников, посвященных проблеме стилистического анализа, анализа кодовых переключений и текстовой креативности. Полный список источников см. в [26].

⁵ В примерах (4)–(7) есть и иные категориальные трансформации.

⁶ В примерах (8)–(11) есть и маркеры иных лексико-фразеологических уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carter R. Language and Creativity. The Art of Common Talk. 2nd ed. New York : Routledge, 2016. 272 p.
2. Simpson P. (Ed.) Style, Rhetoric and Creativity in Language. Amsterdam : John Benjamins, 2019. 205 p.
3. Runco M.A. (Ed.) Creativity from Childhood through Adulthood: The Developmental Issues. New Directions for Child Development. Vol. 72. San Francisco, CA : Jossey-Bass, 1996. 98 p.
4. Юрьева Н.М. Устное повествование в детской речи (по материалам эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2013. № 2. С. 114–121.
5. Tomasello M. A Natural History of Human Thinking. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2014. 192 p.
6. Гридина Т.А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 272 с.
7. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М. : Гнозис, 2014. 304 с.
8. Гридина Т.А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте // Лингвистика креатива-4 / под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. С. 270–281.
9. Зыкова И.В. Языковая игра в конструировании поэтики кинодискурса // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. Вып. 19. С. 205–214.
10. Демьянков В.З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством. М. : Азбуковник, 2009. С. 11–19.
11. Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке / под ред. Е.С. Кубряковой. М. : Институт языкознания РАН; Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 157–171.
12. Langlotz A. Idiomatic Creativity. Amsterdam : Philadelphia, 2006. 326 p.
13. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. 2-е изд. М. : URSS, 2011. 224 с.
14. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака. Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М. : Языки Славянской культуры, 2014. 640 с.

15. Норман Б.Ю. Формальные ассоциации слов как стимул (двигатель) текстопроизводства // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. Вып. 29 : Лингвистика креатива : тенденции и перспективы развития нового научного направления : материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, Россия, 23–25 апреля 2020. Вып. 2. С. 48–62.
16. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.
17. Semino E. On Readings, Literariness and Schema Theory : A Reply to Jeffries // *Language and Literature*. 2001. Vol. 10 (4). P. 345–355.
18. Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London : Routledge, 2002. 208 p.
19. Ахалкин Д.Н. Когнитивная поэтика и проблема дейкиса в художественном тексте // *Когнитивные исследования : сб. науч. тр.* М. : Институт психологии РАН, 2012. С. 252–263.
20. Зыкова И.В. Константа ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ // *Метаязык лингвокультурологии : Константы и варианты*. М. : Гнозис, 2017. С. 542–667.
21. Tannen D. *Talking Voices : Repetition, Dialogue and Imagery in Conversational Discourse*. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. 240 p.
22. Williams R. *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society* (2nd ed). London : Fontana, 1983. 341 p.
23. Toolan M. *Total Speech : An Integrational Approach to Language*. Durham, NC : Duke University Press, 1996. 352 p.
24. Norrick N. Poetics and conversation // *Connotations*. 2001. Vol. 10 (2–3). P. 241–267.
25. Carter R., McCarthy M. *Discourse and Creativity : Bridging the Gap between Language and Literature // Principle and Practice in Applied Linguistics* / eds. G. Cook, B. Seidlhofer. Oxford : Oxford University Press, 1995. P. 303–321.
26. Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 2. С. 26–40.
27. Sternberg R.J. (ed.) *Handbook of Creativity*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 504 p.
28. Turney P.D., Patel P. From Frequency to Meaning : Vector Space Models of Semantics // *Journal of Artificial Intelligence Research*. 2020. Vol. 37. P. 141–188.
29. Mikolov T., Chen K., Corrado G., Dean J. Efficient estimation of word representations in vector space // *Proceedings of ICLR Workshop*. 2013. P. 430–443.
30. Clark S. Vector Space Models of Lexical Meaning // *The Handbook of Contemporary Semantic Theory* / eds. S. Lappin, C. Fox. London : Wiley-Blackwell, 2015.
31. Agres K., McGregor S., Purver M., Wiggins G. Conceptualising Creativity: From Distributional semantics to conceptual spaces // *Proceedings of the 6th International Conference on Computational Creativity*. Park City : UT. 2015. URL: <https://computationalcreativity.net/iccc2015> (access date: 02.02.2020).
32. Irskhanova O.K., Cienki A. The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contribution and Challenges // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018. Vol. 4. P. 25–36.
33. McGregor S., Agres K., Rataj K., Purver M., Wiggins G. Re-representing Metaphor : Modeling Metaphor Perception Using Dynamically Contextual Distributional Semantics // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10: 765. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (access date: 13.02.2020).
34. Labov W. *Language of the Inner City*. Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1972. 440 p.
35. Greenberg G.H. A Quantitative Approach to the Morphological Typology of Language // *International Journal of American Linguistics*. 1960. Vol. 26 (3). P. 178–194.
36. Perlmutter D.M. (ed.) *Studies in Relational Grammar*. Chicago IL : University of Chicago Press, 1983. Vol. 1. 428 p.
37. Shopen T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 2: Complex Constructions. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 465 p.
38. *Macmillan English Dictionary* / eds. M. Rundell, G. Fox. London : Macmillan ELT, 2007. 1748 p.
39. *Oxford Dictionary of English*. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2010. 2112 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 декабря 2020 г.

Text and Discourse Linguistic Creativity of Children’s English-Language Adventure Fiction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 5–15.

DOI: 10.17223/15617793/466/1

Maria I. Kiose, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation); Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: maria_kiose@mail.ru

Keywords: linguistic creativity; children’s adventure fiction; narrative types; vector-space models; parametrization.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00040.

The article explores the specificity of linguistic creativity in the discourse of children’s English-language adventure fiction of the 1950s. The aim of the research is to develop the parametrization and vector-space method of discourse and text linguistic creativity assessment to evaluate the linguistic creativity potential of individual texts displaying similar discourse features. To serve as the research data three discourse fragments were selected, which represent three basic narrative types, Orientation, Complicating Actions, Evaluation and Resolution. To achieve the aim, the author applies the procedure of parametrization analysis followed by general and analytic statistics analysis and vector-space modelling. With the system of 52 parameters featuring linguistic creativity in phonology, word-formation, morphology, lexicology and phraseology, syntax, and graphics, the author manually annotates and processes the discourse fragments of similar size exemplifying three narrative types of adventure fiction literature, with the total sample size of 55,000 characters. General statistics analysis allowed revealing the absolute and relative parameter values in three discourse fragments and defining the relative parametric activity of single parameters and parameter levels. Analysis of variance helped define the correlation indices of parameter paired combinations, which resulted in detecting significant binary parameter groups. Individual parameter values and their binary groups served to construe the vector-space models of discourse and text linguistic creativity for the discourse narrative types under consideration. Thus, the author obtained an efficient instrument for discourse linguistic creativity evaluation and, furthermore, for assessing the potential of each individual text in terms of displaying stronger or weaker correlation with the vector coordinates of the discourse linguistic creativity vector-space model. With the frequency and variance analysis, the author disclosed two types of discourse linguistic creativity performance techniques, that is the individual parameter activation and the parameter synchronization. Both must be considered when the decision on linguistic creativity assessment in a concrete text is made. The resulting model shows that the parameter values of linguistic creativity in individual texts can manifest themselves in appearing both higher and lower than the reference parameter values of discourse creativity, which can contribute to disclosing new directions in creativity processing and understanding.

REFERENCES

1. Carter, R. (2016) *Language and Creativity. The Art of Common Talk*. 2nd ed. New York: Routledge.
2. Simpson, P. (ed.) (2019) *Style, Rhetoric and Creativity in Language*. Amsterdam: John Benjamins.
3. Runco, M.A. (1996) Creativity from Childhood through Adulthood: The Developmental Issues. *New Directions for Child and Adolescent Development*. 72. DOI: 10.1002/cd.23219967203
4. Yur'eva, N.M. (2013) Oral Narrative in Child Language (Materials of the Experiment). *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 2. pp. 114–121. (In Russian).
5. Tomasello, M. (2014) *A Natural History of Human Thinking*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
6. Gridina, T.A. (2018) *Verbal'naya kreativnost' rebenka: ot istokov slovotvorchestva k yazykovoy igre* [Verbal Creativity of Children: from Word Creation to Language Game]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
7. Sokolova, O.V. (2014) *Tipologiya diskursov aktivnogo vozdeystviya: poeticheskii avangard, reklama i PR* [Typology of Active Discourse: Poetic Avant-garde, Advertisements, and PR]. Moscow: Gnosis.
8. Gridina, T.A. (2018) Smyslovaya perspektiva slova v igrovom hudozhestvennom tekste [Sense Perspective of a Word in Game Fiction]. In: Gridina, T.A. (ed.) *Lingvistika kreativna-4* [Linguistics creativity–4]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 270–281.
9. Zykova, I.V. (2019) Language Play in Construal of Poetics of Comedy Film Discourse. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova – Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. 19. pp. 205–214. (In Russian).
10. Dem'yankov, V.Z. (2009) Yazykovoie tvorchestvo i rechevaya kreativnost' [Language creation and speech creativity]. In: *Yazyk kak mediator mezhdu znaniiem i iskusstvom* [Language as a mediator between knowledge and art]. Moscow: Azbukovnik. pp. 11–19.
11. Iriskhanova, O.K. (2009) O ponyatii kreativnosti i ego roli v metazyzke lingvisticheskikh opisaniy [On the notion of linguistic creativity and its role in the metalanguage of linguistic description]. In: Kubryakova, E.S. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. Vol. 5. Moscow: Institute of Linguistics of RAS; Tambov: Derzhavin Tambov State University. pp. 157–171.
12. Langlotz, A. (2006) *Idiomatic Creativity*. Amsterdam: Philadelphia.
13. Remchukova, E.N. (2011) *Kreativnyy potentsial russkoy grammatiki* [Creative Potential of Russian Grammar]. 2nd ed. Moscow: URSS.
14. Feshchenko, V.V. & Koval, O.V. (2014) *Soivorenie znaka. Ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [Creation of a Sign. Essays on Linguistic Aesthetics and Art Semiotics]. Moscow: YaSK.
15. Norman, B.Yu. (2020) Formal associations as a stimulus (speaking) of text production. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativna*. 29 (2). pp. 48–62. (In Russian). DOI: 10.26170/ufv20-02-04
16. Jakobson, R.O. (1975) *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. In: Basin, E.Ya. & Polyakov, M.Ya. (eds) *Strukturalizm: za i protiv*. [Structuralism: For and Against]. Moscow: Progress. pp. 193–230.
17. Semino, E. (2001) On Readings, Literariness and Schema Theory: A Reply to Jeffries. *Language and Literature*. 10 (4). pp. 345–355.
18. Stockwell, P. (2002) *Cognitive Poetics: An Introduction*. London: Routledge.
19. Ahapkin, D.N. (2012) Kognitivnaya poetika i problema dejksisa v hudozhestvennom tekste [Cognitive Poetics and the Problem of Deixis in Fiction]. In: *Kognitivnye issledovaniya* [Cognitive studies]. Moscow: Institute of Psychology of RAS. pp. 252–263.
20. Zykova, I.V. (2017) *Metazyzyk lingvokul'turologii: Konstanty i varianty* [Meta-language of linguoculturology: Constants and variants]. Moscow: Gnosis. pp. 542–667.
21. Tannen, D. (1989) *Talking Voices: Repetition, Dialogue and Imagery in Conversational Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Williams, R. (1983) *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*. 2nd ed. London: Fontana.
23. Toolan, M. (1996) *Total Speech: An Integrational Approach to Language*. Durham, NC: Duke University Press.
24. Norrick, N. (2001) Poetics and conversation. *Connotations*. 10 (2–3). pp. 241–267.
25. Carter, R. & McCarthy, M. (1995) Discourse and Creativity: Bridging the Gap between Language and Literature. In: Cook, G. & Seidlhofer, B. (eds) *Principle and Practice in Applied Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 303–321.
26. Zykova, I.V. & Kiose, M.I. (2020) Linguistic Creativity Parametrization in Contrasting Discourse Types: Cinematic Discourse vs. Discourse of Children's Literature. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 26–40. (In Russian).
27. Sternberg, R.J. (ed.) (1999) *Handbook of Creativity*. Cambridge: Cambridge University Press.
28. Turney, P.D. & Patel, P. (2020) From Frequency to Meaning: Vector Space Models of Semantics. *Journal of Artificial Intelligence Research*. 37. pp. 141–188.
29. Mikolov, T., Chen, K., Corrado, G. & Dean, J. (2013) Efficient estimation of word representations in vector space. *Proceedings of ICLR Workshop*. pp. 430–443.
30. Clark, S. (2015) Vector Space Models of Lexical Meaning. In: Lappin, S. & Fox, C. (eds) *The Handbook of Contemporary Semantic Theory*. London: Wiley-Blackwell.
31. Agres, K., McGregor, S., Purver, M. & Wiggins, G. (2015) Conceptualising Creativity: From Distributional semantics to conceptual spaces. *Proceedings of the 6th International Conference on Computational Creativity*. Park City: UT. [Online] Available from: <https://computationalcreativity.net/iccc2015> (Accessed: 02.02.2020).
32. Iriskhanova, O.K. & Cienki, A. (2018) The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contribution and Challenges. *Issues of Cognitive Linguistics*. 4. pp. 25–36.
33. McGregor, S. et al. (2019) Re-representing Metaphor: Modeling Metaphor Perception Using Dynamically Contextual Distributional Semantics. *Frontiers in Psychology*. 10: 765. [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (Accessed: 13.02.2020).
34. Labov, W. (1972) *Language of the Inner City. Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
35. Greenberg, G.H. (1960) A Quantitative Approach to the Morphological Typology of Language. *International Journal of American Linguistics*. 26 (3). pp. 178–194.
36. Perlmutter, D.M. (ed.) (1983) *Studies in Relational Grammar*. Vol. 1. Chicago IL: University of Chicago Press.
37. Shopen, T. (ed.) (2009) *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 2. Complex Constructions. Cambridge: Cambridge University Press.
38. Rundell, M. & Fox, G. (eds) (2007) *Macmillan English Dictionary* London: Macmillan ELT.
39. Oxford University Press. (2010) *Oxford Dictionary of English*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press.

Received: 20 December 2020

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТАФИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КЛАДБИЩ ПЕРМСКОГО КРАЯ) ЧАСТЬ II

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

Статья продолжает начатое в первой части исследование кладбищенской поэзии, но сужает объектный фокус до собственно фольклорных эпитафий. Представлен денотативный анализ народных произведений, обращенный к категориям «пространство», «время», «субъект». Делаются наблюдения над тематическим распределением лексики по данным категориям, высвечиваются связи денотативного пространства с эмотивным и концептуальным содержанием, определяется тип мировоззренческой модели текстов.

Ключевые слова: лингвокультурология; городская культура; смерть; эпитафия; письменный фольклор; денотативное пространство; концепт.

Предпринятое в первой части статьи исследование стилистических разрядов провинциальных эпитафий показало, что по типам авторства и жанровой функции тексты кладбищенской поэзии могут быть распределены на четыре группы: 1) фольклорные тексты, для которых эпитафийная функция является исходной; 2) фольклорные тексты, для которых эпитафийная функция является вторичной; 3) авторские тексты, для которых эпитафийная функция является исходной (наивная поэзия); 4) авторские тексты, для которых эпитафийная функция является вторичной. В анализе денотативного пространства эпитафий мы сосредоточимся только на первой группе – собственно фольклорных текстах, поскольку имеем для этого ряд смысловых оснований.

Во-первых, фольклорные эпитафии представляют наиболее многочисленное собрание в корпусе надписей, составленном на основе натурных обследований пермских кладбищ.

Во-вторых, широкая представленность текстов в интернет-пространстве, их бытование в виде многочисленных вариантов и основная функция, связанная с обслуживанием похоронной сферы, – все это позволяет рассматривать письменный фольклор как ядерную структуру современного эпитафийного дискурса, которая задает «нормативный стержень» для иных текстов, адресованных мертвым. Благодаря этому тексты фольклорных эпитафий наиболее удобны для сопоставления с региональной народной речью в области символических смыслов – как феномен городской народной культуры по отношению к традиционной культуре селско-деревенского быта.

Денотативное пространство фольклорных эпитафий обладает несомненной значимостью для характеристики ментальной категоризации мира представителей городской культуры. «Здесь, в этих надписях мы знакомимся с мирозерцанием классов в области эсхатологических вопросов» [1. С. 359]. Простота и тривиальность семантического содержания текстов только укрепляют положение письменного фольклора в числе источников, содержащих сведения об обыденном сознании современников, поскольку «понятие тривиальности предполагает понятие массовости» [2. С. 32].

Сделаем важное дополнение. Анализ содержания эпитафийных текстов, выполненный на материале общего корпуса (без стилистического разделения), вряд ли можно признать убедительным с точки зрения конвенционального декодирования знаков, составляющих поле похоронной культуры. Так, с одной стороны, в наивных эпитафиях есть элементы индивидуально-авторского стиля, прочтение которых определяется помимо прочего знанием предтекстовых пре-суппозиций: времени написания, личности автора, его мотивов, материальных возможностей, наличия или отсутствия опоры в виде иных эпитафийных текстов и т.д.¹. С другой стороны, отрывки из авторских текстов в эпитафийной функции могут привлекать за собой весь комплекс ассоциаций, связанных с произведением, к которому они относятся, например, образ исполнителя песни, сюжет фильма, в котором она прозвучала, автор текста как авторитетная персона и т.д. Соответственно, попытки «усреднения» эпитафийных текстов в семиотическом плане (как, например, [3]) не несут понимания структуры ментального пространства и специфики образов, проявляющихся в плоскости письменного фольклора.

Продолжая эту логику, заметим, что при всей художественно-изобразительной схожести фольклорных и наивных эпитафий, а также авторских текстов, используемых в этой функции, разница в символическом содержании ощутима. Вероятно, она не слишком бросается в глаза, когда мы смотрим на характер частотной лексики текстов (поскольку количественные расхождения могут быть объяснимы объемом самих стилистических разрядов, представленных в Приложении):

– фольклорные эпитафии: *ты*⁶², *мы*⁵², *быть*²¹, *жизнь*¹⁸, *наш*¹⁸, *любить*¹⁶, *живой*¹⁵, *родной*¹⁵, *память*¹³, *простить*¹², *сердце*¹², *боль*¹¹, *твой*¹¹, *тот*¹¹, *жить*¹⁰, *уйти*¹⁰, *скорбеть*⁸, *рано*⁷, *кто*⁷, *всегда*⁶, *вы*⁶, *нет*⁶, *остаться*⁶, *помнить*⁶, *слово*⁶, *дорогой*⁵, *любимый*⁵, *смочь*⁵, *весь*⁴, *вечно*⁴, *вечный*⁴, *выразить*⁴, *глаз*⁴, *добрый*⁴, *измерить*⁴, *милый*⁴, *мир*⁴, *он*³ (*она*¹), *печаль*⁴, *скорбь*⁴, *слеза*⁴, *спасти*⁴, *спать*⁴, *сыночек*⁴, *верить*³, *видеть*³, *вместе*³, *голос*³, *земля*³, *излить*³, *покинуть*³, *разлука*³, *рана*³, *светлый*³, *слышать*³, *спокойно*³, *стать*³, *так*³, *цветок*³;

– авторские тексты в функции эпитафий: *ты*⁸, *быть*⁷, *вы*⁷, *мы*⁷, *мой*⁶, *жить*⁵, *тот*⁵, *верить*⁴, *еще*⁴, *любить*⁴, *один*⁴, *он*² (*она*²), *память*⁴, *уйти*⁴, *учитель*⁴, *этот*⁴, *весь*³, *говорить*³, *душа*³, *живой*³, *кто*³, *лишь*³, *сердце*³, *так*³;

– наивные эпитафии: *ты*¹³, *быть*¹¹, *мы*⁶, *всегда*⁵, *любимый*⁵, *помнить*⁵, *скорбеть*⁵, *твой*⁵, *память*⁴, *сердце*⁴, *вы*³, *добрый*³, *жить*³, *мой*³, *нет*³, *остаться*³, *уйти*³.

Но когда мы осознаем долю частотной лексики в общем словесном объеме эпитафий того или иного рода, то специфика организации лексического со-

става наивных произведений и авторских текстов в эпитафийной функции (по сравнению с «конституциональностью» фольклорных) становится очевидной (рис. 1).

Что касается сути метода, то анализ денотативного содержания фольклорных эпитафий сводится к выявлению текстовых универсалий – «пространство», «время», «человек» [4. С. 85–122]. Процедура их характеристики предполагает определение и семиотическое истолкование круга лексики с соответствующей предметной отнесенностью – пространственной, временной, субъектной.

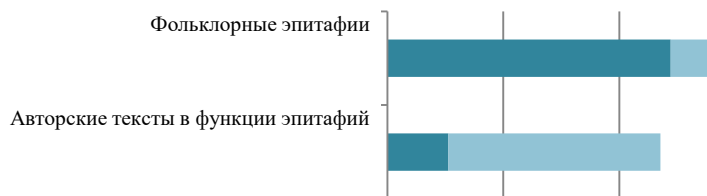

Рис. 1. Доля лексических повторов в корпусе эпитафий

Категория пространства в эпитафийных текстах

«Пространство» в эпитафиях раскрывается в двух оппозициях: верха и низа, реального и идеального. В основе вертикальной ориентации лежит противопоставление земного и небесного мира, соответственно соотносящихся с обиталищем людей и прибежищем душ: «Одним цветком **земля** беднее стала, | Одной душой богаче стали **небеса**» (26), «Пускай, дорогой | За **небесною** дверцей | Ничто не тревожит | Твой вечный покой...» (33), «В безутешной печали **земной**» (34), «Добрый парнем ты был на **земле**» (35), «Сыночек милый наш, прости | За все **земные** твои муки» (36). Через тот же модус человеческого и духовного существования реализуется противопоставление реальной действительности и идеального мира: «Вы жизнь нам в **этом мире** дали, | В **другом** покой вы обрели» (3), «Не верим мы, что ты ушёл так рано. | В **мир иной**, где суждено всем **быть**» (18), «**Мир** почернел, свет потускнел» (42), «В **безмолвном мире** спи спокойно» (43), «Уходят туда, где есть **город – мечта**» (49).

Дуальная организация пространства, воплощенная в бытийных категориях реального и идеального, совсем не объясняет его вертикального измерения. В триадичной конструкции мира, характерной для эсхатологии, собственно нижним является мир подземный – посмертное место пребывания грешников. Но упоминание о нем в похоронном дискурсе (и в эпитафиях как одной из форм его реализации) табуировано – и, соответственно, лексически не маркируется в текстах².

Земное, или реальное, пространство запечатлено в эпитафиях точно: единственным его локусом является место захоронения – **могила**: «Мы приходим сюда | Чтоб цветы положить» (14), «К тебе, отец, приходим на свиданье | Советоваться в счастье и беде» (41). Среди локусов небесного, или идеального, пространства отмечаются символическое поселение умерших – **город**: «Уходят туда, где есть **город** –

мечта» (49) и символическое жилище – новый **дом** усопшего: «Пускай, дорогой | За **небесною** дверцей | Ничто не тревожит | Твой вечный покой...» (33).

Земное пространство представлено как мир живой и, реже, неживой природы: «Одним цветком **земля** беднее стала» (26), «Теперь для вас я ветром стану, | березкою, травинкою, цветами. | Погладь их мама, это я, навек с тобою боль **твоя**» (51). Небесный мир наполнен космическими телами, излучающими свет: «Где горит та звезда и ведет туда» (49).

Нулевой лексической коррелят представляет собой категория персонажей и признаков земного пространства по отношению к пространству небесному. Будучи населенным божественными существами («И где ангел душу излечит» (49)), небесное пространство предстает для мертвых как место безмолвия, сна и покоя: «В **другом** покой вы обрели» (3), «В **безмолвном** мире спи спокойно» (43).

Путь из мира живых в мир мертвых описывается исключительно как «пеший»: «Ушли, оставив след печали» (3), «Вы ушли из жизни, а из сердца нет» (5), «Не верим мы, что ты ушёл так рано» (18), «Ушёл так рано, не простившись» (22), «Как рано ты ушел от нас» (23), «Уходят туда, где есть **город – мечта**» (49) и т.д. Вектор движения также исключительно однонаправлен, а границы между мирами нерасторжимы: «Мы знаем, тебя невозможно вернуть» (13).

Категория времени в эпитафийных текстах

«Время» в эпитафийных текстах подается преимущественно как однонаправленное движение событий – линейное время. Обращают на себя внимание некоторые привычные для похоронного дискурса закономерности, например, вытеснение в план прошлого обстоятельств жизни, действий и качеств покойного: «Ушли, оставив след печали» (3), «погиб **любимый** и родной» (15), «Ты жизнь любил, спешил, не ведал **страха**. | Добился в жизни всего сам. | Работе и се-

мье ты посвятил себя недаром» (22), «При жизни с нами ты была так мало!» (26), «Ты был для нас пример для подражания» (41), «Ты всех любил и песни пел» (42) и т.д.

Напротив, чувства, память и состояния скорбящих выражаются в плане настоящего: «Любим тебя, гордимся тобой» (10), «Не верим мы, что ты ушёл так рано» (18), «Какой становится невыносимой мукой | Та жизнь, в которой тебя сыночек больше нет» (27), «Светлый образ твой свято храним» (34), «Прости, что нет тебя, а мы живем, | Глотая слезы горькие разлуки» (36). Будущее также соотносится с душевным состоянием создателей послания: «Любовь к тебе, родной сыночек, | Умрёт лишь вместе с нами» (12).

При этом и настоящее, и будущее время теряют конкретные характеристики и подаются как факты постоянной природы. Языковая репрезентация этих значений осуществляется благодаря лексическим маркерам **вечно** «БУДЕМ ВЕЧНО ЛЮБИТЬ» (2), «Вы вечно живы в памяти любимых!» (4), **вечный** «Но вечной будет память о тебе» (7), **всегда** «Всегда ты вместе с нами» (1), «И в памяти нашей всегда ты живой» (11), «В сердцах и памяти всегда ты с нами» (19), «Но память о тебе в сердцах у нас всегда...» (26), **навсегда** «Ты с нами будешь навсегда» (8), «В душе у нас ты навсегда» (37), **постоянно** «Но светлый образ твой родной, | Мы будем помнить постоянно» (25), **никогда** «Мы не забудем никогда!!!» (29), **навек** «Ты жизнь свою прожил достойно, | Оставив память нам на век» (43), «это я, навек с тобою боль твоя» (51), **сколько б лет ни прошло** «Сколько б лет ни прошло – | Любим, помним, скорбим...» (6).

В некоторых случаях абстрактно расширенные значения настоящего и будущего имеют предельность, соотносимую со временем жизни родных и близких умершего – ср. «Пока мы живы – с нами ты» (50). В чем, на наш взгляд, обнаруживается идея сопряжения вечности и жизненного века – не отдельного человека, но семьи, рода – «своих». Существо идеи отсылает к утверждению взаимосвязи живых и мертвых и пониманию вечности как христианского образа тварного мира [5. С. 848–850].

Наряду с линейным представлением времени можно выделить элементы циклической модели, предполагающей идею возвращения умершего в реальный мир посредством новых ипостасей: «Теперь для вас я ветром стану, | березкою, травинкою, цветами» (51). И все же эта модель, имеющая языческие истоки, значительно уступает линейной.

Категория субъектов в эпитафийных текстах

Уровень субъектов является доминантным в текстовом воплощении по сравнению с обозначенными выше категориями. Об этом говорит уже тот факт, что дейктические номинации субъектов количественно преобладают в лексическом корпусе рассматриваемых текстов – ср.: **ты**⁶², **мы**⁵².

По сути дела сами эпитафии служат формой письменного высказывания одной из сторон ритуального акта. Ими обслуживаются социальные (и, как следствие, речевые) роли участников похоронного или поминального действия [6] – в широком смысле взаи-

модействие между живыми и мертвыми в ситуации кладбищенского контакта. При этом посмертные высказывания чаще осуществляются от лица живых (1–48, 50). Обращения со стороны мертвых (51), как и афористичные стихи без четкой субъектной позиции (49), обнаруживаются в несопоставимо меньшем количестве.

«Живые»

Структура образов субъектов имеет значительные расхождения. Обобщенный портрет «живых» строится преимущественно за счет характеристики эмоционального, душевного, состояния. Позиция «мы» обрисована прежде всего чувствами **любви** «Любим тебя» (10) «Любовь к тебе, родной сыночек, | Умрёт лишь вместе с нами» (12), «Тебя наш папочка любимый | Мы не забудем никогда!!!» (29), **скорби** «И нашу боль, и нашу скорбь | Не выразишь словами...» (12), «Скорбим, что жизнь | была короткой» (32), **печали** «Не выразишь словами всей скорби и печали» (19), «В безутешной печали земной» (34) а также **гордости** «гордимся тобой» (11) и **тоски** «Ушли, оставив след печали, | Порывы скорби и тоски» (2). В ряду отрицательно окрашенных чувств отмечается **вина** перед усопшим, вызванная беспомощностью в преодолении разного рода обстоятельств: «Прости, что не смогли помочь. | Прости, что не смогли спасти | Сто тысяч раз тебе за все | прости, прости, прости...» (30), «Сыночек милый наш, прости | За все земные твои муки. | Прости, что нет тебя, а мы живем, | Глотая слезы горькие разлуки» (36).

Переживания «живых» передаются лексикой со смыслами не только нравственного страдания: **горе** «И безутешно наше горе!» (42), но и эмоционально-физического: **боль** «Как трудно подобрать слова, | Чтоб или нашу боль измерить» (8), «И нашу боль, и нашу скорбь | Не выразишь словами...» (12), «Нашу боль не измерить | И в слезах не излить» (16), «И боль свою от той потери | Не залечить нам никогда» (37), «это я, навек с тобою боль твоя» (51), **рана** «И в сердце боль от нестерпимой раны, | которую ничем не излечить» (18), «СПИ, РОДНОЙ, ТЫ НАША БОЛЬ И РАНА | ПАМЯТЬ О ТЕБЕ ВСЕГДА ЖИВА...» (48), **мука** «Какой становится невыносимой мукой | Та жизнь, в которой тебя сыночек больше нет» (27). Среди внешних проявлений эмоциональных состояний отмечаются **слезы**: «Нашу боль не измерить | И в слезах не излить» (16), «Глотая слезы горькие разлуки» (36).

Когнитивные качества «живых» выведены в два фокуса: **памяти** «Любим, помним, скорбим...» (6), «И в памяти нашей всегда ты живой» (11), «В сердцах и памяти всегда ты с нами» (19), «Осталась память – но она не лечит» (29) и **неверия в смерть** «Нет! Нет! Всегда ты вместе с нами» (1), «Мы можем в смерть твою не верить» (8), «Тебя уж нет, а мы не верим» (37).

В целом, когнитивно-психологические установки «живых» вырастают из отказа признавать смерть близкого человека. Множественные отрицания потери «Вы не ушли, хоть преданы земле» (4), «Кто дорог, тот не умирает» (9), указания на невозможность ее

принятия «НЕПРАВДА!!! | СЫН НЕ УМИРАЕТ!!! | ОН, ПРОСТО, | ВМЕСТЕ С НАМИ | НЕ БЫВАЕТ...» (21) или переживания «НАШУ БОЛЬ НЕ ИЗМЕРИТЬ | И В СЛЕЗАХ НЕ ИЗЛИТЬ» (2), «И нашу боль, и нашу скорбь | Не выразишь словами...» (12) – проявляются как следствия психологической защиты. В этом ключе эпитафии могут рассматриваться как психологическое средство саморегуляции через письменное высказывание.

«Мертвые»

Субъектная позиция покойного в эпитафиях, в отличие от «живых», как правило, лишена множественности. Посвящения двум лицам достаточно редки: «Вы жизнь нам в этом мире дали, | В другом покой вы обрели» (3), «Вы не ушли, хоть преданы земле, | Вы вечно живы в памяти любимых!» (4), «Вы ушли из жизни, а из сердца нет» (5), «Зачем судьба была жестока, | Как рано вы ушли от нас» (24). Надписи, адресованные трем умершим и более или написанные от их лица, в натуральных обследованиях кладбищ не встретились.

Наиболее распространенной формой обозначения позиции «мертвых» является местоимение **ты** «Любим тебя, гордимся тобой, | И в памяти нашей всегда ты живой» (10), которое иногда поддерживается в текстах атрибутами с притяжательным определением **твой** «Мы можем в смерть твою не верить, | Ты с нами будешь навсегда» (8). Менее частотны в эпитафиях формы дейктических показателей **он** и **тот** «ВСЁ БЫЛО В НЁМ – | ДУША, ТАЛАНТ И КРАСОТА» (2), «Кто дорог, тот не умирает, | Он с нами просто жить перестает» (9), «Он жить спешил, не ведал страха» (28), «Тому, кто дорог был / при жизни, | от тех, кто любит и скорбит» (38).

Портрет собеседника из мира мертвых трехсторонне проработан – складывается из социальных, эмоциональных и внешних признаков. Социальные черты образа угадываются в гендерной принадлежности покойных. В корпусе эпитафий находим посвящения лицам **женского** пола «Мы тебя как живую | Будем вечно любить...» (16), «При жизни с нами ты была так мало!» (26), «Ушла от нас ты слишком рано» (50) и **мужского** пола «А ты стоишь перед глазами, | Живой, с улыбкой на устах» (1), «Доброту и любовь ты оставил живым» (6), «И в памяти нашей всегда ты живой» (10), «погиб любимый и родной»

(15), «Мы тебя как живого | Будем вечно любить» (17), «Не верим мы, что ты ушёл так рано» (18), «Ты жизнь любил, спешил, не ведал страха» (22) и т.д., среди которых мужские явно преобладают.

Мужские и женские позиции могут быть вписаны в семейный круг – ср. **родной** «Спи спокойно, любимый, родной» (34), **родная** «Очень трудно, родная, | Без тебя нам прожить» (14), «Прости, родная, нас, Прости...» (31), «Ты нас покинула, родная» (44–46). Но конкретный семейный статус подчеркивается только по отношению к мужскому полу: **сын** «НЕПРАВДА!!! | СЫН НЕ УМИРАЕТ!!!» (21), **сыночек** «Любовь к тебе, родной сыночек, | Умрёт лишь вместе с нами» (12), «Та жизнь, в которой тебя сыночек больше нет» (27), «Спи спокойно сыночек родной» (35), «Сыночек милый наш, прости» (36), **отец** «К тебе, отец, приходим на свиданье» (41), **папочка** «Тебя наш папочка любимый | Мы не забудем никогда!!!» (29).

Чем объяснима такая сосредоточенность на мужском портрете? Как минимум несколькими причинами. Исторической традицией: с давних времен развернутые посмертные посвящения писались прежде всего мужчинам как представителям образованного слоя, политической элиты, духовного сословия или участникам войны [7. С. 58–119]. Современной российской демографией: мужская смертность превышает женскую, начиная с десятилетнего возраста (см., например, данные последних лет [8. С. 23, 29–30]). Нельзя, как кажется, умалять и значение маскулинности как весомого социально-нормативного конструкта в некоторых сферах жизни российского общества, например, в области социальных действий, свершений и достижений, способных нести назидательную функцию для потомков. Добавим к этому перечню и особенную женскую черту благоустраивать и украшать жилище и место упокоения человека. Если учитывать, что эпитафия – элемент декора памятника, можно предполагать, что задействованность женщин в выборе или составлении текста очень высока.

Но все-таки решающую роль, представляется нам, играет свойственная в большей степени женщинам вера в загробную жизнь и, как следствие, обращение к диалогу с умершими. Об этом, в частности, свидетельствуют мужские и женские ответы на вопрос Фонда общественного мнения о вере в загробную жизнь в эксперименте³ 2014 г. [9] (рис. 2).

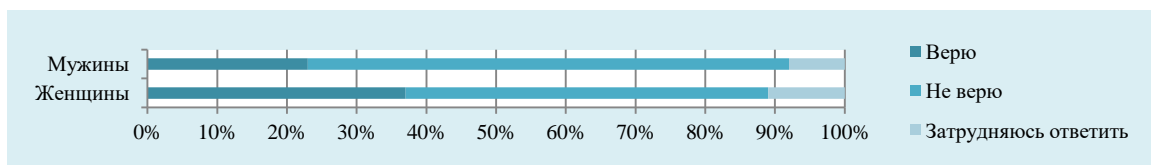

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Многие люди верят в загробную жизнь, жизнь после смерти. А лично Вы верите или не верите в загробную жизнь?»

Как бы то ни было, выявленная закономерность – содержательный уклон эпитафий в сторону маскулинности – является актуальной не только для реальности кладбищенского пространства: она проявляет себя и в виртуальном пространстве похоронной сферы. Так, на сайте «ЕПИТАФИИ.RU» (по завышенной

оценке создателей – «самом полном в интернете собрании эпитафий на русском языке») статистика эпитафий для разных лиц имеет следующий вид: мужу – 114, мужчине – 122, жене – 111, дочери – 72, сыну – 71, женщине – 64, маме – 60, родителям – 57, отцу – 49 [ЕПИТАФИИ.RU]. А на сайте Epitafija.ru (гораздо бо-

лее обширном, чем предыдущий) количественное преобладание эпитафий для мужчин еще более заметно: *сыну* – 1 559, *брату* – 1 539, *мужу* – 1 526, *парню* – 1 526, *отцу* – 1 518, *мужчине* – 1 507, *папе* – 1 407, *дедушке* – 1 508, *дочери* – 1 308, *маме* – 1 305, *девушке* – 1 288, *жене* – 1 286, *сестре* – 1 281, *женщине* – 1 280, *бабушке* – 1 274 [Epitafija.ru].

Продолжая характеристику социального портрета «мертвых», отметим, что особое место в нем отводится прижизненному моральному облику и общественно значимым качествам: «**ВСЁ БЫЛО В НЁМ – | ДУША, ТАЛАНТ И КРАСОТА | ИСКРИЛОСЬ ВСЁ ДЛЯ НАС, | КАК СВЕТЛАЯ МЕЧТА**» (2), «**Любим тебя, гордимся тобой**» (11), «**Делаю твоим – вечная память**» (13), «**Ты жизнь любил, спешил, / не ведал страха. | Добился в жизни всего сам. | Работе и семье ты посвятил / себя недаром. | Оберегая нас, для нас ты жив / в сердцах**» (22), «**Добрым парнем ты был на земле**» (35), «**Ты был для нас пример для подражания, | Мы и сейчас живем сверяясь по тебе**» (41), «**Ты всех любил, и песни пел, | В семье надежда и опора**» (42), «**Ты жизнь свою прожил достойно**» (43). Благодаря этим чертам создается контур сугубо положительного образа, хоть и предельно обобщенного. Он идеален для рядового носителя общественной морали, но предъясняется ему как возможный, потому что был воплощен в реальности. Тем самым посредством эпитафий сохраняются и транслируются нормы и ценности общества в области морально-нравственного сознания.

С точки зрения устойчивых эмоциональных состояний прижизненный портрет усопшего практически «монохромнен»: главное чувство по отношению к окружающим – **любовь**: «**Вы вечно живы в памяти любимых!**» (4), «**Доброту и любовь ты оставил живым**» (6). Добавить к этому можно лишь позитивное мировосприятие, выраженное в осмысленном отношении к каждому моменту жизни «**Ты жизнь любил, спешил**» (22) или творческой активности: «**Ты всех любил, и песни пел**» (42). (Собственно и в обращении к покойному тоже звучат интонации любви и душевной близости: «**Не слышно голоса родного**» (22), «**Бесконечно родной. Пускай, дорогой | <...> | Ничто не тревожит | Твой вечный покой...**» (33), «**Любимый нами человек**» (43)).

В прижизненной внешности «мертвых» акцентируются **взгляд** и **улыбка**: «**Нам не забыть твоей улыбки и взгляд открытый, озорной**» (15), «**Не видно добрых милых глаз**» (22). Все прочие внешние приметы подаются в обобщенной эстетической характеристике: «**ВСЁ БЫЛО В НЁМ – | ДУША, ТАЛАНТ И КРАСОТА**» (2).

Особенным образом в фольклорных эпитафиях ведется разговор о смерти. Особенным – потому что прямые названия кончины в текстах явление редкое: «**погиб любимый и родной**» (15), «**Приходит смерть в расцвете сил и лет**» (27). Тем более, что в некоторых случаях они подаются в форме отрицания: «**Мы можем в смерть твою не верить**» (8), «**Кто дорог, тот не умирает**» (9), «**СЫН НЕ УМИРАЕТ!!!**» (21). Напротив, тематическая группа лексем жизненного плана достаточно активна – **жизнь**¹⁸, **живой**¹⁵, **жить**¹⁰. (В этом смысле фольклорные эпитафии рез-

ко отличаются от литературных, в которых слово *жизнь* по частотности уступает слову *смерть* – см. [7. С. 143].)

Иносказательными обозначениями смерти в письменном фольклоре служат слова и словосочетания **уйти** «**Ушли, оставив след печали**» (3), «**Не верим мы, что ты ушёл так рано**» (18), «**Уходят туда, где есть город – мечта**» (49), **уйти из жизни** «**Вы ушли из жизни**» (5), **уйти от нас** «**Как рано ты ушел от нас**» (23), **нет** «**Та жизнь, в которой тебя сыночек больше нет**» (27), «**Тебя уж нет**» (37), **покинуть нас** «**Ты нас покинула, родная**» (44). Наряду с метафорами ухода и отсутствия встречаются образы смерти как сна: «**Спи спокойно, любимый, родной**» (34), «**В безмолвном мире спи спокойно**» (43).

Среди видов смерти в эпитафийном дискурсе широко акцентируется преждевременная смерть: «**Как жаль, что твоя жизнь | Была такой короткой**» (7), «**Не верим мы, что ты ушёл так рано**» (18), «**При жизни с нами ты была так мало!**» (26), «**Приходит смерть в расцвете сил и лет**» (27). Имеются указания на смерть в результате обстоятельств, не предотвращенного характера: «**Никто не смог тебя спасти**» (25), «**Прости, что не смогли помочь. | Прости, что не смогли спасти**» (30), «**Ушла от нас ты слишком рано, | Мы не смогли тебя спасти**» (50), а также упоминание о случайной смерти: «**Из-за случайности нелепой погиб любимый и родной**» (15).

Посмертная ипостась покойного соотносится с **душой** «**И только душа твоя чистая с нами**» (13), «**И где ангел душу излечит**» (49), а память о нем живет в виде образа-воспоминания «**А ты стоишь перед глазами, | Живо, с улыбкой на устах**» (1), «**Но светлый образ твой родной, | Мы будем помнить постоянно**» (25), «**Светлый образ твой свято храним**» (34). Хотя отмечаются и материализованные воплощения посмертной сущности: «**Теперь для вас я ветром стану, | березкою, травинкою, цветами**» (51).

Значимым атрибутом умершего является свет и сияние, символическое значение которых отсылает к идее святости: «**ИСКРИЛОСЬ ВСЁ ДЛЯ НАС, | КАК СВЕТЛАЯ МЕЧТА**» (2), «**И только душа твоя чистая с нами, | Ты ей озаряешь наш жизненный путь**» (13), «**Светлый образ твой свято храним**» (34).

В заключении остановимся на двух моментах.

1. Денотативные смыслы фольклорных эпитафий открывают взгляд на специфику пространственно-временной организации и образов субъектов. Так, пространственные координаты задаются оппозициями *земля – небо* и *этот мир – тот мир*. Движение времени вписано преимущественно в линейную протяженность и эпизодически подается витально. Основными субъектами коммуникации выступают «живые» и «мертвые» при том, что содержательный уклон обращен в сторону «мертвых». Они имеют социальные, эмоциональные и внешние характеристики, а также атрибутируются со стороны вида смерти, посмертной ипостаси и ее признаков. «Живые» же устаиваются только когнитивно-психологического портретирования.

Качества денотативного пространства фольклорных эпитафий позволяют судить о его категорийных связях с ментальным пространством, открывающимся за символическими смыслами лексики и фразеологии

носителей традиционной культуры. Однако в денотативном пространстве письменного фольклора меньше компонентов, чем в символярности вербального кода похорон в деревне: все-таки эпитафия – это лапидарный жанр, не способный конкурировать по объему с речевым корпусом лексических единиц. И потом, малокомпонентность, связанная с типичностью и узнаваемостью знаков, может являться следствием «тематической и эстетической интернациональности» городских текстов [10. С. 74].

Денотативное пространство текста сопрягается с другими уровнями содержания – эмотивным и концептуальным. В эмотивном пространстве эпитафийных текстов сензитивность «живых» характеризуют *любовь, скорбь, печаль, гордость, тоска, вина, горе, боль, рана, мука, слезы*, а «мертвых» – только *любовь* – чувство, преодолевающее смерть. Все эмотивные смыслы подаются прямо, без «художественной обертки», что еще раз говорит о регулятивной функции текстов, заключающейся в идентификации и принятии чувств, связанных с потерей близкого. А также эксплицирует картину мира их «переписчиков». Ведь любая народная культура (и деревенская, и городская) живет суевериями – постольку о неблагоприятии или эмоциональной неудовлетворенности покойных на «том свете» не говорят.

На концептуальном уровне обращает на себя внимание символика, запечатленная в кладбищенских текстах. Проявляясь в тематических полях «пространство», «время», «субъект», она включает следующие лингвокультурные знаки: *ангел, береза, ветер, вечность, город, дверь, дом, душа, живые, жизнь, звезда, земля, мертвые, могила, небеса, покой, свет, слезы, смерть, сон, тот мир, трава, уход, цветом, этот мир*. Их спаянность определяется вхождением в семантические оппозиции *земля – небо, этот – тот, живой – мертвый, жизнь – смерть, светлый – темный*.

В этом символическом пространстве обнаруживают себя семантические категории культуры, имеющие архетипические основания. Универсалии являются принципиальной чертой письменного фольклора, поскольку позволяют ему «пронизывать» разные социальные группы и, таким образом, служить для удовлетворения их потребностей в пределах похоронно-поминальной практики.

Однако текстовый «заряд» указанных символов неодинаков. Ядерная лексика статистического измерения текстов, развернутость эмотивного содержания, а также тематическая разработанность субъектной категории подсказывают, что стержневой основой эпитафий является категория «*живые и мертвые*». Остальная символика нанизана на эту основу и способствует ее концептуализации в текстах. Прибавим к этому, что сам феномен кладбищенской эпитафии призван обслуживать посмертную коммуникацию между покойным и живыми.

Закономерно, что концептуальное пространство письменного фольклора отлично от литературных эпитафий. В частности, доминантные концепты русской поэтической эпитафии XIX – XX вв., описанные Т.С. Царьковой [7. С. 120–181], проявляются в фольклорных текстах менее концентрировано, чем оппозиция «живых и мертвых» – *смерть, жизнь, память*,

либо не проявляются вообще – *памятник*. В этих отличиях видится разность мировоззрения создателей текста – народа, поддерживающего эпитафией ритуальность похорон, и поэта, обращенного к философии смерти.

С другой стороны, пересекающиеся лингвокультурные знаки фольклорных и литературных эпитафий обладают разными семиотическими характеристиками. Например, в рассматриваемом фольклорном материале не находит эквивалента такая символика, как *смерть – свадьба, смерть – жених, смерть – гроб, Царство Небесное – пир, гроб – дом, могила – колыбель*. Напротив, метафоры *смерти – могилы, того света – города, нового дома – дома на небесах* являются сквозными для авторских и народных произведений.

2. Описанные смысловые категории фольклорных эпитафий воспроизводят главным образом христианскую модель мироздания с его трехчастной пространственной структурой, линейностью времени, посмертной жизнью души и ее способностью к сиянию. Вкрапления языческой природы в выявленной картине практически незаметны – разве что однократно указанные повторяемость времени и возможность возвращения в мир в иных ипостасях.

Христианская модель характерна для данного жанра. Не только потому, что является сегодня одной из наиболее распространенных среди мировоззренческих идеологий. Еще потому, что истоки русской стихотворной эпитафии лежат в литературной поэзии: проникновение жанра на отечественную почву осуществлялось благодаря образованным слоям общества [7. С. 24, 58–119]. Эпитафийная лирика, изначально связанная с церковной и светской книжностью, не могла развиваться в рамках иного канона, нежели христианского. При этом же, как любое «живое» явление, не могла и отступать от него с оглядкой на актуальное времени мировоззрение людей, так или иначе прикоснувшихся к тексту.

Христианская идеология воплощается в фольклорных эпитафиях как «*позитивная вера*». В текстах отнюдь не решается вопрос о посмертной участи покойного, а преподносится мысль о благополучной загробной судьбе лежащего в могиле. Можно предположить, что позитивный взгляд на жизнь после смерти есть результат народного чаяния о Царствии Небесном для каждого, кто не является злым грешником в представлениях родных и близких. Однако сама эпитафия – уже знак достойной личности. Поэтому упоминание в ней об аде лишило бы смысла общий посыл скорбящих, действовало бы устрашающе на посетителей кладбища или расценивалось как нарушение запрета «говорить плохо», влекущего за собой беды и горести в жизни «живых» и «мертвых».

Однако же и рай прямо не называется в текстах. Эвфемизированные названия священного небесного пространства дают возможность понять, что прописывание собственных чаяний о блаженном существовании души умершего имеет значение дерзостного поступка – «слишком откровенно и нескромно выражает притязания, прямо заявляемые еще до Божьего суда» [7. С. 162].

«Центрирование» эпитафий по ориентирам христианской модели отражает, видимо, современное

состояние письменного фольклора. Как можно судить по наблюдениям Л. К. Ильинского над могильными надписями в Казани, неканонические истолкования христианских символов и древние, восходящие к язычеству, образы в посвящениях XIX – начала XX в. были более заметны: «[Э]то миросозерцание имеет в своей основе официальное учение церкви не в чистом виде, а пропущенное сквозь призму понимания отдельных классов, здесь оно высказано при освещении того глубокого чувства печали, которое окрашивает его в разнообразные цвета. Я бы не решился прямо утверждать, что в данном случае мы имеем дело с

влиянием апокрифов, сказок, но материализацию отвлеченных понятий мы встречаем» [1. С. 359–360].

В конце статьи заметим, что выявленные черты фольклорных эпитафий могут быть вполне актуальными и для иных жанров городского танатологического дискурса. Например, некрологов или интернет-кондоленций, о связи с которыми кладбищенских надписей упоминалось ранее. А одна из последних публикаций И.А. Седаковой демонстрирует, что и семантическое пространство болгарских уличных листов-некрологов тоже очень близко русскому похоронному фольклору [11]

Принятые сокращения географических названий

Бер. – Березники, Добр. – Добрянка, Кунг. – Кунгур, Сол. – Соликамск, Ус. – Усьель.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ То же относилось бы и к художественным (литературным) текстам с исходной эпитафийной функцией, которые отличаются от наивных произведений высокой поэтической техникой. Однако образцы таких текстов в провинциальном кладбищенском пространстве нам не встретились.

² Следует отметить, что в эпитафиях животным, нормативно более «разбалансированных», проследить языковую репрезентацию подземного пространства возможно – см. надпись на могильной плите русскому той-терьеру на одном из пермских кладбищ домашних животных: «ГВОЗДИЧКА / ЛИЛУ / 01.01.2011 / 04.05.2014 / ТОТ, КТО ЛИШИЛ / ТЕБЯ ЖИЗНИ / БУДЕТ ГОРЕТЬ / В АДУ / ЛЮБЛЮ И ПОМНЮ ТЕБЯ, / МОЯ ДЕВОЧКА, ВЕЧНО!».

³ Участниками эксперимента были 1 500 респондентов из 100 населенных пунктов в 43 субъектах РФ [9].

ИСТОЧНИКИ

ЭПИТАФИИ.RU. URL: <http://epitafii.ru/p/na-pamyatnik.html> (дата обращения: 19.03.2020).

Epitafija.ru. URL: <https://epitafija.ru/> (дата обращения: 19.03.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильинский Л.К. Поэзия кладбища (Из наблюдений над могильными надписями Казанского Арского кладбища) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXVI. 1910. Вып. IV. С. 359–377.
2. Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М.: Наука, 1981. С. 15–46.
3. Ревякина Н.П. Танатологический дискурс эпитафии (прагмалингвистический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д: ДГТУ, 2019. 164 с.
4. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
6. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 437 с. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (дата обращения: 10.02.2020).
7. Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX вв. Источники. Эволюция. Поэтика. СПб.: Русско-Балтийский информационный Центр БЛИЦ, 1999. 200 с.
8. Женщины и мужчины России. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 241 с.
9. Жизнь после смерти // Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11796> (дата обращения: 19.03.2020).
10. Секачева Е.Р. Городской фольклор как феномен массовой городской культуры начала XX в. // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). С. 67–74.
11. Седакова И.А. Болгарские печатные листки-некрологи как тексты: традиции и инновации // Живая старина. 2018. № 1 (97). С. 2–6.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 января 2021г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фольклорные тексты, для которых эпитафийная функция является исходной

1. А ты стоишь перед / глазами,
Живой, с улыбкой на / устах.
Нет! Нет! Всегда ты / вместе с нами,
И будешь жить у нас в / сердцах. (Бер.)

2. ВСЁ БЫЛО В НЁМ –
ДУША, ТАЛАНТ И КРАСОТА.
ИСКРИЛОСЬ ВСЁ ДЛЯ НАС,
КАК СВЕТЛАЯ МЕЧТА.
НАШУ БОЛЬ НЕ ИЗМЕРИТЬ

И В СЛЕЗАХ НЕ ИЗЛИТЬ.
МЫ ТЕБЯ, КАК ЖИВОГО
БУДЕМ ВЕЧНО ЛЮБИТЬ. (Кунг.)

3. Вы жизнь нам в этом / мире дали,
В другом покой / вы обрели.
Ушли, оставив след / печали,
Порывы скорби и / тоски. (Добр.)

4. Вы не ушли, хоть преданы земле,
Вы вечно живы в памяти любимых! (Добр.)

5. Вы ушли из жизни, / а из сердца нет (Кунг.)

6. Доброту и любовь ты оставил живым –
Сколь б лет ни прошло –
Любим, помним, скорбим... (Сол.)
7. Как жаль, что твоя жизнь
Была такой короткой.
Но вечной будет память о тебе. (Сол., Добр.)
8. Как трудно / подобрать слова,
Чтоб ими нашу / боль измерить.
Мы можем в смерть / твою не верить,
Ты с нами будешь / навсегда (Кунг.)
9. Кто дорог, тот не умирает,
Он с нами просто жить / перестаёт. (Бер.)
10. Любим тебя, гордимся тобой,
И в памяти нашей всегда ты живой. (Добр.)
11. «Любим тебя, гордимся тобой
И в памяти нашей всегда ты живой.» (Бер.)
12. Любовь к тебе, / родной сыночек,
Умрёт лишь вместе / с нами.
И нашу боль, и нашу / скорбь
Не выразишь словами... (Сол.)
13. Мы знаем, тебя невозможно вернуть,
Делаю твоим – вечная память,
И только душа твоя чистая с нами,
Ты ей озаряешь наш жизненный путь. (Бер.)
14. Мы приходим сюда,
Чтоб цветы положить
Очень трудно, родная,
Без тебя нам прожить. (Кунг.)
15. Нам не забыть твоей улыбки / и взгляд от-
крытый, озорной.
Из-за случайности нелепой / погиб любимый и
родной. (Добр.)
16. Нашу боль не измерить
И в слезах не излить,
Мы тебя как живую
Будем вечно любить... (Сол.)
17. Нашу боль не измерить
И в слезах не излить.
Мы тебя как живого
Будем вечно любить. (Сол.)
18. Не верим мы, что ты ушёл / так рано.
В мир иной, где суждено / всем быть.
И в сердце боль / от нестерпимой раны,
которую ничем не излечить. (Кунг.)
19. Не выразишь словами / всей скорби и печали,
В сердцах и памяти / всегда ты с нами. (Сол.)
20. НЕ ВЫРАЗИТЬ СЛОВАМИ
ВСЕЙ СКОРБИ И ПЕЧАЛИ
В СЕРДЦАХ И ПАМЯТИ
ТЫ С НАМИ (Кунг.)
21. НЕПРАВДА!!!
СЫН НЕ УМИРАЕТ!!!
ОН, ПРОСТО,
ВМЕСТЕ С НАМИ
НЕ БЫВАЕТ... (Ус.)
22. Не слышно голоса родного,
Не видно добрых милых глаз.
Ушёл так рано, не простившись
И не сказавши слова нам.
Ты жизнь любил, спешил, / не ведал страха.
Добился в жизни всего сам.
Работе и семье ты посвятил / себя недаром.
Оберегая нас, для нас ты жив / в сердцах. (Бер.)
23. Не слышно / голоса родного
Не видно добрых, / милых глаз.
Зачем судьба была / жестока?
Как рано ты ушел / от нас. (Кунг.)
24. Не слышно голосов родных,
Не видно добрых милых глаз.
Зачем судьба была жестока,
Как рано вы ушли от нас. (Бер.)
25. Никто не смог / тебя спасти
Ушел из жизни / очень рано,
Но светлый образ / твой родной,
Мы будем помнить / постоянно. (Добр.)
26. Одним цветком / земля беднее стала,
Одной душой / богаче стали небеса.
При жизни с нами / ты была так мало!
Но память о тебе / в сердцах у нас всегда...
(Кунг.)
27. О, как безжалостно как / беспредельно глупо
Приходит смерть в / расцвете сил и лет
Какой становится / невыносимой мукой
Та жизнь, в которой / тебя сыночек / больше нет
(Кунг.)
28. Он жить спешил, не ведал страха,
Добился в жизни сам всего.
А если в чём-то был не прав,
Прости, Господь, грехи его... (Добр.)
29. Осталась память / – но она не лечит,
Остались дети, / внуки.. и жена.
Тебя наш папочка / любимый
Мы не забудем никогда!!! (Кунг.)
30. Прости, что не смогли помочь.
Прости, что не смогли спасти
Сто тысяч раз тебе за все
прости, прости, прости... (Добр.)
31. Прости, что не / смогли помочь
Прости, что не / смогли спасти
Сто тысяч роз / тебе за всё
Прости, родная, / нас, Прости... (Кунг.)
32. Скорбим, что жизнь
была короткой,

но вечной будет
память о тебе (Кунг.)

33. Скорбим и помним...
Мы любим тебя,
И душою, и сердцем,
Мы любим тебя,
Бесконечно родной.
Пуškai, дорогой
За небесною дверцей
Ничто не тревожит
Твой вечный покой... (Кунг.)

34. Спи спокойно, любимый, родной.
Светлый образ твой свято храним.
В безутешной печали земной,
Любим, помним тебя и скорбим. (Кунг.)

35. Спи спокойно / сыночек родной.
Светлый образ твой / свято храним.
Добрый парнем / ты был на земле,
Помним, любим тебя / и скорбим. (Кунг.)

36. Сыночек милый наш, прости
За все земные твои муки.
Прости, что нет тебя, а мы живем,
Глотая слезы горькие разлуки. (Бер.)

37. Тебя уж нет, а мы не верим,
В душе у нас ты навсегда.
И боль свою от той потери
Не залечить нам никогда. (Сол.)

38. Тому, кто дорог был / при жизни,
от тех, кто любит и скорбит (Кунг.)

39. Тому, кто дорог был при / жизни, от тех, кто
любит / и скорбит. (Сол.)

40. Тому, кто дорог / был при жизни,
От тех, кто помнит / и скорбит... (Сол.)

41. Ты был для нас пример для подражания,
Мы и сейчас живем сверяясь по тебе.
К тебе, отец, приходим на свиданье
Советоваться в счастье и беде. (Бер.)

42. Ты всех любил, / и песни пел,
В семье надежда / и опора.
Мир почернел, / свет потускнел,
И безутешно / наше горе! (Кунг.)

43. Ты жизнь свою прожил достойно,
Оставив память нам на век.
В безмолвном мире спи спокойно
Любимый нами человек. (Бер.)

44. Ты нас покинула, родная.
Настал разлуки скорбный час.
Но всё по-прежнему живая,
Ты в нашем сердце, среди нас (Сол.)

45. Ты нас покинула, Родная,
Настал разлуки скорбный час.
Но Ты по-прежнему живая,
Ты в нашем сердце, среди нас. (Добр.)

46. Ты нас покинула, / родная,
Но всё по-прежнему / живая,
Ты в нашем сердце, / среди нас... (Сол.)

47. Ты не уйдешь
из жизни нашей,
пока мы живы –
с нами ты! (Бер.)

48. ТЫ УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ / СЛИШКОМ РАНО
НАШУ БОЛЬ / НЕ ВЫРАЗЯТ СЛОВА
СПИ, РОДНОЙ, / ТЫ НАША БОЛЬ И РАНА
ПАМЯТЬ О ТЕБЕ / ВСЕГДА ЖИВА... (Кунг.)

49. Уходят туда, где / есть город – мечта
И где ангел / душу излечит,
Где горит та звезда / и ведёт туда
Там где жизнь под / названием вечность. (Кунг.)

50. Ушла от нас ты слишком рано,
Мы не смогли тебя спасти.
Осталась в сердце боль и рана
Пока мы живы – с нами ты. (Сол.)

51. Я вас любил, / я жизнь любил,
но не моя вина, / что мало жил.
Теперь для вас / я ветром стану,
березкою, травинкою, / цветами.
Погладь их мама, / это я, навек с тобою / боль
твоя. (Кунг.)

Авторские тексты, для которых эпитафийная функция является вторичной

52. А в час, когда мой след
во всех сердцах сотрется,
лишь в этот страшный час
скажи, что умер я. (Добр.)

53. «Ветер тихонько колышет,
гнёт барбарисовый куст.
Парень уснул и не слышит
Песни сердечную грусть.» (Бер.)

54. Дорогая мамуля,
тебе и в бурю, и в метель,
она и крыша, и постель. (Бер.)

55. Дороги строим мы, но вот беда
Дороги все приводят нас сюда. (Бер.)

56. Жаль, что жизнь нельзя повторить,
Чтоб тебе ее подарить. (Сол.)

57. И даже за гранью смертельного круга,
Я знаю, с тобой не расстанемся мы,
Мы память, мы память,
Мы вечная память друг друга... (Кунг.)

58. И МЫ ЗНАЕМ ЧТО
ТАК БЫЛО ВСЕГДА
ЧТО СУДЬБОЮ БОЛЬШЕ ЛЮБИМ
КТО ЖИВЕТ ПО ЗАКОНАМ ДРУГИМ
И КОМУ УМИРАТЬ МОЛОДЫМ
В. ЦОЙ (Сол.)

59. Как много вас и как вас мало,
Любимых, близких и родных.
Меня вчера уже не стало
Средь вас сегодняшних / живых. (Кунг.)

60. Не говорите обо мне / что я «была»
Не говорите обо мне / что я «жила»
Не говорите обо мне / что «умерла»
Ну, а скажите просто / что «ушла».
Ушла искать цветы
Ушла дышать полями
Ушла все радуги / земные собирать
Вы только в это верьте! / верьте сами!
Я вечно с вами
Вы только в это верьте, / верьте сами... (Кунг.)

61. Не смейте забывать учителей!
Пусть будет жизнь достойна их усилий.
Учителями славится Россия.
Ученики приносят славу ей.
Не смейте забывать учителей! (Добр.)

62. Опустела / без тебя / земля... (Кунг.)

63. Отец погиб на поле брани,
Война полвека, как прошла.
Но мать с времен тех давних
Еще жила, еще ждала.

Не ведал он про вдовью старость,
И в нем, с минуты смертной той,
Она, как светлый сон, осталась
Далекой, милой, молодой (Добр.)

64. От правды к Тайне – / лёгкий миг один.
Испей полнее молодость / и радость
Дыханье жизни – / лёгкий миг один. (Кунг.)

65. **О, Я ХОЧУ БЕЗУМНО ЖИТЬ:**
СЧАСТЛИВЫМ БЫТЬ,
ДЫШАТЬ, ЛЮБИТЬ,
ДЕРЗАТЬ, ТВОРИТЬ,
НЕСБЫВШЕЕСЯ – ВОПЛОТИТЬ
НО... НЕТ МЕЧТАМ МОИМ ВОЗВРАТА
НЕ ОБНОВЛЮ ДУШИ МОЕЙ...
**Я ВАС ЛЮБЛЮ ЛЮБОВЬЮ БРАТА
А МОЖЕТ БЫТЬ ЕЩЕ СИЛЬНЕЙ!** (Кунг.)

66. Поздно о чем-то думать, / слишком поздно.
Мне кажется потухло солнце.
Прости меня моя любовь. (Сол.)

67. Похоронки тех дней / до сих пор душу ранят.
Лица их берегут, / вдовьи горькие сны.
Имена их хранит / наша общая память.
В майский вечер / я вновь к обелиску приду.
Поклонюсь до земли, / слез своих не скрываю...
Перед подвигом павших / я вечно в долгу.
За одно лишь за то, / что Россия живая. (Добр.)

68. СЕЙЧАС ТЫ / ЗА ТАИНСТВЕННОЙ
ЧЕРТОЙ, КОТОРУЮ ЖИВЫМ / НЕ ПЕРЕСЕЧЬ,
НО ТАК ЖЕ ВСЁ ЛЮБИМЫЙ /
И РОДНОЙ... (Добр.)

69. ...Твой образ будет / нарисован в облаках,
Ты будешь вечно в нашем / сердце и у неба на
руках... (Кунг.)

70. **ТЫ ЯРКО ЖИЛ... И ТАК,
КАК ТЫ СВЕТИТЬ –
НЕТ, НИКОМУ ЕЩЕ
НЕ УДАВАЛОСЬ!**

О, ГОСПОДИ!...
И ЭТО ПЕРЕЖИТЬ...
И СЕРДЦЕ НА КЛОЧКИ
НЕ РАЗОРВАЛОСЬ... (Добр.)

71. “Учитель! Перед именем твоим
позволь смиренно преклонить колени!” (Ус.)

72. Я не хочу, чтоб свет узнал
мою таинственную повесть,
Как я любил, за что страдал
Кому судья лишь Бог да совесть! (Сол.)

73. Я ушел, подчинившись / естеству.
Но тысячи дум в моей / душе вмещалось.
Одна из них погасла – / что за малость?!
Я в множестве / оставшихся живу. (Кунг.)

Авторские тексты, для которых эпитафийная функция является исходной

74. В ДВЕРИ / ТЫ УЖЕ / НЕ ПОСТУЧИШЬСЯ.
И В ОКНО / НЕ ВЫСМОТРЕТЬ / ТЕБЯ...
АНГЕЛОМ / В КАКИЕ ВЫСИ / МЧИШЬСЯ
МОЙ СЫНОК – / КРОВИНОЧКА МОЯ (Кунг.)

75. Внезапно землю ты оставил,
Ушел от нас ты навсегда.
Тебя, любимый, помнить будем
Таким, каким ты был всегда. (Кунг.)

76. Внезапно ты ушел из жизни
И нет тебя средь нас теперь,
Но в сердце боль не утихает
У близких, любящих людей. (Кунг.)

77. Еще одно сердце разбито,
Сломалась амура стрела.
Еще одна тайна раскрыта –
Судьба нас с тобой не свела. (Добр.)

78. За окном сентябрь,
И птицы тянут к югу,
В осенний листопад
Я потерял подругу.
По жизни не лететь
Нам милой парой вместе,
Оборвалась судьба
Вдруг лебединой песней. (Кунг.)

79. И я останусь / между вами,
На равных / с вами говоря,
Храни вас Бог, / молва и память
И боль / последнего стиха. (Сол.)

80. Любимый муж, отец и добрый дед,
Скорбим, что рядом тебя с нами нет..
В сердцах живет твой образ дорогой..
Всегда ты в памяти останешься, родной.. (Кунг.)

81. НА ТЕБЯ / НАГЛЯДЕТЬСЯ / НЕ МОЖЕМ
РЫЖИЙ ЧУБ, / ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА
ГАРМОНИЧНО, / СПОРТИВНО / ТЫ СЛОЖЕН
МОЛОДОЙ И КРАСИВЫЙ / ВСЕГДА. (Кунг.)

82. Никто не смог / тебя спасти
в смертельный час / твоей судьбы.
Пусть вздрогнуть те, / кто виноват,
и вспомнят те, / кто не причастен.
А мы скорбим / и помнить будем вечно,
пока стучат наши сердца. (Бер.)

83. Твою потерю не восполнить
Мы покорились тягостной / судьбе
Пока живем, тебя мы будем / помнить
Скорбим мы будем,
Любимый, о тебе (Добр.)

84. Тишина как в раю.
Помолюсь на кресты.
На могилу мою –
положите цветы. (Кунг.)

85. Ты был геолог, / им остался
И в этом камне / жизнь твоя.
Стоять он будет / вечно, папа,
Скорбим и помним / мы тебя! (Добр.)

86. Ты жизнь свою прожил достойно,
Всегда добро творить спешил,
Мы не забудем образ светлый,
Величие твоей души. (Добр.)

87. Покинул я любимые края
Такого в жизни не было и в плане
Чтоб оставалась без отца моя семья (Кунг.)

88. ПОКОЙСЯ С МИРОМ.
МЫ СКОРБИМ И ПОМНИМ
О ТЕБЕ, РОДНОЙ.
МЫ ВСЕ РАВНО
ТЕБЯ ЖИВЫМ ЗАПОМНИМ
ДОБРЫМ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ,
ЛЮБИМЫМ. (Кунг.)

89. ПРОХОДЯТ ДНИ, / ПРОЙДУТ ГОДА,
ВСЁ ТАКЖЕ / СОЛНЦЕ СВЕТИТ,
ЩЕБЕЧУТ ПТИЦЫ / В НЕБЕСАХ,
НО НЕТ ТЕБЯ / НА СВЕТЕ...

СПОКОЙНО СПИ / СЫНОЧЕК НАШ,
РОДИМЫЙ, / МИЛЫЙ ВНУЧЕК.
ЛУЧОМ ТЫ СОЛНЕЧНЫМ / ДЛЯ НАС
ВСЕГДА БЫЛ, ЕСТЬ / И БУДЕШЬ. (Кунг.)

90. Я уходя, / оставлю память
И память будет жить в сердцах
Пусть вспомнят / добрым словом
И с искренней / слезой в глазах (Кунг.)

Stylistic and Semantic Features of Epitaphs (Based on Texts of Provincial Cemeteries in Perm Krai). Part II

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 16–27.

DOI: 10.17223/15617793/466/2

Liliya M. Panteleeva, Solikamsk State Pedagogical Institute, Branch of Perm State National Research University (Solikamsk, Russian Federation). E-mail: liliya_pant@mail.ru

Keywords: linguoculturology; urban culture; death; epitaph; written folklore; denotative space; concept.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and Perm Krai, Project No. 19-412-590001.

The second part of the article describes semantic features of folklore epitaphs – the most numerous collection in the corpus of poetic inscriptions, which is based on field surveys of Perm cemeteries. The denotative space of folklore epitaphs has undoubted significance for characterizing the mental categorization of the world among representatives of urban culture since it reveals the worldview of city dwellers in the field of eschatological issues. The analysis of the denotative content of folklore epitaphs comes down to the identification of textual universals – “space”, “time”, “person”. The procedure for their characterization involves the definition and semiotic interpretation of the circle of vocabulary with the corresponding denotation – spatial, temporal, subjective. The analysis of the material showed that the spatial coordinates of the folklore epitaphs are set by the oppositions *earth – sky* and *this world – that world*. The movement of time is predominantly inscribed in a linear extent and is occasionally delivered vitally. The main subjects of communication are the “living” and the “dead” despite the fact that the content bias is towards the “dead”. The “dead” have social, emotional and external characteristics, and are also attributed to the type of death, the posthumous hypostasis and its signs. The “living” are only awarded cognitive-psychological portraiture. The denotative space of the text is interfaced with other levels of content – emotive and conceptual. In the emotive space of epitaph texts, the sensitivity of the “living” is characterized by *love, sorrow, sadness, pride, longing, guilt, grief, pain, wound, flour, tears*, and the “dead” only by *love*. At the conceptual level, the symbolism captured in the cemetery texts attracts attention. It includes the following linguistic and cultural signs: *angel, birch, wind, eternity, city, door, house, soul, living, life, star, earth, dead, grave, heaven, peace, light, tears, death, dream, that world, grass, care, flower, this world*. Their cohesion is determined by the entry into the semantic oppositions *earth – sky, this – that, living – dead, life – death, light – dark*. However, the text “charge” of these symbols is not the same. The nuclear vocabulary of the statistical measurement of texts, the development of emotive content, as well as the thematic elaboration of the subject category suggest that the core of the epitaphs is the category of *the living and the dead*. The remaining symbolism is built on this basis and contributes to its conceptualization in texts. The described semantic categories of folklore epitaphs reproduce mainly the Christian model of the universe with its three-part spatial structure, linearity of time, the posthumous life of the soul and its ability to shine. The inclusions of pagan nature in the revealed picture are almost invisible – these are the once-indicated repeatability of time and the possibility of returning to the world in other forms.

REFERENCES

1. Il'inskiy, L.K. (1910) Poeziya kladbishcha (Iz nablyudeniya nad mogil'nymi nadpisyami Kazanskogo Arskogo kladbishcha) [(In Russian).]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii*. XXVI (IV). pp. 359–377.
2. Averintsev, S.S. (1981) *Poetika drevnegrecheskoy literatury* [Poetics of Ancient Greek Literature]. Moscow: Nauka. pp. 15–46.
3. Revyakina, N.P. (2019) *Tanatologicheskii diskurs epitafii (pragmalingvisticheskiy aspekt)* [The Thanatological discourse of the epitaph (pragmalinguistic aspect)]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don: Don State Technical University.
4. Babenko, L.G. & Kazarin, Yu.V. (2005) *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika: Uchebnik; Praktikum* [Linguistic analysis of literary text. Theory and Practice: Textbook; Workbook]. Moscow: Flinta: Nauka.
5. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
6. Bogdanov, K.A. (2001) *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Everyday life and mythology: Studies in the semiotics of folklore reality]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. [Online] Available from: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (Accessed: 10.02.2020).
7. Tsar'kova, T.S. (1999) *Russkaya stikhotvornaya epitafiya XIX–XX vv. Istochniki. Evolyutsiya. Poetika* [Russian poetic epitaph of the 19th–20th centuries. Sources. Evolution. Poetics]. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy Tsentr BLITs.
8. Rosstat. (2018) *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii. 2018: stat. sb.* [Women and men of Russia. 2018: statistics]. Moscow: Rosstat.
9. Public Opinion Foundation. (2020) *Zhizn' posle smerti* [Life after death]. [Online] Available from: <https://fom.ru/TSennosti/11796> (Accessed: 19.03.2020).
10. Sekacheva, E.R. (2001) Gorodskoy fol'klor kak fenomen massovoy gorodskoy kul'tury nachala XX v. [Urban folklore as a phenomenon of mass urban culture at the beginning of the 20th century]. *Novyy istoricheskiy vestnik – New Historical Bulletin*. 3 (5). pp. 67–74.
11. Sedakova, I.A. (2018) Bolgarskie pechatnye listki-nekrologi kak teksty: traditsii i innovatsii [Bulgarian printed obituaries as texts: traditions and innovations]. *Zhivaya starina*. 1 (97). pp. 2–6.

Received: 24 January 2021

А.А. Пузик

ОТАДЪЕКТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ ЭССИВНОЙ СЕМАНТИКИ В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В сопоставительном аспекте рассматриваются особенности структуры и семантики эссивных глаголов, мотивированных прилагательными, на материале немецкого, английского и украинского языков. Предложена семантическая классификация, описаны способы и средства номинации, выявлен характер межязыковых лексико-семантических соответствий. Определены факторы, способствующие или препятствующие отадъективному глагольному словообразованию сопоставляемых языков.

Ключевые слова: отадъективный глагол; семантика; словообразовательная категория; эссив; словообразовательная мотивация.

Введение

Во всевозрастающем потоке исследований по сопоставительно-типологической лингвистике работы, посвященные сопоставительному изучению деривации неблизкородственных и разноструктурных языков, занимают пока еще весьма скромное место. Среди немногочисленных фундаментальных работ по сопоставительному словообразованию неблизкородственных языков особенно выделяются четыре монографических исследования, теоретические принципы и методика которых положены в основу настоящей работы. С одной стороны, это монографии Р.С. Манучаряна [1] и И. Онхайзер [2]. В обеих работах реализован ономазиологический принцип сопоставления словообразовательных явлений. С другой стороны, это типологические исследования рефлексивных глаголов Э.Ш. Генюшене [3] и отсубстантивных глаголов В.Д. Калиущенко [4].

Предметом исследования в данной работе является фрагмент словообразовательной подсистемы немецкого, английского и украинского языков, а именно глаголы, мотивированные именами прилагательными, значение которых определяется в рамках данного исследования как «находиться в состоянии признака/обладать признаком/обнаруживать признак, названный мотивирующим прилагательным». Глагольные дериваты вышеуказанной семантики конституируют отдельную словообразовательную категорию (СК) эссивных¹ отадъективных глаголов (ОАГ). Семантика эссивных ОАГ может быть представлена посредством формулы толкования (ФТ): «Субъект ситуации находится в состоянии признака/обнаруживает признак, который обозначает мотивирующий адъектив (МА)», ср.:

(1) *Manche seiner Aussprüche möchte man oft wiederholen, allerdings nur manche, denn in seiner Gesamtheit krankt er doch wieder an allzu großer Leichtigkeit* ('Большинство из его высказываний хочется повторять часто, но только большинство, поскольку в целом он все же болен тем же чрезмерным поверхностным взглядом на вещи')²;

(2) *...a more радісно й ніжно блакитніє крізь світанкову імлу* ('...а море радостно и нежно голубеет сквозь рассветный туман');

(3) *My car equals yours in speed* ('Моя машина ездит так же быстро, как твоя').

Предикаты в предложениях (1)–(3) – эссивные ОАГ: укр. *блакитніти* 'виднеться, выделяться своим голубым цветом' ← *блакитний* 'голубой', нем. *kranken* (an) (уст.) 'болеть (чем-либо), иметь недостатки' ← *krank* 'больной, слабый, имеющий недостатки', англ. *equal* (брит.) 'а) (матем.) равняться, быть равным, б) быть одинаковым, тождественным (по каким-л. качествам) ← *equal* 'равный, одинаковый; идентичный, равносильный, тождественный'.

Всякому сопоставительному описанию языковых явлений предшествует описание внутриязыковое, по возможности наиболее полное. В этой связи следует заметить, что отадъективное глагольное словообразование сравниваемых языков уже являлось предметом исследований с различной степенью полноты. Имеющиеся описания или замечания в отношении ОАГ языков сопоставления ориентированы преимущественно на формальную сторону деривации «прилагательное → глагол», эти исследования выполнены в рамках разных лингвистических традиций, в основу их положены различные теоретико-методологические основы, дивергентный понятийный аппарат [7–12].

Среди словообразовательных категорий глаголов, мотивированных именами прилагательными, эссивные ОАГ (в сравнении с ОАГ инхоативной и каузативной семантики) оказались наименее изученными как при внутриязыковом описании, так и в сопоставительном аспекте³. Некоторые исследователи отказывают данным глаголам, вследствие их небольшого количественного представления в том, чтобы быть объединенными в категорию или семантический класс. Так, Г. Маршан в отношении «дуративных» ('глаголов состояния') ОАГ в немецком, английском и французском языках отмечает, что «этот тип практически не существует ни в одном из трех исследуемых языков (в то время как в латинском языке глаголы типа *albēre* "быть белым" образуют значительную группу)» [14. S. 156].

Актуальность исследования определяется, во-первых, отсутствием работ, посвященных сопоставительному изучению глаголов, мотивированных прилагательными в немецком, английском и украинском языках, во-вторых, обусловлена необходимостью

ономасиологически направленного внутриязыкового анализа и описания особенностей семантики и структуры, а также последующего сопоставительного изучения глаголов эссивной семантики, мотивированных именами прилагательными. Сравнение разноструктурных языков определяет, в свою очередь, типологический характер исследования.

Целью исследования является сопоставительный анализ особенностей семантики и структуры словообразовательных категорий эссивных ОАГ в немецком, английском и украинском языках.

Цель работы предопределяет решение следующих конкретных задач:

1. Сформировать методом сплошной выборки корпус ОАГ сравниваемых языков и привести материал исследования к единой стандартной форме описания.

2. Определить степень функциональной ограниченности ОАГ сравниваемых языков с помощью данных словарей выборки.

3. Разработать оптимальную рабочую модель сопоставления отадъективных глаголов в соответствии с задачами исследования и особенностями системной организации сравниваемых языков. Определить метаязык сопоставления.

4. Описать в сопоставительном аспекте особенности семантической структуры эссивных ОАГ в рамках категориальных единиц различной степени абстракции.

5. Рассмотреть особенности формальной организации эссивных ОАГ языков сопоставления, установить словообразовательные средства и морфонологические особенности образования ОАГ.

6. Определить факторы, способствующие или препятствующие образованию ОАГ эссивного значения в сравниваемых языках.

7. Обнаружить характер межязыковых лексико-семантических соответствий в сфере отадъективного глагольного словообразования эссивной семантики сопоставляемых языков.

8. Определить, как заполняются смысловые лакуны в рядах ОАГ сопоставляемых языков, если в одном из этих языков присутствует эссивный ОАГ, а в других языках сопоставления образование ОАГ сходного значения по различным причинам невозможно.

Эмпирическая база и методология исследования

Материалом исследования служат сплошные выборки из словарей, поскольку частотность исследуемых единиц в различных типах текстов исключительно низкая.

В качестве основного источника материала исследования послужили наиболее авторитетные словари немецкого [15], английского [16] и украинского [17] языков. Особо следует отметить тот факт, что основной источник материала исследования английского языка, Большой Оксфордский словарь, построенный на этимологических принципах, содержит лексику разных периодов развития английского языка, окказиональную лексику, авторские образования. В материал исследования включены ОАГ, относящиеся к

современному английскому языку. Далее материал исследования уточнялся по словарю Вебстера [18], а также по словарю “The Concise Oxford Dictionary of Current English” [19] и словарю А. Хорнби [20]. По последним словарям и определялось отношение каждого ОАГ к слою нейтральной или ограниченной по разным признакам лексики.

В немецком языке эссивные ОАГ составляют 63 лексемы, в украинском языке – 138, в английском языке – 86 единиц. На этапе первичного анализа материала исследования установлено, что почти половина эссивных ОАГ немецкого языка (46%) являются ограниченными в употреблении как устаревшие, устаревающие, редко употребительные слова либо ограниченными возвышенным стилем, национальными вариантами немецкого языка и диалектами. Напротив, почти все эссивные ОАГ украинского языка поданы в словарях как принадлежащие к общеупотребительной лексике (лишь 3% являются ограниченными по разным признакам). Деадъективные глаголы эссивной семантики английского языка в большей части общеупотребительны, однако значительная часть ОАГ ограничена по разным признакам (20% от общего количества эссивных ОАГ).

Методология исследования определяется задачами и материалом работы и носит комплексный характер. При отборе материала, его картографировании, внутриязыковом и сопоставительном анализе, обобщении результатов исследования используются различные лингвистические методы и приемы. Основным является метод сопоставительного анализа.

Как один из основных рабочих приемов анализа семантики ОАГ в работе используется *метод компонентного анализа*, который позволил выделить дополнительные семантические компоненты (ДСК) словообразовательной семантики ОАГ. Одним из основных методов данного исследования является *трансформационный метод* (метод словообразовательного моделирования), который позволил установить типы мотивационных отношений между ОАГ и мотивирующими их прилагательными. При изучении структуры ОАГ, характера и направления производности применяются методы *морфемного* и *словообразовательного анализа*. При обобщениях количественных данных в таблицах применяются элементарные приемы *количественного метода*. Частично используются *описательный* и *контекстуальный анализ*.

В качестве *tertium comparationis* настоящего исследования принимается словообразовательная категория. Как справедливо отмечает И. Онхайзер, «для сопоставления неблизкородственных языков ономасиологически направленное изучение целесообразнее других подходов», при таком подходе «можно установить, какие словообразовательные/мотивационные отношения универсальны (хотя бы в рамках определенных языковых групп) и какие являются специфичными для отдельного языка» [21. С. 66].

Как отмечает Р.С. Манучарян, словообразовательная категория в теории словообразования не только не занимает того первостепенного места, какое, например, отводится грамматической категории в теории

грамматики, но и находится пока на периферии по сравнению с такими единицами описания, как словообразовательный тип (модель), способ словообразования, словообразовательное гнездо [1. С. 195], хотя польза введения такой классификационной единицы очевидна: словообразовательная категория представляет собой отдельную языковую микросистему и занимает особое положение в сопоставительном словообразовании, поскольку путем изучения словообразовательных категорий можно установить роль и место словообразовательных единиц в ономаσιологических и семантических системах языков [22].

Прежде всего следует отметить, что словообразовательная категория – единица гносеологического порядка, т.е. единица не системы языка, а метаязыка, единица понятийная, о чем свидетельствуют ее различные толкования и характер связей с другими элементами (словообразовательной) системы языка, что предопределяет некоторые ее характеристики. Если теоретической основой сопоставления является словообразовательная категория, в практическом отношении сопоставляются общие и частные словообразовательные значения деадъективных глаголов. Сама по себе СК не имеет смысла, если она не обладает определенным семантическим инвариантом – тем или иным словообразовательным значением, которое возникает и реализуется в процессе словообразования. Словообразовательное значение может быть разной степени абстракции [23] и задает степень абстракции и соответствующей словообразовательной категории.

Словообразовательная категория эссивных ОАГ языков сопоставления характеризуется определенным типом мотивационных отношений, взятых в отвлечении от конкретно-языкового выражения [24]. Возможность выделения определенного количества типов мотивационных отношений опирается на результаты первичных внутриязыковых исследований ОАГ сопоставляемых языков, которые предшествовали сопоставительному анализу и приведены к выработанной стандартной форме описания.

Отношение ОАГ к той или иной словообразовательной категории или другим единицам семантической классификации в данной работе определялось на основе идентичности типа мотивационных отношений конкретных словообразовательных пар «МА → ОАГ» с заданным семантическим инвариантом, который представлен в определенной формуле толкования («семантически равнозначной конструкции», состоящей из мотивирующего прилагательного и глагола с его аргументами; более подробно о ФТ см. работы Ю.Д. Апресяна, В.Д. Калиущенко, В.П. Недеялкова), главная задача которой, по сравнению с обычно используемыми в исследованиях семантики производных единиц перифразами [25–27], состоит в том, чтобы достичь высокой степени однозначности и эксплицитности информации [28].

ФТ представляют собой стандартные семантические схемы, которые формулируются на русском языке. При этом ФТ не содержат в себе ничего идиоматичного и достаточно точно описывают общие и частные словообразовательные значения ОАГ.

Анализ материала исследования показал, что глаголы сопоставляемых языков, описываемые в ФТ «Субъект ситуации находится в состоянии признака/обнаруживает признак, который обозначает МА», составляют семантически гетерогенную группу деадъективных глаголов, а в рамках словообразовательной категории эссивных глаголов возможно определить на уровне словообразовательной семантики единицы меньшей степени абстракции – субкатегории, семантические группы и подгруппы.

На этапе выборки материала исследования было установлено, что в семантике эссивных ОАГ языков сопоставления воспроизводится оппозиция по признаку «активное/неактивное состояние субъекта ситуации при выявлении признака, обозначенного МА», ср.:

(5) *бронзовити* ‘виднеться, выделяться своим бронзовым цветом’ ← *бронзовий* ‘бронзовый (о цвете)’;

(6) *dunkeln* (поэт.) ‘быть темным, распространять темноту (о вечере, ночи)’ ← *dunkel* ‘темный’;

(7) *localize* ‘располагаться, находиться, относиться к определенному месту’ ← *local* ‘местный (связанный с определенным местом), локальный’;

(8) *xumpувати* ‘хитрить, быть хитрым, действовать неискренне’ ← *xumpий* ‘хитрый’;

(9) *brüskieren* ‘вести себя бесцеремонно, невежливо и при этом обижать кого-то’ ← *brüsk* ‘неожиданно резкий, бесцеремонный’;

(10) *dulcify* ‘говорить нежно, ласково’ ← *dulcet* ‘сладкий, приятный, нежный (о звуках)’.

Признак субъектов ситуации в примерах (5)–(7), выраженный посредством отадъективных глаголов, статичен, причем характер образования признака (путем внутреннего изменения самого явления или каким-либо иным образом) принципиального значения не имеет. Глаголы типа укр. *бронзовити*, нем. *dunkeln*, англ. *localize* среди эссивных ОАГ сопоставляемых языков семантически наиболее близко расположены к их мотивирующему прилагательному в предикативном употреблении с глаголом «быть» или другими «неактивными» глаголами выявления признака. Они, называя определенную денотативную ситуацию, обнаруживают в своей семантике динамику лишь условно – в своей принадлежности к классу глаголов⁴.

Исследователи по-разному определяют функциональную нагрузку в системе языка неактивных, статичных глаголов, мотивированных именами прилагательными, подчеркивая то или иное свойство таких глаголов. Так, Л. Вайсгербер, сравнивая прилагательные и образованные от них глаголы, пишет, что посредством эссивных глаголов «нам становится возможным воспринимать семантику прилагательного как качество, проецируемое не на предметы, а как что-то приподнятое, абстрактное, побуждающее к внутреннему чувствованию (ощущению) жизни» [31. С. 220]. Г. Бринкман относит ОАГ типа нем. *dunkeln* к глаголам состояния, в которых «жизнь проявляется как непрерывный и неизменяемый поток или покоящееся бытие» [32. С. 65]. К. Еккеру значение ОАГ «состояния» пред-

ставляется как «продолжающаяся в нас и воздействующая на нас жизненная сила» [33. S. 106].

Таким образом, предикаты в примерах (5)–(7) выражают не действие (а иногда даже и не состояние), а указывают на абсолютно статичный характер признака, выраженного посредством ОАГ.

Еще одним, без сомнения, важным и интересным свойством эссивных ОАГ является актуальность, сиюминутность выявляемого признака и, как следствие, потенциальная, имплицитная способность к изменчивости. А. Вежбицкая, сравнивая прилагательное в качестве предикатива именного сказуемого и глагол, мотивированный этим прилагательным в позиции предиката, в частности, отмечает: «даже в предикативной позиции глагол имеет тенденцию предполагать изменчивость в том смысле, в каком этого не делает, казалось бы, синонимичное прилагательное» [34. С. 119].

Субъекты ситуаций, представленных в примерах (8)–(10), обнаруживают признак, который выявляется в динамике, в различных действиях субъекта ситуации (эти действия могут относиться к разным временным срезам по отношению к денотируемой ситуации).

Дифференциация активного и неактивного (статического) компонента в семантике эссивных ОАГ языков сопоставления достигается в настоящем описании выделением двух словообразовательных субкатегорий ОАГ: «собственно⁵ эссивные» и «квазиэссивные» ОАГ, модифицированные ФТ субкатегорий: «Субъект ситуации пассивно обнаруживает признак, описываемый МА» («собственно эссив») и «Субъект ситуации активно обнаруживает признак, описываемый МА» («квазиэссив»).

«Собственно эссивные» ОАГ обнаруживают в семантической структуре дополнительный семантический компонент «статическое выявление признака, обозначенного МА». Количественное наполнение данной словообразовательной субкатегории составляет в немецком языке 27, в английском языке – 30, в украинском языке – 76 единиц.

«Квазиэссивные» обнаруживают ДСК «динамическое выявление признака, обозначенного МА» и количественно представлены следующим образом: немецкий язык – 36, английский язык – 56, украинский язык – 60 единиц.

В рамках выделенных словообразовательных субкатегорий можно выделить семантические группы глаголов эссивного значения, мотивированных именами прилагательными. Так, в составе «собственно эссивных» ОАГ четко разграничиваются две семантические группы по признаку дифференциации ДСК «признак обязательно визуально воспринимаем» (ср. прим. (13) и (14)) или «признак (условно) визуально невоспринимаем» (ср. прим. (11) и (12)), ср.:

(11) *square* ‘согласовываться, соответствовать’ ← *square* ‘правильный, ровный, точный’;

(12) *girchiti* ‘горчить’ ← *girkiy* ‘горький (на вкус);

(13) *tmjaniiti* ‘виднеться, выделяться своей бледностью, бледным оттенком’ ← *tmjaniy* ‘нечеткий, бледный, лишенный блеска, неяркий’;

(14) *grinen* (возв.) ‘быть зеленым, выделяться зеленым цветом, зеленеть (вдали)’ ← *grin* ‘зеленый’.

Глаголы типа укр. *girchiti*, англ. *square* (см. примеры (11)–(12)) объединяются в семантической группе интраэссивных глаголов, ФТ: «Субъект ситуации обнаруживает визуально невоспринимаемый (внутренний) признак, который обозначает МА». В немецком языке данную группу составили 21 глагол, в украинском языке – 32, в английском языке – 30 ОАГ.

ОАГ типа укр. *tmjaniiti*, нем. *grinen* (см. примеры (13)–(14)) объединены в семантической группе экспозитивных⁶ глаголов, ФТ: «Субъект ситуации виднеется признаком, который обозначает МА». Следует отметить, что фактически речь идет о глаголах экспозитивной семантики украинского языка, число которых составило 44 единицы. В немецком языке обнаружены 6 экспозитивных деадъективных глаголов, которые подаются в словаре с пометой «устаревшее слово», «редкое слово» и/или «поэтическое слово»/«возвышенный стиль» и являются скорее исключением в словообразовательной и лексико-семантической системе немецкого языка. Если эссивному (экспозитивному) ОАГ украинского языка обнаружен соответствующий на уровне лексической семантики ОАГ немецкого языка, то в переводных словарях в качестве эквивалента часто подается не глагол, а описательная конструкция, ср.: укр. *zeleniti* ‘виднеться, выделяться своим зеленым цветом’ ← *zeleniy* ‘зеленый’ переводится на немецкий язык описательно: “*grün, grünlich schimmern, dämmern*»: *Grünlich dämmt der Fluß, silbern die alten Alleen und die Türme der Stadt* (‘Зеленеет река, серебрятся старые аллеи и башни города’), хотя в материале исследования обнаружен ограниченный возвышенным стилем деадъектив *grünen* ‘выделяться зеленым цветом, зеленеть (вдали)’ ← *grün* ‘зеленый’.

В современном английском языке глаголы экспозитивной семантики, мотивированные именами прилагательными, не обнаружены.

Словообразовательная субкатегория квазиэссивных ОАГ представлена глаголами, которые обнаруживают ДСК «поведение», ФТ: «Субъект ситуации ведет себя так, как описывает МА», ср.:

(15) *koketuvati* ‘кокетничать’ ← *koketliwa* ‘кокетливая’;

(16) *savage* ‘жестоко обращаться, свирепо атаковать’ ← *savage* ‘жестокий, беспощадный, злой, свирепый, в ярости’;

(17) *schnellen* ‘вскакивать, взлетать вверх (в определенном направлении)’ ← *schnell* ‘быстрый’;

(18) *oblique* (воен.) ‘продвигаться вкось’ ← *oblique* ‘косой, наклонный, покатый, скошенный’;

(19) *zagen* (возв.) ‘робеть, колебаться, быть нерешительным’ ← *zag* ‘боязливый, робкий, нерешительный’;

(20) *svavilnichati* (разг.) ‘своевольствовать’ ← *svavilniy* ‘своевольный’.

Особенности структуры

ОАГ эссивной семантики сравниваемых языков обнаруживают определенные отличия в их формальной организации, обусловленные структурными особенностями языков сопоставления. Так, в украинском языке эссивные суффиксные ОАГ со-

ставляют 100% материала исследования, в английском языке – 44%, в немецком языке – 27%. Не имеющий место в сфере глагольного словообразования украинского языка безаффиксный способ словопроизводства (конверсия) продуктивен в

немецком и английском языках (соответственно 60,4 и 56% материала исследования).

ОАГ эссивной семантики немецкого языка образуются в рамках 3 способов словопроизводства и 7 словообразовательных образцов (табл. 1).

Таблица 1

Структура немецких эссивных ОАГ

№ п/п	Способ словообразования/словообразовательный образец	Умлаут	Количество	
			ОАГ	%
Конверсивные ОАГ				
1	МА + -Ø-	2	38	60,4
Суффиксные ОАГ				
2	МА + -(e)l-	6	8	12,7
3	МА + -(is)ier-	–	8	12,7
4	МА + -z-	–	1	1,5
Префиксные ОАГ				
5	be- + МА + -Ø-	–	1	1,5
6	er- + МА + -Ø- + sich	–	4	6
7	ver- + МА + -Ø- (+ sich)	–	3	5,2
Общее количество:		8	63	100

В отдельных случаях имя прилагательное при образовании ОАГ эссивной семантики подвергается усечению, при этом создается основа мотивирующего имени прилагательного, способная сочетаться с определенным суффиксом или, при конверсии, грамматическим суффиксом (суффиксами) словоизменительной парадигмы ОАГ, ср.:

(21) *ähneln* ‘быть похожим (по внешности)’ ← *ähnlich* ‘похожий, сходный’;

(22) *dominieren* ‘преобладать, господствовать, доминировать, иметь преимущество’ ← *dominant* ‘преобладающий, господствующий, доминантный’;

(23) *existieren* ‘иметься, быть в наличии, существовать’ ← *existent* ‘имеющийся, существующий’.

Некоторые прилагательные, мотивирующие эссивные ОАГ немецкого языка, в их составе принимают умлаут (всего 8 ОАГ), ср.:

(24) *genügen* ‘хватать, быть достаточным’ ← *genug* ‘достаточный, исчерпывающий’;

(25) *kränkeln, siecheln* (возв.) ‘никогда полностью не быть здоровым и способным работать

в полную силу’ ← *krank, siech* ‘больной, слабый’ и др.

ОАГ эссивной семантики английского языка образуются в рамках двух способов словопроизводства (конверсия и суффиксация) и четырех словообразовательных образцов (табл. 2).

В редких случаях производный МА при образовании ОАГ эссивной семантики подвергается усечению, ср.:

(26) *synchronize* ‘совпадать по времени; показывать одинаковое время, одинаково идти (о часах)’ ← *synchronous* ‘одновременный, синхронный, совместный’;

(27) *extemporize* ‘импровизировать; говорить без подготовки’ ← *extempore* ‘без подготовки, экспромтом’;

(28) *dulcify* ‘говорить нежно, ласково’ ← *dulcet* ‘сладкий, приятный, нежный (о звуках)’.

ОАГ эссивной семантики украинского языка образуются в рамках суффиксного (суффиксно-постфиксного) способа словопроизводства, 5 словообразовательных образцов (табл. 3).

Таблица 2

Структура английских эссивных ОАГ

№ п/п	Способ словообразования/словообразовательный образец	Количество	
		ОАГ	%
Конверсивные ОАГ			
1	МА + -Ø-	48	55,8
Суффиксные ОАГ			
2	МА + -ize (-ise)	36	41,88
3	МА + -en	1	1,16
4	МА + -fy	1	1,16
Общее количество:		86	100

Таблица 3

Структура украинских эссивных ОАГ

№ п/п	Словообразовательный образец	Количество	
		ОАГ	%
1	МА + -i-	60	43,6
2	МА + -и-(ся)	31	22,6
3	МА + -ува(‘ува’)-(ся)	25	18,362
4	МА + -ича-	21	15,3
5	МА + -а-	1	0,138
Общее кол-во:		138	100

Суффиксация часто неспособна самостоятельно транспонировать прилагательные украинского языка в класс глаголов, в том числе и ОАГ эссивной семантики. В таких случаях взаимоприспособлению прилагательного и суффикса способствуют средства морфонологии, в сфере отадъективного словопроизводства со значением эссивности это – чередование и усечение, (подробно рассматривает различные средства морфонологии в украинском языке М.В. Кравченко [35]).

В материале исследования обнаружены лишь несколько словообразовательных пар «адъектив – ОАГ эссивной семантики», в которых прилагательные подвергаются усечению (в данном случае речь идет о нерегулярных усечениях), ср.: *ширувати* ‘широко расстилаться, простираться (о лесах, полях и т.п.) ← *широк(ий)* ‘широкий’, *подобитися* ‘приравнивать себя, считать себя равным, быть похожим на кого-либо/что-либо’ ← *подібн(ий)* ‘подобный, равный, похожий’.

В составе украинских эссивных ОАГ в отдельных случаях вычлняются фонемы, которые чередуются с фонемами их МА. Закономерным, т.е. регулярным, является чередование мягких согласных в конце МА, которые смягчаются под влиянием суффикса *-i-*. В единичных случаях встречается фонемное преобразование *к → ч*, ср.: *широціти* ‘широко расстилаться, простираться (о лесах, полях и т.п.) ← *широкий* ‘широкий’, *глибоціти* ‘быть глубоким’ ← *глибокий* ‘глубокий’.

Факторы, влияющие на продуктивность эссивных ОАГ

Как показывает анализ специальной литературы, на более ранних этапах истории немецкого и английского языков эссивные глаголы, мотивированные прилагательными, составляли продуктивные группы дериватов. Данное утверждение основано на результатах исследований становления словообразовательной системы немецкого языка В. Вильманса [36] и Е. Аумана [37], исследований глагольного словопроизводства в ранненоверхненемецком языке Г.-П. Прелля и М. Шебен-Шмидт [38], данных Г. Маршана, Дж. Несфилда и других ученых по словообразованию английского языка [7; 39–41], на результатах собственных исследований в области отадъективного глагольного словообразования средневерхненемецкого языка [42] и данных выборки из словаря английского языка [16].

Сопоставив количественные показатели ОАГ разных этапов истории немецкого и английского языков (в латинском языке, как отмечают исследователи [14], группа ОАГ «состояния» составляла значительное количество, ср.: лат. *albēre* ‘быть белым’ ← *albus* ‘белый’, *clarēre* ‘быть ясным, прозрачным’ ← *clarus* ‘ясный, прозрачный’, *flavēre* ‘быть желтым’ ← *flavus* ‘желтый’, *pigrēre* ‘быть вялым’ ← *piger* ‘вялый’), можно прийти к выводу, что эти языки, утрачивая флективность и приобретая аналитизм, утрачивали и возможность передачи эссивного значения посредством ОАГ, компенсируя отадъективный эссив синтаксическими конструкциями.

Можно предположить, что причиной потери эссивного значения глаголами, мотивированными именами прилагательными, явилась перегруженность дериватов в постдревнегерманский период развития английского и немецкого языков одновременно тремя различными значениями (различными лексико-семантическими вариантами): «эссивным», «инхоативным» и «каузативным», что происходит в силу такого закона развития языка, как тенденция к выражению разных значений разными формами: в немецком и английском языках эссивное значение отторгается как коммуникативно менее важное (с прагматической точки зрения) и выражается (преимущественно в рамках художественных описаний и поэзии) посредством синтаксических конструкций (более подробно об этом см.: [43]).

Таким образом, можно предположить, что основным барьером образования глаголов эссивной семантики от прилагательных в немецком и английском языках является не формальная сложность потенциальных мотивирующих баз – имен прилагательных, а аналитизм строя английского и немецкого языков в плане средств выражения значения «выявления/обнаружения признака» и потеря системой данных языков (в постоянной конкурентной борьбе синтетических и аналитических средств выражения эссива на более ранних этапах развития этих языков) возможности выражать эссивное значение посредством ОАГ. Как показывает анализ литературы, славянские языки данную способность не только не утрачивали, но, сохраняя флективный строй языка, только способствовали увеличению количества ОАГ эссивной семантики [43–45].

В украинском языке отсутствует «фактор перегруженности» одной отадъективной глагольной лексемы каузативным + инхоативным или каузативным + эссивным значениями за счет дифференциации каузативной и инхоативной семантики в дериватах, восходящих к одному и тому же прилагательному, но с различными суффиксами (более подробно см.: [43]).

Межъязыковые лексико-семантические соответствия

ОАГ эссивной семантики сопоставляемых языков не обнаруживают значительные сходства на лексико-семантическом уровне. Среди выделенных словообразовательных субкатегорий и семантических групп эссивных ОАГ наибольшие сходства обнаруживают квазиэссивные ОАГ, ср.:

(29) *bravувати ~ bravieren ~ brave* ‘бравировать, быть бравым; быть настойчивым’;

(30) *лінуватися, лінуватися ~ faulenzēn ~ idle, laze* (разг.) ‘бездельничать; лентяйничать, лениться’.

Следует отметить, что таких лексико-семантических ОАГ-соответствий больше в паре «украинский язык – немецкий язык», ср.:

(31) *блакитніти, голубіти, синіти ~ blauen* (поэт.) ‘виднеться, выделяться своим голубым, синим цветом/оттенком; быть голубым, синим’;

(32) *зеленіти* ~ *grünen* (возв.) 'виднеться, выделяться своим зеленым цветом';

(33) *височіти* ~ *steilen, starren* (редко) 'возвышаться над чем-либо, выдаваться в высоту, виднеться'.

В качестве лексико-семантических соответствий согласно данным переводных словарей выступают в немецком языке:

1. Синтаксические конструкции типа «прилагательное + глагол».

Интраэссивные ОАГ украинского и английского языка переводятся на немецкий язык чаще описательно, с помощью вышеуказанной синтаксической конструкции со связочным глаголом «*sein*» 'быть', реже – с другими глаголами эссивной семантики, ср.:

(34) *духмяніти* ~ «*star kriechend, duftend sein*» 'выделять сильный и приятный запах, пахнуть';

(35) *крізніти* (разг., редко) ~ «*durchscheinend, durchschimmernd sein*» 'быть сквозным, просвечиваться';

(36) *порожніти, порожнювати, пустіти, пустувати* ~ «*leer stehen, liegen, unbewohnt sein; schwach besucht sein*» 'быть пустым, никем и ничем незанятым, не заселенным';

(37) *широчіти, ширувати* ~ «*breit, weit liegen*» 'широко расстилаться, простираться (о лесах, полях и т.п.)'.

Экспозитивные ОАГ украинского языка обнаружили в немецком языке следующие словарные соответствия:

(38) *біліти* ~ «*weiß schimmern, scheinen*» 'виднеться, выделяться своим белым цветом; светиться белым отблеском; цвести белым цветом';

(39) *зеленіти, блакитніти, темніти, чорніти, жовтіти, червоніти* ~ «*grün(lich), bla(ä)u(lich), dunkel, schwarz, gelb(lich), ro(ö) t(lich) schimmern, glimmern*» 'виднеться, выделяться своим зеленым, голубым, темным, черным, желтым, красным цветом/оттенком'.

Позицию «глагол» в синтаксических конструкциях немецкого языка – соответствиях украинским экспозитивным ОАГ – занимают следующие лексемы: (*her-vor-)**aussehen* 'выглядеть', *blühen* 'цвести', *dämmern* 'смеркаться, светать, застилать', *funkeln* 'блестеть', *glänzen* 'блестеть, сиять', (*heraus*)*glimmern* 'мерцать', *glitzern* 'блестеть, сверкать', *leuchten* 'светиться, сверкать, блестеть, сиять', *liegen* 'быть, лежать', *scheinen* 'иметь вид, показываться, светить, блестеть', *schillern* 'отливаться, переливаться', *schimmern* 'виднеться, угадываться, быть нечетким в очертаниях, сверкать, блестеть, светить(ся)', *sein* 'быть', *stehen* 'стоять, быть', которые можно назвать глаголами, «обеспечивающими зрительное восприятие субъекта ситуации».

Квазиэссивные ОАГ украинского и английского языков имеют соответствия в виде вышеуказанной конструкции с глаголами «поведения» (*sich benehmen, sich gebärden, sich verhalten, sich aufführen, handeln, behandeln, tun*) и связочным глаголом «*sein*» ('быть'), ср.:

(40) *нахабничати* ~ «*sich frech, unverschämt gebärden*» 'вести себя нагло, наглеть';

(41) *сентиментальничати* (разг.) ~ «*empfindsam, sentimental tun*» 'сентиментальничать'.

2. Синтаксическая конструкция «субстантивированное прилагательное/отадъективное существительное + глагол».

С помощью такой конструкции на немецкий язык чаще всего переводятся квазиэссивные ОАГ украинского и английского языков, а позицию «глагол» занимает *spielen* 'играть, изображать', а также глаголы «поведения», указанные выше, ср.:

(42) *біснуватися* ~ «*sich wie ein Besessener aufführen*» (также *rasen, wüten, toben*);

(43) *великoduшничати* ~ «*den Großmütigen spielen*» (также «*unangebrachte Großmut zeigen*»);

(44) *наївничати* ~ «*den Naiven spielen*» (также «*naiv handeln, wirken, aussehen, sagen, fragen, antworten*»);

(45) *оригінальничати* ~ «*den Originellen spielen*» («*originell sein wollen*»);

(46) *офіціалничати* ~ «*den Offiziellen spielen*» (также «*sich offiziös gebärden*»);

(47) *старпнувати* ~ «*den Älteren, Klügeren, Wichtigeren spielen*».

3. Синтаксическая связка «прилагательное + существительное + глагол».

С помощью данной описательной конструкции на немецкий язык переводятся экспозитивные ОАГ украинского языка, ср.:

(48) *біліти*: "...und sah noch dort unten im Schatten der hohen Lindenbäume ihr weißes Kleid nach der Gartentür schimmern ..." ('...и увидел еще там внизу в тени высоких лип ее белое платье...');

(49) *багріти, багровіти, багряніти*: "...sie sahen den feurigen Abendhimmel durch die leeren Fensterbogen des Schlosses schimmern..." ('...они увидели багровеющий вечерний закат сквозь пустые оконные рамы замка...').

Как видно из примеров, такие синтаксические связки употребляются в составе грамматической конструкции «accusativus cum infinitive». Реже встречаются конструкции типа «прилагательное + существительное + глагол» вне вышеуказанной грамматической конструкции, ср.:

(50) *блакитніти, голубіти, синіти*: "Durch weiße Lider schimmert blaues Licht..." ('Сквозь белые веки голубеет ясный свет...'), "Ein tiefer blauer Strom schimmerte aus der grünen Ebene herauf" ('В зеленой долине голубел глубокий ручей');

(51) *біліти* и *червоніти*: "Dann schimmerten rot' und weiße Tücher, Hüte und Federn durchs Grüne" ('А затем сквозь зелень краснели и белели платки, шляпы и перья').

4. Лексические средства, но не ОАГ или описательные конструкции других типов, ср.:

(52) *гаркавити* ~ *schnarren*, «*das r schnarrend aussprechen*» 'картавить';

(53) *гнусявити, гугнявити* ~ *näseln* 'гнусявить, говорить гнусяво';

(54) *духмяніти* ~ «*stark riechen*», *duften* 'выделять сильный и приятный запах, пахнуть';

(55) *крізніти* (разг., редко) ~ «*durchscheinern, durchschimmernd*» 'быть сквозным, просвечиваться';

(56) *шепелявити* ~ *lispeln*, «*mit der Zunge anstoßen*» 'быть шепелявым, шепелявить';

(57) *широчіти, ширувати*, ~ «*sich erstrecken, sich ausdehnen*» 'широко расстилаться, простираться (о лесах, полях и т.п.).

В качестве лексико-семантических соответствий согласно данным переводных словарей выступают в **английском языке**:

1. Синтаксические конструкции «прилагательное + глагол», ср.:

(58) *біліти* ~ «*show (up) white*»: “The clouds showed white in the distance” (‘Вдали белели облака’);

(59) *блакитніти, голубіти, синіти* ~ «*show blue*»: “The sea shimmered blue in the distance” (‘Вдали голубело море’);

(60) *багріти, багровіти, багряніти* ~ «*show (up) crimson, purple*»;

(61) *бронзовіти* ~ «*show (up) bronze*»;

(62) *кругліти* ~ «*be round, show round*»;

(63) *червоніти* ~ «*show (up) red*».

Позицию «глагол» в конструкциях английского языка – соответствиях экспозитивным ОАГ – занимают следующие лексемы: *appear* ‘появляться, показываться, становиться видимым’, *blink* ‘мерцать’, *flash* ‘сверкать, блестеть’, *gleam (through)* ‘слабо светиться, мерцать, отражать свет, блестеть’, *glimmer* ‘мерцать, тускло светить’, *glint* ‘вспыхивать, сверкать, блестеть, отражать свет’, *glisten* ‘блестеть, сверкать, искриться; сиять’, *glitter* ‘блестеть, сверкать’, *glow* ‘светиться, сверкать, бросать яркий свет, излучать’, *loom* ‘неясно вырисовываться, появляться, маячить’, *shimmer (through)* ‘мерцать, блестеть’, *shine* ‘светить, сиять, блестеть, сверкать, светиться’, *show (up)* ‘ясно обозначаться, выделяться, вырисовываться’, *show* ‘оттеняться, выделяться, виднеться, быть видимым, заметным, иметь вид’, *sparkle* ‘искриться, сверкать, (переливаться под воздействием света)’, *suffuse* ‘наполнять, заполнять, быть покрытым’, *twinkle* ‘мерцать, сверкать, излучать неровный свет’, *wink* ‘слабо светить, мерцать’ и др.

Интраэссивные ОАГ украинского и немецкого языков также имеют соответствия в виде данной синтаксической конструкции. Позицию «глагол» занимают следующие лексемы английского языка: «*be*» ‘быть’, «*stand*» ‘стоять, находиться’, «*lie*» ‘лежать, находиться’ и др., ср.:

(64) *гірчити* ~ «*taste bitter*» («*have a bitter taste*»);

(65) *жури́тися* ~ «*be sad, be grieved/distressed, sad, sorrowful*» ‘печалиться, грустить’;

(66) *кво́літи* ~ «*be ill (with), be sick (with), be poorly*» ‘болеть, чувствовать себя нездоровым’;

(67) *подобитися* ~ «*be similar, alike, equal*» ‘приравнивать себя, считать себя равным, быть похожим на кого-либо/что-либо’;

(68) *порожніти, порожнювати* ~ «*be/stand empty, hollow, vacant, deserted, free*» ‘быть пустым, никем и ничем не занятым, не заселенным’.

2) Лексические средства, но не ОАГ или описательные конструкции других типов, ср.:

(69) *крі́зніти* (разг., редко) ~ «*come, peep (out)*»;

(70) *подобитися* ~ «*resemble (smb.), look/be like (smb.)*»;

(71) *широ́чіти* ~ «*spread out, stretch, extend*»;

(72) *біснуватися* ~ «*rage, rave, storm*»;

(73) *гаркавити* ~ «*burr*»;

(74) *гну́савити* ~ «*speak/talk with a twang/snuffle*»;

(75) *шепелявити* ~ «*lisp*»;

(76) *косо́тити* ~ «*squint (at), cast a sidelong glance (at), look askance (at)*».

В качестве лексико-семантических соответствий согласно данным переводных словарей выступают в **украинском языке**:

1. Синтаксическая конструкция «прилагательное/отадъективное наречие + глагол (эссивной семантики)», ср.:

(77) *eignen* (возв.) ~ «*бути притаманним кому-небудь, чому-небудь*» ‘быть присущим в качестве признака’;

(78) *geilen* (ред., пренебр.) ~ «*бути похотливим, охочим до похоти*» ‘быть похотливым, (сладо)страстным’;

(79) *harschen* ~ «*бути вкритим крижаною кіркою (про сніг)*» ‘быть покрытым ледяной коркой, быть хрустящим (о снеге)’;

(80) *schrillen* ~ «*різко звучати*» ‘звучать пронзительно’.

2. Лексические средства, не ОАГ:

(81) *existieren* ~ «*бути, існувати*» ‘иметься, быть в наличии, существовать’;

(82) *irren* ~ «*блукати, нікати*» ‘кружить и не достигать цели, двигаться от одного места к другому, сбиваться с пути’;

(83) *queren* ~ «*пересікати, перетинати* (вулицю)» ‘пересекать что-либо (например, улицу)’;

(84) *frömmeln* ~ «*бути занадто побожним, благочестивим, лагідним*» ‘вести себя слишком набожно, выставлять свою набожность напоказ’.

В украинском языке переводные словари практически всегда предлагают два или более эквивалента, один из которых ОАГ, другой – конструкции типа «прилагательное + глагол», ср.:

(85) *genügen* ~ «*вистачати, и «бути достатнім»*»;

(86) *grelten* ~ «*стрекотати и «різко звучати»*»;

(87) *nässen* ~ «*бути вогким, вологим, мокрим (про рану)*» и «*не загоюватися*».

Заключение

Эссивные ОАГ украинского языка почти в два раза превышают соответствующие категории немецкого и английского языков. Основной причиной такого расхождения в количестве эссивных ОАГ украинского языка, с одной стороны, и немецкого и английского языков – с другой, является аналитизм строя германских языков сопоставления (в сравнении с флективным строем украинского языка): значение «обладание признаком/нахождение в состоянии, обозначенном прилагательным», передается в немецком и английском языках описательно – преимущественно с помощью синтаксических конструкций типа «прилагательное + глагол».

ОАГ эссивной семантики сравниваемых языков отличаются в плане их функциональной нагрузки. Почти половина эссивных глаголов немецкого языка (46%) являются ограниченными в употреблении как устаревшие, устаревающие, редко употребительные слова либо ограниченные рамками возвышенного стиля, поэзии, национальными вариантами немецкого языка и диалек-

тов. Напротив, почти все эссивные деадъективы украинского языка принадлежат к общеупотребительной лексике (лишь 3% являются ограниченными по разным признакам). Отадъективные глаголы эссивной семантики английского языка в большей части общеупотребительны, однако значительная часть глаголов, которые ограничены по разным признакам (20% общего количества эссивных ОАГ английского языка).

Дифференциация активного и неактивного (статического) компонента в семантике эссивных ОАГ языков сопоставления позволяет выделить две словообразовательные субкатегории ОАГ: «собственно эссивные» и «квазиэссивные» ОАГ, семантика которых может быть описана в модифицированных формулах толкований: «Субъект ситуации пассивно обнаруживает признак, описываемый мотивирующим адъективом» («собственно эссив») и «Субъект ситуации активно обнаруживает признак, описываемый мотивирующим адъективом» («квазиэссив»).

В плане межъязыкового сопоставления следует отметить количественное превосходство обеих субкатегорий эссивных ОАГ украинского языка над соответствующими субкатегориями немецкого и английского языков, тогда как при внутриязыковом сопоставлении оказывается, что количественные соотношения выделенных субкатегорий в сопоставляемых языках различны: в украинском языке субкатегория «собственно эссивных» ОАГ превосходит субкатегорию квазиэссивных, а в немецком и английском языках квазиэссивные ОАГ в количественном отношении превосходят субкатегорию «собственно эссивных» деадъективов (в немецком языке количественное расхождение незначительно (9 единиц), в английском языке квазиэссивных ОАГ почти вдвое больше).

На основе дифференциации дополнительных семантических компонентов «признак обязательно визуально воспринимаем» и/или «признак (условно) визуально невоспринимаем», «собственно эссивные» ОАГ подразделяются на две семантические группы: (соответственно) «экспозитивные» (словообразовательное значение: «выделяться, виднеться, отличаться, привлекать внимание визуально воспринимаемым

признаком, обозначенным мотивирующим адъективом») и «интраэссивные» (словообразовательное значение: «быть в состоянии признака, выраженного мотивирующим адъективом, который (условно) не воспринимается визуально») отадъективные глаголы. Субкатегориальное словообразовательное значение квазиэссивных ОАГ определяется как «совершать действие, свойственное тому/чему, кто/что имеет признак или имеет отношение к признаку, выраженному мотивирующим адъективом».

В немецком и английском языках основным способом образования ОАГ эссивного значения служит конверсия (85 и 56% соответственно). В английском языке конверсия дополняется суффиксными моделями: 44% эссивных ОАГ английского языка образуются с помощью суффиксов. В украинском языке эссивные суффиксные ОАГ составили 100% материала исследования, в немецком языке почти 15% общего количества эссивных ОАГ являются суффиксными образованиями.

В материале исследования эссивных ОАГ языков сопоставления обнаружены соответствия на уровне лексической семантики. Наибольшее количество соответствий обнаружено в семантической группе квазиэссивных ОАГ. Основной формой соответствий/компенсаций эссивным ОАГ украинского языка в немецком и английском языках являются конструкции «прилагательное + глагол». На основе вышесказанного можно сформулировать следующую импликацию вероятностного характера: чем аналитичнее язык, тем больше вероятность того, что эссивное значение выражается в данном языке с помощью единиц синтаксического уровня.

Факторы, препятствующие образованию ОАГ эссивной семантики в украинском языке: конкуренция со стороны синтаксических средств выражения эссивного значения; низкая частотность прилагательных-цветообозначений – потенциальных мотивирующих основ ОАГ экспозитивной семантики. В немецком и английском языках образованию ОАГ эссивного значения препятствует аналитизм строя этих языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Глаголы, описываемые в данной общей формуле толкования, именуется вслед за М.Н. Янценецкой [5. С. 15–16] и Е.Л. Гинзбургом [6. С. 151–153] «эссивными» (от лат. *esse* ‘быть’).

²В ходе описания результатов исследования ОАГ языков сопоставления снабжаются примерами, заимствованными из основных словарей выборки и переводных словарей. Здесь и далее перевод с украинского, немецкого и английского языков выполнен автором.

³Анализ степени изученности семантики эссивных ОАГ как в рамках отдельных языков сопоставления, так и в сопоставительном аспекте представлены автором ранее [13].

⁴В этой связи можно отметить, что активные «прилагательные-глаголы» и неактивные, статические «прилагательные-глаголы» разграничиваются в некоторых языках (например, в китайском, ряде кавказских языков) морфологически: статические «прилагательные-глаголы» имеют более бедный состав форм и в ряде отношений сближаются с именами [29. С. 105]. Так, например, в китайском языке эквивалентами прилагательных нем. *groß* ‘большой’, *fett* ‘жирный’, *schön* ‘красивый, прекрасный’ и других являются не «адъективные существительные», а «адъективные глаголы» (но не отадъективные глаголы) [30].

⁵Разграничение «собственно» эссивных и «квази» эссивных ОАГ проводится по аналогии с разграничением «собственно посессивных», «собственно локативных» и т.д., с одной стороны, и «квазипосессивных», «квазилокативных» и других отыменных глаголов – с другой, в типологическом исследовании В.Д. Калиушенко, что обусловлено необходимостью описания определенной модификации категориальной ФТ [29. С. 43].

⁶Термин «экспозитивные глаголы» (ср. лат. *exposita* ‘внешний вид’) заимствован из работы М.Н. Янценецкой [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван : Луйс., 1981. 315 с.
2. Ohnheiser I. Wortbildung im Sprachvergleich: Russisch-Deutsch. Leipzig : Enzyklopädie, 1987. 154 s.

3. Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс : Вильнюс. гос. ун-т, 1983. 168 с.
4. Kaliuščenko V.D. Typologie denominaler Verben. Tübingen : Niemeyer (Linguistische Arbeiten; 419), 2000. 253 s.
5. Яценецкая М.Н. Семантическая соотносительность глаголов на -еть и мотивирующих прилагательных // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования : сб. ст. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1973. Вып. 2. С. 8–18.
6. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М. : Наука, 1979. 264 с.
7. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. München : Beck, 1969. 545 S.
8. Adams V. An introduction to Modern English Word-formation. London : Longman, 1973. 230 p.
9. Wellmann H. Verbbildung durch Suffixe // Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Erster Hauptteil : Das Verb. Eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache; Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1973. S. 17–140.
10. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen : Niemeyer, 1992. 370 s.
11. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. Berlin : Erich Schmidt, 1993. 182 s.
12. Юрчук Л.А. Питання суфіксального словотворення дієслів сучасної української мови. Киев : АН УРСР, 1959. 100 с.
13. Пузик А.А. Отадъективныя глаголы эссивной семантики в украинском языке (в сопоставлении с английским и немецким языками) // Проблемы теории і історії славянскаго словаўтварэння: даклады Шостаі Міжнароднай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск / Беларусь, 2–6 сакавіка 2003 г. Мінск : ВТАА “Права і эканоміка”, 2004. С. 248–264.
14. Marchand H. Die Ableitung deadjektivischer Verben im Deutschen, Englischen und Französischen // Indogermanische Forschungen. 1969. № 74. S. 155–173.
15. Duden "Das große Wörterbuch der deutschen Sprache": in acht Bänden. 2., völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage / Hrsg. G. Drosowski. Mannheim; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1993. 1048 s.
16. The Oxford English dictionary being a corrected re-issue with an introduction, supplement and bibliography of the new English dictionary on historical principles. Oxford : Clarendon press, 1960. Vol. 1–14.
17. Словник української мови : в 11 т. / за ред. І.К. Білодіда. Киев : Наук. думка, 1971–1978. Т. 1–11.
18. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Springfield : Merriam, 1966. 2662 s.
19. The Concise Oxford Dictionary of Current English / Ed. H.W. Fowler, F.G. Fowler Based. Oxford : Clarendon press, 1971. 1558 p.
20. Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English / A.S. Hornby. 4 Edition. Oxford : Oxford Univers. Press, 1994. 1492 p.
21. Онхайзер И. О задачах сопоставительного изучения словообразования // Словообразование и фразообразование : тез. докл. науч. конф. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 66–68.
22. Улуханов И.С. О словообразовательной категории: (на материале глаголов, мотивированных глаголами) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. № 1. С. 27–35.
23. Бондарко А.В., Калиушенко В.Д., Павлов В.М. Словообразование и функциональная грамматика // Die Beziehungen der Wortbildung zu bestimmten Sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen. Frankfurt am Main ; New York ; Paris : Lang, 1991. S. 277–297.
24. Stekauer P. An onomasiological theory of English word-formation. Amsterdam : J. Benjamins, 1998. 192 p.
25. Волоцкая З.М. Опыт описания системы словообразовательных значений (на материале русского и польского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 25 с.
26. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М. : Наука, 1981. 254 с.
27. Honowska M. Ewolucja metod polskiego slowotworstwa synchronicznego dzie siecioletcio (1967–1977). Wroclaw; Warszawa : Pan, 1979. 71 S.
28. Калиушенко В.Д. Типология отыменных глаголов. Донецк : Донеччина, 1994. 422 с.
29. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. 682 с.
30. Vogel P.M. Wortarten und Wortartenwechsel. Zu Konversion und verwandten Erscheinungen im Deutschen und anderen Sprachen. Berlin ; New York : de Gruyter, 1999. 311 s.
31. Weisgerber L. Adjektivische und verbale Auffassungen der Gesichtsempfindungen // Wörter und Sachen. 1929. № 12. S. 218–227.
32. Brinkmann H. Die Wortarten im Deutschen // Wirkendes Wort. 1950. № 1. S. 65–79.
33. Ecker K.H. Die Eräußerungsverben des Deutschen // Muttersprache. Lüneburg : Heliand Verlag, 1963. S. 104–107.
34. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки рус. культуры, 1999. 780 с.
35. Кравченко М.В. Словообразовательная морфонология украинского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990. 39 с.
36. Wilmanns W. Deutsche Grammatik, zweite Abteilung: Wortbildung. Berlin : de Gruyter, 1930. 432 s.
37. Aumann E. Denominative e-Verben im Altgermanischen. Leipzig : Leipzig. Univ., 1934. 265 s.
38. Prell H.P., Schebben-Schmidt M. Die Verbleitung im Frühneuhochdeutschen. Berlin ; New York : Gruyter, 1996. 424 S.
39. Faiß K. English historical morphology and word formation: loss versus enrichment: Wissenschaftl. Verl. Trier : Wiss. Verl. Trier, 1992. 162 p.
40. Mencken H.L. Verbs new and old // American Speech. 1946. № 21. P. 67–69.
41. Zbierska-Sawala A. Early Middle English Word Formation. Semantic Aspects of Derivational Affixation in the AB Language. Frankfurt : Lang, 1993. 132 s.
42. Пузик А.А. Структура и семантика отадъективных глаголов средневерхненемецкого языка // Типология языковых значений в диахроническом и сопоставительном аспектах. Вып. 1. Словообразование в средневерхненемецком языке : сб. науч. тр. Донецк : Донбасс, 1998. С. 56–68.
43. Пузик А.А. Эссивные отадъективные глаголы в немецком и украинском языках // Типология мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. Вып. 2. Зб. наук. праць. Донецьк : ДонДУ, 1999. С. 31–50.]
44. Бевзенко С.П. Із історії словотвору дієслів української мови // Наукові записки Ужгородського університету. Ужгород : Вид-во Ужгород. ун-ту, 1958. С. 3–20.
45. Мейе А. Общеславянский язык / пер. с франц. П.С. Кузнецова. 2-е изд. М. : Изд-во иностр. лит., 1951. 491 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 мая 2021 г.

Deadjectival Verbs of Essive Semantics in German, English and Ukrainian: A Typological Approach

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 28–39.

DOI: 10.17223/15617793/466/3

Andrey A. Pouzik, Donetsk National Medical University (Donetsk, Ukraine). E-mail: apouzik@mail.ru

Keywords: deadjectival verb; semantics; derivational category; essive; derivational motivation.

The peculiarities of the semantics and structure of verbs derived from adjectives in German, English, and Ukrainian have been analyzed. The verbal lexemes of the languages compared can be defined by means of a semantic interpretation model “Subject of a Situation Is a Motivating Adjective”; they constitute a semantically heterogeneous group of “essive” verbs (from Lat. *esse* – ‘to be’). Within the framework of the derivational category of “essive” verbs at the level of derivational semantics subcategories, semantic groups and subgroups have been distinguished. In the semantic structure of “essive” deadjectival verbs of German, English, and Ukrainian, the opposition is reproduced on the basis of an “active/inactive state of the subject of a situation when revealing a feature

denoted by a motivating adjective". On this basis, the "essive" verbs of the compared languages are divided into two derivational subcategories: "proper essive" deadjectival verbs (inactive state of the subject of a situation when revealing a feature) and "quasi-essive" verbs derived from adjectives (active state of the subject when revealing a feature). In terms of interlingual comparison, the author notes the quantitative superiority of the two subcategories of the Ukrainian "active" deadjectival verbs over the corresponding subcategories of German and English, while within each language of comparison the quantitative ratios of the selected subcategories are different: in Ukrainian the subcategory of "proper essive" deadjectival verbs is superior over the subcategory of "quasi-essive" verbs, while in German and English the "quasi-essive" deadjectival verbs are quantitatively superior over the subcategory of "proper essive" deadjectival verbs (in German the quantitative difference is insignificant (nine verbs), and in English the group of "quasi-essive" deadjectival verbs is almost twice as big as in German). Within the selected derivational subcategories of the languages compared and on the basis of the presence/absence and nature of certain additional semantic components in the semantic structure of "essive" deadjectival verbs, semantic groups have been distinguished. Two semantic groups can be clearly distinguished within "proper essive" deadjectival verbs, depending on whether the feature revealed by the subject of a situation is necessarily visually perceptible ("expositive") or visually imperceptible ("intra-essive"). The group of "expositive" deadjectival verbs of Ukrainian is eight times as big as the corresponding semantic group in German, while in English no deadjectival verbs of "expositive" semantics have been found. In German and English, the main way to derive essive verbs from adjectives is conversion (85% and 56%, respectively). In English, conversion is supplemented with suffix models (44%). Essive suffix deadjectival verbs make up 100% of the material in Ukrainian and 15% in German.

REFERENCES

1. Manucharyan, R.S. (1981) *Slovoobrazovatel'nye znacheniya i formy v russkom i armyanskom yazykakh* [Derivational meanings and forms in the Russian and Armenian languages]. Yerevan: Luys.
2. Ohnheiser, I. (1987) *Wortbildung im Sprachvergleich: Russisch-Deutsch*. Leipzig: Enzyklopädie.
3. Genyushene, E.Sh. (1983) *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya refleksivov* [Reflexive verbs in the Baltic languages and reflexive typology]. Vilnius: Vilnius State University.
4. Kaliušenko, V.D. (2000) *Typologie denominaler Verben*. Tübingen: Niemeyer (Linguistische Arbeiten; 419).
5. Yantsenetskaya, M.N. (1973) Semanticheskaya sootnositel'nost' glagolov na -et' i motiviruyushchikh prilagatel'nykh [Semantic relativity of verbs ending in -et' and motivating adjectives]. In: *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Topical issues of lexicology and word formation]. Vol. 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 8–18.
6. Ginzburg, E.L. (1979) *Slovoobrazovanie i sintaksis* [Word formation and syntax]. Moscow: Naukas.
7. Marchand, H. (1969) *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation*. München: Beck.
8. Adams, V. (1973) *An Introduction to Modern English Word-Formation*. London: Longman.
9. Wellmann, H. (1973) Verbbildung durch Suffixe. In: *Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Erster Hauptteil: Das Verb*. Eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache; Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann. pp. 17–140.
10. Fleischer, W. & Barz, I. (1992) *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Niemeyer.
11. Erben, J. (1993) *Einführung in die deutsche Wortbildungslehre*. Berlin: Erich Schmidt.
12. Yurchuk, L.A. (1959) *Pitannya sufiksala'nogo slovtovorennya diesliv suchasnoi ukrains'koi movi* [Issues of suffixal word formation of verbs of the modern Ukrainian language]. Kyiv: AN URSR.
13. Puzik, A.A. (2004) [Deadjectival verbs of essive semantics in Ukrainian (in comparison with English and German)]. *Problemy teoryi i gistoryi slavyanskago slovaivtvarennya* [Problems of the theory and history of the Slavic word formation]. Conference Proceedings. Minsk. 2–6 savavika 2003. Minsk: VTAA "Prava i ekanomika". pp. 248–264. (In Russian).
14. Marchand, H. (1969) Die Ableitung deadjektivischer Verben im Deutschen, Englischen und Französischen. *Indogermanische Forschungen*. 74. pp. 155–173.
15. Drosdowski, G. (Hrsg.) (1993) *Duden "Das große Wörterbuch der deutschen Sprache": in acht Bänden. 2., völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
16. Clarendon Press. (1960) *The Oxford English dictionary being a corrected re-issue with an introduction, supplement and bibliography of the new English dictionary on historical principles*. Vols 1–14. Oxford: Clarendon Press.
17. Bilodid, I.K. (ed.) (1971–1978) *Slovník ukráíns'koi movi: v 11 t.* [Dictionary of Ukrainian: in 11 vols]. Kyiv: Nauk. dumka.
18. Babcock Gove, Ph. & Merriam-Webster. (1966) *Webster's Third New International Dictionary of the English Language*. Springfield: Merriam.
19. Fowler, H.W. & Fowler, F.G. (eds) (1971) *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. Oxford: Clarendon Press.
20. Hornby, A.S. (1994) *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 4th Edition. Oxford: Oxford Univers. Press.
21. Onkhayzer, I. (1979) [On the tasks of the comparative study of word formation]. *Slovoobrazovanie i frazoobrazovanie* [Word formation and phrase formation]. Abstracts of the Conference. Moscow: Moscow State University. pp. 66–68. (In Russian).
22. Ulukhanov, I.S. (1975) *O slovoobrazovatel'noy kategorii: (na materiale glagolov, motivirovannykh glagolami)* [On the word-formation category: (on the material of verbs motivated by verbs)]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz.* 1. pp. 27–35.
23. Bondarko, A.V., Kaliushchenko, V.D. & Pavlov, V.M. (1991) *Slovoobrazovanie i funktsional'naya grammatika* [Word formation and functional grammar]. In: *Die Beziehungen der Wortbildung zu bestimmten Sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen*. Frankfurt am Main; New York; Paris: Lang. pp. 277–297.
24. Stekauer, P. (1998) *An onomasiological theory of English word-formation*. Amsterdam: J. Benjamins.
25. Volotskaya, Z.M. (1978) *Opyt opisaniya sistemy slovoobrazovatel'nykh znacheniy (na materiale russkogo i pol'skogo yazykov)* [An experience of describing the system of word-formation meanings (based on the material of Russian and Polish)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
26. Kubryakova, E.S. (1981) *Tipy yazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova* [Types of language meanings. Derivative semantics]. Moscow: Nauka.
27. Honowska, M. (1979) *Ewolucja metod polskiego slowotworstwa synchronicznego dzie sieciolecio (1967–1977)*. Wroclaw; Warszawa: Pan.
28. Kaliushchenko, V.D. (1994) *Tipologiya otymennykh glagolov* [Typology of denominal verbs]. Donetsk: Donechchina.
29. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsikl.
30. Vogel, P.M. (1999) *Wortarten und Wortartenwechsel. Zu Konversion und verwandten Erscheinungen im Deutschen und anderen Sprachen*. Berlin; New York: de Gruyter.
31. Weisgerber, L. (1929) Adjektivische und verbale Auffassungen der Gesichtsempfindungen. *Wörter und Sachen*. 12. pp. 218–227.
32. Brinkmann, H. (1950) Die Wortarten im Deutschen. *Wirkendes Wort*. 1. pp. 65–79.
33. Ecker, K.H. (1963) Die Eräußerungsverben des Deutschen. In: *Muttersprache*. Lüneburg: Heliand Verlag. pp. 104–107.
34. Wierzbicka, A. (1990) *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow: Yazyki rus. kul'tury.
35. Kravchenko, M.V. (1990) *Slovoobrazovatel'naya morfonologiya ukrainskogo yazyka* [Derivative morphonology of the Ukrainian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv.

36. Wilmanns, W. (1930) *Deutsche Grammatik, zweite Abteilung: Wortbildung*. Berlin: de Gruyter.
37. Aumann, E. (1934) *Denominative e-Verben im Altgermanischen*. Leipzig: Leipzig. Univ.
38. Prell, H.P. & Schebben-Schmidt, M. (1996) *Die Verbleitung im Frühneuhochdeutschen*. Berlin; New York: Gruyter.
39. Faiß, K. (1992) *English historical morphology and word formation: loss versus enrichment*. Trier: Wiss. Verl.
40. Mencken, H.L. (1946) Verbs new and old. *American Speech*. 21. pp. 67–69.
41. Zbierska-Sawala, A. (1993) *Early Middle English Word Formation. Semantic Aspects of Derivational Affixation in the AB Language*. Frankfurt: Lang.
42. Puzik, A.A. (1998) Struktura i semantika otad’ektivnykh glagolov sredneverkhnenemetskogo yazyka [The structure and semantics of deadjectival verbs of the Middle High German language]. In: *Tipologiya yazykovykh znacheniy v diakhronicheskom i sopostavitel’nom aspektakh* [Typology of linguistic meanings in diachronic and comparative aspects]. Vol. 1. Donetsk: Donbass. pp. 56–68.
43. Puzik, A.A. (1999) Essivnye otad’ektivnye glagoly v nemetskom i ukrainskom yazykakh [Essive deadjectival verbs in German and Ukrainian]. In: *Tipologiya movnikh znachen’ u diakhronichnomu ta zistavnomu aspektakh*. Vol. 2. Zb. nauk. prats’. Donetsk: Donetsk National University. pp. 31–50.]
44. Bevzenko, S.P. (1958) From the history of word formation of verbs of the Ukrainian language. In: *Naukovi zapiski Uzhgorods’kogo universitetu*. Uzhgorod: Vid-vo Uzhgorod. un-tu. pp. 3–20. (In Ukrainian).
45. Meye, A. (1951) *Obshchoslavyanskiy yazyk* [Common Slavic language]. Translated from French. by P.S. Kuznetsov. 2nd ed. Moscow: Izd-vo inostr. lit.

Received: 01 May 2021

В.В. Чекушин

«СОВЕТСКИЙ ПУШКИН»: ПУШКИНСКИЙ СУБСТРАТ АВТОМИФОТВОРЧЕСТВА А.Н. ТОЛСТОГО 1930-х гг.

На материале статей и публичных выступлений анализируются автопроекции А.Н. Толстого на фигуру Пушкина, предпринимавшиеся писателем в 1930-е гг. для повышения собственного статуса в советской литературной иерархии. Показана роль «пушкинского текста» при создании Толстым персонального мифа наследника поэта, а также при разработке стилизованных основ языка социалистического реализма. Рассмотрена также рецепция современниками толстовского персонального мифа «советского Пушкина».

Ключевые слова: А.С. Пушкин; А.Н. Толстой; публицистика; соцреализм; классическая литература.

Канонизация Пушкина в советской литературе началась с середины 1920-х гг., когда «большевистское правительство <...> заявило о необходимости сохранения культурных сокровищ прошлого» [1. С. 93–94]. Сразу после прихода новой власти «у Пушкина было мало шансов остаться центральной фигурой национального мифа» [1. С. 94], так как в России «возникло стремление уничтожить всю прошлую культуру как атрибут царизма» [1. С. 94]. Поводом к возвращению Пушкина в советский культурный канон стали празднования 125-летия со дня рождения поэта. Наиболее интенсивно же процесс канонизации происходил в середине 1930-х гг., когда правительство СССР объявило о подготовке к масштабным торжествам, посвященным 100-летней годовщине со дня его смерти. Кампания «приобрела характер небывалой по размаху державной идеологической акции» [2. С. 169], а сам Пушкин «[и]з символа русской интеллигенции <...> превращался в символ российской культурной гегемонии и империализма» [3. С. 435]. В итоге пушкинская тема «заполнила большие пространства в сферах культуры, образования, политики, идеологической борьбы» [4. Р. 199], а приготовления и мероприятия не ограничились только 1937 г. По словам С. Сандлер, «юбилей, казалось, не имел конца, а время его начала было трудно определить» [4. Р. 198].

Именно в это время постоянно растет интерес А.Н. Толстого к предшественнику. До революции Толстой практически не апеллировал к классике. С Пушкиным «Третьего Толстого» лишь изредка сравнивали поклонники и ранние исследователи творчества. Известно о случае, когда учитель-словесник из Санкт-Петербурга, в 1911 г. работавший над книгой о творчестве писателя, в личном письме сравнивал его одновременно с Пушкиным и волшебником-ведуном: «Пушкин, по-моему, рисует картины природы, а Вы “передаете” ее, равно и в самом деле Вас “пестовала” сама “золотая медведица”, равно и в самом деле она Вам “на прощанье дала талисман”. Я говорю о той психологической теме, наличие которой имеет в вашем творчестве. Подчас Вы так очаровываете читателя, что на Вас смотришь, как на ведуна! – не понимаешь, как Вы можете ходить в панаме и английском пальто...» [5. С. 28]. Автор послания цитирует одно из самых известных ранних стихотворений писателя «Талисман». В целом же такая рецепция может быть

обусловлена тем, что в начале карьеры Толстой работал над сказками, стилизованными под фольклор. Видимо, в сознании автора письма образ Толстого-сказочника «наложился» на фигуру Пушкина, также обращавшегося к данному жанру. Сам же писатель в эти годы не предпринимал усилий заявить о себе как о наследнике Пушкина

Толстой начал активно обращаться к пушкинскому наследию только после возвращения из эмиграции в Советский Союз в 1923 г. Так, для придания своим теоретическим построениям большего авторитета он апеллировал к идеям классика во время дискуссий с представителями ЛЕФа и РАППа о новом методе советской литературы. Пушкин стал для Толстого той фигурой, символический вес которой позволил при разработке критериев нового метода (автор назвал его «монументальным реализмом») синтезировать различные, порой противоречащие друг другу идеологические и эстетические программы. В частности, представителей течения «Перевал» с их лозунгом «Вперед к классикам!» и футуристов, призывавших к авангардистскому «жизнестроительству» и «человекотворчеству».

В конце 1927 г. Толстой, отвечая на вопросы анкеты журнала «Огонек» (она была выпущена в преддверии намечавшегося празднования 100-летия со дня рождения Л.Н. Толстого), называл Пушкина в ряду четырех наиболее повлиявших на него классиков: «Для меня Лев Толстой – один из четырех главных и любимых: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой» [6. С. 300]¹.

Спустя же примерно три года «красный граф» уже прямо начал отождествлять себя с автором «Медного всадника», создавая персональный миф его наследника. Процесс создания персональных писательских мифов мы в дальнейшем будем называть термином «автомифотворчество». Автомифотворчество является родственной символистскому жизнетворчеству практикой: оно сохраняет одну из главных для такого рода жестов особенность – театрализацию поведения, которая позволяет совершать трансформации и перевоплощения [7. С. 75]. В этом случае «текст жизни реализуется на уровне “перформанса”, то есть как представление, инсценировка, зрелище» [8. С. 69] и, как правило, опирается на определенную ролевую модель. В то же время автомифотворчество в отличие жизнетворче-

ских практик, которым присуща теургическая направленность, ориентировано в первую очередь на достижение прагматических целей: повышение писательского статуса, коммерческий и читательский успех, закрепление в центральной части поля литературы, если использовать термин П. Бурдые. При анализе персональной мифологии Толстого в русле наследования Пушкину мы обратимся к подходу А.К. Жолковского и будем рассматривать в первую очередь систему жестов писателя, прежде всего, риторических и поведенческих [9. С. 220]. Под жестом мы вслед за Ю.М. Лотманом будем понимать «действие или поступок, имеющий не только и не столько практическую направленность, сколько отнесенность к некоторому значению» [10. С. 337]. По своей направленности жест всегда является «действием, которое воспринимается адресатом и/или наблюдателем как знаковое, то есть несущее определенный смысл» [11. С. 59].

В случае Толстого процесс построения персонального мифа наследника Пушкина, как представляется, способствовал успех первой части романа «Петр Первый». Именно после ее публикации писатель в начале 1930-х гг. предпринял попытку утвердить себя в качестве одного из главных советских классиков. Одновременно с этим он хотел отразить упреки пролетарской критики в «сомнительном» социальном происхождении и приверженности к дворянской культуре.

В программной статье для сборника «Как мы пишем» (в нем самые известные советские писатели, например, М. Горький и К. Федин, рассказывали о своих взглядах на творческий процесс) максимально эксплицитно представлены используемые Толстым приемы построения новой писательской репутации, основанной на апелляции к пушкинскому мифу. Поле для построения новой мифологии стала дискуссия о языке, которая позднее с подачи М. Горького станет одной из ключевых в середине 1930-х гг. Автор «На дне» выступал за «нормализацию» языка и искоренение из художественных текстов неологизмов и окказионализмов, поскольку «[т]олько чистый, т.е. прозрачный, язык исключает “контрабандные” и “вредные” подтексты и вообще возможность “идеологической контрабанды”» [12. С. 254]².

Толстой уже за несколько лет до этого утверждал, что язык «Петра Первого» он «черпал» из пыточных протоколов XVII в., зафиксировавших «тысячелетнюю языковую традицию», в которой выкристаллизовался язык: «В конце шестнадцатого года покойный историк В.В. Калаш, узнав о моих планах писать о Петре I, снабдил меня книгой: это были собранные профессором Новомбергским пыточные записи XVII века, – так называемые “Слова и дела”...» (567).

Именно обращение к этим документам позволило Толстому, который до этого «работал ощущью» (там же), выйти из творческого кризиса и найти новый стиль письма: «И вдруг моя утлая лодочка выплыла из непроницаемого тумана на сияющую гладь. Я увидел, почувствовал, – осязал: русский язык. Дьяки и подьячие Московской Руси искусно записывали показания, их задачей было сжато и точно, сохраняя все

особенности речи пытаемого, передать его рассказ. Задача в своем роде литературная. И здесь я видел во всей чистоте русский язык, не испорченный ни мертвой церковнославянской формой, ни усилиями превратить его в переводную (с польского, с немецкого, с французского) ложнолитературную речь. Это был язык, на котором говорили русские лет уже тысячу, но никто никогда не писал (за исключением гениального «Слова о полку Игореве»)» (там же).

По мнению Толстого, преимущество авторов пыточных актов состояло в том, что они «не гнушались “подлой” речью, там рассказывала, стонала, лгала, вопила от боли и страха народная Русь. Язык чистый, простой, точный, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» (там же). Вскоре Толстой написал рассказ «Наваждение» и «был потрясен легкостью, с какою язык укладывался в кристаллические формы» (там же). Иными словами, такой способ письма позволял писателю найти единственно точную фразу для передачи смысла сказанного.

Далее Толстой заявлял, что за сто лет до него подобное сумел сделать и Пушкин, создав литературный язык на базе «примитив[а], основ[ы] народной речи» (568). Судя по всему, А. Толстой, говоря о «примитиве», имел в виду то, что классик в прозе «широко прибега[л] к формам просторечия и простонародного языка» [13. С. 318]³. Как пишет Ю.М. Лотман, иногда Пушкин в частной переписке был «не только подчеркнута прост», но «простонародно грубоват», в частности это проявлялось в письмах к жене [14. С. 203]. Возможно, еще и поэтому Толстой в ответ на просьбу оргкомитета Союза советских писателей поделиться мнением, каких классиков следует издавать массовыми тиражами, написал, что помимо «Повестей Белкина» и «Капитанской дочки» нужно «непрерывно» выпустить том пушкинских писем⁴.

Для создания эффекта наследования Толстому также необходимо было найти общее между собой и предшественником, поэтому парадоксальным образом он использовал характерный для литераторов Серебряного века способ самоотождествления – обнаружение некоего объединяющего «свойства» [16. С. 55]⁵. В данном случае Толстой находил сходство между своими и пушкинскими творческими поисками: «Пушкин учился не только у московских просвирен, он изучал историю пугачевского бунта, то есть как раз подобного рода акты, и не они ли способствовали созданию русской прозы? (Да простят меня пушкинисты!)» (568).

Как видно, общее он находил не только и не столько в обращении к теме Петра⁶. Параллель между собой и автором «Медного всадника» Толстой видел, прежде всего, в работе с историческими материалами. Писатель, судя по всему, понимал оригинальность своей трактовки пушкинского творчества, поэтому заранее оправдывался перед учеными-пушкинистами с целью избежать возможной критики. По мысли писателя, Пушкин знакомился с документами пугачевского бунта, в том числе протоколами допросов, и тоже создавал новый язык, «черпа[я] золотым ковшом народную речь, еще не остывшую от пугачевского

пожара» (363). Это позволило ему сломать перегородку между академическим и заимствованным языком «верхов» и «живым» языком «низов». Этому «чистому русскому языку» противопоставлялась «искусственная фраза» – канон, насаждавшийся ориентированной на Запад элитой: «Язык книжный, язык господский, стремился как можно дальше уйти от подлого, народного. <...> Наверное, боярам казалось, что, читая книгу или разговаривая по-книжному, они беседуют, как ангелы на византийских небесах» (567).

Суда по всему, Толстой в рассуждениях о «книжном» языке опирался в том числе на идеи В.В. Виноградова, который в книге «Язык Пушкина» писал: «Пушкин противопоставля[л] французскому языку не систему “славянских” стилей, а “кипящее” многообразие еще литературно не отшлифованных и не вполне стилистически дифференцированных форм национально-бытового просторечия» [13. С. 240]. Одним из главных представителей «ложнолитературной французской» традиции объявлялся Тургенев – важная для раннего Толстого в символическом смысле фигура. До революции автор «Петра» активно и продуктивно создавал репутацию наследника Тургенева, пользуясь тем, что его мать Александра Леонтьевна была однофамилицей писателя-классика. Чтобы установить общность с автором «Дыма», некоторые ранние произведения Толстой подписывал псевдонимом «Мирза Тургенев» [20] – это слегка искаженное почетное обозначение легендарного предка всех ветвей рода Тургеневых, мурзы Льва Тургенева [21. С. 12]. В художественном творчестве Толстого ориентация на эстетику Тургенева наиболее полно отразилась в цикле «Заволжье». Характерно, что Толстой в ключевых произведениях цикла («Неделя в Турене» и «Заволжье») использовал жанр усадебной повести, канон которой во многом сформировал именно автор «Дворянского гнезда» (см.: [22]). В итоге миф о «дворянском писателе» и «наследнике Тургенева» оказался настолько жизнеспособным, что Толстого даже после обретения статуса советского классика, как считается, с подачи Горького, часто иронично называли «рабоче-крестьянским графом».

В начале 1930-х Толстой писал об авторе «Отцов и детей» уже так: «Многие считают язык Тургенева классическим. Я не разделяю этого взгляда. Тургенев – превосходный рассказчик, тонкий и умный собеседник. (Иногда сдается, что он думает по-французски). <...> Он подносит мне красивую фразу о предметах вместо самих предметов» (569). Толстой здесь не только противопоставлял себя Тургеневу, но и одновременно пытался утвердиться как писатель, близкий к «широким народным массам», ведь он, согласно логике его собственных построений, подобно дьякам петровского времени и Пушкину, становился создателем литературного языка на основе примитива.

В данном случае писатель меняет фокус преемственности, чтобы выстроить следующую схему: «народный язык» с тысячекратной историей – Пушкин (вершина, изобретатель «нового» литературного языка на основе «народного»); его задачей было, если выразиться словами В.В. Виноградова, «структурно[е] объединени[е] в русском литературном языке отвлеченного логически-развитого строя французской языковой системы с кра-

сочной простотой и первобытной образностью национального просторечия» [13. С. 240] – Толстой (автор, который модернизировал эти традиции и на их основе создал советский литературный язык).

Итогом таких риторических приемов становилась невозможность оппонентов предъявить Толстому претензии в ориентации на «ложнолитературный», «дворянский» стиль письма. Неслучайно писатель точно датировал начало своего знакомства с пыточными актами и даже отослал время возникновения замысла романа «Петр Первый» к тому же 1916 г. Деформация фактов (на самом деле роман был задуман в конце 1920-х гг. после временного отказа Толстого работать над третьей частью «Хождений по мукам»), как правило, всегда необходима при создании мифов на реальном материале [23. С. 324]. В данном случае такой ход позволял заявить, что свои языковые открытия «красный граф» совершил еще до Октябрьской революции, следовательно, отвести от себя упреки в политической и творческой неблагонадежности, поскольку именно толстовское аристократическое происхождение постоянно было мишенью пролетарской критики.

Характерно и то, что прямая проекция на фигуру Пушкина происходит в 1930 г., за несколько лет до объявления о подготовке к торжествам 1937 г.: подготовка к ним в академических и партийных кругах началась в 1933–1934 гг. [24. С. 37]. Это дает основания считать, что Толстой частично предвосхитил поворот советского идеологического курса, поэтому апелляции к пушкинской фигуре, как уже говорилось, постоянно переплетались в публицистике Толстого с актуальной в то время дискуссией о нормализации литературного языка.

Тема языка станет одной из ключевых и в программном докладе Толстого на Первом съезде Союза Советских писателей, где он, как и несколькими годами ранее, назвал главным достижением русской классики во главе с Пушкиным ее ориентацию на «народную речь»: «Наши классики тесно соприкасались с деревней, с мужиком, создавшим и продолжающим творить язык» (361). По Толстому, предшественники, в отличие от многих советских писателей, «тесно соприкасались» с крестьянской жизнью, поэтому смогли создать «живой» язык. Далее докладчик переходил к критике современных авторов, в вину которым ставилось недостаточное знакомство с языком крестьян: «До наших дней дошла тяга к изучению народного, “мужицкого” языка. Переодевались в армяки и лапти, сиживали со стариками на завалинках, жадно выставив ухо, – вслушивались в вагонные разговоры. Чаще всего такое изучение приводило к запасу народных выражений и словечек, но они <...> вклеивались чужеродными телами в ткань художественного письма. Почему? Потому что писатель писал по канонам, строил фразу по законам академической словесности» (361).

Следовательно, писателям, наследующим русскую классическую литературу, необходимо писать на «язык[е], берущ[ем] свой строй из психического движения человека в социальной среде» (346) и «нач[инавшемся] от звукового выражения жеста производительного труда» (359). Категория жеста была

важна для Толстого. По его мнению, «не мысль, не чувство, а слово – в начале творчества. Но еще прежде слова – жест. Жест как движение тела, жест как движение души. Слово есть искра, возникающая в конце жеста» (552). Писатель считал человеческую речь «...завершение[м] сложного духовного и физического процесса. В мозгу и в теле человека движется непрерывный поток эмоций, чувств, идей и следующих за ними физических движений. Человек непрерывно жестикулирует. Не берите этого в грубом смысле слова. Иногда жест – это только неосуществленное или сдержанное желание жеста» (413). Задача же художника – описать и даже предугадать этот жест, поскольку тот «определяет фразу» (там же). Таким образом, жест находится между «мыслью и словом» (499). Толстой выстраивал такую последовательность: мысль (желание) – жест – слово, которое фиксирует изображаемое в динамике. С позиций этой теории часто критиковался Тургенев.

Затем в докладе, опираясь на авторитет Пушкина, Толстой формулировал одну из главных, по его мнению, задач соцреализма, которую он видел в «определ[ении] человеческ[ой] психик[и] как становлени[я] личности в социальной среде» (355). В другой статье («Драматургическая олимпиада») писатель добавлял, что новый метод, «отправляясь от высших образцов реализма, обогащая их в дальнейшем росте <...> оформляет нового человека в новой среде» (318).

Как видно, при разработке теории соцреализма Толстой опирался на авторитет Пушкина и собственную теорию жеста. Более того, приводя тезис об обогащении наследия реалистов XIX в., он практически стирает грань между собой и классиками, прежде всего, автором «Евгения Онегина». Такие построения вполне укладывались в сталинскую эстетику и идеологию, в рамках которых «[з]аслуги новых людей социализма перед Пушкиным ничуть не меньше, чем его – перед ними: они своим творческим трудом дают ему новую жизнь, а он, в свою очередь, дает им силы продолжать трудиться» [24. С. 189]. При таком подходе Толстой фактически претендовал на роль «нового Пушкина», участвуя в создании модернизированного литературного языка, а следовательно, и советской соцреалистической литературы, которая должна формироваться на его основе. Он не просто использовал пушкинское наследие, но и осовременивал его, превращаясь в классика новой эпохи социализма. При этом Толстой не только подобно предшественнику «переизобрел» язык на основе «народного», но еще и модернизировал архаичный стиль пыточных протоколов, «обогащая его современным словарем» (568). В итоге «получ[илось] удивительное, гибкое и тончайшее орудие *двойного* (курсив авт. – В.Ч.) действия (как у всякого языка, очищенного от мертвых и не свойственных ему форм)» (там же). Такой язык, по мысли автора, не только «воплоща[л] художественную мысль», но и «возбужда[л]» ее (там же).

Кроме того, отождествление с классиком имело еще один мощный символический эффект – фигура Пушкина, в отношении которого употребляли слово «великий», постоянно проецировалась на Сталина [4. Р. 195]. Следовательно, толстовский статус автомати-

чески вырастал за счет имплицитной и опосредованной пушкинской фигурой апелляции к авторитету власти.

Неслучайно на похоронах Горького Толстой вместе со Сталиным нес гроб «пролетарского писателя», как бы занимая символическое место нового главного классика советской литературы. Показательно и то, что Толстой после смерти Горького создавал миф о нем как о последнем представителе классической русской литературы: «Алексей Максимович был последним из великих русских классиков. Он действительно хранил заветы большой русской литературы» (394). В этой же статье, написанной в 1937 г., содержался такой пассаж: «По разносторонности, по интересу ко всем проявлениям жизнетворчества мы знаем еще только одного художника – Пушкина» (там же). В такой конфигурации Толстой становился прямым наследником Горького, а значит, и Пушкина, с той разницей, что у Горького было весомое преимущество перед автором «Медного всадника»: «Он видел плоды своих усилий, видел, как “гордый человек”, сбросив лохмотья, унижение и рабство, начал строить социализм. Его пламенная вера в гордого человека оправдывалась. Путь, на который вступил он еще юношей, – путь социализма, стал действительностью» (там же).

Примерно год спустя появилась карикатура – «пароход современности» советской литературы. Толстой изображен здесь на самом верху палубы, что свидетельствует о его господстве в советской литературной иерархии: «К весне 1937 г. “красный граф” уже прочно и вкусно вошел в роль патриарха советской литературы, освободившуюся после смерти Горького» [25. С. 294]. «Третий Толстой» был одет в костюм Петра, «что не только намекало на его свежеекранизированный толстовский роман, но и определяло недостижимо высокий статус автора этого романа на писательском “пароходе современности”» [25. С. 294].

Современники тоже начали прямо отождествлять Толстого с Пушкиным. Показательна в этом смысле запись И.Л. Андроникова: «Гоголь в статье о Пушкине пишет, что в нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, с какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла. Если это определение можно относить к другим художникам слова, я отнесу его к Алексею Толстому. От Ивана Грозного и царя Петра до майора Дремова в рассказе “Русский характер”... Целую галерею русских характеров создал Толстой. Он отразил самые возвышенные свойства русского ума и души. А русский язык!.. Он любил его вдохновенно и знал, как может знать только народ и только народный писатель» [26. С. 34].

В этом позднем высказывании Андроникова, лично знавшего писателя, отразились главные категории, которые Толстой использовал в своем автомифотворчестве 1930-х гг.: репутация прямого наследника Пушкина, статус мастера владения русским языком и знатока психологии различных социальных слоев, сумевшего создать образы «типичных русских» разных эпох и статусов.

В итоге даже сомнительное, с точки зрения власти, прошлое не помешало Толстому к середине 1930-х гг. стать авторитетнейшим советским писателем. Не последнюю роль в обретении привилегированного статуса в литературной иерархии сыграли регулярные и последовательные усилия по конструированию собственной писательской репутации с опорой на фигуру Пушкина. В процессе автомифотворчества преемственность, прежде всего, подчеркивалась в использовании исторического материала для создания литературного

языка, так как именно дискуссия о языке стала одной из главных при определении основных эстетических черт социалистического реализма. В случае Пушкина материалом послужили документы о пугачевском бунте, в случае Толстого – пыточные протоколы петровской эпохи. В дальнейшем апелляции к пушкинской фигуре будут появляться и в публицистике Толстого периода Великой Отечественной войны – фигура поэта станет метонимически обозначать национальную культуру, которой угрожает захватчик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Далее ссылки на это издание будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием страницы.

²В дискуссии между Горьким и Ф. Панферовым об использовании «неуклюжих» «народных» выражений Толстой однозначно встал на сторону первого. Подключившийся к дискуссии Толстой открыто защищал Горького, «швырну[вшего] головой в старый чулан, где хранился старый реквизит “почвенников”, заплесневелые консервы “мужицкой силы”, и неожиданно и странно нашлись свирепые оберегатели этого литературного имущества» [б. С. 340]. По мнению автора «Петра...», панферовский язык устарел, поскольку «[с]егодняшняя литература должна быть по плечу стране, выходящей на первое место в мире» [б. С. 342], т.е. «читательские массы» культурно выросли и уже могут «усваивать» «классический» литературный язык.

³При этом «в пушкинское повествование вовлекались лишь те формы просторечия и простонародного языка, которые или были, или по своему языковому составу могли стать формами общенационального языка» [13. С. 444].

⁴Далее перечислена такая последовательность: «Лермонтова, Льва Толстого (рассказы), Лескова, Чехова, Бунина (периода 1905–1914 гг.), Салтыкова-Щедрина, 1 том (альманах) пьес Гоголя, Грибоедова, Островского, Сухово-Кобылина, Льва Толстого. Тургенева» [15. С. 168].

⁵М.С. Петровский убедительно показывает парадоксальные отсылки к Серебряному веку и в «Приключениях Буратино», в частности многочисленные пародии на А.А. Блока (см.: [17]). М.Н. Липовецкий также писал о наличии в сказке отсылки к русскому модернизму (см.: [18]).

⁶И.Н. Толстой пишет, что в рабочих кабинетах писателя в Детском Селе, а потом и на Спиридоновке висели гипсовые маски Пушкина и Петра [19. С. 85], что тоже свидетельствует о символической важности для Толстого этих личностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дебрецени П. Житие Александра Болдинского (канонизация Пушкина в советской культуре) / пер. с англ. М.Б. Кутеевой // Современное американское пушкиноведение : сб. ст. / ред. У.М. Тодд III. СПб. : Академический проект, 1999. С. 87–107.
2. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб. : Академический проект, 2000. 312 с.
3. Кларк К. Петербург, горнило культурной революции. / пер. с англ. В. Макарова. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 484 с.
4. Sandler S. The 1937 Pushkin Jubilee as Epic Trauma // Epic Revisionism. Russian History and Literature as Stalinist Propaganda / Ed. by K. Platt, D. Brandenberger. Wisconsin : The University of Wisconsin Press, 2006. P. 193–213.
5. Самодолова Е.А. Первоисточники «Сорочьих сказок» А.Н. Толстого // Алексей Толстой: диалоги со временем. М. : Литературный музей, 2017. С. 26–42.
6. Толстой А.Н. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : ГИХЛ, 1949. Т. 13. 676 с.
7. Шахадат Ш. Искусство жизни: жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 432 с.
8. Хансен-Леве О. Концепции «жизнетворчества» в русском символизме начала века // Блоковский сборник. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998. Т. 14. С. 57–85.
9. Жолковский А.К. Песни жесты мужское женское. О поэтической прагматике Анны Ахматовой // Поэтика за чайным столом и другие разборы : сб. ст. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 217–241.
10. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство-СПб, 1994. С. 331–384.
11. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 591 с.
12. Гюнтер Х. Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1940 // История русской литературной критики / под ред. Е. Добренко и Г. Тиханова. М. : Новое литературное обозрение, 2011. С. 248–279.
13. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М ; Л. : Academia, 1935. 490 с.
14. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя : пособие для учащихся. Л. : Просвещение, 1983. 255 с.
15. Толстой А.Н. Переписка : в 2 т. М. : Художественная литература, 1989. Т. 1. 430 с.
16. Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Современное американское пушкиноведение : сб. ст. / ред. У.М. Тодд III. СПб. : Академический проект, 1999. С. 42–68.
17. Петровский М.С. Что опирает «Золотой ключик»? // Книжки нашего детства. М. : Книга, 1986. С. 147–220.
18. Липовецкий М.Н. Утопия свободной марионетки или как сделан архетип (перечитывая «Золотой ключик» А.Н. Толстого) // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 252–268.
19. Толстой И.Н. Скрытое селфи: записки неакадемического читателя // Алексей Толстой: диалоги со временем. М. : ИМЛИ РАН, 2019. С. 84–101.
20. Толстой А.Н. Осеннее золото. Автограф // ИМЛИ РАН. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 25.
21. Назарова Л.И. Тургенев и молодой А.Н. Толстой // Филологические науки. 1969. № 4 (52). С. 12–20.
22. Щукин В.Г. Усадебная повесть Тургенева // Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М. : Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 297–315.
23. Рейтблат А.И. Буренин и Надсон: как конструируется миф // Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 323–338.
24. Платт Д.Б. Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2017. 352 с.
25. Лекманов О.А. On one group cartoon of Soviet writers // Поэты и газеты: очерки. М. : РГГУ, 2013. С. 282–310.
26. Андроников И.Л. А теперь об этом. М. : Советский писатель, 1981. 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 ноября 2020 г.

The Soviet Pushkin: Pushkin's Substratum of Aleksey N. Tolstoy's Self-Mythmaking of the 1930s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 40–46.

DOI: 10.17223/15617793/466/4

Vikentiy V. Chekushin, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: vikesha@bk.ru

Keywords: Alexander Pushkin; Aleksey N. Tolstoy; journalism; socialist realism; classical literature.

The aim of this article is to review Aleksey N. Tolstoy's self-projections on the figure of Pushkin, seen as the most important classic author in the USSR during the 1930s. The material for the study was the writer's journalism and program speeches – it was in them that he most actively appealed to the Pushkin myth. Such appeals allowed Tolstoy to assert his special status in the Soviet literary hierarchy. In his articles and public speeches, the writer actually declared himself the heir of Pushkin, since both, each in his own era, created a “new literary language” based on historical documents. The category of language was important since the discussion about it became one of the key ones in determining the main aesthetic features of the emerging socialist realism. Pushkin, relying on folk speech, created a new “living” literary language opposing the “academic” elegant phrase of nobility (works by Turgenev, in Tolstoy's opinion, later became the peak of this style). Tolstoy, in turn, also saw his own merit in the discovery of a “new” language – the language of Soviet literature in his case. According to Tolstoy, both Pushkin and himself, relied on historical documents that reflected “authentic common people's” language in the process of creation. When writing, e.g., *The Captain's Daughter*, Pushkin used documents about Pugachev's Rebellion; while Tolstoy, creating *Peter the Great*, employed torture protocols of Peter's era, the so-called “Slovo i Delo”. As a result, the succession scheme was built in the following way: “common people's language” with almost a thousand years of history – Pushkin (the creator of a “new” literary language based on common people's language) – Tolstoy (the author who modernized these traditions and created a normative Soviet literary language based on them). These rhetorical techniques allowed the Comrade Count to increase his status in the Soviet literary hierarchy. On the one hand, he used the symbolic potential inherent in the Pushkin myth (the culmination of the poet's canonization was the commemoration of 1937); on the other hand, the figure of Pushkin, in relation to whom the word “great” was used, was constantly projected on Stalin. In the end, even despite a biography which was dubious from the point of view of the authorities, by the mid-1930s, Tolstoy, indeed, received the status of the main Soviet author. This situation was evidenced, for example, by a cartoon where the writer alone was depicted on the upper deck of the “steamship of Soviet literature”. Besides, at the funeral of Gorky, Tolstoy, along with Stalin, carried the coffin of the “proletarian writer”, as if occupying the “empty” place after the death of his predecessor. The important role in obtaining this status was played by Tolstoy's regular and consistent efforts to create his own writer's reputation based on the figure of Pushkin.

REFERENCES

1. Debrececi, P. (1999) Zhitie Aleksandra Boldinskogo (kanonizatsiya Pushkina v sovetskoy kul'ture) [The Life of Alexander of Boldino (Canonization of Pushkin in Soviet culture)]. Translated from English by M.B. Kuteeva. In: Todd III, W.M. (ed.) *Sovremennoe amerikanskoe pushkinovedenie* [Contemporary American Pushkin Studies]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. pp. 87–107.
2. Blyum, A.V. (2000) *Sovetskaya tsenzura v epokhu total'nogo terrora. 1929–1953* [Soviet censorship in the era of total terror. 1929–1953]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
3. Clark, K. (2018) *Peterburg, gornilo kul'turnoy revolyutsii* [Petersburg, crucible of cultural revolution]. Translated from English by V. Makarov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Sandler, S. (2006) The 1937 Pushkin Jubilee as Epic Trauma. In: Platt, K. & Brandenberger, D. (eds) *Epic Revisionism. Russian History and Literature as Stalinist Propaganda*. Wisconsin: The University of Wisconsin Press. pp. 193–213.
5. Samodelova, E.A. (2017) Pervoistochniki “Sorochoch'ikh skazok” A.N. Tolstogo [The primary sources of “Sorochoch Tales” by A.N. Tolstoy]. In: *Aleksey Tolstoy: dialogi so vremenem* [Aleksey Tolstoy: Dialogues with Time]. Moscow: Literaturnyy muzey. pp. 26–42.
6. Tolstoy, A.N. (1949) *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete works: in 15 volumes]. Vol. 13. Moscow: GIKhL.
7. Shakhadat, Sh. (2017) *Iskusstvo zhizni: zhizn' kak predmet esteticheskogo otnosheniya v russkoy kul'ture XVI–XX vekov* [The Art of Living: Life as a Subject of Aesthetic Relationship in Russian Culture of the 16th–20th Centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Hansen-Love, A. (1998) Kontseptsii “zhiznetvorchestva” v russkom simbolizme nachala veka [The concept “life creation” in Russian symbolism of the beginning of the century]. In: Pil'd, L. & Ponomareva, G. (eds) *Blokovskiy sbornik* [Blok collection]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, T. 14. pp. 57–85.
9. Zholkovskiy, A.K. (2014) Pesni zhesty muzhskoe zhenskoe. O poeticheskoy pragmatike Anny Akhmatovoy [Songs gestures masculine feminine. On the poetic pragmatics of Anna Akhmatova]. In: Bodrova, A.S. (ed.) *Poetika za chaynym stolom i drugie razbory* [Poetics at the tea table and other analyses]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 217–241.
10. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB. pp. 331–384.
11. Kreydlin, G.E. (2002) *Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyy yazyk* [Non-verbal semiotics: body language and natural language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Gunther, H. (2011) Soviet literary criticism and the formulation of the aesthetics of socialist realism, 1932–1940. Translated from English. In: Dobrenko, E. & Tikhonov, G. (eds) *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki* [History of Russian literary criticism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 248–279. (In Russian).
13. Vinogradov, V.V. (1935) *Yazyk Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [The language of Pushkin. Pushkin and the history of the Russian literary language]. Moscow; Leningrad: Academia.
14. Lotman, Yu.M. (1983) *Aleksandr Sergeevich Pushkin. Biografiya pisatelya: posobie dlya uchashchikhsya* [Alexander Pushkin. Biography of a Writer: A Student Manual]. Leningrad: Prosveshchenie.
15. Tolstoy, A.N. (1989) *Perepiska: v 2 t.* [Correspondence: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
16. Paperno, I. (1999) Pushkin v zhizni cheloveka Serebryanogo veka [Pushkin in the life of a person of the Silver Age]. In: Todd III, W.M. (ed.) *Sovremennoe amerikanskoe pushkinovedenie* [Contemporary American Pushkin Studies]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. pp. 42–68.
17. Petrovskiy, M.S. (1986) Chto otpiraet “Zolotoy klyuchik”? [What does the Golden Key unlock?]. In: *Knigi nashego detstva* [Books of our childhood]. Moscow: Kniga. pp. 147–220.
18. Lipovetskiy, M.N. (2003) Utopiya svobodnoy marionetki ili kak sdelan arkhetyp (perechityvaya “Zolotoy klyuchik” A.N. Tolstogo) [The utopia of a free puppet or how the archetype is made (rereading “The Golden Key” by A.N. Tolstoy)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 60. pp. 252–268.
19. Tolstoy, I.N. (2019) Skrytoe selfi: zapiski neakademicheskogo chitatelya [A Hidden Selfie: Notes of a Non-Academic Reader]. In: *Aleksey Tolstoy: dialogi so vremenem* [Aleksey Tolstoy: Dialogues with Time]. Moscow: IWL RAS. pp. 84–101.

20. IWL RAS. Fund 43. List 1. Item 25. Tolstoy, A.N. *Osennee zoloto. Avtograf* [Autumn gold. Autograph].
21. Nazarova, L.I. (1969) Turgenev i molodoy A.N. Tolstoy [Turgenev and young A.N. Tolstoy]. *Filologicheskie nauki*. 4 (52). pp. 12–20.
22. Shchukin, V.G. (2007) *Rossiyskiy geniy prosveshcheniya. Issledovaniya v oblasti mifopoetiki i istorii idey* [Russian genius of education. Research in the field of mythopoetics and the history of ideas]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. pp. 297–315.
23. Reytblat, A.I. (2014) *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Articles on Biography, Sociology, and Literary History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 323–338.
24. Platt, D.B. (2017) *Zdravstvuy, Pushkin!: stalinskaya kul'turnaya politika i russkiy natsional'nyy poet* [Hello, Pushkin!: Stalin's Cultural Policy and the Russian National Poet]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
25. Lekmanov, O.A. (2013) *Poety i gazety: ocherki* [Poets and newspapers: essays]. Moscow: RSUH. pp. 282–310.
26. Andronikov, I.L. (1981) *A teper' ob etom* [And now about that]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

Received: 17 November 2020

В.А. Чернышева

ПОНЯТИЕ ИНХОАТИВНОСТИ У ЛАТИНСКИХ ГРАММАТИКОВ

Проанализировано развитие терминологического употребления прилагательного *inchoativus/inchoativus* ‘начинательный’ в римской грамматической традиции. Этот термин проявляется у древних грамматиков по-разному и входит в словосочетания с существительными, относящихся к кругу таких римских грамматических категорий, как время, вид, форма, качество и залог. На материале грамматических сочинений, датируемых III–VII вв. н.э., с использованием поиска по корпусу *Corpus corrogum* было, в частности, выяснено, что у более ранних грамматиков инхоативность связана с видо-временными категориями.

Ключевые слова: категория вида; фазовость; фазовые глаголы; словоизменение; римские грамматики; история языкознания; античное языкознание.

В ходе исследования глагольных категорий в древнеримском языкознании, а именно категории времени, мы столкнулись в некоторых античных грамматических текстах с обозначением прошедшего незавершенного времени как прошедшего начинательного вида или *начинательного времени*, при том что большинство грамматиков не называют его таковым. Инхоатив является одним из четырех возможных фазовых значений, помимо континуатива, терминатива и кунктатива [1. С. 305–306], и близок к понятию линейной аспектуальности [1. С. 307]. Тем не менее фазовость имеет большее отношение к явлению таксиса и модальности, чем к аспекту [1. С. 304–305, 307]. Кроме того, само понятие инхоативности сопряжено, как это будет показано ниже, у разных грамматиков не только с категорией времени и вида.

Материалом для этой статьи стали сочинения позднеантичных и раннесредневековых грамматиков о латинском языке. Хронологические рамки создания сочинений – III–VII вв. н.э. В качестве основы был выбран корпус Генриха Кайля *Grammatici Latini* [2], изданный во второй половине XIX в. Далеко не все сочинения были впоследствии переизданы. Помимо издания Г. Кайля в работе были использованы издания Джона Рональда Толкина [3], Карла Барвика [4], Луи Хольца [5], Марио де Нонно [6], Микелы Роселлини [7], Марии Маэстре Йенес [8], Франческо Казачели [9], Марины Пассалакка [10].

Тексты последних трех из вышеперечисленных изданий цитируются по электронному корпусу текстов *Corpus corrogum* [11], в котором, кроме того, проводился поиск по словоформам¹. В общей сложности к исследованию были привлечены более двадцати грамматических источников. Относительно времени создания текстов мы ориентируемся на книгу “Critics, compilers, and commentators. An introduction to Roman philology, 200 BCE–800 CE” Джеймса Цетцеля [12], а также на аннотации, размещенные на сайте Цифровой библиотеки позднеантичных латинских текстов [13]. Большинство источников представляют собой самостоятельные грамматические руководства – *ars*, остальные (сочинения Сервия, Кледония, Помпея, Сергия, Псевдо-Сергия) являются комментариями к *Ars maior* и *Ars minor* Элия Доната.

Согласно «Лексикону латинской грамматической терминологии» Саманты Шад, термин *inchoativus* у латинских грамматиков встречается в трех значениях

[14. С. 208]. Первое значение, которое отмечается в лексиконе, – ‘незавершенный’. Оно соотносится с категорией времени и представляет собой разновидность прошедшего времени. Второе значение прилагательного – ‘начинательный’. Оно, в свою очередь, имеет отношение к глагольному словообразованию и применяется к глагольным формам, заканчивающимся на *-sco*. Третье значение – ‘начальный’ – засвидетельствовано единожды, у грамматика Кледония [2. Т. 5. С. 74. Стр. 10]. Оно относится к союзу *at*, занимающему первую позицию в тексте. Из этих трех выделенных значений к глаголу имеют отношение первые два, и именно они будут рассмотрены в данной работе.

В словарной статье также приводятся коллокации прилагательного с существительными. В значении ‘незавершенный’ прилагательное *inchoativus* сочетается с словами *differentia* ‘разновидность’ [Харизий: 4. С. 214. Стр. 13], *species* ‘вид’ [Сацердот: 2. Т. 6. С. 432. Стр. 22, 23, 435; Псевдо-Проб: 2. Т. 4. С. 159. Стр. 39], *tempus* ‘время’ [Диомед: 2. Т. 1. С. 336. Стр. 13]. В значении ‘начинательный’ это же прилагательное сочетается с существительными *forma* ‘образ’ [Expl. in Don.: 2. Т. 4. С. 505. Стр. 19; Аудакс: 2. Т. 7. С. 343; Кледоний: 2. Т. 5. С. 16. Стр. 25], *genus* ‘залог’ (*qualitas* ‘качество’) [Псевдо-Проб: 2. Т. 4. С. 157. Стр. 32], *species* ‘вид’ [Сацердот: 2. Т. 6. С. 430. Стр. 20; Диомед: 2. Т. 1. С. 343. Стр. 2], *verbum* ‘глагол’ [Харизий: 4. С. 329. Стр. 23; Консенций: 2. Т. 5. С. 376. Стр. 6; Псевдо-Августин: 2. Т. 5. С. 515. Стр. 56]. Здесь интересно обратить внимание на употребление словосочетания *inchoativa species* ‘начинательный вид’, которое вне грамматического контекста может истолковываться двояко: как форма незавершенного времени и как производная форма глагола с финалью *-sco*, причем, как это видно из перечисленных контекстов употребления, у грамматика Сацердота оно встречается в обоих.

Однако использование прилагательного *inchoativus* оказывается шире как в отношении сочетаемости с существительными, так и в отношении распространенности у латинских грамматиков. В словарной статье в качестве примеров отобраны ссылки на *Artes grammaticae* Сацердота (конец III в. [13]), *Ars Харизия* (начало 360 г. [12. С. 290]), *Ars Диомеда* (конец IV в. [13]), *Instituta artium* Псевдо-Проба (частично IV в. [12. С. 313]), *De Scauri et Palladii libris*

excerpta per interrogationem et responsionem Аудакса (VI в.; IV–VII вв. [13]), *Ars* Кледония (середина V в. [12. С. 291; 13]), *De duabus partibus orationis nomine et verbo* Консенция (IV–V вв. [12. С. 291–292]), *Explanationes in artem Donati* (VI в. [12. С. 321–322]) Псевдо-Сергия, *Regulae* Псевдо-Августина (IV–V вв. [13]), а также *De verborum Graeci et Latini differentiis vel societibus excerpta* Макробия (420–425 гг. [13]) [2. Т. 5. С. 651. Стр. 1; С. 649. Стр. 31], *Commentarium in artem Donati* Сервия (V в. [13]) [2. Т. 4. С. 412. Стр. 34], *Ars*, или *Institutiones grammaticae*, Присциана (526–527 гг. [13]) [15. С. 427. Стр. 16; С. 429. Стр. 16] Также следует оговорить, что прилагательное *inchoativus* имеет и иной вариант написания – *inchoativus*. Форма глагола *inchoo* является более древней, чем форма *inchoo*, и встречается у более ранних авторов [16]. Прилагательное *inchoativus* в своем значении не отличается от варианта *inchoativus* и приравнивается ему [14. С. 210].

Тем не менее первое встречается заметно реже, чем второе: в корпусе *Grammatici Latini* словоформы прилагательного *inchoativus* засвидетельствованы 262 раза, *inchoativus* – 5. Формы *inchoativus* сохранились только в текстах Харизия [11; 4. С. 214. Стр. 14; С. 226. Стр. 28; С. 227. Стр. 21; С. 228. Стр. 18] и *Ars* Псевдо-Аспера (не позднее V в. [13]) [11; 12. Т. 5. С. 551. Стр. 22].

В базе РНТ *Latin texts* прилагательное *inchoativus* не засвидетельствовано [17]. Тогда как *inchoativus* засвидетельствовано, помимо грамматиков, упомянутых в словарной статье лексикона, у Доната в *Ars maior* [5. С. 633. Стр. 8–9] и в *Ars minor* [5. С. 591. Стр. 12] (середина IV в. [13]), в *Ars grammatica* Досифея (вторая половина IV в. [12. С. 297]) [3. С. 57. Стр. 4], в *Ars* Псевдо-Викторина (не ранее IV в. [12. С. 328]) [2. Т. 6. С. 200. Стр. 1–2], *Ars Bobiensis* (V в. [12. С. 330]) [6. С. 47. Стр. 2–3; стр. 5], *Ars de nomine et verbo* Фоки (III–V вв. [9. С. 60; 12. С. 308; 13], *Ars de verbo* Евтихия (середина VI в. [13]) [2. Т. 5. С. 449. Стр. 4; С. 466. Стр. 25], *Commentarium de oratione et de octo partibus orationis artis secundae Donati* (первая половина V в. [13]) Сергия [18. С. 91–92], *Commentum artis Donati* Помпея (V в. [13]) [2. Т. 5. С. 220. Стр. 9; С. 261. Стр. 2–3], *Ars grammatica* Юлиана Толедского (конец VII в. [11; 12. С. 345]) [8. С. 53, 58], а также во фрагментах Проба, дошедших в *Cod. paris. 7491, s. x f. 94* и *Cod. Caroliruh. Prisciani* [16; 19. фр. 78. Стр. 14; фр. 95. т. Стр. 2], и в комментарии Сервия к «Энеиде» Вергилия [16; 20. Т. 1. С. 546. Стр. 9; Т. 4. С. 145. Стр. 4–5; Т. 7. С. 232. Стр. 1].

В издании К. Барвика у Харизия, помимо сохранившегося написания *inchoativus*, используется и более распространенное *inchoativus*. Оно вместе с наречием *inchoative* засвидетельствовано 12 раз – и только в таком написании, преимущественно в посвященной глаголу третьей книге *Ars grammatica*, встречаются начинательные глаголы [4. С. 2, 329–331; 11]. В контексте же незавершенного времени, во второй книге (о частях речи), употребляется написание *inchoativus* [4. С. 214, 226–228; 11], и только один раз мы видим словосочетание *specie inchoativa*

[4. С. 229. Стр. 16]. Из всех сочинений, где рассматривается глагол, только в *Ars, sive Regulae* Псевдо-Палемона (начало IV в. [13]) прилагательное *inchoativus* вовсе не упоминается. [11]

Прежде чем обратиться к рассмотрению случаев употребления понятия инхоативности, следует перечислить глагольные акциденции, выделяемые у грамматиков (их мы назовем для примера в том порядке, в котором их дает в *Ars minor* и *Ars maior* Элий Донат): качество, спряжение, залог, число, фигура, время, лицо [5. С. 591. Стр. 7–8; С. 632. Стр. 6–7]. Эти семь *accidentia* называются также в сочинениях *Ars* Псевдо-Аспера [2. Т. 5. С. 551. Стр. 12–13], *De duabus partibus orationis nomine et verbo* Консенция [2. Т. 5. С. 367. Стр. 8–9], *De Scauri et Palladii libris excerpta* Аудакса [2] *Ars Bobiensis* [6. С. 47. Стр. 9–10]. У Харизия [4. С. 209. Стр. 26–27], Диомеда [2. Т. 1. С. 334. Стр. 10–12] и Юлиана Толедского добавляется *coniugatio*, но у него же устраняется *modus* [8. С. 52]. На одну акциденцию больше у Сацердота: грамматик добавляет в список *forma* [2. Т. 6. С. 429. Стр. 16–18]. В *Instituta artium* Псевдо-Проба появляются в конце акциденции *species* и *accentus*, не встречающиеся более ни у кого из грамматиков, однако качество объединяется с залогом [2. Т. 4. С. 155. Стр. 34–35]. В *Ars* Присциана качество вовсе удалено из списка. Как и у Псевдо-Проба, у него упоминается *species*, тем не менее, как будет показано в конце настоящей работы, эти *species* различны [15. С. 370. Стр. 16–17]. В *Ars grammatica* Досифея [3. С. 57. Стр. 1; С. 58. Стр. 16], *Ars de nomine et verbo* Фоки [9. С. 57–69], *Ars de verbo* Евтихия [2. Т. 5. С. 447. Стр. 15; С. 467. Стр. 15], в *Ars, sive Regulae* Псевдо-Палемона [7. С. 47–63], *frg. Bobiense de verbo* [10. С. 21–28] и *Ars* Псевдо-Викторина [2. Т. 6. С. 197. Стр. 24; С. 200. Стр. 25] подобные перечисления акциденций в разделах о глаголе отсутствуют.

Инхоативность в контексте акциденций *tempus* и *species*

У латинских грамматиков категория времени рассматривалась с двух позиций: с точки зрения «естественного» времени, где выделялось три основных времени [Харизий: 4. С. 214. Стр. 5–9; Помпей: 2. Т. 5. С. 234. Стр. 36], или же с точки зрения «искусственного» – грамматического – времени [Консенций: 2. Т. 5. С. 377. Стр. 17–22]. Последнее имело пятичастную структуру: в нем выделялись *praesens* ‘настоящее’, *praeteritum* ‘прошедшее’ с тремя разновидностями и *futurum* ‘будущее’. Три разновидности были *imperfectum* ‘незавершенное’, *perfectum* ‘завершенное’, *plusquamperfectum* ‘преждезавершенное’.

Для обозначения разновидности прошедшего времени у грамматиков использовались различные существительные: *gradus* ‘степень’ [Псевдо-Аспер: 2. Т. 5. С. 551. Стр. 25–26], *distantia* ‘разновидность’ [Кледоний: 2. Т. 5. С. 19. Стр. 10–11], *distinctio* ‘различие’ [Консенций: 2. Т. 5. С. 377. Стр. 28], *species* ‘вид’ [Сацердот: 2. Т. 6. С. 441. Стр. 32; С. 442. Стр. 2; Диомед: 2. Т. 1. С. 351. Стр. 32; С. 352. Стр. 3; Псевдо-Проб: 2. Т. 4. С. 159. Стр. 39; С. 160. Стр. 1; Аудакс: 2. Т. 7.

С. 347. Стр. 2–3; Ars Bobiensis: 6. С. 49. Стр. 12–15], *differentia* ‘разновидность’ [Харизий: 4. С. 214. Стр. 13–17; Донат: 5. С. 637. Стр. 13; Псевдо-Викторин: 2. Т. 6. С. 199. Стр. 25–26]. В сочетании с последними двумя и засвидетельствовано прилагательное *inchoativus*.

Inchoativa differentia встречается только в Ars Харизия: *praeteriti tamen differentiae sunt quattuor, inchoativae sive imperfectae, ut legebam limabam, praeteritae, ut limavi legi, oblitteratae, ut limaveram legeram, recordativae, ut limaverim legerim* [4. С. 214. Стр. 13–17] – «В прошедшем времени, однако, существуют четыре разновидности: начинательной, или незавершенной, как *legebam* ‘читал’, *limabam* ‘полировал’; прошедшей, как *limavi* ‘отполировал’, *legi* ‘прочел’; забытой, как *limaveram* ‘полировал (до момента в прошлом)’, *legeram* ‘читал до какого-то момента в прошлом’; вспоминательной, как *limaverim* ‘(так как)² отполировал’, *legerim* ‘(так как) прочел’». У Харизия *inchoativa* приравнивается *imperfecta*, то есть таким образом обозначается незавершенное действие в имперфекте.

Согласно латинской грамматике Дирка Панхойса, учитывающей достижения лингвистики второй половины XX в. в области синтаксиса и семантики, имперфект в латинском языке выражает незавершенность, длительность, повторяемость, хабиутальность, а также имеет конативное значение, при котором действии необязательно должно завершиться успешно. Начинательность как таковая не упоминается. [21. С. 108–109] Характеристика незавершенного действия как начинательного, по всей видимости, проистекает из одного из возможных значений имперфекта – значения намерения и попытки – *imperfectum de conatu*. [22. С. 208; 23. С. 380–381], тогда как поздней латыни, по мнению некоторых исследователей, начинательность и ингрессивность становится одним из возможных значений перфекта [23. С. 448–449]. Таким образом, использование древними грамматиками термина *inchoativus* в качестве синонима *imperfectus* в контексте глагольных времен надо понимать как попытку описать действие, начало которого выражено, а конец не определен. Термин *inchoativus* в таком случае выступает как «имеющий (только) начало».

Следующее понятие, *species*, в связи с разновидностями прошедшего времени употребляется у грамматика Сацердота в разделе *De declinatione* [2. Т. 6. С. 435–442], где приводятся парадигмы глаголов. В качестве примера процитируем часть спряжения глагола *munire*: *praeterito imperfecto inchoativa specie muniebam <...> praeterito perfecto munii vel munivi <...>, praeterito plusquamperfecto specie recordativa munieram <...> futuro specie promissiva muniam <...>* [2. Т. 6. С. 441. Стр. 32; С. 442. Стр. 2]. – «в прошедшем незавершенном времени в начинательном виде *muniebam* ‘я укреплял’ <...> в прошедшем завершенном *munii* или *munivi* ‘я укрепил’ <...>, в прошедшем давнозавершенном во вспоминательном виде *munieram* ‘я укрепил (до момента в прошлом)’ <...> в будущем в обещательном виде *muniam* ‘укреплю’». У прошедшего же завершенного отсутствует *species*. «Пробел» восполняется грамматиком Диомедом [2. Т.

1. С. 351. Стр. 32; С. 352. Стр. 3], но при этом он убивает *species* из будущего времени.

Такое использование *species* у этих двух грамматиков приближает нас к пониманию следующего утверждения в *Instituta artium* Псевдо-Проба: *species verborum sunt tres, imperfecta, quae est et minus quam perfecta sive inchoativa, perfecta, quae est et absoluta, plusquamperfecta, quae est et recordativa sive exacta*. [2. Т. 4. С. 159. Стр. 39 – С. 160. Стр. 1] – «Видов у глаголов существует три: незавершенный, он же незавершенный, или начинательный; завершенный, он же совершенный; более чем завершенный, он же вспоминательный, или законченный». В отличие от Сацердота и Диомеда, Псевдо-Проб перечисляет в *species* названия прошедших времен, тогда как *inchoativa, absoluta, recordativa* указываются в качестве дополнительных к ним. Кроме того, Псевдо-Проб – единственный грамматик, который выделяет временную разновидность в самостоятельную акциденцию, в категорию вида. Тем не менее с точки зрения современной лингвистики латинская глагольная система не различает видов [24. С. 5–6]. Инхоативность, если она присутствует в языке, понимается как проявление Aktionsart (С. Агрелл, А. Нореен) или aspectual character (Дж. Лайонз), но не как аспект [24. С. 8–9].

Прилагательное *inchoativus* входит в сочетания не только с названиями разновидностей прошедшего времени, но и с самим временем – *tempus*. Так, у Диомеда, помимо *inchoativa species*, мы находим *inchoativum tempus*, что обозначает прошедшее незавершенное. Оно встречается у других, как сообщает грамматик: *non nulli inchoativum tempus appellaverunt* [2. Т. 1. С. 336. Стр. 13–14] – «Некоторые называли время начинательным». Следовательно, были грамматик, которые называли само время начинательным и не пользовались категорией вида для описания этого времени. Утверждение Диомеда, по всей видимости, основывается на трактовке прошедшего времени, которую выдвигал грамматик Проб (I в.). Она сохранилась в следующем фрагменте в Cod. Paris. 7491, s. x f. 94: *imperfectum scilicet, id est non iam perfectum, ut si aliquid agimus quod non perficientes agere desinimus, unde hoc tempus inchoativum dicitur; perfectum, hoc est cum facere desinimus et actum perficimus, quod alii absolutivum, alii infinitivum dicunt; plus quam autem perfectum, quod vetustissimum dicunt, cum non solum quid egimus, sed longa intercapedine inveteraverit nobis* [19. Фр. 78. Стр. 12–19] – «Незавершенное, надо полагать, то есть еще не завершенное, – как если мы делаем что-то, что, не завершив, прекращаем делать, отчего это время называется начинательным. Завершенное – то есть когда прекращаем делать и завершаем действие, которое одни называют совершенным, другие неопределенным³. Давнозавершенное же, которое называют наистарейшим, – когда не только сделали что-то, но и когда устарело в нашей памяти из-за долгого перерыва».

Инхоативность в контексте акциденций forma, qualitas, genus, species, figura

В этом разделе будут рассмотрены инхоативные глаголы – *verba inchoativa*. Они являются производ-

ными и образуются как от имен, так и от глаголов [22. С. 123]. Инхоативные образования являются частным типом антикаузативов [25. С. 108], а они, по мнению Мартина Хаспельмата, как и каузативы, «в большинстве своем скорее словообразовательные (derivational), чем словоизменительные (inflectional) категории» [25. С. 94].

В грамматике латинского языка С.И. Соболевского относительно значения глаголов говорится следующее: «*Verba inchoativa* (глаголы начинательные) оканчиваются на -esco, -asco, -isco и означают начало действия и состояния. Глаголы на -sco (*verba inchoativa*). Глаголы начинательные, т.е. означающие начало действия или состояния» [12. С. 102]. Термин «начинательный» применительно к глагольным образованиям не совсем правилен, как отмечает К. Брейлок, поскольку такие глаголы обозначают скорее становление, «постепенный переход в новое состояние», а не начинание [26. С. 435]. В статье Герда Хаверлинга, однако, высказывается несколько иная точка зрения: в классическом латинском языке суффикс -sc- обозначает скорее состояние, природный процесс [27. С. 117], а смену состояния – только при добавлении приставки к корню [27. С. 119]. В позднем же латинском языке приобретают значение смены состояния и становятся динамическими (*veterasco*) не только бесприставочные глаголы с суффиксом -sc-, но и асуффиксальные глаголы (*invetero*) [27. С. 120–124]. В романских языках происходит полная деграмматикализация суффикса -sc- [28. С. 136–138], и он вводится в глагольную парадигму [29. С. 394–395].

Особое, фазовое, значение инхоативных глаголов различно определяется грамматиками в рамках категорий, кроме Псевдо-Августина, у которого *inchoativus* сочетается только с формами существительного *verbum* [11]. Описание употребления прилагательного *inchoativus*, как кажется, следует начать от более простого к сложному. В качестве первой глагольной акциденции, с которой связана инхоативность, будет названо понятие *forma*, которое здесь будет переводиться как ‘образ’⁴.

Forma представляет собой словоизменительную акциденцию, где представлены не видовые формы одного глагола, но четыре разных однокоренных глагола: исходный и три производных от него, образованных суффиксальным способом, – дезидеративный, инхоативный, фреквентативный глаголы. Они перечисляются грамматиками в различном порядке. Например, у Псевдо-Викторина [2. Т. 6. С. 200. Стр. 1–4] дана последовательность, где друг за другом следуют замыслительный, начинательный, завершённый и участительный образы, а в *Ars Bobiensis* [6. С. 47. Стр. 2–6] и Аудакса завершённый образ вынесен вперед. У Аудакса, кроме того, перечисление заканчивается инхоативными глаголами [2. Т. 2. С. 345. Стр. 1–10].

Прилагательное *inchoativus* сочетается только с *forma*, не считая словосочетаний с *verbum*, если они есть, у Досифея, Фоки, Псевдо-Викторина, Аудакса, Евтихия, у Доната в *Ars maior* и *Ars minor*, в комментариях к этим двум текстам: у Сервия, у Помпея, в *Ars Юлиана Толедского* [11].

Образ же является по одной из теорий своего рода подкатегорией, подвидом категории *qualitas* – каче-

ства, которое проявляется в наклонениях и формах, например, у Аудакса: *qualitas verborum in quot partes dividitur? in duas, id est in modos et in formas* [2. Т. 7. С. 344. Стр. 11–12] – «Качество глаголов разделяется на сколько частей? На две, то есть на наклонения и на образы».

В комментарии Сергия содержится следующее толкование слова *forma*: *Qualitas verborum in modis et in formis est. Donatus quidem praepostere posuit, ut prius de modis diceret et post de formis, de quibus hic prius tractare debemus: nam formae proprie sensum tenent vel genus; scire autem debemus, quia formae inde dictae sunt, quod nos in unamquamque rem informant, quia per eas ostendimus, quid geramus. Quid enim significat verbum, per formas agnoscimus. Formae verborum sunt, quae tenent sensum; modi autem sunt, qui ad declinationem pertinent* [18. С. 90–91] – «Качество глаголов проявляется в наклонениях и образах. Донат же расположил их наоборот, чтобы прежде сказать о наклонениях, а позже об образах. О коих здесь мы должны сказать прежде, ведь собственно образы содержат в себе значение или залог. Нам, однако, нужно знать, почему там они названы образами, потому что преобразовывают нас для всякого действия, поскольку с помощью них мы показываем, что совершаем. Ведь то, что обозначает глагол, мы понимаем по образам. Именно образы глаголов – это то, что содержит в себе смысл, наклонения же – то, что имеет отношение к спряжению».

Поскольку качество проявляется в образах, то начинательным может быть не только образ, но и само качество. Сочетание *inchoativus* с *qualitas* засвидетельствовано, например, у Консенция [2. Т. 5. С. 376. Стр. 14–16] и в *Ars Bobiensis* [11]. Тем не менее в остальных случаях Консенций употребляет слово *forma*.

Однако не все грамматика выделяли *forma* в отдельную акциденцию. Так, у Диомеда понятие инхоативности определяется непосредственно через категорию качества. Акциденция формы у этого грамматика отсутствует. *Qualitas* у Диомеда вбирает в себя, помимо четырех *forma*, «переходные» формы, т.е. полупроизводные глаголы, недостаточные глаголы и глаголы, чье значение определяется его переходным или же непереходным употреблением: *De qualitate verborum. Qualitates verborum sunt hae, absoluta sive perfecta, inchoativa, iterativa sive frequentativa, meditativa, transgressiva, defectiva, supina, ambigua* [2. Т. 1. С. 342. Стр. 28–31] – «О качестве глаголов. Качества глаголов суть следующие: совершенное, или завершённое, начинательное, многократное, или участительное, замыслительное, *переходное*, недостаточное, обратное, двоякое».

Категория качества в *Ars Псевдо-Аспера* не имеет деления на наклонение и образ: само качество и есть наклонение. Кроме того, наблюдаются другая важная особенность: те глагольные начинательные, участительные и замыслительные формы, которые у других грамматиков описываются при помощи категории *forma*, помещаются в категорию *figura*⁵ и перечисляются в одном ряду не только с простыми и составными формами, но и с безличными и производными: *figurae sunt septem, simplex, ut lego, composita, ut*

relego, inchoativa⁶, ut calesco, frequentativa, ut lectito, desiderativa, ut dormito, impersonalis, ut piget taedet, et alterius formae, ut statur, paragoga⁷, ut facesso lacesso capesso. [2. Т. 5. С. 551. Стр. 21–24] – «Фигур существует семь: простая, как *lego* ‘читаю’; составная, как *relego* ‘перечитываю’; начинательная, как *calesco* ‘нагреваюсь’; участительная, как *lectito* ‘часто читаю’; замыслительная, как *dormito* ‘хочу спать’; безличная, как *piget* ‘досадно’, *taedet* ‘надоедает’, или другой формы, как *statur* ‘стоят’; производная, как *facesso* ‘усердно делаю’, *lacesso* ‘раздражаю’, *capesso* ‘хваляю’».

Категория же *figura*, как и *forma*, связана со словообразованием. Но если *forma* связана с суффиксальным образованием глагольных форм, то *figura* в случае глаголов, как правило, описывает то, что мы бы назвали префиксальным образованием. *Figura*, в отличие от *forma*, затрагивает только область словообразования и не пересекается с категорией вида. Непроизводная, простая форма именуется *figura simplex*, а производная, составная – *figura composita*. Так, например, у Доната в *Ars minor. Figurae verborum quot sunt? Duae. Quae? simplex, ut lego; composita, ut neglego*. [5. С. 593. Стр. 5–6] – «Сколько существует глагольных фигур? Две. Какие? Простая, как *lego* ‘читаю’, сложная, как *neglego* ‘пренебрегаю’». Схожее описание категории *figura* дается, например, в *Ars Bobiensis* [6. С. 48. Стр. 19–20], в *Instituta artium* Псевдо-Проба [2. Т. 4. С. 159. Стр. 35–39], в *De nomine et verbo* Консенция [2. Т. 5. С. 379. Стр. 14–18] и др.

Помимо *Ars* Псевдо-Аспера, прилагательное *inchoativus* сочетается с существительным *figura* у грамматика Диомеда. Но у него в данном контексте *figura* не имеет категориального значения и не подразумевает акциденцию, как у Псевдо-Аспера: *cuiuscumque fuerint ordinis verba, in figuram inchoativam conlata erunt coniugationis dumtaxat tertiae* [2. Т. 1. С. 344. Стр. 23–24] – «Какого бы спряжения ни были глаголы, будучи преобразованы в начинательный вид, они будут только третьего спряжения». Данное высказывание взято из раздела грамматического сочинения, где инхоативность определена в рамках слова *species*: *De inchoativa verborum specie. Inchoativa verborum species est quae rem inchoatam, futurum tamen significat et vim incipiendi dumtaxat in effectu habet* [2. Т. 1. Стр. 1–3] – «О начинательном виде глаголов. Начинательный вид глаголов – тот, что обозначает событие начатое, однако будущее, и, по крайней мере, имеет значение начинания». *Species* приравнивается к *qualitas* у Диомеда: *admittit quoque verbum <...> qualitatem, cum cuius sit speciei vel qualitatis verbum exploratur* [2. Т. 1. С. 334. Стр. 15–16] – «Допускает также глагол <...> качество, когда анализируется, какого вида, или качества, глагол». Тем не менее об участительной глагольной форме говорится как о *forma*, но не *species*: *De iterativa verborum forma. Iterativa sive frequentativa est verborum qualitas <...>* [2. Т. 1. С. 344. Стр. 27–28] – «О многократной форме глаголов. Многократное, или участительное, качество глаголов <...>». У Диомеда в равной степени употребляются понятия *qualitas, species, forma* [11].

По другой теории, качество у глаголов проявляется не в наклонении и производной форме, а в личности/безличности глагольных форм. Такая грамматическая теория встречается, например, у Харизия [4. С. 209. Стр. 28–32] в цитирующем его почти дословно *Ars Bobiensis* [6. С. 47. Стр. 11–13], у Псевдо-Викторина [2. Т. 6. С. 197. Стр. 24–25]. В *Ars* Сацердота категория, отвечающая за личность/безличность глагольной формы, именуется *forma*, начинательность же называется в одном ряду с разновидностями залога, а также с недостаточными и безличными формами: *Genus in verbis, id est species vel adfectus vel significatio, dividitur in novem, activum passivum deponens neutrum commune inchoativum defectivum frequentativum impersonale*. [2. Т. 6. С. 429. Стр. 27–29] – «Залог у глаголов, то есть вид, расположение или обозначение, разделяется на девять: действительное, страдательное, отложительное, среднее, общее, начинательное, недостаточное, участительное, безличное». Далее в тексте у Сацердота для их обозначения употребляется только понятие *species*, в том числе для начинательных и участительных форм [2. Т. 6. С. 430. Стр. 20; С. 431. Стр. 11; 11]. О *species* еще будет сказано ниже.

В *Instituta artium* Псевдо-Проба понятие инхоативности, так же как у Сацердота, входит в категорию залога: к пяти залогам, выделявшимся грамматиками в качестве основных: действительному, страдательному, среднему, отложительному и общему – добавлены две *forma* – начинательная и участительная, а также недостаточный тип глаголов. Отличает *Instituta artium* отсутствие безличного залога и наименования *species* для залога, которое у него используется в контексте времени [11]: *genus sive qualitas verborum octo his significationibus intellegitur, id est activa passiva neutrali deponenti communi inchoativa frequentativa defectiva*. [2. Т. 4. С. 156. Стр. 10–12] – «Глагольный залог, или качество, восемью этими обозначениями распознается, то есть действительным, страдательным, средним, общим, начинательным, участительным, недостаточным». Схожая теория встречается в разделе о причастиях у Кледония, подчерпнутая из источника, по всей видимости, близкого к Псевдо-Пробу [2. Т. 5. С. 71. Стр. 2–5]. В остальном у Кледония в связи с инхоативностью используется только слова *forma* и *verbum*, не считая оригинального употребления в значении ‘начальный, занимающий первую позицию в предложении’ со словом *coniunctio* [11].

Также относительно термина *genus* упомянем одно место у Сервия из комментария к «Энеиде» – пояснение к лемме *miserescimus*: *quidam 'miserescimus' pro miseremur, genus inchoativum volunt, ut 'horreo horresco', 'gelo gelasco': aliter 'lentesco' inchoativum, nullo praecedente verbo; neque enim est 'lento', ut sit 'lentesco'*. [20. Т. 2. С. 145. Стр. 1–6] – «Некоторые (говоря) *miserescimus* вместо *miseremur*, хотя (обозначить) начинательный залог, как *horreo horresco* ‘дрожу – содрогаюсь’, *gelo gelasco* ‘мерзну – замерзаю’. Иным образом обстоит с начинательным *lentesco* ‘размягчаюсь’ с отсутствующим исходным глаголом, ведь не существует *lento*, чтобы получилось *lentesco*». Здесь, хотя и нельзя сделать вывод о зало-

говой системе у Сервия, в *genus* все же можно усмотреть след грамматической теории, по которой видо-вые формы присоединялись к системе залога.

Сочинение *De verborum Graeci et Latini differentiis vel societatibus* Макробия, сохранившееся в трех источниках, два из которых – эксерпты Эриугены и *frg. Bobiense de verbo*, в введении в понятие *forma* предлагает дополнительное для него наименование – *species*: *Frq. Bobiense de verbo: De formis verborum. formae verborum sive species sunt quattuor, quibus ex rebus significant indita vocabula sunt* [10. С. 48] – «Об образах глаголов. Глагольных образов, или видов, четыре, с помощью которых в слова вложено что-то из событий, которые они обозначают»; *Excerpta: de formis vel speciebus verborum. his subiunguntur quae verborum formae vel species nominantur, meditativa inchoativa frequentativa et usurpativa*⁸ [2. Т. 5. С. 625. Стр. 24–25] – «Об образах, или видах, глаголов. К ним [к наклонениям] присоединяются те, что именуются образами, или видами, глаголов: замыслительный, начинательный, участительный, употребительный». Однако далее в этих двух текстах используется только *forma* [11].

Возвращаясь к *species*, следует подчеркнуть, что оно употребляется в различном смысле. У Диомеда, в отличие от Сацердота и Псевдо-Проба, во-первых, наименование *species* не имеет статуса акциденции, а во-вторых, производные глагольные формы уже отделены от категории залога. Если у Сацердота *species* соотносено с категорией залога, то у Псевдо-Проба, напомним, *species*, будучи самостоятельной категорией, обозначает временно-видовую категорию.

Такая акциденция *species*, куда отнесена инхоативность наряду с фреквентативностью и дезидеративностью, значит только у Присциана. Грамматик предлагает несколько иное деление, чем его предшественники. Он выделяет в первую очередь исходную и производные формы: *species sunt verborum duae, primitiva et derivativa, quae inveniuntur fere in omnibus partibus orationis. <...> derivativa, quae a positivis derivantur, ut lecturio, fervesco, domito, facesso, garrulo, albico. sunt igitur derivativorum diversae species, ut inchoativa, quae initium actus vel passionis significat, ut caleo calesco, horreo horresco <...>* [15. С. 427. Стр. 11–17] – «Видов глаголов два: первичный и производный, которые можно отыскать почти в каждой части речи. <...> Производные, которые образуются от непродуодных⁹, как *lecturio* ‘хочу читать’, *fervesco* ‘нагреваюсь’, *domito* ‘часто укрощаю’, *facesso* ‘усердно делаю’, *garrulo*¹⁰ ‘болтаю’, *albico* ‘белею’. Итак, существуют различные виды производных форм, как начинательные, которые обозначают начало действия или претерпевания, как *caleo* – *calesco* ‘грею – нагреваюсь’, *horreo* – *horresco* ‘дрожу – содрогаюсь’ <...>». Присциан использует для понятия инхоативности только *species* [11].

Кроме указанных существительных, прилагательное *inchoativus*, например, встречающееся у грамматика Диомеда, сочетается с *modus*, которое употреблено не в специальном грамматическом значении ‘наклонение’, а в широком смысле – ‘образ, способ’: *item amo veteres inchoativo modo amasco dixerunt, unde et amasios amatores dicebant, ut Plautus in Truculento ‘stos mundulos amasios’*: *Naevius ‘nunc primulum amasco’*. [2. Т. 1. С. 343. Стр. 11–13] – «Таким же образом древние говорили *amo* ‘люблю’ начинательным образом как *amasco*, – отчего вместо *amatores* говорили *amasios*, как у Плавта в «Грубияне» ‘*stos mundulos amasios*’ “этих щеголеватых любовников”, – как у Невия ‘*nunc primulum amasco*’ “теперь впервые влюбляюсь”».

Заключение

Итак, относительно понятия инхоативности у латинских грамматиков мы можем прийти к следующим выводам. Употребление прилагательного *inchoativus* ‘начинательный’ применительно к виду-временной категории встречается только в ранних грамматических сочинениях – Проба, Сацердота, Харизия, Диомеда, Псевдо-Проба. Если последние четыре грамматика (III–IV вв.) пользуются терминами *differentia* и *species*, т.е. прибегают к понятию вида, то у самого раннего из них, Проба, инхоативность является одной из характеристик самого времени. У тех же грамматиков, как и у всех остальных, прилагательное использовалось и в качестве обозначения особого рода фазовых глаголов.

Наиболее распространенной акциденцией в связи с инхоативностью является *forma*: она засвидетельствована у Досифея, Фоки, Евтихия, Псевдо-Викторина, Аудакса, Доната и его комментаторов: Сергия, Сервия, Помпея, Кледония, Юлиана Толедского. Инхоативность может быть отнесена напрямую к категории качества у тех грамматиков, кто не выделяет из *qualitas forma*, как это делает Диомед, у которого дополнительно к *qualitas* называется также *species*. Оно же, в свою очередь, указывается в качестве дополнительного к *forma* у Макробия, но как основное и единственное только у Присциана.

Инхоативность также может включаться в категорию залога, если он входит в категорию качества, что мы видим у Сацердота, Псевдо-Проба и в одном месте у Кледония. Начинательные глаголы с точки зрения словообразования рассматриваются только у Псевдо-Аспера и входят в акциденцию *figura*. Такое, не встречающееся более ни у кого широкое толкование *figura*, куда входит *forma*, а также написание *inchoativus* как *inchoativus* заставляет предполагать раннее создание текста Псевдо-Аспера. Инхоативность применительно к фазовым глаголам, в целом, оказывается проявлением качества, состоит ли оно из наклонений и образов или же включает в себя залог.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поскольку текст цитируется по цифровой версии издания и на сайте *Corpus corporum* указываются только страницы, в ссылках на эти издания приводятся только страницы.

2. «Так как» добавлено для передачи конъюнктива.

3. Infinitivum здесь является, по всей вероятности, переводом времени ἄριστος, так что латинский перфект ставится в соответствие древнегреческому аористу.
4. На русский язык термин forma, соответствующий древнегреческой категории εἶδος, предлагается переводить как 'вид' [30. С. 136], но в настоящей работе 'вид' будет соответствовать species.
5. Категория figura соответствует древнегреческому σῆμα и переводится как 'образ' [30. С. 136].
6. Это единственное употребление прилагательного у Псевдо-Аспера [11].
7. Прилагательное παραουός в качестве грамматического термина употребляется у Дионисия Фракийца, обозначает производное слово и противопоставлено производящему, первичному – πρωτότυπος [31].
8. Так у Макробия называются супины и герундии [2. Т. 5. С. 626. Стр. 626; С. 627. Стр. 2].
9. Толкование термина positivus [14. С. 307].
10. В OLD и корпусе PHI Latin texts глагол garrulo отсутствует [16, 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику : учеб. пособие. 2-е изд. М. : УРСС, 2003. С. 305–306.
2. Grammatici Latini / ed. H. Keil. Leipzig : Teubner, 1855–1880. Vol. 1–7.
3. Dosithei ars grammatica / ed. J. Tolckehn. Leipzig : Dieterich, 1913.
4. Flauii Sosipatri Charisii Artis grammaticae libri V / ed. K. Barwick. Leipzig : Teubner, 1964.
5. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, Etude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle) et édition critique / ed. L. Holtz. Paris : Centre National de la Recherche Scientifique, 1981.
6. La grammatica dell' Anonymus Bobiensis, con un' appendice carisiana / ed. M. de Nonno. Roma, 1982.
7. Ps. Remmii Palaemonis Regulae / ed. M. Rosellini. Hildesheim, 2001. (Collectanea grammatica latina, 1). Цифровое издание под ред. A. Borgna доступно по ссылке URL: <https://digilibt.uniupo.it/xtf/view?query=&brand=default;docId=dlt000577/dlt000577.xml>; (дата обращения: 29.07.2020).
8. Ars Iuliani Toletani episcopi: una gramatica latina de la Espana visigoda / ed. M.A.H. Yenes Maestre. Toledo, 1973. (Publicaciones del Instituto Provincial de Investigaciones y Estudios Toledanos. Serie 2, vol. 5). URL: http://www.mlat.uzh.ch/MLS/xanfang.php?table=Iulianus_Toletanus_cps13&corpus=13&allow_download=0&lang=0 (дата обращения: 29.07.2020).
9. Foca: De nomine et verbo / ed. F Casaceli. Naples: Libreria Scientifica Editrice, 1974. (Collana di Studi Classici, 16). Цифровое издание под ред. E. Malaspina. URL: <https://digilibt.uniupo.it/xtf/view?query=&brand=default;docId=dlt000408/dlt000408.xml> (дата обращения: 29.07.2020).
10. Tre testi grammaticali bobbiesi. GL V, 555–566; 634–654, GL IV, 207–216 Keil / ed. M. Passalacqua. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1984. (Sussidi eruditi 38). URL: http://www.mlat.uzh.ch/MLS/xanfang.php?table=Anonymi_cps13&corpus=13&allow_download=0&lang=0 (дата обращения: 29.07.2020).
11. Corpus corporum – a database of latin texts. URL: <http://www.mlat.uzh.ch/MLS/xanfang.php?corpus=13&lang=0> (дата обращения: 29.07.2020).
12. Zetzel J.E.G. Critics, compilers, and commentators. An introduction to Roman philology, 200 BCE–800 CE. Oxford, 2018.
13. Digital Library of late antique Latin texts. URL: <https://digilibt.uniupo.it> (дата обращения: 29.07.2020).
14. A Lexicon of Latin Grammatical Terminology / ed. S. Schad. Pisa, Roma : F. Serra, 2007.
15. Grammatici Latini, II. Prisciani Institutionum Grammaticarum libri I–XII, ex recensione M. Hertzii. Hildesheim, 1961 (reprografischer Nachdruck der Ausgabe, Leipzig 1855).
16. Oxford Latin Dictionary / ed. P.G.W. Glare. Oxford : Clarendon Press, 1968.
17. Word search – PHI Latin texts. URL: <https://latin.packhum.org/search> (дата обращения: 29.07.2020).
18. Sergius (Ps.-Cassiodorus). Commentarium de oratione et de octo partibus orationis Artis Secundae Donati. Uberlieferung, Testo und Kommentar / ed. C Stock. Munchen/Leipzig, 2005 (Sammlung wissenschaftlicher Commentare).
19. Fragmenta de M. Valerio Probo Berytio capita quattuor, accedit reliquiarum conlectio / ed. J. Aistermann, 1910. URL: <https://latin.packhum.org/loc/996/3/0#0> (дата обращения: 22.07.2020).
20. In Vergilii Aeneidos libros Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii. Vol. 1–2 / ed. G. Thilo. 1878–1884. URL: <https://latin.packhum.org/loc/2349/5/0> (дата обращения: 29.07.2020).
21. Panhuis D. Latin Grammar. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2006.
22. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. М. : Лист Нью, 2003.
23. Pinkster H. The Oxford Latin Syntax, Volume I: The Simple Clause. Oxford : Oxford University Press, 2015.
24. Szemerényi O. The Origin of Aspect in the Indo-European Languages. Glotta, 1987. 65, 1/2. P. 1–18.
25. Haspelmath M. More on the Typology of Inchoative/Causative Verb Alternations // Causatives and Transitivity / ed. Bernard Comrie, Maria Polinsky. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 87–120.
26. Braylock C. The Romance Development of Latin Verbal Augment -sk- // Romance Philology. 1975. Vol. 28 (4). P. 434–444.
27. Haverling G. On Prefixes and Actionality in Classical and Late Latin // Acta Linguistica Hungarica. 2003. Vol. 50, № 1–2. P. 113–135.
28. Maurer Th.H.Jr. The Romance Conjugation in -ēscō (-īscō) -ire: Its Origin in Vulgar Latin // Language. 1951. Vol. 27 (2). P. 136–145.
29. Kobayashi K. On the Formation of the Romance Inchoative Conjugation – A New Theory // Romance Philology. 1988. Vol. 41 (4). P. 394–408.
30. Античные теории языка и стиля / общ. ред. О.М. Фрейденберг. СПб. : Алтейя, 1996.
31. A Greek-English lexicon / compiled by H.G. Liddell and R. Scott, revised and augmented throughout by sir Henry Stuart Jones. New Supplement added. Oxford : Clarendon Press, 1996.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 ноября 2020 г.

The Concept of Inchoativity in Works of Latin Grammarians

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 47–54.

DOI: 10.17223/15617793/466/5

Vlada A. Chernysheva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: st042939@student.spbu.ru

Keywords: aspect; phasality; phasal verbs; inflection; Roman grammarians; history of linguistics; ancient linguistics.

This article touches upon the idea of inchoativity in the works of Roman grammarians. It aims to observe the development of the usage of the term *inchoativus* in the Roman grammatical tradition. The study is based on Latin grammatical treatises dating back to the 3rd–7th centuries A.D., the most part of which was published by Heinrich Keil in the second half of the 19th century. Besides Keil's edition, the article refers to recent editions of grammatical treatises. The study was conducted using three digital textual databases including Corpora Corporum, Digital Library of Latin Texts, and PHI Latin Texts. The Latin adjective *inchoativus* (or *inchoativus*, a less common spelling), which literally means 'inceptive, initial', is attested in three meanings and is used in collocations

concerning verbal tense, verbal inflection, and conjunctions respectively. The first two usages were widespread and refer to verbal categories, while the last one is attested only once. The article is divided into two parts. The first one discusses collocations with types of verbal tense such as *gradus* ‘grade, degree’, *distantia* ‘distance’, *differentia* ‘difference’, *discertio* ‘difference’, *species* ‘aspect’ and *tempus* ‘tense’ itself. The second part deals with Roman grammatical categories including *forma* ‘form’, *qualitas* ‘quality’, *species* ‘aspect’, *genus* ‘voice’, *figura* ‘figure’. The study draws a conclusion that the adjective *inchoativus/inchoativus* is used with categories of tense and aspect only in the works of early grammarians including Probus, Sacerdos, Diomedes, Charisius, and Pseudo-Probus. However, these grammarians also mention this term with regard to verb forms ending in *-sco*. Mostly, inchoativity is bound with the Roman verbal category of *forma*, which can be observed in the works by Dositheus, Phocas, Eutyches, Audax, Pseudo-Victorinus, Donatus and his commentators Sergius, Servius, Pompeius, Cleonius, and Julian of Toledo, and *species* (Macrobius, Priscian), which is not to be confused with the *species* of tense mentioned above. Pseudo-Asper is the only Roman grammarian who exceptionally puts inchoativity into the category of *figura* and spells *inchoativus* as *inchoativus*. If the category of *forma* is absent, inchoativity is reckoned to be a verbal quality (Diomedes). Inchoativity is included into the category of voice in case voice is regarded as a subcategory of quality (Sacerdos, Pseudo-Probus, and Cleonius). In respect to forms ending in *-sco*, inchoativity is a manifestation of the so-called grammatical category of quality.

REFERENCES

1. Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to problems]. 2nd ed. Moscow: URSS. pp. 305–306.
2. Keil, H. (ed.) (1855–1880) *Grammatici Latini*. Vols 1–7. Leipzig: Teubner.
3. Tolkiehn, J. (ed.) (1913) *Dosithei ars grammatica*. Leipzig: Dieterich.
4. Barwick, K. (ed.) (1964) *Flavii Sospatri Charisii Artis grammaticae libri V*. Leipzig: Teubner.
5. Holtz, L. (ed.) (1981) *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, Etude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle) et édition critique*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.
6. de Nonno, M. (ed.) (1982) *La grammatica dell' Anonymus Bobiensis, con un' appendice carisiana*. Roma.
7. Rosellini, M. (ed.) (2001) *Ps. Remmii Palaemonis Regulae*. Hildesheim, (Collectanea grammatica latina. [Online] Available from: <https://digiliblt.uniupo.it/xtf/view?query=&brand=default;docId=dlt000577/dlt000577.xml>; (Accessed: 29.07.2020).
8. Yenes Maestre, M.A.H. (ed.) (1973) *Ars Iuliani Toletani episcopi: una gramatica latina de la Espana visigoda*. Toledo (Publicaciones del Instituto Provincial de Investigaciones y Estudios Toledanos. Serie 2, vol. 5). [Online] Available from: http://www.mlat.uzh.ch/MLS/xanfng.php?table=Iulianus_Toletanus_cps13&corpus=13&allow_download=0&lang=0 (Accessed: 29.07.2020).
9. Casaceli, F. (ed.) (1974) *Foca: De nomine et verbo*. Naples: Libreria Scientifica Editrice. (Collana di Studi Classici, 16). [Online] Available from: <https://digiliblt.uniupo.it/xtf/view?query=&brand=default;docId=dlt000408/dlt000408.xml> (Accessed: 29.07.2020).
10. Passalacqua, M. (ed.) (1984) *Tre testi grammaticali bobbiesi*. GL V, 555–566; 634–654. GL IV, 207–216. Keil; Roma: Edizioni di storia e letteratura. (Sussidi eruditi 38). [Online] Available from: http://www.mlat.uzh.ch/MLS/xanfng.php?table=Anonymi_cps13&corpus=13&allow_download=0&lang=0 (Accessed: 29.07.2020).
11. *Corpus Corporum* – A Database of Latin Texts. [Online] Available from: <http://www.mlat.uzh.ch/MLS/xanfng.php?corpus=13&lang=0> (Accessed: 29.07.2020).
12. Zetzel, J.E.G. (2018) *Critics, compilers, and commentators. An introduction to Roman philology, 200 BCE–800 CE*. Oxford: OUP.
13. *Digital Library of late antique Latin texts*. [Online] Available from: <https://digiliblt.uniupo.it> (Accessed: 29.07.2020).
14. Schad, S. (ed.) (2007) *A Lexicon of Latin Grammatical Terminology*. Pisa; Roma: F. Serra.
15. Hertzi, M. et al. (1961) *Grammatici Latini, II. Prisciani Institutionum Grammaticarum libri I–XII*. Hildesheim. (reprografischer Nachdruck der Ausgabe, Leipzig 1855).
16. Glare, P.G.W. (ed.) (1968) *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press.
17. *PHI Latin texts*. (2020) Word search. [Online] Available from: <https://latin.packhum.org/search> (Accessed: 29.07.2020).
18. Sergius (Ps.-Cassiodorus). (2005) *Commentarium de oratione et de octo partibus orationis Artis Secundae Donati. Uberlieferung, Testo und Kommentar*. Munchen; Leipzig. (Sammlung wissenschaftlicher Commentare).
19. Aistermann, J. (ed.) (1910) *Fragmenta de M. Valerio Probo Berytio capita quattuor, accedit reliquiarum conlectio*. [Online] Available from: <https://latin.packhum.org/loc/996/3/0#0> (Accessed: 22.07.2020).
20. Thilo, G. (ed.) (1878–1884) *In Vergilii Aeneidos libros Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii*. Vol. 1–2. [Online] Available from: <https://latin.packhum.org/loc/2349/5/0> (Accessed: 29.07.2020).
21. Panhuis, D. (2006) *Latin Grammar*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
22. Sobolevskiy, S.I. (2003) *Grammatika latinskogo yazyka. Teoreticheskaya chast'. Morfologiya i sintaksis* [Latin grammar. Theoretical part. Morphology and syntax]. Moscow: List N'yu.
23. Pinkster, H. (2015) *The Oxford Latin Syntax*. Volume I: The Simple Clause. Oxford: Oxford University Press.
24. Szemerényi, O. (1987) The Origin of Aspect in the Indo-European Languages. *Glotta*. 65 (1/2). pp. 1–18.
25. Haspelmath, M. (1993) More on the Typology of Inchoative/Causative Verb Alternations. In: Comrie, B. & Polinsky, M. (eds) *Causatives and Transitivity*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 87–120.
26. Braylock, C. (1975) The Romance Development of Latin Verbal Augment *-sk-*. *Romance Philology*. 28 (4). pp. 434–444.
27. Haverling, G. (2003) On Prefixes and Actionality in Classical and Late Latin. *Acta Linguistica Hungarica*. 50 (1–2). pp. 113–135.
28. Maurer, Th.H.Jr. (1951) The Romance Conjugation in *-ěscō (-iscō) -ire*: Its Origin in Vulgar Latin. *Language*. 27 (2). pp. 136–145.
29. Kobayashi, K. (1988) On the Formation of the Romance Inchoative Conjugation – A New Theory. *Romance Philology*. 41 (4). pp. 394–408.
30. Freydenberg, O.M. (ed.) (1996) *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Ancient theories of language and style]. St. Petersburg: Aleteyya.
31. Liddell, H.G. & Scott, R. (1996) *A Greek-English lexicon*. Revised and augmented throughout by sir Henry Stuart Jones. New Supplement added. Oxford: Clarendon Press.

Received: 10 November 2020

ФИЛОСОФИЯ

УДК 930:01, 930:02

Д.А. Аникин, А.А. Линченко

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ФРОНТИРА: В ПОИСКАХ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ и ЭИСИ № 20-011-31600.18-511-00001.

В контексте идей Б. Бевернажа и Ф. Тернера были осмыслены пространственно-временные аспекты содержания мемориальных войн. Выявлено, что кризис глобалистского проекта политики памяти и перенос немецкой модели виктимизации на территорию восточноевропейского фронта приводит к конкуренции жертвенных нарративов и эскалации мемориальных конфликтов, превращающихся в полноценные мемориальные войны.

Ключевые слова: фронтир; политика памяти; мемориальные войны; символический ресурс; конфликт; войны памяти; аллохронизм; историческая несовременность.

Проблемы теоретического осмысления понятия «войны памяти»/«мемориальные войны» привлекают все большее внимание исследователей в связи с актуальными политическими процессами в современном мире и связываются в первую очередь с ростом информационного противостояния вокруг интерпретации событий Второй мировой войны, а также трансформацией базовых подходов к проекту общеевропейской культурной памяти [1. С. 224]. Особую сложность осмыслению проблемы мемориальных войн добавляет также их статус, рассматриваемый одновременно как в модусе конфликта ценностей, так и конфликта интересов [2. С. 4]. При этом всякий, кто обращается как к теоретическим, так и практическим вопросам осмысления конфликтогенного характера политического использования прошлого не может не учитывать трансформацию самих войн в последние десятилетия.

В этой связи российский исследователь А.Д. Куманьков указывает на целый ряд изменений самого категориального аппарата понимания войн: пространства и времени войн, субъектов и объектов военного противостояния, материального и идеального содержания военных действий [3]. В частности, трансформации практик ведения войны после 1945 г. анализируются им в контексте изменения самого пространства войны, где театром военных действий может оказаться любая территория, включая территорию нейтральных стран. Однако изменения наблюдаются и в темпоральном измерении войны, где на место классической периодизации войны (причины войны, подготовка войны, повод, состояние войны, завершение войны) приходит проблематичность каждого из ее этапов. Например, как отмечает А.Д. Куманьков, важной чертой современных войн оказывается именно сложность их окончания, когда период установления мира может затянуться на годы и десятилетия. Мы также можем видеть изменения и в отношении категорий субъекта и объекта войны, когда в условиях «приватизации насилия» стремление вести войну оказывается связанным не с государствами, а с различными негосударственными субъектами (террористы, корпорации, частные военные компании), а также

самого объекта войны, который связывается не только с захватом территории, но и с «наведением порядка», «гуманитарной интервенцией», «принуждением к миру», «антитеррористической операцией». Как показывает К.А. Пахалюк, во всех этих случаях традиционное деление на комбатантов и некомбатантов оказывается не менее проблематичным, что в полной мере соответствует дискурсу постгероических обществ [2. С. 14].

Наконец, значительными представляются изменения и в отношении материального и идеального измерения войны, когда сегодня уверенно говорят о гибридных войнах, информационных войнах, войнах как составляющих политики идентичности [3]. Как видится, все вышеперечисленные моменты, проблематизирующие теоретическое осмысление войн, оказываются значимыми и при обращении к мемориальным войнам. Можно с уверенностью утверждать, что мемориальные войны из расхожей метафоры превращаются уже в специальный термин, призванный отразить новую стадию эскалации конфликтов вокруг прошлого, которые все активнее разворачиваются как на международном, так и на внутривнутриполитическом уровне. Вместе с тем процесс концептуализации данного понятия сопряжен с выбором теоретического подхода, позволяющего вписать возникновение «мемориальных войн» в определенные методологические рамки. В рамках данной статьи авторы постараются наметить и описать указанные теоретико-методологические рамки, которые, на наш взгляд, наиболее продуктивно могут быть развернуты в рамках проекта политики времени Б. Бевернажа и понятия фронта Ф. Тернера.

Мемориальные войны как предмет философского осмысления: критика аллохронизма и идея фронта

На первый взгляд мемориальные войны являются разновидностью политического противостояния, когда общественные группы, сообщества памяти, официальные и неофициальные акторы используют конфронтационные образы прошлого в информационном пространстве с целью получения политических и эко-

номических выгод. В частности, известный отечественный исследователь Геннадий Бордюгов отмечает, что «войны памяти» могут происходить внутри одной страны или между разными странами <...> их запускает само разреженное прошлое после длительного сокрытия фактов, противоречивый процесс создания национальных историй, национальной культуры памяти, а еще – националистические движения и современные политические элиты, позволяющие себе инициировать в определенные моменты либо диалог по поводу истории в европейском масштабе, либо с ее помощью противопоставлять себя другим государствам, создавать конфронтационные образы» [4. С. 13].

Соглашаясь с позицией отечественного исследователя, тем не менее отметим, что мемориальные войны/войны памяти являются не только войнами настоящего, выступая инструментом решения актуальных политических задач, но и оказываются своеобразными войнами с прошлым. Последнее оказывается зримым не только в идеальном (критическая переоценка образов прошлого и моделей интерпретации исторических событий), но и в материальном измерении (войны памятников, переименование городов и улиц, целенаправленное изменение историко-культурного ландшафта территорий). Подобная ситуация требует дальнейшего прояснения именно категориального аппарата понимания мемориальных войн, ключевое значение среди которых приобретают категории пространства и времени.

Не будет преувеличением утверждать о понимании мемориальных войн как одного из аспектов символической политики. Современные отечественные и зарубежные исследователи подчеркивают важную роль темпоральности как свойства символического в политике [5. С. 13], использования прошлого как фактора «мнемонической легитимации» [6. Р. 26]. Однако в случае мемориальных войн речь идет не только о различных формах эксплуатации прошлого с целью получения политических выгод в настоящем, а об усложнении самого культурного времени политического взаимодействия, создающего новые формы присутствия прошлого в настоящем и настоящего в прошлом. И здесь уместно вспомнить именно Р. Козеллека, одной из главных заслуг которого как раз являлось обоснование проблематичности редуцирования исторического времени к времени физическому [7].

Отталкиваясь от идей Р. Козеллека, современный европейский исследователь Б. Бевернаж предложил обратиться к теоретизации политики времени как особой формы политического употребления дискурса, риторики и логики времени. При этом его идеи являются своеобразным ответом на исследования Й. Фабиана, главной идеей которого являлось обоснование перехода к идее «равенства людей во времени» и своеобразного «демонтажа» любых попыток постулировать неравенство людей и культур во времени как в политическом (геополитика), так и в научном (антропология) отношении. Данное неравенство во времени обозначается Й. Фабианом как идея аллохронизма и противопоставляется анахронизму как ошибочной репрезентации, выпадающей из темпоральности [8]. В отличие от него, Б. Бевернаж предлагает бороться с

аллохронизмом как в контексте деконструкции идеи равенства людей и культур во времени, а также понятия исторической современности. Для Б. Бевернажа любая политика времени (хронополитика), обращаясь к идее аллохронизма, предполагает пространственно-временное дистанцирование и служит политике господства [9. С. 177]. Он отмечает: «...аллохронизм происходит из отрицания равенства во времени и исторической современности не с необходимостью, но скорее в силу их особого понимания. То, что “Запад” относится к “Остальному миру” как отсталому, не обязательно проистекает из акцента на не-современности этого Остального, но скорее из идеологического позиционирования современности Запада, которая считается нормой или воспринимается как *эта* современность – я называю это “референциальной” исторической современностью. Только с точки зрения такой референциальной современности Другие могут быть охарактеризованы как “отсталые”, “до-исторические”, принадлежащие “прошлому”, или, наоборот, “передовые”, воплощающие “будущее” и т.д.» [9. С. 177]. Основной мотив Б. Бевернажа состоит в радикальном сомнении относительно актуальности подобной «референциальной» современности Запада. Он подчеркивает, что «вместо упразднения не-современности, которая характеризует связь между Западом и Остальным миром, следует акцентировать «внутреннюю» несовременность, которая характеризует Запад и Остальной мир как таковые» [9. С. 177]. При этом, по мысли зарубежного ученого, высказывание о том, что Другой находится в ином времени или историческом измерении, само по себе еще не является идеологическим. Таковым оно становится, когда некто заявляет, что Другой проходит более раннюю «стадию» нашей собственной истории/времени.

На наш взгляд, контуры проекта политики времени, намечаемые Б. Бевернажем, позволяют лучше понять природу современных мемориальных войн в Европе. Их истоки связаны с попыткой переноса на страны Восточной Европы после 1989 г. западноевропейского проекта «космополитической» памяти, где Западная Европа оказывается своеобразной «референциальной» рамкой исторической современности. В данном случае мы отсылаем читателя к известной статье А. Булл и Х. Хансена, посвященной описанию трех наиболее значимых для современной Европы режимов функционирования исторической памяти [10].

По их мысли, пространство исторической памяти в Европе на протяжении последних двух веков может быть представлено антагонистическими формами (включая националистическую память), космополитической памятью и памятью агонистической. Говоря об антагонистических формах коллективной памяти, авторы в первую очередь имеют в виду националистическую память, которая стремится провести границу между друзьями и врагами и направлена на формирование и расширение собственной культурной идентичности, где «другие» оказываются исключенными. Такой тип памяти основывается на монологичности и ксенофобии. Подобный тип способствует формированию чувства принадлежности через конфронтацию с чужаками. Более интересный тип исто-

рической памяти, получивший распространение в Евросоюзе в современный период, был назван упомянутыми выше авторами «космополитической памятью» [10. Р. 395]. В данном случае также предполагается оппозиция «добра» и «зла». Однако данные категории имеют более идеологическую ориентацию. Космополитическая память оказывается востребованной в различных формах либеральной демократии и апеллирует к правам человека. В таком случае «другой» для нее – это любое проявление тоталитарной идеологии. Характерными чертами космополитической памяти являются саморефлексивность и диалогизм. Это формирует ее ориентацию на память о жертвах вне зависимости от национальности и государственной принадлежности. Также важной стороной данного режима функционирования памяти является стремление к достижению межсубъектного консенсуса. Итогом последнего оказывается окончание диалога, где стороны выстраивают новые «исторические» отношения. Именно такой проект памяти лежит в основе политики памяти в Евросоюзе сегодня, что хорошо видно в концепциях различных западноевропейских музеев, посвященных общеевропейской истории и культурной памяти.

Однако, как отмечает А.И. Миллер, «принципиально иным был подход к прошлому, сформировавшийся в бывших социалистических странах и в ряде бывших республик СССР. Восточноевропейские страны, заявлявшие о стремлении в Европу, стремились продемонстрировать следование космополитическому канону как общеевропейской ценности. Однако в действительности подход посткоммунистических элит к политике памяти был принципиально иным <...> в центре восточноевропейских нарративов оказался не “критический патриотизм”, а страдания собственной нации. В основе этого различия лежал иной подход к самой природе культурной памяти» [1. С. 224]. Резонно предположить, что данный подход во многом воспроизводит антагонистический режим памяти в терминах зарубежных ученых. Некритическое использование западноевропейского исторического опыта как «референциальной» рамки исторической современности приводит именно к поверхностному копированию политики памяти, идущей в разрез с политиками времени в Восточной Европе, где идея двух тоталитаризмов преподносится как единая и внутренне неразличимая эпоха, а политика современных постсоциалистических государств основывается на идее радикального пространственно-временного дистанцирования от своего недавнего прошлого. В этой связи характерно, что в ряде стран Восточной Европы мы наблюдаем мемориальные войны не только по отношению к Российской Федерации как правопреемнице СССР, но и по отношению к отдельным аспектам собственного прошлого.

И здесь проект политики времени Б. Бевернажа с его апелляцией к идее неравенства во времени и деконструкции Запада как «референциальной» рамки исторической современности оказывается созвучным только появляющемуся сегодня новому режиму функционирования памяти, получившему с легкой руки А. Булл и Х. Хансена наименования агонической

памяти. Такая историческая память предполагает непрекращающийся диалог. В данном случае предельно важно, что дебаты относительно памяти не могут быть прекращены, что позволяет рассматривать борьбу различных памятей в качестве политической борьбы. Таким образом, если комполитическую память интересует «деполитизация» пространства памяти, то агонистическую память направляет стремление к «реполитизации». Такой идеал памяти оказывается близок левым демократическим силам в Европе.

Однако было бы неверным говорить об агонистической памяти как о стремлении к дискуссии ради нее самой. Наоборот, целью данной агонистической памяти является укрепление социальной сплоченности и солидарности, достижение социальной справедливости и стремление демократических левых расширить демократические права граждан. На этом пути агонистическая память не менее эмоциональна, однако она не выстраивает нарратив через противопоставление «своих» и «жертв». Ее интересуют формы социальной солидарности и демократизации. Агонистическая память стремится уйти от моральных противопоставлений в сторону многообразия рассмотрения исторических конфликтов, апеллируя к радикальному историзму и ограничивая себя в моральных оценках прошлого. Стержнем такого отношения оказывается мультиперспективность в оценке национального нарратива и памяти о военных конфликтах. Единственной ценностной рамкой в таком случае оказывается демократическая дискуссия и признание легитимности других участников дебатов. Правда, и здесь некоей безусловной этической рамкой выступает неприятие фальсификации источников, отрицание Холокоста, отрицание геноцидов и избегание памяти о жертвах войн и столкновений последних веков.

Как видится, подобная мультиперспективность в большей мере является желаемым проектом, чем становящейся реальностью. Однако важным условием его становления нам видится именно формирование новой темпоральной перспективы. В таком случае перед Европейским союзом только встает задача согласования/синхронизации различных ритмов политик времени и только потом уже выработки новой версии общеевропейской политики памяти.

Не меньшее значение для понимания природы современных мемориальных войн в Европе имеет и пространственное измерение, связанное с использованием категории «фронтир». В отличие от критики идеи аллохронизма, понятие «фронтир» как исследовательский инструмент оказывается на более благодатной и хорошо разработанной почве пространственного подхода к социальной памяти.

Пространственный подход, представленный в социальных науках П. Бурдьё, а конкретно в исследованиях памяти Д. Оликом, стремится представить социальные явления в качестве определенных точек пространства, взаимодействие между которыми осуществляется посредством социальных практик. Динамичность и трансформативность практик, а также конструктивистская природа самих изучаемых явлений позволили Д. Олику назвать свою методологию «процессо-реляционной» и говорить о своеобразных

«конфигурациях» памяти [11. Р. 106–108]. Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что структура социального пространства не является гомогенной, а представляет собой определенный ландшафт, имеющий неравномерный характер, причем неравномерность данного пространства определяется не чисто географическими характеристиками, а распределением символической власти. Пользуясь пространственной терминологией, имеет смысл говорить о различной степени концентрации символических ресурсов, что делает необходимым использование категорий «центр», «периферия», «граница», «магистраль», «узел» и т.д.

Особое место среди данных категорий занимает понятие фронта. Хотя бы уже потому, что фронт, в силу его стратегической значимости, нельзя свести к периферии, как бы далеко он не располагался от формального центра государственной власти в географических координатах. Более того, фронт стоит во многом рассматривать как альтернативный источник символической власти, обладающий существенным потенциалом для ее конвертации в другие виды социального капитала [12. С. 12–13]. Впервые о фронте в качестве особого социокультурного пространства заговорил Ф. Тернер, который придавал именно приграничной территории первенствующее значение в формировании особой американской ментальности [13. Р. 36].

Фронт определяется не особенностями географического положения, а теми культурными и политическими процессами, которые превращают те или иные территории в объект сознательного «окультуривания» со стороны отдельных государств или политических блоков. Иначе говоря, фронтом становится та территория, которая рассматривается в качестве «переднего края» определенной символической экспансии, подобно тому как американцы, в интерпретации Ф. Тернера, периодически перемещали свой фронт по мере включения Дикого Запада в цивилизованное пространство. Но сама специфика пограничного положения формировала определенную двойственность в культурных характеристиках фронта. В векторе символической экспансии фронт рассматривался в качестве территории с крайне высокой степенью рискогенности, что проявлялось как в ситуативности применения правовых норм, так в многообразии субъектов взаимодействия, заставляющем выстраивать сложные поведенческие схемы. Но одновременно фронт выступал и в качестве «пространства возможностей», где реалистичным оказывался сценарий ускоренной социальной мобильности, а сами лакуны социальной иерархии оставляли достаточно высокую вероятность для их заполнения.

Не стоит преуменьшать важность фронта и для самого общества, осуществляющего данную символическую экспансию. Для цивилизации, сдвигающей границу своего влияния на еще не освоенной территории, сам факт существования фронта становится фактором внутренней консолидации, но в условиях фронта этот процесс вызывает диаметрально противоположные последствия, а именно задает индивидуализирующий вектор развития. Вместо осознания

цивилизационного единства происходит раскол даже культурно близкого пространства на отдельные локальные сообщества, пытающиеся выстроить собственные модели идентичности и культурной памяти.

Внимательный читатель может резонно заметить, что представленная попытка рассмотрения содержания понятия «мемориальные войны»/«войны памяти» оказывается достаточно абстрактным анализом его пространственного и темпорального аспектов. Вместе с тем критический пафос современной философии, обозначаемой как «постметафизической» связан не только с преодолением тотализирующего мышления, направленного на поиск Единого, проблематизации познавательных привилегий философии, де-трансцендентализации основных понятий традиционной философии, переходом от философии сознания к философии языка, но и указывает на вплетенность теоретических актов в практические ситуации. В этой связи наш дальнейший анализ категориального понимания мемориальных войн будет связан с исследованием восточноевропейского контекста как наиболее наглядного примера для нашего теоретического анализа.

Специфическое положение Восточной Европы как демаркационной зоны между ведущими державами, а затем и политическими блоками, спорящими за мировое господство, привело в XX в. к тому, что эта территория превратилась в социокультурный фронт, расцениваемый соперничающими субъектами в качестве зоны своих интересов. Распад колониальных империй (при некоторой условности отнесения к подобным государственным образованиям России, на чем, однако, настаивает А. Эткнд [14. Р. 12–19]) привел к тому, что возникшие на территории Восточной Европы независимые государства получили кратковременную передышку как ведения относительно самостоятельной политики, так и для актуализации определенной мемориальной повестки. Так, Польша обратилась к историческому наследию Речи Посполитой, сформулировав не только линию своей преемственности от данного государственного образования, но и обозначив вполне определенные внешнеполитические контуры реализации собственных интересов – проект Ю. Пилсудского «Междуморье».

Вторая мировая война, а затем холодная война между социалистическим и капиталистическим блоками возвратили восточноевропейский регион к пограничному состоянию, точнее говоря, сделали эту территорию своеобразным фронтом «социалистического лагеря». Как и в случае американского фронта, проанализированного Ф. Тернером, восточноевропейское пограничье представляло собой символически значимый регион с точки зрения репрезентации той «цивилизации», частью которой он являлся. Неудивительно поэтому, что для жителей Советского Союза восточноевропейские государства представлялись воплощением относительной свободы или, по крайней мере, пространством для реализации тех мировоззренческих стратегий, которые были недоступны в цивилизационном центре. Вместе с тем определенная демаркация зон культурного и политического влияния между антагонистическими мировыми блоками приводила к отсутствию существенной симво-

лической конкуренции на восточноевропейском пространстве. Даже альтернативные мемориальные дискурсы по поводу Второй мировой войны (например, память румынских или венгерских ветеранов по поводу участия в военных действиях на стороне Германии) пребывали в латентном состоянии, оставаясь скрытыми «местами памяти».

Эпоха «бархатных революций» и последовавший за этим крах Советского Союза в качестве символического центра социалистической «цивилизации» привели, в конечном итоге, к включению восточноевропейских стран в те центростремительные тенденции, которые определялись их западными соседями. Иначе говоря, произошло символическое перекодирование восточноевропейского фронта, когда он, казалось бы, должен был утратить свои пограничные черты, поскольку доминирующим проектом мемориальной политики стал глобалистский проект. Объединение Европы не только в политическом или экономическом, но и в мемориальном смысле представляло собой новую стадию того миропорядка, который был установлен Ялтинскими соглашениями. Но с одной серьезной оговоркой – сохранялся символический смысл победы над нацизмом, но из числа участников договоренностей вычеркивался Советский Союз и ставшая его правопреемницей Российская Федерация. Глобалистский проект политики памяти должен был быть победным проектом, но только в качестве побежденных должны были выступать все тоталитарные режимы, которым, по умолчанию, предписывалась модель вины и ответственности, которая сформировалась в Германии [15]. Проблема состояла только в том, что обратной стороной данного процесса становилась виктимизация, т.е. определение перечня жертв, а сам конкурентный характер выявления виктимизированных коллективных субъектов становился поводом для формирования антагонистического режима политики памяти.

Антагонистический режим политики памяти и возникновение «мемориальных войн»

Н.Е. Копосов обращает внимание на то, что криминализация и виктимизация стали двумя ключевыми элементами политики памяти в 1990-е гг., парадоксальным образом сочетаясь с еще не отброшенным окончательно глобалистским проектом культурной памяти [16. С. 52]. Впрочем, такое противоречие является только кажущимся, поскольку истоки виктимизации были заложены еще в 1960-е гг., когда акцент в восприятии Второй мировой войны, по крайней мере, в европейском и американском общественном сознании окончательно сосредоточился на Холокосте. Выстраиваемая «память жертв» не только обозначила возможность возникновения «истории пропущенного и утраченного», но и продемонстрировала эффективность реализации подобной модели в тех ситуациях, когда подчеркивание жертвенного статуса легитимировало невыгодное положение сообщества, позволяло объяснить особенности его функционирования.

Обратной стороной виктимизации становится криминализация, то есть приписывание исторической

ответственности иному сообществу, что представляется вполне логичным на первый взгляд, ведь если есть жертва, то значит должен быть и преступник. Но на самом деле именно такая логика чревата возникновением и разрастанием мемориальных конфликтов, поскольку позиционирование определенного сообщества в роли преступного всегда ставит вопрос о переносе данной ответственности на то сообщество, которое является политическим правопреемником предыдущего. Иначе говоря, виктимизация естественным образом провоцирует возникновение новой модели политики памяти, которая приходит на смену глобалистскому проекту и которая, в терминологии А. Булл и Х. Хансена, получила название антагонистической [10. Р. 64–65].

Булл и Хансен считают, что авторы глобалистского проекта недооценивали силу сопротивления национальных сообществ и «власть почвы», которая противилась унификации и нейтрализации мемориальных разногласий, существовавших между европейскими сообществами. В отличие от примиренческой политике памяти, концентрировавшейся вокруг травмы Холокоста, противники глобалистского проекта акцентировали внимание на тех воспоминаниях, которые являлись конфликтогенными. В пространственном смысле антагонизм по отношению к глобалистскому проекту зародился именно на периферии европейского сообщества, в тех восточноевропейских странах, которые, как и положено фронтиру, выступили в качестве источника деструкции глобалистских смыслов. Таким образом, восточноевропейский фронт стал тем сегментом общеевропейского пространства, который послужил источником новых националистических течений, сделавших акцент на индивидуальности, а не всеобщности, конфликтности, а не консолидации, жертвенности, а не виновности.

Обратная сторона виктимизации заключалась в конкуренции жертвенных нарративов, не только исключавших возможность достижения политического компромисса, но и раскалывающих восточноевропейский фронт уже в соответствии с внутренними разногласиями относительно степени вины и жертвенности. На смену локальным мемориальным конфликтам в конце 1990-х гг. приходят полноценные символические противостояния, затрагивающие широкий спектр исторических образов и сопровождающиеся созданием специализированных институций. Именно такие конфликты впоследствии получают наименование войн памяти, или мемориальных войн.

Итак, мемориальные войны/войны памяти (memory wars) обозначают социально-политические конфликты, возникающие в результате трансформации современных сообществ и выражающиеся в изменении конфигурации образов прошлого. В каком-то смысле подобное изменение является перманентным процессом, но говорить о войнах памяти можно лишь в той ситуации, когда новые сообщества начинают претендовать на различные, а порой и диаметрально противоположные ре-интерпретации существовавшей исторической концепции. По своей природе любая война памяти представляет собой разновидность символической борьбы (в терминологии П. Бурдьё), по-

сколькo речь идет, в первую очередь, о процессах сборки и пересборки тех исторических символов, которые необходимы для идентификации определенного сообщества.

Мемориальные войны демонстрируют широкий спектр средств борьбы, к которым можно отнести образовательные практики, публичные выступления политиков, художественные перформансы или кинофильмы. Все указанные средства, в терминах А. Эткинды, можно назвать «мягкой памятью» (software), поскольку они не привязаны к конкретному культурному ландшафту, они могут сосуществовать друг с другом, получая альтернативное распространение в различных сообществах и вызывая меньше оснований для возникновения масштабных конфликтов.

Наряду с «мягкой» существует и «жесткая память» (hardware), а именно создание памятников или мемориальных комплексов, которые трудно проигнорировать в процессе символической борьбы именно в силу их устойчивости и постоянства. Жизненный цикл образа в медиапространстве предельно краток, политическое или художественное высказывание может быть опровергнуто, заслонено другими высказываниями или просто выпасть из актуальной повестки, но памятник остается на своем месте, продолжая формировать определенное отношение к прошлому, являясь, тем самым, важным инструментом символической борьбы в сфере истории и исторической памяти.

При этом важно понимать, что памятником является любой топографический объект, содержащий четко артикулированную отсылку к определенным событиям прошлого – не только монумент, но и памятная доска или название улицы/района/города. В процессе повседневного функционирования локального сообщества происходит «обживание» мемориальных объектов, они часто превращаются из носителей определенной идеологии в элемент обыденного ландшафта, становясь объектом не коллективной памяти (collective memory), а памяти коллектива (collected memory). Иначе говоря, памятник обзаводится дополнительными коннотациями, важными исключительно для жителей конкретного населенного пункта и связанными с их биографическими траекториями, происходит помещение мемориального объекта в новый контекст функционирования, часто существенно меняющий исходное значение данного объекта и наделяющий его дополнительными символическими полномочиями.

Г.А. Бордюгов утверждает, что «войны памяти» характерны именно для переходных периодов, когда происходит расставание с общим прошлым, особенно близким» [4. С. 14]. Но кроме временной переходности необходимо возникновение пространственной переходности, т.е. той территории, которая представляет собой определенную «нейтральную полосу» цивилизационного противостояния, где перестают работать наднациональные модели прошлого, а на смену им приходит многообразие локальных национализмов, создающих собственную историческую мифологию.

Мемориальные войны не означают изменение самого прошлого, но они фиксируют изменение современного контекста, в котором одни исторические со-

бытия утрачивают свою роль для коллективной идентичности, а другие кардинально меняют свое значение. Но существенными элементами превращения мемориального конфликта в войну становятся два тесно переплетающихся явления. С одной стороны, хронологическое удлинение конфликта за счет обмена сторонами символическими действиями, направленными на политическую или моральную дискредитацию оппонента. А с другой – создание специализированных институций, ориентированных на поддержание необходимого уровня символического воздействия («институты памяти»).

Фронтир и контр-фронтир: специфика мемориальных войн в Восточной Европе

Исходя из вышесказанного, стоит обратиться к специфике мемориальных войн в условиях восточноевропейского фронта, чтобы проанализировать как условия эскалации конфликтов в сфере памяти, так и перспективы дальнейших внутренних расколов. Смещение символической границы между противостоящими друг другу политическими субъектами на восток, к бывшим границам Советского Союза, привело к изменению той системы координат, в которой функционировал восточноевропейский фронт. Размывание глобалистского проекта в условиях переориентированного на Западную Европу фронта способствовало формированию национальных нарративов, которые, с одной стороны, схожи с точки зрения своего стремления переосмыслить период пребывания в иных цивилизационных координатах (концепция «двух оккупаций»), а с другой – ориентированы на подчеркивание персонально своей идентичности. Как и утверждал Ф. Тернер, сама ситуация фронта способствует индивидуализации, в пограничных условиях даже господствующий нарратив начинает распадаться на локальные практики, которые, хотя и соответствуют общим символическим контурам, но отличаются значительным разнообразием [13. Р. 120].

Как отмечает А.И. Миллер, «по всей Восточной Европе успешно осуществлен “экспорт вины”, что разительно противоречит прежней европейской культуре памяти, постепенно приучавшей людей думать о собственной ответственности» [17. С. 96]. Но если в Германии подобная политика оказалась настолько успешной, что дала основание для попыток формирования общеевропейской памяти, то ситуация восточноевропейского фронта продемонстрировала искажение исходных оснований виктимизации. Вместо символического признания коллективной ответственности возникли процедуры предписывания вины, причем не только по отношению к Российской Федерации, но и по отношению к другим странам данного региона. Можно говорить о двух важных элементах, которые способствовали превращению локальных мемориальных конфликтов в полноценные мемориальные войны, а именно о юрисдикции и институализации.

Юрисдикция памяти проявляется в принятии законов (начало которым положил знаменитый закон Гайсо во Франции), направленных на регулирование отношений к прошлому. Но защита ключевых событий

Второй мировой войны (прежде всего Холокоста) от искажений и фальсификаций достаточно быстро выродилась в правовое обоснование невозможности критики большинства восточноевропейских государств за их поведение в годы войны. Показательно, что 2008 г. именно французские историки выступили против подобных законов, выпустив «Воззвание из Блуа», в котором обозначили право исследователя на интерпретацию прошлого, при условии, что данная интерпретация соответствует критериям научности. В любом случае целью данного воззвания была попытка замены юридического регулирования этическим. Но для политических элит восточноевропейского фронта отказ от юридикации памяти, по сути, оказывается равнозначен поражению в мемориальной войне, поскольку делает уязвимой государственную позицию для внутренней критики.

Естественным продолжением юридикации является институализация памяти, которая проявляется в создании специализированных учреждений, призванных отстаивать государственную трактовку прошлого. Показательно, что значительная часть подобных комиссий или институтов берет свое начало еще в социалистическое время, когда создавались аналогичные органы для расследования преступлений, совершенных во время Второй мировой войны. Но только в 1990-е гг. эти организации стали приобретать внешнеполитическую направленность, выдвигая в качестве своих целей необходимость отстаивания национальной памяти и защиту этой памяти от посягательств. Институализация памяти становится окончательным фактором, способствующим превращению конфликтов в мемориальные войны, поскольку вместо символической конкуренции интерпретаций конкретного события начинается поиск все новых и новых исторических оснований, призванных продемонстрировать статус «жертвы».

Таким образом, повторный возврат к ситуации фронта способствует эскалации мемориальных войн, причем нелинейность самой пограничной ситуации проявляется в гибридном характере подобных войн. Иначе говоря, фронт еще не означает четко выделенной линии фронта, а, наоборот, демонстрирует разнообразие ситуативных коалиций относительно тех или иных образов прошлого, особенно имеющих травматический характер. Например, важным элементом в символическом противостоянии между Польшей и Украиной является «Волынская резня», а отношения между Польшей и Беларусью существенно осложнились в 2019 г. в связи с оправданием некоторыми польскими историками военных преступлений, совершенных национальным героем Польши Ромуальдом Райсом.

Дополнительную нелинейность мемориальным войнам в Восточной Европе придает создание «непризнанных республик», сопровождаемое возникновением и соответствующими мемориальными нарративов, переформатирующих советский опыт в контексте новых экономических и культурных реалий. Из советского опыта, безусловно, востребованной остается тема Великой Отечественной войны, но даже она начинает звучать дифференцированно – в большей

степени, в тех регионах (ДНР и ЛНР), на территории которых непосредственно велись военные действия. Возникает даже своеобразная контаминация, учитываемая совпадение мест боевых действий – событий времен Великой Отечественной войны и 2014 г., что усиливает символический эффект. Но сложность в случае непризнанных государств заключается во внутренней конкуренции различных мнемонических нарративов, отсылающих не только к советскому, но и к имперскому прошлому (образ Новороссии).

Таким образом, теоретическое осмысление понятия «войны памяти»/«мемориальные войны» актуализирует анализ данного понятия не только с точки зрения дискурса трансформации современных войн, но и в рамках уточнения базовых философских категорий понимания мемориальных войн в контексте соответствующих теоретико-методологических рамок. В рамках данной статьи авторы постарались проанализировать указанные теоретико-методологические рамки, в рамках проектов политики времени Б. Бевернажа и понятия фронта Ф. Тернера.

Использование идей Б. Бевернажа позволило объяснить природу современных мемориальных войн в Европе, истоки которых связаны с попыткой переноса на страны Восточной Европы после 1989 г. западноевропейского проекта «космополитической» памяти, где Западная Европа оказывается своеобразной «референциальной» рамкой исторической современности. Некритическое использование западноевропейского исторического опыта как «референциальной» рамки исторической современности приводит именно к поверхностному копированию политики памяти, идущей в разрез с политиками времени в Восточной Европе, где идея двух тоталитаризмов преподносится как единая и внутренне неразличимая эпоха, а политика современных постсоциалистических государств основывается на идее радикального пространственно-временного дистанцирования от своего недавнего прошлого.

В таком случае важным условием становления нового агонического подхода к общеевропейской памяти и преодоления мемориальных войн оказывается формирование новой темпоральной перспективы, когда перед Европейским союзом только встает задача согласования/синхронизации различных ритмов политик времени и только потом уже выработки новой версии общеевропейской политики памяти. Еще более продуктивным для анализа содержания и форм современных мемориальных войн является обращение к пространственному подходу и использование понятия фронта.

Можно констатировать, что восточноевропейский фронт в конце XX в. стал не только местом вновь активизирующегося символического противостояния между Западной Европой и постсоветской Россией, но и выступил в качестве источника возникновения мемориальных войн, которые являются разновидностью символической борьбы. Идейной предпосылкой данного явления стал дискурс виктимизации, выработанный в рамках мемориализации Холокоста, но получивший неожиданное преломление в условиях индивидуализации и национализации трансформирующих свою историческую идентичность восточноевро-

пейских государств. Новым элементом, усложняющим итак нелинейную структуру мемориальных войн, втягивающих в себя большинство государств Восточной Европы, становится возникновение «непризнанных» государств. На этом фоне юридизация и институционализация мемориальных конфликтов способствовали превращению их в полноценные мемориальные войны.

Таким образом, методологическое использование проектов политики времени Б. Бевернажа и пространственного подхода позволяет задать новую рамку для анализа тех политических и культурных процессов, разворачивающихся в Восточной Европе, а использование понятия восточноевропейского фронта локализует сферу возникновения и распространения мемориальных войн.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер А.И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 222–231.
2. Барабанов О.Н., Пахалюк К.А., Уль М. Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти. М. : Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. 48 с.
3. Куманьков А.Д. Война, или в Плену насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 164 с.
4. Бордюгов Г. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011. 256 с.
5. Малинова О.Ю. Темпоральность и другие свойства символического в политике // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего. М. : ИНИОН РАН, 2014. С. 5–18.
6. Müller J.-W. Introduction: The Power of Memory, the Memory of Power and the Power over Memory // Memory and Power in Post-war Europe: Studies in the Presence of the past / ed. by J.-W. Müller. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. P. 1–35.
7. Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. 389 s.
8. Fabian J. Time and the Other. How anthropology makes its object. N.Y. : Columbia University Press, 2002. 272 p.
9. Бевернаж Б. Аллохронизм, равенство во времени и современность. Критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 174–204.
10. Bull A., Hansen H.L. On Agonistic Memory // Memory Studies. 2016. № 9 (4). P. 390–404.
11. Olick J., Robbins J. Social memory studies: From «collective memory» to the historical sociology of mnemonic // Annual review of sociology. 1998. Vol. 24. P. 105–140.
12. Аникин Д.А. Проблематика фронта в исследованиях культурной памяти // Журнал фронтальных исследований. 2020. Т. 5, № 2. С. 12–25.
13. Turner F.J. The Frontier in American History. New York : Holt, 1921. 312 p.
14. Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge : Polity Press, 2011. 448 p.
15. Rigney A. Transforming Memory and the European Project // New Literary History. 2012. № 43 (4). P. 607–628.
16. Копосов Н.Е. Память строгого режима. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
17. Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Политика. 2019. № 3. С. 87–102.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 22 марта 2021 г.

Memory Wars in the East European Frontier: In Search of Research Methodology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 55–63.

DOI: 10.17223/15617793/466/6

Daniil A. Anikin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru

Andrey A. Linchenko, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation); Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Keywords: frontier; politics of memory; memory wars; symbolic resource; conflict; allochronism; historical non-modernity.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 20-011-31600.18-511-00001.

Within the framework of this article, the theoretical and methodological framework of the philosophical interpretation of the concept “memory wars” was analyzed. In the context of criticism of allochronism and the project of the politics of time by B. Bevernage, as well as the concept of the frontier by F. Turner, the space-time aspects of the content of memory wars were comprehended. The use of Bevernage’s ideas made it possible to explain the nature of modern memory wars in Europe. The origins of these wars are associated with an attempt to transfer the Western European project of “cosmopolitan” memory, in which Western Europe turns out to be a kind of a “referential” framework of historical modernity, to the countries of Eastern Europe after 1989. The uncritical use of Western European historical experience as a “reference” leads to a superficial copying of the politics of memory, which runs counter to the politics of the time in Eastern Europe. In Eastern Europe, the idea of two totalitarianisms is presented as a single and internally indistinguishable era, and the politics of modern post-socialist states are based on the idea of a radical spatio-temporal distancing from their recent past. The article analyzes the issue of the specifics of the Eastern European frontier, the conditions for its emergence and the impact on modern forms of implementation of the politics of memory. The frontier arises as a result of the collapse of the colonial empires and becomes a space of symbolic struggle, first between the USSR and Germany, and then between the socialist and capitalist blocs. The crisis of the globalist project of the politics of memory and the transfer of the German model of victimization to the territory of the Eastern European frontier leads to the competition of sacrificial narratives and the escalation of memorial conflicts, turning into full-fledged memory wars. The hybrid nature of the antagonistic politics of memory in the conditions of the frontier leads to the fact that not only the socialist past, but also the national trauma of individual states becomes the subject of memory wars. The increasing complexity of the mnemonic structure of the frontier is associated with the emergence of a number of unrecognized states, whose memory politics, in contrast to the national discourses of Eastern European states, is based on a synthesis of the Soviet legacy and individual elements of the imperial past.

REFERENCES

1. Miller, A.I. (2020) Second World War in the “Wars of Memory”. *Novoe proshloe – The New Past*. 4. pp. 222–231. (In Russian). DOI: 10.18522/2500-3224-2020-4-222-231
2. Barabanov, O.N., Pakhalyuk, K.A. & Ul', M. (2020) *Ne zabudem, no prostim? Obraz voyny v kul'ture i istoricheskoy pamyati* [We won't forget yet will forgive? The image of war in culture and in historical memory]. Moscow: Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valday”.
3. Kuman'kov, A.D. (2019) *Voyna, ili v Plenu nasiliya* [War, or In the captivity of violence]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
4. Bordyugov, G. (2011) “*Voyny pamyati*” na postsovetskom prostranstve [Memory wars in the post-Soviet space]. Moscow: AIRO-XXI.
5. Malinova, O.Yu. (2014) Temporal'nost' i drugie svoystva simvolicheskogo v politike [Temporality and other features of the symbolic in politics]. In: *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Vol. 2. Moscow: INION RAN. pp. 5–18.
6. Müller, J.-W. (2004) Introduction: The Power of Memory, the Memory of Power and the Power over Memory. In: Müller, J.-W. (ed.) *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. pp. 1–35.
7. Koselleck, R. (1989) *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
8. Fabian, J. (2002) *Time and the Other. How anthropology makes its object*. N.Y.: Columbia University Press.
9. Bevernage, B. (2016) Against Coevalness: An Engaging Critique of Johannes Fabian's Analysis of the Politics of Time. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 28 (2). pp. 174–204. (In Russian).
10. Bull, A. & Hansen, H.L. (2016) On Agonistic Memory. *Memory Studies*. 9 (4). pp. 390–404.
11. Olick, J. & Robbins, J. (1998) Social memory studies: From “collective memory” to the historical sociology of mnemonic. *Annual Review of Sociology*. 24. pp. 105–140.
12. Anikin, D.A. (2020) Problematika frontira v issledovaniyakh kul'turnoy pamyati [Problematics of frontier in cultural memory studies]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy – Journal of Frontier Studies*. 5 (2). pp. 12–25. DOI:10.46539/jfs.v5i2.201
13. Turner, F.J. (1921) *The Frontier in American History*. New York: Holt.
14. Etkind, A. (2011) *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press.
15. Rigney, A. (2012) Transforming Memory and the European Project. *New Literary History*. 43 (4). pp. 607–628.
16. Koposov, N.E. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima* [Memory of the strict regime]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Miller, A.I. (2019) Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory — Causes and Implications. *Politiya – Politeia*. 3. pp. 87–102. (In Russian).

Received: 22 March 2021

В.Т. Фаритов

АСКЕТИЗМ И ЮРОДСТВО В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология *ad Marginem*)».

Исследуются философские аспекты маргинальных феноменов человеческого бытия. Автор сосредотачивает внимание на феноменах аскетизма и юродства в учении Ф. Ницше, рассматривая их в качестве основных философских мотивов творческого наследия философа. Раскрывается сложная и внутренне противоречивая позиция Ницше в отношении к аскетическим идеалам. Делается вывод, что основная интенция философских поисков Ницше может быть охарактеризована как негативное утверждение Абсолютного.

Ключевые слова: аскетизм; юродство; антиповедение; обратная перспектива; трансгрессия; Ф. Ницше.

Русская философская мысль как источник национально-культурного самосознания пробуждается в ситуации коренных трансформаций метафизической парадигмы европейской философии. Кризис европейской цивилизации означает для русской мысли освобождение от чужеродного влияния и начало поисков своего пути. Научная значимость и актуальность темы предлагаемого исследования обусловлены ситуацией глубинных преобразований современной европейской культуры и поиском самобытных путей русской культуры. Проблема заключается в том, что философский потенциал православного богословия не был раскрыт в полной мере. Для целей настоящего исследования значимым направлением является изучение специфики рецепции идей Ф. Ницше в русской философии, ориентирующейся, в свою очередь, на богословское наследие восточной церкви. В творчестве Ницше идея кризиса европейской цивилизации и метафизики получила свое первое концептуальное оформление. Восприятие идей Ницше русскими философами знаменует поворот русской философской мысли к поиску способов преодоления кризиса европейской метафизики и к ориентации на нахождение собственного пути в философии.

Ницше, известный в качестве яростного и непримиримого критика христианской морали, неоднократно обращался в своих размышлениях к проблемам аскетизма и юродства. Казалось бы, здесь позиция мыслителя предельно ясна: он разоблачает, выводит на чистую воду эти идеалы, пытается освободить человеческий дух от «лжи тысячелетий». Вместо фигуры устремленного к потустороннему святого Ницше утверждает в качестве высшей цели образ сверхчеловека, обращенного к земле. Ницше – противник аскетических идеалов, ученик и последователь греческого бога Диониса – по его собственному признанию, «предпочел бы скорее быть сатиром, чем святым» [1. С. 188]. Однако в этом же своем последнем сочинении, «Ессе homo», Ницше делает следующее заявление: «Я ужасно боюсь, чтобы меня не объявили когда-нибудь *святым*» [1. С. 276]. На это высказывание стоит обратить внимание. Почему Ницше так упорно старается отрицать всякие попытки отождествления собственной персоны с фигурой святого? Да

и можно ли было бы всерьез ожидать таких попыток, когда речь идет об авторе сочинения с подзаголовком «Проклятие христианству»? Об авторе «По ту сторону добра и зла» и «К генеалогии морали», наконец, о создателе образа Заратустры-безбожника? Разве не стяжал Ницше этими книгами репутацию нигилиста и воинствующего атеиста? Тем не менее Ницше едва ли не кричит: «Я не святой!» Этот жест напоминает поведение пойманного преступника, отрицающего свою вину. Или хитрость вора, кричащего «Держи вора!». С другой стороны, отрицание собственной святости отлично вписывается в канон жития святых подвижников: кто из святых сам признавал себя святым? Был ли вообще святой, который не называл бы себя самым последним грешником? Ставя подобные вопросы, мы вовсе не намерены причислять Ницше к лику святых. В настоящем исследовании мы хотим лишь показать, что проблема святого у Ницше не столь однозначна и проста, как это может представляться на первый взгляд. Ситуация становится еще более запутанной и сложной, если мы обратим внимание на следующее заявление философа: «Я не хочу быть святым, лучше уж шутом... Может быть, я и есмь шут...» [1. С. 276]. («Ich will kein Heiliger sein, lieber noch ein Hanswurst... Vielleicht bin ich ein Hanswurst...») [2. S. 965]. «Hanswurst» – это «Ганс-колбаса», по-русски Иван-дурак. Ницше пишет: «Я не святой, я – дурак». Здесь высказывание Ницше интегрируется уже в семантическое поле юродства: сознательного принятия образа безумного, глупца в целях спасения человечества.

Таким образом, мы можем сделать предварительные замечания, очерчивающие направленность нашего исследования. Аскетизм и юродство являются предметами философских размышлений Ницше. Но одновременно фигуры аскета и юродивого выступают и в качестве «концептуальных персонажей» ницшевского философствования. Видимо, Ницше ощущал в себе тенденцию к самоидентификации с данными персонажами и поэтому старался осуществить процедуру «растождествления», что не всегда ему удавалось. Отрекаясь от «святого», он принимал на себя образ шута, безумца. Но по такой же модели выстраивалось и поведение юродивых.

Аскетизм в философии Ницше

Проблему аскетических идеалов Ницше делает предметом своего генеалогического исследования. Сложность метода состоит в том, что в рассматриваемых феноменах Ницше эксплицирует «не один смысл, но целый синтез “смыслов”... единство, трудно расстворимое, с трудом поддающееся анализу и, что следует подчеркнуть, совершенно *неопределимое*» [3. С. 296]. Ницше исходит из предпосылки, что «форма текуча, а смысл – тем более» [3. С. 296]. Данная методологическая установка должна удерживать нас от попыток выделения в учении Ницше фиксированных смыслов, дающих исчерпывающее определение феномена, выражающих его «сущность». Философ акцентирует внимание на тех или иных конфигурациях смысла, которые в конкретной культурно-исторической ситуации выходят на передний план, воспринимаются в качестве магистральных, доминирующих.

Позиция Ницше в отношении к аскетическим идеалам в общих чертах может быть представлена следующим образом. Аскетизм заслуживает положительной оценки, если он выражает устремление людей с «доминирующей духовностью» («*dominierende Geistigkeit*») к оптимальным условиям существования, к тем условиям, в которых они только и могут достичь максимума собственной силы и плодovitости. Таковы аскетические устремления философа: «Напускная, должно быть, безвестность; сторонение самого себя; пугливая неприязнь к шуму, почестям, газетам, влиянию; маленькая должность, будни, нечто охотнее скрывающее, чем выставляющее напоказ; при случае знакомство с безобидным веселым зверьем и всякой живностью, один вид которых действует благотворно; горы, заменяющие общество, но не мертвые, а с глазами (т.е. с озерами); временами даже комната в переполненном проходном дворе, где можешь быть уверен, что тебя примут не за того, и безнаказанно беседовать с кем попало – вот какова здесь “пустыня”: о, достаточно одинокая, поверьте мне!» [3. С. 327–328]. Ф. Ницше и сам вел подобный образ жизни в период после прекращения своей профессорской деятельности в университете. Он был странником и отшельником. Напротив, аскетизм становится предметом беспощадной критики в тех случаях, когда он выражает волю к потустороннему: «Аскетический священник есть ставшее плотью желание некоего ино-бытия, где-нибудь-бытия (*Anders-sein, Anderswo-sein*)» [3. С. 340]. Ницше разоблачает в таком устремлении симптом дегенерирующей жизни.

Таков передний план, «фасад» его размышлений Ницше о ценности аскетических идеалов в перспективе жизни (которую философ мыслит как восходящую или нисходящую волю к власти). Но за этим фасадом скрываются совершенно иные пласты ницшевской мысли, полные внутренних противоречий и борьбы. Философ снова и снова принимается убеждать читателей (а возможно, и самого себя), что он не относится к разряду жрецов, святых и отшельников. Но это и выдает его. Примеривая на себя маску сатира, соучаствующего в дионисийских торжествах

бьющей через край жизни, Ницше стремится разыграть комедию, скрывающую тот внутренний разлад, что лежит в основании его собственной экзистенции и его мышления. Взгляд на Ницше как на ревнителя традиций античной культуры и философии получил достаточно широкое распространение в исследовательской литературе [4, 5]. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой прототип образа мыслей Ницше следует искать не в древней Греции, а среди «йогов, факиров, дервишей, раннехристианских отшельников, средневековых святых, исихастов»: «Мы не промахнемся, если будем искать Ницше по соседству с этим складом характера и убедимся в том, что этому вовсе не противоречит та просто уничтожающая критика, которую он обрушивает как раз на них» [6. С. 84].

Внутреннее родство философии Ницше с аскетизмом обнаруживается прежде всего в главном положении его учения о человеке: «Человек есть нечто, что должно превзойти». Л. Клагес полагает, что в этом высказывании Ницше «обращается к нам как архи-идеалист, “кающийся духом”, фанатик самоистязания» [6. С. 209]. Действительно, ницшевский пафос самопреодоления (*Selbst-Überwindung*) лишь в незначительной степени соотносится с греческой агональной культурой, ориентированной скорее на усовершенствование, облагораживание человека, чем на его радикальное превосходство. В значительно большей степени установка на преодоление человека как такового связана с христианской аскетической традицией, в соответствии с которой старый, ветхий человек должен погибнуть, чтобы дать место новому человеку: «И тогда отпадает ржавчина. Снимается печатка. Умирает ветхий человек» [7. С. 40]. У Ницше мы читаем: «в человеке можно любить только то, что он *переход и гибель*» [8. С. 15]. Данное высказывание идеально поддается дешифровке в контексте первоисточника (ссылками на который, как известно, переполнен «Так говорил Заратустра»): «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Иоанн, 12:25). Этот призыв к преодолению человека в нынешнем его состоянии проходит сквозь все Евангелие. Святитель Игнатий Брянчанинов дает следующий комментарий этому месту из Писания: «Что значит любить душу свою? Это – любить свое падшее естество, его свойства, оскверненные падением, его лжеименный разум, его пожелания и влечения, его правду. Что значит спасать душу свою в мире сем? Это – развивать свойства падшего естества, последовать своим разумениям и своей воле, созидать свою праведность из мнимых добрых дел падшего естества. Что значит погубить душу свою ради Христа и Евангелия, что значит ненавидеть душу свою? Это – познать и признать падение и расстройство естества грехом, это – возненавидеть состояние, произведенное в нас падением, и умерщвлять его отвержением поведения по своим разумениям, по своей воле, по своим влечениям, это – прививать насильно к естеству своему разум и волю естества, обновленного Христом, и поведение свое располагать по всесвятому Божию учению и по всесвятой воли Божией, открытых нам самим Богом во

Евангелии» [9. С. 214]. У Ницше мы снова читаем: «В чем то высшее, что можете вы пережить? Это – час великого презрения. Час, когда ваше счастье становится для вас отвратительным, как и ваши разум и добродетель» [8. С. 14].

Нужно сохранять осторожность и не дать себя обмануть риторикой ницшевского письма, когда он пытается предстать перед читателем в образе атеиста или последователя языческих культов. Подобный взгляд будет неизбежно односторонним, не учитывающим всю сложность и противоречивость натуры мыслителя. Мы имеем основания больше склоняться к позиции Л. Клагеса, согласно которой Ницше был «кристаллом борьбы оргиаста, которого нам живописал, с жрецом-аскетом, которого нам разоблачил» [6. С. 215].

Вместе с тем мы не должны видеть в ницшевской критике аскетических идеалов только игру, позу, маску, под которой спрятался святой отшельник. Это была бы другая крайность. Присущее Ницше внутреннее родство с аскетизмом – еще не повод, чтобы рядить его в клубок. Но нам следует также учитывать, что развернутая им критика аскетической морали в своих истоках движима религиозными, христианскими мотивами. Основной пафос своих разоблачений Ницше направляет на односторонний «трансцендентизм» аскетики: устремленность к сверхчувственному, потустороннему миру оборачивается нигилистическим отрицанием земного бытия, а человек оказывается оторванным от Бога. Однако трансцендентизм представляет собой лишь один из типов религиозного опыта, характерный в большей степени для католической ветви христианства. Радикализм и односторонность данного подхода компенсируется на Западе возникновением протестантизма. Трансцендентизм восполняется имманентизмом. Если трансцендентизм утверждает абсолютную внеположенность Бога по отношению к миру, то имманентизм характеризуется стремлением к обнаружению присутствия Бога в сотворенном мире. Данная позиция является столь же односторонней и потому неполноценной. На это обстоятельство указывает в XX столетии отечественный богослов Н.М. Зернов: «Такое соотношение объясняет тот трагический факт, что христиане до сих пор являются жертвами неразрешенного противоречия между верой в божественные трансцендентность и имманентность. Следовательно, они страдают от неполноценного представления о Боге, делающего их непригодными для осуществления надлежащего контроля за собственной жизнью и ее материальными условиями» [10. С. 161–162].

Ницше остро ощущал это внутреннее противоречие христианской культуры, противоречие, которое получило непосредственное выражение и в истории европейской философской мысли. Предпринятые философами попытки найти пути разрешения данного конфликта не увенчались успехом. Ницше стремился к избавленной от односторонности полноте отношений человека и Бога. В его учении о сверхчеловеке есть отблеск первоначальной установки христианского учения, выражающейся в положении: «Бог соделался человеком, дабы человек смог стать Богом» [11. С. 19].

Но оставаясь на почве европейской философии и культуры, философ был поставлен перед альтернативой отрицать либо человека, либо Бога. Видя в современном христианстве только неразрешимые противоречия, Ницше занимает позицию критика христианства. Разоблачая противоречия и искажения современного христианства, он был не прав по отношению к христианству в целом, на что справедливо указывает Р. Сафрански: «Критику христианства следовало бы в одном решающем пункте поучиться у этого учения: гений христианства столетиями состоял в том, чтобы тончайшим образом связывать друг с другом обе эти опции – солидарность и личностный рост. Отношение к Богу, если понимать его не только моральным образом, означало невероятное расширение душевной сферы, духовное совершенствование способствовало личностному росту, который не противоречил проявлению солидарности в общественной плоскости. Ибо этот рост и подъем воспринимался не как собственное достижение, а как благодать, что умеряло разграничивающую гордыню» [12. С. 364].

Таким образом, можно сделать вывод, что позиция Ницше по отношению к аскетизму является неоднозначной и внутренне противоречивой. Философ разоблачал и критиковал аскетические идеалы, но эта критика не в последнюю очередь направлена и на него самого. В самом Ницше, в его характере и образе мыслей обнаруживается значительная степень родства с аскетическими воззрениями. Поэтому ницшевская критика аскетизма – это во многом попытка преодоления аскета в себе. Для этой задачи Ницше обращается не только к фигурам атеиста и язычника, но и к образу шута, юродивого.

Юродство в философии Ницше

В «Предисловии Заратустры» заглавный герой встречает в лесу святого отшельника. Старец отговаривает Заратустру от его желания идти к людям, предлагает остаться в лесу, жить, как он, в уединении прославляя Бога. Но Заратустра не принимает предложение старца. Заратустра разоблачает святого отшельника. Но кто такой сам Заратустра? В черновых записях 1883 г. Ницше отмечает: «Сам Заратустра – шут» («Zarathustra selber der Possenreißer») [13. С. 499]. В лесу встретились аскет и шут. Аскет остался вдали от мира, шут отправился в мир, проповедовать на базарной площади, где его ожидало всеобщее осмеяние.

Шутовство – феномен, близкий юродству, хотя и не тождественный с ним. На этот момент указывает А.М. Панченко: «Юродство занимает промежуточное положение между смеховым миром и миром церковной культуры. Можно сказать, что без скоморохов и шутов не было бы юродивых. Связь юродства со смеховым миром не ограничивается “изнаночным” принципом (юродство, как будет показано, создает свой “мир навыворот”), а захватывает и зрелищную сторону дела. Но юродство невозможно и без церкви: в Евангелии оно ищет свое нравственное оправдание, берет от церкви тот дидактизм, который так для него характерен. Юродивый балансирует на грани между

смешным и серьезным, олицетворяя собою трагический вариант смехового мира» [14. С. 72].

В этом плане следует поставить вопрос, возможно ли охарактеризовать образ Заратустры как хотя бы отдаленно связанный с феноменом юродства? Шутовское начало в нем, безусловно, наличествует [15], но для выявления параллелей с юродством требуются еще и религиозные мотивы. И в Заратустре эти мотивы присутствуют. В последней части книги старый священник говорит: «Что слышу я! – сказал тут старый папа, наострив уши. – О Заратустра! ты благочестивее, чем ты веришь, при таком безверии! Какой-нибудь бог в тебе обратил тебя к твоему безбожию. Разве не само твое благочестие не позволяет тебе более верить в Бога?» [8. С. 263]. В данной характеристике обращает на себя внимание специфический способ нейтрализации противоположностей: благочестие (*Frömmigkeit*) сочетается с безверием (*Unglauben*), а Бог обращает к безбожию (*Gottlosigkeit*). И наконец: благочестие не позволяет верить в Бога. Подобные соединения несоединимого не поддаются обыкновенной логике и представлениям о причинно-следственных связях. Это характерный признак «обратной перспективы», являющейся отличительной чертой юродства. На этот момент указывает М.М. Бахтин: «Юродство же есть своего рода форма, своего рода эстетизм, но как бы с обратным знаком» [16. С. 269].

В еще больше степени близость к юродству обнаруживает «безумный человек» (*der tolle Mensch*), возвещающий смерть Бога в «Веселой науке»: «Слышали ли вы о том безумце, который в ясный полдень зажжет фонарь, выбежал на рынок и все время кричал: “Я ищу Бога! Я ищу Бога!”» [17. С. 439]. Характерно, что эксцентричная проповедь безумца происходит на рынке, подобно тому как Заратустра произносит свою речь о сверхчеловеке на базарной площади. Рынок или площадь, согласно М.М. Бахтину, представляет собой типичное пространство народно-смеховой культуры: «Площадь была средоточием всего неофициального, она пользовалась как бы нравами «экстерриториальности» в мире официального порядка и официальной идеологии» [18. С. 201]. Пространство площади и рынка – это характерный топос для всевозможных трансгрессивных и маргинальных феноменов: шутов, скоморохов и юродивых. Значимым моментом является и то обстоятельство, что возвещающий смерть Бога назван безумцем. Это типичный для юродства способ поведения перед публикой: «На людях юродивый надевает личину безумия, “глумится”, как скоморох, “шалует”» [14. С. 83]. М.М. Бахтин отмечает, что «мотив безумия... позволяет взглянуть на мир другими глазами, не замутненными “нормальными”, то есть общепринятыми, представлениями и оценками» [18. С. 58]. Дело в том, что система оценок в погрязшем во гресех мире изначально извращена: ненормальное признается большинством в качестве нормы. Соответственно, всякое отступление от подобной «нормы» будет выглядеть как девиация или безумие. Юродивый своим поведением как бы выворачивает наизнанку уже вывернутый наизнанку мир, тем самым возвращая его в действительно нормаль-

ное положение. Извращению и искажению могут быть подвержены и представления о благочестии и богопочитании. Тогда в этой извращенной перспективе указанием на подлинное благочестие может служить кощунство – точнее то, что в перевернутом мире будет восприниматься в качестве кощунства. На это указывает Ю.М. Лотман, говоря о ситуациях, когда «именно разрушение нормы создает образ необходимой, хотя и нереализованной, нормы» [19. С. 159]. В другой работе Лотман замечает: «В этом отношении петербургские анекдоты о кощунственных выходках против памятника Петру I <...> как всякое кощунство, есть форма богопочитания» [20. С. 311].

Одной из главных отличительных черт образа жизни юродивого является то, что он, кажется, представляется не тем, что он есть на самом деле. Настоящий дурак, настоящий безумец – не юродивый. Юродивый принимает на себя подвиг казаться дураком или безумным, в то время как сам он таковым не является. Таким способом юродивый отрывается от мира и от самого себя в мире, от того состояния, когда его поведение соответствовало нормам и критериям этого мира. Тем самым достигается взгляд на мир из обратной перспективы. Нечто близкое данному образу мысли и поведения мы обнаруживаем и в философии Ницше. Его философствование глубоко лично, но при этом перед читателем он постоянно предстает не тем, кем является на самом деле. Стиль Ницше – это постоянная игра масками и личинами. Тот, кто попытается отождествить Ницше с одной из этих масок, будет обманут. Ницше даже формулирует своеобразный кодекс поведения, дает свод предписаний, как следует себя вести человеку его типа: «– какое-то время не делать, не говорить, не добиваться ничего, что не вызывало бы страха или презрения, что автоматически не ввергало бы людей приличных и добродетельных в состояние войны, – что не ставило бы вне общества... – представляться прямо противоположным тому, что ты есть на самом деле (еще того лучше – не противоположным, а просто другим: это намного трудней)... – какое-то время действовать так, чтобы твои средства противоречили твоим целям, даже дискредитировали их» [21. С. 431]. Этот свод предписаний вполне подходит для характеристики образа жизни юродивого. С.Е. Юрков определяет подобный образ действий как «анти-поведение»: «...юродство, безусловно, принадлежит миру антиповедения, поведения с отчетливо выраженными чертами гротеска. Но считать его принадлежащим собственно антимиру, миру смеховой культуры нельзя, его антимир специфический, порожденный не “анти”, а сверхрелигиозностью, сверхнормативностью. Это как бы “третий” (в отношении бинарности) мир русской национальной культуры. Его черты: парадоксализм, мистичность, совмещение несовместимого, игра, разрушение нормы» [22. С. 53]. В приведенном выше фрагменте из черного наследия Ницше предписывает в качестве нормы «анти-поведение». А такие черты «третьего мира», как «парадоксализм, мистичность, совмещение несовместимого, игра, разрушение нормы», практически идеально подходят и для характеристики стиля философствования Ницше.

Поведение юродивого принципиально отличается от образа действий пастыря. Последний – предводитель, тот, за кем идет народ. Напротив, юродивый – это тот, кто идет не теми путями, что все. Ницше соотносит свой образ мыслей именно с этим типом: «Надо спрашивать себя: хочу ли я шагать впереди всех? Или хочу шагать в одиночку? Первый случай означает, что самое большое, ты станешь пастырем, то есть потребностью стада. Второй – что нужно уметь другое: самочинно идти в одиночку, уметь идти не так и – не такими путями» [13. С. 9].

Наконец, в одном из своих лирических произведений философ проводит прямую параллель с юродством: «Я надел добровольно вериги, // Стал укором проклятой семье...» [23. С. 531].

Конечно, Ницше не является юродивым в строгом, каноническом смысле этого слова. Но концептуальный персонаж его философской мысли обнаруживает немало общего именно с юродством. Если мы будем последовательно отбрасывать одну за другой маски, которыми прикрывался в своих текстах Ницше, то придем к шуту: «Я не хочу быть святым, лучше уж шутом... Может быть, я и есмь шут...». Возможно, это еще одна маска, но она в большей степени, чем остальные, соответствует положению Ницше в европейской философии и культуре. К.А. Свасьян в своей вступительной статье к изданию сочинений Ницше в двух томах справедливо замечает: «Правы те профессиональные философы, которые пожимают плечами, или разводят руками, или делают еще что-то в этом роде при словосочетании “философия Ницше”. Он совсем не философ в приемлемом для них смысле слова» [24. С. 13].

Действительно, положение Ницше в истории европейской философии может быть охарактеризовано как юродство. Его учение формируется в период кризиса европейской метафизики и является самосознанием события этого кризиса. Характерная для западной философии вера в разум, в возможность постичь Бога в категориях разума подвергается отрицанию. Эта убежденность во всемогуществе разума была подвергнута критике уже в кантовской философии, но осуществлялась эта критика средствами самого же разума. В этом и заключалась своеобразная «хитрость разума», который, сохранив себя в качестве орудия критики, впоследствии восторжествовал в философии Гегеля. Притязания человеческого разума на абсолютную значимость не могут быть опровергнуты средствами самого же разума. Ницше это понимал. Он осознал, что для выхода из тупика, в котором западная метафизика оказалась благодаря обожествлению разума, требуется совсем другой путь. Путь этот был указан в древние времена апостолом Павлом: «Ибо написано: “погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну”. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир *своею* мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1:19–21). Святитель Иоанн Златоуст в толковании на это послание апостола Павла пишет: «Что не могли сделать философы посредством рассуждений, то сделано кажущимся безумием» [25. С. 40]. Кажущееся безумие – это юродство. Данная ситуация, будучи архетипической,

повторяется спустя почти два тысячелетия в новых условиях. Разум философов (на этот раз европейских) терпит поражение, на сцену должен выйти «безумный человек» (*der tolle Mensch*). Нас не должно ввести в заблуждение то обстоятельство, что Ницше активно нападал на апостола Павла в своих сочинениях. Мы уже видели, что ницшевская критика христианства не исключает его близость именно христианству. Здесь можно сослаться хотя бы на хрестоматийную работу К. Ясперса [26]. На близость Ницше учению Павла указывает Дж. Агамбен: «То есть *антихрист* является мессианической пародией, в которой Ницше, облачившись в наряд антимессии, просто разыгрывает по буквам сценарий, от начала и до конца написанный Павлом» [27. С. 146].

Заключение

В своем философствовании Ницше постоянно отказывается от самого себя, постоянно предстает перед читателем не тем, кто он есть. Он неустанно «ищет из приключений сокровеннейшего опыта узнать, каково на душе у завоевателя и первопроходца идеала, равным образом у художника, у святого, у законодателя, у мудреца, у ученого, у благочестивого, у предсказателя, у пустынножителя старого стиля» [17. С. 581]. Ницше вполне мог бы применить к самому себе слова апостола Павла: «Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; Для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона перед Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти некоторых» (1 Кор. 9:19–22). Ницше в своей философии стремился быть для позитивистов позитивистом, для атеистов – атеистом, для нигилистов – нигилистом. Но сам он не отождествлялся ни с одной из этих перспектив. Любую мировоззренческую позицию Ницше доводил до гротеска, до крайних пределов, за которыми начинается ее саморазрушение и переход в противоположность. Таков стиль философской мысли Ницше. В истории европейской философии сложно найти нечто аналогичное. Зато к философствованию Ницше вполне применимы характеристики поведения юродивого: «Его поведение держится на крайностях и парадоксе, разоблачении всего, традиционно считающегося неприкосновенным и даже священным, – это не только разрушение знаковой системы, но обращение ее в собственный антипод» [22. С. 55]. Следует учитывать, что такое эксцентричное и экзальтированное поведение юродивого не является проявлением нигилизма и кощунства, но выступает как «отрицательный способ представления нравственного идеала» [28. С. 61]. Данный тезис – с учетом всего сказанного выше – может быть отнесен и к Ницше.

Таким образом, выявление параллелей в стиле мышления Ницше с основными чертами поведения юродивого позволяет по-новому представить общий смысл учения философа в качестве негативное утверждения Абсолютного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6 : Сумерки идолов. Антихрист. Эссе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер. М. : Культурная революция, 2009. 408 с.
2. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012.
3. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер». М. : Культурная революция, 2012. 480 с.
4. Wilkerson D. *Nietzsche and the Greeks*. London ; N. Y. : Continuum International Publishing Group, 2006. 162 p.
5. Колесников И.Д. Пайдейя Ницше и античность // *Философия в условиях социокультурного многообразия: от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров*. Саратов : ИЦ «Наука», 2017. С. 217–223.
6. Клагес Л. Психологические достижения Ницше. М. : Культурная революция, 2016. 250 с.
7. Духовный опыт старца Иосифа Исихаста. СТСЛ, 2016. 208 с.
8. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 4 : Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М. : Культурная революция, 2007. 432 с.
9. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Солнце на закате : Избранное о Православии, спасении и последних временах. М. : Церковно-историческое общество, 2017. 590 с.
10. Зернов Н.М. Сергей Радонежский – устроитель Руси. СПб. : Русский Мирь, 2010. 310 с.
11. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М. : Академический проект; Парадигма, 2015. 543 с.
12. Сафрански Р. Ницше: биография его мысли. М. : Дело, 2016. 456 с.
13. Ницше Ф. Черновики и наброски 1882–1884 гг. // Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2010. Т. 10. 640 с.
14. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
15. Фаритов В.Т. Элементы народно-смеховой культуры в «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше (Ницше и Бахтин) // *Litera*. 2016. № 3. С. 60–74. DOI: 10.7256/2409-8698.2016.3.19305
16. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советская Россия, 1979. 320 с.
17. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука. М. : Культурная революция, 2014. 640 с.
18. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Эксмо, 2015. 640 с.
19. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. СПб. : Азбука, 2015. 416 с.
20. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука, 2014. 416 с.
21. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 13: Черновики и наброски 1887–1889 гг. М. : Культурная революция, 2006. 688 с.
22. Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX в.). СПб., 2003.
23. Ницше Ф. Философская проза. Стихотворения. Минск : Попурри, 2000. 544 с.
24. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Т. 1. 832 с.
25. Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Эксмо, 2017. Т. X. 936 с.
26. Ясперс К. Ницше и христианство. М. : Медиум, 1994. 123 с.
27. Агамбен Дж. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 224 с.
28. Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые. М. : Книговек, 2013. 224 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 29 марта 2021 г.

Asceticism and Foolishness of Christ in Friedrich Nietzsche's Philosophy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 64–70.

DOI: 10.17223/15617793/466/7

Vyacheslav T. Faritov, Samara State Technical University (Samara, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: asceticism; foolishness for Christ; antibehavior; reverse perspective; transgression; Friedrich Nietzsche.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00910.

The article considers the phenomena of asceticism and foolishness for Christ in the philosophy of Friedrich Nietzsche. The author substantiates the thesis that asceticism and foolishness for Christ are subjects of Nietzsche's philosophical reflections. The author also shows that the figures of the ascetic and the holy fool also act as "conceptual characters" of Nietzsche's philosophizing. The author suggests that Nietzsche himself felt a tendency towards self-identification with these characters and therefore tried to "dis-identify", which he did not always succeed in. The article concludes that Nietzsche's position in relation to asceticism is ambiguous and internally contradictory. The philosopher exposed and criticized ascetic ideals, but this criticism is also directed at himself. Nietzsche himself, his character and way of thinking reveal a significant degree of kinship with ascetic views. Therefore, Nietzsche's criticism of asceticism is in many ways an attempt to overcome the ascetic in himself. For this task, Nietzsche appeals not only to the figures of an atheist and a pagan, but also to the image of a jester, a holy fool. The author substantiates the idea that one of the main distinguishing features of the holy fool's lifestyle is that he does not seem to be what he really is. A real fool, a real insane person is not a holy fool. The holy fool undertakes the feat of appearing to be a fool or insane, while he himself is not. In this way, the holy fool renounces the world and himself in the world, the state when his behavior corresponded to the norms and criteria of this world. Thus, a view of the world from a reverse perspective is achieved. Something close to this mode of thought and behavior is found in Nietzsche's philosophy. His philosophizing is deeply personal, but, at the same time, he constantly does not show the reader who he really is. Nietzsche's style is a constant play with masks and disguises. As a result of the study, the author concludes that Nietzsche's position in the history of European philosophy can be characterized as foolishness for Christ. His doctrine is formed during the crisis of European metaphysics and is the self-awareness of this crisis. Belief in reason, in the ability to comprehend God in terms of reason, characteristic of Western philosophy, is denied. This conviction in the omnipotence of reason was criticized already in Kantian philosophy, but criticized by means of reason itself. This was the peculiar "cunning of reason", which, having preserved itself as a tool of criticism, subsequently triumphed in Hegel's philosophy. The claim of reason to absolute significance cannot be refuted by means of reason itself. Nietzsche understood this. He realized that breaking the impasse in which Western metaphysics found itself thanks to the deification of reason requires a completely different path.

REFERENCES

1. Nietzsche, F. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 volumes]. Vol. 6. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
2. Nietzsche, F. (2012) *Gesammelte Werke*. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
3. Nietzsche, F. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 volumes]. Vol. 5. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
4. Wilkerson, D. (2006) *Nietzsche and the Greeks*. London; N. Y.: Continuum International Publishing Group.
5. Kolesnikov, I.D. (2017) Paydeyya Nitsshe i antichnost' [Nietzsche's paideia and antiquity]. In: *Filosofiya v usloviyakh sotsiokul'turnogo mnogoobraziya: ot ekspertnogo znaniya do mirovozzrencheskikh orientirov* [Philosophy in the context of sociocultural diversity: from expert knowledge to worldview guidelines]. Saratov: ITs "Nauka". pp. 217–223.
6. Klages, L. (2016) *Psikhologicheskie dostizheniya Nitsshe* [Psychological achievements of Nietzsche]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
7. The Trinity Lavra of St. Sergius. (2016) *Dukhovnyy opyt startsa Iosifa Isikhasta* [Spiritual experience of Elder Joseph the Hesychast]. The Trinity Lavra of St. Sergius.
8. Nietzsche, F. (2007) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 volumes]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
9. St. Ignatius (Bryanchaninov). (2017) *Solntse na zakate: Izbrannoe o Pravoslavii, spasenii i poslednikh vremenakh* [The Sun at Sunset: Selected Works About Orthodoxy, Salvation and the Latest Times]. Moscow: Tserkovno-istoricheskoe obshchestvo.
10. Zernov, N.M. (2010) *Sergiy Radonezhskiy – ustroitel' Rusi* [Sergius of Radonezh – the organizer of Russia]. St. Petersburg: Russkiy Mir".
11. Losskiy, V.N. (2015) *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow: Akademicheskiiy proekt; Paradigma.
12. Safranski, R. (2016) *Nitsshe: biografiya ego mysli* [Nietzsche: biography of his thoughts]. Moscow: Delo.
13. Nietzsche, F. (2010) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 volumes]. Vol. 10. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
14. Likhachev, D.S., Panchenko, A.M. & Ponyrko, N.V. (1984) *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Rus]. Leningrad: Nauka.
15. Faritov, V.T. (2016) Elements of folk-laughter culture in "Thus Spoke Zarathustra" by Friedrich Nietzsche (Nietzsche and Bakhtin). *Litera*. 3. pp. 60–74. (In Russian). DOI: 10.7256/2409-8698.2016.3.19305
16. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
17. Nietzsche, F. (2014) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 volumes]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
18. Bakhtin, M. (2015) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennanssa* [Works of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Eksmo.
19. Lotman, Yu.M. (2015) *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [At the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol]. St. Petersburg: Azbuka.
20. Lotman, Yu.M. (2014) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside thinking worlds]. St. Petersburg: Azbuka.
21. Nietzsche, F. (2006) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 volumes]. Vol. 13. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
22. Yurkov, S.E. (2003) *Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoy kul'ture (XI – nachalo XX v.)* [Under the Sign of the Grotesque: Antibehavior in Russian Culture (11th – early 20th centuries)]. St. Petersburg: Letniy sad.
23. Nietzsche, F. (2000) *Filosofskaya proza. Stikhotvoreniya* [Philosophical prose. Poems]. Translated from German. Minsk: Popurri.
24. Nietzsche, F. (1998) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: RIPOL KLASSIK.
25. John Chrysostom. (2017) *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete works: in 12 volumes]. Vol. 10. Moscow: Eksmo.
26. Jaspers, K. (1994) *Nitsshe i khristianstvo* [Nietzsche and Christianity]. Translated from English. Moscow: Medium.
27. Agamben, G. (2018) *Ostavsheesya vremya: Kommentariy k Poslaniyu k Rimlyanam* [The Time That Remains: A Commentary on the Letter to the Romans]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
28. Kovalevskiy, I. (2013) *Yurodstvo o Khriste i Khrista radi yurodivye* [Foolishness of Christ about Christ and fools for the sake of Christ]. Moscow: Knigovek.

Received: 29 March 2021

И.В. Черникова, Ю.В. Логиновская

ГЛОБАЛЬНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД К СОЗНАНИЮ В КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00298.

Дается сравнительный анализ основных подходов к феномену сознания: биологизаторский (нейросетевой), информационный (квантово-информационный), нелинейно-динамический. Предлагается дополнить данную типологию глобально-эволюционным подходом, который близок к нелинейно-динамическому, но в котором понимание сознания дополняется включением управляющих параметров, формирующихся на социально-культурной стадии универсальной эволюции; особая роль отводится творчеству.

Ключевые слова: сознание; когнитивная наука; сложность; глобально-эволюционный подход; творчество.

Когнитивная наука, являясь междисциплинарным исследованием проблемы «познание–сознание–мозг», интегрирует многочисленные научные исследования проблемы сознания, а также её философские осмысления. Исследователи отмечают и многозначность самого термина «сознание», и многообразие подходов к его изучению. Сформировались различные подходы в философской трактовке сознания: рационалистическая, персоналистическая, экзистенциальная, диалектическая (деятельностная), феноменологическая, аналитическая и другие традиции [1].

Есть различие между философской рефлексией сознания и его исследованием средствами науки. В данной статье речь идет прежде всего о когнитивной науке как о междисциплинарном исследовании проблемы «сознание–мозг». Эти два способа изучения сознания (философский и научный) отражены такими контрверсами, как различие между феноменальным сознанием и сознанием доступа (Н. Блок), различие трудной и легкой проблем сознания (Д. Чалмерс), и др. Вследствие плюрализма моделей сознания актуальным становится не только диалог философии и когнитивной науки в исследовании сознания, но и построение типологии концепций сознания в когнитивной науке.

В когнитивных исследованиях сознания выделяются три основных, наиболее разработанных и перспективных подхода для объяснения феномена сознания. Это, во-первых, *биологизаторский, или нейросетевой, подход* – Baars, Edelman, Dehane, Анохин, включающий теории глобального рабочего пространства, нейронный дарвинизм, интегральную информационную теорию и др. [2–5]. Во-вторых, *информационный, или квантово-информационный, подход* – Хамерофф, Пенроуз, Степп, Меркулов и др. [6–8]. В-третьих, *нелинейно-динамический, или синергетический, подход* – Хакен, Варела, Томпсон, Поппер, Экклз, Князева и др. [9–14]. Типология данных подходов выстроена на различии во взглядах на природу сознания и в выборе доминанты, обуславливающей взаимодействие сознания и мозга.

Базисом сознания в *биологизаторских концепциях* выступает мозг, и вопрос ставится, прежде всего, относительно связи сознания и мозга. В биологизаторских концепциях сознание субстанционально возник-

ает, как фенотипическое свойство мозга, особый воспроизводящийся контур, обеспечивающий процесс его концептуальной «самокатегоризации» [3]. Для нейросетевых подходов характерно соотношение сознания и мозга как сетей, где сознание – нейронное глобальное рабочее пространство [4], или когнитивная гиперсеть головного мозга [5], в которой осуществляются интегративные когнитивные процессы. Динамика возникновения и развития сознания уподобляется здесь когнитивной архитектуре, выстраиванию всё более сложных структур и взаимосвязей сети. «Сознание представляет собой “просто охватывающее весь мозг распространение информации” (brain-wide information sharing)» [4].

В *квантово-информационном подходе*, разрабатываемом на основе квантовой механики, мозг включает в себя специфические квантовые феномены, а сознание, как и физические свойства мира, представляет собой фундаментальное свойство реальности. Человек – это не пассивное и отчужденное от Вселенной существо, а наблюдатель, участвующий в ее творении, наблюдатель, который влияет на процессы физической реальности, структурируя и переводя их из квантово-информационного в классическое состояние через выбор, намерение и решение [7]. Эта теория задает ментальности онтологический статус. Согласно Г. Стэппу, каждый опыт сознания имеет в виде своего физического двойника редукцию квантового состояния, приводящего в действие «паттерн активности», который можно называть «нейронным коррелятом сознательного опыта». Объяснение связи между физическим и биологическим в природе сознания пристально исследовали Р. Пенроуз, С. Хамерофф, К. Поппер, Дж. Экклз и др., но связь с субъективным опытом все-таки осталась за пределами данной модели сознания.

В русле квантово-информационного подхода также разрабатывается теория электромагнитного поля сознания (semi-field theory, J. McFadden), согласно которой сознание порождается не материей мозга, а в результате подключения нейросетей к его электромагнитному полю [15]. Сознание представлено физически интегрированной и причинно-активной информацией, закодированной в глобальном самогенерируемом электромагнитном поле мозга.

Нелинейно-динамический подход к проблеме сознания достаточно подробно раскрывает Е. Н. Князева, отмечая, что сознание здесь понимается как «эмерджентная, сложноорганизованная и автономная сеть элементов и на уровне сознания возникают новые, несводимые к субстратной, нейрофизиологической основе качества» [14. С. 663] и что этот подход определяется тремя ключевыми словами, которые в когнитивной науке XXI в. вылились в разные направления: инкарнированное (воплощённое), ситуационное и энактивное познание (embodied, embedded, enacted, extended). Познание в динамическом подходе энактивно в том смысле, что познающий не столько отражает мир, сколько творит его, т.е. происходит нелинейное взаимное действие субъекта познания и его объекта [16]. Важно подчеркнуть несводимость сознания к субстратной основе, поскольку в данном подходе внимание акцентировано на собственной динамике сознания, обладающей порождающей силой.

Оценивая нелинейно-динамический подход как наиболее перспективный в плане формирования единой методологической платформы для описания сознания как психического опыта, феноменальных особенностей и структуры нейронной активности, полагаем целесообразным модифицировать нелинейно-динамический подход в глобально-эволюционный подход к сознанию, в котором понимание сознания дополняется включением управляющих параметров, формирующихся на социально-культурной стадии универсальной эволюции. Особая роль социально-культурного этапа в эволюции сознания описана рядом исследователей, среди которых хочется выделить Э. Янча. Он отмечал, что в то время, как перенос генетической информации сделал прошлое эффективным для настоящего, а эпигенетическое развитие ввело в игру систематическую природу настоящего, интеллектуальное предвидение вовлекает будущее в настоящее и обращает направление причинности. При таком подходе разум перестает быть противоположностью материи: он становится качеством самоорганизации динамических процессов, характеризующих систему и ее отношения с окружающей средой [17].

Близкие по смыслу идеи высказывали Дж. Экклз и К. Поппер, подчеркивая, что единство сознательного опыта обеспечивает именно самосознающий разум, а не нейронные структуры мозга [13]. Эмерджентность когнитивных структур заключается в их спонтанном, непредсказуемом появлении в ходе процессов самоорганизации, связанных с появлением петель циклической причинности, что коррелирует с повторяющимися сигналами в теории Дж. Эдельмана [3]. Ниже будут рассмотрены концепции, в которых объяснение сознания также можно соотнести с глобально-эволюционным подходом. Это ряд исследовательских программ когнитивистики, обозначаемых термином «воплощенная когнитивная наука» (embodied) и близкая к ним пространственно-временная (space-temporal) теория сознания.

Трактовки сознания в контексте глобально-эволюционного и нелинейно-динамического подходов во многом близки. Оба относятся к анти-репрезентативистским подходам, отрицающим необходимость локализации центра обработки репрезентаций. В обо-

их случаях сознание понимается как сложная само-развивающаяся система, с нелинейной динамикой, обладающая такими характеристиками, как: 1) авто-поэтичность – способность сознания к самодостраиванию; 2) операциональная замкнутость – принадлежность мозгу и телу индивида; 3) открытость – связь сознания и мира. Но человеческий разум отличается саморефлексией и способностью к творчеству, поэтому исследование феномена человеческого сознания целесообразно расширить, включив такие механизмы, как творчество, язык, эмпатия, моральность.

Важно отметить, что данный подход не является результатом субъективных предпочтений. Напротив, в основе классификации лежат представления о реальной эволюции сознания, в которых сознание выступает как участник глобально-эволюционного процесса. В заключительных главах своей книги Э. Янч отмечал, что в мировоззрении, основанном на идее глобального эволюционизма, стираются привычные формы дуализма и с одинаковым правом можно сказать: всё есть материя, все есть сознание, всё есть Бог, всё есть процесс [17, 18]. Сознание в этой онтологии понимается как сложная, многоуровневая процесс-система, функционирование сознания на каждом из уровней сложности характеризуется соответствующими структурными сопряжениями и управляющими параметрами функционирования. «Эволюция сложных форм жизни, а также эволюция умственных способностей предстают перед нами в виде эволюции эволюционных процессов, или метаэволюции, связывающей автопоэтические уровни в единую непрерывную цепь» [17. С. 155].

Отметим, что, применяя термины «эволюционно-синергетическая парадигма», «теория самоорганизации», «парадигма сложности», имеем в виду одно направление современной науки, составляющее методологическую базу глобального эволюционизма. Полагаем, что в контексте глобального эволюционизма три выше рассмотренных подхода к объяснению сознания оказываются эволюционно связанными. В квантово-информационном подходе сознание объясняется на уровне физико-химических взаимодействий; в биологизаторском, или нейросетевом, – на уровне живых систем; глобально-эволюционный подход не редуцирует когнитивные процессы к нейронным сетям или квантово-информационным феноменам, а рассматривает их как рекурсивный процесс становления нового. Здесь сознание (человека) не связано с конкретным субстратом, оно возникает и функционирует в культуре через самодостраивание, становление целого из частей в результате их самоусложнения. Поэтому, рассматривая феномен сознания в эволюционном ключе и применяя парадигму сложности к описанию феномена сознания, приходим к выводу о целесообразности ввести в типологию сознания подход, который позволяет полнее понять эволюцию сознания на уровне человека.

В глобально-эволюционном подходе высвечивается важнейшая роль культурных медиаторов (языка, социокультурного опыта и образов, норм и ценностей) в становлении сознания. Он применим к описанию сознания на уровне человека как социального и

духовного существа, сознание которого развивается в пространстве культуры. На этом уровне эволюции сознания формируются свои, специфические для человеческого сознания параметры порядка, управляющие сознанием как процесс-системой. Таким высшим параметром, как мы пытаемся обосновать, является творчество.

Творчество онтологически и эволюционно укоренено в природе человека, это самый высокий уровень бытия и сознания, который нам известен. Глобальность и универсальность феномена творчества связаны с поиском источника жизни как первопричины существования человека в рамках креационистских подходов, но в глобально-эволюционном подходе творчество представляется вершиной развития жизни, к которой восходят когнитивные процессы и человеческое сознание.

Творческая активность сознания, благодаря которой обеспечивается развитие и передача знаний, смыслов и ценностей, выступает движителем социокультурной эволюции, формирующей пространство творческого, научного осуществления человечества (или «третий мир» в терминах К. Поппера). В контексте глобально-эволюционного подхода сознание понимается как сложная саморазвивающаяся система, функционирование которой обусловлено познавательной активностью мозга, тела (телесность сознания), культуры, мира в целом. В картине мира, основанной на идеях холизма, системности и глобального эволюционизма, сознание представляет собой эволюционный феномен, для которого творческий акт является высшей степенью самореализации и через который человек самосознающий не только создаёт новые знания и культурные формы, но созидает и преобразует самого себя.

Возможность использовать теорию сложности или теорию самоорганизации к исследованию сознания тоже требует обоснования, поскольку сознание интенционально и проявляется в целенаправленной деятельности и самоорганизация, на первый взгляд, не характерное для динамики сознания явление. Однако это не так. Опуская все элементы обоснования, сошлемся на одного из основоположников синергетики Г. Хакена, который еще в 1990-е гг. применял теорию самоорганизации в исследовании работы мозга [9, 10].

Существуют ли когнитивные исследования сознания, соответствующие глобально-эволюционной модели? Для данной работы, где ставится задача построения типологии концепций сознания в когнитивной науке, это ключевой вопрос. Отвечая на данный вопрос, обратимся к активно развивающимся современным концепциям воплощенного познания и, как покажем далее, к имеющей к ним отношение пространственно-временной нейронауке Георга Нортоффа (Georg Northoff), канадского нейробиолога и философа, автора книги «Спонтанный мозг: от разума-тела к миру» [19, 20], а также к концепции сознания Т. Метцингера [21].

Воплощенную когнитивную науку отличает понимание познания как зависящего не только от мозга, но и от различных характеристик телесности познающего и от естественной и социальной среды. Подчеркивание роли структурной взаимосвязи «мозг–тело–

мир» составляет ядро программы воплощенного познания в версиях ряда авторов [22–27]. В отличие от концепции телесности познания, восходящей к идеям М. Мерло-Понти, воплощенная когнитивная наука стремится представить познание как продукт динамического взаимодействия между нейронными и не-нейронными процессами, нивелируя разрыв между познанием, телесным опытом и контекстами реальной жизни. В ней тело представлено как распределитель или регулятор процессов познания. Мышление осуществляется через тело, тело-разум и окружающий мир, образующих единую систему. В данном подходе сознание – это «эмерджентная, сложноорганизованная и автономная сеть элементов, а когнитивные процессы в сознании являются независимыми, на уровне сознания возникают новые, несводимые к субстратной, нейрофизиологической основе качества» [14. С. 663; 16]. Сознание не сводится к ментальным процессам в мозгу, а «вписывается» в среду, с которой взаимодействует.

В современных теориях сознания различаются: «сознание доступа», обладающее когнитивными, интенциональными и функциональными свойствами, и феноменальное сознание, обладающее свойством восприятия квалиа. При этом западные нейронаучные исследования сознания опираются на редуктивную нейронаучную модель (NCC-approach) и нередуктивную нейронную модель сознания (NPC-approach) [20]. Согласно первой модели нейронная активность является достаточным условием для возникновения сознания и сознательного опыта; во второй модели выделяется ключевая роль окружающей среды в формировании сознания.

В редуктивном нейробиологическом подходе нейронная активность рассматривается как достаточное условие, чтобы вызвать конкретный опыт сознания (внешний взгляд на мозг). Нередуктивный подход рассматривает нейронную активность мозга как необходимую, но недостаточную: предполагается, что мозг, в силу использования его собственных внутренних функций, играет ключевую роль в посредничестве между внутренней физической нейронной активностью человека и внешними средовыми и (или) телесными стимулами с целью формирования сознания [19]. Отсюда следует, что нейронные структуры мозга генерируют две формы активности: спонтанную и вызванную стимулом. То, что переживается как сознание, есть результат связывания этих форм активности в мозге (внутренний взгляд на мозг).

Н. Блок, Д. Чалмерс, Т. Нагель, Д. Левин обратили внимание на то, что феноменальный аспект сознания не может быть удовлетворительно объяснён путём использования редуктивных теорий сознания [28, 29]. Новую методологию исследования сознания от первого лица предложил Ф. Варела [26]. Проблема сознания, как полагает Варела, не может быть решена средствами теоретического исследования, поскольку сознание не может рассматриваться как прочие предметы природной реальности; сознание скорее постижимо в практиках рефлексии. Ф. Варела предложил нейрофеноменологический проект изучения субъективности, основанный на буддизме, который является довольно радикальным для западной традиции.

Идеи Варелы получили развитие у целого ряда исследователей, пытающихся найти решение проблемы сознания на пути междисциплинарного сотрудничества ученых и философов (Г. Нортофф, Т. Метцингер, П. Черчленд и др.). Нортофф, продолжая идеи Ф. Варелы, показывает, что самость и сознание глубоко укоренены и онтологически продолжены во взаимоотношениях между миром и мозгом [19]. Он приходит к выводу, что развитие сознания идёт от внутреннего состояния мозга к связи между миром и мозгом и, наконец, к преобразованию мира в мозгу, что приводит его к концепции пространственно-временной нейронауки.

В концепции Г. Нортоффа ставится под сомнение традиционная проблема «разум–тело» и привычная постановка вопроса – приписывать ли ментальные способности разуму или телу – расширяется до границ взаимодействия с миром. Нортофф фиксирует разрыв между научным и философским исследованиями сознания: нейробиологи эмпирически исследуют мозг и ищут нейронные механизмы, лежащие в основе психических характеристик, включая сознание, самость, свободу воли и другие, в основном они сосредоточены на мозге и его нервной деятельности, однако при этом не учитывается мир; философы, напротив, связывают ментальные особенности с умом. Впоследствии они поднимают вопрос о существовании и реальности ума и о том, как связаны разум и тело. Декарт установил дуализм разума и тела, связав их с разными субстанциями. Далее движение философской мысли относительно проблемы «разум–тело» колебалось от крайних форм материализма до панпсихизма. Часть философов сочли данную проблему неразрешимой [30, 31].

Г. Нортофф предлагает отказаться от вопроса о соотношении разума и тела и обратиться к изучению связи мира и мозга. Проблема «мир–мозг» – онтологическая проблема, что отличает ее от проблемы «разума–тело», которая является метафизической. Он призывает к включению мира в нейробиологическое и философское исследования психических характеристик. Г. Нортофф характеризует разум как динамическое пространственно-временное «выравнивание» (согласование) между мозгом и миром [19]. Время и пространство понимаются в динамическом контексте (как в современной физике): т.е., с точки зрения того, как спонтанная деятельность мозга строит свои пространственные и временные отношения, например, с точки зрения функциональной связности и различных частот колебаний. Пространственно-временная нейронаука (spatiotemporal neuroscience) рассматривает нейронную активность с точки зрения ее пространственно-временной динамики, а не её различных функций (например, когнитивной, аффективной, социальной и т.д.). Это позволяет принимать во внимание так называемую пространственно-временную ментальность, включая непричинную, внутреннюю и трансформирующую связь с нейронными особенностями. Можно сказать, что пространственно-временная динамика обеспечивает общую черту, «общую валюту» нейронных и феноменальных ментальных состояний [19].

Согласно Нортоффу, физический, социальный и культурный миры формируют самость и сознание

посредством своей пространственно-временной трансформации с мозгом. Поставив под вопрос саму проблему «разум–тело» и сделав предметом исследования внешние взаимодействия (проблема «мир–мозг»), он обсуждает современные модели мозга в их применении к недавним данным о нейронных характеристиках, лежащих в основе сознания и предлагает рассматривать связь мира и мозга как необходимое условие для самости и сознания [19]. Нортофф опирается на эмпирические данные, свидетельствующие о том, что спонтанная активность мозга и его пространственно-временная структура имеют центральное значение для согласования и интеграции мозга в мире. Пространственно-временная структура позволяет мозгу выходить за пределы самого себя в тело и мир, создавая «отношения между миром и мозгом», которые являются центральными для психических свойств.

Высказав предположение о пространственно-временной динамике в качестве «общей валюты» нейронных и психических состояний, Нортофф идет дальше, в сферу философии, предположив универсализм динамических свойств в мозгу и в мире. Подтверждение этому философскому обобщению он находит, обратившись к моделям сложных систем, получивших название безмасштабных сетей. Безмасштабная активность мозга в состоянии покоя проявляет долгосрочную временную корреляцию (long-range temporal correlation/LRTC), которая, как выявлено в его исследованиях, связана с восприятием, познанием, самосознанием и идентичностью [32]. Примечательно, что безмасштабная деятельность с LRTC – это повсеместное явление, распространенное в природе, первоначально исследованное в песчаных дюнах, а затем в различных других областях природы и жизни, таких как сейсмические волны и фондовые рынки [33].

Универсальный характер динамических свойств, таких как безмасштабная деятельность сетей, указывает на ещё более глубокую философскую проблему. Традиционно мозг считался особенным по сравнению с другими органами тела и остальным миром, поскольку только с его деятельностью связывались ментальные способности и сознание. Благодаря сложной структуре мозга, в нём постоянно происходят процессы самоорганизации и распада функциональных нейронно-сетевых структур. Г. Нортофф отмечает, что предположение об универсальной природе динамических характеристик, их общности и для мира, и для мозга подтверждается эмпирическими исследованиями. Известно плодотворное применение методов исследования сложных безмасштабных сетей для изучения топологии функциональных структур мозга (Д. Чиаверо, Г. Нортофф, С. Строгац и др.), что доказывает универсальный эволюционный характер сложных образований [32, 33].

Корреляции теории пространственно-временной нейронауки с глобально-эволюционным подходом видны и в размышлениях, касающихся природы времени. Загадка внутреннего и внешнего времени, поставленная И. Кантом, рассматривается Нортоффом в контексте идеи об уровне времени. Разные уровни и масштабы времени вложены друг в друга

как матрешки. Время проявляется в разных масштабах, коротких и длинных, которые действуют в разных контекстах, таких как сам мир, мозг, сознание. Таким образом, время не действует внутри самого мозга независимо от мира, вместо этого мировое время действует через свои различные уровни, включая мозг, тем самым устанавливая то, что было описано как отношение мира и мозга [19, 20].

Далее покажем, что в интереснейшей концепции сознания немецкого философа Т. Метцингера также видна корреляция с глобально-эволюционным подходом. Метцингер опирается на идеи самоорганизации, уровней сложности в эволюции субъективности и делает смелое замечание: «Я не решаюсь сказать, что через нас физическая вселенная осознает себя. Тем не менее возникновение связанной осознанной модели реальности в биологической нервной системе создает внутри физической вселенной новую форму самоподобия. Мир развивает в себе сущности, моделирующие мир. Части начинают отражать целое как целое. В некотором роде миллиарды сознающих мозгов подобны миллиардам глаз, которыми Вселенная видит себя существующей» [21. С. 230].

Решение трудной проблемы сознания Т. Метцингером предполагает различение нейронного коррелята сознания и феноменальной модели сознания или Я-модели. Сознание понимается им как совершенно особый феномен, суть которого Т. Метцингер усматривает в том, что он называет «явлением мира». Сознание в отличие от других феноменов биологической эволюции дает проявиться реальности в самой себе, «оно создает внутреннее существование: процесс жизни начинает осознавать сам себя» [21. С. 31].

В глобально-эволюционном подходе функционирование сознания не ограничивается нейросетевыми структурами мозга, поскольку сознание является частью мира и вместе с тем включает его в себя; сознание обладает творческим эволюционным потенциалом, благодаря которому не вычисляет, а строит целостные образы, в которые включаются иррациональные, творческие параметры. Творчество здесь рассматривается как эмерджентное свойство сознания и эволюционный механизм, благодаря которому сознание участвует в эволюции человекомерных систем.

В творческом процессе взаимодействуют множество разнообразных феноменов сознания, но главная роль принадлежит воображению и памяти. Характеризуя творчество в онтологическом ключе, отметим, что «создание нового, видится как реакция самого сознания на происходящее в нем. Как только в нем возникают “пустоты”, “лакуны” или необычные сочетания феноменов памяти, восприятия и проч. – сознание реагирует на это, актуализируя феномен воображения, который как будто возникает из ничего» [34. С. 199]. Эмерджентное появление новых когнитивных свойств системы генерируется творческой деятельностью сознания, эволюционно возникшей в том числе, по предположению Р. Амундсена, в результате преодоления внутренних и внешних ограничений (окружающей среды, телесной структуры) [35].

Ф. Варела отказывается от каких-либо теорий сознания на том основании, что невозможно говорить о

сознании объективно, поскольку мы сами обладаем сознанием. Т. Метцингер считает, что создание теории сознания было бы возможно, если сопоставить феноменальный контент первого лица с контентом состояний мозга, полученным от третьего лица. Эта проблема, по его мнению, является не метафизической, она в эпистемологической нередуцируемости сознания. По поводу одной реальности, одного факта имеем два типа знания: знание первого лица и знание третьего лица. «Пусть даже сознание – физический процесс, но совместить эти две формы знания не удастся. Узнав все до капли о состояниях мозга, мы все равно не узнаем, каково сейчас тому, чей это мозг. Итак, нет никакой метафизической загадки, а есть просто два вида знания» [21. С. 73].

Представляется возможным применение методологии наблюдателя второго порядка для обсуждения проблемы единой теории сознания. В этом предположении мы опираемся на понимание сознания в контексте глобально-эволюционного подхода как выполняющего функцию наблюдателя, на трактовку наблюдателя Д. Бекера и на методологию наблюдателя второго порядка В.И. Аршинова. «Мы рассматриваем наблюдение как операцию, воспроизводящую наблюдателя. Наблюдатель демонстрирует все особенности системы, поскольку для наблюдения она должна быть способна производить и воспроизводить себя в окружающей среде. Любому наблюдению присущи познание и воля, то есть при наблюдении наблюдатель в том, что Готтхард Гюнтер называет «проемными (proemial) отношениями», упорядочивает и обменивается указаниями, которые он использует, чтобы вызвать свой мир, указывая и тем самым различая его. Здесь мы остаемся абстрактными по отношению к материальности наблюдателя. Мы определенно думаем о ментальных, а также о социальных, живых и искусственных наблюдателях, то есть мы берем в качестве возможных областей сознания, общество, жизнь и машины. И все же, что более важно, мы рассматриваем наблюдение как распределенную или распространяемую деятельность, которая относится как к агентству, осуществляющему его, так и к некоторым переменным окружающей среды, которыми оно иницируется» [36].

Обратимся к очень содержательной статье В.И. Аршинова, В.Г. Буданова «Системы и сети в контексте парадигмы сложности» [37] и применим методологию наблюдателя второго порядка к проблеме сознания. Сознание, как бы оно ни рассматривалось, всегда может характеризоваться как сеть, а для познания такого рода феноменов, как отмечают авторы статьи, чрезвычайно важной оказалась идея Спенсера-Брауна о различии (difference) как связи (connection). «Наблюдатель Спенсера-Брауна, возникающий в деятельностном акте осознаваемого различия, запускает циклический (рекурсивный) процесс саморазличий внешнего и внутреннего, процесс, в котором он виртуально расщепляется на двух наблюдателей. Один наблюдатель-участник размещается внутри обозначенной области и при этом “не видит” ее границу с другой, необозначенной областью. В то время как второй, наблюдая деятельность первого, эту

границу видит. И оба наблюдателя рекурсивно коммуницируют между собой, порождая тем самым процесс придания смысла ситуации в целом. И оба они имеют, по определению, свои «слепые пятна» [37].

Посмотрим через призму методологии наблюдателя второго порядка на обсуждаемую проблему невозможности совмещения исследований сознания от первого лица и от третьего лица. Разрыв в объяснении сознания, который фиксируют Д. Чалмерс и Н. Блок как отсутствие связи между феноменальным сознанием и сознанием-доступом, не является критичным в контексте сетевого подхода. Авторы отмечают: «...мы получаем доступ к ненаблюдаемому как наблюдаемому ненаблюдаемому в оптике наблюдателя второго порядка» [37]. Поясняя возможность наблюдения ненаблюдаемого, авторы указывают на наблюдение как избыточный паттерн в смысле Бейтсона, обуславливающийся наблюдателем сети и отмечают, что сетевой подход к сопряжению сознания и коммуникативной реальности у М. Кастельса связан с концепцией сложностности. «Сознание, возможно, возникло вследствие необходимости интегрировать увеличивающееся число ментальных образов, получающихся в процессе восприятия, с образами, уже хранящимися в памяти человека. Усиление интеграционной мощи мыслительных процессов увеличивает возможности разума для решения проблем организма в целом. Эта возрастающая способность к рекомбинации мыслительных образов тесно связана с тем, что мы называем креативностью и инновативностью. Но осознающий разум нуждается в организационном принципе, направляющем эту деятельность высокого уровня сложности. Этот организационный принцип и есть он сам» [38].

Методология наблюдателя второго порядка фактически была введена в начале XX в. в контексте возникновения специальной теории относительности. Наблюдателем сложности или наблюдателем второго порядка в контексте настоящего исследования выступает сознание, а точнее, даже самосознание. Наблюдатель одновременно и наблюдает, и порождает процессы; он обладает, согласно В.А. Аршинову, самоорганизацией во времени, способностью мыслить лично, голографически и дифференциально, «наблюдать то, что другие наблюдатели не могут наблюдать»; он принимает такие решения и совершает такие действия, которые, согласно принципу ко-

гнитивной эволюции, расширяют диапазон возможных действий в будущем [39]. Такие характеристики наблюдателя позволяют говорить о его эволюционном творческом потенциале, участвующем в развитии сознания.

Одновременные функции наблюдения и порождения, на наш взгляд, формируют в сознании своеобразную «точку сборки», определяющую агентные (акторные, в терминологии Латура) свойства наблюдателя сложности. Подобные сопряжения, касающиеся творческого процесса, встречаются в различных когнитивных и психологических «теориях двойного процесса». Согласно таким теориям для принятия решений в мозгу задействуются две отдельные системы: отражательная (наблюдение, обработка информации и опыта знаний) и импульсивная (использование готовых схем для порождения нового) [40]. Отсюда происходят характерные для «двухпроцессного творчества» эвристические (выбор информации, относящейся к текущей ситуации) и аналитические процессы (оценка информации). Эти и другие процессы, как показано выше, эволюционно способствовали возникновению сознания как наблюдателя второго порядка.

Вывод Э. Янча, что показательной мерой состояния эволюции является степень привязки времени и пространства или, другими словами, эффективность всего феномена эволюции в присутствии конкретной системы [18], дополним – присутствием наблюдателя, активно влияющего на ход эволюции. На каждом новом эволюционном витке возникают новые управляющие параметры, и для текущего момента таковым является творчество сознания/наблюдателя, отображающего, созидającego и направляющего сложностные процессы. Представляется перспективным включение исследования данного аспекта на трансдисциплинарном уровне.

В результате глобально-эволюционный подход к сознанию, возможно, оставляет открытыми некоторые из поставленных вопросов относительно единого описания квантово-подобных и одновременно сетевых свойств сознания, однако перспектива единой теории сознания на основе методологии наблюдателя второго порядка, когда присутствие наблюдателя означает не просто наблюдение, а включает активный творческий момент в процессы эволюции, является весьма интригующей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черникова И.В., Черникова Д.В. Проблема сознания в философии и когнитивной науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4. С. 103–112.
2. Baars B.J., Gage N. Cognition, brain, and consciousness: introduction to cognitive neuroscience. 2010. 2nd ed. Burlington, MA : Academic Press. P. 3–32. URL: <http://www.baars-gage.com/>
3. Edelman G., Tononi G. A Universe of Consciousness: How Matter Becomes Imagination. N.Y. : Basic books, 2000. 266 p.
4. Деан С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли. М. : Карьера-Пресс, 2018. 416 с.
5. Анохин К.В. Мозг, творчество, сознание // Философия творчества: материалы Всерос. науч. конф. 8–9 апреля 2015 г., Институт философии РАН. М. : ИИнтелл, 2015. С. 45–54.
6. Hameroff S., Penrose R. Consciousness in the universe: A review of the 'Orch OR' theory // Phys. Life Review. 2014. March. № 11 (1). P. 39–78.
7. Stapp H.P. Quantum Mechanical Theories of Consciousness // A Companion to Consciousness. Blackwell, 2006. URL: <https://escholarship.org/uc/item/25f3c80w>
8. Меркулов И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). СПб. : РХГИ, 2003. 583 с.
9. Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М. : Per Se, 2001. 353 с.
10. Хакен Г. Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу. Ижевск : ИКИ, 2002. 272 с.

11. Haken H. Synergetics as a Tool for Conceptualization and Mathematization of Cognition and Behavior – How Far Can We Go? // *Synergetics of Cognition* / Ed. by H. Haken, M. Stadler. Berlin, 1990. P. 2–31.
12. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
13. Popper K.R., Eccles J.C. *The Self and Its Brain*. London; New York : Routledge. 1998. 597 p.
14. Князева Е.Н. Нелинейно-динамический подход в эпистемологии // *Эволюционная эпистемология. Антология*. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 642–693.
15. McFadden J. Integrating information in the brain's EM field: the cemi field theory of consciousness // *Neuroscience of Consciousness*. 2020. Vol. 2020, is. 1. URL: <https://doi.org/10.1093/nc/niaa016>
16. Князева Е.Н. Энактивизм : новая форма конструктивизма в эпистемологии. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2014. 352 с.
17. Янч. Э. Самоорганизующаяся Вселенная. Введение и обзор: рождение парадигмы из метафлуктуации // *Общественные науки и современность*. 1999. № 1. С. 143–158.
18. Jantsch E. *The Self-organizing Universe: Scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution*. Oxford : Pergamon press, 1980. 343 p.
19. Northoff G. *The Spontaneous Brain: From the Mind-Body to the World-Brain Problem*. Cambridge, MA : MIT Press, 2018. 536 p.
20. Northoff G., Cheng K.Y. Levels of Time in the Zhuangzi : A Leibnizian Perspective // *Philosophy East and West*. 2019. Vol. 69, № 4. P. 1014–1033.
21. Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. М. : АСТ, 2017. 416 с.
22. Clark A. *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. New York : Oxford University Press, 2008. 318 p.
23. Clark A., Chalmers D.J. *The Extended Mind* // *Analysis*. 1998. Vol. 58. P. 7–19.
24. Adams F., Aizawa K. Why the Mind is Still in the Head // *The Cambridge Handbook of Situated Cognition*. Cambridge University Press, 2009. P. 78–95.
25. Menary R. *The Extended Mind*. Cambridge, MA : MIT Press, 2010. 382 p.
26. Varela F., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge (MA) : The MIT Press, 1991. 328 p.
27. Wilson M. Six views of embodied cognition // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2002. № 9. P. 625–636.
28. Block N. *Consciousness* // *The Oxford Companion to the Mind* / Ed. by Richard L. Gregory. 2nd Ed. Oxford University Press, 2004. P. 1024.
29. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М. : УРСС, 2013. 509 с.
30. Nagel T. *Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature Is Almost Certainly False*. Oxford University Press, 2012. 144 p.
31. McGinn C. *Problems in Philosophy – the Limits of Inquiry*. Oxford : Blackwell, 1993. 172 p.
32. Eguíluz V.M., Chialvo D.R. et al. Scale-free brain functional networks // *Physical Review Letters*. 2005. № 94 (1). P. 018102
33. Строгац С. Ритм Вселенной. Как из хаоса возникает порядок. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 384 с.
34. Кудряшова Т.Б. К вопросу об онтологии творчества: роль памяти и воображения в появлении нового // *Философия творчества : материалы Всерос. науч. конф. 8–9 апреля 2015 г.*, Институт философии РАН. М. : ИИнтелл, 2015. С. 192–202.
35. Amundson R. Two concepts of constraint: adaptationism and the challenge from developmental biology // *Philosophy of Science*. 1994. Vol. 61, № 4.
36. Baecker D. The N-Closure of the Observer // *Systemdynamik und Systemethik: Gibt es eine Verantwortung für soziale Systeme*. München : Hampp, 2008. P. 44–52. URL: <https://ssrn.com/abstract=2201043>
37. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // *Вопросы философии*. 2017. № 1. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1555
38. Кастельс М. *Власть коммуникации*. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016. 564 с.
39. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть вторая // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21, № 1. С. 78–91.
40. Krishna A., Strack F. Reflection and impulse as determinants of human behavior // *Knowledge and action*. Springer, Cham, 2017. P. 145–167. URL: <https://library.oapen.org/bitstream/id/5e705012-0d75-4487-afb4747bb0f161ad/1002228.pdf#page=151>

Статья представлена научной редакцией «Философия» 2 мая 2021 г.

A Global Evolutionary Approach to Consciousness in Cognitive Science

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 71–78.

DOI: 10.17223/15617793/466/8

Irina V. Chernikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Yuliya V. Loginovskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: urucel@yandex.ru

Keywords: consciousness; cognitive science; complexity; global evolutionary approach; creativity.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00298.

At the present stage of consciousness research, there is an extraordinary variety of models of consciousness proposed by science and philosophy. In this regard, the construction of a typology of consciousness concepts is appropriate, as well as the dialogue of philosophy and cognitive science in the research of consciousness. The article compares the main approaches to the phenomenon of consciousness in cognitive science: neurobiological (neural network), informational (quantum informational), and nonlinear dynamic. The authors propose to include a global evolutionary approach in this typology. The global evolutionary approach is close to a nonlinear dynamic view, but the understanding of consciousness is refined by the inclusion of control parameters that exerted impact to the sociocultural stage of universal evolution. Creativity has a special role to play in this approach. The classification is based on ideas about the real evolution of consciousness and its participation in the global evolutionary process. In such a context, consciousness is understood as a complex self-developing system, but its functioning is conditioned by the cognitive activity of the brain, body, culture, and the world. The article reveals the concepts, in which the explanation of consciousness can be correlated with the global evolutionary approach. They include the emerging modern concepts of embodied cognition, the theory of spatio-temporal neuroscience by G. Northoff, as well as the concept of consciousness by T. Metzinger. The authors generate the hypothesis about the expediency of using the methodology of the second-order observer to discuss the problem of a unified theory of consciousness. The article indicates the correlation of these theories with the global evolutionary approach, in which the functioning of consciousness is not reduced to neural network structures of the brain, but extended to a view that consciousness is a part of the world and at the same time includes it. Thus, consciousness has a creative evolutionary potential, due to which it builds holistic images and encompasses irrational, creative parameters. The authors suggest a hypothesis about the possibility to combine first-person and third-person studies of consciousness based on the methodology of the second-order observer. In this assumption, they assess consciousness performing the function of an observer on the basis of the methodology of the second-order observer (V.I. Arshinov) and the interpretation of

observation as an operation that reproduces the observer (D. Becker). The observer of complexity (the observer of the second order) in this context is consciousness, or rather self-consciousness. The observer simultaneously observes and generates processes, forming a kind of an “assemblage point” of reality, in which the agent-based properties of the observer of complexity are manifested.

REFERENCES

- Chernikova, I.V. & Chernikova, D.V. (2016). The problem of consciousness in philosophy and cognitive science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4. pp. 103–112. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/36/11
- Baars, B.J. & Gage, N. (2010) *Cognition, brain, and consciousness: introduction to cognitive neuroscience*. 2nd ed. Burlington, MA: Academic Press. pp. 3–32. [Online] Available from: <http://www.baars-gage.com/>.
- Edelman, G. & Tononi, G. (2000) *A Universe of Consciousness: How Matter Becomes Imagination*. N.Y.: Basic Books.
- Dehane, S. (2018) *Soznanie i mozg. Kak mozg kodiruet mysl'i* [Consciousness and the brain. Deciphering How the Brain Codes Our Thoughts]. Translated from English. Moscow: Kar'era-Press.
- Anokhin, K.V. (2015) [Brain, creativity, consciousness]. *Filosofiya tvorchestva* [Philosophy of creativity]. Conference Proceedings. Moscow. 8–9 April 2015. Moscow: Intell. pp. 45–54. (In Russian).
- Hameroff, S. & Penrose, R. (2014) Consciousness in the universe: A review of the ‘Orch OR’ theory. *Phys. Life Review*. March. 11 (1). pp. 39–78.
- Stapp, H.P. (2006) Quantum Mechanical Theories of Consciousness. In: Schneider, S. & Velmans, M. (eds) *A Companion to Consciousness*. Blackwell, [Online] Available from: <https://escholarship.org/uc/item/25f3c80w>.
- Merkulov, I.P. (2003) *Epistemologiya (kognitivno-evolyutsionnyy podkhod)* [Epistemology (cognitive evolutionary approach)]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
- Haken, H. (2001) *Printsipy raboty golovnogo mozga: Sinergeticheskiy podkhod k aktivnosti mozga, povedeniyu i kognitivnoy deyatel'nosti* [Principles of Brain Functioning: A Synergetic Approach to Brain Activity, Behavior and Cognition]. Moscow: Per Se.
- Haken, H. (2002) *Tayny vospriyatiya. Sinergetika kak klyuch k mozgu* [Secrets of perception. Synergetics as a key to the brain]. Translated from German. Izhevsk: IKI.
- Haken, H. (1990) Synergetics as a Tool for Conceptualization and Mathematization of Cognition and Behavior – How Far Can We Go? In: Haken, H. & Stadler, M. (eds) *Synergetics of Cognition*. Berlin: Springer. pp. 2–31.
- Maturana, H.R. & Varela, F.J. (2001) *Drevo poznaniya* [The tree of knowledge]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Popper, K.R. & Eccles, J.C. (1998) *The Self and Its Brain*. London; New York: Routledge.
- Knyazeva, E.N. (2012) Nelineynno-dinamicheskiy podkhod v epistemologii [Nonlinear dynamic approach in epistemology]. In: Balashova, E.N. (ed.) *Evolutsionnaya epistemologiya. Antologiya* [Evolutionary epistemology. Anthology]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 642–693.
- McFadden, J. (2020) Integrating information in the brain's EM field: the cemi field theory of consciousness. *Neuroscience of Consciousness*. 1. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1093/nc/naa016>.
- Knyazeva, E.N. (2014) *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Jantsch, E. (1999) Samoorganizuyushchayasya Vselennaya. Vvedenie i obzor: rozhdienie paradigmy iz metafliktuatsii [The Self-organizing Universe: Scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution]. Translated from English. *Obshchestvennyye nauki i sovremenost'*. 1. pp. 143–158.
- Jantsch, E. (1980) *The self-organizing Universe: Scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution*. Oxford: Pergamon Press.
- Northoff, G. (2018) *The Spontaneous Brain: From the Mind-Body to the World-Brain Problem*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Northoff, G. & Cheng, K.Y. (2019) Levels of Time in the Zhuangzi: A Leibnizian Perspective. *Philosophy East and West*. 69 (4). pp. 1014–1033.
- Metzinger, T. (2017) *Nauka o mozge i mif o svoem Ya. Tonnel' ego* [The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self]. Translated from English. Moscow: AST.
- Clark, A. (2008) *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. New York: Oxford University Press.
- Clark, A. & Chalmers, D.J. (1998) The Extended Mind. *Analysis*. 58. pp. 7–19.
- Adams, F. (2009) Aizawa K. Why the Mind is Still in the Head. In: Robbins, Ph. & Aydede, M. (eds) *The Cambridge Handbook of Situated Cognition*. Cambridge University Press. pp. 78–95.
- Menary, R. (2010) *The Extended Mind*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Varela, F., Thompson, E. & Rosch, E. (1991) *The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge (MA): The MIT Press.
- Wilson, M. (2002) Six views of embodied cognition. *Psychonomic Bulletin and Review*. 9. pp. 625–636.
- Block, N. (2004) Consciousness. In: Gregory, R.L. (ed.) *The Oxford Companion to the Mind*. 2nd ed. Oxford University Press. pp. 1024.
- Chalmers, D. (2013) *Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Moscow: URSS.
- Nagel, T. (2012) *Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature Is Almost Certainly False*. Oxford University Press.
- McGinn, C. (1993) *Problems in Philosophy – The Limits of Inquiry*. Oxford: Blackwell.
- Egu'íluz, V.M. et al. (2005) Scale-free brain functional networks. *Physical Review Letters*. 94 (1). p. 018102.
- Strogatz, S. (2017) *Ritm Vselennoy. Kak iz khaosa vznikayet poryadok* [Sync: How Order Emerges from Chaos in the Universe, Nature, and Daily Life]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Kudryashova, T.B. (2015) [On the ontology of creativity: the role of memory and imagination in the emergence of the new]. *Filosofiya tvorchestva* [Philosophy of creativity]. Conference Proceedings. Moscow. 8–9 April 2015. Moscow: Intell. pp. 192–202. (In Russian).
- Amundson, R. (1994) Two concepts of constraint: adaptationism and the challenge from developmental biology. *Philosophy of Science*. 61 (4).
- Baecker, D. (2008) The N-Closure of the Observer. In: *Systemdynamik und Systemethik: Gibt es eine Verantwortung für soziale Systeme*. München: Hampp. pp. 44–52. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2201043>.
- Arshinov, V.I. & Budanov, V.G. (2017) Systems and networks in the context of the paradigm of complexity. *Voprosy filosofii*. 1. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1555.
- Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [Communication power]. Translated from English. Moscow: HSE.
- Arshinov, V.I. & Svirskiy, Ya.I. (2016) Complexity world and its observer. Part 2. *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*. 21 (1). pp. 78–91.
- Krishna, A. & Strack, F. (2017) Reflection and impulse as determinants of human behavior. In: *Knowledge and action*. Springer, Cham. pp. 145–167. [Online] Available from: <https://library.oapen.org/bitstream/id/5e705012-0d75-4487-afb4747bb0f161ad/1002228.pdf#page=151>.

Received: 02 May 2021

ИСТОРИЯ

УКД 327.5

Д.А. Борисов, А.М. Сафаров

ЗАПАДНАЯ МОДЕЛЬ УРЕГУЛИРОВАНИЯ АФГАНСКОГО КОНФЛИКТА: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «БОННСКОГО ТРЕКА» (2001–2014 гг.)

Рассмотрена эволюция международной (западной) модели урегулирования афганского конфликта («Боннский трек») в период с 2001 по 2014 г. На основе ситуационного анализа изучены основные цели и задачи международного сообщества¹ в процессе урегулирования афганского конфликта. Выделены этапы развития, мотивы участников, противоречия и сдерживающие факторы в развитии афганского дипломатического процесса. Прослежен путь от романтико-идеалистического к прагматико-реалистическому подходу в решении афганского конфликта со стороны международной коалиции.

Ключевые слова: Афганистан; афганский конфликт; ООН; НАТО; Талибан; ислам; процесс миростроительства.

После окончания биполярного противостояния Афганистан выпал из международной повестки безопасности. Международное сообщество в лице ООН оказалось «парализованным» и не способным предложить эффективные форматы урегулирования конфликта. Захват миссии ООН 27 сентября 1996 г. представителями движения «Талибан», показательное убийство находившихся там под международной защитой Мохаммеда Наджибуллы и его брата Ахмадзая – все эти события четко определили, что ООН перестала быть участником Афганского конфликта. Фукуямовский «Конец истории» в конце XX в. затмил проблемы Афганистана в международной повестке безопасности, а Исламская республика со своими проблемами оказалась на периферии международного внимания.

Трагические события 11 сентября 2001 г. в США и последующая антитеррористическая операция на территории Афганистана привели к переосмыслению роли этой страны в региональной и международной безопасности. К началу нового века восстанавливается интерес к Афганистану со стороны международного сообщества, прежде всего, с позиции борьбы с международным терроризмом и террористическими организациями. США в контексте концепции «справедливого вторжения» обеспечивают себе мандат от ООН, объявляя мировую войну терроризму, где Афганистан становится главной ареной международной борьбы с терроризмом. Международное сообщество, прежде всего в лице G8 и НАТО, поддерживает американскую инициативу.

«Бонн–Токио–Берлин». В 2001 г. была инициирована международная военная миссия на территории Афганистана против террористической структуры «Аль-Каида» и режима талибов под патронажем ООН и практическим руководством США. В декабре 2001 г. в Бонне (Германия) под эгидой ООН состоялась конференция основных антиталибских сил. Цель Боннского соглашения заключалась в том, чтобы перезапустить процесс государственного строительства в Афганистане, осуществив переход через традиционные институты племенной демократии к западным стандартам демократических процедур и институтов. В результате конференции было подписано межафганское «Соглашение о временных механизмах в Аф-

ганистане до восстановления правительственных институтов» [1]. Согласно документу, Афганистану при политической и экономической поддержке международного сообщества предстояло принять новую Конституцию и создать полноценное правовое государство с исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. Перед участниками афганского процесса была поставлена сложная задача по применению западной государственной модели на фактуре восточного общества. В этой части боннского подхода заметно противоречие: международное сообщество поставило сложно выполнимую задачу по созданию работоспособной модели государства на основе синтеза западных стандартов государственного строительства, исламских ценностей и афганских традиций. Данное противоречие изначально предопределило низкую эффективность новых государственных институтов, которые сильно диссонировали с афганской общественно-политической реальностью [2].

Кроме того, в соответствии с соглашением в Бонне на территории Афганистана в течение полугода должны были сформировать новые силы безопасности и вооруженные силы Афганистана, а все старые вооруженные группировки подлежали реорганизации. В целях обеспечения переходного периода по мандату ООН вводились временно «Международные силы содействия безопасности» (ISAF). В данном контексте можно отметить, что международное сообщество изначально пошло по пути «иждивенческого» подхода к обеспечению безопасности в Афганистане: не был учтен и оценен опыт боеспособных подразделений «Северного Альянса», постепенно ответственность за безопасность переложили на внешние военные силы. Логично, что в будущем для обеспечения безопасности пришлось постоянно продлевать сроки пребывания международного военного контингента и расширять территорию их ответственности. Постепенное расширение зоны ответственности ISAF со столичного района в 2001 г. охватило всю территорию Афганистана к 2006 г. Такое положение международных военных контингентов сформировало ситуацию внешнего управления в афганском общественном сознании, что дискредитировало кабульское руководство, а сюжет «борьба партизан против внешних оккупантов» стал важным элементом социальной опоры для Талибана [3].

Следующим недостатком «боннского подхода» стало создание сложной системы принятия решений для финансового обеспечения принятых договоренностей. Во-первых, в декабре 2001 г. проходит первое заседание Руководящей группы по восстановлению Афганистана (the Afghan Reconstruction Steering Group)². Эта группа на основе приблизительных расчетов определила размеры финансовой помощи Афганистану и основные направления финансирования: 1,63–2,26 млрд долл. в ближайшие два с половиной года и 1–2 млрд долл. в течение 10 лет, в том числе представитель ПРООН Марк Браун отметил, что в ближайшие 5 лет Афганистану потребуется около 9 млрд долл. [4].

Во-вторых, в 2002 г. в Токио на Международной конференции по вопросам помощи восстановлению Афганистана была установлена сумма международной помощи Афганистану в размере 4,5 млрд долл. и приняты решение о создании Исполнительной группы (Implementation Group) под председательством афганской стороны. Данная структура должна была обеспечивать согласование выполнения международной помощи Афганистану между Афганистаном, Всемирным банком, ПРООН, Азиатским банком развития, Исламским банком развития, Миссией ООН по содействию Афганистану и Руководящей группой по восстановлению Афганистана. Дополнительно на этой конференции создавался трастовый фонд под управлением структур Всемирного банка при согласовании с Правительством Афганистана и спецпредставителем Генсека ООН по Афганистану [5]. На третьей международной конференции в Берлине в 2004 г. страны-доноры согласовали увеличение размеров помощи до 8,2 млрд долл. [6].

Таким образом афганский дипломатический процесс сформировал бюрократически перегруженную с множеством не подчинённых параллельных центров принятия решения систему. Это лишало руководство Афганистана не только автономности в принятии экономических решений по вопросам примирения, восстановления и развития Афганистана, но и препятствовала своевременному поступлению средств даже по согласованным решениям. Первая информация о проблемах финансирования начала появляться уже в 2004 г. В частности, в докладе Главного бухгалтерского управления США указывается ряд негативных факторов: независимость и несогласованность акторов на двухстороннем, многостороннем и негосударственном уровнях при решении вопросов финансирования; несоответствие ресурсов и полномочий у афганских представителей для выполнения координации экономической дипломатии; отсутствие единого центра принятия решений с необходимым авторитетом и полномочиями среди внешних акторов [7].

В первые годы международное сообщество пошло по пути фрагментации сфер безопасности и экономики при восстановлении афганских государственных институтов, создав чрезмерную зависимость новых властей Афганистана от внешних участников. В таких условиях реализация любых политических решений вязла в неэффективной бюрократической архитекту-

ре, существенно снижая динамику восстановления и развития страны.

Значимым достижением в рамках Боннского соглашения стало создание демократических институтов: созыв чрезвычайной Лойя Джирги в июне 2002 г. и конституционной Лойя Джирги в 2004 г., проведение президентских выборов в ноябре 2004 г. и выборов в республиканский парламент и 34 провинциальных совета в сентябре 2005 г. Несмотря на формальные успехи в деле копирования западных демократических институтов, электоральный процесс проходил на фоне роста нестабильности в Афганистане, что свидетельствовало о серьёзной оппозиционной активности. Многие члены наблюдательных миссий выражали обеспокоенность по поводу роста насилия в Афганистане, особенно на юге, юго-востоке и востоке страны [8].

Тем не менее, по отчетам президента Карзая, повстанческие движения ограничивались одной третью территории страны, остальные две трети территории Афганистана (западные, северные и центральные районы) признавали на тот момент относительно стабильными. Наибольшее беспокойство вызывала активность движения «Талибан». Показательно, что уже тогда Х. Карзай осторожно подбирал формулировки, говоря о вооруженных группах, которых международное сообщество определило как террористические [9]. Очевидно, что в Афганистане эти движения изначально воспринимались, как участники внутриафганской политической борьбы, но данный подход шел в разрез с позицией международного сообщества, которое в начале XXI в. объявило терроризм главной угрозой международной безопасности.

Становление демократических институтов в Афганистане проходило при серьёзных допущениях со стороны международного сообщества, что ускоряло процессы демократизации, но шло в ущерб легитимности новых структур для афганского общества. В работе чрезвычайной Лойя Джирги, которая состоялась в 2002 г., приняли участие 50 неизбранных губернаторов (бывшие «полевые командиры»), которых мировое сообщество узаконило в обход демократических процедур, а они в свою очередь согласились поддержать кандидатуру Х. Карзая [10. С. 11]. На первых президентских выборах, в которых приняло участие 3/4 из зарегистрированных избирателей, а вооруженные силы Афганистана вместе с международными силами не контролировали всю территорию республики, Х. Карзай победил с небольшим отрывом, набрав 55,4% голосов [11].

Такая политическая сделка на основе торга с представителями региональных элит при лояльности международного сообщества закономерно привела к децентрализации государственной власти в Афганистане и последующей слабости Кабула. Новым властям Афганистана предстояло учитывать интересы всех неформальных и региональных групп, а значит по многим вопросам не имели оперативности и полноты власти для принятия управленческих решений. Можно согласиться с позицией Люси Морган³, которая оценила первые шаги в рамках Боннского соглашения как чуждые и не принятые афганским обще-

ством, прежде всего пуштунами, которые не были приглашены на встречу, как и талибы, и не принимали участие в политическом урегулировании [2. С. 121].

«Лондон–Париж–Гаага». Значимым элементом «Боннского трека» стали международные конференции высокого уровня в Европе в период с 2006 по 2009 г. Встреча в Лондоне с 31 января – 1 февраля 2006 г., где собрались представители 51 страны мира, а также представители крупнейших международных организаций, афганская делегация презентовала 232-страничную «Стратегию национального развития Афганистана». Этот документ стал ответом Кабула на критику в отсутствии видения развития страны [12].

По итогам Лондонской встречи на основе этой стратегии был принят новый документ «Афганское соглашение», которое устанавливало новые принципы и механизмы взаимодействия между правительством Х. Карзая и международным сообществом на период 2006–2010 гг. В этом соглашении, в отличие от предыдущих договоренностей, большое внимание уделялось проблемам экономического развития и общественной безопасности Афганистана, принимался совместный план работы, который структурировал направления международной помощи Афганистану и предлагал конкретные показатели эффективности и прогресса. Среди двенадцати сформулированных целевых показателей три относились к сфере безопасности (довести численность афганской армии до 70 тыс. чел.; разоружить все незаконные вооруженные формирования к 2007 г.; разминирование территории), остальные девять определяли точки приложения усилий в социально-экономической сфере (борьба с бедностью, коррупцией, развитие транспортной инфраструктуры и судебной системы) [13]. Однако в Лондонском соглашении были слабо проработаны вопросы прозрачности и контроля системы финансовой помощи Афганистану как со стороны международных доноров, так и со стороны властей Исламской Республики. Сформулированные целевые показатели «Афганского соглашения» остались без четкого механизма финансового обеспечения, что предопределило низкую эффективность мер по интенсификации социально-экономического развития Афганистана. В то же время в международные участники согласовали увеличение международной помощи до 10,5 млрд долл.

В 2008 г. в Париже прошла пятая встреча участников высокого уровня по Афганистану. На этой конференции Афганистан представил обновленную версию стратегии национального развития страны. Кабул продемонстрировал предельно точный и конкретный документ всестороннего развития государства, продемонстрировав готовность взять ответственность за безопасность и экономику страны на себя. Карзай в предисловии к этой стратегии подчеркнул: «Я также рассматриваю этот документ как нашу дорожную карту долгосрочного строительства афганской нации, мы переходим к меньшей зависимости (reliance)⁴ от внешней помощи и ускорению экономического роста» [14]. Документ охватил все сферы жизнедеятельности Афганистана, которые были разделены в три группы: (1) Безопасность (стабилизация, укрепление правоохранительных органов, повышение личностной

безопасности); (2) Государственное управление, верховенство закона и права человека (укрепление демократических процессов и институтов, прав человека, верховенства закона, предоставление государственных услуг и подотчетность правительства); (3) Экономическое и социальное развитие (сокращение нищеты, обеспечение устойчивого развития, улучшение показателей развития человеческого потенциала, достижение Целей развития тысячелетия. В качестве детализации конкретных действий в стратегии был приложен План национальных действий, в котором прописаны ожидаемые результаты (ОР), конкретные политические действия (КПД), сроки и ответственные⁵, а также матрица мониторинга на основе ожидаемых результатов, индикаторов, изначальные и целевые показатели. Сквозь весь текст стратегии проходит проблематика международной помощи, с одной стороны, подчеркивается, что исполнение большей части стратегии зависит от международной финансовой помощи, с другой – приводятся данные, что лишь малая часть доверяется властям Афганистана.

Тем не менее сугубо декларативный характер Парижского соглашения не позволил существенно повлиять на вопросы предоставления и расходования международной помощи, было лишь заявлено о расширении полномочий Миссии ООН по Афганистану, в том числе по вопросам управления международной финансовой помощью [15]. Весьма показательна публичная полемика среди афганских экспертов и политиков по поводу международной помощи в этот период. А. Гайдари⁶ обстоятельно критикует международную систему финансовой помощи Афганистану, указывая на следующие факты: предоставленная финансовая помощь Афганистану в первые два года была в 11 раз меньше чем для Боснии и в 4 раза меньше чем для Восточного Тимора (из расчета на душу населения); военная помощь также уступает международной практике, если в Ираке и Боснии на 1 тыс. населения приходилось, соответственно, 7 и 19 иностранных военных, то в афганском случае всего 1,5; 40% выделяемых средств возвращается странам-донорам в виде прибыли подрядчиков и зарплат служащих [16].

Более того ведущие страны, за исключением США, фактически отказались от своих обязательств по строительству и реформированию ключевых государственных институтов Афганистана: США – Афганская национальная армия; Германия – Афганская национальная полиция; Япония – разоружение, демобилизация и реинтеграция; Великобритания – антинаркотическая деятельность; Италия – судебная система. В то же время афганский аналитик Х. Гамхур прямо обвиняет администрацию Х. Карзая в коррупции и воровстве, а депутат парламента Р. Башардост обвиняет и внешних, и внутренних участников в слабых результатах в деле восстановления Афганистана [17]. В этом споре по перекалыванию ответственности показательно интервью DW сотрудницы азиатского бюро Трансперенси Интернешнл (Transparency International) Р. Нанайккары, которая подчеркнула, что, закачивая средства в некие проекты, но не имея возможности контролировать их ввиду нежелания отправлять собственных сотрудников в небезопасный

Афганистан, доноры неотвратно подпитывают коррупцию. А международная финансовая помощь стала, по сути, одним из катализаторов коррупции в Афганистане: из-за сложной военной ситуации и нестабильности международные финансовые организации не отправляют своих сотрудников в Афганистан и не открывают свои представительства в этой стране [18].

В 2009 г. прошла внеочередная международная конференция по Афганистану в Гааге. Главной целью конференции стало согласование с участниками афганского дипломатического процесса нового подхода США к региональной безопасности, который в начале 2009 г. анонсировал недавно избранный Б. Обама. Встреча в Гааге стала поворотным моментом в развитии «боннского трека», в котором начали появляться первые признаки «усталости» от Афганистана. Во-первых, анонсировалось географическое расширение афганской проблематики, прежде всего за счет Пакистана, Ирана и Индии. Во-вторых, объявлялось о перераспределении акцентов с военной на гражданскую поддержку [19]. В-третьих, был сделан фокус на достижимые военные цели: прежде всего победа над Аль-Каидой и более избирательный подход к движению «Талибан» (борьба с радикальными талибами и активная поддержка реинтеграции для умеренных представителей этого движения) [20]. Очевидно, что Вашингтон как инициатор и главный спонсор афганской кампании с приходом новой президентской администрации выбрал курс на существенный пересмотр формата участия в Афганистане, но для оформления этого требовался повод – символическая военная победа. Из всех вариантов афганского сюжета наиболее достижимой целью являлась Аль-Каида и её лидер. Предложенная инициатива Б. Обамы в Гааге заложила методологическую основу изменения характера «боннского процесса».

«Накопление усталости». Важным фактором, который ускорил курс на дистанцирование международного сообщества от афганской проблематики, стал публичный скандал по поводу «нечистой» избирательной кампании во время вторых выборов президента Афганистана в 2009 г. и последовавшие перестановки среди чиновников ООН, ответственных за афганское направление [21]. Данный эпизод явно дискредитировал главное достижение боннских договоренностей последних восьми лет – создание стабильных демократических институтов в Афганистане. Постепенно начала обостряться риторика между участниками афганского дипломатического процесса, и к 2010 г. становится очевидной напряженность в отношениях Запада и правительства Афганистана: Генсек ООН прямо указал Х. Карзаю на необходимость предоставить план конкретных действий в сферах борьбы с коррупцией и содействию процессу примирения в Афганистане [22]; страны-доноры, особенно США, высказали недовольство результатами администрации президента Афганистана. Накануне поездки Х. Карзая в Вашингтон *The New York Times* опубликовала статью, в которой жёстко раскритиковала президента Афганистана за недостаток рвения в построении демократии [23]. В продолжение Пентагоном был подготовлен доклад, где констатировалось, что большин-

ство афганского населения либо равнодушно по отношению к центральному правительству, либо поддерживают повстанцев-талибов. Как следует из данного доклада, население только 29 районов из 121, которые считаются ключевыми в военном отношении, поддерживают правительство Карзая, что говорит о низком уровне поддержки Кабула в регионах. Главной причиной недоверия к власти документ называет коррупцию и неэффективность в среде чиновников [24]. В ответ на западную критику Х. Карзай, критикуя своих коллег, начал допускать резкие оценки в адрес Запада. Например, он заявлял, что западные силы, воюющие с талибами, находятся на грани превращения в «захватчиков» [25]. Публичную информационную перепалку пришлось урегулировать Б. Обаме, который в срочном порядке прибыл в Кабул, чтобы объяснить афганскому президенту, что тот недостаточно быстро улучшает систему управления, борется с коррупцией и продвигает верховенство закона [26].

К концу 2010 г. ситуация в Афганистане коренным образом не изменилась, большинство целевых показателей «Афганского соглашения» имели номинальный прогресс, оставаясь в основном на уровне согласования, планирования и законодательной подготовки. Наиболее значимые практические результаты, которые были достигнуты в сфере строительства Афганской национальной армии и полиции (увеличение численности до 152 и 118 тыс. чел. соответственно), имели противоречия [27]. Последствием такого усиления силового аппарата стало недофинансирование других сфер жизнедеятельности государства, а в условиях неработающей экономики жалование в национальной армии Афганистана стало одной из немногих сфер стабильного заработка, что стимулировало отрицательный отбор при комплектации силовых структур. Такие мотивы воинской службы не могли не сказаться на качестве, национальные структуры безопасности Афганистана продемонстрировали низкую боеспособность при проведении самостоятельных военных операций, начала расти интенсивность вооруженного насилия. По данным *Afghan Rights Group*, в 2010 г. от рук боевиков погиб 2 421 человек, что на 15% больше, чем в 2009 г. и в 3 больше, чем в 2006 г. Представительство ООН в Кабуле в своем докладе назвало 2010 г. «самым кровавым за последние 10 лет» [28].

Более того, эскалация вооруженного конфликта в Афганистане и увеличение потерь среди иностранного военного контингента обострили внутривосточные обстановки среди стран ISAF. Статистика боевых потерь явно снижала волю внешних участников: по данным независимого интернет-портала «*Iraq coalition casualty count*», за десять лет с 2001 г. потери международной коалиции в ходе военной операции составили более 2,5 тыс. военнослужащих погибшими. Наибольшие потери понесли США (более 1,6 тыс. человек). Самым кровавым для международной коалиции оказался 2010 г.: погибло 711 солдат и офицеров против 521 в 2009 г. [29]. Первым тревожным сигналом для единства западной военной коалиции стало в 2009 г. решение Дании о выводе своих военных из Афганистана [30]. Характер и динамика аф-

ганского процесса в период 2009–2010 гг. явно сигнализировал об изменении подхода.

«Лондон–Кабул–Лиссабон». На трех международных конференциях в 2010 г. был завершен процесс согласования новых условий по боннскому процессу. На встречах высокого уровня 28 января в Лондоне и 20 июля в Кабуле происходит официальная смена повестки: главным направлением стал вывод международного контингента из Афганистана и передача афганским властям более широкой ответственности за обеспечение безопасности в стране [31, 32]. Причиной пересмотра стали слабые результаты десятилетней международной военной операции в Афганистане и негативные прогнозы дальнейшего продолжения. Афганский конфликт расходовал все больше человеческих и финансовых ресурсов, лимиты доверия к сторонам активного военного участия международного сообщества в разрешении афганского конфликта сокращались, а горизонты достижения стабильности и безопасности становились все более неопределенными. В таких условиях для руководства западных государств стало очевидным, что необходимо избавляться от «плохих политических активов» и передавать ответственность за ситуацию в стране «местным».

20 ноября 2010 г. на саммите НАТО в Лиссабоне основной спонсор военно-политического ресурса в Афганистане подтвердил изменения ролей. Генеральный секретарь НАТО А. Расмуссен поддержал программу по передаче контроля за обеспечением безопасности в стране в руки вооруженных сил и полиции республики: «Мы разделяем выраженное президентом Карзаем стремление увидеть, как афганские национальные силы безопасности примут на себя ответственность за обеспечение безопасности во всем Афганистане к концу 2014 г. Это устанавливает для нас график, но, конечно, весь процесс должен быть основан на создании условий. Мы не уйдем из Афганистана пока не убедимся, что афганцы могут обеспечить собственную безопасность» [33]. Усталость и разочарование международного сообщества от афганского конфликта привели к развороту «Боннского трека», главной целью становится поэтапный почетный выход внешних участников из Афганистана и перенос ответственности за низкие результаты на внутренних участников.

«Бонн–Токио». В декабре 2011 г. «Боннский трек» возвращается в Бонн, где 5 декабря прошла очередная встреча высокого уровня международной коалиции по Афганистану. Международная конференция в очередной демонстрировала консенсус между внешними и внутренними участниками по основным направлениям будущего развития процесса урегулирования конфликта, а также уточнялись зоны ответственности в после 2014 [34]. В том числе был применен переговорный прием «передача ответственности будущим поколениям». Мировые лидеры обозначили «десятилетие трансформации», после которого к 2024 г. Афганистан должен превратиться в полноценно функционирующее государство. В документе говорится, что после вывода международных сил после 2014 г. финансовая помощь должна быть направлена на укрепление безопасности и развитие экономики. Конкрет-

ные размеры экономической помощи должны были быть утверждены через год в Токио.

8 июля 2012 г. в Токио на втором заседании Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС) были определены финансовые гарантии со стороны международного сообщества для новых изменений в «боннском треке». Итогом встречи стала договоренность о предоставлении помощи Афганистану в размере 16 млрд долл. до 2015 и до 2017 г. поддерживать помощь на уровне прошлого десятилетия или близком к нему [35]. Токийские соглашения по Афганистану стали определенным итогом международной модели урегулирования афганского конфликта в рамках «Боннского трека»: международное сообщество отказалось от военной ответственности в урегулировании афганского конфликта, очертило горизонты экономической ответственности, подтвердив свою готовность следующие десять лет оказывать финансовую поддержку. В сухом остатке в Токио была осуществлена «покупка» передачи ответственности за обстановку в Афганистане с плеч международного сообщества на плечи афганской стороны.

Важным событием на встрече в Токио стало подписание Токийской рамочной программы взаимной подотчетности [35], где была сделана попытка преодолеть недостатки прошлых соглашений в сфере предоставления международной помощи, а именно: международная поддержка в соответствии с задачами стратегического национального развития Афганистана; международная поддержка через национальных бюджет; транспарантная система взаимного контроля между донорами и правительство Афганистана. В частности, было принято решение о создании Объединенного совета по координации и контролю под руководством Афганистана и Организации Объединенных Наций, который должен обеспечивать контроль взаимных долгосрочных обязательств со стороны международных спонсоров и афганской стороны на основе взаимной регулярной подотчетности. Также был существенно упрощен механизм принятия решения: афганская сторона, страна-донор при посредничестве и гарантиях со стороны ООН. Как результат начали увеличиваться объемы выделяемой международной помощи, а в публичном пространстве начинает появляться информация о финансировании конкретных проектов страна-донорами в Афганистане [36, 37]. На примере Японии можно проследить динамику финансовой помощи: с 2001–2003 гг. было выделено 450 млн долл., с 2004 по 2007 г. – 800 млн долл., с 2008 по 2010 гг. – 1,5 млрд долл.; в 2011 г. – 751 млн долл., в 2012 г. – 873 млн долл., в 2013 г. – 718 млн долл., в 2014 г. – 387 млн долл. [38].

В рамках «Боннского трека» с 2001 по 2014 г. международное сообщество во главе с ООН предприняло попытку урегулирования афганского конфликта, пройдя путь от либерально-идеалистического до прагматико-реалистического подхода к обеспечению мира и стабильного развития в Афганистане. Первый «романтический» этап с 2001 по 2006 г. характеризуется формальным подходом к урегулированию афганского конфликта. Строительство шаблонных институтов западной демократии и применение «западной

модели» государственного строительства при игнорировании цивилизационной и культурной идентичности в архаичной восточной стране смогли создать только видимость демократических институтов и правового государства. Под давлением всеобщей установки на тотальную войну с терроризмом были выброшены из политического процесса влиятельные общественные силы, что определило силовые сценарии в качестве основных в афганском конфликте. Выбор «иждивенческого» подхода к формированию национальной армии Афганистана не смог создать боеспособные и мотивированные военные подразделения, вопросы безопасности удалось частично решить только в столичных районах, а поддержание безопасности на большей территории страны стало во многом зависеть от международных военных контингентов.

Во второй «переходный» этап (с 2006 по 2009 г.) предпринимается попытка обеспечить поступательное экономическое развитие как основу восстановления Афганистана. Однако асимметрия в пользу военных расходов, забюрократизированность механизмов экономической помощи и попустительское отношение к механизмам финансового контроля со стороны участников афганского дипломатического процесса не смогли переломить негативные тенденции социально-экономического развития Афганистана. Более того фиксируется усиление коррупционного и теневого фактора в экономике страны. Самое главное, что не удалось обеспечить безопасность в стране, высокая интенсивность боестолкновений обнуляла минимальные достижения социально-экономического развития. К концу этапа резкое увеличение потерь среди международных военных контингентов, репутационные потери недавно созданных демократических институтов вынуждали международное сообщество к каче-

ственному пересмотру подходов в афганском дипломатическом процессе.

Третий «прагматический» этап охватывает с 2009 по 2014 г. Международное сообщество берет курс на почетный выход из Афганистана и передачу ответственности, поскольку стало очевидно, что афганский мирный проект затянулся и стал политически токсичным для международных участников. Ставка была сделана на постепенный транзит ответственности от международной коалиции к руководству Афганистана при сохранении имиджа международных структур. Самостоятельность Афганистана становится главным идеологическим паттерном этого этапа.

Новый подход оформляется через принятие соглашения о существенном сокращении международного военного контингента, сохранение финансовой помощи афганскому правительству и смещении горизонтов планирования на неопределенный 2024 г. Международные финансовые обязательства стали по сути откупом от Афганистана. Однако международная финансовая помощь, которая остается существенным способом финансовых поступлений в страну, является важным фактором сохранения власти у Кабула. К 2014 г. совместными усилиями вырабатываются транспарентные механизмы предоставления международной помощи, в которых ключевым становится двусторонний формат договоренностей между странами-донорами и афганской стороной при посредничестве ООН, а выделяемые средства замыкаются на конкретные задачи стратегического развития Афганистана. Соответственно, афганский мирный процесс как коллективный проект безопасности международного сообщества начинает распадаться на отдельные национальные инициативы глобальных игроков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье международное сообщество, западные страны, внешние участники, страны-доноры, западная коалиция и пр. используются как синонимы. Лидером международного сообщества в афганском конфликте являются США, которые после 11 сентября 2011 г. возглавили международную коалицию и заручились финансовой и политической поддержкой, прежде всего, среди стран, входящих в такие структуры, как G8, НАТО и Программа партнерства ради мира.

² В качестве сопредседателей выступили Япония, США, ЕС, Саудовская Аравия.

³ Люси Морган Эдвардс – бывший политический советник Специального представителя ЕС в Кабуле.

⁴ В дальнейшем паттерн «самостоятельность» (self-reliance) станет ключевым пунктом в отношениях между Афганистаном и международным сообществом.

⁵ В группе «безопасность» (9 ОР, 39 КПП); в группе «государственное управление» (26 ОР, 154 КПП); в группе «экономическое управление и развитие частного сектора» (14 ОР, 81 КПП); «Инфраструктура» (32 ОР; 153 КПП); «Здоровье и питание» (1 ОР; 8 КПП); «Образование и культура» (12 ОР; 106 КПП); «Сельское хозяйство и развитие сельских территорий» (10 ОР; 44 КПП); «Социальная защита и беженцы» (18 ОР; 108 КПП).

⁶ На тот момент Политический советник посольства Афганистана в США.

ЛИТЕРАТУРА

1. ООН. Agreement on provisional arrangements in Afghanistan pending the re-establishment of permanent government institutions. URL: <http://www.un.org/News/dh/latest/afghan/afghanagree.htm> (accessed: 17.06.2019).
2. Эдвардс Л.М. Государственное строительство в Афганистане: случай, свидетельствующий о наличии ограничений? // Международный журнал Красного креста. 2010. С. 95–125.
3. A Profile of the Taliban's Propaganda Tactics // HuffPost News. 04.03.2010. URL: https://www.huffpost.com/entry/a-profile-of-the-talibans_b_442857 (accessed: 17.06.2019).
4. First Meeting on the Afghan Reconstruction Steering Group, 20-21 December 2001 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/meet0201.html (accessed: 18.06.2019).
5. The International Conference on Reconstruction Assistance to Afghanistan (2002) // ООН. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_020122_Tokyo%20Conference%20Summary%20of%20Conclusions.pdf (accessed: 20.06.2019).
6. Berlin Declaration (2004) // ООН. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_040401_Berlin%20Declaration.pdf (accessed: 20.06.2019).

7. Report to Congressional Committees “Afghanistan reconstruction” (2004) // Главное бухгалтерское управление США. URL: <https://www.gao.gov/new.items/d04403.pdf> (accessed: 20.06.2019).
8. Доклад Миссии Совета Безопасности в Афганистане (2006) // ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/588025/files/S_2006_935-RU.pdf?version=1 (accessed: 21.06.2019).
9. Исламистское движение «Талибан». Справка. 30.07.2009 // ИА РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20090730/179199515.html> (дата обращения: 20.07.2019).
10. Lister S. Understanding State-building and Local Government in Afghanistan // Crisis States Research Centre Working Paper. 2007. № 14. 21 p.
11. Karzai confirmed as Afghan president. 03.11.2004 // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2004/nov/03/afghanistan.afghanistantimeline> (accessed: 21.06.2019).
12. National Development strategy (2006) // Правительство Афганистана. URL: <http://moj.gov.af/Content/files/afghanmainstrategy.pdf> (accessed 21.06.2019).
13. The Afghanistan compact (2006) // НАТО. URL: https://www.nato.int/isaf/docu/epub/pdf/afghanistan_compact.pdf (accessed: 21.06.2019).
14. Afghanistan National Development Strategy (2008) / ВОЗ ООН. URL: https://extranet.who.int/nutrition/gina/sites/default/files/AFG%202008%20Afghanistan_PRSP.pdf (accessed: 21.06.2019).
15. Declaration of the International Conference in Support of Afghanistan (2008) // ООН. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_080612_Paris%20Conference%20Declaration.pdf (accessed: 21.06.2019).
16. Ashraf Haidari M. Paris Conference: An Opportunity to Address Afghanistan’s Key Rebuilding Challenges (2009). URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_080612_Paris%20Conference%20Declaration.pdf (accessed: 25.06.2019).
17. Коргун В. Конференция по Афганистану в Лондоне (2006). URL: <http://afghanistan.ru/doc/5248.html> (дата обращения: 15.07.2019).
18. Коррупция в Афганистане: кому это выгодно? 01.05.2014 // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/a-17603822> (дата обращения: 25.07.2019).
19. Conference Hails New US Focus in Afghanistan. 31.03.2009 // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/conference-hails-new-us-focus-in-afghanistan/a-4142476> (accessed: 25.06.2019).
20. Clinton aims to win over Taliban defectors. 31.03.2009 // Radio France International. URL: http://www1.rfi.fr/actuen/articles/111/article_3328.asp (accessed: 25.06.2019).
21. Глава миссии ООН в Кабуле признал факт фальсификаций на выборах. 11.10.2009 // ИА РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20091011/188398425.html> (дата обращения: 25.07.2019).
22. Пан Ги Мун призывает Карзая рассказать о конкретных шагах афганских властей. 19.10.2010 // Радио Свобода. URL: <https://www.afp.com/en> (дата обращения: 25.07.2019).
23. Бинг У. Как спасти Афганистан от Карзая. 07.04.2010 // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2010/04/07/opinion/07west.html> (дата обращения: 25.07.2019).
24. Пентагон: Карзай не пользуется поддержкой афганского народа. 10.04.2010 // БиБиСи. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2010/04/100429_pentagon_karzai_report.shtml (дата обращения: 15.07.2019).
25. Президент Карзай взбрыкнул. 03.04.2010 // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2010/04/03/opinion/03sat1.html?partner=rss&emc=rss> (дата обращения: 30.07.2019).
26. Барак Обама нагрянул с инспекцией в Афганистан. 29.03.2010 // Газета Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1345237> (дата обращения: 30.07.2019).
27. Report of the Secretary-General “The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security” (2011) // ООН. URL: <http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Afgh%20S%202011%20120.pdf> (accessed: 30.06.2019).
28. 2010 – самый кровавый год Афганистана. 10.03.2010 // Радио Озоди. URL: <https://rus.ozodi.org/a/9621633.html> (дата обращения: 30.07.2019).
29. Afghanistan Fatalities data // iCasualties.org. URL: <http://icasualties.org/App/AfghanFatalities> (accessed: 30.06.2019).
30. Balkenende says Dutch troops to leave Afghanistan as planned. 21.02.2010 // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/balkenende-says-dutch-troops-to-leave-afghanistan-as-planned/a-5268122> (accessed: 30.06.2019).
31. Afghan Leadership, Regional Cooperation, International Partnership (2010) // European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/d-af/dv/af-london_conf_jan10/af-london_conf_jan10en.pdf (accessed: 30.06.2019).
32. A Renewed Commitment by the Afghan Government to the Afghan People A Renewed Commitment by the International Community to Afghanistan (2010) // ООН. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_100722_Kabul%20Conference%20Communique.pdf (accessed: 30.06.2019).
33. НАТО поддерживает дорожную карту по передаче афганской стороне ответственности за обеспечение безопасности. 20.07.2010 // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_65030.htm (дата обращения: 25.07.2019).
34. Conference conclusions Afghanistan and the International Community: From Transition to the Transformation Decade (2011) // ООН. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_111205_BonnConference.pdf (accessed: 30.06.2019).
35. Токийское заявление «Партнерство в интересах самостоятельности Афганистана: от переходного процесса к преобразованиям» (2012) // ООН. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_120708_Tokyo%20Declaration%20%28ru%29.pdf (дата обращения: 25.07.2019).
36. Germany supports Afghanistan to train its police force in Mazar-e Sharif. 27.06.2014 // Wadsam.com. URL: <https://wadsam.com/afghan-business-news/germany-supports-afghanistan-to-train-its-police-force-in-mazar-e-sharif-787/> (accessed: 30.06.2019).
37. Japan Supports Natural Disaster Risk Management Activities in Afghanistan. 10.05.2015 // Wadsam.com. URL: <https://wadsam.com/afghan-business-news/japan-supports-natural-disaster-risk-management-activities-in-afghanistan-232/> (accessed: 30.06.2019).
38. Japan’s Assistance in Afghanistan data // МИД Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan (accessed: 30.06.2019).

Статья представлена научной редакцией «История» 3 сентября 2019 г.

The Western Model of Settling the Afghan Conflict: The Rise and Fall of the “Bonn Track” (2001–2014)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 79–87.

DOI: 10.17223/15617793/466/9

Denis A. Borisov, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denis-borisov69@gmail.com

Asliddin (Marat) M. Safarov, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: safarovmarat001@mail.ru

Keywords: Afghanistan; Afghan conflict; UN; NATO; Taliban; Islam; peacebuilding.

The article discusses the evolution of the Western model of settling the Afghan conflict in the period from 2001 to 2014. On the basis of the case-study method, the authors analyse the international community’s main goals and objectives in the settlement of the

Afghan conflict. Through the lens of documents of international conferences on Afghanistan, the development stages, participants' motives, contradictions and constraints in the development of the Afghan diplomatic process are highlighted. The path from the romantic-idealistic to the pragmatic-realistic approach in resolving the Afghan conflict by the international coalition is traced. The authors come to the following conclusions during the study. First, there was an application of the "western model" of state building in Afghanistan at the first "romantic" stage from 2001 to 2006. However, ignoring the specifics of the country of Afghanistan helped create only a visibility of democratic institutions and of the rule of law. The emphasis on forceful methods of resolving the Afghan conflict excluded influential social actors from the political process. At the same time, it was not possible to create a combat-ready national army of Afghanistan, and maintaining security in the country became the responsibility of the international military. This situation discredited the new authorities of Afghanistan. Second, there was an attempt to ensure sustainable economic development as the basis for the reconstruction of Afghanistan at the second "transitional" stage from 2006 to 2009. However, the asymmetry in favor of military spending, the bureaucratic nature of economic assistance mechanisms, and the conniving attitude to financial control mechanisms failed to reverse the negative trends in the country's socioeconomic development. The high intensity of clashes nullified the minimum achievements of socioeconomic development. Moreover, the increase in losses among international military contingents, the reputation losses of the newly created democratic institutions forced the international community to qualitatively review approaches to the Afghan diplomatic process. Third, the international community embarked on an honorary exit from Afghanistan at the third "pragmatic" stage from 2009 to 2014. The stake was made on a gradual transit of responsibility from the international coalition to the leadership of Afghanistan while keeping the image of international structures. The self-reliance of Afghanistan was becoming the main ideological pattern of this stage. Planning horizons of the Afghan conflict were shifted for an indefinite 2024. The international financial obligations became a kind of pay for distancing Afghan peacebuilding. However, international financial assistance remains a significant way of financial flow into the country and is an important factor in maintaining power in Kabul. The Afghan peace process, as a collective security project of the international community, began to break up into individual national initiatives by global actors.

REFERENCES

1. UN. (2019) *Agreement on provisional arrangements in Afghanistan pending the re-establishment of permanent government institutions*. [Online] Available from: <http://www.un.org/News/dh/latest/afghan/afghanagree.htm> (Accessed: 17.06.2019).
2. Edwards, L.M. (2010) State-Building in Afghanistan: A Case of Showing the Limits? *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo kresta – International Review of the Red Cross*. 880. pp. 95–125. (In Russian).
3. HuffPost News. (2010) *A Profile of the Taliban's Propaganda Tactics*. 04.03.2010. [Online] Available from: https://www.huffpost.com/entry/a-profile-of-the-talibans_b_442857 (Accessed: 17.06.2019).
4. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2001) *First Meeting on the Afghan Reconstruction Steering Group, 20–21 December 2001*. [Online] Available from: https://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/meet0201.html (Accessed: 18.06.2019).
5. UN. (2002) *The International Conference on Reconstruction Assistance to Afghanistan*. [Online] Available from: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_020122_Tokyo%20Conference%20Summary%20of%20Conclusions.pdf (Accessed: 20.06.2019).
6. UN. (2004) *Berlin Declaration*. [Online] Available from: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_040401_Berlin%20Declaration.pdf (Accessed: 20.06.2019).
7. US General Accounting Office. (2004) *Report to Congressional Committees "Afghanistan Reconstruction"*. [Online] Available from: <https://www.gao.gov/new.items/d04403.pdf> (Accessed: 20.06.2019).
8. UN. (2006) *Doklad Missii Soveta Bezopasnosti v Afganistane* [Report of the Security Council Mission in Afghanistan]. [Online] Available from: https://digitallibrary.un.org/record/588025/files/S_2006_935-RU.pdf?version=1 (Accessed: 21.06.2019).
9. IA RIA Novosti. (2009) *Islamistskoe dvizhenie "Taliban"*. Spravka [Taliban Islamist movement. Fact Sheet]. 30.07.2009. [Online] Available from: <https://ria.ru/20090730/179199515.html> (Accessed: 20.07.2019).
10. Lister, S. (2007) Understanding State-building and Local Government in Afghanistan. *Crisis States Research Centre Working Paper*. 14.
11. *The Guardian*. (2004) Karzai confirmed as Afghan president. 03.11.2004. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2004/nov/03/afghanistan.afghanistantimeline> (Accessed: 21.06.2019).
12. Afghanistan Government. (2006) *National Development Strategy*. [Online] Available from: <http://moj.gov.af/Content/files/afghanmainstrategy.pdf> (Accessed 21.06.2019).
13. NATO. (2006) *The Afghanistan Compact*. [Online] Available from: https://www.nato.int/isaf/docu/epub/pdf/afghanistan_compact.pdf (Accessed: 21.06.2019).
14. UN WHO. (2008) *Afghanistan National Development Strategy*. [Online] Available from: https://extranet.who.int/nutrition/gina/sites/default/files/AFG%202008%20Afghanistan_PRSP.pdf (Accessed: 21.06.2019).
15. UN. (2008) *Declaration of the International Conference in Support of Afghanistan*. [Online] Available from: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_080612_Paris%20Conference%20Declaration.pdf (Accessed: 21.06.2019).
16. Ashraf Haidari, M. (2009) *Paris Conference: An Opportunity to Address Afghanistan's Key Rebuilding Challenges*. [Online] Available from: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_080612_Paris%20Conference%20Declaration.pdf (Accessed: 25.06.2019).
17. Korgun, V. (2006) *Konferentsiya po Afganistanu v Londone* [Conference on Afghanistan in London]. [Online] Available from: <http://afghanistan.ru/doc/5248.html> (Accessed: 15.07.2019).
18. Deutsche Welle. (2014) *Korrupsiya v Afganistane: komu eto vygodno?* [Corruption in Afghanistan: Who Benefits?]. 01.05.2014. [Online] Available from <https://www.dw.com/ru/a-17603822> (Accessed: 25.07.2019).
19. Deutsche Welle. (2009) *Conference Hails New US Focus in Afghanistan*. 31.03.2009. [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/conference-hails-new-us-focus-in-afghanistan/a-4142476> (Accessed: 25.06.2019).
20. Radio France International. (2009) *Clinton aims to win over Taliban defectors*. 31.03.2009. [Online] Available from: http://www1.rfi.fr/actuen/articles/111/article_3328.asp (Accessed: 25.06.2019).
21. IA RIA Novosti. (2009) *Glava missii OON v Kabule priznal fakt fal'sifikatsiy na vyborakh* [Head of the UN mission in Kabul admitted the fact of electoral fraud]. 11.10.2009. [Online] Available from: <https://ria.ru/20091011/188398425.html> (Accessed: 25.07.2019).
22. Radio Svoboda. (2010) *Pan Gi Mun prizyvaet Karzaya rasskazat' o konkretnykh shagakh afganskikh vlastey* [Ban Ki-moon calls on Karzai to talk about the concrete steps taken by the Afghan authorities]. 19.10.2010. [Online] Available from: <https://www.afp.com/en> (Accessed: 25.07.2019).
23. Bing, W. (2010) How to save Afghanistan from Karzai. *The New York Times*. 07.04.2010. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2010/04/07/opinion/07west.html> (Accessed: 25.07.2019).
24. BBC. (2010) *Pentagon: Karzay ne pol'zuetsya podderzhkoy afganskogo naroda* [Pentagon: Karzai does not enjoy the support of the Afghan people]. 10.04.2010. [Online] Available from: https://www.bbc.com/russian/international/2010/04/100429_pentagon_karzai_report.shtml (Accessed: 15.07.2019).

25. *The New York Times*. (2010) President Karzai lashes out. 03.04.2010. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2010/04/03/opinion/03sat1.html?partner=rss&emc=rss> (Accessed: 30.07.2019).
26. *Kommersant*". (2010) Barak Obama nagryanul s inspektsiy v Afganistan [Barack Obama came with an inspection to Afghanistan]. 29.03.2010. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/1345237> (Accessed: 30.07.2019).
27. UN. ((2011)) *Report of the Secretary-General "The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security"*. [Online] Available from: <http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Afgh%20S%202011%20120.pdf> (Accessed: 30.06.2019).
28. Radio Ozodi. (2010) *2010 – samyy krovavyy god Afganistana* [2010 is the bloodiest year in Afghanistan]. 10.03.2010. [Online] Available from: <https://rus.ozodi.org/a/9621633.html> (Accessed: 30.07.2019).
29. iCasualties.org. (2019) *Afghanistan Fatalities Data*. [Online] Available from: <http://icasualties.org/App/AfghanFatalities> (Accessed: 30.06.2019).
30. Deutsche Welle. (2010) *Balkenende says Dutch troops to leave Afghanistan as planned*. 21.02.2010. [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/balkenende-says-dutch-troops-to-leave-afghanistan-as-planned/a-5268122> (Accessed: 30.06.2019).
31. European Parliament. (2010) *Afghan Leadership, Regional Cooperation, International Partnership*. [Online] Available from: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/d-af/dv/af-london_conf_jan10/af-london_conf_jan10en.pdf (Accessed: 30.06.2019).
32. UN. (2010) *A Renewed Commitment by the Afghan Government to the Afghan People. A Renewed Commitment by the International Community to Afghanistan*. [Online] Available from: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_100722_Kabul%20Conference%20Com-muniqué.pdf (Accessed: 30.06.2019).
33. NATO. (2010) *NATO podderzhivaet dorozhnyuyu kartu po peredache afganskoy storone otvetstvennosti za obespechenie bezopasnosti* [NATO supports the roadmap to transfer responsibility for security to the Afghan side]. 20.07.2010. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_65030.htm (Accessed: 25.07.2019).
34. UN. (2011) *Conference conclusions Afghanistan and the International Community: From Transition to the Transformation Decade*. [Online] Available from: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_111205_BonnConference.pdf (Accessed: 30.06.2019).
35. UN. (2012) *Tokiyskoe zayavlenie "Partnerstvo v interesakh samostoyatel'nosti Afganistana: ot perekhodnogo protsessa k preobrazovaniyam"* [Tokyo Statement "Partnership for Afghanistan's Independence: From Transition to Transformation"]. [Online] Available from: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_120708_Tokyo%20Declaration%20%28ru%29.pdf (Accessed: 25.07.2019).
36. Wadsam.com. (2014) *Germany supports Afghanistan to train its police force in Mazar-e Sharif*. 27.06.2014. [Online] Available from: <https://wadsam.com/afghan-business-news/germany-supports-afghanistan-to-train-its-police-force-in-mazar-e-sharif-787/> (Accessed: 30.06.2019).
37. Wadsam.com. (2015) *Japan Supports Natural Disaster Risk Management Activities in Afghanistan*. 10.05.2015. [Online] Available from: <https://wadsam.com/afghan-business-news/japan-supports-natural-disaster-risk-management-activities-in-afghanistan-232/> (Accessed: 30.06.2019).
38. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2019) *Japan's Assistance in Afghanistan data*. [Online] Available from: https://www.mofa.go.jp/re-gion/middle_e/afghanistan (Accessed: 30.06.2019).

Received: 03 September 2019

М.В. Бочарникова

СОГЛАШЕНИЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ И США О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ (KORUS FTA) В 2006–2019 гг. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА АЛЬЯНС ЮЖНАЯ КОРЕЯ–США

Исследуется соглашение о свободной торговле Южной Кореи и США (KORUS FTA) и его влияние на взаимоотношения в альянсе Республика Корея–США. Рассматривается предыстория и текущее состояние соглашения после его модифицирования в 2018 г. Изучается влияние внесенных изменений на альянс Южной Кореи и США с той точки зрения, что, хотя торговое соглашение не отражает всех сильных и слабых сторон альянса, оно является одним из критериев развития альянса. Исследование преимущественно опирается на англоязычные источники и литературу.

Ключевые слова: соглашение о свободной торговле Южной Кореи и США (KORUS FTA); Южная Корея; Республика Корея (РК); США; альянс РК–США; президент Трамп; тарифы; торговый дефицит; торговый баланс.

История и текущее состояние KORUS FTA

KORUS FTA – вторая по величине зона свободной торговли (ЗСТ) США после Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), и также, возможно, имеет самые обширные обязательства из всех действующих ЗСТ США [1]. Поэтому с момента начала дискуссий о создании зоны свободной торговли между Южной Кореей и США в 2006 г. соглашение было признано наиболее выгодным как для Республики Корея, так и для США за более чем 50 лет существования альянса РК и США.

В 2000-х гг. представители большинства сегментов южнокорейской экономики выступали решительно против любой либерализации торговли и инвестиций. Корейские фермеры были хорошо защищены высокими тарифами и квотами. Но администрация РК понимала, что экономике нужен стимул для конкуренции с иностранными поставщиками и иностранными инвесторами на корейском рынке, если страна собирается «не отставать» от Китая, своего быстро растущего соседа.

Противники соглашения о свободной торговле KORUS в Южной Корее утверждали, что США выиграют больше, чем Республика Корея, а ее экономические секторы пострадают от дешевого импорта из США. Однако сторонники соглашения рассматривали его как возможность для РК провести необходимые реформы для модернизации экономики и превращения Южной Кореи в динамичный экономический центр Северо-Восточной Азии. Несмотря на негативный прогноз экономической эффективности, были напряженные обсуждения и несколько раундов переговоров, которые привели к заключению соглашения, вступившего в силу в 2012 г. Однако Южная Корея взяла на себя более крупные обязательства по снижению тарифов, чем США, просто потому, что корейские барьеры были в целом выше по всем аспектам. Исходя из этого, американские экспортеры получили относительно больший доступ, чем корейские экспортеры [2].

Соглашение стало важной моделью экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на который фактически приходится более половины мирового производства. Соглашение KORUS FTA укрепило двусторонние торгово-экономические от-

ношения стран и обеспечило основу для расширения и углубления этих связей. Значительные части соглашения использовались США в то время как проект текста Транстихоокеанского партнерства (ТТП) [3]. Поэтому соглашение о свободной торговле KORUS можно рассматривать фактически как часть стратегии США по использованию асимметричных торговых отношений с Южной Кореей в качестве средства для поддержания своего политического влияния в Сеуле и в то же время создания противовеса растущей мощи и влияния Китая в регионе.

После вступления в силу KORUS FTA в 2012 г. 82% тарифных позиций США и 80% тарифных позиций Южной Кореи были освобождены от тарифов, в то время как до соглашения 38% тарифных позиций США и 13% тарифных позиций Южной Кореи не облагались пошлиной [4].

С момента вступления в силу KORUS FTA США значительно расширили экспорт своих услуг и почти утроили объем экспорта автомобилей в Южную Корею [5]. Тем не менее к 2017 г. общий объем импорта США из РК рос быстрее, чем экспорт в РК, что привело США к торговому дефициту с Южной Кореей. По словам торгового представителя США Роберта Лайтхайзера, в 2016 г. США экспортировали в Южную Корею меньше (42,3 млрд долл.), чем до подписания соглашения в 2011 г. (43,5 млрд долл.), что на 2,7% меньше [6]. За тот же период импорт Южной Кореи в США вырос почти на 20 млрд долл., в то время как рост экспорта услуг США остановился в период с 2013 по 2016 г. С 2011 по 2016 г. торговый дефицит США с Республикой Корея по товарам более чем удвоился: с 13,2 до 27,6 млрд долл.

Дональд Трамп в своей президентской кампании утверждал, что он уменьшит торговый дисбаланс, пересмотрев все торговые соглашения, определив те, которые невыгодны для США, и откажется от них [7]. Принимая во внимание, что у США большое количество союзнических отношений, в том числе и с РК, такие претензии и политическая непредсказуемость Трампа представляли реальную угрозу для этих стран.

Ситуация обострилась в 2017 г., когда президент Трамп вступил в должность в США и назвал Соглашение о свободной торговле KORUS «ужасной» сделкой, которая удвоила торговый дисбаланс США с РК [8]. Однако большинство экономистов утверждали,

что другие факторы, включая замедление экономического роста Южной Кореи в период действия соглашения, были ключевыми факторами дефицита [9]. Дональд Трамп пригрозил расторгнуть соглашение, как только вступит в должность. Тем не менее интересным фактом является то, что он не упомянул, что намерен расторгнуть союз Южной Кореи и США. Это может означать, что отношение США к двустороннему торговому соглашению, будь то положительное или отрицательное, не подразумевает такого же взгляда на отношения в альянсе между Республикой Корея и США в целом.

Между тем в 2017 г. Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) совершила технологический прорыв, успешно разработав как межконтинентальные ракеты, способные достигать США, так и полноценный термоядерный заряд. С самого начала своего президентского срока Дональд Трамп заявлял, что намерен решить северокорейскую ядерную проблему, что оказалось невозможным для предыдущих президентов США, и что ничто его не остановит [10]. На протяжении 2017 г. Вашингтон и Пхеньян постоянно обменивались неприятными высказываниями в адрес друг друга и угрожали применением военной силы, что крайне обострило общую ситуацию на Корейском полуострове.

Учитывая вышеупомянутое положение дел, возникает логичный вопрос, почему президент Трамп в то же время заявил о выходе из «катастрофического» соглашения о свободной торговле KORUS вместо того, чтобы на время отложить этот вопрос? На наш взгляд, существует три возможных объяснения. Во-первых, в 2017 г. президент Трамп неукоснительно начал выполнять свои предвыборные обещания, одним из которых был выход из любых договоров, невыгодных для США. Принимая во внимание дисбаланс в рамках KORUS FTA, данное соглашение было как раз одним из таких.

Второе объяснение может быть связано с отношениями США и Китая. Летом 2017 г. США удалось добиться радикального изменения позиции Китая по отношению к Северной Корее. Несмотря на свое недовольство северокорейской ядерной программой, Китай стремился не загонять Пхеньян в угол и, когда это было возможно, смягчал, а временами саботировал экономические санкции, введенные Советом Безопасности ООН против КНДР. Однако летом 2017 г. Китай начал активно сотрудничать с США и фактически высказывался с позиции США в этом вопросе. Автор полагает, что эта ситуация, в свою очередь, могла дать США дополнительную поддержку и уверенность в том, что настало время подтолкнуть Сеул к уступкам в отношении KORUS FTA.

Однако третье возможное объяснение может указывать на то, что США осознавали, насколько напряженной была ситуация на Корейском полуострове, и поэтому решили пересмотреть некоторые положения соглашения о свободной торговле KORUS, а не все соглашение [8]. В общем следует иметь в виду, что каким бы ни было объяснение, процесс модификации KORUS FTA тесно связан с интересами национальной безопасности США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Самоуверенная и довольно напористая торговая политика администрации Трампа подчеркивается его готовностью самостоятельно инициировать сделки, что контрастирует с прежней практикой США. Секторы, которым уделялось пристальное внимание, включали, среди прочего, сталь, алюминий и солнечные батареи. По словам Маркуса Ноланда, исполнительного вице-президента и директора по исследованиям Института международной экономики Петерсона, когда администрация Трампа пришла к власти, особой защите подлежало 3,8% импорта США, тогда как новая защита должна была ударить по партнерам США, которые, включая Южную Корею, в настоящее время имеют относительно свободный доступ на рынок США [11]. По состоянию на 1 января 2018 г. 92,3% продукции США ввозилось в Корею беспошлинно [12]. В этой связи Ноланд полагал, что Южная Корея, которая экспортирует сталь и солнечные элементы в США, пострадает сильнее всего, поскольку защитные меры на экспорт в США требуют дополнительного увеличения на 4%. Таким образом это увеличило долю, сталкивающуюся с защитными барьерами, до 12%. [11].

Очевидно, что эти меры невыгодны для обеих стран, которые имеют прочные союзнические отношения и общие интересы безопасности. Потеря ЗСТ с Южной Кореей будет означать, что США столкнутся с жесткой конкуренцией с Европейским союзом (ЕС), Китаем, Австралией, Новой Зеландией, Перу, Канадой и Мексикой, потому что Южная Корея также имеет ЗСТ с этими странами и ЕС. Более того, прекращение действия KORUS FTA, несомненно, может привести США к скачку цен для своих производителей и потребителей и, что еще хуже, к потере людьми рабочих мест, связанных с экспортной деятельностью.

В связи с этим в июле 2017 г. было создано специальное совместное заседание комитета в рамках соглашения о свободной торговле KORUS для рассмотрения препятствий для торговли в США и возможных поправок и модификаций [13]. Переговоры были сосредоточены в первую очередь на автомобильной и сталелитейной промышленности, поскольку большая часть торгового дефицита США приходилась на эти секторы [14; 15. С. 15].

Только в автомобильном секторе дефицит для США составлял 24 млрд долл., увеличившись на 77% с 2011 г. и составив почти 90% от общего дефицита товаров в размере 27,6 млрд долл. в 2016 г. [6]. Более того, согласно «Открытому общественному обсуждению» Американского совета автомобильной политики [15. С. 17] относительно причин значительного торгового дефицита в 2016 г., Южная Корея исторически манипулировала стоимостью южнокорейской воны, чтобы намеренно ослабить ее вместо того, чтобы позволять рынкам валютных курсов определять соответствующий уровень. Ко времени модификации KORUS FTA было подсчитано, что южнокорейская вона была недооценена более чем на 5%, что давало значительную экономическую выгоду для ее экспорта [15. С. 17]. Следовательно, администрация Трампа могла считать этот дисбаланс угрозой национальной безопасности и рассматривать тариф в размере 25%, что

в 10 раз выше, чем тариф в 2,5%, с которым столкнулась бы Южная Корея, если бы США прекратили действие соглашения о свободной торговле KORUS [16].

Тем не менее, по данным Economist Intelligence Unit, исследовательского и аналитического подразделения Economist Group, такой акцент на товары, как правило, затмевает общий рост двусторонней торговли товарами и услугами, который вырос с 126,5 млрд долл. США в 2011 г. до 146,8 млрд долл. США в 2015 г. [17].

Еще одна примечательная деталь касается «двойной защиты» администрации Трампа и изучается Чадом П. Боуном и Евой (Ивен) Чжан из Института международной экономики Петерсона [18]. Исследование имеет отношение к нашей работе, поскольку оно касается тарифов администрации Трампа, которые вместе с тарифами, введенными предыдущими американскими администрациями на некоторые товары, могут привести к двойному учету позиций и потенциально к «зеркальным» действиям со стороны торговых партнеров.

Например, 8 февраля 2019 г. Всемирная торговая организация (ВТО) санкционировала принятие Южной Кореей ответных мер против американского экспорта на 85 млн долл. за отказ США отменить тарифы, введенные в 2012 г. на стиральные машины. Однако президент Трамп ввел дополнительный уровень тарифов на те же стиральные машины в феврале 2018 г. Таким образом, Южная Корея потенциально может отреагировать «зеркально» из-за защитных мер, введенных США в 2012 г., что может больше не иметь экономического эффекта из-за других тарифов Трампа на те же продукты [18].

Пересмотренное соглашение гарантирует, что для РК будет действовать квота на сталь в размере 70% вместо тарифа на сталь, а также процедурные улучшения по урегулированию споров между инвесторами и государством и контрамерам в области торговли. США, в свою очередь, получили больший доступ на южнокорейский автомобильный рынок, сняв такие нетарифные барьеры, как стандарты безопасности и защиты окружающей среды [19]. Тем не менее, поскольку точные положения об импорте автомобилей и автозапчастей не были включены в измененное соглашение, все еще остается вопрос, освобождена ли Республика Корея от расследования Раздела 232 Закона о расширении торговли 1962 г. в отношении этого сектора [20].

Также модифицированное соглашение о свободной торговле KORUS не защищает Южную Корею полностью от импортных тарифов Раздела 232, особенно от импорта полупроводников. Южная Корея – один из ведущих мировых производителей полупроводников, которые в основном экспортируются на китайский рынок, где производится большая часть товаров. Проблема в том, что с 2018 г. Китай и США ведут торговую войну, которая препятствует торговым отношениям между ними из-за тарифов администрации Трампа на китайский экспорт в США. Кроме того, Китай активно участвует в собственном производстве полупроводников с оборудованием, экспортируемым из Японии [21].

Учитывая все эти факты, Республика Корея, имеющая ЗСТ как с Китаем, так и с США, может оказаться в худшем положении в сложившейся ситуации, если между Китаем и США не произойдет ощутимого прорыва в торговых спорах. Продажи южнокорейских полупроводников достигли 97,94 млрд долл. в 2017 г. и превысили 122,3 млрд долл. в 2018 г., что составляло 21,1% от основной стоимости экспорта Южной Кореи [21]. Несмотря на такой колоссальный рост, эти цифры означают, что Южная Корея очень уязвима для любых изменений в полупроводниковом секторе, о чем уже стало известно в конце 2018 г., когда экспорт полупроводников резко упал на 8,3% [22]. Более того, замедление роста продолжалось в следующие четыре месяца [19]. Ситуация выглядела хуже: если исключить полупроводники из IT-экспорта Южной Кореи, можно увидеть, что экспорт сокращался на тот момент уже пять лет подряд [23].

На этом фоне на 2019 г. экономическая ситуация в данном секторе была напряженной и довольно взрывоопасной. Министерство торговли, промышленности и энергетики РК объясняло такое снижение факторами рынка полупроводников и комплексом таких внешних рисков, как корректировка инвестиций крупных IT-компаний в центры обработки данных и увеличение мировых поставок микросхем памяти [22].

Эти риски также могут относиться к расследованию по Разделу 232, поскольку в 2018 г. полупроводники оставались основным экспортным товаром США, который обеспечивал США рабочими местами, экономическим ростом, инновациями и положительным сальдо торгового баланса со многими из их торговых партнеров, включая Южную Корею [24]. Поэтому лидерство Южной Кореи в этой сфере крайне нежелательно для США и может привести к усилению давления США в будущем.

Это одна из причин того, почему администрация Трампа настороженно относилась к расследованию по Разделу 232 импорта полупроводников из Республики Корея – отрасли, где южнокорейские продажи в Китай переплетаются с китайским экспортом в США, который уже столкнулся со снижением спроса со стороны администрации Трампа и тарифами на экспорт. Таким образом, важно понимать, что Китай «идет по пятам» за РК и продолжает, как и США, собственное производство полупроводников. Поэтому если Южная Корея и дальше будет уделять приоритетное внимание экспорту полупроводников, в ближайшем будущем это может привести к трудностям и, возможно, к ее бесполезным усилиям по экспорту в данной области.

Будущие перспективы KORUS FTA в отношении альянса РК-США

Говоря о перспективах соглашения о свободной торговле KORUS, возникает вопрос, играет ли это соглашение по-прежнему важную роль в отношениях между Республикой Корея и США, и какой стороне от него больше выгоды. Принимая во внимание, что Южная Корея занимает шестое место среди торговых партнеров США, а США, в свою очередь, занимают

второе место, логичным аргументом является то, что Южная Корея нуждается в соглашениях о свободной торговле KORUS больше, чем США. Более того, учитывая прочные двусторонние связи в сфере безопасности и вопросы безопасности на Корейском полуострове, отрицать это было бы некорректно.

Тем не менее такие эксперты, как Маркус Ноланд, считают выход США из ТТП «голом в собственные ворота», поскольку это ставит Китай на путь лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе [11]. Из-за сложных американо-китайских отношений и торговой войны положение США в Азии больше не является стабильным, как это было до администрации Трампа. С этой целью неправильное управление двусторонними связями США со своими азиатскими партнерами может нанести ущерб интересам и долгосрочным целям США в регионе. Соглашение о свободной торговле KORUS – это испытанное средство для поддержания многогранных отношений между США и Южной Кореей.

Что касается будущего альянса РК–США, опросы общественного мнения Pew Research Center показывают результаты восприятия южнокорейцами президента США. Только 12% высказали недоверие к политике Барака Обамы на мировой арене в конце его срока пребывания в должности президента США в 2016 г., в то время как в отношении Дональда Трампа этот показатель составил 83% в 2017 г., снизившись до 54% в 2018 г. и достигнув 56% в 2019 г. [25]. Это самый высокий процент высказанного недоверия среди стран в Азии, участвовавших в опросе (другие страны – это Япония, Австралия, Индонезия, Вьетнам, Филиппины и Индия). Кроме того, большинство южнокорейцев также не одобрили расторжение США международного соглашения об изменении климата и других ключевых торговых соглашений [26].

Тем не менее в 2018 г. 80% южнокорейцев выразили благоприятное отношение к США [27], что позволяет предположить, что южнокорейцы проводят различие между страной и ее президентом. С одной стороны, это хороший знак для будущего альянса РК и США, потому что с 2008 г. общее положительное восприятие США южнокорейцами постоянно превышало 70% [27]. С другой стороны, противоречивые высказывания и действия президента Трампа могли заложить основу для негативного восприятия альянса в будущем. Более того, согласно исследовательской службе Конгресса США, некоторые аналитики обеспокоены тем, что торговая напряженность может повлиять на взгляды Южной Кореи на альянс с США и

более широкие двусторонние отношения [1]. Это особенно актуально в контексте координации политики в отношении Северной Кореи.

Подводя итог, можно сказать, что соглашение о свободной торговле KORUS хотя и не безусловно, но является взаимовыгодным и по-прежнему играет жизненно важную роль в отношениях между Республикой Корея и США, а также в экономиках двух стран. Венди Катлер, вице-президент Asia Society Policy Institute, отметила, что инвестиции РК в США в 2016 г. предоставили США десятки тысяч высокооплачиваемых рабочих мест, и добавила, что без соглашения о свободной торговле эта тенденция вряд ли будет продолжаться [28].

Что касается того, почему президент Трамп добивался пересмотра соглашения о свободной торговле KORUS, то будет логичнее ответить на этот вопрос, принимая во внимание политику президента США «Америка прежде всего» и его твердую уверенность в сокращении торгового дисбаланса между США и странами-партнерами независимо от того, есть ли у США альянсы с этими странами. Тем не менее причины, упомянутые ранее в данной статье, которые также могли способствовать такой позиции президента США, также играют важную роль при ответе на поставленный вопрос.

Очевидно, что KORUS FTA не охватывает все аспекты альянса РК–США и не может рассматриваться как инструмент для измерения устойчивости альянса. Однако данное соглашение по-прежнему играет жизненно важную роль в двусторонних отношениях и может иметь прямое или косвенное влияние на вопросы безопасности. Поэтому дальнейшая стабильная эволюция альянса РК–США будет зависеть от того, как альянс сможет адаптироваться к постоянно меняющимся геополитическим обстоятельствам, включая ядерную проблему Северной Кореи. Это взаимная ответственность, и хотя Южной Корее необходимы обязательства США по обеспечению безопасности, США нуждаются в поддержке своей политики в Северо-Восточной Азии и торговом балансе с партнерами в качестве необходимого бонуса.

Автор выражает благодарность Корейскому Фонду за грантовую поддержку научных исследований при Институте Седжона в Республике Корея, благодаря которым удалось собрать необходимый материал для публикации данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. U.S.-South Korea (KORUS) FTA. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10733.pdf> (accessed: 28.07.2020).
2. Jeffrey J.S. Why the Korea-United States Free Trade Agreement is a Big Deal. URL: <https://piie.com/sites/default/files/publications/papers/schott20110720.pdf> (accessed: 05.08.2020).
3. The U.S.-Korea Free Trade Agreement: Lessons Learned Two Years Later. URL: <https://www.finance.senate.gov/imo/media/doc/94044.pdf> (accessed: 01.07.2020).
4. Manyin M., Chanlett-Avery E., Nikitin M., Williams B., Corrado J. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=796340> (accessed: 17.09.2020).
5. FACT SHEET: Four Year Snapshot: The U.S.-Korea Free Trade Agreement. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2016/March/Four-Year-Snapshot-KORUS> (accessed: 02.10.2020).
6. USTR Lighthizer Statement on the Conclusion of the Second Special Session of the U.S.-Korea FTA Joint Committee. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/october/ustr-lighthizer-statement> (accessed: 02.10.2020).
7. The President's 2017 Trade Policy Agenda. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2017/AnnualReport/Chapter%201%20-%20The%20President%27s%20Trade%20Policy%20Agenda.pdf> (accessed: 06.10.2020).

8. Korean-U.S. Relations in 2018: Tension, Revision, and Progress. URL: <https://www.uskoreaconnect.org/blog/korea-US-relations-2018/> (accessed: 20.09.2020).
9. International Trade and Finance: Overview and Issues for the 116th Congress. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45474> (accessed: 05.08.2020).
10. Ланьков А.Н. Саммит для Трампа. Зачем две Кореи изображают потепление URL: <https://carnegie.ru/commentary/77319> (дата обращения: 29.06.2020).
11. Noland M. US trade policy in the Trump administration // *Asian Economic Policy Review*. 2018. Т. 13, № 2. С. 262–278.
12. Korea – Import Tariffs. URL: <https://www.export.gov/apex/article2?id=Korea-Import-Tariffs> (accessed: 12.09.2020).
13. S. Korea, U.S. launch 1st special session of KORUS FTA. URL: <http://link.galegroup.com/apps/doc/A501331867/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=16a203f3> (accessed August 25, 2020).
14. South Korea Decries U.S. Safeguard Measures During Second Round of Korus Talks. URL: http://jh3nt6hp2t.search.serialssolutions.com/?ctx_ver=Z39.88-2004&ctx_enc=info%3Aofi%2Fenc%3AUTF-8&rft_id=info%3Aid%2Fsummon.serialssolutions.com&rft_val_fmt=info%3Aofi%2Ffmt%3Akev%3Amtx%3Ajournal&rft.genre=article&rft.title=SOUTH+KOREA+DECRIES+U.S.+SAFEGUARD+MEASURES+DURING+SECOND+ROUND+OF+KORUS+TALKS&rft.jtitle=Inside+US+Trade&rft.date=2018-02-02&rft.pub=Inside+Washington+Publishers&rft.issn=0897-1676&rft.volume=36&rft.issue=5 (accessed: 15.05.2020).
15. Public Comments Regarding Causes of Significant Trade Deficits for 2016. URL: <http://www.americanautocouncil.org/sites/aape2016/files/AAPC%20Comments%20on%20Report%20on%20Significant%20Trade%20Deficits%20-%20FINAL.pdf> (accessed: 29.06.2020).
16. Stangarone T. KORUS FTA Doesn't Protect South Korea From Section 232 Investigations. URL: <https://thediplomat.com/2018/08/korus-fta-doesnt-protect-south-korea-from-section-232-investigations/> (accessed: 16.07.2020).
17. South Korea economy: Tweaking the KORUS FTA. URL: <http://link.galegroup.com/apps/doc/A499371490/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=7e7ead10> (accessed: 25.08.2020).
18. Bown C., Zhang E. Measuring Trump's 2018 Trade Protection: Five Takeaways. URL: <https://piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/measuring-trumps-2018-trade-protection-five-takeaways> (accessed: 01.07.2020).
19. Choi H. South Korean exports decline for 4 consecutive months. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_business/888415.html (accessed: 23.07.2020).
20. Hoagland I. U.S. Eyeing a Slew of New Deals in 2019 as It Pushes to Finish USMCA. URL: <https://insidetrade.com/daily-news/us-eyeing-slew-new-deals-2019-it-pushes-finish-usmca> (accessed: 23.07.2020).
21. Lee J. Korea's Huge Bet on Semiconductor Exports Adds Risks to Economy. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-27/korea-s-huge-bet-on-semiconductor-exports-adds-risks-to-economy> (accessed: 10.09.2020).
22. Kim E. S. Korea's Semiconductor Exports Drop 8.3% in December. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=27913> (accessed: 05.08.2020).
23. Kim E.S. Korea's IT Exports Decrease for 5 Consecutive Years When Semiconductors Are Excluded. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=30040> (accessed: 30.08.2020).
24. Yinug F. Semiconductors Surpass Cars as a Top U.S. Export in 2018, Remain #4 Overall. URL: <https://www.semiconductors.org/semiconductors-surpass-cars-as-a-top-u-s-export-in-2018-remain-4-overall/> (accessed: 23.09.2020).
25. Pew Research Center's Global Attitudes Project. Global Indicators Database. Confidence in the U.S. President. URL: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/6/country/KR> (accessed: 21.06.2020).
26. Bialik K. Asian countries on Trump's trip have largely positive views of U.S. but disagree on policy. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/03/opinions-in-asian-countries-on-trump-trip/> (accessed: 01.07.2020).
27. Pew Research Center's Global Attitudes Project. Global Indicators Database. Opinion of the United States. URL: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/1/country/kr> (accessed: 21.06.2020).
28. Ye Hee Lee M. Trump wants to end 'horrible' South Korea-U.S. trade deal. Koreans disagree. URL: https://www.washingtonpost.com/world/trump-wants-to-end-horrible-south-korea-us-trade-deal-koreans-disagree/2017/09/13/fb528b3e-9627-11e7-a527-3573bd073e02_story.html?noredirect=on&utm_term=.74c009155e94 (accessed: 02.10.2020).

Статья представлена научной редакцией «История» 20 декабря 2020 г.

South Korea and the United States Free Trade Agreement (KORUS FTA) in 2006–2019 and Its Impact on the South Korea-US Alliance

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 88–93.

DOI: 10.17223/15617793/466/10

Marta V. Bocharnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bmartav@mail.ru

Keywords: KORUS FTA; South Korea; Republic of Korea; United States (US); ROK–US alliance; President Trump; tariffs; trade deficit; trade balance.

The article presents a study of the South Korea–United States Free Trade Agreement (KORUS FTA) and is divided into two parts. In the first part, the author briefly addresses the background of the agreement and explores in detail the current state of the KORUS FTA after its modification in 2018. The author examines key modifications made in the agreement and their influence on the Republic of Korea (ROK), the United States, and the ROK–US alliance. The first part also analyzes why President Trump, instead of delaying the KORUS issue, pushed its revision in 2017, when the situation on the Korean Peninsula was quite explosive, and the motives of the Trump administration in resuming Section 232 investigation, particularly into imports of semiconductors. In the second part, the author addresses future prospects of the agreement in general and briefly analyzes its impact on the ROK–US alliance. The author does not attempt to evaluate the quality of the alliance by measuring the state of the KORUS FTA. Nevertheless, while the trade agreement does not reflect all the strengths or weaknesses of the alliance, it is one of the criteria of the alliance development. Statistical data is employed throughout the article to illustrate the trade imbalance between South Korea and the US, import and export volume, and opinion survey results. In conclusion, the author sums up the results obtained and highlights the importance of the KORUS FTA for the ROK–US alliance. The relevance of the article lies in the fact that the work is based primarily on foreign sources and literature, which allows expanding the knowledge base of domestic Korean studies. This article is also a part of a more comprehensive study in this area and can serve as a supplementary modern literature for Russian researchers who major in Korean studies and deal with issues related to the South Korea–US relations. The methodological basis of the study consists of the principle of historicism and approaches such as structural-functional and systematic. The article employs general scientific, general historical and political science research methods. Among the general scientific methods, the author used methods of analysis and synthesis; time comparison method and complex method. Among the general historical methods, the historical-comparative method and the historical-genetic method are applied for demonstrating the causal relationship between political events, and the historical-systematic

method for singling out a certain period in the historical process in which the problem is investigated. Finally, among the political science methods, content analysis and event analysis are employed for a better assessment of political events.

REFERENCES

1. Fas.org. (2020) *U.S.-South Korea (KORUS) FTA*. [Online] Available from: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10733.pdf> (Accessed: 28.07.2020).
2. Jeffrey, J.S. (2011) *Why the Korea-United States Free Trade Agreement Is a Big Deal*. [Online] Available from: <https://piie.com/sites/default/files/publications/papers/schott20110720.pdf> (Accessed: 05.08.2020).
3. US Senate Committee on Finance. (2015) *The U.S.-Korea Free Trade Agreement: Lessons Learned Two Years Later*. [Online] Available from: <https://www.finance.senate.gov/imo/media/doc/94044.pdf> (Accessed: 01.07.2020).
4. Manyin, M. et al. (2016) *US-South Korea Relations*. [Online] Available from: <https://www.hsdl.org/?view&did=796340> (Accessed: 17.09.2020).
5. USTR. (2016) *FACT SHEET: Four Year Snapshot: The U.S.-Korea Free Trade Agreement*. [Online] Available from: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2016/March/Four-Year-Snapshot-KORUS> (Accessed: 02.10.2020).
6. USTR. (2017) *USTR Lighthizer Statement on the Conclusion of the Second Special Session of the U.S.-Korea FTA Joint Committee*. [Online] Available from: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/october/ustr-lighthizer-statement> (Accessed: 02.10.2020).
7. USTR. (2017) *The President's 2017 Trade Policy Agenda*. [Online] Available from: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2017/AnnualReport/Chapter%20I%20-%20The%20President%27s%20Trade%20Policy%20Agenda.pdf> (Accessed: 06.10.2020).
8. Uskoreconnect.org. (2018) *Korean-U.S. Relations in 2018: Tension, Revision, and Progress*. [Online] Available from: <https://www.uskoreconnect.org/blog/korea-US-relations-2018/> (Accessed: 20.09.2020).
9. CRS. (2020) *Trade and Finance: Overview and Issues for the 116th Congress*. [Online] Available from: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45474> (Accessed: 05.08.2020).
10. Lan'kov, A.N. (2018) *Sammit dlya Trampa. Zachem dve Korei izobrazhayut poteplenie* [Summit for Trump. Why two Koreas are portraying warming]. [Online] Available from: <https://carnegie.ru/commentary/77319> (Accessed: 29.06.2020).
11. Noland, M. (2018) US trade policy in the Trump administration. *Asian Economic Policy Review*. 13 (2). pp. 262–278.
12. Export.gov. (2020) *Korea – Import Tariffs*. [Online] Available from: <https://www.export.gov/apex/article?id=Korea-Import-Tariffs> (Accessed: 12.09.2020).
13. Gale General Onefile. (2017) *S. Korea, U.S. launch 1st special session of KORUS FTA*. [Online] Available from: <http://link.galegroup.com/apps/doc/A501331867/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=16a203f3> (Accessed 25.08.2020).
14. *Inside US Trade*. (2018) South Korea Decries U.S. Safeguard Measures During Second Round of Korus Talks. 36 (5) [Online] Available from: <https://insidetrade.com/trade/south-korea-decries-us-safeguard-measures-during-second-round-korus-talks> (Accessed: 15.05.2020).
15. Americanautocouncil.org. (2016) *Public Comments Regarding Causes of Significant Trade Deficits for 2016*. [Online] Available from: <http://www.americanautocouncil.org/sites/aapc2016/files/AAPC%20Comments%20on%20Report%20on%20Significant%20Trade%20Deficits%20-%20FINAL.pdf> (Accessed: 29.06.2020).
16. Stangarone, T. (2018) *KORUS FTA Doesn't Protect South Korea From Section 232 Investigations*. [Online] Available from: <https://thediplomat.com/2018/08/korus-fta-doesnt-protect-south-korea-from-section-232-investigations/> (Accessed: 16.07.2020).
17. Gale General Onefile. (2017) *South Korea economy: Tweaking the KORUS FTA*. [Online] Available from: <http://link.galegroup.com/apps/doc/A499371490/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=7e7ead10> (Accessed: 25.08.2020).
18. Bown, C. & Zhang, E. (2018) *Measuring Trump's 2018 Trade Protection: Five Takeaways*. [Online] Available from: <https://piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/measuring-trumps-2018-trade-protection-five-takeaways> (Accessed: 01.07.2020).
19. Choi, H. (2019) *South Korean exports decline for 4 consecutive months*. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_business/888415.html (Accessed: 23.07.2020).
20. Hoagland, I. (2019) *U.S. Eyeing a Slew of New Deals in 2019 as It Pushes to Finish USMCA*. [Online] Available from: <https://insidetrade.com/daily-news/us-eyeing-slew-new-deals-2019-it-pushes-finish-usmca> (Accessed: 23.07.2020).
21. Lee, J. (2018) *Korea's Huge Bet on Semiconductor Exports Adds Risks to Economy*. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-27/korea-s-huge-bet-on-semiconductor-exports-adds-risks-to-economy> (Accessed: 10.09.2020).
22. Kim, E. (2019) *S. Korea's Semiconductor Exports Drop 8.3% in December*. [Online] Available from: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=27913> (Accessed: 05.08.2020).
23. Kim, E. (2019) *S. Korea's IT Exports Decrease for 5 Consecutive Years When Semiconductors Are Excluded*. [Online] Available from: <http://www.busines-skorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=30040> (Accessed: 30.08.2020).
24. Yinug, F. (2018) *Semiconductors Surpass Cars as a Top U.S. Export in 2018, Remain #4 Overall*. [Online] Available from: <https://www.semiconductors.org/semiconductors-surpass-cars-as-a-top-u-s-export-in-2018-remain-4-overall/> (Accessed: 23.09.2020).
25. Pew Research Center. (2020) *Pew Research Center's Global Attitudes Project. Global Indicators Database. Confidence in the U.S. President*. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/6/country/KR> (Accessed: 21.06.2020).
26. Bialik, K. (2017) *Asian countries on Trump's trip have largely positive views of U.S. but disagree on policy*. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/03/opinions-in-asian-countries-on-trump-trip/> (Accessed: 01.07.2020).
27. Pew Research Center. (2020) *Pew Research Center's Global Attitudes Project. Global Indicators Database. Opinion of the United States*. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/1/country/kr> (Accessed: 21.06.2020).
28. Ye Hee Lee, M. (2017) *Trump wants to end 'horrible' South Korea-U.S. trade deal. Koreans disagree*. [Online] Available from: https://www.washingtonpost.com/world/trump-wants-to-end-horrible-south-korea-us-trade-deal-koreans-disagree/2017/09/13/fb528b3e-9627-11e7-a527-3573bd073e02_story.html?noredirect=on&utm_term=.74c009155e94 (Accessed: 02.10.2020).

Received: 20 December 2020

Л.М. Дамешек, М.Д. Кушнарeva

ЯКУТСКИЙ ГУБЕРНАТОР И.И. КРАФТ И ЕГО ВКЛАД В СТРОИТЕЛЬСТВО МУРО-ЯКУТСКОЙ МАГИСТРАЛИ В НАЧАЛЕ XX в.

Исследован вклад Якутского губернатора И.И. Крафта в процесс строительства и обустройства Амуро-Якутского тракта в начале XX в. Анализ ранее не введенных в научный оборот источников позволил исследовать круг вопросов, связанных с деятельностью губернатора по инкорпорации Северо-Восточной Сибири в единое экономическое и политическое пространство Российской империи, выявить направления взаимодействия государственной власти с широкими слоями сибирского социума.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сибирь; губернатор; крупный капитал; транспорт; пути сообщения; инфраструктура.

Одним из основных направлений современного историописания Сибири является реконструкция истории становления, развития и деятельности органов власти всех уровней огромного региона как неразрывной составной части России, взаимоотношений различных ветвей власти, взаимодействия и конфронтации с широкими слоями сибирского социума, деятельности органов власти по инкорпорации азиатских окраин России в экономическое, административное и социокультурное пространство империи XIX – начала XX в. [1. С. 5–11].

Сегодня хорошо известно, что историю России необходимо изучать не только в хронологической последовательности, но и в географическом измерении. В этом смысле изучению истории северо-востока России, занимавшей в начале XX в. огромную территорию в 3,5 млн квадратных верст, принадлежит, несомненно, значимая роль. Предлагаемая вниманию читателей статья находится в полном соответствии с трендами современного историописания, в котором все больше внимание уделяется жизни и деятельности конкретных людей, сыгравших заметную роль в истории, утверждается представление о важнейшей роли губернаторов в системе управления в России. Все вышесказанное свидетельствует о научной и практической актуальности темы, необходимости ее изучения.

Губернатор Якутской области И.И. Крафт (1861–1914 гг.) принадлежит к числу наиболее ярких представителей губернаторского корпуса позднеимперской России. Выходец из семьи ссыльного немецкого дворянина свою служебную карьеру начал с должности помощника сельского писаря в одном из бурятских сел Енисейской губернии. Это, казалось бы, незначительное обстоятельство позволило молодому чиновнику в совершенстве изучить бурятский язык, что спустя некоторое время оказалось весьма полезным при назначении на должность советника губернатора Забайкальский области Я.Ф. Барабаша. Чуть позже он занял аналогичную должность в Тургайском крае. С 1898 г. И.И. Крафт – начальник инородческого стола земского отдела Министерства внутренних дел империи. В марте 1906 г. И.И. Крафт был утвержден в должности губернатора Якутской области. Одним из наиболее значимых начинаний И.И. Крафта на посту губернатора стал проект строительства Амуро-Якутской магистрали, направленный на инкорпо-

рацию северо-востока России в систему экономических связей государства и практически неизвестный в исторической литературе.

Это определило главную цель публикации – анализ вклада губернатора Якутской области И.И. Крафта в процесс строительства и обустройства Амуро-Якутской магистрали в начале XX в.

В период модернизации российской экономики развитие производительных сил Северо-Восточной Сибири требовало более масштабного вовлечения труднодоступных и слабо освоенных территорий северо-востока Сибири в общий хозяйственный оборот Российской империи. Эта была одной из ключевых политических проблем, решением которой занялся вновь назначенный губернатор Якутской области. И.И. Крафт являлся одним из первых государственных деятелей Северо-Восточной Сибири, который привлек для решения стратегического вопроса силы частных инвесторов.

Вопрос соединения центральной части Якутии с Приамурским краем был поднят в связи с проектированием Амурской железной дороги. Приоритетным направлением в развитии транспортной инфраструктуры Северо-Восточной Сибири стал Якутско-Амурский зимний почтовый тракт, который выполнял функции не только доставки почты и казенных грузов, но и важной коммерческой артерии края.

В 1906 г. в Иркутске состоялось совещание под председательством иркутского генерал-губернатора А.Н. Селиванова, посвященное решению проблем сухопутных путей сообщения Северо-Восточной Сибири. В совещании приняли участие представители министерств военного, путей сообщения, торговли и промышленности, главных управлений: землеустройства и земледелия, тюремного. Активную позицию на совещании занимали представители торгово-промышленных и транспортных предприятий.

В качестве актуальных проблем были выделены вопросы обустройства государственных и земских почтовых трактов, коммерческих и обывательских трактов [2. Л. 50]. В 1907 г. губернатор Якутской области И.И. Крафт поднял вопрос о проведении изысканий пути от Якутска на Амур. Общее присутствие Якутского областного управления 30 января 1908 г. решило организовать экспедицию для производства рекогносцировочных изысканий Якутско-Зейского пути с целью устройства зимнего почтового тракта.

Экспедиция во главе с техником Б.В. Любатовичем, пройдя 944-верстовый путь до Лебединских приисков, выбрала два маршрута до проектируемой железной дороги. Первый путь шел до станции Невер – 256 верст, а второй – на станцию Улагачи – 406 верст. Отчет о проделанной работе Б.В. Любатович отправил в Общее присутствие Якутского областного управления, которое выбрало маршрут прокладки тракта Якутск-Невер, протяженностью 1 200 верст. На тракте предполагалось устроить 26 почтовых станций. Общая стоимость работ в 1908 г. составляла 51 тыс. руб. Новый тракт должен был функционировать с октября до апреля.

Однако проект строительства тракта не был поддержан в 1909 г. Иркутским генерал-губернатором А.Н. Селивановым [3. Л. 70]. Планы строительства тракта на средства казны не были реализованы. В сложившейся ситуации И.И. Крафт сделал ставку на привлечение средств фирм с крупным капиталом. Транспортная инфраструктура Северо-Восточной Сибири имела ряд особенностей, известных И.И. Крафту. Основной особенностью являлось то, что в макро-регионе действовало водно-сухопутное сообщение. Доставка грузов крупных фирм носила комбинированный характер, т.е. сочеталась сухопутная и речная транспортировка. В строительстве путей сообщения в крае были заинтересованы, прежде всего, крупные фирмы, имевшие как речные, так и сухопутные средства передвижения.

Одной из первых компаний, которая начала работы по строительству участка Аладан-Невер Амуро-Якутского тракта протяженностью 256 верст, являлась «Верхне-Амурская золотопромышленная компания». Фирма занималась добычей золота на Лебединских приисках. На средства частного капитала было обустроено 10 из 26 станций, проложена телефонная связь. Силами «Верхне-Амурской золотопромышленной компании» в 1910 г. были построены первые 105 верст, соединивших прииск Джалиндинский на р. Амур с прииском Николаевским на севере Амурской области. После завершения строительства Транссиба снабжение продовольствием и рабочей силой стало осуществляться полностью из Амурской области. Со станции Большой Невер до пос. Нагорный была проложена тележная дорога для гужевого транспорта протяженностью около 400 км. Дорога имела функции зимника. В 1910 г. «Верхне-Амурская золотопромышленная компания» начала строить грунтовую дорогу по маршруту от пос. Рухлово (ныне пос. Сковородино) до прииска Якут длиной 293 км, с подходом к Лебединскому прииску. Этот участок дороги был введен в эксплуатацию в 1916 г. Его общая протяженность составила 340,5 км. Стоимость затраченных средств «Верхне-Амурской золотопромышленной компанией» – 20 тыс. руб. [4. Л. 11].

В 1910 г. И.И. Крафт вновь обратился к Иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву с просьбой об ассигновании на строительство Якутско-Неверского тракта. Генерал-губернатор Князев ассигновал на это 3 тыс. руб., о чем 21 декабря 1910 г. известил министра внутренних дел [3. Л. 74]. В связи с этим перед И.И. Крафтом снова возникла проблема поиска и при-

влечения частных инвесторов для строительства участка от Чульмана до Якутска. Было решено предоставить льготы на провоз грузов компании «Наследники А.И. Громовой» в обмен на строительство и обустройство этого участка дороги. В 1913–1915 гг. торговый дом «Наследники А.И. Громовой» вел разведочные работы месторождений каменного угля на 45 км² на левом и правом берегах р. Алдан в 70 км от Охотского перевоза [5. Л. 1–9]. Месторождение было оснащено электрогенератором, привезенным фирмой из Иркутска, построены жилые корпуса для рабочих [4. Л. 12 об.–13]. Силами торгового дома «Наследники А.И. Громовой» почтовая станция Алдан Якутско-Неверского тракта была оборудована электричеством, велись работы по обустройству участка колесного пути от Чульмана до Якутска. От прииска Якут до Чульмана была проложена просека и зимняя колесная дорога, протяженностью 128 км. Кроме того, фирма обустроила ряд водных переправ через р. Алдан. Общая стоимость работ торгового дома «Наследники А.И. Громовой» по обустройству участка магистрали Чульман–Якутск в 1915 г. составила 23 тыс. руб. [4. Л. 13]. Однако основной проблемой в строительстве Якутско-Неверского тракта являлась переправа через р. Лена в районе г. Якутск. Здесь транспортировка грузов и пассажиров осуществлялась речным транспортом компании.

В перспективе И.И. Крафт рассматривал Якутскую область как горнодобывающий регион и поэтому упорно ставил вопрос о присоединении Якутии к Транссибирской железнодорожной магистрали. В 1913 г. И.И. Крафт отбыл из Якутска к месту своего нового назначения – г. Красноярск. Однако его инициативу по присоединению Якутской области к Транссибу поддержали представители крупных фирм. В 1915 г. в Иркутске был созван совет, участие в котором приняли А.П. Малоземов, Г.Д. Гершберг, А.Н. Переломов – представители «Лензолото», К.Н. и Н.Н. Глозовы, А.Г. Лури – представители пароходства фирмы «Наследники А.И. Громовой», А.М. Перевозчиков – представитель пароходства Кушнаревых и Я. Фризер» [6. С. 214–215]. Был разработан проект нового акционерного общества «Восточно-Сибирское общество пароходства, торговли и промышленности» с уставным капиталом в 10–15 млн руб. В задачи общества входило не только акционирование транспортных предприятий-участников, но и строительство железнодорожной ветки до Якутска [6. С. 216]. На совещании обсуждались вопросы строительства сухопутной Амуро-Якутской магистрали с учетом особенностей сурового климата. Мощность вечной мерзлоты на всей протяженности трассы составляла от 500 до 1 500 м.

К сожалению, планам губернатора Якутской области И.И. Крафта по строительству железнодорожной ветки до Якутска и грунтовой дороги по направлению Амур–Якутск в начале XX в. не суждено было сбыться. Строительство Амуро-Якутской грунтовой дороги было продолжено только в 1925–1927 гг. Участок Якутск–Невер получил наименование автотрасса «Лена». Введение в эксплуатацию железнодорожной ветки до Якутска состоялось лишь спустя 100 лет – в

2015 г. Следует отметить, что, как и 100 лет назад, транспортировка грузов и пассажиров через р. Лена осуществляется средствами речного транспорта. В сезоны ледохода и ледостава сообщение между участками автодороги «Лена» на левом и правом берегу р. Лены осуществляется по воздуху или судами на воздушной подушке.

Процессы инкорпорации азиатских окраин России в экономическое, административное и социокультурное пространство государства, начатые губернатором Якутской области И.И. Крафтом в начале XX в., нашли свое отражение в современной политике Российской Федерации. Значимым событием 2019 г. явилось утверждение Президентом Российской Федерации В.В. Путиным распоряжения Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р «О транспортной стратегии РФ» [7]. Интересен тот факт, что строительство моста через р. Лену, который станет частью Амуро-Якутской магистрали, предполагается на основе частной концессионной инициативы. Разработана предварительная смета расходов на строительство моста. Общий объем финансирования строительных работ составляет 63,7 млрд руб.: за счет средств частных инвесторов – 9,5 млрд руб., капитального гранта – 54,2 млрд руб., в том числе из средств федерального бюджета – 47,8 млрд руб., регионального бюджета – 6,4 млрд руб. [8].

Строительство моста предполагается завершить в 2025 г. Ввод моста обеспечит рост круглогодичной транспортной доступности населения северо-востока Сибири, снизит ежегодные затраты на северный завоз в отдаленные и труднодоступные районы Севера. Мост позволит соединить широтные транспортные магистрали: Транссибирскую и Байкало-Амурскую, с одной стороны, и Северный морской путь – с другой. Это в перспективе позволит создать международный транзитный коридор между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Также переход свяжет автомобильные дороги «Лена» и «Колыма» с автодоро-

гой «Виллой», т.е. фактически Северо-Восточную Сибирь с побережьем Охотского моря.

В заключение отметим, что функционирование Амуро-Якутского тракта имеет стратегическое значение для экономического развития Северо-Восточной Сибири. Строительство магистрали было начато в первой половине XX в. Инициатива введения в эксплуатацию важной транспортной артерии края исходила от представителей государственной власти. Значительную роль в обустройстве тракта сыграл губернатор Якутской области И.И. Крафт, который сумел привлечь к строительным работам фирмы с крупным капиталом, такие как «Верхне-Амурская золотопромышленная компания» и торговый дом «Наследники А.И. Громовой», заинтересованных в обустройстве тракта не только для удовлетворения собственных коммерческих потребностей.

Крупные предприятия занимались прокладкой труднопроходимых участков дороги, обустройством станций, их электрификацией. В 1915–1916 гг. силами «Верхне-Амурской золотопромышленной компании» и «Наследники А.И. Громовой» было завершено строительство крупных участков Амуро-Якутской магистрали протяженностью более 500 км. Общая стоимость строительных работ составила около 40 тыс. руб. Процесс строительства транспортных объектов магистрали, начатый И.И. Крафтом в начале XX в., сохраняет свою актуальность в настоящее время. Для полноценного функционирования тракта и железнодорожной ветки Амуро-Якутской магистрали необходимо введение в эксплуатацию моста через р. Лена. В настоящее время, как и в начале XX в., в создании транспортной инфраструктуры Северо-Восточной Сибири важную роль играет сотрудничество государственной власти и частных компаний, готовых инвестировать в освоение богатых ресурсов края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек И.Л. Современная отечественная историография об управлении Сибирью в 1822–1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2019. Т. 26, № 3. С. 5–11.
2. Крафт И.И. Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908 гг.). СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1908. 110 с.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 31 (Главное Управление Восточной Сибири. Управление строительной и дорожной частями при Иркутском генерал-губернаторе). Оп. 1. Д. 275.
4. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). Ф. 12 (Якутское областное управление). Оп. 2. Д. 8529.
5. НАРС (Я). Ф. 12. Оп. 2. Д. 10245.
6. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск : Изд-во ТГУ, 1975. 328 с.
7. Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р (ред. от 12.05.2018) «О Транспортной стратегии Российской Федерации». Изменения, внесенные распоряжением Правительства РФ от 12.05.2018 № 893-р, вступили в силу с 12.05. 2018 г. // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 2) (поправка).
8. Распоряжение Правительства РФ от 02.04.2013 № 489-р «О заключении концессионного соглашения в отношении искусственного дорожного сооружения – автодорожного мостового перехода через р. Лена в районе г. Якутска» // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1723.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 января 2020 г.

Yakut Governor Ivan Kraft and His Contribution to the Construction of the Amur-Yakutsk Highway at the Beginning of the 20th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 94–97.

DOI: 10.17223/15617793/466/11

Lev M. Dameshek, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia Federation). E-mail: Levdameshek@gmail.com

Margarita D. Kushnareva, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia Federation). E-mail: rita270880@mail.ru

Keywords: North-East Siberia; governor; large capital; transport; communications; infrastructure.

The article considers the activities of Ivan Kraft, the governor of Yakutsk Oblast, on the incorporation of North-East Siberia into the single economic, administrative and sociocultural space of the Russian Empire. The aim of the study is to analyze Kraft's contribution to the construction and arrangement of the Amur-Yakutsk Highway at the beginning of the 20th century. To reach this aim, the authors broadly use archival sources that have not been previously published and introduced into academic discourse. The topic has theoretical and applied relevance. It has not been sufficiently studied in the historiography of North-East Siberia and is the subject of scholarly and political discussions. The key method in the study is an interdisciplinary approach to the research problem, which is at the intersection of history and economics. The authors used content analysis for a quantitative and qualitative study of these sources based on the principle of historicism and consistency. The authors determined that, in connection with the design of the Amur Railway, the Amur-Yakutsk Highway received the status of a strategic infrastructure object in the macroregion. The authors note that Kraft was the initiator of the construction of the route from Yakutsk to the Amur. The governor conducted a number of scientific and engineering surveys of the most convenient route and made applications for financing the construction of the highway. Kraft made a strategic decision to attract private companies with large capital for the construction. The Upper Amur Gold Mining Company and the Heirs of A. I. Gromova company helped build highway sections with a total length of more than 500 km, equip stations, establish telegraph communications, and construct river crossings. At the beginning of the 20th century, in the framework of modernization measures, Kraft considered Yakutsk Oblast as a mining region. This became the basis for raising the question of Yakutia's access to the Trans-Siberian Railway. The close cooperation of the government, in the person of Kraft, with large enterprises of the region was the basis for the project of constructing a railway line to Yakutsk. In conclusion, the authors note that the processes of incorporation of the Asian borderlands of Russia into the economic, administrative and sociocultural space of the state that Governor of Yakutsk Oblast Ivan Kraft began at the beginning of the 20th century were reflected in the modern policy of the Russian Federation. The Amur-Yakutsk Mainline was put into operation in 2015. At present, the problem of building a bridge across the Lena in the Yakutsk area is still relevant. In 2019, President of the Russian Federation Vladimir Putin signed orders to begin the construction of the bridge. This will create an international transit corridor between Europe and the Asia-Pacific region.

REFERENCES

1. Dameshek, I.L. (2019) Modern Russian historiography on the governance of Siberia in 1822–1917. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 26 (3). pp. 5–11. (In Russian).
2. Kraft, I.I. (1908) *Otchet Yakutskogo gubernatora Krafta za vremya upravleniya oblast'yu (1907–1908 gg.)* [Report of the Yakut governor Kraft for 1907–1908]. St. Petersburg: Tip. M-va vnutr. del.
3. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 31 (*Glavnoe Upravlenie Vostochnoy Sibiri. Upravlenie stroitel'noy i dorozhnoy chastyami pri Irkutskom general-gubernatore* [Main Directorate of Eastern Siberia. Directorate of Construction and Road Sections under the Irkutsk Governor-General]). List 1. File 275.
4. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 12 (*Yakutskoe oblastnoe upravlenie* [Yakutsk Regional Administration]). List 2. File 8529.
5. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 12. List 2. File 10245.
6. Rabinovich, G.Kh. (1975) *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX v.* [The big bourgeoisie and monopoly capital in the economy of Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Russian Federation. (2008) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 22.11.2008 № 1734-r (red. ot 12.05.2018) "O Transportnoy strategii Rossiyskoy Federatsii". *Izmeneniya, vnesennyye rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 12.05.2018 № 893-r, vstupili v silu s 12.05.2018 g.* [Order of the Government of the Russian Federation of November 22, 2008, No. 1734-r (as amended on May 12, 2018) "On the Transport Strategy of the Russian Federation". The changes introduced by Order of the Government of the Russian Federation of May 12, 2018, No. 893-r, in force on May 12, 2018]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 52 (2) (Amendment).
8. Russian Federation. (2013) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 02.04.2013 № 489-r "O zaklyuchenii kontsessionnogo soglasheniya v otnoshenii iskusstvennogo dorozhnogo sooruzheniya – avtodorozhnogo mostovogo perekhoda cherez r. Lena v rayone g. Yakutsk" [Order of the Government of the Russian Federation of April 02, 2013, No. 489-r "On the conclusion of a concession agreement in relation to an artificial road structure – a road bridge over the Lena in the area of Yakutsk"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 14. Art. 1723.

Received: 14 January 2020

О.Г. Лекаренко

КРИЗИС БРЕТТОН-ВУДСКОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ И НАЧАЛО ЕВРОПЕЙСКОГО ВАЛЮТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Рассматривается влияние кризиса международной валютной системы на развитие планов европейской валютной интеграции. Анализируются особенности функционирования Бреттон-Вудской валютной системы, политика США в валютно-финансовой сфере, план создания Экономического и валютного союза (план Вернера). Делается вывод о том, что разногласия между США и странами Западной Европы по валютным вопросам дали дополнительный импульс к развитию европейского валютного сотрудничества.

Ключевые слова: Бреттон-Вудская валютная система; валютная политика США; европейская интеграция; план Вернера; трансатлантические отношения.

Особенности Бреттон-вудской валютной системы и попытки ее реформирования

В послевоенный период сложилась разветвленная структура трансатлантических взаимосвязей, частью которых являлась международная валютная система. Международно-правовую основу послевоенной валютной системы составляло Бреттон-Вудское соглашение, подписанное в июле 1944 г. В основу Бреттон-Вудской валютной системы были положены следующие принципы: (1) золотовалютный стандарт, основанный на золоте и господстве двух резервных (ключевых) валют, в качестве которых выступали американский доллар и британский фунт стерлингов; (2) разменность доллара на золото по официальной цене 35 долларов за тройскую унцию; (3) взаимная обратимость валют в доллар через золото; (4) фиксированные валютные паритеты при ограниченных отклонениях курса от паритета [1. С. 17].

В течение двух десятилетий Бреттон-Вудское соглашение обеспечивало стабильность международной валютной системы, однако уже в 1960-е гг. ее участники столкнулись с серьезными проблемами. Причины кризиса международной валютной системы были заложены во внутренних противоречиях бреттон-вудского механизма, таких как проблема международной ликвидности, вопрос о доверии к ключевым валютам и отсутствие механизма урегулирования платежных дисбалансов. Главным условием успешного функционирования системы являлось наличие достаточного количества золотовалютных резервов (ликвидность), необходимых для финансирования возрастающего объема международной торговли и иных заграничных платежей. Так как мировое производство золота не успевало удовлетворять растущий спрос на ликвидность, США взяли на себя функцию по обеспечению ликвидности, снабжая иностранные центробанки долларовыми резервами.

Выполнение долларом и фунтом стерлингов роли ключевых валют предполагало пассивность платежных балансов США и Великобритании, иначе другие страны не имели бы достаточных резервов в данных валютах. В случае дефицита или избытка ликвидности возникала потеря равновесия системы через наличие переоцененного или недооцененного обменного курса. Как дефицит, так и избыток резервов создавали

проблемы для участников системы, поскольку нехватка резервов мешала расширению международной торговли и сдерживала экономический рост, а избыток резервной валюты вел к потере доверия к ней, без чего золотовалютный стандарт также не мог нормально функционировать. Поскольку доллар являлся главным международным платежным средством и резервной валютой, от его положения зависела стабильность всей валютной системы.

Слабостью Бреттон-Вудской системы являлось отсутствие эффективного механизма решения проблемы платежных дисбалансов, вызванной большими размерами движения капиталов и разницей национальных финансовых политик участников системы. Официальные паритеты не всегда соответствовали реальному обменному курсу. В то время как высокий уровень инфляции, бюджетный дефицит и торговый дисбаланс снижали стоимость валюты, низкая инфляция и налоговая дисциплина способствовали повышению ее стоимости. Необходимость поддержания фиксированных паритетов валют допускала лишь разовое скачкообразное изменение курса путем девальвации (понижение золотого содержания и курса валюты) или ревальвации (повышение курса) по согласованию с Международным валютным фондом (МВФ).

В рамках системы возникала асимметрия обязательств, при которой страны с дефицитом платежного баланса в случае исчерпания резервов и кредитных возможностей были вынуждены менять экономическую политику или прибегать к девальвации, в то время как страны с положительным балансом аккумулировали валютные резервы без каких-либо обязательств ревальвировать свои валюты для корректировки платежных дисбалансов. Отдельная асимметрия заключалась в привилегии США покрывать дефицит платежного баланса, печатая собственную валюту, что усугубляло проблему доверия к доллару. В ожидании изменения паритета той или иной валюты усиливались спекулятивные потоки капиталов (смысл которых заключался в том, чтобы накануне девальвации дорого продать, а потом дешево купить валюту), что усугубляло неустойчивость платежных балансов. Неспособность вовремя скорректировать потерю равновесия системы вызывала финансовую нестабильность [1. С. 18–19; 2. С. 95].

Функционирование Бреттон-Вудской валютной системы во многом опиралось на политическое согла-

сие между трансатлантическими союзниками. В период послевоенного восстановления экономики центробанки стран Западной Европы и Японии охотно аккумулировали доллары, необходимые для поддержания фиксированных обменных курсов, особенно с учетом того, что США гарантировали их обратимость в золото. В 1960-е гг. позиции американского доллара начали слабеть из-за хронического дефицита платежного баланса США. К этому времени за пределами США скопилось большое количество бумажных долларов, превысившее стоимость американского золотого запаса. Таким образом право владельцев долларовых авуаров конвертировать их в золото пришло в противоречие с реальными возможностями США выполнить данное обязательство. В целях решения проблемы платежного дефицита США могли прибегнуть к уменьшению военных расходов за границей, сокращению инвестиций в экономику зарубежных стран или проведению ограничительной торговой политики. Однако поскольку такие изменения в американской политике были нежелательными для европейцев, они продолжали накапливать долларские резервы [3. Р. 88–89].

В связи с углублением кризисных явлений западные страны встали перед необходимостью корректировки бреттон-вудского механизма. Возможные варианты заключались в создании мировой валюты или альтернативных резервных валют; регулировании паритетов через девальвацию и ревальвацию; сокращении американских расходов; регулировании цен на золото. Участники системы пытались изменить ее в заданных рамках, так как боялись, что свободный курс обмена валют вернет хаос времен Великой депрессии. Дефицит американского платежного баланса свидетельствовал о том, что курс доллара является завышенным, однако по политическим и престижным соображениям США отказывались от девальвации доллара. В свою очередь страны с избытком резервов, такие как Германия и Япония, не хотели повышать стоимость своих валют по отношению к доллару, что привело бы к потере их экспортных преимуществ. В правительстве ФРГ считали, что ответственность за выравнивание паритетов должна лежать на странах с дефицитом платежного баланса, уклоняющихся от валютной дисциплины.

Вместо девальвации доллара США поддержали серию технических мер для защиты «внешнего периметра» американской валюты. Данные меры включали: (1) вывод ответственности за международную валютную систему из-под контроля МВФ через рыночные операции, проводимые центробанками США и стран Западной Европы; (2) краткосрочные кредиты между центральными банками (своп), чтобы справиться с временными дисбалансами; (3) регулирование цены на золото; (4) создание новой ликвидности. В целях поддержания цены на золото в 35 долларов за унцию 1 ноября 1961 г. США, Великобритания, ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Швейцария создали золотой пул, в задачи которого входило сдерживание спекулятивных действий через проведение интервенций на рынке золота. Проблема доллара как резервной валюты дала толчок к обсуждению во-

проса о создании новой ликвидности в дополнение к уже существующим международным резервам, что позволило бы заместить мировую потребность в увеличении количества долларов в обращении и таким образом сократить платежный дефицит США. В 1967 г. МВФ утвердил план создания специальных прав заимствования (СПЗ) как кредитного механизма для стран с дефицитным платежным балансом [4. Р. 158–159].

Принятые меры оказались недостаточными. В конце 1960-х гг. деформации в валютной системе наряду с краткосрочными движениями капиталов породили серию денежных кризисов. В ноябре 1967 г. спекуляции против фунта стерлингов вынудили правительство Великобритании провести девальвацию британской валюты, что вызвало массовую девальвацию связанных с ним валют. За девальвацией фунта в ожидании проблем с другими валютами последовала волна «золотой паники» (скупка золота на доллары и другие валюты), в результате чего золотой пул потерял 641 млн долл. Волна спекуляций золотом и его недостаточные запасы вынудили участников золотого пула остановить снабжение частных рынков золотом. В марте 1968 г. золотой пул распался. Чтобы не дать частным участникам рынка менять доллары на золото, был создан двойной рынок золота – официальный и неофициальный. В результате рыночная цена золота возросла с 35 до 44–50 долларов за тройскую унцию.

В мае 1968 г. движения протеста во Франции усилили давление на французский франк. Кризис франка и слухи о неизбежной в этой связи ревальвации западногерманской марки привели к массовому бегству капиталов из Франции в Германию, результатом чего стало увеличение валютных резервов ФРГ. После отставки Ш. де Голля новое правительство Франции в августе 1969 г. девальвировало франк, что вновь вызвало приток спекулятивных капиталов в ФРГ, пик которого пришелся на 22–23 сентября. Так как центральный банк ФРГ был не в состоянии скупать доллары, 24 сентября правительство приостановило операции на валютном рынке, а после выборов в бундестаг 28 сентября ввело временный плавающий курс западногерманской марки.

Решение о свободном плавании марки вызвало резкую негативную реакцию Комиссии Европейских сообществ, которая заявила, что плавающий курс марки не совместим с ценовым механизмом Общей сельскохозяйственной политики сообщества. В октябре 1969 г. новое правительство СДПГ–СвДП, опасаясь, что инфляция может подорвать ценовую стабильность, пошло на ревальвацию западногерманской марки. Таким образом, правительство ФРГ продемонстрировало, что готово взять на себя издержки по корректировке валютных курсов. В то же время месяц, в течение которого западногерманская марка находилась в свободном плавании, показал, что данная мера является эффективным барьером против нежелательного притока капиталов [5. Р. 304].

Затянувшаяся война во Вьетнаме усугубила проблему платежного дефицита США, что подрывало доверие к американской валюте. Правительство Р. Никсона не спешило принимать меры в валютной

сфере. Президента больше волновали проблемы, связанные с завершением войны во Вьетнаме, изменением конфигурации сил в холодной войне, долгосрочной ролью республиканской партии в американской политике. Международные валютные проблемы, по мнению Р. Никсона, являлись техническим вопросом, которым должны были заниматься чиновники из министерства финансов. К тому же после произошедшей в 1969 г. регулировки валютных курсов финансовый рынок был относительно спокойным [6. Р. 191].

Вскоре после вступления в должность Р. Никсон учредил постоянную рабочую группу под руководством заместителя министров финансов П. Волкера с целью составления рекомендаций по укреплению американской валюты. К июню 1969 г. группа Волкера подготовила доклад, предлагающий фундаментальную, но постепенную реформу Бреттон-Вудской системы. Доклад предусматривал следующие меры по укреплению доллара: активация СПЗ в необходимом количестве; увеличение квот МВФ; изменение обменных курсов (ревалвацией западногерманской марки и девальвация французского франка); повышение цены золота; в случае большой потери резервов или провала предложенных реформ временная приостановка конвертирования долларов в золото (т.е. переход к долларовому стандарту).

В документе предлагалось, не отвергая принцип фиксированных обменных курсов, в долгосрочной перспективе ввести более гибкий механизм регулирования, включающий небольшие и частые изменения паритетов, расширение пределов колебаний валютных курсов, временное плавание отдельных валют накануне изменения обменных курсов [7. Р. 343–344]. Однако проведенные весной–летом 1969 г. консультации с союзниками по данному вопросу выявили негативную реакцию европейских стран, которые считали, что введение гибкого обменного механизма приведет к ослаблению дисциплинарного воздействия на страны с дефицитными балансами [7. Р. 334, 371]. США продолжали оказывать давление на ведущие экономические державы через Группу десяти¹ и Всемирный банк, призывая их реформировать международную валютную систему. Правительство Р. Никсона стремилось как можно скорее активировать специальные права заимствования в МВФ, рассматривая их как средство снижения нагрузки на доллар в качестве резервной валюты. В октябре 1969 г. МВФ утвердил трехлетнюю программу создания СПЗ², что оказалось запоздалой мерой и не смогло решить проблемы функционирования валютной системы.

План Вернера

Противоречия между США и странами Западной Европы по вопросам функционирования международной валютной системы дали толчок к развитию планов европейской валютной интеграции. Долгое время правительство США не хотело девальвировать доллар, предпочитая, чтобы страны Западной Европы и Япония ревалвировали свои валюты. В свою очередь в странах Западной Европы считали, что США не предпринимают достаточных мер для решения

проблемы платежного дефицита и пытаются переложить обязанности по регулированию обменных курсов на своих союзников и торговых партнеров [8. Р. 290–291]. Политика пренебрежения финансовыми проблемами и заложенное в ней неявное противопоставление денежных интересов США денежным интересам союзников вызывали раздражение американских партнеров.

На протяжении 1960-х гг. правительства западно-европейских стран рассматривали различные варианты решения своих финансовых проблем: (1) продолжение трансатлантического сотрудничества по реформированию Бреттон-Вудской валютной системы на базе МВФ; (2) переход к национальному регулированию (гибкие обменные курсы и проведение денежной политики в соответствии с национальными интересами); (3) создание европейской валютной группировки на базе Европейского экономического сообщества (ЕЭС) [6. Р. 129–130]. В начале 1960-х гг. правительства почти всех стран поддерживали проведение централизованной реформы международной валютной системы, за исключением французского лидера Ш. де Голля, который в одностороннем порядке обменивал доллары на золото.

Слабость доллара и денежные кризисы конца 1960-х гг. активизировали планы европейской валютной интеграции. Правительство В. Брандта, нуждавшееся в инициативе в западной политике, которая бы сбалансировала амбициозные планы ФРГ по развитию «новой восточной политики», предложило создание европейского валютного союза. Немецкое предложение было поддержано французским правительством Ж. Помпиду, которое ухватилось за него как за возможность институционального оформления сотрудничества с ФРГ на случай новых проблем с франком. В декабре 1969 г. гаагский саммит ЕЭС сформулировал в качестве одной из стоящих перед сообществом задач формирование Экономического и валютного союза [9]. К этому времени в рамках ЕЭС уже действовал таможенный союз и Общая сельскохозяйственная политика. Таким образом развитие валютной интеграции выглядело как логичное продолжение процесса европейской экономической интеграции. В марте 1970 г. для разработки плана создания Экономического и валютного союза была учреждена рабочая группа под руководством премьер-министра Люксембурга П. Вернера.

Обсуждение путей создания единой валютной системы вызвало борьбу мнений в ЕЭС. «Монетаристы» (Франция, Бельгия) исходили из того, что для создания Экономического и валютного союза необходимо сначала установить единый курс колебания национальных валют, объединить денежные резервы всех стран-участниц и лишь затем приступить к гармонизации их экономической политики. Они настаивали на скорейшем создании Европейского фонда валютного сотрудничества с целью оказания взаимной финансовой поддержки странам – членам ЕЭС, не полагаясь на помощь МВФ. «Экономисты» (ФРГ, Нидерланды) ставили акцент на необходимости экономической конвергенции прежде объединения валютных ресурсов [8. Р. 287–288]. Другим разделяющим вопросом

являлись отношения между европейской и международной валютными системами. В то время как Франция и Бельгия рассматривали европейское сотрудничество как способ уменьшения опоры на доллар (что было присуще самой логике создания европейской валютной группировки), в ФРГ были обеспокоены отсутствием должной связи между европейскими планами и развитием международной валютной системы [6. Р. 153–154].

Опубликованный в середине октября 1970 г. доклад Вернера предусматривал поэтапный план создания Экономического и валютного союза. Построение союза было рассчитано на десять лет и включало следующие этапы: (1) ввести полную взаимную конвертируемость валют; (2) обеспечить свободу передвижения капиталов; (3) объединить официальные золотовалютные резервы стран ЕЭС; (4) сократить пределы курсовых колебаний до 1,2% в обе стороны, а потом твердо зафиксировать курсы и перейти к единой валюте [10; 11. С. 131]. Доклад Вернера исходил из того, что процессы экономической конвергенции и валютного сотрудничества должны развиваться параллельно, тем самым примиряя позиции «экономистов» и «монетаристов». Создание Экономического и валютного союза предполагало развитие валютной солидарности стран ЕЭС, в перспективе сообщество должно было взаимодействовать с международными валютно-финансовыми институтами как единое целое. Введение европейской валюты рассматривалось как альтернатива доллару и непредсказуемой американской финансовой политике. Сам по себе европейский валютный порядок представлял региональную репродукцию Бреттон-Вудской системы.

Выполнению плана Вернера препятствовала турбулентность международной валютной системы. После временной стабилизации на валютном рынке весной 1971 г. последовал очередной кризис. Низкая ключевая ставка в США, которая должна была обеспечить экономический рост накануне президентских выборов, заставляла американских инвесторов искать лучшие условия за границей в Западной Европе и Японии. В связи с притоком спекулятивных капиталов в мае 1971 г. правительство ФРГ вновь было вынуждено остановить валютные операции. ФРГ предложила странам ЕЭС совместное плавание их валют по отношению к доллару, что должно было препятствовать притоку американской валюты и вызванному этим росту инфляции, но в то же время сохранить неприкосновенными паритеты европейских валют и условия конкуренции внутри ЕЭС. Из всех стран – членов ЕЭС немецкое предложение поддержали только Нидерланды. Франция выступила против совместного плавания, опасаясь, что на смену доминированию доллара придет доминирование западногерманской марки. Правительство Франции было настроено в пользу глобального решения проблемы функционирования международной валютной системы и установления нового паритета между долларом и европейскими валютами. Франко-германские разногласия препятствовали выработке общего курса ЕЭС.

После открытия валютного рынка 10 мая 1971 г. западногерманская марка в качестве чрезвычайной

меры ушла в свободное плавание. Канцлер ФРГ В. Брандт, однако, поспешил заверить французского президента Ж. Помпиду в том, что ФРГ по-прежнему привержена плану создания Экономического и валютного союза, но заметил, что правительство ФРГ также должно поддерживать экономическую стабильность в своей стране [12. Р. 94]. В Вашингтоне приветствовали решение о свободном плавании западногерманской марки, которое расширяло американские возможности для маневра. Система фиксированных курсов казалась более стабильной и предсказуемой, но временное плавание канадского доллара и западногерманской марки показало, что при плавающих курсах изменения паритетов становятся более частыми и происходят в меньших пределах, что уменьшает вероятность политических кризисов.

«Шок Никсона» и смитсоновское соглашение

Особое положение доллара в международной валютной системе создавало конфликт между целями национальной политики США по стабилизации экономики и целями международной валютной политики. Дилемма заключалась в том, что дефицит долларов в обращении порождал проблему ликвидности, а избыток – проблему инфляции. Р. Никсон был первым из американских президентов, который столкнулся с таким явлением, как стагфляция (сочетание экономического спада с инфляцией). Волатильность на валютном рынке, перспектива потери остатков золотого резерва и растущий дефицит платежного баланса не позволяли администрации Р. Никсона и дальше откладывать принятие решений в валютной сфере.

Изменения во внешнеэкономической политике США были связаны с именем Дж. Коннолли, которого Р. Никсон в феврале 1971 г. назначил на должность министра финансов в надежде на то, что тот освободит его от экономических проблем накануне президентских выборов [13. Р. 769–770]. Вскоре после ухода западногерманской марки в свободное плавание Дж. Коннолли представил секретный план как использовать валютный кризис в интересах США. План включал следующие предложения по укреплению доллара: ревальвация основных европейских валют и японской йены в результате свободно плавающих курсов и других мер; улучшение торговой политики европейских стран и Японии; разделение с союзниками расходов на оборону и помощь развивающимся странам; более гибкие обменные курсы и постепенный отказ от золота (но без повышения цены на золото, что на деле означало бы девальвацию доллара по отношению к золоту) [7. Р. 424–427].

Вскоре после этого рынок успокоился, однако, когда в августе 1971 г. начался новый кризис, Дж. Коннолли смог убедить президента Р. Никсона в том, что США должны принять срочные меры [7. Р. 453–454]. Администрация Р. Никсона поставила цель решить проблему платежного дефицита. После новых атак на доллар в августе 1971 г. Соединенные Штаты пошли на односторонние меры по спасению американской валюты. 15 августа 1971 г. президент Р. Никсон в те-

левизионном обращении к нации объявил «новую экономическую политику», задачами которой являлось сокращение безработицы, повышение жизненного уровня, защита доллара от международных валютных спекуляций. Во внутренней политике новый экономический курс включал замораживание цен и заработной платы сроком на 90 дней с целью сдерживания инфляции, программу снижения налогов для стимулирования экономики и сокращение расходов в целях снижения дефицита. Во внешнеэкономической политике США официально приостановили размен долларов на золото на неопределенное время, чтобы сохранить свои золотые резервы, а также ввели дополнительный 10%-й импортный налог для улучшения платежного баланса [14. Р. 886–889]. Введение налога являлось примитивным рычагом заставить страны Западной Европы и Японию пойти на торговые уступки и провести ревальвацию по отношению к доллару. С введением «новой экономической политики» идея о том, что международная валютная система является грузом для США и что Вашингтон должен следовать автономным курсом, стала официальной политикой [6. Р. 134–135].

Решение Р. Никсона об отмене золотодолларового стандарта – одного из столпов Бреттон-Вудской валютной системы – было принято без каких-либо предварительных консультаций с союзниками, что вызвало шоковую реакцию в странах Западной Европы и Японии. Больше всего торговые партнеры США были возмущены введением импортного налога и указывали на то, что данная мера противоречит нормам Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Страны ЕЭС были готовы рассматривать пошлину в качестве временной меры, введенной для того, чтобы компенсировать разницу цен между американскими и иностранными товарами ввиду переоценности доллара, но считали, что она должна быть отменена, как только произойдет выравнивание паритетов. Что касается торговых уступок, то, по мнению сообщества, они должны были обсуждаться на общих торговых переговорах в ГАТТ [7. Р. 476].

На заседании 19 августа Совет министров ЕЭС не смог выработать общей позиции в ответ на действия США. Сообщество оказалось в тупике между позицией Франции (девальвация доллара по отношению к золоту) и ФРГ (совместное плавание европейских валют против доллара). В сентябре Комиссия ЕЭС составила рекомендации в соответствии с французским подходом к урегулированию кризиса в рамках системы фиксированных курсов [7. Р. 484, 488–489, 492]. На сессии МВФ осенью 1971 г. страны Западной Европы потребовали девальвации доллара и отмены дополнительной импортной пошлины. В итоге правительство Р. Никсона было вынуждено пообещать отмену импортного налога после корректировки обменных курсов, чтобы предотвратить возмездные действия торговых партнеров США.

Вызванный односторонними действиями США хаос на валютном рынке завершился только в декабре. 3–4 декабря 1971 г. состоялись переговоры между президентом Франции Ж. Помпиду и канцлером ФРГ В. Брандтом. В ходе переговоров Ж. Помпиду дал

согласие ревальвировать франк по отношению к доллару, что позволяло ФРГ установить удовлетворительное соотношение между маркой и франком. Взамен Ж. Помпиду получил неофициальный мандат представлять франко-германское соглашение как позицию ЕЭС на предстоящих переговорах с американским президентом. В ходе встречи на Азорских островах 13–14 декабря 1971 г. Р. Никсон и Ж. Помпиду набросали контуры нового валютного порядка, договорившись о необходимости срочного приведения в порядок обменных курсов, девальвации доллара по отношению к золоту и ревальвации некоторых других валют и принятия более широких рамок допустимого отклонения от курса [7. Р. 597–598].

На основании плана Никсона–Помпиду 18 декабря 1971 г. Группа десяти подписала смитсоновское соглашение (по названию Смитсоновского института в Вашингтоне, в помещении которого проходило совещание). Соглашение включало следующие меры: 1) девальвация доллара на 10% по отношению к другим валютам «десятки» и повышение официальной цены золота с 35 до 38 долларов за унцию; 2) ревальвация основных валют; 3) расширение пределов колебаний валютных курсов с 1 до 2,25% в обе стороны от паритета (так называемый туннель); 4) отмена 10%-й таможенной пошлины США в обмен на согласие европейцев начать торговые переговоры.

На совещании также была поставлена задача реформирования международной валютной системы. В коммюнике соглашения в общем виде были обозначены вопросы, которые данная реформа должна была решить: (1) соотношение и взаимодействие золота, резервных валют и СПЗ как основных видов международных резервов; (2) необходимый общий уровень международной ликвидности; (3) обеспечение финансовых ресурсов и распределение ответственности между странами для защиты твердых валютных паритетов и поддержания обратимости валют; (4) оптимальные пределы колебаний валютных курсов и другие средства обеспечения необходимой гибкости в системе; (5) необходимые меры, связанные с большими масштабами движения денежного капитала между странами [2. С. 156].

Решения Группы десяти вступили в силу после утверждения конгрессом США в апреле 1972 г., повышение цены на золото стало действительным после регистрации нового паритета доллара в МВФ и уведомления стран – членов Фонда в мае 1972 г. В результате девальвации доллара произошло массовое изменение паритетов валют. США, таким образом, удалось заставить другие страны ревальвировать свои валюты. Девальвация доллара благотворно сказалась на экспорте, что позволило США улучшить свой торговый и платежный баланс. Смитсоновское соглашение восстановило фиксированные обменные курсы, однако доллар перестал конвертироваться в золото, что означало конец золотодевизного стандарта.

«Европейская валютная змея»

Односторонние действия США в валютной сфере усилили интерес западноевропейских стран к разви-

тию своей валютной группировки, а возврат к системе фиксированных курсов заложил фундамент для новой попытки связать европейские валюты друг с другом. Следуя плану Вернера, страны – члены ЕЭС ввели механизм совместного плавления валют. Базельское соглашение от 24 апреля 1972 г. ввело суженные пределы колебаний курсов валют стран – членов ЕЭС в пределах 1,125% в обе стороны. В мае 1972 г. к соглашению присоединились страны-кандидаты на вступление в ЕЭС (Великобритания, Дания, Ирландия, Норвегия). Система согласованного колебания курсов валют получила название «змеи в туннеле» или «европейской валютной змеи» (в которой «змея» означала пределы совместного колебания курсов валют ЕЭС, равные 1,125% в обе стороны, а «туннель» – это их внешние пределы колебаний по отношению к доллару и другим валютам, равные 2,25% в обе стороны). Центробанки должны были проводить совместные интервенции и предоставлять в этих целях краткосрочные кредиты друг другу. Каждая страна имела право провести девальвацию или ревальвацию национальной валюты, а затем должна была снова поддерживать курс в рамках коридора. Механизм состоял из двух коридоров – узкого европейского и широкого долларового [11. С. 133].

Камнем преткновения стал вопрос о создании Европейского фонда валютного сотрудничества. Франция и Комиссия ЕЭС призывали к скорейшему созданию фонда, который должен был объединить резервы стран-участниц и контролировать политику обменных курсов. ФРГ и Нидерланды, опасаясь импорта инфляции, выступали за обычную координацию без принятия фискальных мер. Решение о создании фонда было принято на Парижском саммите ЕЭС в октябре 1972 г. Цели «европейской валютной змеи», как и плана Вернера, заключались в обеспечении национальной экономической дисциплины, создании региональной валютной стабильности, расширении интеграции на валютную сферу. «Европейская валютная змея» представляла собой попытку создания региональной валютной системы фиксированных курсов, в то время как международная валютная система стремительно двигалась в сторону плавающих обменных курсов [8. Р. 286].

Европейская валютная система не смогла противостоять продолжающемуся глобальному экономическому давлению и достигла пределов своего функционирования спустя всего несколько недель после создания механизма совместного плавления. Страны-участницы входили и выходили из системы по мере укрепления или ослабления валют, таким образом нарушая дисциплину, которая требовалась от национальных правительств, чтобы проводить политику, удерживающие валюты в обозначенных рамках. Для стран со слабыми валютами участие в «змее» было слишком обременительным в плане расходования резервов на поддержание паритета и слишком сдерживающим в плане проведения внутренней экономической политики.

Первой из «европейской валютной змеи» вышла Великобритания. После атак на фунт стерлингов в июне 1972 г. правительство Великобритании отказа-

лось участвовать в соглашении ЕЭС о совместном плавлении валют и ввела плавающий курс фунта стерлингов по отношению к доллару и к валютам стран – членов ЕЭС. За ней последовали Дания и Ирландия. В феврале 1973 г. из «европейской валютной змеи» вышла Италия. Для США плавание фунта стерлингов стало дополнительным подтверждением обоснованности курса на приостановку конвертируемости доллара впредь до создания новой стабильной валютной системы, которая не была бы «простой заплаткой на Бреттон-Вудсе» [7. Р. 628–629].

Стабилизация Бреттон-Вудского режима оказалась недолгой. В конце 1972 – начале 1973 г. для поддержания паритета валют европейские центробанки вновь были вынуждены покупать доллары. Усилилась критика со стороны стран Западной Европы в адрес США. Европейцы сетовали на то, что правительство Р. Никсона ничего не делает для выполнения Смитсоновского соглашения, не поддерживает проведенную девальвацию доллара соответствующей денежной и фискальной политикой, о чем свидетельствует дефицит бюджета и низкая ключевая ставка, не хочет брать на себя обязательства по возвращению хотя бы к частичной конвертируемости доллара в золото и индифферентно относится к проблемам европейских стран по поддержанию новых обменных курсов [7. Р. 614, 631, 636–637].

В начале 1973 г. высокая инфляция и отмена контроля за заработными платами и ценами усилили давление на доллар. В феврале 1973 г. США и страны Западной Европы договорились о повторной девальвации доллара на 10%. Это последнее трансатлантическое соглашение просуществовало всего месяц, после чего доллар ушел в свободное плавание. Новый министр финансов США Дж. Шульц, сменивший на этом посту Дж. Коннолли в мае 1972 г., заявил, что американская политика ключевой ставки и внутренней ликвидности будет определяться только в соответствии с потребностями американской экономики, исключая иные соображения международного характера [6. Р. 139].

Турбулентность на финансовых рынках продолжалась. 2 марта 1973 г. европейские страны были вынуждены вновь приостановить операции на валютном рынке. В этот же день канцлер ФРГ В. Брандт отправил письмо Р. Никсону, информируя его о том, что европейские страны должны найти такой выход из валютного кризиса, который усилит европейскую интеграцию [15. Р. 49]. Министр финансов Дж. Шульц не видел в этом угрозы для США, рассматривая европейские решения как путь к введению плавающих курсов валют. Он считал, что валютная интеграция стран ЕЭС вытекает из самой логики Общего рынка, а к тому же не был уверен, что европейцы преуспеют в ее развитии. В отличие от Дж. Шульца помощник президента по национальной безопасности Г. Киссинджер не допуская принятия европейскими странами автономных решений в валютной сфере без проведения консультаций с США и Японией в контексте общего реформирования международной валютной системы. Он настаивал, что США не должны позволить европейцам купить их фразами о том, что это будет способство-

вать европейской интеграции [15. Р. 72–90]. В ответном письме В. Брандту, копии которого были также отправлены главам правительств Великобритании и Японии, президент Р. Никсон подчеркнул, что европейская интеграция должна рассматриваться как шаг к усилению атлантического сотрудничества, а европейское предложение должно учитывать интересы США и Японии [15. Р. 92].

Помехи в работе международной валютной системы и продолжение Вашингтонской политики отстраненности подталкивали страны ЕЭС к продолжению сотрудничества в валютной сфере. Введение свободного обменного курса доллара означало исчезновение внешней поддержки (туннеля) «европейской валютной змеи». В этих условиях возникла идея трансформировать «европейскую валютную змею» в более гибкий инструмент, способный резко колебаться по отношению к доллару и другим валютам в целях предотвращения нежелательных потоков капитала. 11 марта 1973 г. на чрезвычайной встрече члены ЕЭС (кроме Великобритании, Ирландии и Италии) договорились о совместном плавании против доллара и других валют с целью защиты Общего рынка от внешней турбулентности, что стало дальнейшим шагом на пути автономного развития «европейской валютной змеи», покинувшей туннель.

Страны – члены ЕЭС приняли решение о том, что перестанут поддерживать фиксированный паритет по отношению к доллару, но будут поддерживать фиксированные обменные курсы между европейскими валютами. Совместное плавание должно было защитить существующие паритеты. К соглашению присоединились Норвегия и Швеция [16. Р. 312–313]. В этом же году для проведения безналичных расчетов была создана европейская расчетная единица экю, которая представляла собой валюту-корзину, составленную из валют стран – членов ЕЭС. Ее курс был более стабилен, так как колебания входящих в корзину валют уравновешивали друг друга. Ожидалось, что экю в конечном итоге станет единой европейской валютой и резервной единицей наряду с долларом и СПЗ. В свою очередь в США хотели быть уверенными в том, что европейское валютное соглашение не будет использоваться против них [15. Р. 114].

Парижские соглашения расширенной Группы десяти от 16 марта 1973 г. благословили создание «европейской валютной змеи» и закрепили переход от фиксированных паритетов к плавающим курсам. С этого времени валюты стали колебаться на рынке без заранее обусловленных пределов, хотя и при более или менее регулярном вмешательстве центральных банков. Плавание рассматривалось как временная мера, а возвращение к системе фиксированных курсов как желательное и возможное.

Новый удар по планам европейской валютно-экономической интеграции нанес нефтяной кризис, начавшийся осенью 1973 г. Обесценивание доллара, по традиции являвшегося основной валютой международных расчетов за энергоресурсы, побуждало нефтедобывающие страны пересматривать цены на нефть в сторону их повышения уже в 1972–1973 гг. После начала очередной арабо-израильской войны в

октябре 1973 г. и поставок американского оружия Израилю нефтедобывающие страны Ближнего Востока резко сократили добычу и поставки нефти, используя их как политическое оружие в борьбе за справедливое разрешение ближневосточного конфликта. В результате цены на нефть выросли в несколько раз. Страны Западной Европы столкнулись с нехваткой валютных резервов для оплаты импорта, следствием чего стал дефицит платежных балансов. В связи с ростом цен на нефть повысился спрос на доллары, что легитимизировало долларовый стандарт.

Нефтяной кризис вызвал в странах Запада глубокую рецессию, однако инфляционные процессы развивались неравномерно. Разное влияние нефтяного кризиса на европейские экономики и разная реакция правительств на кризис исключали конвергенцию экономических политик, которая являлась необходимым условием создания Экономического и валютного союза. В сложившихся условиях невозможно было удержать западноевропейские валюты в узком диапазоне колебаний. Плавающие обменные курсы предоставляли большую автономию правительствам стран-членов ЕЭС в проведении налоговой и валютной политики.

Единственным достижением данного периода стало учреждение в апреле 1973 г. Европейского фонда валютного сотрудничества. Основные задачи фонда заключались в сужении пределов колебаний валют стран – членов ЕЭС, наблюдении за интервенциями на обменных рынках, проведении согласованной политики в отношении валютных резервов. Фонд, однако, не имел собственных ресурсов, а его полномочия были ограниченными в силу того, что принцип объединения резервов не был принят. Таким образом, основную роль в координации валютной политики играл комитет глав центробанков, заседающий в Базеле [16. Р. 317; 17. Р. 182]. В начале 1974 г. план поэтапного построения Экономического и валютного союза был де-факто приостановлен.

Переплетение валютного и энергетического кризиса разрушили «европейскую валютную змею». В январе 1974 г. Франция вышла из «европейской валютной змеи». В июле 1975 г. она вернулась в систему совместного плавания, но в марте 1976 г. вышла снова. В итоге в совместном плавании валют участвовали ФРГ, Дания и страны Бенилюкса. С участием Норвегии и Швеции в качестве ассоциированных членов и с неформальной привязкой австрийского шиллинга к марке ФРГ «европейская валютная змея» существовала больше как зона западногерманской марки.

Заключение

Плавание основных валют нанесло окончательный удар по Бреттон-Вудской валютной системе и Смитсоновскому соглашению, дав жизнь новой валютной системе плавающих обменных курсов, подтвержденной соглашением на Ямайке 1976 г. Правительства и центральные банки передали некоторые из функций управления валютной системой финансовым рынкам. Решение проблем в валютной сфере произошло не

путем реформирования системы, а благодаря действию рыночных сил. Окончание режима фиксированных курсов восстановило автономию национальных правительств, необходимую им для борьбы с инфляцией, безработицей и другими экономическими проблемами 1970-х гг. США выиграли от конца Бреттон-Вудской валютной системы. Доллар стал единственной международной валютой, нефтедобывающие страны инвестировали средства в экономику США. Однако правительство Р. Никсона проиграло европейский рынок.

Окончание трансатлантического взаимодействия в валютной сфере дало толчок к развитию европейского валютного сотрудничества. В начале 1970-х гг. европейцы перестали опираться на американское валютное лидерство и открыли новую главу в валютной политике. Первая европейская попытка интеграции в валютной сфере (план Вернера) провалилась из-за различных подходов ФРГ и Франции и экономического кризиса начала 1970-х гг. Однако после преждевременного и неудачного эксперимента по созданию

Экономического и валютного союза в конце 1970-х гг. страны ЕЭС вернулись к идее валютной интеграции. План поддержали председатель Комиссии ЕЭС Р. Дженкинс, а также президент Франции В. Жискард'Эстен и канцлер ФРГ Г. Шмидт. В прошлом оба лидера занимали должности министров финансов и являлись сторонниками Бреттон-Вудской системы фиксированных обменных курсов.

В марте 1979 г. начала функционировать Европейская валютная система, которая объединила коллективную единицу и механизм совместного плавления валют. В рамках данной системы была усилена роль Европейского фонда валютного сотрудничества, который получил 20% золотых и долларовых резервов стран-участниц для проведения стабилизационных мер. В долгосрочной перспективе Европейская валютная система заложила основу для построения Экономического и валютного союза, закрепленного в Маастрихском договоре о создании Европейского союза, и перехода к единой европейской валюте – евро.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Группа десяти была образована в 1961 г. при заключении Общего соглашения о кредитах. В нее входили США, Великобритания, ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Швеция, Канада и Япония (в ряде случаев к ним присоединялась Швейцария).

² Эмиссия СПЗ началась в 1970 г. В 1970–1972 гг. СПЗ в сумме 9,5 млрд долл. были распределены между странами-участницами пропорционально их квотам в МВФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красавина Л.Н. Современный валютный кризис. М. : Финансы, 1975. 94 с.
2. Аникин А.В. Валютный кризис на Западе. М. : Наука, 1975. 197 с.
3. Zimmermann H. Western Europe and the American Challenge: Conflict and Cooperation in Technology and Monetary Policy, 1965–1973 // *Journal of European Integration History*. 2000. Vol. 6, № 2. P. 85–110.
4. James H. International Monetary Cooperation since Bretton Woods. Washington DC : International Monetary Fund, 1996. 742 p.
5. Gray W.G. Floating the System: Germany, the United States, and the Breakdown of Bretton Woods, 1969–1973 // *Diplomatic History*. 2007. Vol. 31, № 2. P. 295–323.
6. *The Strained Alliance: U.S. – European Relations from Nixon to Carter* / Ed. by M. Schulz, T.A. Schwartz. Washington DC : German Historical Institute, 2010. 383 p.
7. *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1976. Vol. 3. Foreign Economic Policy; International Monetary Policy, 1969–1972*. Washington DC: US Government Printing Office, 2001. 674 p.
8. Hanrieder W.F. *Germany, America, Europe: Forty Years of German Foreign Policy*. New Haven, Conn. : Yale University Press, 1989. 509 p.
9. Final Communiqué of the Hague Summit (2 December 1969). URL: https://www.cvce.eu/obj/final_communique_of_the_hague_summit_2_december_1969-en-33078789-8030-49c8-b4e0-15d053834507.html
10. Report Concerning the Stage-by-stage Implementation of Economic and Monetary Union (8 October 1970). URL: http://www.cvce.eu/obj/report_concerning_the_stage_by_stage_implementation_of_economic_and_monetary_union_8_october_1970-en-80c02a56-a4d7-4043-8db2-935d2b4cbeac.html
11. Европейская интеграция : учебник / под ред. О.В. Буториной. М. : Издательский дом «Деловая литература», 2011. 720 с.
12. Wilkens A. Westpolitik, Ostpolitik and the Project of the Economic and Monetary Union. Germany's European Policy in the Brandt Era (1969–1974) // *Journal of European Integration History*. 1999. Vol. 5, № 1. P. 73–102.
13. Matusow A.J. Richard Nixon and the Failed War against the Trading World // *Diplomatic History*. 2003. Vol. 27, № 5. P. 767–772.
14. Address to the Nation Outlining a New Economic Policy: “The Challenge of a Peace”. August 15, 1971 // *Public Papers of the Presidents of the United States: Richard Nixon*. 1971. Washington DC: US Government Printing Office, 1972. P. 886–891.
15. *FRUS. 1969–1976. Vol. 31. Foreign Economic Policy, 1973–1976*. Washington DC: US Government Printing Office, 2009. 1111 p.
16. Danescu E. *Pierre Werner and Europe: The Family Archives behind the Werner Report*. Basingstoke UK : Palgrave Macmillan, 2019. 520 p.
17. *The Strategic Triangle: France, Germany, and the United States in the Shaping of the New Europe* / Ed. by H. Haftendorn, G.-H. Soutou, S.F. Szabo and S.F.W. Wells, Jr. Washington DC : Woodrow Wilson Center Press, 2006. 411 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 июня 2020 г.

The Crisis of the Bretton Woods Monetary System and the Beginning of European Monetary Cooperation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 98–106.

DOI: 10.17223/15617793/466/12

Oksana G. Lekarenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olekarenko@gmail.com

Keywords: Bretton Woods monetary system; monetary policy of the US; European integration; Werner Plan; transatlantic relations.

The article aims to identify the impact of the crisis of the Bretton Woods monetary system on the beginning of European monetary cooperation. Russian scholars' publications on European monetary integration usually examine in detail the internal prerequisites for the emergence of the Werner Plan and only sketch the external environment. Drawing on available European and American

sources, this research provides a more nuanced picture of the origins of European monetary cooperation in the context of a general collapse of the post-war international monetary order. The article begins with the characteristic of the main features of the Bretton Woods monetary system. In the late 1960s and early 1970s, the intrinsic contradictions of the Bretton Woods mechanism, such as the problem of liquidity, confidence in the key currencies, and the adjustment mechanism, generated numerous monetary crises. All efforts to reform the international monetary system stalled because of disagreements between countries with surplus and deficit payment balances. The research also focuses on the US monetary policy. As the US dollar was the main reserve currency, the stability of the entire monetary system depended on its position. Since the late 1960s, conflicts over monetary issues developed between the United States and Western European countries, culminating in the Nixon administration's unilateral decision to abolish the gold standard in August 1971. Monetary crises and the weakness of the dollar pushed the countries of the European Economic Community to develop their own currency grouping. The article analyses the Werner Plan of 1970 that proposed the creation of an Economic and Monetary Union (EMU) with a single European currency as the ultimate goal. Based on fixed exchange rates between European currencies, the EMU represented a regional replica of the Bretton Woods system. The single European currency was seen by Europeans as an alternative to the dollar and the unpredictable American policy. The author concludes that the end of transatlantic monetary cooperation gave an additional impetus to the development of European monetary integration. Although first European efforts to create the EMU had failed because of the different approaches of France and the Federal Republic of Germany as well as the economic crisis of the early 1970s, the Werner Plan marked a crucial phase in the history of European integration. The Werner Report became a blueprint for the European Monetary System (EMS) of the late 1970s. The success of the EMS paved the way for the creation of the European Monetary Union envisaged in the Maastricht Treaty of 1991 establishing the European Union and the adoption of a single European currency – the euro.

REFERENCES

1. Krasavina, L.N. (1975) *Sovremennyy valyutnyy krizis* [The modern currency crisis]. Moscow: Finansy.
2. Anikin, A.V. (1975) *Valyutnyy krizis na Zapade* [Currency crisis in the West]. Moscow: Nauka.
3. Zimmermann, H. (2000) Western Europe and the American Challenge: Conflict and Cooperation in Technology and Monetary Policy, 1965–1973. *Journal of European Integration History*. 6 (2). pp. 85–110.
4. James, H. (1996) *International Monetary Cooperation since Bretton Woods*. Washington DC: International Monetary Fund.
5. Gray, W.G. (2007) Floating the System: Germany, the United States, and the Breakdown of Bretton Woods, 1969–1973. *Diplomatic History*. 31 (2). pp. 295–323.
6. Schulz, M. & Schwartz, T.A. (eds) (2010) *The Strained Alliance: U.S.–European Relations from Nixon to Carter*. Washington DC: German Historical Institute.
7. US. (2001) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1976*. Vol. 3. Foreign Economic Policy; International Monetary Policy, 1969–1972. Washington DC: US Government Printing Office.
8. Hanrieder, W.F. (1989) *Germany, America, Europe: Forty Years of German Foreign Policy*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
9. CVCE.eu. (1969) *Final Communiqué of the Hague Summit (2 December 1969)*. [Online] Available from: https://www.cvce.eu/obj/final_communique_of_the_hague_summit_2_december_1969-en-33078789-8030-49c8-b4e0-15d053834507.html.
10. CVCE.eu. (1970) *Report Concerning the Stage-by-stage Implementation of Economic and Monetary Union (8 October 1970)*. [Online] Available from: http://www.cvce.eu/obj/report_concerning_the_stage_by_stage_implementation_of_economic_and_monetary_union_8_october_1970-en-80c02a56-a4d7-4043-8db2-935d2b4cbeac.html.
11. Butorina, O.V. (ed.) (2011) *Evropeyskaya integratsiya: uchebnik* [European integration: textbook]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delovaya literatura".
12. Wilkens, A. (1999) Westpolitik, Ostpolitik and the Project of the Economic and Monetary Union. Germany's European Policy in the Brandt Era (1969–1974). *Journal of European Integration History*. 5 (1). pp. 73–102.
13. Matusow, A.J. (2003) Richard Nixon and the Failed War against the Trading World. *Diplomatic History*. 27 (5). pp. 767–772.
14. Nixon, R. (1972) Address to the Nation Outlining a New Economic Policy: "The Challenge of a Peace". August 15, 1971. In: *Public Papers of the Presidents of the United States: Richard Nixon. 1971*. Washington DC: US Government Printing Office. pp. 886–891.
15. US. (2009) *FRUS. 1969–1976*. Vol. 31. Foreign Economic Policy, 1973–1976. Washington DC: US Government Printing Office.
16. Danescu, E. (2019) *Pierre Werner and Europe: The Family Archives behind the Werner Report*. Basingstoke UK: Palgrave Macmillan.
17. Haftendorn, H. et al. (eds) (2006) *The Strategic Triangle: France, Germany, and the United States in the Shaping of the New Europe*. Washington DC: Woodrow Wilson Center Press.

Received: 15 June 2020

В.Ю. Мишин, А.В. Симоненко

ПОЛИТИКА ПРЕЗИДЕНТА МУН ЧЖЭ ИНА В ВОПРОСАХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОИСК БАЛАНСА ЖЕЛАЕМОГО И ВОЗМОЖНОГО

Анализируется деятельность президента Республики Корея Мун Чжэ Ина по налаживанию межкорейских отношений в контексте его новой национальной политики. Рассматриваются различные внутренние и внешние факторы, оказавшие влияние на курс президента Муна по сближению Севера и Юга. Исследуется эволюция его подходов к решению проблем Корейского полуострова с учетом геополитической обстановки в регионе и новых тенденций в отношениях КНДР–США и РК–КНДР.

Ключевые слова: межкорейские отношения; политика Мун Чжэ Ина; межкорейские саммиты; денуклеаризация; Корейский полуостров.

Введение

С момента искусственного разделения Корейского полуострова на два государства с различными политическими системами (1945) эта часть региона остается зоной нестабильности и напряженности. Раскол нации и вмешательство внешних сил в межкорейские отношения привели к тому, что на протяжении уже нескольких десятилетий на Корейском полуострове сохраняется реальная угроза вооруженного конфликта с применением оружия массового уничтожения, что представляет серьезную опасность не только для стран Северо-Восточной Азии (СВА), но и для всего огромного региона Восточной Азии. Ядерное нераспространение по-прежнему является важнейшей проблемой региональной безопасности в СВА, и ключевым звеном в ее решении остается урегулирование межкорейских отношений.

Для Сеула вопрос отношений с КНДР всегда имел особое значение и оставался главным пунктом внешнеполитической повестки при любой южнокорейской администрации. Консерваторы и демократы, сменяющие друг друга у власти, по-разному видели пути урегулирования. В отличие от консервативных правительств, проводивших жесткий курс в отношении Пхеньяна, либералы-демократы традиционно были настроены на развитие сотрудничества с Северной Кореей и поиск компромиссных решений в интересах мира и стабильности на полуострове. Эти идейные установки получили новое качественное развитие и активное практическое воплощение при нынешнем президенте Мун Чжэ Ине, который обозначил главной целью своей новой национальной политики «преодоление раскола нации через установление мира на Корейском полуострове» [1].

Все новое – забытое старое

Мун Чжэ Ин пришел к власти в мае 2017 г. в результате внеочередных президентских выборов, на которых он одержал убедительную победу (41% голосов). Прогрессивно мыслящий, оптимистично настроенный либерал Мун Чжэ Ин выгодно отличался от погрязшей в обвинениях в злоупотреблениях властью экс-президента Пак Кын Хе, чье консервативное правление привело к полному разрыву отношений

между РК и КНДР и свертыванию двусторонних связей. Политическая программа нового президента существенно отличалась от установок предыдущего правительства. С его приходом произошла не только смена политического курса, изменилась идеология южнокорейского руководства, внешнюю и внутреннюю политику вновь стали определять демократы.

С первых дней президентского правления Мун Чжэ Ин начал активно претворять в жизнь свои предвыборные обещания, взяв курс на нормализацию отношений с Северной Кореей. Его политика, основанная на выстраивании открытого диалога с Пхеньяном, отличалась гибкостью и реалистичным подходом. Она предполагала последовательное и поэтапное решение проблем Корейского полуострова, в том числе связанных с ракетно-ядерной программой КНДР. Разработанная новым правительством долгосрочная концепция «мирного сосуществования» и «совместного процветания» Северной и Южной Кореи была представлена как «Политика Президента Мун Чжэ Ина в отношении Корейского полуострова».

Основные ее задачи можно сформулировать в четырех пунктах – «мир как наивысший приоритет», «построение устойчивых межкорейских отношений», «следование духу взаимного уважения» и «создание зоны процветания на Корейском полуострове и в регионе СВА» [2]. Таким образом, новая стратегия президента Муна не предполагала ни уничтожения северокорейского режима, ни поглощения или искусственного объединения. Все устремления были направлены на развитие сотрудничества между Севером и Югом на основе взаимного уважения и доверия.

Идеи, провозглашенные Мун Чжэ Ином в рамках его новой политики на Корейском полуострове, не так уж и новы. Скорее, они являются логическим продолжением или модернизированным вариантом «политики солнечного тепла», зародившейся в Южной Корее в 1990-е гг. в качестве идейной основы восстановления межкорейского диалога.

В феврале 1998 г. вступивший в должность президент Республики Корея Ким Дэ Чжун предложил выстраивать отношения с КНДР на принципах «хэппэт чончхэк» – «политики солнечного тепла между Севером и Югом». Ее отличительной

особенностью было то, что она не касалась проблемы объединения Севера и Юга, а отдавала приоритет развитию добрососедских отношений и тесному сотрудничеству двух корейских государств. Конечная цель оставалась прежней – объединение страны, но не силовым путем, не через развал и поглощение КНДР, а в результате налаживания активного экономического, инвестиционного взаимодействия и обменов между людьми. При этом ставка делалась на то, что экономическое сотрудничество двух стран не должно испытывать политического давления. Юг впервые провозгласил курс на построение отношений по принципу отделения экономической составляющей от политической.

Политика президента Ким Дэ Чжуна в отношении КНДР строилась на основе трёх базовых принципов: 1) недопущение вооруженных провокаций на Корейском полуострове; 2) непричинение ущерба друг другу и отказ от попыток поглотить Северную Корею; 3) развитие обменов и сотрудничества между Севером и Югом.

Прогрессивные идеи «политики солнечного тепла» были неоднозначно и без энтузиазма восприняты политическими элитами как Юга, так и Севера. Тем не менее благодаря инициативам Ким Дэ Чжуна двум Кореям удалось на время сбить накал напряженности и начать диалог по актуальным вопросам двусторонних отношений. Произошло некоторое оживление межкорейских контактов, появился прогресс в налаживании торгово-экономических связей, возобновились программы гуманитарного сотрудничества (в том числе встречи семей, разделенных Корейской войной 1950–1953 гг.).

Несмотря на все усилия Ким Дэ Чжуна и его последователя Но Му Хёна (2003–2008), либеральные идеи не смогли прочно закрепиться во внешнеполитическом курсе Сеула, который традиционно испытывал значительные колебания в зависимости от того, какая партия (консерваторы или демократы) становилась правящей. С приходом к власти консерваторов (2008) оттепель в межкорейских отношениях вновь сменилась охлаждением и замораживанием связей. В 2010 г. в ответ на проводимые Северной Кореей ядерные испытания, а также военные инциденты, приведшие к гибели южнокорейских граждан, Сеул ввел запретительные меры, затронувшие почти все сферы межкорейского взаимодействия. Двусторонние проекты были свернуты (за исключением Кэсонского промышленного комплекса) а поставки гуманитарной помощи в КНДР резко сокращены. В 2013–2015 гг. при администрации президента Пак Кын Хе, выступившей с программой укрепления доверия на Корейском полуострове, предпринимались некоторые попытки активизировать связи с КНДР. Но после присоединения Сеула к санкциям СБ ООН в отношении КНДР (2016), сотрудничество между двумя корейскими государствами полностью прекратилось.

Начало новой оттепели

Миротворческие инициативы нового президента Мун Чжэ Ина, выдвинутые еще в начале 2017 г., его настрой на открытый диалог с КНДР и поиск компромиссных решений не сразу нашли отклик у руководства Северной Кореи. Существенный сдвиг в сторону улучшения межкорейских отношений произошел лишь в начале 2018 г. Точкой отсчета стало новое обращение Ким Чен Ына к народу Северной Кореи. По структуре и содержанию эта речь мало чем отличалась от его предыдущих обращений. Раздел, посвященный международной тематике, традиционно содержал призывы к оздоровлению межкорейских отношений, снижению напряженности и установлению мира на Корейском полуострове. Однако стандартный тезис о стремлении Пхеньяна к диалогу на этот раз был дополнен заявлением, что Северная Корея готова к контактам и встречам «не только с представителями правящей партии Южной Кореи, но и со всеми, включая оппозицию, различные организации и отдельных лиц, если они искренне желают национального примирения и сплочения» [3]. Высказанное в этой же речи намерение направить делегацию КНДР на зимние Олимпийские игры в Пхёнчхан стало явным сигналом того, что Пхеньян согласен на диалог и, возможно, на компромиссы.

Сеул отреагировал мгновенно, и уже 2 января, на следующий день после телеобращения, появилось сообщение, что министр по делам объединения Чо Мён Гюн предложил представителям КНДР провести переговоры на высоком уровне. Встреча на уровне министров, отвечающих за национальное объединение, состоялась 9 января в пограничном пункте Пханмунджом. В течение недели представители Севера и Юга обсуждали различные аспекты участия северокорейской сборной в зимней Олимпиаде в Пхёнчхане, а также политические аспекты взаимоотношений. Переговоры показали, что обе стороны чрезвычайно заинтересованы и решительно настроены на урегулирование межкорейских проблем.

На тот момент Мун Чжэ Ин уже несколько месяцев находился в кресле президента, а позитивных сдвигов в отношениях с Северной Кореей, которые он обещал в своей предвыборной программе, все не происходило. Наоборот, 2017 г. был отмечен ростом напряженности на Корейском полуострове: серия испытаний КНДР (лето–осень 2018 г.), угрозы Д. Трампа «покарать огнем и яростью» Северную Корею и демонстративная отправка к ее берегам американского флота, словесная пикировка и взаимные оскорбления Кима и Трампа. Все эти опасные действия происходили без участия и помимо воли Южной Кореи, но при этом непосредственно и больно ударяли по ней. В сложившейся ситуации перед Мун Чжэ Ином стояли две равновеликие по важности и по сложности задачи: выстроить конструктивный диалог с Пхеньяном и добиться конструктивного подхода Вашингтона к корейской проблеме. Миротворческое выступление Ким Чен Ына очень удачно создало благоприятный фон для их решения.

Для Белого дома демонстрируемая Северной Кореей готовность к переговорам, вероятно, стала аргументом в пользу смягчения риторики в отношении

КНДР, что имело особое значение для Сеула и стало решающим фактором, открывшим путь к межкорейскому сближению. Уже 10 января, на следующий день после начала межкорейских переговоров в Пханмунджоме, Мун Чжэ Ин в телефонном разговоре с Д. Трампом поблагодарил президента США за «значительный вклад в то, что переговоры (Севера и Юга. – Прим. авт.) состоялись» [4], а Трамп, в свою очередь, одобрив начавшийся межкорейский диалог, сделал неожиданное заявление, что переговоры между США и КНДР, вероятно, также состоятся «в свое время и при определенных условиях».

После выступлений Трампа американские эксперты и политики стали осторожно высказываться в пользу дипломатического сценария решения проблемы КНДР. Например, Г. Киссинджер, еще недавно заявлявший, что США и Китаю следует предпринять действия, которые бы привели к коллапсу режима в Северной Корее, назвал шестисторонние переговоры лучшим способом достижения соглашения по денуклеаризации [5].

Оттепель в отношениях Юга и Севера началась вместе с Олимпиадой в Пхёнчхане (9–15 февраля 2018 г.). Зимние Игры стали благоприятным фоном для налаживания межкорейских связей. Спортивный азарт, эмоциональный подъем, чувства единения и патриотизма временно отодвинули на задний план сложные политические проблемы и сблизили два народа. Впрочем, политические контакты во время Олимпиады имели не меньшее значение. Северокорейскую олимпийскую делегацию возглавила сестра лидера КНДР Ким Ё Чжон (важный дипломатический жест со стороны Пхеньяна), которая за время своего трехдневного пребывания в РК четыре раза встречалась с Мун Чжэ Ином и передала ему официальное письмо от Ким Чен Ына с приглашением посетить Северную Корею.

Но Сеул не был готов к такому стремительному развитию событий. Мун заявил, что необходимо прежде «создать условия, которые бы сделали визит возможным» [6]. Под «условиями» понимались переговоры между КНДР и США о денуклеаризации, о чем Мун Чжэ Ин неоднократно упоминал во время встреч с северокорейской делегацией, подчеркивая при этом, что прогресс в межкорейском диалоге не может быть достигнут, пока КНДР не уничтожит свое ядерное оружие, как того требует международное сообщество.

Довольно жесткая позиция Мун Чжэ Ина обуславливалась не только необходимостью следовать в русле политики США – своего главного военно-политического союзника, она также была следствием сильного давления на президента Муна со стороны внутренней оппозиции в лице крупнейшей консервативной партии Свободная Корея и критически настроенного в отношении КНДР общественного мнения. Несмотря на то, что большинство в Южной Корее приветствовало позитивные изменения в отношениях с Севером, в обществе сохранялся довольно высокий уровень недоверия к северокорейскому режиму.

Опрос, проведенный агентством *Realmeter* в марте 2018 г., показал, что 73% южнокорейцев приветствуют

наметившиеся сдвиги в отношениях Севера и Юга, но при этом лишь 27% верит заявлениям Северной Кореи (рис. 1).

После того, как с началом «оттепели» активизировался обмен делегациями между Севером и Югом, протесты оппозиции стали еще жестче. Их акции нередко носили провокационный характер. Так, например, 25 февраля депутаты от партии Свободная Корея попытались не пропустить в страну руководителя отдела Единого фронта Трудовой партии КНДР Ким Ён Чхоля¹, который в составе официальной делегации прибыл на церемонию закрытия Олимпийских игр. На пограничном контрольно-пропускном пункте протестующие устроили пикет, обвинили правительство Муна в потворствовании военным преступникам и призвали к казни Ким Ён Чхоля.

Рис. 1. Отношение южнокорейцев к мирным инициативам Пхеньяна [7]

Сильная внутренняя оппозиция значительно осложняла работу Мун Чжэ Ина, блокировала многие его инициативы, но в целом президентского административного ресурса хватало, чтобы противостоять выступлениям консерваторов и продолжать курс на сближение с Северной Кореей. Гораздо сложнее было преодолеть сопротивление Вашингтона. Бескомпромиссная позиция Соединённых Штатов, настаивавших на незамедлительном и полном отказе Пхеньяна от ядерных программ в качестве предварительного условия всех мирных переговоров, не оставляла Мун Чжэ Ину возможности для маневров. С одной стороны, Сеул не имел ни сил, ни средств (да и желания) выступать против США. С другой, было очевидно, что предложенный американцами вариант совершенно нереализуемый, КНДР никогда не пойдет на полное и одностороннее разоружение, поскольку это прямая угроза уничтожения страны. Высказывания Дж. Болтона, что для решения северокорейской проблемы мог бы подойти ливийский сценарий², еще больше усиливали опасения Пхеньяна.

Нереалистичность американского подхода стала очевидной для Мун Чжэ Ина после серии встреч с представителями КНДР в самом начале 2018 г. Начавшийся активный диалог Севера и Юга представил возможность сторонам сверить позиции, вы-

слушать аргументы друг друга и, исходя из этого, скорректировать свою линию. Программные требования Мун Чжэ Ина после этого были значительно смягчены. Если изначально в основе его курса лежал тезис, что денуклеаризация Северной Кореи является необходимым условием нормализации межкорейских связей и установления мира на Корейском полуострове, то после межкорейских консультаций Сеул изменил свой подход к началу диалога с КНДР, сделав денуклеаризацию не отправной точкой переговоров, а их конечной целью. «Денуклеаризация – долгий процесс, конечной целью которого является полный отказ от ядерных мощностей, и на этом пути может быть любое количество промежуточных целей», – заявил официальный представитель администрации президента РК [8].

Саммитовая дипломатия

Начавшаяся межкорейская оттепель создала условия для начала широкого переговорного процесса, в котором особая роль была отведена двусторонним саммитам. Какими бы ни были оценки результатов встреч лидеров Северной и Южной Кореи, бесспорным остается одно: межкорейские саммиты – это историческое событие, которого ждали больше десятилетия, и на которое возлагали надежды, связанные с ликвидацией ядерной угрозы, нормализацией отношений и установлением мира на Корейском полуострове. Отсутствие решений по главным корейским проблемам (денуклеаризация КНДР и заключение мира между КНДР и РК) не отменяет того значительного вклада, который внесли межкорейские саммиты в процесс двустороннего урегулирования и снижения напряженности в регионе.

Первый саммит Мун Чжэ Ина и Ким Чен Ына 27 апреля 2018 г. в Пханмунджоме стал важным шагом на пути установлению доверия между Севером и Югом. Накануне встречи в верхах (21 апреля) на пленуме Трудовой партии Кореи (ТПК) Ким Чен Ын заявил, что его страна отказывается от проведения ядерных и ракетных испытаний, а Южная Корея в ответ прекратила антисеверокорейское пропагандистское вещание на линии соприкосновения. «Пханмунджомская декларация о мире, процветании и объединении Корейского полуострова», подписанная по итогам саммита, в официальных документах Северной и Южной Кореи носит название «исторической». В ней стороны договорились о прекращении враждебных действий, расширении сотрудничества и обменов, а также заявили о намерении в течение 2018 г. поставить точку в вопросе окончания Корейской войны 1950–1953 гг. и подписать мирный договор. И хотя текст Пханмунджомской декларации во многом дублирует ранее подписанные документы (по итогам саммитов 2000 и 2007 гг., декларацию 1992 г. (отказа от враждебных намерений), программу сотрудничества 2015 г.), но решительный настрой, с которым ранее непримиримые стороны сделали шаг навстречу друг другу, а также доброжелательный межличностный контакт, установившийся между Кимом и Муном в Пханмунджоме, давали

основания надеяться, что на этот раз будут предприняты конкретные шаги по реализации пунктов Декларации.

Тем более, что Мун Чжэ Ин с самого начала был полон решимости не повторять негативный опыт предыдущих саммитов, когда достигнутые договоренности не исполнялись ни РК, ни КНДР. Он поставил задачу ратифицировать итоговые документы, чтобы сделать их обязательными для исполнения. На заседании подготовительного комитета по саммиту 21 марта Мун заявил: «Соглашение, достигнутое на межкорейском саммите, должно быть принято как закон. После подписания в него необходимо добавить основные положения, принятые на предыдущих двух встречах на высшем уровне [2000 и 2007], и итоговый документ представить для ратификации Национальному собранию» [9]. Правда, законодательный орган так и не одобрил межкорейские соглашения, из-за категорического несогласия представителей Свободной Кореи, занимающих в Национальном собрании 107 мест из 300. После безуспешных попыток получить поддержку депутатов, Мун Чжэ Ин был вынужден сам ратифицировать принятые документы (23 октября 2018 г.), что вызвало не только бурные протесты южнокорейской оппозиции, но и серьезное недовольство Вашингтона.

Бескомпромиссность Соединенных Штатов во всем, что касалось КНДР, сильно тормозила процесс межкорейского сближения. От позиции США напрямую зависел успех решения важнейших проблем двустороннего взаимодействия КНДР и РК, включая вопросы ядерного разоружения, мирного соглашения, экономического сотрудничества. Нивелировать барьер, созданный жесткой позицией Вашингтона, наладить диалог США–КНДР стало главной задачей Мун Чжэ Ина после Пханмунджома.

Вторая встреча Муна и Кима, прошедшая 26 мая 2018 г., в основном была посвящена американо-северокорейским отношениям и предстоящему саммиту Д. Трампа и Ким Чен Ына (12 июня 2018 г. в Сингапуре). Большой вклад в подготовку первой в истории встречи лидеров США и КНДР внес Мун Чжэ Ин, и это событие без сомнения можно назвать одним из важнейших достижений посреднической дипломатии Муна. Сингапурский саммит, предсказуемо, не увенчался подписанием реальных соглашений, его главная задача состояла не в этом, а в том, чтобы положить конец открытой конфронтации США и КНДР и дать старт американо-северокорейскому диалогу, являющемуся ключом к решению проблем Корейского полуострова.

И действительно, после прошедших саммитов заметно активизировались межкорейские связи: начали развиваться политические контакты, расширились культурные обмены. Беспрецедентные меры были приняты по снижению военной напряженности. Решающую роль в этом сыграл третий межкорейский саммит (18–20 сентября 2018 г., Пхеньян), на котором в присутствии Мун Чжэ Ина и Ким Чен Ына министры обороны КНДР (Но Гван Чхоль) и РК (Сон Ён Му) подписали «Соглашение о реализации исторической Пханмунджомской декларации в военной сфере». Это

Соглашение дополнило и конкретизировало один из важнейших пунктов Пханмунджомской декларации, в соответствии с которым КНДР и РК должны «полностью прекратить все враждебные действия друг против друга во всех областях, включая землю, воздух и море» [10]. Согласно Пхеньянскому соглашению стороны брали на себя обязательство, во избежание случайных конфликтов, которые могли бы расцениваться как провокации, прекратить войсковые учения в районе демаркационной линии, артиллерийские стрельбы с применением боевых зарядов, а также военно-морские учения вблизи разграничительной линии на море и установить бесполетные зоны над демилитаризованной зоной (ДМЗ). Наряду с этим военные представители двух стран договорились о начале ликвидации опорных сторожевых пунктов и проведении наземного разминирования на линии государственной границы.

Отличительной чертой состоявшихся межкорейских саммитов было то, что стороны быстро начали работу по реализации подписанных соглашений и добились в этом значительных успехов. По подсчетам южнокорейских экспертов, на начало ноября 2018 г. из 25 пунктов Панмунджомской декларации и Пхеньянского соглашения было полностью реализовано 9, а 13

находилось на стадии разработки или предварительной готовности [11]. 2018 г. стал периодом самых действенных мер по разрядке напряженности на межкорейской границе. Усилия, предпринимаемые Севером и Югом по выполнению взятых обязательств, позволили значительно снизить вероятность возникновения военного конфликта между РК и КНДР.

Другим важным результатом саммитовой дипломатии, безусловно, стали сформировавшаяся доброжелательная атмосфера и позитивные сдвиги в общественном сознании корейцев Севера и Юга. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что 2018 г. существенно изменил восприятие КНДР в Южной Корее.

Опрос общественного мнения, проведенный агентством *Realmeter*, показал, что если до саммита в Пханмуджоме лишь 14,7% респондентов верили в искренность намерений Северной Кореи провести денуклеаризацию и достичь мира на Корейском полуострове, то после апрельского саммита – уже 64,7%, причем больше половины из них (52%) сказали, что изменили свое мнение в лучшую сторону под влиянием последних событий [12] (рис. 2).

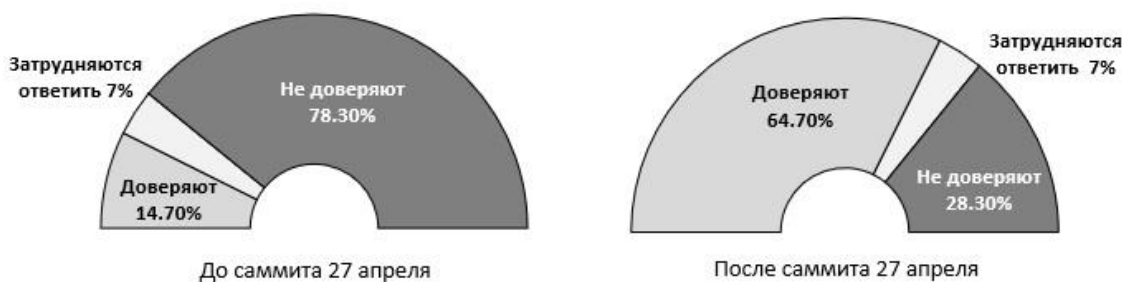

Рис. 2. Отношение южнокорейцев к заявлениям Пхеньяна о денуклеаризации [12]

Радикальные перемены произошли также в сознании молодого поколения южнокорейцев, в чьих руках будущее межкорейских отношений. В конце 2018 г. министерство образования РК совместно с министерством по делам объединения провели опрос, в котором приняли участие более 80 тыс. школьников и студентов. Исследование выявило, что по сравнению с 2017 г. в разы сократилось число молодых людей, воспринимающих Северную Корею как врага. Таковых оказалось всего 5,2%, в то время как в 2017 г. их было 41%. Одновременно выросло число тех, кто видит в Северной Корее партнера по сотрудничеству [13].

На фоне активизации межкорейского диалога резко подскочил рейтинг Мун Чжэ Ина. В апреле 2018 г. показатель одобрения его деятельности находился на уровне 70%, что свидетельствовало о наличии в южнокорейском обществе серьезного запроса на улучшение отношений с КНДР.

Вместе с тем стоит признать, что Пхеньянский саммит и подписанное на нем Военное соглашение стали наивысшей ступенью, на которую смог подняться Мун Чжэ Ин в продвижении межкорейских связей. Дальнейшие шаги в этом направлении без одобрения Вашингтона были невозможны. В сложившейся ситуации прогресс в двусторонних отношениях напрямую зависел от

того, насколько успешны будут попытки Сеула убедить Вашингтон сменить тактику в отношении Северной Кореи и перейти от политики давления к практике конструктивного диалога.

Посредничество как способ балансирования

За роль посредника в отношениях КНДР и США Мун Чжэ Ин активно взялся как только появились первые признаки разрядки напряженности в межкорейских делах. Во время зимней Олимпиады Сеул предпринял попытку организовать встречу представителей двух стран, однако тогда стороны к ней оказались не готовы. Для США это была слишком резкая и кардинальная смена позиций, а Северная Корея и вовсе не желала смещать акцент с межкорейских отношений на отношения КНДР–США. Глава Североамериканского департамента МИД КНДР Чо Ён Сам заявил, что северокорейская делегация «не намерена встречаться» с представителем США. «Мы никогда не просили диалога с США, и наша позиция останется неизменной в будущем... Мы не стремимся использовать спортивное мероприятие в политических целях» [14]. С похожими заявлениями выступила и пресс-секретарь Госде-

партамента США Хизер Науэрт, подтвердив, что Вашингтон не планирует встречи с представителями Северной Кореи «во время Олимпийских игр или после них».

На первом этапе главной задачей Мун Чжэ Ина, как посредника в отношениях КНДР и США, было прекращение конфронтации и начало диалога между Вашингтоном и Пхеньяном. Успешное решение этой задачи открыло возможности для проведения сингапурского саммита Трампа и Кима, который не только сыграл важную роль в нормализации американо-северокорейских контактов, но и стал благоприятным фоном для межкорейского сближения. После Сингапура, открывшего новый этап в отношениях и давшего старт активному переговорному процессу, перед президентом Муном встала другая, более сложная задача: сгладить противоречия, сократить разрыв в позициях США и Северной Кореи, чтобы стороны могли осуществлять эффективный диалог. Несмотря на то, что Вашингтон продолжал жестко придерживаться требований: сначала денуклеаризация КНДР, а затем ослабление санкций и предоставление гарантий режиму, Мун Чжэ Ин пытался убедить Белый дом смягчить тактику и согласиться на более реалистичный вариант – поэтапная денуклеаризация КНДР и ответные синхронные меры со стороны США.

Активные посреднические усилия Муна были поддержаны Пхеньяном (хотя СМИ КНДР не упускали случая упрекнуть Сеул в чрезмерной зависимости от «иностранного влияния»). Центральный печатный орган ЦК ТПК газета «Нодон Синмун» писала: «Высказывание одного из представителей иностранной прессы о том, что успешное осуществление проектов межкорейского сотрудничества зависит от мужества и усердия южнокорейских властей, в то время как США становятся основным препятствием для межкорейских отношений, совершенно верно» [15].

Действительно, стараниями новой либеральной администрации РК связи Севера и Юга заметно оживились. В течение 2018 г. стороны провели 36 встреч и приняли 23 соглашения, открыли межкорейский офис связи, осуществили совместное обследование железных и автомобильных дорог, возобновили сотрудничество в области лесного хозяйства и здравоохранения. Впервые за три года состоялись встречи разлученных семей, а объединенные корейские команды выступили на нескольких международных спортивных соревнованиях. И, конечно, важнейшим достижением стало налаживание эффективного взаимодействия между военными Северной и Южной Кореи.

Далеко не так успешно продвигался американо-северокорейский диалог. Позиции Вашингтона и Пхеньяна все также кардинально расходились, кроме того, администрация Трампа стала выражать обеспокоенность слишком быстрым сближением Севера и Юга, заявляя, что прогресс в межкорейских отношениях не должен опережать процесс денуклеаризации. И хотя к середине 2018 г. КНДР уже предприняла серьезные шаги в направлении разоружения (ввела мораторий на ядерные испытания и ракетные запуски, демонтировала полигоны Сохэ и Пхунгери), Соединенные Штаты называли все эти действия недоста-

точными. Белый дом, столкнувшись после сингапурского саммита с резкой критикой своей «слишком уступчивой позиции», ужесточил риторику, заявив, что никакой декларации об окончании войны на Корейском полуострове не будет, пока Пхеньян не предоставит полный список своих ядерных объектов и оружия. Резкая ответная реакция Северной Кореи привела к свертыванию американо-северокорейских переговоров, и уже в июле 2018 г. в отношениях между США и КНДР вновь стали проявляться признаки конфронтации. В одночасье оказались фактически перечеркнуты все предыдущие достижения сторон, и Мун Чжэ Ину пришлось снова почти с нуля начинать свою миссию по примирению Вашингтона и Пхеньяна, только уже в более сложных условиях.

Межкорейские связи набирали обороты, и чем активнее они развивались, тем сильнее становилось давление на Сеул как США, так и Северной Кореи. Вашингтон требовал, чтобы сближение Севера и Юга не опережало денуклеаризацию, а шло вслед за ней. Со своей стороны Пхеньян настаивал на последовательном выполнении всех пунктов Пханмунджомской декларации, предусматривающих активное развитие двусторонних связей, вне зависимости от результативности переговоров Северной Кореи и США.

Мун Чжэ Ин оказался в непростой ситуации, требовавшей от него постоянного лавирования и балансирования между интересами двух непримиримых соперников. В попытках сблизить позиции Пхеньяна и Вашингтона, склонить их к компромиссам и уступкам, Мун старался поддерживать и ту и другую сторону, чем постепенно стал вызывать раздражение обоих партнеров. Недовольство Сеулом усилилось после третьего межкорейского саммита (сентябрь 2018 г.). Подписание Военного соглашения между КНДР и РК вызвало негодование Вашингтона, и Южной Корее пришлось умерить свой энтузиазм, что, в свою очередь, крайне возмутило Ким Чен Ына. В такой ситуации Мун Чжэ Ину становилось все сложнее поддерживать свой авторитет посредника в диалоге США и КНДР, тем более что он не имел реальных рычагов влияния ни на Пхеньян, ни на Вашингтон. Но, несмотря на это, посредничество в американо-северокорейском диалоге продолжало оставаться одним из приоритетных направлений дипломатии Муна, поскольку от него во многом зависело будущее межкорейских отношений.

В Сеуле прекрасно осознавали: Пхеньян не приступит к следующему этапу денуклеаризации, пока США не начнут предпринимать ответные дружественные шаги. Северная Корея ждала, что Соединенные Штаты внесут действенный вклад в разблокирование тех проблем Корейского полуострова, к которым непосредственно причастны, это, прежде всего, санкции в отношении КНДР и мирный договор об окончании Корейской войны (1950–1953). Мун Чжэ Ин придерживался схожей позиции. Он считал, что достижение договоренностей по вопросам мира и санкций может стимулировать Пхеньян к дальнейшему разоружению и сыграть решающую роль в ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове,

поэтому на них были сосредоточены основные усилия южнокорейской дипломатии.

Мирный договор. Этот вопрос ждет своего решения уже более 65 лет, с тех пор, как по окончании Корейской войны 1950–1953 гг. Южная Корея отказалась подписывать соглашение о перемирии³. Корейская оттепель создала благоприятные условия и открыла новые возможности для реализации мирных инициатив. На первой встрече Ким Чен Ына и Мун Чжэ Ина стороны не только признали необходимость подписания мирной декларации, но и пришли к общему мнению, что она должна стать предпосылкой к созданию безъядерной зоны на Корейском полуострове, таким образом увязав денуклеаризацию КНДР с подписанием мирного договора.

Однако внутри Южной Кореи идея заключения мира не получила однозначной поддержки. Против него выступают консерваторы, чья идеология довольно популярна в обществе. Они не признают никаких договоров с Северной Кореей, основываясь на тезисе, что северокорейский режим – незаконный. Данное положение записано и в конституции РК, поэтому, даже в случае подписания мирной декларации, любая попытка провести ее через законодательный орган неизбежно вызовет волну протестов, а возможно, и спровоцирует конституционный кризис.

Серьезной проблемой для президента Муна является то, что инициативу подписания мирного договора с КНДР не поддерживают Соединенные Штаты, которые опасаются, что он может подорвать основы альянса США–РК, возникшего в результате Корейской войны и долгие годы оправдывавшего свое существование северокорейскими угрозами. Мун Чжэ Ин приложил немало усилий, чтобы убедить Белый дом, что мирная декларация – это всего лишь политическое заявление, и ее подписание не повлечет за собой таких серьезных последствий, как вывод или сокращение американских войск в Корее, и уж тем более, не нарушит крепость альянса Южной Кореи с США. Кроме того, в качестве веского довода президент Мун использовал аргумент, что декларация об окончании войны, также как ослабление санкций – это такие меры, которые могут быть отменены в любое время [16].

Сеул старался использовать любые возможности и различные площадки для решения вопроса о мирном договоре, в частности, выступил с инициативой подписать его на четырехсторонней основе – США, КНР, КНДР, РК на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2018 г. Накануне в августе администрация Мун Чжэ Ина обратилась с предложением в Белый дом. В очередной раз инициатива не была поддержана, но на этот раз она вызвала неожиданную реакцию Пхеньяна. Не успела закрыться 73-я сессия Генассамблеи, как 1 октября Северная Корея заявила, что «не будет особенно добиваться подписания декларации об окончании войны, если Соединенные Штаты этого не хотят». Главное информационное агентство Северной Кореи (KCNA) опубликовало материал, в котором говорилось, что прекращение войны в Корее отвечает интересам всех стран, и декларация об ее окончании

«никогда не станет разменной монетой» для денуклеаризации Северной Кореи [17].

Таким образом, рассеялись последние надежды претворить в жизнь одно из положений Пханмунджомской декларации и подписать договор об окончании Корейской войны в течение 2018 г. После заявлений Пхеньяна все дальнейшие усилия Южной Кореи по продвижению мирного договора были заранее обречены на неудачу. Мун Чжэ Ину ничего не оставалось, как принять случившееся и сохранять веру, что в будущем сложатся более благоприятные обстоятельства для реализации мирных инициатив. В интервью Би-би-си 12 октября 2018 г. он сказал: «Декларация об окончании войны – лишь вопрос времени, и я считаю, что это неизбежно произойдет» [18].

Санкции в отношении КНДР. Для Сеула эта проблема является более важной и чувствительной, чем проблема мирного договора. Экономическая блокада ООН и США Северной Кореи, продолжает оставаться главной помехой в развитии межкорейских связей. Санкции остановили все проекты экономического сотрудничества, среди которых упомянутые в Пхеньянской декларации Кэсонский технопарк, туристический комплекс в горах Кымгансан, соединение железных и автомобильных дорог. Без экономического взаимодействия все шаги в области гуманитарного сотрудничества (культура, спорт и др.), которые пытаются предпринимать Север и Юг, превращаются исключительно в символические жесты.

После того, как в октябре 2018 г. Пхеньян сместил приоритеты в переговорах и, отказавшись от попыток добиваться подписания мирной декларации, сконцентрировался на вопросе отмены санкций, южнокорейская дипломатия сосредоточила все свои усилия на том, чтобы также убедить Вашингтон ослабить жесткий санкционный режим в отношении КНДР. В своей тактике убеждений Сеул использовал два основных довода. Один из них – уже упомянутый тезис, что после частичного разоружения, которое провел Пхеньян в 2018 г., логично было бы также частично снять санкции с Северной Кореи, чтобы стимулировать ее на дальнейшие шаги по денуклеаризации. Другой довод Мун Чжэ Ина сводился к тому, что активное развитие межкорейских экономических связей (которое возможно только в случае смягчения санкций) способно стать движущим фактором денуклеаризации, поскольку может более действенно повлиять на северокорейский режим, чем экономическая блокада.

Однако Вашингтон продолжал придерживаться позиции максимального давления на КНДР, что подталкивало правительство Мун Чжэ Ина к поиску обходных путей. В южнокорейской прессе периодически появлялась информация, что в соответствующих министерствах обсуждаются вопросы отмены ограничений в отношении сотрудничества с Северной Кореей. В январе 2019 г. министр иностранных дел РК Кан Гён Хва заявила, что Сеул изучает возможности восстановления двух «важнейших для правительства межкорейских проектов» – промышленного комплекса Кэсон и туризма в Кымгансан. Она, в частности, упомянула, что рассматриваются различные варианты выплаты заработной платы рабочим технопарка

Кэсон в натуральной форме, что позволит восстановить деятельность производств, не нарушая международных санкций, запрещающих большой оборот наличных средств [19]. Но все попытки руководства РК обойти санкционный режим оказывались безуспешными. Без одобрения США Сеул не способен продвинуть ни один межкорейский проект, даже такой нейтральный, как туристические поездки в горы Кымгансан, который формально не попадает под санкции ООН.

Между тем большинство южнокорейцев одобряют развитие экономического сотрудничества с КНДР. Согласно опросу, проведенному Консультативным советом по национальному объединению (NUAC) в ноябре 2018 г., 64% респондентов согласились с тем, что в интересах достижения полной денуклеаризации санкции должны быть ослаблены [20].

2019 г.: тупик или надежды на будущее

2019 г. стал большим испытанием для президента Муна и его политики в отношении Корейского полуострова. Несмотря на то, что были достигнуты устойчивые результаты в снижении региональной напряженности, в начале года стали отчетливо проявляться признаки снижения динамики межкорейских связей. В Северной Корее нарастало недовольство Мун Чжэ Ином и его неспособностью добиться прогресса в решении ключевых проблем – мирного договора и санкций. Принципиальные разногласия Пхеньяна и Вашингтона относительно трактовки понятия «денуклеаризация» и нежелание США идти на ответные уступки КНДР делали практически невыполнимой посредническую миссию Муна, которая и без того была осложнена воздействием множества разнородных и противоречивых факторов. Выстраивая свою политику, Мун Чжэ Ин старался казаться надежным и искренним партнером для Ким Чен Ына, одновременно пытаясь сохранять на прежнем уровне союзнические отношения с США и подыгрывая внутренней оппозиции, критика которой усиливалась на фоне ухудшения ряда социально-экономических показателей Южной Кореи. Однако следование этой тактике лишь усиливало давление на Муна и связывала его действия.

Большие надежды на изменение ситуации к лучшему, президент РК возлагал на саммит США–КНДР в Ханое (27–28 февраля 2019 г.), ожидая от него прорыва не только в американо-северокорейском диалоге, но и в межкорейских отношениях. Советник президента РК по вопросам объединения, международным делам и национальной безопасности Мун Чжон Ин в преддверии встречи в верхах заявлял: «...в отличие от соглашений, достигнутых Трампом и Кимом в июне прошлого года в Сингапуре, которые состояли из неопределенных формулировок и обязательств в отношении денуклеаризации Севера, предстоящая встреча Трампа и Кима даст точное представление, как будет осуществляться денуклеаризация и какими должны быть взаимные шаги» [21].

Наблюдая за активной подготовкой спецпредставителей США и КНДР к ханойскому саммиту, Сеул

тщательно просчитывал возможности принять в нем участие. В случае готовности Трампа и Ким Чен Ына подписать декларацию об окончании войны на Корейском полуострове, Мун Чжэ Ин мог присоединиться к ним и, превратив двухсторонний саммит в трехсторонний, стать одним из подписантов документа. Такие же планы у лидера РК были и на первую американо-северокорейскую встречу в июне 2018 г.

Ханойский саммит Д. Трампа и Ким Чен Ына завершился досрочно, ее итог, реакция заинтересованных сторон и мирового сообщества известны. Стороны не пришли к взаимному согласию по снятию санкций с КНДР, а также разошлись в понимании формулировок денуклеаризации. Казалось, можно было констатировать полный провал переговоров, что поторопились сделать ряд экспертов-международников и СМИ, однако официальный Сеул и по сей день демонстрирует оптимизм и категорически не соглашается с утверждениями, что наиболее пострадавшей стороной в неудавшемся диалоге Трампа и Кима является Мун Чжэ Ин. «Ханойский синдром» не повлиял на намерения Муна. Он по-прежнему заявляет, что его основной задачей остается содействие Трампу и Ким Чен Ыну в переговорном процессе, одновременно подчеркивая свою приверженность курсу на развитие диалога с Северной Кореей, мирное объединение и создание безъядерной зоны на Корейском полуострове.

Оптимистичный настрой Мун Чжэ Ина во многом оправдан. Что касается самого саммита, то, несмотря на отсутствие итогового соглашения, он стал хорошим уроком того, как следует вести переговоры с Пхеньяном, который оказался партнером жестким и неуступчивым. Встреча в Ханое продемонстрировала, что тактика давления и ультиматумов в случае с КНДР не действует, а решения по сложным вопросам ядерного разоружения северокорейская сторона будет принимать только на основании тщательно проработанных и заранее согласованных документов. При этом Ханойский саммит не поставил точку в переговорном процессе. Стороны, скорее взяли тайм-аут, чтобы с учетом полученного опыта выстроить более эффективную тактику. Ни США, ни КНДР, ни РК не отказали от диалога, а значит, сохраняется возможность возобновления переговоров Трампа и Ким Чен Ына при посредничестве Мун Чжэ Ина.

Правда сейчас такой сценарий может показаться маловероятным. Ким Чен Ын не скрывает своего раздражения отсутствием прогресса в решении ключевых проблем полуострова, и основной вектор его недовольства сейчас направлен на Сеул. После безрезультативной встречи в Ханое Пхеньян заморозил все контакты с Югом, подчеркнуто проигнорировал годовщину апрельского саммита в Пханмунджоме (на праздновании отсутствовали не только официальные лица, не было даже артистов из Северной Кореи) и демонстративно отказался от гуманитарной помощи, выделенной РК. С мая этого года КНДР возобновил ракетные испытания, которые в последнее время проводятся чуть ли не еженедельно. А что касается Мун Чжэ Ина, то северокорейская сторона недвусмысленно дала понять,

что не нуждается в его посреднических услугах. Как заявил руководитель североамериканского департамента МИД КНДР Квон Чжон Гун, переговоры КНДР и США являются делом этих двух стран, и южнокорейским властям «нечего вмешиваться в диалог» [22].

Между тем сложно представить, чтобы обсуждение проблем Корейского полуострова происходило без участия Южной Кореи. Также маловероятно, что США и КНДР смогут договориться друг с другом, не прибегая к помощи Сеула. Оставаясь на вторых ролях, Мун Чжэ Ин немало сделал для того, чтобы поднять авторитет КНДР. Во многом его усилиями было сформировано более позитивное восприятие Ким Чен Ына мировым сообществом, за что южнокорейская оппозиция прозвала Муна «верным представителем Ким Чен Ына». Именно либеральный курс нынешнего президента создал благоприятные условия для активизации межкорейских отношений, что открыло возможности для снижения военной напряженности на Корейском полуострове и дало старт диалогу КНДР–США. И, наконец, до сих пор как раз тесный контакт Сеула с Вашингтоном позволяет сохранять фундамент для переговоров по денуклеаризации.

Без Сеула Соединенные Штаты вряд ли будут проявлять особое рвение в урегулировании проблем Корейского полуострова, тем более сложно представить, чтобы Вашингтон прислушался к аргументам североамериканского руководства и пошел ему на уступки. Уступки вообще не являются характерной чертой американской политики, но что касается Южной Кореи – важного военно-политического союзника, значимость которого заметно возрастает сейчас, на фоне усиления конфронтации США с Китаем, – то к ее мнению Белый дом хотя бы прислушивается. И уж если Вашингтон решится пойти на компромисс, то никак не под давлением Северной Кореи, а скорее, под влиянием уговоров Сеула и дополнительных гарантий и предпочтений с его стороны.

В этой связи заявления Ким Чен Ына и его порыв сбросить со счетов Южную Корею, оставив ее за бортом переговорного процесса, представляются, по меньшей мере, недальновидными. Демонстративные выпады Пхеньяна в сторону южного соседа можно объяснить либо всплеском эмоциональности, спровоцированным безрезультатностью прилагаемых усилий, либо, что более вероятно, попыткой использовать тактику жесткого давления на Сеул, в расчете подтолкнуть Мун Чжэ Ина к более решительным действиям. В любом случае такое обострение слишком долго не продержится. Как только эмоции улягутся, и станет очевидно, что прессинг не дает результата, стороны снова пойдут на сближение. Развитие межкорейских отношений было и останется

важнейшей внешнеполитической задачей как Сеула, так и Пхеньяна и основой для решения всех проблем Корейского полуострова. А активная вовлеченность Соединенных Штатов в дела региона неизбежно выведет переговоры на трехсторонний формат. И либеральный курс Мун Чжэ Ина, нацеленный на диалог с Северной Кореей, и максимальное содействие налаживанию контактов между США и КНДР еще не раз подтвердят свою состоятельность.

Заключение

В целом деятельность Мун Чжэ Ина по трансформации межкорейских отношений и содействию переговорному процессу между США и КНДР заслуживает оценки исторической значимости. Межкорейская «оттепель», ставшая важнейшим внешнеполитическим достижением президента РК, способствовала прогрессу в отношениях Севера и Юга и отодвинула угрозу ядерного коллапса в регионе. Однако создание устойчивого мира на Корейском полуострове – гораздо более длительный процесс, и его успех зависит от множества факторов, в том числе, и сложнопрогнозируемых.

Либеральная администрация президента Муна, в отличие от своих консервативных предшественников, не рассчитывает на скорый крах КНДР и не торпедирует объединение страны на своих условиях. Северокорейцы это ценят и в ответ согласны на определенные компромиссы. Если бы не сохраняющаяся ядерная проблема, то Мун Чжэ Ин и Ким Чен Ын давно бы могли договориться о гарантиях взаимной безопасности и начать сотрудничать в масштабах не меньших, чем в период «либерального десятилетия» начала XXI в. Впрочем, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств Сеулу вряд ли удалось полностью избавиться от конфронтации и недоверия в отношении Северной Кореи.

Курс на диалог, продвигаемый Мун Чжэ Ином, – самый действенный способ урегулировать проблемы и снизить напряженность, но переговоры ради переговоров не могут длиться вечно. Сегодня существует реальная угроза, что переговорный процесс перейдет в состояние глубокой стагнации и примет очертания «окопной войны». Не допустить этого – главная задача Муна до конца его президентского срока. Несмотря на серьезное сопротивление со стороны внешних (Вашингтон с его жесткой позицией в отношении КНДР) и внутренних (южнокорейская оппозиция) оппонентов, он продолжит свой курс на активизацию межкорейского диалога, используя весь арсенал (впрочем, довольно ограниченный) имеющихся у него средств и отдавая предпочтение «личной дипломатии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имя Ким Ён Чхоль внесено в санкционный список Сеула и Вашингтона. Считается, что в 2010 г. он принимал участие в организации двух атак в отношении Юга: нападения подводной лодки ВМС КНДР на корвет ВМС РК «Чхонан» в Жёлтом море, в результате которого погибли 46 южнокорейских моряков, и обстрел острова Ёнпхэндо, повлекший гибель четырех человек, в том числе двух гражданских.

² Ливия с 2004 г. начала вывозить в США свое оборудование для ядерного оружия в обмен на нормализацию отношений с США и ослабление экономических санкций.

³ Свои подписи под соглашением о перемирии поставили только представители КНДР и ОО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Мун Чжэ Ина по случаю 72-й годовщины освобождения страны. 15 августа 2017 г. URL: https://www.unikorea.go.kr/board/file/bbs_000000000000043/47362/FILE_00000000015268/2018041009291397075.jsessionid=PGAn5nNTsSw9MG0d1bwZi518.unikorea11 (дата обращения: 14.04.2019).
2. Новый шаг к пути мира. Межкорейский саммит. 2018. URL: http://russian.korea.net/FILE/pdfdata/2018/04/2018_inter-korean_summit_RU.pdf (дата обращения: 07.06.2019).
3. Новогодняя речь товарища Ким Чен Ына. 1 января 2018 г. URL: <https://rkrp-rpk.ru/2018/01/07/новогодняя-речь-товарища-ким-чен-ына/> (дата обращения: 05.04.2019).
4. Trump to follow up on inter-Korean talks. The Korea Times. 11.01.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/04/356_242271.html (accessed: 15.01.2018).
5. [Editorial] US showing signs of shifting to dialogue with North Korea. Hankyoreh. 29.01.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/829879.html (accessed: 01.02.2018).
6. NK-US dialogue essential for inter-Korean summit. The Korea Times. 11.02.2018. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/03/356_244007.html (accessed: 15.02.2018).
7. 73% of South Koreans welcome North's peace overtures, skeptical of its commitment. The Korea Times. 13.03.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/03/103_245465.html (accessed: 14.03.2018).
8. President Moon offers methodology for the denuclearization of North Korea. Hankyoreh. 28.02.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/834098.html (accessed: 05.03.2018).
9. Implementation of Panmunjeom Declaration will be a challenge. Hankyoreh. 28.04.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/842508.html (accessed: 06.05.2018).
10. Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (accessed: 06.07.2019).
11. Examining inter-Korean relations 200 days after Panmunjom Declaration. Hankyoreh. 08.11.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/870329.html (accessed: 10.11.2018).
12. 65% of South Koreans trust Kim Jong-un's denuke pledge. The Korea Times. 30.04.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/05/356_248198.html (accessed: 06.05.2018).
13. [Graphic News] Poll shows fewer S. Korean students see N. Korea as enemy. The Korea Herald. 13.02.2019. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190213000762> (accessed: 17.02.2019).
14. N. Korea says won't beg for talks with US. The Korea Times. 08.02.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/02/103_243835.html (accessed: 09.02.2018).
15. North Korean press criticizes US for hampering progress in inter-Korean relations. Hankyoreh. 05.09.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/860807.html (accessed: 10.09.2018).
16. [News analysis] 2nd NK-US summit likely to depend on US corresponding measures. Hankyoreh. 27.09.2018. Available at: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/863574.html (accessed: 09.02.2018).
17. (LEAD) North Korea says war's end can't be bargaining chip for denuclearization: KCNA. Yonhap. 02.10.2018. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20181002000352315> (accessed: 03.10.2018).
18. North Korea's demands shifting from end-of-war declaration to easing of UN sanctions. Hankyoreh. 17.10.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/866221.html (accessed: 20.10.2018).
19. S. Korean official expresses need to find indirect way of reopening Kaesong Industrial Complex. Hankyoreh. 12.01.2019. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/878127.html (accessed: 15.01.2019).
20. 64% of South Koreans agree to relaxing sanctions on North Korea. Hankyoreh. 28.11.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/872195.html (accessed: 29.11.2018).
21. NK promises to destroy all uranium facilities. The Korea Times. 01.02.2019. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/02/103_263093.html (accessed: 06.02.2019).
22. N. Korean foreign ministry names 3 conditions for denuclearization negotiations to resume. Hankyoreh. 28.06.2019. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/899763.html (accessed: 01.07.2019).

Статья представлена научной редакцией «История» 22 ноября 2019 г.

President Moon Jae-in's Policy on the Settlement of the Inter-Korean Relations: Searching for a Balance between the Desirable and the Possible

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 107–117.

DOI: 10.17223/15617793/466/13

Valery Yu. Mishin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: uran_mishin@mail.ru

Anna V. Simonenok, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: asimonenok@yandex.ru

Keywords: inter-Korean relations; politics of Moon Jae-in; inter-Korean summits; denuclearization; Korean Peninsula.

Moon Jae-in came to power in May 2017 in the wake of the Korean political crisis and impeachment of the previous president Park Geyn-hye. Since the very first days of his leadership President Moon has set a course for a sequential transformation of the inter-Korean relations and prevention of the nuclear crisis on the Korean Peninsula. The cornerstone of his program was the idea that the denuclearization of North Korea and the establishment of the long-lasting peace on the Korean Peninsula is possible provided that the North–South relations are normalized and Pyongyang is involved into the constructive peaceful dialogue. The authors demonstrate how Moon Jae-in was able to start the renaissance in the inter-Korean relations. He used the experience of the previous liberal governments of the Republic of Korea and successfully developed and enhanced the famous Sunshine Policy with his own ideas. The first stage of Moon Jae-in's presidency was marked with some serious foreign policy achievements. Thanks to the tactic of “summit diplomacy” President Moon was able to achieve significant reduction in tensions on the Korean Peninsula, which resulted in the fact that relations between the North and the South became more friendly and trustworthy. The historical documents signed during these summits – the Panmunjom Declaration (April 2018) and the Comprehensive Military Agreement (September 2018) – and their fast practical implementation can also be considered as President Moon's success. Further advancement of Moon Jae-in's course for building positive relationships with the DPRK faced serious obstruction from the United States. The authors show how simultaneously with settlement of inter-Korean relations President Moon had to deal with another difficult task – neutralization of the external

factors (US sanctions and disagreements between Washington and Pyongyang) that were harmful for the development of the North Korea–South Korea relations. The tactics of being a mediator between the United States and North Korea chosen by Moon Jae-in was quite efficient in the beginning. The blatant enemies – Pyongyang and Washington – clamped down on their confrontation and sat at the negotiating table. However, the intransigence of Washington on the issue of a gradual and phase-based denuclearization of North Korea and withdrawal of sanctions altogether with the non-constructive criticism of the South Korean opposition made Moon Jae-in a hostage of the situation, limiting his potentially independent and substantive steps in foreign policy. Meanwhile, the authors of the research have come to the conclusion that on some issues President Moon was able to achieve much more than his predecessors. Despite the fact that he was unable to achieve a full-scaled settlement of the inter-Korean relations he did everything possible under the existing circumstances. Nowadays one can say that the challenges of the North Korean nuclear missile program and security on the Korean Peninsula are no longer entirely military topics, they are even more likely to be diplomatic issues. This fact is undoubtedly his great accomplishment. Thus, it is possible to foresee good perspectives for the further declining level of the regional tensions and for the development of the inter-Korean relations.

REFERENCES

1. Moon Jae-in. (2017) *Vystuplenie Mun Chzhe Ina po sluchayu 72-y godovshchiny osvobodzheniya strany. 15 avgusta 2017 g.* [Moon Jae-in's Speech on the Occasion of the 72nd Anniversary of the Liberation of the Country, August 15, 2017]. [Online] Available from: https://www.unikorea.go.kr/board/file/bbs_000000000000043/47362/FILE_00000000015268/2018041009291397075.jsessionid=PGAn5nNTsSw9MG0d1bwZt518.unikorea11 (Accessed: 14.04.2019).
2. Russian.korea.net. (2018) *Novyy shag k puti mira. Mezhekoreyskiy sammit. 2018 g.* [A New Step towards the Peace. Inter-Korean Summit 2018]. [Online] Available from: http://russian.korea.net/FILE/pdfdata/2018/04/2018_inter-korean_summit_RU.pdf (Accessed: 07.06.2019).
3. Kim Jong-un. (2018) *Novogodnyaya rech' tovarishcha Kim Chen Yna. 1 yanvarya 2018 goda.* [Comrade Kim Jong-un's New Year's Speech. January 1, 2018]. [Online] Available from: <https://rkrp-rpk.ru/2018/01/07/novogodnyaya-rech'-tovarishcha-kim-chen-yna/> (Accessed: 05.04.2019).
4. *The Korea Times.* (2018) Trump to follow up on inter-Korean talks. [Online] Available from: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/04/356_242271.html (Accessed: 15.01.2018).
5. *Hankyoreh.* (2018) US showing signs of shifting to dialogue with North Korea. 29.01.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/829879.html (Accessed: 01.02.2018).
6. *The Korea Times.* (2018) NK-US dialogue essential for inter-Korean summit. 11.02.2018. [Online] Available from: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/03/356_244007.html (Accessed: 15.02.2018).
7. *The Korea Times.* (2018) 73% of South Koreans welcome North's peace overtures, skeptical of its commitment. 13.03.2018. [Online] Available from: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/03/103_245465.html (Accessed: 14.03.2018).
8. *Hankyoreh.* (2018) President Moon offers methodology for the denuclearization of North Korea. 28.02.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/834098.html (Accessed: 05.03.2018).
9. *Hankyoreh.* (2018) Implementation of Panmunjeom Declaration will be a challenge. 28.04.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/842508.html (Accessed: 06.05.2018).
10. Mofa.go.kr. (2018) *Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula.* [Online] Available from: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (Accessed: 06.07.2019).
11. *Hankyoreh.* (2018) Examining inter-Korean relations 200 days after Panmunjom Declaration. 08.11.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/870329.html (Accessed: 10.11.2018).
12. *The Korea Times.* (2018) 65% of South Koreans trust Kim Jong-un's denuke pledge. 30.04.2018. [Online] Available from: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/05/356_248198.html (Accessed: 06.05.2018).
13. *The Korea Herald.* (2019) [Graphic News] Poll shows fewer S. Korean students see N. Korea as enemy. 13.02.2019. [Online] Available from: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190213000762> (Accessed: 17.02.2019).
14. *The Korea Times.* (2018) N. Korea says won't beg for talks with US. 08.02.2018. [Online] Available from: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/02/103_243835.html (Accessed: 09.02.2018).
15. *Hankyoreh.* (2018) North Korean press criticizes US for hampering progress in inter-Korean relations. 05.09.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/860807.html (Accessed: 10.09.2018).
16. *Hankyoreh.* (2018) [News analysis] 2nd NK-US summit likely to depend on US corresponding measures. 27.09.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/863574.html (Accessed: 09.02.2018).
17. *Yonhap.* (2018) (LEAD) North Korea says war's end can't be bargaining chip for denuclearization: KCNA. 02.10.2018. [Online] Available from: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20181002000352315> (Accessed: 03.10.2018).
18. *Hankyoreh.* (2018) North Korea's demands shifting from end-of-war declaration to easing of UN sanctions. 17.10.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/866221.html (Accessed: 20.10.2018).
19. *Hankyoreh.* (2019) S. Korean official expresses need to find indirect way of reopening Kaesong Industrial Complex. 12.01.2019. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/878127.html (Accessed: 15.01.2019).
20. *Hankyoreh.* (2018) 64% of South Koreans agree to relaxing sanctions on North Korea. 28.11.2018. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/872195.html (Accessed: 29.11.2018).
21. *The Korea Times.* (2019) NK promises to destroy all uranium facilities. 01.02.2019. [Online] Available from: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/02/103_263093.html (Accessed: 06.02.2019).
22. *Hankyoreh.* (2019) N. Korean foreign ministry names 3 conditions for denuclearization negotiations to resume. 28.06.2019. [Online] Available from: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/899763.html (Accessed: 01.07.2019).

Received: 22 November 2019

А. Плате

ОБЪЯСНИТЬ, «КАК ... НА САМОМ ДЕЛЕ ФУНКЦИОНИРУЕТ ПОЛИТИКА»: НЕМЕЦКИЙ ИСТОРИК ВОЛЬФГАНГ РАЙНХАРД, ТЕОРИЯ ПЕРЕПЛЕТЕНИЙ И МИКРОПОЛИТИКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда по теме «Неформальные связи в контексте государственного управления в России XVIII в.: административные стратегии и социальные практики» (соглашение № 18-78-10093).

Рассматривается теория переплетений (Verflechtungstheorie), разработанная немецким историком В. Райнхардом в 1970-е гг. для освещения взаимодействия элит в политике Раннего Нового времени. Приведены определение концепции, ее теоретические послышки и предполагаемые поля применения. Анализируются история ее развития, возникавшие с рецепцией затруднения, а также обусловленные этим понятийные и содержательные модификации. Дается оценка вклада теории переплетений в изучение неформальных отношений.

Ключевые слова: Вольфганг Райнхард; теория переплетений; микрополитика; патрон-клиентские отношения; сетевой анализ; социальная история; историография.

«Почти половину века меня занимает проблема “как... на самом деле функционирует политика”». Такое необычное для того времени название Вольфганг Райнхард выбрал для пробной лекции в Аугсбургском университете в 1978 г. К этим же словам Райнхард вернулся в своей последней работе 2017 г., подытоживавшей его научные труды, в том числе в области применения сетевого анализа в исторических исследованиях [1. С. 273].

Международное признание В. Райнхард, «самый непровинциальный из всех немецких историков» (Ю. Остерхаммель) [2. С. 32] получил, прежде всего, как представитель «глобальной истории» («global history»), опубликовавший с начала 1980-х гг. серию работ о колониализме, европейской экспансии и сравнительной конституционной истории Европы [3–6]. В то же время в немецкоязычном пространстве специалист по истории Раннего Нового и Нового времени, возглавивший соответствующие кафедры в университетах Аугсбурга (1978–1990 гг.) и Фрайбурга (1990–2002 гг.), не менее известен своими более ранними работами. Уже в конце 1960-х гг. В. Райнхард понимал скрывающийся в методе сетевого анализа потенциал для исторических исследований. В 1979 г. появилась монография Райнхарда «“Друзья и креатуры”: “Переплетения” как концепция для изучения исторических элит; Римская олигархия в 1600 г.». – полностью переработанная версия концептуальной главы, защищенной им в 1973 г. во Фрайбургском университете докторской диссертации «Семья и клиента I» (Familie und Klientel, Bd. 1) [7]. В этой работе ученый впервые представил свою теорию *переплетений* (Verflechtungen) как концепцию для изучения элит на примере папского двора начала XVII в. [8].

Свое основное понятие *переплетения* Райнхард заимствовал из социальной антропологии. По его мнению, ни классовая теория, ни концепции элит не могли объяснить до конца природу доминирующих социальных слоев или групп, равно как и способы пополнения их новыми членами. Более того, историк считал необходимым дополнительно рассмотреть конкретные взаимодействия исторических акторов до и во время принад-

лежности к той или иной элите, чтобы найти объяснение старому, но неизменно актуальному вопросу: почему такие дефицитные ресурсы, как «деньги, информация, помощь и привязанность или они все вместе» более доступны одним людям, нежели другим? [9. С. 50].

При разработке своей концепции Райнхард ориентировался на социометрию американского социолога Дж. Л. Морено и на ранние формы анализа социальных сетей (social network analysis) британской антропологии 1950–1960-х гг., а также опирался на опыт американских социологов второй половины 1970-х гг. [8. С. 19–23]. Относительно известных в то время математических методов он остановил свой выбор на таких метриках, как путьевое расстояние (path distance), плотность (density) и центральность (centrality). Кроме того, для визуализации структур межличностных отношений он привлек социоматрицы и социограммы [8. С. 25–29].

Понятие *переплетения* В. Райнхард определил как результат и одновременно исходную точку социального взаимодействия. Предложенная им модель основывалась на четырех типах взаимоотношений – родственных, земляческих и дружественных связях, а также на патрон-клиентских отношениях. Именно последние, по его мнению, играли главную роль в политике в Раннее Новое время. Однако в исторической действительности эти типы не всегда разделимы. Они подчас не проявляются в своей чистой форме и могут накладываться друг на друга, а доминирование того или иного типа взаимоотношений в разных констелляциях зависит от социального контекста и обусловливается позицией, занимаемой конкретным лицом в определенном поле деятельности. Основываются ли отношения на принципах взаимности и если да, то в какой степени, определяется, главным образом, культурными предпосылками. Вытекающие же из последних ожидания и обязательства служат связующими элементами для конституирования группы и поддерживают ее целостность во внутренних и внешних связях. При этом вид и качество обмена постоянно изменяют соотношение сил взаимодействующих персон [8. С. 35–41; 9. С. 49–50].

Согласно Райнхарду преимуществом теории *переплетений* является то, что анализ участия индивида в различных коммуникативных сетях позволяет взглянуть на его вертикальные и динамичные связи помимо горизонтального деления на классы и слои [8. С. 35–41; 9. С. 49–50].

Необходимо отметить, что на немецком языке понятие «*Verflechtungen*» (*переплетения*) звучало довольно непривычно в научном контексте. В связи с этим у его немецких читателей возникал вопрос: почему Райнхард не использовал в целом устоявшееся в социологии к этому времени понятие «*Netzwerk*», бывшее калькой английского «*network*» и означавшее совокупность всех отношений как единого целого? Так, Н. Элиас в своем знаменитом «Придворном обществе» пользовался словом «*Netzwerk*». Это был исключительно эстетический выбор: «дословный перевод “*Netzwerk*” меня вдохновлял» [9. С. 48]. Получалось, что Райнхард вводил в научный язык ряд своих авторских понятий, у которых существовали англоязычные синонимы. Однако в долгосрочной перспективе они не прижились. Языковые предпочтения, в значительной мере, диктуются духом времени. Как результат, в 1990-е гг. Райнхард отказался от таких своих понятий как, например, «*Büschel*» (пучок, клок) в пользу утвердившегося в международной науке термина «*cluster*». Более того, в поздних работах он стал писать «*Netzwerke*» вместо «*Verflechtungen*» и затем даже «*network*» [8. С. 29; 9. С. 48].

В. Райнхард, задав своей книжкой 1979 г. концептуальную рамку, предоставил ее апробацию своим ученикам, переключившись на исследования по другой проблематике. В работах его аугсбургских аспирантов и сотрудников, появившихся в первой половине 1980-х гг., изучалось, главным образом, значение олигархических *переплетений* для рекрутирования и активности социально-экономических элит в биконфессиональных верхнегерманских городах¹ в период между Реформацией и Тридцатилетней войной [10, 11]. С переходом Райнхарда во Фрейбург в 1990 г. сменился и предмет исследований. В центре внимания научных изысканий его учеников и сотрудников теперь находились *переплетения* в Папском государстве во время понтификата Павла V Боргезе (1605–1621 гг.) [12–14].

Применение теории *переплетений* на практике сопровождалось рядом затруднений. В начале В. Райнхард и его научный коллектив столкнулись, прежде всего, со сложностями технического характера, к которым позднее добавились концептуальные проблемы. Пять лет спустя после опубликования книги «Друзья и креатуры» Райнхард, выступая на посвященном патрон-клиентским отношениям коллоквиуме, которым руководил польский историк Антонин Мончак в Историческом Коллеге Мюнхена (*Historisches Kolleg München*), сетовал по поводу «незаконченного характера» его начинания. В связи с этим он даже надеялся получить советы от «собравшихся здесь экспертов для выяснения множества нерешенных вопросов» [9. С. 47].

Далее, в первое время из-за отсутствия высокомо-
щных компьютеров, способных произвести необ-

ходимые подсчеты и графическую визуализацию, пришлось сузить поле исследования. Когда же со второй половины 1990-х гг. необходимые технические решения стали доступны, возможность была упущена. Дело в том, что Райнхард и его сотрудники отказались от графической визуализации *переплетений*. При этом фрайбургские ученые, занимаясь исследованием взаимодействия элит в Папской области, столкнулись с ограничениями, связанными с источниковой базой. Ученые были вынуждены ограничиться анализом прошений и рекомендательных писем, а также инструментализации семейных связей с Папской курией. Как результат, они пролили свет лишь на часть сети взаимоотношений и не смогли раскрыть всей сложности *переплетений*.

Отметим, что тема патрон-клиентских отношений как целое стала разрабатываться в европейской исторической науке с 1970-х гг. Причины интереса к этой теме были различны. В качестве основных можно указать на два отчасти противоречивых момента: с одной стороны, кризис политической истории, способствовавший большей открытости для методов исследований «современных» социальных наук, с другой – кризис модернизационной парадигмы и марксизма, что привело к смене парадигмы в социальных науках. Эти изменения совпали в 1970-х гг. и привели, прежде всего в социологии, к появлению (социальной) антропологии и к исследованиям малых социальных групп и территориальных единиц, акцент в которых ставился не на сословных или классовых признаках, но, прежде всего, на вертикальных связях и сетевых *переплетениях*. В истории же это привело к оживлению развития социальной истории как отдельной дисциплины, в том числе и в Западной Германии. Немецким историкам могло даже показаться, что травматические последствия «спора Лампрехта» были преодолены². Ученые послевоенного поколения, как, например, относившиеся к так называемой Билефельдской школе историки Ю. Кокка и Г.-У. Велер, сделали первые попытки преодолеть дефицит в теории посредством привлечения социологических категорий и методов [16]. Соответственно, подход В. Райнхарда должен был оказаться в тренде. Тем не менее этого не произошло. Райнхард столкнулся с проблемами в рецепции его теории *переплетений*, нашедшей мало сторонников как в тогдашней Западной Германии, так и в исторической науке в целом.

В западноевропейских странах рецепция импульсов из социальной антропологии проходила более гладко. Там она в момент появления книги «Друзья и креатуры» уже находилась в полном расцвете, что объясняется иными историографическими традициями: контакты французской исторической науки с социологией благоприятствовали рождению школы «Анналов», что впоследствии облегчило трансфер социально-антропологических моделей. Подобное можно сказать об англоязычном пространстве, где с 1970-х гг. историки активно использовали результаты этнологических исследований.

Однако главная проблема заключалась в другом. Теория *переплетений* В. Райнхарда не соответствовала преобладавшему тогда в Западной Германии кон-

сенсусу. Несмотря на микросоциологическую и социально-антропологическую ориентированность, у концепции Райнхарда возникли негативные теоретико-идеологические коннотации. Дело в том, что в тренде социальной истории была история повседневности. Райнхард же и его ученики изучали только элиты; их не интересовали ни деревня, ни жизненные миры низших слоев общества. Более того, вне внимания историка остался исследовательский поворот в духе «thick descriptions». Как результат, разработанный Райнхардом подход стали воспринимать как политологический, а не как микроисторический.

Кроме того, вопреки намерению «объяснить, как... функционирует политика», концепция В. Райнхарда в итоге не способствовала достижению поставленной цели из-за того, что неформальные структуры власти рассматривались как феномен, преимущественно свойственный обществам, отличавшимся высокой степенью мобильности, с одной стороны, и малоразвитой государственностью – с другой. Таким образом, теория *переплетений* превращалась в функциональную часть модернизационной модели, что, в какой-то мере, приводило обратно к социологии власти М. Вебера с его рассуждениями о переходе от патримониального государства к государству бюрократического. Выводы Райнхарда касательно сетей неформальных отношений в Римской курии о том, что «с исторической точки зрения изученная нами система вовсе не описывает всей развращенности коррупции, а лишь описывает промежуточный этап – необходимый и при этом весьма функциональный и целесообразный для развития современного общества», диаметрально расходились с замыслами классического анализа социальных сетей [17. С. 333]. Судя по содержанию работ и выбранной тематике, Райнхарда следует отнести к исследователям клиентелизма, увидевшим именно в образовании патрон-клиентских отношений решающий импульс для модернизации государственного аппарата Раннего Нового времени [18–20].

Впрочем, Райнхард продолжил развивать идею анализа социальных сетей. Идя навстречу ходу времени, он смирился и с понятием «Netzwerk» и стал употреблять его вместо принятого в международной науке «network» [17. С. 312]. С середины 1990-х гг. Райнхард также дистанцировался от терминов *переплетения* и *теория переплетений*, отдавая отныне предпочтение нововведенной категории *микрополитика*. «Под микрополитикой», – как сформулировал Райнхард в докладе «Amici e creature. Политическая микроистория Римской курии в XVII вв.», с которым он выступил в 1996 г. в Германском историческом институте в Риме «мы должны понимать более или менее планомерное задействование сетей неформальных личных отношений для достижения политических целей, при котором сам процесс комплектования вакансий и ранг претендентов на них играют политически более значимую роль, чем сама деятельность выбранного лица». Иными словами: «От должностных лиц, в первую очередь, требуется лояльность; их компетентность, напротив, является второстепенным качеством» [17. С. 312]. Как можно заметить, и в данном определении присутствует понятие *сеть*. Это,

однако, следует рассматривать как чисто технический прием, позволяющий и в будущем (хотя лишь метафорически) обращаться к терминам *сеть* и *создание сетей* при изучении микрополитических процессов, происходящих на фоне неформальных социальных взаимоотношений или содержащих последние. Данное определение Райнхард продолжает использовать в неизменном виде и в более поздних работах [1, 21]. От применения формальных методов для анализа структур межличностных связей он, однако, решительно отказался. В 2005 г. Райнхард написал: «В последнее время практически все говорят и пишут... о сетях, что привело к тому, что в исторической науке это понятие наряду с еще более популярным словом дискурс превратилось в пустую фразу» [22. С. 135].

Теория *переплетений*, в конечном счете, не внедрилась, осталась «невлиятельной» в отличие от «влиятельных работ Мунье и Кеттеринг», в чем Райнхард признался в своей рецензии на немецкое издание монографии А. Мончака «Неравная дружба» [23]. Тем не менее, говорить о полном провале предложенной Райнхардом модели было бы неправильно. Ее ценность раскрывается в ретроспективе. В 1970-е гг. трансфер методов и теорий из других научных дисциплин в историю можно справедливо оценить как новаторский шаг. В рамках немецкоязычной исторической науки работы В. Райнхарда маркировали раннюю стадию такой рецепции. Долгие годы его методологические разработки являлись единственным доступным введением в анализ социальных сетей в немецкоязычном пространстве, составленным с учетом потребностей именно историка.

Если посмотреть на общие дебаты по теории *переплетений*, можно признать, что патрон-клиентские отношения анализировались дифференцированно вместе с бюрократическими и административными структурами, принимавшими решения. Исторические исследования в рамках теории *переплетений*, наибольшее влияние на которую оказал в немецкоязычном пространстве Райнхард, изначально исходили из того, что с помощью клиентских связей восполнялся дефицит государственной власти Ватикана. Следовательно, в Европе расцвет патрон-клиентских отношений датировался Ранним Новым временем, где они были системной необходимостью. Соответственно, в современном государстве отношения такого рода рассматривались как паразитический атавизм.

Как уже говорилось, концепция В. Райнхарда не прижилась. Теория *переплетений* не соответствовала задававшим тогда тон в немецкой исторической науке тенденциям то ли из-за того лишь, что она, как предположил сам Райнхард, опережала свое время, то ли потому, что ее функциональная интерпретация клиентелизма осталась слишком зависима от «взгляда сверху». Главная заслуга теории *переплетений* Райнхарда для изучения патрон-клиентских отношений в немецкой исторической науке заключается в том, что она стала отправной точкой для работ его учеников.

Благодаря множеству посвященных этой теме диссертаций, написанных под руководством Райнхарда, к настоящему времени стала возникать дифференцированная картина, указывающая на более комплексные,

чем изначально предполагалось, взаимоотношения между клиентами, властью и растущей бюрократией. Осторожный шаг в сторону от прогрессистской теории развития сделали, например, его ученики Арне Карстен, профессор истории в Бергисхе университете в Вуппертале, и его коллега в университете Росток, Хиллард фон Тиссен в изданном в 2006 г. под их редакцией сборнике «Полезные сети и коррумпированные группы неформальной поддержки» [24].

Опираясь на девять кейсов – таких как движение защиты природы в послевоенное время и в ретроспекции вплоть до итальянских городов-республик позднего Средневековья – авторы сборника попытались доказать, что неформальные виды властных практик и воздействий могут присутствовать повсюду. Единственным ограничителем для них являются нормативные представления об их допустимости, а, значит, степень их визуального присутствия может существенно варьироваться.

К концу своей карьеры В. Райнхард пришел к схожему выводу, сделав крюк через *микрополитику*, используя нововведенный термин в качестве своего рода «выхода», или, прямо говоря, потому что порой и учителя превращаются в учеников. В «Amici e creature» (1996) микрополитическая система, опирающаяся на дружеские и патрон-клиентские отношения, еще толкуется как преимущественно домодерное явление. Однако в своих последних работах Райнхард отказывается от модернизационного подхода и, соответственно, от проведения временных ограничений. Теперь он пишет, что «микрополитику мы можем обнаруживать везде, где и происходит политика». Таким образом, значимость сетей неформальных личностных взаимоотношений одинаково велика как для принятия решений в Римской курии XVII в., так и «для занятия министерских должностей в сегодняшних немецких кабинетах» [1. С. 275].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Касательно медиевистики и Раннего Нового времени понятием «Oberdeutschland» (верхняя Германия) главным образом обозначаются территории позднее созданных швабского, франкского и баварского имперских округов; к верхнегерманскому региону относились также Эльзас, немецкоязычные кантоны Швейцарии и западная часть Австрии. Главными биконфессиональными городами, чье население в примерно равных долях образовалось из католиков и протестантов, в данном регионе являлись Нюрнберг, Регенсбург, Нёрдлинген, Аугсбург, Равенсбург, Мемминген, Ульм, Констанц, Базель и Страсбург.

² Лейпцигский историк культуры Карл Лампрехт (1856–1915 гг.) является инициатором так называемого методологического спора в немецкой исторической науке. В 1890-е гг. он призвал ученых отказаться от тогдашнего тренда, потребовав смещения фокуса с преобладавшей в науке политической истории и изучения истории знаменитых личностей на другие направления. По его мнению, историки должны сконцентрироваться на исследовании исторических закономерностей и рассмотреть историю Германской нации как чередование «культурных эпох», уделяя при этом особое внимание массовым явлениям в культуре, обществе и политике. С дебатами о выделении социальной истории в отдельную дисциплину, которые велись в западногерманской исторической науке во второй половине 1960-х гг., дискуссии об историософии Лампрехта возобновились: с точки зрения одних ученых на Лампрехта следовало смотреть как на открывателя истории структуры в Германии (пандана французской школы «Анналов»), а другие увидели в нем основоположника так называемой народной истории в таком духе, как ее толковали немецкие ученые О. Бруннер, В. Конце и Т. Шидер [15. С. 73].

ЛИТЕРАТУРА

1. Reinhard W. Die Nase der Kleopatra // Geschichte als Anthropologie. Peter Burschel. Köln, Weimar, Wien : Böhlau Verlag, 2017. S. 273–308.
2. Osterhammel J. Wolfgang Reinhard und die weite Welt // Die Anthropologie von Macht und Glauben: das Werk Wolfgang Reinhard in der Diskussion / ed. by H. Jonas. Göttingen : Wallstein, 2008. S. 31–43.
3. Reinhard W. Die Unterwerfung der Welt. Globalgeschichte der europäischen Expansion 1415–2015. München : C.H. Beck, 2016. 1648 S.
4. Reinhard W. Parasit oder Partner? Europäische Wirtschaft und Neue Welt 1500–1800. Münster : Lit Verlag, 1997. 203 S.
5. Reinhard W. Geschichte der Staatsgewalt. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte Europas von den Anfängen bis zur Gegenwart. München : C.H. Beck, 1999. 631 S.
6. Reinhard W. Kleine Geschichte des Kolonialismus. Stuttgart : Kroener, 1996. 376 S.
7. Reinhard W. Familie und Klientel, Bd. 1. Univ. Habil. Schrift. Freiburg, 1973, 393 S.
8. Reinhard W. Freunde und Kreaturen. Verflechtung als Konzept zur Erforschung historischer Führungsgruppen. Römische Oligarchie um 1600 (Schriften der Philosophischen Fakultäten der Universität Augsburg 14). München : Verlag Ernst Vögel, 1979. 83 S.
9. Reinhard W. Oligarchische Verflechtung und Konfession in oberdeutschen Städten // Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit / ed. by A. Maczak. (Schriften des Historischen Kollegs: Kolloquien, 9). München : Oldenbourg, 1988. S. 47–62.
10. Schütze W. Oligarchische Verflechtung und Konfession in der Reichsstadt Ravensburg 1551/52–1648. Untersuchungen zur sozialen Verflechtung der politischen Führungsschichten. Augsburg Univ. Diss., 1981. 287 S.
11. Steuer P. Die Außenverflechtung der Augsburger Oligarchie von 1500 bis 1620. Studien zur sozialen Verflechtung der politischen Führungsschicht der Reichsstadt Augsburg. Augsburg Univ. Diss., 1985. 296 S.
12. Emich B. Bürokratie und Nepotismus unter Paul V. (1605–1621). Studien zur frühneuzeitlichen Mikropolitik in Rom (Päpste und Papsttum, Bd. 30). Stuttgart : Anton Hiersemann, 2001. 475 S.
13. Mörschel T. Buona Amicitia? Die römisch-savoyischen Beziehungen unter Paul V. (1605–1621). Studien zur frühneuzeitlichen Mikropolitik in Italien. Mainz : Philipp Zabern Verlag, 2002. 438 S.
14. Wieland Ch. Fürsten, Freunde, Diplomaten. Die römisch-florentinischen Beziehungen unter Paul V. (1605–1621). Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 2003. 480 S.
15. Raphael L. Geschichtswissenschaft im Zeitalter der Extreme. Theorien, Methoden, Tendenzen von 1900 bis zur Gegenwart. München : C.H. Beck, 2003. 292 S.
16. Schultze W. Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945 // Historische Zeitschrift. (Beiheft. Neue Folge, 10). München : Oldenbourg, 1989. 366 S.
17. Reinhard W. Amici e Creature. Politische Mikrogeschichte der römischen Kurie im 17. Jahrhundert // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken / ed. by Deutsches Historisches Institut in Rom. Bd. 76. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1996. S. 308–333.
18. Kettering S. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. New York, Oxford : Oxford University Press, 1986. 322 p.
19. Maczak A. Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zur Gegenwart. Osnabrück : fibre Verlag, 2005. 485 S.

20. Maczak A. Rządzący i rządzieni. Władza i społeczeństwo w Europie wczesnonowożytnej. Warszawa : Semper, 1986. 327 S.
21. Reinhard W. Einleitung. Römische Mikropolitik und spanisches Mittelmeer // Römische Mikropolitik unter Papst Paul V. Borghese (1605–1621) zwischen Spanien, Neapel, Mailand und Genua / ed. by W. Reinhard. (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom. Bd. 107), Tübingen : Niemeyer, 2004. S. 1–20.
22. Reinhard W. Kommentar. Mikrogeschichte und Makrogeschichte // Nähe in der Ferne. Personale Verflechtung in den Außenbeziehungen der Frühen Neuzeit / ed. by H.V. Thiessen, Ch. Windler. (Zeitschrift für Historische Forschung, Beihefte 36). Berlin : Duncker & Humblot, 2005. S. 135–144.
23. Reinhard W. Rezension zu: Maczak, Antoni: Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zur Gegenwart. URL: <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-8748> (дата обращения: 26.11.2019).
24. Nützliche Netzwerke und korrupte Seilschaften / ed. by A. Karsten, H.V. Thiessen. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 232 S.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2020 г.

Explaining “How ... Politics Actually Work”: The German Historian Wolfgang Reinhard, the Theory of Verflechtungen and Micropolitics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 118–123.

DOI: 10.17223/15617793/466/15

Alice Plate, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: aliceplate@mail.ru

Keywords: Wolfgang Reinhard; Verflechtungstheorie; micropolitics; network analysis; patron-client-relationship; informal relationships; social history; historiography.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10093.

The conceptualization of the role of informal relationships, including patron-client relations, in the development of Early Modern state institutions in modern European historiography is usually associated with the names of R. Munier, S. Kettering and A. Maczak, whose works have long since become classics. Less well known in this context is the *Verflechtungstheorie* (lit. theory of entanglement), developed in the 1970s by the Freiburg historian W. Reinhard. The aim of this article is to examine the *Verflechtungstheorie* in historical perspective and its theoretical foundations, as well as the history of its reception in the context of the development of social history in Germany. In doing so, the author explains the reasons why Reinhard’s approach occurred less influential in comparison with the works of the historians mentioned above. The article is based on a detailed study of Reinhard’s works dedicated to the *Verflechtungstheorie* (since the 1990s *micropolitics*), starting from his 1979 monograph *Freunde und Kreaturen* (“Friends and Creatures”) and ending with the most recent publications in the 2010s. The beginning of the article is devoted to the formation of the conceptual apparatus of Reinhard’s theory. He understands the term *Verflechtungen* as the result and foundation of social interaction based on four relationship types – kinship, compatriot, friendship and patronage, playing, according to Reinhard, a key role in pre-modern times. The theoretical basis of Reinhard’s explanatory model is formed by the sociometry of the American sociologist J. L. Moreno, and Reinhard viewed his concept of elite relations as a kind of network analysis. Further on the article moves on analyzing the reception problem of the presented theory. According to Reinhard, the *Verflechtungstheorie* experienced reception difficulties within historical scholarship mostly for being technically ahead of its time. However, as the article shows, the main reason was that the concept failed to meet the zeitgeist prevailing in postwar German historiography. While social history developing under the influence of the Bielefeld school focused on the study of microhistorical subjects, Reinhard’s approach was mainly a political one. Abandoning the term *Verflechtungen* in the mid-1990s and replacing it with the term *micropolitics*, Reinhard did not solve the problem. This change was a merely linguistic one, and Reinhard continued to argue that informal relations mark a negotiable stage, which is characteristic for societies with a high level of mobility and an underdeveloped statehood. In conclusion, the article shows that the results of Reinhard’s scholarly work should not be considered a failure. The main merit is its continuity: some of Reinhard’s former students proved that informal relationships are by no means a parasitic atavism associated solely with corruption.

REFERENCES

1. Reinhard, W. (2017) Die Nase der Kleopatra. In: Burschel, P. (Hrsg.) *Geschichte als Anthropologie*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. pp. 273–308.
2. Osterhammel, J (2008). Wolfgang Reinhard und die weite Welt. In: Jonas, H. (Hrsg.) *Die Anthropologie von Macht und Glauben: das Werk Wolfgang Reinhard in der Diskussion*. Göttingen: Wallstein. pp. 31–43.
3. Reinhard, W. (2016) „Die Unterwerfung der Welt. Globalgeschichte der europäischen Expansion 1415–2015“. München: C. H. Beck.
4. Reinhard, W. (1997) *Parasit oder Partner? Europäische Wirtschaft und Neue Welt 1500–1800*. Münster: Lit. Verlag.
5. Reinhard, W. (1999) *Geschichte der Staatsgewalt. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte Europas von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München: C. H. Beck.
6. Reinhard, W. (1996) *Kleine Geschichte des Kolonialismus*. Stuttgart: Kroener.
7. Reinhard, W. (1973) *Familie und Klientel*. Bd. 1. Freiburg: Univ. Habil. Schrift.
8. Reinhard, W. (1979) *Freunde und Kreaturen. Verflechtung als Konzept zur Erforschung historischer Führungsgruppen. Römische Oligarchie um 1600*. (Schriften der Philosophischen Fakultäten der Universität Augsburg 14). München: Verlag Ernst Vögel.
9. Reinhard, W. (1988) Oligarchische Verflechtung und Konfession in oberdeutschen Städten. In: Maczak, A. (Hrsg.) *Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit*. (Schriften des Historischen Kollegs: Kolloquien, 9). München: Oldenbourg. pp. 47–62.
10. Schütze, W. (1981) *Oligarchische Verflechtung und Konfession in der Reichsstadt Ravensburg 1551/52–1648. Untersuchungen zur sozialen Verflechtung der politischen Führungsschichten*. Augsburg: Univ. Diss.
11. Steuer, P. (1985) *Die Außenverflechtung der Augsburger Oligarchie von 1500 bis 1620. Studien zur sozialen Verflechtung der politischen Führungsschicht der Reichsstadt Augsburg*. Augsburg: Univ. Diss.
12. Emich, B. (2001) *Bürokratie und Nepotismus unter Paul V. (1605–1621). Studien zur frühneuzeitlichen Mikropolitik in Rom (Päpste und Papsttum, Bd. 30)*. Stuttgart: Anton Hiersemann.
13. Mörschel, T. (2002) *Buona Amicitia? Die römisch-savoyischen Beziehungen unter Paul V. (1605–1621). Studien zur frühneuzeitlichen Mikropolitik in Italien*. Mainz: Philipp Zabern Verlag.
14. Wieland, Ch. (2003) *Fürsten, Freunde, Diplomaten. Die römisch-florentinischen Beziehungen unter Paul V. (1605–1621)*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.

15. Raphael, L. (2003) *Geschichtswissenschaft im Zeitalter der Extreme. Theorien, Methoden, Tendenzen von 1900 bis zur Gegenwart*. München: C. H. Beck.
16. Schultze, W. (1989) *Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945*. Historische Zeitschrift. (Beiheft. Neue Folge, 10). München: Oldenbourg.
17. Reinhard, W. (1996) Amici e Creature. Politische Mikrogeschichte der römischen Kurie im 17. Jahrhundert. In: Deutsches Historisches Institut in Rom (ed.) *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*. Bd. 76. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. pp. 308–333.
18. Kettering, S. (1986) *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. New York, Oxford: Oxford University Press.
19. Maczak, A. (2005) *Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zur Gegenwart*. Osnabrück: fibre Verlag.
20. Maczak, A. (1986) *Rządcy i rządzeni. Władza i społeczeństwo w Europie wczesnonowożytnej*. Warszawa: Semper.
21. Reinhard, W. (2004) Einleitung. Römische Mikropolitik und spanisches Mittelmeer. In: Reinhard, W. (ed.) *Römische Mikropolitik unter Papst Paul V. Borghese (1605–1621) zwischen Spanien, Neapel, Mailand und Genua*. (Bibliothek des Deutschen Historischen Instituts in Rom. Bd. 107). Tübingen: Niemeyer. pp. 1–20.
22. Reinhard, W. (2005) Kommentar. Mikrogeschichte und Makrogeschichte. In: Thiessen, H. v. & Windler, Ch. (eds) *Nähe in der Ferne. Personale Verflechtung in den Außenbeziehungen der Frühen Neuzeit*. (Zeitschrift für Historische Forschung, Beihefte 36). Berlin: Duncker & Humblot. pp. 135–144.
23. Reinhard, W. (2006) *Rezension zu: Maczak, Antoni: Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zur Gegenwart*. [Online] Available from: <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-8748> (Accessed: 26.11.2019).
24. Karsten, A. & Thiessen, H. v. (eds) (2006) *Nützliche Netzwerke und korrupte Seilschaften*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Received: 11 February 2020

А.В. Спичак, М.В. Узрюмова

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧИСЛА РАСКОЛЬНИКОВ И ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ БОРЬБЫ С РАСКОЛЬНИЦАМИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ТОБОЛЬСКЕ)

Проанализированы законодательные акты, направленные на регулирование числа раскольников в Российской империи в XVIII – начале XX вв. Выяснено, что основными причинами ухода женщины в раскол могло быть собственное желание, выход замуж за раскольника, вдовство и выживание в непростых условиях, социальное происхождение либо рождение в семье старообрядцев. Изучены документы, сопровождающие процесс выявления и наказания раскольниц. Рассмотрено делопроизводство Tobольской духовной консистории по делам о раскольницах.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Tobольская епархия; Tobольская духовная консистория; раскольницы; причины; законодательство; делопроизводство.

«Дело» женщины часто встречается в истории раскола. Согласно результатам всех всеобщих переписей населения количество раскольников превышало количество староверов-мужчин на 5–7% в первой половине XVIII в., на 6–7% – в первой половине XIX в., на 7–10% – в конце XIX в. Женские раскольнические монастыри, пустыни и скиты отличались обилием и материальным процветанием, количеством насельниц по сравнению с числом соседних насельников. Еще в первой четверти XVIII в. существовало весьма характерное изречение: в расколе «что мужик, то вера, что баба, то устав». Обращает на себя внимание, с одной стороны, необычайный факт женского священнодействия, с другой – любопытный в жизни русского простонародья факт сравнительно широкой женской грамотности. Женщина получила в расколе право совершать богослужения: духовные требы, даже таинства. Обучение девочек изначально было заведено во всех главных центрах раскола; грамотность имела значение как средство для религиозного воспитания. С особенной силой и энергией женщина проявляла себя в семье, при поддержке раскола в своем доме, поэтому бытовая сторона раскола весьма часто была еще менее доступна для разрушения, чем церковная. Хорошо понимая важное значение женщины в семье, пропагандистки преимущественно с женщины и начинали. В положении женщины в расколе исследователи видели и защиту «старинной славянской равноправности двух полов», и «самобытную проповедь либеральной женской эмансипации» [1. С. 327–349], что особенно актуально в современный период расцвета женской эмансипации.

Вскоре после начала раскола, именно по причине миграционных процессов, прежде всего, он переместился на окраины государства, в том числе и на территорию Tobольской епархии.

Цель исследования – выявление причин перехода женщин в раскол и анализ методов борьбы с раскольницами в Tobольской епархии в XVIII – начале XX в.

Объектом исследования является повседневная жизнь раскольников этой епархии в тот период. Предметом научного анализа выступают причины перехода в раскол и методы борьбы с раскольницами в Tobольской епархии.

Хронологические рамки исследования охватывают XVIII – начало XX в. Нижняя грань рассматриваемого периода обусловлена началом гонений на раскольников. Верхним рубежом исследования являются события 1917 г., которые повлекли за собой коренные изменения во всех сферах жизни российского общества, включая религиозную.

Территориальные рамки работы определены границами Tobольской епархии. В современной отечественной историографии вопрос о женщинах-раскольницах аргументирован с позиций религиозно-хозяйственного сообщества. Вероучение, религиозно-нравственные ценности, социальные и психологические установки женщин-раскольников формировались через мотивацию к активной торговой, промышленной и сельскохозяйственной деятельности.

О женщинах-наставницах старообрядческих общин писал известный историк С.М. Соловьев [2, 3]. Позднее П.С. Смирнов на торжественном годичном акте Санкт-Петербургской духовной академии 17 февраля 1902 г. представил историческую справку о значении женщины в русском старообрядческом расколе [1].

Нельзя не согласиться с современным исследователем вопросов участия женщин в старообрядческих процессах России В.В. Керовым о том, что женщины в старообрядчестве занимали «значительное место» [4].

В конце 1990-х гг. – начале 2020-х гг. внимание вопроса женщин-старообрядцев России особенно привлекло историков, юристов, социологов [5, 6].

К вопросу об участии женщин-раскольников в жизни западносибирских регионов обращалась Н.А. Миненко, в трудах которой утверждается, что ряд промыслов находился в руках женщин-староверок, у них же, соответственно, скапливался и достаток, что вполне позволяло им влиять на местное общество. На территории Западной Сибири существовали целые старообрядческие села, где основная роль в хозяйстве и предпринимательстве принадлежала именно женщинам-староверкам, а не мужчинам. Женщинам же принадлежала и управленческая роль в вопросах социальных, экономических и религиозных. Результаты женского труда в Сибири приносили колоссальные прибыли и обеспечивали самим женщинам особое уважительное

отношение в семье и в обществе [7]. Во второй половине XIX в. число таких женщин в России выросло в разы.

Видный исследователь по истории старообрядчества Тобольской губернии Л.Н. Сусллова на материалах Тобольской губернии подтвердила факт существования на протяжении XIX в. порядка ста старообрядческих молитвенных зданий и помещений, где особая роль принадлежала зачастую именно женщинам. Положение религиозных центров старообрядчества в середине XIX – начале XX столетий было достаточно сложным и нестабильным [8. С. 250].

В целом в исторической науке неоднократно анализировались различные вопросы, связанные со старообрядчеством и церковным расколом на территории Тобольской губернии, а также выяснением в нем роли женщин. В то же время причины перехода в раскол и методы борьбы с раскольниками не получили полного отражения в историографии.

Интерес для исследования представляли документы, которые отложились в делах фондов № 156 Тобольской духовной консистории (далее – ТДК) и № 329 Тобольского губернского правления в Государственном бюджетном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГАТ). В первом фонде содержатся следственные дела, а во втором – о розыске раскольников.

Изучение проблемы проводилось на стыке документальной, исторической, источниковедческой и историко-правовой сфер исследования. Методологической основой исследования являются общенаучные, исторические и специальные методы документоведения.

Законодательное регулирование числа раскольников

Раскол в русской церкви, а затем и в определённых социальных слоях общества произошёл вследствие церковно-обрядового реформирования второй половины XVII в. [9]. Первым документом с предписанием губернаторам описать раскольников обоих полов и прислать данные сведения в Канцелярию Правительствующего Сената (далее – Сената), чтобы «положить» староверов в двойной оклад, стал указ от 8 февраля 1716 г. [10] Православные священники обязаны были вести в своих приходах точные исповедные книги и списки раскольников без всякой утайки; виновные же в такой утайке лишались места [11].

По общему распоряжению Сената и Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синода) от 16 июля 1722 г. священникам предписывалось держать именные книги, в которых указывать дома православных и раскольников. По этим книгам проверяли, все ли старообрядцы «записаны двойным окладом» и ежегодно ли его платят. Копии книг отсылали к «светским управителям», которые обязывались доставлять книги вместе с рапортами и деньгами в Синод [12].

В 1725 г. была учреждена особая «Раскольничья контора», к которой перешли административно-полицейские дела по расколу, а в ведении Синода остались лишь вопросы миссионерской деятельности. Розыск «потайных раскольников» велся с помощью специальных военных агентов [11].

Согласно Уставу духовных консисторий 1841 г., в случае «суеверных действий или соращения в раскол» (если не помогли наставления священника) архиерей должен был донести Синоду и уведомить посредством отношения начальника губернии. О состоянии раскола местные священники обязывались сообщать преосвященному с описанием предпринятых действий «об охране православных и вразумлении заблуждающихся». Священникам надлежало взять с желающего вернуться к православию подписку «о пребывании в православии», зафиксировать факт крещения в метрической книге и донести преосвященному, а в сомнительных случаях спросить разрешения епархиального начальства. Духовные консистории обязаны были представлять Синоду ведомости о лицах, присоединенных в течение года из раскола [13].

От церковных причтов по указу от 29 июля 1865 г. требовалось представлять преосвященным ведомость о возвратившихся в православие раскольниках в начале января (с подписями всех членов причта). К ведомости прилагались установленные в ст. 25 и 29 Устава духовных консисторий письменные показания иноверцев о добровольном присоединении к православию и подписки иноверных родителей о воспитании крещенных в православной вере детей. Исключение составляло одновременное крещение большого числа людей, о чем следовало немедленно доносить [14].

Практика в 1860-е гг. показала, что решать проблемы в данной области с помощью открытых репрессий и притеснений невозможно [8. С. 249]. Александр III практически легализовал старообрядчество, признав за ним основные гражданские права. Закон 3 мая 1883 г. предусматривал, чтобы всем старообрядцам (за исключением скопцов) должны быть выданы паспорта на общем основании [11. С. 67].

Таким образом, многими законодательными актами старообрядчество было поставлено вне закона, что повлекло за собой полную дискредитацию старообрядческой части населения страны, и лишь в конце XIX в. эти законы были смягчены и частично отменены. Указом же от 17 апреля 1905 г. староверам даровали относительную свободу в вопросах веры, слово «раскольник» же изменили на слово «старообрядец» [11. С. 65].

Документационное оформление борьбы с раскольниками

В фондах ГБУТО ГАТ обнаружено 674 дела за 1750–1914 гг., относящихся к борьбе с расколом. Отдельная категория дел посвящена выявлению и поиску раскольников и обращению их в православную веру (или попытками).

Дела о раскольниках можно разделить по следующим темам:

- 1) о попытках «увещевания» раскольников (3 дела);
- 2) розыске раскольников (5 дел);
- 3) задержании раскольницы (1 дело);
- 4) енщине, судимой за раскол (1 дело);
- 5) об обращении крестьянок из православия в старообрядческую веру (4 дела);
- 6) о возврате беглых раскольников обратно в свою церковь (1 дело);

7) жене купца, покаявшейся перед смертью в расколе (1 дело);

8) об обращении раскольников в православную веру (4 дела);

9) о бежавших раскольниках (2 дела);

10) бежавших женщин, обратившихся от раскола (2 дела);

11) об отказе от попечительского жалования вдове дьячка (1 дело);

12) о штрафовании священника, записавшего раскольницу в духовные росписи (1 дело);

13) розыске крестьянок, вышедших замуж за раскольников (1 дело).

В результате изучения архивных документов выяснены возможные причины ухода женщин в раскол:

1. Самостоятельное решение. Раскол призывал женщину на защиту своей святыни, только в религиозной области женщину никто не стеснял, и она чувствовала себя самостоятельным человеком [1. С. 341].

2. Вследствие выхода замуж за раскольника. Если православная выходила замуж за раскольника, она становилась раскольницей то стараниями свекрови, то золовки [1. С. 339].

3. Рождение в семье раскольников или в семье, где раскольница – одна мать. Если раскольница выходила замуж за православного, дети все равно записывались в раскол [1. С. 339].

Рассмотрим несколько дел, представляющих в данной связи наибольший интерес.

Дело «Рапорты Курганского духовного правления о жене священника Утятской слободы С. Сычуговой, бывшей на исповеди у старообрядческого священника А. Жданова» (1811 г.), являлось секретным, о чем свидетельствует надпись: «По секрету» на его обложке. Начинается дело с рапорта протоиерея Никитина из Курганского духовного правления в ТДК от 27 января 1811 г. (№ 1) со следующим содержанием: «Представленное в сие правление при рапорте Слободы Утятским священником Чемесовым о бытии прихода его женки Стефаницы Сычуговой у исповеди у некоего екатеринбургского старообрядческого попа Андрея Жданова свидетельство» [15. Л. 2].

В приложенном рапорте священника Никифора Чемесова Слободы Утятской Богоявленской церкви от 23 января мы читаем: «По сим Тобольской духовной консистории секретных указов, будучи из прихода моего в деревне Раковой вдовы крестьянки Стефании Сычуговой чинил по должности законное увещание, так как она замечена мною ни у меня и ни у товарища моего священника Словцова¹ не бывшею у исповеди и у святого причастия, которая предъявляя данное ей от старообрядческого священника какого-то прозвывается Андрея Жданова свидетельство о бытии ее у него у исповеди якобы в деревне Ерохинской в молитвенном доме...».

Свидетельство об исповеди составлено на небольшом листе бумаги, на котором старообрядческий священник Андрей Жданов подтвердил посещение исповеди крестьянкой: «...года октября 27-го дня: Курганской округи Утятской волости деревни Раповой вдова крестьянка Стефания Федорова Сычугова – была у исповеди в деревне Ерохинской при молит-

венном доме узнать у... старообрядческого священника, в чем ей и дается сие... для приходских священников» [15. Л. 4]².

В выписке из указа Сената от 4 февраля 1737 г. сказано: «...кому из прихожан случай поедет из дому своего быть чуть в отлучке пред великим постом впродолжение месяца на два, и ни три, или более и таким исповедоваться в тех местах, где в отлучке будет, у действительных священников, и от того священника, у коего в отъезде исповедался, взять о том свидетельствующее с рукой его письмо, которое... объявить приходскому своему священнику и у него, или у других из того прихода свидетельствующего действительного священника, дабы он в проверке не был сомнителен, так и исповедоваться, чтоб... отъездами... бывшей в отъезде исповеди не могли прикрываться раскольники». Секретарь своей рукой подписал: «...достоверно консистории по делам известно, что в Екатеринбурге старообрядческая церковь имеется и при ней находится священник Жданов; но он ли самой подписал свидетельство, данное крестьянке Сычуговой, о том утверждать нельзя!».

6 февраля 1811 г. ТДК решила, что рапорт не включает важных сведений и Курганское духовное правление его стоит хранить у себя для сведения, о чем был послан указ 24 февраля [15. Л. 5–5 об.]. 1 марта Курганское духовное правление составило рапорт о получении указа и сообщило об этом местным приходским священникам [15. Л. 6].

В «Деле о раскольнице Исетской провинции Агафье Григорьевой» 1752 г. найдена промемория Оренбургской высшей провинциальной канцелярии в ТДК 29 февраля 1752 г. о содержащейся под караулом раскольнице 34-летней Артемьевой Агафье Григорьевны Буткинской слободы, отказывающейся обращаться в православие [16. Л. 1а]. В «наказе» высшей провинциальной канцелярии содержится требование принять раскольницу в кандалах в ТДК [16. Л. 2]. 11 марта ТДК проверила метрические книги и ревизские сказки и выяснила, что Агафья родилась в деревне Савиной Ольховской слободы Екатеринбургской епархии в православной семье, но родители уже умерли, и проживала в деревне Калиновке с двоюродной теткой – раскольницей. Исповедовалась и приобщалась у священника Бориса Ольховской слободы, однако где он находился во время наведения справки, не было известно. Агафья сама записалась в раскол и перестала ходить в церковь. Раскольница намеревалась сгореть вместе с единомышленниками в д. Калиновка. Инициатор самосожжения Никифор для этого специально подготовил дом – обложил внутри и снаружи соломой, берестой, приготовил смолу, порох. Однако несчастья удалось избежать после обнародования указа из Буткинской слободы с приказом разойтись по своим местам. Агафья осталась при своем мнении и приговорила себя к смертной казни [15. Л. 4–5]. 22 марта ТДК взяла с раскольницы обязательство посещать исповедь и святое причастие, креститься тремя (а не двумя, как раскольники) перстами и ни с кем не обсуждать раскол [16. Л. 6–6 об.].

Согласно материалам «Дела об обратившихся от раскола жене Мавре Лукиной и девке Матрене Чулко-

вой» 11 марта 1752 г. барнаульского завода Петропавловской церкви, заказчик Василий Иванов Протопопов в «покорнейшем рапорте» сообщил митрополиту Сильвестру, что по указу ТДК от 18 августа 1751 г. содержится под караулом раскольник крестьянка Матрена Яковлева Чулкова, при этом причт увещевал ее «без ослабления», однако безрезультатно. На момент допроса ей было 60 лет, выяснилось, что ранее она была крещена. Приобщаться она так и не пожелала [17. Л. 6–8].

«Дело о взыскании штрафа со священника Николаевской церкви, города Тары Матвея Данилова за ложные записи в духовных росписях о воеводской жене, раскольнице, Устинье Кривоноговой» начинается с «покорнейшего доношения» 23 марта 1774 г. диакона тарской единой церкви Семена Чуитасова: «Прошлого 1768 года титулярный советник города Тары воевода господин Кривоногов подавал в Тарское духовное правление челобитную о вступлении в законное супружество Тобольского города записного раскольника Прокопьева Володимерова с дочерью его записною раскольницею Устиньей Прокопьевой, по которой и должно оную Устинью обратить от раскольничьего заблуждения, о чем того Тарского заказа градотарской единой церкви священнику Ивану Гусеву из Тарского духовного правления указ был послан, однако она необращена (а обвенчана Тарского Успенского собора протопопом Иоанном Иоанновым) и состоит поныне необращенною, только она в праздничные, в воскресные, и высокочестивые дни в церковь к литургиям ходит, и градотарской Николаевской церкви священником Матвеем Даниловым ежегодно в духовных росписях показывается бывающей бывшею на исповеди и у святого причастия. А как сын мой Евграф при той Николаевской церкви находится пономарем, то оной священник Данилов принуждает его под духовными росписями подписываться, только я сын своему за 1773 год до резолюции вашего преосвященства подписаться под теми росписями велел удержаться. 26 марта преосвященный приказал приобщить доношение к делу и представить, когда будет найден священник Иоанн [18. Л. 2].

Семен Чуитасов 31 августа 1774 г. подал еще одно доношение о том, что его сын вместе с сыном священника Данилова донесли на последнего и вскрыли ложность показаний о прихожанах, не бывших у исповеди и святого причастия, а также укрытие доходов церкви. В свою очередь, священник Данилов просил воеводу Кривоногова отправить нарочного священника, и был послан военнослужащий Яков Иванов Балашев, который был пойман, не доехав до ишимского устья, 13 августа 1774 г. и доставлен не в Тарское духовное правление, а в теремковый острог, где по просьбе священника Данилова заключен, но выпущен вскоре старостой [18. Л. 5–5 об.]. 15 сентября 1774 г. преосвященный приказал священника Данилова и перечисленных причетников представить в ТДК [18. Л. 6].

12 января 1775 г. в ТДК был допрошен дьячок Павел Данилов. Результаты допроса показали, что он не знал, являлась ли Устинья раскольницей или нет, так как был новым членом причта (с ноября 1769 г.), но утверждал, что она посещала исповедь и святое причастие, а когда болела, исповедовалась и причащалась у себя дома [18. Л. 8].

ТДК выяснила, что в духовных росписях за 1769, 1772, 1773 и 1774 гг. Устинья показана, как посетившая и исповедь, и причастие, хотя на самом деле была только на исповеди. Священник был уверен, что она не относится к раскольникам, так как ходила в церковь. Согласно указу от 17 февраля 1718 г., со священника, укрывающего не бывших у исповеди, взимался штраф – первый раз 5 руб., второй – 10 руб., третий раз – 15 руб. ТДК 27 января 1775 г. приказала взыскать 5 руб., а Тарскому духовному правлению велелось лучше следить за правильностью духовных росписей [18. Л. 12–12 об.].

Сохранилось и «дело об уклонении в раскол крестьянки Готовцевой» (1841 г.) 3-е отделение ТДК 25 июля 1841 г. сообщило в письме в Тобольское губернское правление о получении от Тарского духовного правления рапорта с представлением крестьянки Буталовской волости Анастасии Готовцевой о желании ее перейти из раскола в православие. По этому поводу преосвященный 1 июня того года приказал крестьянку после уведомления гражданского начальства увещевать в присутствии консистории, а в случае упорства представить ее светскому суду, так как она при следствии сама показала, что она была крещена и дважды исповедана православным священником и признавала себя православной [19. Л. 1]. Тобольское губернское правление получило письмо 29 июля, через 2 дня приняло решение и 14 августа отправило ответ с пометой «секретно». Вести дело предназначалось Тарскому земскому суду [19. Л. 2–2 об.]. В его рапорте Тобольскому губернскому правлению от 15 октября (получен 27 октября) сообщается, что раскольница оказалась беременной и будет выслана в ТДК после родов [19. Л. 3]; об этом Тобольское губернское правление уведомило ТДК традиционно – с пометой «секретно». 28 марта преосвященный приказал не вызывать крестьянку в ТДК, при этом местному священнику увещевать ее «при всяком удобном случае» [19. Л. 4–6 об.].

На обложке дела «Дела об обращении крестьянки Курганской округи Л. Базановой из православия в раскол» 1881 г. нет отметки о секретности, зато имеется «опись бумагам» (внутренняя опись дела). Указом ТДК от 21 марта 1879 г. предписывалось по делам раскольников обращаться к своему епархиальному архиерею. Начинается дело с копии рапорта 21 июня 1880 г. священнослужителей Вознесенской церкви с. Падеринского Курганского уезда епископу Василию (Левитову). Дочь православного крестьянина д. Барашковой Федора Иоаннова Базанова (бывшего волостного головы), девица Гликерия 16 лет была совращена в раскол австрийской секты и 6 июня 1880 г. вышла замуж за раскольника крестьянина д. Костоусовой Евтихия Павлова Чечулина. Предполагалось, что брак был совершен австрийским «лже-священником» крестьянином д. Костоусовой Петром Васильевым Поповым, у которого в доме были обнаружены церковные принадлежности, за что он 8 месяцев провел в тюрьме г. Кургана. Наставления крестьянинам Базановым и Чечулиным – родителям молодоженов – не увенчались успехом [20. Л. 2–2 об.].

1-й стол 1-го отделения Тобольского губернского правления 30 июля 1880 г. сообщил курганскому

окружному полицейскому управлению о данном инциденте, приложил копию рапорта священнослужителей и предписал по принятии увещания Базановой установленным порядком немедленно произвести на законных основаниях удостоверение, а в случае надобности – и само следствие, результаты которого затем отослать в ТДК [20. Л. 3–4].

В документе от 10 января 1881 г. под названием «общественное удостоверение» жители деревни подтверждали, что Федор Иванов Базанов был православного исповедания, старшую дочь Лукерью отдал замуж в д. Костоусову, и ее судьба с тех пор неизвестна, как и то, совершена ли она в раскол [20. Л. 6]. Далее в деле содержится «клятвенное обещание» о том, что прихожане говорят правду, после текста обещания содержится его дата и подписи свидетелей [20. Л. 5–5 об.]. Таким образом, «общественное удостоверение» не прояснило ситуацию. В ТДК была представлена справка на отца раскольницы и его семью, согласно которой Лукерье было всего 17 лет.

Падеринское волостное правление 14 января 1881 г. донесло земскому заседателю гражданского суда Курганского округа о том, что «Петр Васильев Попов 34 лет по приговору Падеринского волостного правления, состоявшемуся 21 сентября 1876 г. по делу о самостоятельной отлучке из жительства без письменного вида оставлен в сильном подозрении и второй раз согласно решению Тобольского губернского суда, изложенному в предписании губернского правления от 23 июня 1874 г. за обращение своего дома в молитву выдержан в курганском тюремном замке 8 месяцев» [20. Л. 12–12 об.].

Таким образом, причинами ухода женщины в раскол могло быть собственное желание, выход замуж за раскольника, вдовство и выживание в непростых условиях, социальное происхождение либо рождение в семье старообрядцев (по крайней мере, наличие матери-раскольницы) и пр. Староверки-женщины стали

частью социально-экономической и религиозной жизни в процессах интенсивного освоения Сибири в XVII–XX вв. Правительственные репрессии, борьба с женщинами-раскольницами зачастую лишь стимулировали их деятельность. Беглецы-староверы, искавшие условия для свободного вероисповедания и хозяйствования, уходили на окраины, осваивая целинные необъятные территории Тобольского края.

Делопроизводство по вопросам раскольников было секретным, на документах в правом верхнем углу обычно проставлялась отметка «секретно». Производство дела могло затягиваться на несколько месяцев из-за переписки епархиального начальства с духовными правлениями и Тобольским губернским правлением. Священники для представления лучшей статистики могли скрывать раскольников, вышедших замуж за православных мужчин из их прихода, и записывать первых как православных и посещающих все необходимые церковные процедуры. Однако не всем это могло понравиться, ввиду разных причин ложь могла открыться, и тогда неминуемо следовало наказание. Для «увещевания» всех раскольников отправляли в ТДК; исключение составляли только беременные женщины.

Встретив в женщине подходящий объект для осуществления своих скитско-аскетических взглядов, раскол нашел возможным воспользоваться ею отчасти и для охраны богослужебного обряда и чина, и дорожил ею как лучшим плодом обрядоверного домостроевского воспитания и тем, кто приносит социально-экономический доход для подобных дел [1. С. 345–346].

В настоящее время все больший вызов церковному единству приходит со стороны людей, отошедших от Церкви, впадших в раскол. Изучение и использование исторического опыта в данном отношении может в сложившейся ситуации быть оптимально полезным и практически выгодным в вопросах упрочнения роли русской православной церкви в жизни современного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Фамилия написана неразборчиво.

²Левое поле документа подшито в корешок дела, в силу чего часть текста недоступна для чтения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов П.С. Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола // Христианское чтение. 1902. № 3. С. 326–350.
2. Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. 8. 327 с.
3. Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. 280 с.
4. Керов В.В. Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 60–69.
5. Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации предпринимателей в России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв.). СПб., 1999. 202 с.
6. Волошина Е.С. Юридические аспекты женского предпринимательства в России в 1910–1917 гг. // Конференции, дискуссии, материалы. 2004. М., 2003. С. 45–52.
7. Миненко Н.А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск, 1989. 160 с.
8. Сулова Л.Н. Старообрядческие молитвенные здания в Тобольской губернии в XIX – начале XX в. // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2005. Вып. 6: От Средневековья к Современности. С. 240–271.
9. Головань Е.В. Раскол в исследованиях второй половины XIX в. (по каталогам библиотеки костромского общественного собрания, (1899–1906)) // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/issue/view?id=121> (дата обращения: 27.10.2016).
10. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. V. 2991. С. 166.
11. Софронов В.Ю. Государство и церковь в борьбе с церковным расколом (конец XVII – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 301. С. 65–68.
12. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. 4052. С. 737–742.
13. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. 14409. С. 222.
14. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. L. Отд. 1. 42345. С. 829.

15. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ). Ф. 156. Оп. 7. Д. 8.
16. ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1139.
17. ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1205.
18. ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 336.
19. ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 4. Д. 71а.
20. ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1351.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 февраля 2020 г.

Legislative Regulation of the Number of Schismatics and Documentation of the Fight against Schismatics in the 18th – Early 20th Centuries (Based on Materials from the State Archive in Tobolsk)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 124–130.

DOI: 10.17223/15617793/466/15

Aleksandra V. Spichak, Nizhneartovsk State University (Nizhneartovsk, Russian Federation). E-mail: spichak-89@mail.ru

Maria V. Ugryumova, Nizhneartovsk State University (Nizhneartovsk, Russian Federation). E-mail: mugryumova@mail.ru

Keywords: Russian Orthodox Church; Tobolsk Eparchy; Tobolsk Spiritual Consistory; schismatics; reasons; legislation; proceeding.

The article examines normative legal acts regulating the number of schismatics in the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries, as well as the practical application of the legislative framework in Tobolsk Eparchy. The aim of the study was to identify the reasons for the transition of women to schism and to analyze the methods of combating female schismatics in Tobolsk Eparchy in the 18th – early 20th centuries. To reach this aim, published and unpublished sources were studied. At the first stage of the study, the legislative regulation of the number of schismatics was analyzed using the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. At the second stage, the practice of identifying and punishing schismatics in Tobolsk Eparchy was examined using the materials of the State Archive in Tobolsk stored in Fund I156 “Tobolsk Spiritual Consistory”. In the archive, 674 cases related to the fight against the schism of 1750–1914 were found. A separate category of cases is on identifying and searching for female schismatics, and converting (or attempting to convert) them to the Orthodox faith. These materials allow tracing how proceedings on the cases of female schismatics were organized in Tobolsk Spiritual Consistory. The problem was analyzed at the intersection of documentary, historical, source study, and historical legal research spheres. The methodological basis of the research is general scientific, historical, and specific methods of document science. As a result of studying the documents of the State Archive in Tobolsk, possible reasons for the departure of women to schism have been identified. The main reasons for a woman to become a schismatic could be her own desire, marriage to a schismatic, widowhood and survival in difficult conditions, social origin, birth into an Old Believer family (at least the presence of a schismatic mother), etc. The main method of combating female schismatics was “exhortation”, for which the schismatics were sent to Tobolsk Spiritual Consistory; the only exception was pregnant women. The features of proceedings on the struggle against female schismatics have been clarified: proceedings were secret; the proceedings on the case could be prolonged for several months due to the correspondence of the eparchy’s authorities with the spiritual boards and Tobolsk provincial government; to provide better statistics, priests could hide female schismatics who married Orthodox men from their parish and record the former as Orthodox and attending all the necessary church procedures.

REFERENCES

1. Smirnov, P.S. (1902) Znachenie zhenshchiny v istorii russkogo starobryadcheskogo raskola [The significance of women in the history of the Russian Old Believer schism] *Khristianskoe chtenie*. 3. pp. 326–350.
2. Solov'ev, S.M. (1993) *Sochineniya* [Writings]. Vol. 8. Moscow: Mysl'.
3. Lileev, M. I. (1895) *Iz istorii raskola na Vetke i v Starodub'e XVII-XVIII vv.* [From the history of the schism at the Vetka and in Starodubye in the 17th–18th centuries]. Vol. 1. Kyiv: Tipografiya G.T. Korchak-Novitskogo.
4. Kerov, V.V. (2015) Mariya Morozova i drugie: gendernyi aspekt starobryadcheskogo predprinimatel'stva [Maria Morozova and others: the gender aspect of Old Believer entrepreneurship]. *Ural'skii istoricheskii vestnik – Ural Historical Bulletin*. 4(49). pp. 60–69.
5. Bepalova, Yu.M. (1999) *Tsennostnye orientatsii predprinimatelei v Rossii (na materialakh zapadnosibirskogo predprinimatel'stva vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.)* [Value orientations of entrepreneurs in Russia (based on materials from West Siberian entrepreneurship in the second half of the 19th and early 20th centuries)]. St. Petersburg: [s.n.].
6. Voloshina, E.S. (2003) Yuridicheskie aspekty zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii v 1910–1917 gg. [Legal aspects of female entrepreneurship in Russia in 1910–1917]. In: *Konferentsii, diskussii, materialy. 2004* [Conferences, discussions, materials. 2004]. Moscow: Ekon-inform. pp. 45–52.
7. Minenko, N. A. (1989) *Zhivaya starina. Budni i prazdniki sibirskoi derevni* [Living old. Weekdays and holidays of the Siberian village]. Novosibirsk: Nauka.
8. Suslova, L.N. (2005) Starobryadcheskie molitvennye zdaniya v Tobol'skoi gubernii v XIX – nachale XX v. [Old Believer prayer buildings in Tobolsk Province in the 19th – early 20th centuries]. In: *Problemy istorii Rossii* [Problems of the history of Russia]. Vol. 6. Yekaterinburg: Volot. pp. 240–271.
9. Golovan', E.V. (2015) The Schism in the Studies in the Second Half of the 19th Century (According to the Catalogs of the Kostroma Social Gathering Library (1899–1906)). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 1. [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/ru/issue/view?id=121> (Accessed: 27.10.2016). (In Russian).
10. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of Russian Empire] Col. 1. Vol. V. 2991. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. p. 166.
11. Sofronov, V.Yu. (2007) The State and the Church in the Struggle against the Schism (Late 17th – Early 20th Centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 301. pp. 65–68. (In Russian).
12. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of Russian Empire] Col. 1. Vol. VI. 4052. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. pp. 737–742.
13. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of Russian Empire] Col. 2. Vol. XVI. P. 1. 14409. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. p. 222.
14. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of Russian Empire] Col. 2. Vol. L. P. 1. 42345. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. p. 829.

15. State Archive in Tobolsk. Fund 156. List 7. File 8. (In Russian).
16. State Archive in Tobolsk. Fund. 156. List 1. File 1139. (In Russian).
17. State Archive in Tobolsk. Fund. 156. List 1. File 1205. (In Russian).
18. State Archive in Tobolsk. Fund. 156. List 3. File 336. (In Russian).
19. State Archive in Tobolsk. Fund. 329. List 4. File 71a. (In Russian).
20. State Archive in Tobolsk. Fund. 156. List 11. File 1351. (In Russian).

Received: 05 February 2020

К.С. Стригунов, А.В. Манойло

ПЕРЕВОРОТ В БОЛИВИИ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

Исследуется механизм государственного переворота в Боливии в октябре–ноябре 2019 г. Рассмотрены внутренние причины и внешние факторы, способствовавшие свержению Эво Моралеса. Впервые вскрыт и детально изучен адаптированный к боливийским условиям триггерный механизм активации государственного переворота с использованием технологий демонтажа политических режимов. Сделан вывод о том, что противодействие со стороны США левым политическим режимам в Латинской Америке де-факто является продолжением операции «Кондор».

Ключевые слова: Боливия; Эво Моралес; США; цветные революции; Организация американских государств; Латинская Америка.

Введение

События в Боливии по целому ряду признаков указывают на произошедшую в ней разновидность цветной революции – технологии демонтажа политических режимов, инспирируемой извне одним или несколькими игроками мировых политических процессов. Впрочем, на наш взгляд, нельзя отрицать и наличие внутренних факторов, создававших противоречия внутри этой страны. Поэтому, как представляется, реальная картина боливийских событий 2019 г. сложней.

Ранее исследователями прогнозировалось, что в обществе Боливии, где сохраняются этнические противоречия, дестабилизация способна привести к социально-политическим кризисам [1. С. 9], что дополняется территориальным спором [2. С. 149], поскольку белое население (креолы) сосредоточено преимущественно в восточных департаментах страны¹. При этом, как отмечается в работе [3. С. 171], в боливийских конфликтах присутствуют все эти компоненты, куда добавляется борьба за контроль над природными ресурсами, земельными угодьями и территориями (имеющими культурно-символический смысл для традиционно на нем расселенного народа), требование прав на самоопределение и политическую автономию, противопоставление господствующей элиты и широких слоев населения, а также конфликт устоев, обычаев и традиций боливийских народов при неприятии индустриализации и экстрактивной экономической модели.

Следовательно, все компоненты для кризиса октября–ноября 2019 г. были заложены раньше. Однако исключительно внутренними причинами объяснить произошедшее нельзя; государственный переворот прошел не без участия внешних игроков, которые воспользовались проблемами Боливии, а всеобщие выборы использовали как триггерный механизм для свержения Эво Моралеса. Ниже мы представили свое видение того, что же произошло в Многонациональном Государстве Боливия.

Внутренние противоречия как факторы переворота в Боливии

После прихода к власти Э. Моралеса в конце 2005 г. Боливия совершила существенный рывок в экономи-

ке. Ее резервы с 2006 г. увеличились приблизительно в 10 раз (максимум пришелся на 2014 г., после чего начался некоторый спад [4]), чистые резервы центрального банка на 2018 г. составили 21,1% ВВП [5], сам ВВП возрос в четыре раза – в текущих ценах с 9,5 млрд долл. США в 2005 г. до 40,2 млрд долл. США в 2018 г. [6], рост экономики в 2013 г. составил 6,8% [7] (позже этот показатель снизился, но все равно оставался одним из самых высоких в регионе). Безработица, по данным Всемирного банка, составила 3,3% в 2019 г. [8], очень низкая инфляция – в 2018 г. на уровне 2,8% [9], серьезно улучшилось благосостояние коренного и самого бедного населения, появился средний класс. Однако экономический рост не разрешил имевшиеся системные противоречия – он лишь решил ряд вопросов, из-за которых, в частности, лишился власти предыдущий президент Карлос Меса, являвшийся главным конкурентом Э. Моралеса на выборах 2019 г. Бедное и нищее индейское население было электоральной опорой для Э. Моралеса, и впервые именно при нем оно получило практически те же права, что и белое население, сосредоточенное преимущественно в восточных регионах Боливии, например в департаменте Санта-Крус. Возникает вопрос: что могло послужить причиной недовольства значительной части населения в развивающейся стране?

Проблема состояла в том, что решение противоречий при Э. Моралесе носило не стратегический характер, на перспективу. Вышеупомянутые достижения в экономике оказались возможны во многом благодаря «мягкой» национализации ряда компаний, когда новая власть заставила отдавать большую часть доходов государству. Еще одной мерой стало обложение налогами наиболее богатых слоев населения и компаний. Кроме того, Э. Моралес ввел жесткий контроль над использованием природных ресурсов, включая газ, нефть, литий и другие полезные ископаемые. Нововведением в соответствии с измененной в 2009 г. Конституцией стало право властей выделять земли общинам индейцев. И действительно: в первые десять лет правления Э. Моралеса это дало внушительный результат, однако частично решенные противоречия (выравнивание в правах коренного населения с белым, контроль над природными ресурсами, повышение благосостояния и пр.) обострили старые (нерешенные) и создали новые.

Одним из таких противоречий стала мягкая форма декатолизации, а конкретно отказ от католицизма как государственной религии в Боливии. В результате местные индейцы получили право почитать богиню земли и плодородия Пачамаму². Такой ход не мог не вызвать противодействия со стороны белого креольского населения, и в некоторой степени метисов, считающее себя наследниками испанской культуры. Решение отказаться от католицизма как от единственной государственной религии вызвало резкую реакцию и в консервативных кругах Ватикана.

Еще одним существенным фактором недовольства стало предоставление статуса государственного 37(!) языкам наравне с испанским, причем один из них обязателен для использования в государственных учреждениях. Это создало культурные и организационные проблемы для той части населения, которая никогда не использовала языки коренных народов ни в личном общении, ни в работе или в официальном документообороте.

Другим противоречием, обостренным решениями Э. Моралеса, стало недовольство восточных регионов Боливии решением о национализации природных богатств, поскольку львиная доля ВВП страны формируется именно там (например, в упомянутом департаменте Санта-Крус), наибольшие запасы газа также расположены на востоке. Именно в городе Санта-Крус-де-ла-Сьерра – столице департамента Санта-Крус, крупнейшем и наиболее экономически развитом городе Боливии – начались беспорядки. К ним мы еще вернемся. Местное белое население и их политические лидеры на протяжении долгого времени относились к коренному населению как к людям второго сорта, и приход к власти индейца из племени аймар вызвал у них крайнюю неприязнь. Еще больше она увеличилась, когда он своими внесениями изменений в боливийскую Конституцию перераспределил ресурсы в пользу коренного индейского населения, при том, что их значительная доля находится на территории восточных регионов. Фактически, опираясь на индейцев и будучи выразителем их интересов, он стал действовать в ущерб интересам креолов, вследствие чего не увеличил и без того крайне низкую базу поддержки среди них, а уменьшил. Этим были созданы условия для большего раскола в обществе.

Уменьшение поддержки Э. Моралеса также связано и с его действиями в Национальном парке Исеборе Секуре и территории коренных народов (Territorio Indígena y Parque Nacional Isiboro Secure, TIPNIS), а именно со строительством шоссе Вилла Тунари-Сан Игнасио де Моксос (Villa Tunari – San Ignacio de Moxos). Это решение, отмененное в 2011 г., но потом всё же вступившее в силу с принятием соответствующего закона от 2017 г. [10], вызвало резко негативную реакцию у коренных народов, проживающих на территории TIPNIS. В границе парка также есть зоны, где разрешена добыча нефти, которую добывает боливийская государственная нефтяная компания YPFB, венесуэльская PDVSA, бразильская Petrobras и др. По оценкам Центра документации и информации Боливии (Centro de Documentación e Información de Bolivia, Cedib), это способно привести к негативному воздей-

ствию на окружающую среду, а наличие шоссе способствует ускорению нефтеразведки и нефтедобычи [11]. Этим и объясняется определенное недовольство со стороны части коренного населения Э. Моралесом и снижением его поддержки по сравнению с тем уровнем поддержки, которым он обладал десять лет назад. Если на выборах 2009 г. он получил 64% голосов населения, то на выборах 2019 г., согласно официальным подсчетам, его поддержка уменьшилась и составила 47%, т.е. на 17% сократилась по сравнению с показателем десятилетней давности. Как следствие, его позиции перестали быть неоспоримыми.

Представляется, что проблема Э. Моралеса и его партии «Движение к социализму», а вместе с этим практически всех левых правительств в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, состоит в том, что достигнув определенных успехов в первые годы своего правления, они не находят возможности закрепить результат. Поясним. После прихода к власти практически любое левое руководство в Латинской Америке действует по схожей схеме, хотя и с определенными отличиями, обусловленными конкретными особенностями в каждой, отдельно взятой стране, где на определенном историческом этапе к власти приходили левые, социалистические силы. Суть ее состояла в той или иной форме национализации богатств, перераспределении ресурсов в пользу наиболее бедной части населения (которая и становилась социальной опорой новой левой власти), в повышении налогов для самой состоятельной части граждан, в пользу коренного населения решались земельные вопросы, активировался индихенизм, осуществлялась выплата пособий и субсидий, трансформировалась система выборов, которая калибровалась под новую власть, на первых порах сокращалась существовавшая социальная поляризация и т.п. Таким образом, на начальных этапах левые власти делали все то, что и нужно делать властям, которые пытаются уйти от внешней зависимости, проводят суверенную политику, решают проблемы большинства, разрешают накопившиеся противоречия.

Но проблема в том, что данный этап самый простой в осуществлении.

По сути, речь идет о перераспределении ресурсов, которые раньше получали транснациональные корпорации и местные олигархические группы в пользу, в первую очередь, наиболее бедных слоев населения. Однако после того как эта задача в целом решалась, в стране появлялся, по местным меркам, средний класс, населению больше не хватало только одних лозунгов о равенстве, справедливости, достатке в еде и т.п. Помимо этого население нуждалось в возможностях. Этот аргумент будет понятней, если привести пример с другой страной, где также строится специфический социализм, а именно Китай. Совершенно очевидно, что в нынешнее время лозунги времен начального периода правления Мао Цзэдуна совершенно непригодны: если бы сейчас председатель Си Цзиньпин вышел и с трибун начал продвигать все те же идеи, что и Мао в 1950–1960-е гг., то это было бы, по меньшей мере, странно, а как максимум, начини КПК проводить то, что было актуально в середине прошло-

го века, завершилось бы социально-политической катастрофой. Однако этого не происходит и произойти не может в принципе.

Еще Дэн Сяопином была заложена реформа, которой Китай во многом следует и сейчас – построение социализма с китайской спецификой. Именно то, что КНР, не отказываясь от своего прошлого, смогла выйти на путь подлинного развития, создать своей проект будущего, и лежит в основе китайского социально-экономического и технологического рывка. Разумеется, китайцы сумели по-максимуму использовать благоприятные условия (советско-американское противостояние, открытие западных рынков, приход инвестиций и технологий, вывод ряда американских производственных мощностей в Китай и др.), но в этом и состоит гений Дэн Сяопина, которого можно смело назвать одним из крупнейших государственных деятелей XX в. Однако важнее то, что Коммунистическая партия Китая сумела воспользоваться представившимися возможностями и дала своему народу проект будущего. В 1990–2000-е гг. китайская экономика росла почти экспоненциально, а в последнее десятилетие происходит качественный скачок от экономики, основанной на дешевой рабочей силе, к экономике высокотехнологичной, активно проходящей фазу индустриализации и входящей в фазу неоиндустриализации (или, согласно [12], в интегральный мирохозяйственный уклад), с переходом в шестой технологический уклад. Для гигантского населения оказалось возможным применение своих талантов, реализация творческого потенциала, продвижение по социальной лестнице³, сохранение вертикальной мобильности. То есть проект будущего требует усложнения общества и примитивным подходом через изъятие ресурсов у олигархата и корпораций с последующим распределением среди большей части населения здесь нельзя ограничиться. Если человек решил свои базовые потребности (в соответствии с пирамидой Маслоу), у него появляется необходимость в реализации потребностей более высокого порядка, а это невозможно либо крайне трудно сделать в присваивающей, но не развивающейся экономике. Следовательно, нужен переход от перераспределения к преумножению, с сохранением тех гарантий для населения, которые обеспечили приход к власти и ее удержание.

И вот как раз здесь у левых сил в Латинской Америке начинаются проблемы.

Как только первый этап «вернуть и перераспределить» пройден и по всем признакам нужно переходить к этапу «развивать и преумножить», возникает торможение. Власть либо не имеет адекватного проекта, либо не в состоянии его реализовать. Чаще всего имеет место и то и другое. Происходит бюрократизация, рост коррупции, криминализация, ликвидация вертикальной мобильности, хотя есть и некоторые исключения, которые, впрочем, не сильно меняют картину в целом.

Другой фактор носит внешний характер. Во времена Советского Союза многие из стран региона зависели от Москвы не только в политическом, но и в экономическом плане, а после 1991 г. понесли серьезный урон из-за прекращения поддержки, оказывав-

шейся, в частности, по линии Совета экономической взаимопомощи. Также нужно сделать оговорку, что левые политические правительства в Латинской Америке никогда не были в полной мере социалистическими, так как их экономика имела все признаки капитализма с сильным государственным участием. Политико-идеологическая составляющая носила ярко выраженный эклектичный характер, в которой к «левизне» примешивались и иные составляющие (например, достаточно вспомнить высказывания венесуэльского лидера Уго Чавеса, который в свое время поочередно называл себя марксистом, коммунистом и троцкистом, хотя ранее публично заявлял, что не являлся ни марксистом, ни коммунистом).

Также имеет место целенаправленная подрывная деятельность со стороны внешних сил. В первую очередь, это влияние США, которые пользуются самыми разными инструментами воздействия на страны с неудобными режимами, проводящие независимую от них политику. Сюда можно отнести активацию диверсионно-террористической деятельности на территории этих стран, экономические санкции и блокаду (например, в отношении Венесуэлы и Кубы), политико-дипломатическое давление, попытки инициации в них цветных революций и др. Практически все левые режимы в Латинской Америке в той или иной степени подвержены влиянию указанных процессов. Подчеркнем: это отнюдь не значит, что крах левых проектов неизбежен, это не так, однако на данный момент нет ни единого примера по-настоящему успешной левой силы в Латинской Америке, которая сумела бы решить в долгосрочной перспективе ключевой вопрос: одновременно сохранить суверенитет страны, поддерживать устойчивость собственной властной системы и развивать страну в соответствии со своим проектом будущего. Иными словами, даже под воздействием внешнего системного враждебного фактора (агрессивная политика США и их сателлитов по отношению к стране с левым правительством) суметь развивать страну и сохранять поддержку большей части населения.

Разумеется, нельзя не сказать о военных, чье влияние в латиноамериканских странах трудно переоценить. От вопроса о том, насколько власть сумеет их инкорпорировать в себя военных, создав условия для поддержки с их стороны, во многом зависит устойчивость всего строя. Если военные высоко интегрированы во властную систему левого типа (как в Венесуэле), вероятность военного переворота существенно снижается. В противном случае (как в Боливии, где генералитет и офицерская среда тесно связаны с оппозицией и структурами в восточной части страны, например с рядом фашистских организаций, а кроме того, проходили стажировку в США, о чем подробней будет сказано ниже) военные в той или иной форме принимают участие в перевороте. В этой связи есть основания усомниться в высказываниях некоторых экспертов, утверждавших, что в Боливии военные не принимали участие в перевороте. Это не соответствует действительности. Отсутствие или незначительный масштаб непосредственных силовых действий с их стороны не означает отсутствие участия в свержении

главы государства. Военные одним своим заявлением о «рекомендации» Э. Моралесу покинуть свой пост серьезным образом воздействовали на него и стали одним из важных факторов, вынудивших уже экс-президента отказаться от власти и попросить помощи у правительства Мексики. Такая «просьба» равносильна угрозе вынудить Э. Моралеса с помощью силы отказаться от своего поста. Разве это не участие в перевороте? Угроза применения силы порой эффективней самой силы. Однако переворот в Боливии, как будет показано ниже, носил более сложный и комплексный характер. Пока же сделаем несколько промежуточных выводов.

Неспособность левых правительств вывести страну на новый этап развития приводит к ослаблению поддержки среди населения, делает существующий левоориентированный строй уязвимым для государственного или военного переворота, либо – в менее радикальном варианте – к поражению на выборах и передаче полномочий своим политическим противникам. Чаще всего это праволиберальные или ультраправые режимы, которые в целом проводят схожую политику, что ранее наблюдалось в Чили, Аргентине, Бразилии, Венесуэле, в самой Боливии и других латиноамериканских странах. Они ориентированы на Вашингтон, международные финансовые институты, создают режим наибольшего благоприятствования для транснациональных корпораций, усиливают налоговую нагрузку на население, вследствие чего увеличивается социальная поляризация в обществе.

В результате происходит постепенное (или, наоборот, резкое) увеличение недовольства среди жителей, обостряется вопрос социальной справедливости, центр сил смещается к иным кланам и политическим группам, активизируется недовольство в среде военных. Тогда происходит возврат маятника развития страны от правого к левому строю, а затем, нередко, история повторяется и левый строй сменяется правым, и т.д. Пока ни одной левой власти в Латинской Америке и Карибском бассейне не удалось прервать этот процесс, и в лучшем случае левым правительствам удается поддерживать свою властную систему, но без существенного прогресса в развитии страны. Ресурсы развития уходят на поддержание устойчивости и противодействию внешнему враждебному влиянию (санкциям, блокаде, иной подрывной работе). Нечто подобное произошло на Кубе, где Коммунистическая партия удерживает власть вот уже шестьдесят лет, чему способствует географическое положение Острова свободы и ее эффективные спецслужбы⁴. При этом еще раз подчеркнем: отсутствие успеха левых правительств в деле сохранения суверенитета с параллельным поддержанием устойчивости властной системы и реализацией проекта развития страны не означает принципиальную невозможность этого.

Наконец, нельзя не отметить мощного системного враждебного фактора, негативно сказывающегося на попытках социалистических или квазисоциалистических сил добиться успеха в деле вывода своих стран на новый виток развития. Именно этому вопросу в контексте боливийского госпереворота и посвящен следующий раздел.

Внешние факторы переворота

После событий в Боливии появились публикации некоторых обозревателей и аналитиков, которые практически не учитывали фактор внешнего воздействия на события в этой стране. Их аргументация сводится в основном к тому, что в Боливии и так очень часто в истории происходили перевороты, поэтому якобы видеть в произошедшем признаки цветной революции – подход неверный, а подлинные причины свержения Эво Моралеса лежат сугубо внутри страны.

Однако здесь резонно задаться вопросом: разве факт значительного числа переворотов в прошлом Боливии исключает возможность внешнего воздействия в форме цветной революции в новейшее время? Полагаем, не исключает. Кроме того, сама Боливия не является государством в том смысле, в каком это понятие применяют к России, КНР или США; из Ла-Паса контроль над деятельностью граждан в тех или иных регионах довольно условный. С 1825 г., когда Боливия получила независимость, у нее так и не сформировалась устойчивая институциональная система, а неразрешенные межэтнические и культурные противоречия вместе с разными геоклиматическими особенностями регионов Боливии и войнами с соседними державами дополнительно осложняли формирование сильного государства. Соответственно, в стране нет системы сдержек и противовесов (будь то в однопартийной системе или многопартийной), свойственных странам с более развитой организацией. Поэтому перевороты в Боливии – довольно привычное явление.

Именно слабость органов государственной власти делает Боливию довольно уязвимой к подрывной работе извне. Напомним, что технологии демонтажа политических режимов по типу цветных революций осуществляются не без серьезных причин. Их применяют тогда, когда социально-экономические и политические условия страны-мишени ухудшаются настолько, что внешний агрессор решается на более активное вмешательство, вплоть до устранения неуправляемого режима. В случае необходимости существующие негативные факторы в стране искусственно обостряются, после чего какое-либо событие, даже сравнительно незначительное (как, например, повышение цены на электроэнергию, проезд в общественном транспорте, использование мессенджеров либо принятие спорного законопроекта и т.п. – в общем, все что угодно), используется в качестве повода, запала для активации конкретного алгоритма технологического демонтажа. Чем страна слабее в институциональном отношении, чем менее суверенно государство, чем сильнее местные элиты в ценностно-идейном, финансовом и культурном отношении завязаны на агрессора, тем больше шансов у последнего осуществить переворот в стране-мишени [14. С. 172]. Боливия здесь не является исключением, и наибольшая ее уязвимость – в слабости государства и в отсутствии (если говорить о власти Э. Моралеса) проекта его развития у левого правительства, способного разрешить существующие противоречия и поддерживать соб-

ственную устойчивость на протяжении длительного времени, при этом сохраняя субъектность государства. Моралесу не удалось этого сделать, из-за чего он неизбежно стал мишенью не только для своих противников внутри страны, но и для ряда внешних сил, стремящихся удержать весь регион под своим контролем. Дальнейший анализ показывает, что нет никаких сомнений в причастности внешних игроков к перевороту в Боливии.

Некоторые специалисты считают, что в Боливии «изначально не было протестов социального характера, а проявилось возмущение значительной части электората и оппозиции фальсификациями, позволившими левому президенту Эво Моралесу победить уже в первом туре президентских выборов (20 октября 2019 г.)» [15. С. 9]. Однако более тщательный анализ показывает, что поводом и сигналом для переворота стали действия Организации американских государств (ОАГ) во время подсчета голосов всеобщих выборов в Боливии 20 октября 2019 г. Именно сообщения ОАГ о нарушениях в ходе избирательной кампании стали поводом для протестов и беспорядков.

Так, в выводах предварительного доклада ОАГ «Electoral integrity analysis General Elections in the Plurinational State of Bolivia» [16] сказано, что «в четырех рассмотренных факторах (технология, цепочка поставок, целостность учетных листов и статистические прогнозы) были обнаружены нарушения, от очень серьезных до свидетельств того, что что-то не так. Это заставляет группу технического аудита поставить под сомнение достоверность результатов выборов 20 октября 2019 года». Также было сказано, что «принимая во внимание статистические прогнозы, возможно, что кандидат Э. Моралес пришел первым, а кандидат Карлос Меса – вторым. Однако статистически маловероятно, что Э. Моралес получил разницу в 10%, необходимую, чтобы избежать второго раунда». Однако главный избирательный орган Боливии Tribunal Supremo Electoral (TSE) 25 октября опубликовал официальные результаты выборов, в соответствии с которыми Э. Моралес набрал 2 889 359 голосов (47,08%) против своего ближайшего конкурента К. Меса с 2 240 920 голосами (36,51%). Э. Моралес, набрал на 648 439 голосов больше⁵, т.е. на 10,5% обогнал своего преследователя, а значит, одержал победу в первом туре без необходимости проведения второго тура.

Напомним, что в соответствии с законодательством Боливии кандидат, получивший более 50% голосов или не менее 40% с 10-процентным опережением кандидата, занявшим второе место в первом туре, объявляется победителем. Схема подсчета голосов следующая. В Боливии применяется так называемый быстрый подсчет (Transmisiyón de Resultados Electorales Preliminares, TREP). Данная система была внедрена в соответствии с рекомендациями ОАГ. Для выборов 2019 г. она внедрилась частной компанией совместно с Servicio de Registro Cívico (SERECÍ) – Службой регистрации актов гражданского состояния, и разработана с целью обеспечить быстрый, но неполный и не окончательный результат в ночь выборов, чтобы дать СМИ представление о тенденции го-

лосования и информировать общественность. Однако, как показывает анализ базирующегося в Вашингтоне Центра экономических и политических исследований (Center for Economic and Policy Research, CEPR) [17], местный центрризбирком TSE вряд ли может обработать 100% результатов при быстром подсчете голосов по всей стране из-за материально-технических и логистических ограничений, а обрабатываемая сумма может сильно различаться в зависимости от географического положения и типа бюллетеня. О логистических трудностях прямо заявил министр юстиции и институциональной прозрачности Эктор Арсе Законета (Héctor Arce Zaconeta), выступая в Вашингтоне 24 октября 2019 г. [18].

Вторая система подсчета голосов – это официальный подсчет (так называемый cómputo), обладающий обязательной юридической силой в соответствии с законодательством Боливии. Официальный подсчет является более тщательным и точным и занимает больше времени. TSE использует эту систему для определения и объявления окончательных результатов выборов. После завершения голосования отдельные избирательные бюллетени подсчитываются на избирательных участках и объединяются в акты или листы подсчета голосов. Для быстрого подсчета результаты из учетных листов отправляются операторам проверки SERECÍ через мобильное приложение вместе с фотографиями самих листов. После чего учетные листы физически отправляются в Ведомственный избирательный трибунал (Departmental Electoral Tribunal, TED), где информация проверяется и заносится в официальный подсчет.

21 октября Миссия ОАГ по наблюдению за выборами в Боливии выпустила первоначальный пресс-релиз после выборов, в котором «выразила глубокую обеспокоенность и удивление по поводу резких и трудно объяснимых изменений в тенденциях предварительных результатов (из быстрого подсчета. – *Прим. авт.*), обнаруженных после закрытия опросов» [19]. В соответствии с процессом быстрого подсчета на предыдущих выборах, TSE завершила быстрый подсчет на 83,85% проверенных листов. Это показывает, что Э. Моралес получает 45,71% голосов, а К. Меса – 37,84%, что составляет разницу в 7,87%. Два дня спустя миссия ОАГ опубликовала свой предварительный отчет о выборах, в котором кратко повторилась критика о том, что «изменения в тенденции TREP (быстрый подсчет. – *Прим. авт.*) трудно объяснить и они не соответствуют другим доступным измерениям» [20]. Однако специалисты CEPR вскрыли причины того, что в ОАГ сочли «необъяснимым».

Во-первых, официальный подсчет никогда не прерывался и регулярно обновлялся без существенного перерыва. Любое потенциальное нарушение должно было повлиять и на быстрый подсчет, и на официальный, чего не было выявлено.

Во-вторых, Миссия ОАГ потребовала перезапустить быстрый подсчет, что и было сделано через 23 ч. Этот подсчет показал, что Э. Моралес приближается к 10-процентному отрыву от К. Меса, дающий победу над ним. В ОАГ же выразили «глубокую обеспокоенность и удивление резким и трудно объяс-

нимым изменением тенденции предварительных результатов, выявленных после закрытия избирательных участков».

В-третьих, росту поддержки Э. Моралеса специалисты CEPР дали абсолютно исчерпывающее объяснение. Дело в том, что в Боливии голоса из сельских и периферийных районов страны имели тенденцию непропорционально благосклонно относиться к Э. Моралесу и партии «Движение к социализму». Из-за материально-технических, технологических и, по всей видимости, логистических ограничений (учитывая условия и труднодоступность, например, высокогорных районов страны, где проживает значительная часть электоральной базы Э. Моралеса) эти голоса в итоге подсчитываются позже, т.е. имеет место запаздывающая отчетность. Это относится как к быстрому, так и к официальному учету, на который влияет та же география и инфраструктура. Сельские и более бедные места, которые, как правило, оказывали большую поддержку Э. Моралесу, медленнее передают данные или отправляют списки избирателей избирательным трибуналам. Поэтому, как указывают специалисты CEPР, разрыв между Э. Моралесом и К. Месой неуклонно увеличивался по мере продвижения процесса подсчета. Созданная модель командой специалистов CEPР показывает, что с ростом числа обработанных голосов среднее значение отрыва Э. Моралеса от К. Месы составляет 10,35%, при этом 80% результатов попадают между значениями 10,3% и 10,4%. Эти результаты с очень высокой точностью согласуются с официальным результатом 10,57%. Однако крайне важным является то, что ОАГ фактически без предъявления каких-либо доказательств заявили о «трудно объяснимых тенденциях» в быстром подсчете и сразу же рекомендовала провести новые выборы.

Конкурент Э. Моралеса К. Меса отказался признавать итоги голосования, что активировало протесты в стране, переросшие в беспорядки. К таковым имеют отношение и праворадикальные группировки, например, мотокерос (motoqueros) из движения Resistencia Juvenil Cochala [21] (примечательно, что страница этой организации в Facebook [22] была создана только 3 ноября, т.е. после выборов; до этого о данной организации мало кто слышал). Эти боевики на мотоциклах стали одной из главных ударных сил в беспорядках, вступая в стычки со сторонниками Э. Моралеса и его партии. Кроме них в беспорядках принимали участие боевики из «Союза молодежи Санта-Крус» (Unión Juvenil Cruceñista, UJC) – боевого крыла «Гражданского комитета за Санта-Крус» («Comité Cívico Pro Santa Cruz»), ультраправой фашистской организации, возглавляемой Луисом Фернандо Камачо, являющимся одним из лидеров оппозиции и близким соратником К. Меса. Данная организация известна своим своеобразным христианским фундаментализмом, фашистскими и расистскими высказываниями и действиями в отношении коренного индейского населения. Кроме того, она активно выступала за отделение департамента Санта-Крус от Боливии. Малоизвестный как среди населения Боливии, так и за ее пределами до выборов 20 октября 2019 г., после них Л. Камачо приобрел широкую популярность по

аналогии с радикальными парафашистскими группировками из Украины (например, так называемый «Правый сектор» после переворота 2013/2014 гг.). Сам Л. Камачо имеет тесные связи с боливийцем хорватского происхождения по имени Бранко Маринкович – крупным латифундистом и бизнесменом, активировавшим поддержку правой оппозиции после принятия Э. Моралесом законов о национализации земли и других природных ресурсов [23]. Подчеркнем: поскольку в Санта-Крус содержатся очень значительные полезные ископаемые, включая газ, медь, драгоценные камни (аметисты, аметрины) [24], тянутся нефтепроводы (например, Санта-Крус-де-ла-Сьерра – Арика), находятся нефтяные месторождения, расположены крупнейшие теплоэлектростанции (на которые приходится большая часть производимой в Боливии электроэнергии) и др., контроль над этим департаментом имеет стратегическое значение. Поэтому наиболее сильные выступления против Э. Моралеса проходили именно в этом восточном регионе страны.

Сам Б. Маринкович довольно примечательная личность. Он имеет хорватское происхождение, а его родители переехали в Боливию из Европы после Второй мировой войны. Учитывая то, что в Боливию активно стекались немцы, итальянцы и хорваты из числа нацистов, фашистов и усташей соответственно, с высокой долей вероятности они были сторонниками хорватского прогитлеровского движения усташей, возглавлявшегося Анте Павеличем. И хотя Б. Маринкович утверждал, что его отец сражался с гитлеровцами, все же возникает вопрос, почему он с семьей уехал в Латинскую Америку, да еще туда, где оседали пронацистские элементы? Даже специалисты из разведывательско-аналитической кампании Stratfor считают его наследником усташа [25]. На это же указывают и его ультраправые взгляды.

Помимо этого, как выявило боливийское обвинение [26, 27], в 2008 г. для устранения Э. Моралеса он пригласил в Боливию членов Первой международной части хорватской армии, принимавших активное участие в войне на Балканах в 1991–1995 гг. Среди боевиков был Эдуардо Росса-Флорес – наемник, воевавший на стороне хорватов против сербов. Он имел тесные контакты с аргентинскими ультраправыми экстремистскими «карапинтадас» [28] (тоже замеченные в Балканских войнах), наладить связи с которыми ему помогал венесуэлец-античавист Пенья Эсклуса, руководитель НПО «UnaAmerica», финансируемой из США [29]. Координацию всей этой деятельности осуществлял посол США Филипп Гольдберг [30], который был одним из разработчиков Дейтонских соглашений, результатом чего стала, например, передача Боснии и Герцеговины под контроль наднациональных структур [31. С. 231]. В итоге операция провалилась: трое террористов, включая Э. Россо-Флореса, были ликвидированы в отеле «Лас Америкас» в городе Санта-Крус-де-ла-Сьерра 16 апреля 2009 г., еще двое были арестованы. Предположительно, связным у Э. Россо-Флореса был Уго Ача (Hugo Achá) – представитель Human Rights Foundation, НКО базирующейся в Нью-Йорке [32, 33], а также двойной агент венгерского происхождения времен холодной

войны Иштван Беловаи (эта информация была получена из ноутбука, изъятого вместе с другими предметами диверсионно-террористической группы, нейтрализованной в отеле «Лас-Америкас» [34]), с которым Э. Россо-Флорес познакомился в начале 1990-х гг. во время войны на Балканах. После предъявленных прокуратурой обвинений в причастности к заговору против Э. Моралеса Б. Маринкович покинул Боливию и с тех пор находится в Бразилии [35] (по другим данным, некоторое время он пребывал в Бока-Ратон, Флорида, США). Американский посол Ф. Гольдберг был выгнан с территории Боливии.

Однако серьезные наработки в Боливии американские спецслужбы имели еще со времен печально известной операции «Кондор», когда при поддержке американского правительства и разведсообщества, прежде всего ЦРУ, осуществлялась координация транснационального взаимодействия между разведками и службами безопасности ультраправых режимов в Аргентине, Боливии, Бразилии, Уругвае, Чили и других стран Латинской Америки с целью подавления и уничтожения любых левых движений, политиков, партизан и им сочувствующих. Фактически в 1960–1980-е гг. был развернут систематический антикоммунистический террор в континентальном масштабе, жертвами которого стали сотни тысяч человек, включая десятки тысяч убитых и замученных, а также сотни тысяч отправленных в концлагеря и тюрьмы. Именно в Боливии ЦРУ развернуло широкомасштабную деятельность, итогом которой стала поимка Героического партизана Эрнесто Че Гевары и его убийство. Причем, по некоторым предположениям, к этому мог иметь отношение нацистский преступник Клаус «Леонский мясник» Барбье, завербованный американскими спецслужбами и также использовавшийся в операции «Кондор».

В 1971 г., с американской поддержкой, к власти в Боливии пришел немецкого происхождения Уго Банзер Суарес, родом из Санта-Круса, откровенно фашистского типа государственный деятель, в системе органов безопасности которого работал все тот же нацист Клаус Барбье. Примечательно, что, по мнению государственного обвинения Боливии, в подготовке теракта против Э. Моралеса, Э. Россо-Флоресу и его боевикам оказывал поддержку Гари Прадо Салмон – командир действовавшего под руководством ЦРУ подразделения, захватившего Э. Че Гевару [36]. Кроме того, был арестован и один из сыновей Г.П. Сальмона Гари Прадо Арауз. Поэтому история использования Вашингтоном неофашистских главарей, нацистских преступников и ультраправых организаций в Боливии весьма длительная и насыщенная.

Более того, неофашистов Вашингтон, вместе с другими мировыми игроками (например, Ватиканом; известно, что Э. Россо-Флорес был членом папского ордена и спецслужбы «Opus Dei» [37]), активно действовал в разных странах и в разное время. Если в Латинской Америке проводилась колоссальная по своему размаху и жестокости антикоммунистическая операция, то фашистских боевиков из этого региона активно вербовали и отправляли в зоны конфликта в других частях света. Одним из таких примеров и яв-

ляются войны на Балканах, с помощью которых ряд западных государств и наднациональных структур провели апробацию по расчленению Югославии – крупной страны с достаточно развитой промышленностью – с последующим перехватом контроля над образовавшимися на ее месте слабыми государствами и вытеснением из Балкан России. Таким образом, наемники и террористы, ранее находившиеся далеко от зоны конфликта, перебрасывались в нее для конкретных целей, а после того, как они выполняли свою работу, либо возвращались в страны исхода, либо использовались в других войнах. Боливия здесь представляет как раз тот самый случай: ультраправые фашистские организации из Санта-Круса имели связь с этими боевиками, получая финансирование и другую поддержку из США. Они и стали ударной силой государственного переворота в Боливии.

Стоит немного подробнее остановиться и на ОАГ. Эта организация, созданная в годы холодной войны, также использовалась американцами в деле противодействия усилению левых сил в латиноамериканском регионе. На 60% данная структура финансируется из Вашингтона и неудивительно, почему ее позиция полностью коррелирует с позицией американцев. Контроль над ОАГ осуществляется американским сенатором кубинского происхождения Марко Рубио, известным своими антисоциалистическими и антикастровскими взглядами. Но далеко не только эти сведения указывают на вмешательство извне. Уже была опубликована серия из 16 аудиозаписей, на которых представители оппозиции призывали к перевороту против президента Э. Моралеса [38]. Примечательно, что среди названных фамилий фигурирует упомянутый Марко Рубио, а также другие сенаторы – Тед Круз и Боб Менедес. Кроме того, указывается на помощь Евангелистской церкви (к слову, корейского происхождения Чи Юн Чунг – один из кандидатов в президенты Боливии 2019 г. – евангелистский пастор и полностью проамериканская фигура) и правительства Бразилии (где сейчас пост президента занимает ультраправый проамериканский деятель Жаир Болсонару). Также звучат голоса экс-кандидата в президенты, оппозиционера Манфреда Рейеса Вилла, полковника Хулио Сезара Мальдонадо Леони и других лиц.

В целом каналы воздействия на события в Боливии у США есть, и они весьма значительны. Формально операция «Кондор» завершилась с концом президентства Рональда Рейгана, но в реальности она продолжается в менее брутальном и явном исполнении. Нарботанные связи внутри целого ряда латиноамериканских стран никуда не делись, агентура не исчезла, а напротив, приросла новыми членами. Как и прежде, Вашингтон активно использует фашистские организации, организованные прямыми потомками нацистов и пронацистских коллаборационистов времен Второй мировой войны, военных преступников, активно взаимодействовавших с американским разведсообществом и аналогичными структурами в странах, возглавляемых правыми и ультраправыми проамериканскими режимами, наемниками, в том числе из Восточной Европы, применение которым находится в деле дестабилизации и фрагментации конкретной страны в Латинской Америке. Для финанси-

вания боливийских ультраправых формирований используются различные организации по типу Агентства по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID) и Национального фонда демократии (National Endowment for Democracy, NED) [39, 40]. Как уже было сказано, структуры по типу ОАГ и возглавляющий ее Луис Альмагро – целиком и полностью подконтрольны Вашингтону, и сам по себе факт согласия Э. Моралесом следовать рекомендациям ОАГ был ошибочным решением. Однако для Э. Моралеса явно создали ловушку: отказ от проведения повторного голосования вызвал бы подозрения в том, что заявления ОАГ о фальсификациях на выборах имеют реальные основания, но и согласие выполнить «рекомендации» ОАГ открывало дорогу для заговорщиков. И в том и в другом случае они получали повод для активации беспорядков. Полагаем, Э. Моралесу для политической поддержки требовалось как минимум привлечь к мониторингу выборов представителей других стран и организаций, не подконтрольных Вашингтону. Такими странами могли быть отдельные участники Шанхайской организации сотрудничества (Россия, Китай и др.).

Высокопоставленные военные и руководители полиции, часть из которых имеет тесные связи с оппозицией, тоже выступили против Э. Моралеса. Примечательно, что у главнокомандующего Вооруженными силами Боливии генерала Уильяма Калимана Ромеро и у главы полиции генерала Владимира Кальдерона имелись связи в Вашингтоне: первый был военным атташе в США (2013–2016 гг.), а второй – полицейским атташе в качестве президента группы латиноамериканских полицейских атташе, аккредитованных в США (Agregados de Policía de América Latina acreditados en Estados Unidos, APALA) [41] (в 2018 г., до декабря). У. Калиман проходил подготовку в Школе Америк (ныне – Институт западного полушария по сотрудничеству в сфере безопасности, Western Hemisphere Institute for Security Cooperation, WHISC), где готовились кадры для антикоммунистических режимов в годы холодной войны [42]. Помимо него в этой школе проходили спецподготовку и многие другие из сегодняшних генералов Боливии, о чем писали отечественные специалисты [43. С. 31]. Сейчас этот центр находится на американской военной базе Форт-Беннинг. К слову, там же обучался и оппозиционер Манфред Рейес Вилла, а также многие другие персоны, голоса которых слышны на опубликованных аудиозаписях (см. выше). Следовательно, у них были возможности и время установить контакты с американскими структурами по линии Государственного департамента, военных и разведслужб США. Кроме того, имеются сведения, что, возможно, в офицерский состав Вооруженных сил Боливии проникли ультраправые элементы [44]. Таким образом, к моменту голосования поддержка Э. Моралеса в силовых структурах и среди населения ослабла, зато у его противников, напротив, выросла.

Заключение

К концу своего третьего срока Э. Моралес не сумел решить накопившиеся за период его правления

противоречия. Рост благосостояния боливийцев, уравнивание в правах коренных жителей и ряд других его шагов не создали такую модель развития страны, в которой его поддержка как среди простого населения из всех этнических групп, так и в среде силовых структур сохранилась бы на уровне десятилетней давности и была бы неоспоримой. Напротив, давшее на начальных этапах результат перераспределение ресурсов за счет олигархических кланов таких регионов, как Санта-Крус, Бени, Чукисака, Пандо и Тариха, частичной национализации компании и природных ресурсов не решило системные противоречия, поскольку не был предложен и тем более реализован такой проект, который бы устраивал подавляющую часть и индейских племен, и креолов, а вместе с ними и бизнес-структуры. Следовательно, накопление критической массы противоречий было делом времени. Видя угрозу своим интересам, умноженную на традиционное расистское отношение к индейцам и президенту-индейцу, завязанные на иностранные транснациональные корпорации и другие структуры представители белого населения, в том числе выходцы из таких стран как Хорватия и Италия, накапливали ресурс для нанесения контрудара. Слабая государственная система Боливии, так и не укрепленная Э. Моралесом, оказалась неспособной длительное время эффективно противостоять массивному давлению извне, оказываемым, прежде всего, США и подконтрольным им организациям, и одновременно внутренним противникам. Активированные ультраправые и олигархические силы внутри Боливии при мощной поддержке из-за рубежа транснациональными структурами, спецслужбами и правительствами стали основой в операции государственного переворота, в котором наблюдаются все признаки применения технологий демонтажа политических режимов. К ним, среди прочего, можно отнести:

- наличие оппозиционных групп, прочно связанных с иностранным капиталом и спецслужбами;
- радикальные молодежные движения, являвшиеся ядром антиправительственных беспорядков;
- отработанные механизмы политико-информационной поддержки оппозиции со стороны Запада;
- внедрение оппозиционных и профашистских элементов в силовые структуры;
- использование Вашингтоном каналов, по которым осуществляется влияние на боливийское общество, в том числе наработанные в годы проведения операции «Кондор».

Технологически боливийский переворот ближе всего к «майданным» технологиям переворота на Украине (2004/2005 гг. и 2013/2014 гг.) с элементами местной латиноамериканской специфики, выразившейся в участии военных (отметим, что угроза со стороны их командования равносильна прямому участию в перевороте), а также в действиях полиции. Венесуэльский прецедент здесь меньше подходит, поскольку в нем использовались технологии, в определенной мере отличные от тех, которые применялись в Боливии [45. С. 63]. В частности, своего боливийского Хуано Гуайдо там не было, и он не финансировался за счет самой Боливии. Возможно, это

связано с тем, что Э. Моралес проявил меньшую устойчивость, чем чависты, и поэтому в венесульской схеме элементарно отпала необходимость. Также обратим внимание на то, что наличие антиправительственных выступлений в других латиноамериканских странах, но с правыми режимами у власти (например, в Чили и Эквадоре), имеет определенную схожесть с произошедшим в Боливии (за исключением отсутствия выборов в этих странах), однако только внешнее сходство событий не означает наличие внешнего участия в беспорядках в этих странах, которое явно присутствовало в Боливии. Необходимо анализировать каждый случай по отдельности, но не отказываясь от их рассмотрения в общем контексте.

Наконец, заметим, что высокая частота военных переворотов в Боливии не отменяет возможность внешнего участия, а подтверждает ее. Тем более что внешний фактор уже неоднократно присутствовал в боливийских переворотах прошлого, например в 1964 г. (приход к власти Рене Барреньетоса Ортуньо) и в 1971 г. (приход к власти Уго Банзера Суареса), где активно участвовали и американские спецслужбы. Однако до тех пор, пока нынешние левые правительства в латиноамериканских странах не сумеют найти и реализовать своей проект развития при сохранении собственного суверенитета, у многих из них продолжатся колебания в сторону правого курса, чему будут активно способствовать внешние игроки в собственных интересах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Согласно переписи населения от 2012 г., всего на белое население приходится 9% от общего числа граждан Боливии, в то время как индейцев 62%, а метисов 29%.

²Более того, даже индейцы-католики не являются христианами в строгом смысле слова, так как совмещают в себе языческие верования, т.е. имеет место своеобразный религиозный синкретизм.

³Не зря на протяжении длительного времени в руководстве КПК говорят об антиразложенческих механизмах в партии (например, выступление Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК [13]), правиле, согласно которому лицо старше 67 лет не может занимать партийную и государственную должность, и др.

⁴С другой стороны, положение Кубы делает ее уязвимой перед блокадой.

⁵В последующем, после госпереворота, на сайте Многонационального избирательного органа (URL: <https://computo.oep.org.bo/#>) результаты были изменены: после внесенных поправок, с учетом мнения ОАГ, Э. Моралес получил 46,64%, а К. Меса – 36,83%, т.е. разница составила уже менее 10%.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mylonas H. The politics of nation-building: Making co-nationals, refugees, and minorities. N.Y. : Cambridge University Press, 2012. 280 p.
2. Кретов С.М. Федерализм как способ гармонизации интересов боливийского Востока и Запада // Политическая наука. 2016. № 1. С. 147–160.
3. Воротникова Т.А. Политические конфликты в мультиэтничном обществе: созидательный потенциал и риски поляризации для Боливии // Politbook. 2019. № 1.
4. Bolivia Foreign Exchange Reserves // CEIC. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/bolivia/foreign-exchange-reserves> (дата обращения: 23.11.2019).
5. IMF Executive Board Concludes 2018 Article IV Consultation with Bolivia // IMF. 2018. 6 December. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2018/12/06/pr18453-imf-executive-board-concludes-2018-article-iv-consultation-with-bolivia> (дата обращения: 14.11.2019).
6. GDP (current US\$) – Bolivia // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=BO> (дата обращения: 15.11.2019).
7. Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. Comisión Económica para América Latina. Santiago de Chile: CEPAL, 2014.
8. The World Bank. Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS> (дата обращения: 15.11.2019).
9. Inflation in Bolivia // Focus Economics. 2019. URL: <https://www.focus-economics.com/country-indicator/bolivia/inflation> (дата обращения: 15.11.2019).
10. McCormick M. 'They lied': Bolivia's untouchable Amazon lands at risk once more // The Guardian. 2017. 11 September. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2017/sep/11/they-lied-bolivia-untouchable-amazon-lands-tipnis-at-risk-once-more> (дата обращения: 23.11.2019).
11. 35% del parque está comprometido para exploración hidrocarburífera // Los Tiempos. 2018. August 8. URL: <https://www.lostiempos.com/actualidad/economia/20170808/35-del-parque-esta-comprometido-exploracion-hidrocarburifera> (дата обращения: 16.11.2019).
12. Глазьев С. Битва за лидерство в XXI веке. Россия–США–Китай. Семь вариантов обозримого будущего. М. : Книжный мир, 2017. 352 с.
13. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК // Жэньминь Жибао. 2011. 19 ноября. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html> (дата обращения: 16.11.2019).
14. Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 157–193.
15. Окунева Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? // Латинская Америка 2020. Вып. 1. С. 8–21.
16. Preliminary findings report to the General Secretariat // Organization of American States. 2019. 10 November. URL: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-099/19 (дата обращения: 16.11.2019).
17. Long G., Rosnick D., Kharrazian C., Cashman K. What Happened in Bolivia's 2019 Vote Count? // Center for Economic and Policy Research. 2019. November. URL: <http://cepr.net/publications/reports/bolivia-elections-2019-11> (дата обращения: 16.11.2019).
18. Zaconeta H.A. Sesión Extraordinaria del Consejo Permanente de la OEA // Ministerio Relaciones Exteriores Estado Plurinacional de Bolivia. 2019. 24 Octubre. URL: <http://www.cancilleria.gob.bo/webmre/discurso/3712> (дата обращения: 24.11.2019).
19. Statement of the OAS Electoral Observation Mission in Bolivia // Organization of American States. 2019. 21 October. URL: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-085/19 (дата обращения: 16.11.2019).
20. Preliminary Report of the Electoral Observation Mission in Bolivia // Organization of American States. 2019. 23 October. URL: <http://www.oas.org/documents/eng/press/Preliminary-Report-EOM-Bolivia-23-10-19.pdf> (дата обращения: 16.11.2019).
21. Прохвятилов В. Кто стоит за государственным переворотом в Боливии? // Фонд стратегической культуры. 2010. 13 ноября. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/11/13/kto-stoit-za-gosudarstvennym-perevorotom-v-bolivii-49453.html> (дата обращения: 17.11.2019).

22. Resistencia Juvenil Cochala. URL: <https://www.facebook.com/RJCochala/> (дата обращения: 17.11.2019).
23. Blumenthal M., Norton B. Bolivia coup led by Christian fascist paramilitary leader and millionaire – with foreign support // The Grayzone. 2019. 11 November. URL: <https://thegrayzone.com/2019/11/11/bolivia-coup-fascist-foreign-support-fernando-camacho/> (дата обращения: 17.11.2019).
24. Сысоева А.С., Копа-Овдиенко Н.В., Хаин В.Е. и др. Боливия // Большая Российская энциклопедия.
25. On Branko Marinkovic // WikiLeaks. The Global Intelligence Files. 2013. 13 February. URL: https://wikileaks.org/gifiles/docs/17/1791843_on-branko-marinkovic-.html (дата обращения: 17.11.2019).
26. Terrorismo separatista en Bolivia: Informe Conclusivo de la Comisión Especial Multipartidaria de Investigación de los Hechos y Atentados Acaecidos en la Ciudad de Santa Cruz de la Sierra. Comisión Especial Multipartidaria de la Cámara de Diputados. La Paz. Bolivia. Noviembre de 2009.
27. Vaca M. Bolivia: implican a líderes de Santa Cruz // BBC News. 2009. 5 Mayo. URL: https://www.bbc.com/mundo/america-latina/2009/05/090505_0439_santacruz_terroristas_jg (дата обращения: 24.11.2019).
28. Irigaray J. Bolivia denuncia que 'carapintadas' argentinos entrenan a la oposición // El Mundo. 2009. 20 May. URL: <https://www.elmundo.es/elmundo/2009/05/20/internacional/1242842998.html> (дата обращения: 17.11.2019).
29. Allard J.-G. El comando terrorista preparó un "manifiesto" orientado por Peña Esclusa // Rebelión. 2010. 22 August. URL: <http://www.rebelion.org/noticia.php?id=111681> (дата обращения: 18.11.2019).
30. Никандров Н. Террористы из Европы атакуют в Боливии // Фонд стратегической культуры. 2009. 1 мая. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2009/05/01/9443-9443.html?print> (дата обращения: 18.11.2019).
31. Пономарева Е.Г. Ловушки и дилеммы Мирного соглашения, или Какое будущее ждет Боснию и Герцеговину? // Политена. Баня-Лука (Республика Сербска). 2011. 1. Бр. 2. С. 219–234.
32. How GOB could blame US for alleged terror cell // WikiLeaks. 2009. 8 June. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09LAPAZ844_a.html (дата обращения: 18.11.2019).
33. Boliviano ligado ao terrorismo é preso // Exame. 2012. 25 April. URL: <https://exame.abril.com.br/mundo/boliviano-com-ligacoes-terroristas-e-preso/> (дата обращения: 18.11.2019).
34. Bolivian prosecutor ties case to CIA // WikiLeaks. 2010. 9 February. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/10LAPAZ35_a.html (дата обращения: 18.11.2019).
35. Твиттер Бранко Маринковича. Дата регистрации: ноябрь 2010 г. URL: https://twitter.com/branko_goran (дата обращения: 18.11.2019).
36. Bolivia Arrests Alleged Leaders Of 2009 Plot // Dialogo. 2010. April 8. URL: <https://dialogo-americas.com/bolivia-arrests-alleged-leaders-of-2009-plot/> (дата обращения: 25.11.2019).
37. Simon R. Plot Foiled? In Bolivia, Truth Is Elusive // The New York Times. 2009. 27 April. URL: <https://www.nytimes.com/2009/04/28/world/americas/28bolivia.html?mtrref=www.google.com&gwh=D377F5DDC3A6F33B40B316EA34D7F74B&gwt=pay&assetType=REGIWALL> (дата обращения: 18.11.2019).
38. Bolivia: filtran audios de líderes opositores llamando a un golpe de estado contra Evo Morales // El Periódico. 2019. 9 November. URL: <https://elperiodicocr.com/bolivia-filtran-audios-de-lideres-opositores-llamando-a-un-golpe-de-estado-contra-evo-morales/> (дата обращения: 19.11.2019).
39. Afirman que el Comité pro Santa Cruz es financiado por fundación norteamericana // Holybolivia. 2019. 17 Noveber. URL: <https://www.hoybolivia.com/movil/noticia.php?IdNoticia=305873> (дата обращения: 18.11.2019).
40. Golinger E. USAID's Silent Invasion in Bolivia // The North American Congress on Latin America. 2009. 20 May. URL: <https://nacla.org/news/usaid-silent-invasion-bolivia> (дата обращения: 20.11.2019).
41. Távara S. Nueva visión para asociación de agregados policiales en Washington // MetroLatinoUSA. 2018. 10 September. URL: <https://metrolatinousa.com/2018/09/10/nueva-vision-para-asociacion-de-agregados-policiales-en-washington/> (дата обращения: 19.11.2019).
42. As SOA/WHINSEC Graduates Continue Their Legacy of Destabilizing Latin America, Human Rights Activists Return to Fort Benning Where State Agents are Trained // School of the Americas watch. 2019. November. URL: <http://www.soaw.org/home/> (дата обращения: 20.11.2019).
43. Чернышев А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур // Латинская Америка. 2020. Вып. 1. С. 22–32.
44. La verdad sobre «la Media Luna» en Bolivia // Bolivia Te Amo. 2007. 13 July. URL: <http://boliviateamo.blogspot.com/2007/07/la-verdad-sobre-la-media-luna-en.html> (дата обращения: 21.11.2019).
45. Стригунов К.С., Манойло А.В. Кризис в Венесуэле и раскол внутри чавистского руководства // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2019. № 4.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 февраля 2020 г.

The Coup d'Etat in Bolivia: Internal and External Factors

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 131–142.

DOI: 10.17223/15617793/466/16

Konstantin S. Strigunov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia Federation). E-mail: sks6891@gmail.com

Andrei V. Manoilo, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia Federation). E-mail: 9315891@gmail.com

Keywords: Bolivia; Evo Morales; USA; color revolutions; Organization of American States; Latin America.

The aim of the article is to reveal the mechanism of the coup d'état in Bolivia in November 2019. Based on the research of Russian and foreign experts, as well as official documents of international organizations, a research center, speeches by world leaders, and the media, the authors analyze the internal causes and external factors that contributed to the overthrow of Evo Morales and the coming to power of the right opposition, oriented to the United States and supranational structures. The methods for the research were selected based on the requirements of a multilateral and systematic analysis of the domestic political situation in Bolivia, its cultural, historical, territorial, and economic characteristics, as well as foreign policy factors that influenced the situation in the country. A comparative analysis of the coup d'état in Bolivia with the situation in some other Latin American states was done. The first section analyzes the domestic political situation in Bolivia, economic factors, and a number of actions by Evo Morales which led to the weakening of his position on the eve of the presidential election. The second section discusses the mechanism of influence of the Organization of American States on the election process in Bolivia. The influence of neo-fascist organizations, which receive external support and financing and became the main shock force of the coup d'état, is investigated. The channels of influence of international players and organizations on the internal political processes of Bolivia are studied. The authors infer that the ousted president did not solve the task of creating and implementing a development project for all social and ethnic groups of Bolivia while maintaining their own support and state sovereignty. In addition, the authors give a critical assessment to the decision of the Bolivian leadership led by Evo Morales to entrust election monitoring exclusively to the Organization of American States where the US position dominates. The authors suggest that, for political support, in the monitoring of the election, Evo Morales should have involved repre-

sentatives of states and organizations not controlled by Washington, for example, from the Shanghai Cooperation Organization. For the first time, the authors reveal and thoroughly study the trigger mechanism for activating a coup d'état using technologies for dismantling political regimes adapted to Bolivian conditions. They conclude that, in fact, counteraction to left-wing political regimes by the United States in Latin America is de facto a continuation of the formally completed Operation Condor, but using modern technologies to eliminate the unwanted regime in a particular country in new geopolitical conditions.

REFERENCES

1. Mylonas, H. (2012) *The politics of nation-building: Making co-nationals, refugees, and minorities*. N.Y.: Cambridge University Press.
2. Kretov, S.M. (2016) Federalism as a way to harmonize the interests of the Bolivian East and West. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 147–160. (In Russian).
3. Vorotnikova, T.A. (2019) Political Conflicts in a Multi-Ethnic Society: Creative Potential and New Risks for Bolivia. *Politbook*. 1. (In Russian).
4. CEIC. (2019) *Bolivia Foreign Exchange Reserves*. [Online] Available from: <https://www.ceicdata.com/en/indicador/bolivia/foreign-exchange-reserves> (Accessed: 23.11.2019).
5. IMF. (2018) *IMF Executive Board Concludes 2018 Article IV Consultation with Bolivia*. 6 December. [Online] Available from: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2018/12/06/pr18453-imf-executive-board-concludes-2018-article-iv-consultation-with-bolivia> (Accessed: 14.11.2019).
6. The World Bank. (2019) *GDP (current US\$) – Bolivia*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=BO> (Accessed: 15.11.2019).
7. Comisión Económica para América Latina. (2014) *Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe*. Santiago de Chile: CEPAL.
8. The World Bank. (2019) *Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate)*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS> (Accessed: 15.11.2019).
9. Focus Economics. (2019) *Inflation in Bolivia*. [Online] Available from: <https://www.focus-economics.com/country-indicator/bolivia/inflation> (Accessed: 15.11.2019).
10. McCormick, M. (2017) 'They lied': Bolivia's untouchable Amazon lands at risk once more. *The Guardian*. 11 September. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/environment/2017/sep/11/they-lied-bolivia-untouchable-amazon-lands-tipnis-at-risk-once-more> (Accessed: 23.11.2019).
11. *Los Tiempos*. (2018) 35% del parque está comprometido para exploración hidrocarburífera. August 8. [Online] Available from: <https://www.lostiempos.com/actualidad/economia/20170808/35-del-parque-esta-comprometido-exploracion-hidrocarburifera> (Accessed: 16.11.2019).
12. Glaz'ev, S. (2017) *Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossiya–SShA–Kitay. Sem' variantov obozrimogo budushchego* [Battle for leadership in the 21st century. Russia–USA–China. Seven options for the foreseeable future]. Moscow: Knizhnyy mir.
13. *People's Daily*. (2011) Polnyy tekst doklada, s kotorym vystupil Khu Tszin'tao na 18-m s'ezde KPK [Full text of the report delivered by Hu Jintao at the 18th Congress of the CPC]. 19 November. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html> (Accessed: 16.11.2019).
14. Strigunov, K.S. & Manoylo, A.V. (2019) The fundamental mechanism and laws of non-classical wars. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 4 (14). pp. 157–193. (In Russian).
15. Okuneva, L.S. (2020) Latin America has set in motion: what is the meaning of social protests in October 2019? *Latinskaya Amerika – Latin America*. 1. pp. 8–21. (In Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9
16. Organization of American States. (2019) *Preliminary findings report to the General Secretariat*. 10 November. [Online] Available from: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-099/19 (Accessed: 16.11.2019).
17. Long, G., Rosnick, D., Kharrazian, C. & Cashman, K. (2019) *What Happened in Bolivia's 2019 Vote Count?* Center for Economic and Policy Research. [Online] Available from: <http://cepr.net/publications/reports/bolivia-elections-2019-11> (Accessed: 16.11.2019).
18. Zaconeta, H.A. (2019) *Sesión Extraordinaria del Consejo Permanente de la OEA*. Ministerio Relaciones Exteriores Estado Plurinacional de Bolivia. 24 Octubre. [Online] Available from: <http://www.cancilleria.gob.bo/webmre/discurso/3712> (Accessed: 24.11.2019).
19. Organization of American States. (2019) *Statement of the OAS Electoral Observation Mission in Bolivia*. 21 October. [Online] Available from: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-085/19 (Accessed: 16.11.2019).
20. Organization of American States. (2019) *Preliminary Report of the Electoral Observation Mission in Bolivia*. 23 October. [Online] Available from: <http://www.oas.org/documents/eng/press/Preliminary-Report-EOM-Bolivia-23-10-19.pdf> (Accessed: 16.11.2019).
21. Prokhvatilov, V. (2010) *Kto stoit za gosudarstvennyy perezvotom v Bolivii?* [Who is behind the coup d'état in Bolivia?]. [Online] Available from: <https://www.fondsk.ru/news/2019/11/13/kto-stoit-za-gosudarstvennyy-perezvotom-v-bolivii-49453.html> (Accessed: 17.11.2019).
22. Facebook. (2019) *Resistencia Juvenil Cochala*. [Online] Available from: <https://www.facebook.com/RJCochala/> (Accessed: 17.11.2019).
23. Blumenthal, M. & Norton, B. (2019) *Bolivia coup led by Christian fascist paramilitary leader and millionaire – with foreign support*. The Grayzone. 11 November. [Online] Available from: <https://thegrayzone.com/2019/11/11/bolivia-coup-fascist-foreign-support-fernando-camacho/> (Accessed: 17.11.2019).
24. Syssoeva, A.S. et al. (2004) *Boliviya* [Bolivia]. In: Osipov, Yu. (ed.) *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow: BRE.
25. WikiLeaks. The Global Intelligence Files. (2013) *On Branko Marinkovic*. 13 February. [Online] Available from: https://wikileaks.org/gifiles/docs/17/1791843_on-branko-marinkovic-.html (Accessed: 17.11.2019).
26. Comisión Especial Multipartidaria de la Cámara de Diputados. (2009) *Terrorismo separatista en Bolivia: Informe Conclusivo de la Comisión Especial Multipartidaria de Investigación de los Hechos y Atentados Acaecidos en la Ciudad de Santa Cruz de la Sierra*. La Paz. Bolivia: Comisión Especial Multipartidaria de la Cámara de Diputados.
27. Vaca, M. (2009) Bolivia: implican a líderes de Santa Cruz. *BBC News*. 5 Mayo. [Online] Available from: https://www.bbc.com/mundo/america_latina/2009/05/090505_0439_santacruz_terroristas_jg (Accessed: 24.11.2019).
28. Irigaray, J. (2009) Bolivia denuncia que 'carapintadas' argentinos entrenan a la oposición. *El Mundo*. 20 May. [Online] Available from: <https://www.elmundo.es/elmundo/2009/05/20/internacional/1242842998.html> (Accessed: 17.11.2019).
29. Allard, J.-G. (2010) El comando terrorista preparó un "manifiesto" orientado por Peña Esclusa. *Rebelión*. 22 August. [Online] Available from: <http://www.rebelion.org/noticia.php?id=111681> (Accessed: 18.11.2019).
30. Nikandrov, N. (2009) *Terroristy iz Evropy atakuyut v Bolivii* [Terrorists from Europe attack in Bolivia]. [Online] Available from: <https://www.fondsk.ru/news/2009/05/01/9443-9443.html?print> (Accessed: 18.11.2019).
31. Ponomareva, E.G. (2011) Lovushki i dilemmy Mirnogo soglasheniya, ili Kakoe budushchee zhdet Bosniyu i Gertsegovinu? [Pitfalls and Dilemmas of the Peace Agreement, or What Is the Future for Bosnia and Herzegovina?]. *Politeia*. Banya-Luka (Republika Serbska). 1 (2). pp. 219–234.
32. WikiLeaks. (2009) *How GOB could blame US for alleged terror cell*. 8 June. [Online] Available from: https://wikileaks.org/plusd/cables/09LAPAZ844_a.html (Accessed: 18.11.2019).

33. *Exame*. (2012) Boliviano ligado ao terrorismo é preso. 25 April. [Online] Available from: <https://exame.abril.com.br/mundo/boliviano-com-ligacoes-terroristas-e-preso/> (Accessed: 18.11.2019).
34. WikiLeaks. (2010) *Bolivian prosecutor ties case to CIA*. 9 February. [Online] Available from: https://wikileaks.org/plusd/cables/10LAPAZ35_a.html (Accessed: 18.11.2019).
35. Twitter. (2019) *Branko Marinkovic*. [Online] Available from: https://twitter.com/branko_goran (Accessed: 18.11.2019).
36. *Dialogo*. (2010) Bolivia Arrests Alleged Leaders of 2009 Plot. April 8. [Online] Available from: <https://dialogo-americas.com/bolivia-arrests-alleged-leaders-of-2009-plot/> (Accessed: 25.11.2019).
37. Simon, R. (2009) Plot Foiled? In Bolivia, Truth Is Elusive. *The New York Times*. 27 April. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2009/04/28/world/americas/28bolivia.html?mtrref=www.google.com&gwh=D377F5DDC3A6F33B40B316EA34D7F74B&gwt=pay&assetType=REGIWALL> (Accessed: 18.11.2019).
38. *El Periódico*. (2019) Bolivia: filtran audios de líderes opositores llamando a un golpe de estado contra Evo Morales. 9 November. [Online] Available from: <https://elperiodico.com/bolivia-filtran-audios-de-lideres-opositores-llamando-a-un-golpe-de-estado-contra-evo-morales/> (Accessed: 19.11.2019).
39. Holybolivia. (2019) *Afirman que el Comité pro Santa Cruz es financiado por fundación norteamericana*. 17 Noveber. [Online] Available from: <https://www.hoybolivia.com/movil/noticia.php?IdNoticia=305873> (Accessed: 18.11.2019).
40. Golinger, E. (2009) *USAID's Silent Invasion in Bolivia*. The North American Congress on Latin America. 20 May. [Online] Available from: <https://nacla.org/news/usaid-silent-invasion-bolivia> (Accessed: 20.11.2019).
41. Távora, S. (2018) *Nueva visión para asociación de agregados policiales en Washington*. MetroLatinoUSA. 10 September. [Online] Available from: <https://metrolatinousa.com/2018/09/10/nueva-vision-para-asociacion-de-agregados-policiales-en-washington/> (Accessed: 19.11.2019).
42. School of the Americas Watch. (2019) *As SOA/WHINSEC Graduates Continue Their Legacy of Destabilizing Latin America, Human Rights Activists Return to Fort Benning Where State Agents Are Trained*. November. [Online] Available from: <http://www.soaw.org/home/> (Accessed: 20.11.2019).
43. Chernyshev, A.L. (2020) 2019 post-electoral crisis in Bolivia: the regional factor and the role of the law enforcement agencies. *Latinskaya Amerika – Latin America*. 1. pp. 22–32. (In Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0
44. Bolivia Te Amo. (2007) *La verdad sobre “la Media Luna” en Bolivia*. 13 July. [Online] Available from: <http://boliviateamo.blogspot.com/2007/07/la-verdad-sobre-la-media-luna-en.html> (Accessed: 21.11.2019).
45. Strigunov, K.S. & Manoylo, A.V. (2019) The Crisis in Venezuela and the Split within the cHavistic Leadership. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of the Moscow Region State University*. 4. pp. 57–73. (In Russian). DOI: 10.18384/2224-0209-2019-4-974

Received:13 February 2020

Е.Ю. Талалаева

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ «ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ» ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен “параллельных” обществ в системе международно-политических отношений», № 19-18-00054.

Представлен анализ общественно-политического дискурса и официальных отчетов, разработанных для правительств Дании, Швеции и Норвегии соответствующими министерствами и органами внутреннего правопорядка. На основе данного анализа выявляются и оцениваются реально существующие и потенциальные угрозы национальной безопасности скандинавских стран со стороны мусульманских сегрегированных общин иммигрантов, образующих внутри государственных границ конфессиональные «параллельные» общества.

Ключевые слова: параллельное общество; иммиграционная политика; Скандинавские страны; уязвимый жилой район; мусульманские общины; мультикультурное общество.

«Параллельное общество» является неотъемлемым элементом социальной действительности общественно-экономического и геополитического пространства стран Северной Европы, представленных в рамках данного исследования тремя государствами: Данией, Швецией и Норвегией. Выбор этого региона для изучения рассматриваемого социального феномена обусловлен многовековой общностью исторического развития, экономического устройства и общественно-политического уклада Скандинавских стран. Такой подход позволяет на основе анализа иммиграционной политики Дании, Швеции и Норвегии выявить общие тенденции к формированию на североевропейском пространстве конфессионального параллельного общества, оценить уровень угрозы национальной и международной безопасности, а также эффективность предпринимаемых государственными структурами мер для полноценной интеграции обособленных мусульманских общин в основной социум.

Ко второй половине 1990-х гг. значение понятия «параллельное общество» претерпело существенную трансформацию от социологической концепции до политической стратегии, взятой на вооружение противниками идеи мультикультурализма и политического курса европейских государств, ориентированного на предоставление возможности проживания на своей территории значительному числу иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, разделяющих чуждые устоявшимся либерально-демократическим ценностям культурно-религиозные традиции и добровольно объединяющимся в сегрегированные мусульманские общины, противопоставленные обществу большинства и несущие для государства определенные социально-политические риски. На фоне широкой эксплуатации проблемы существования мусульманских параллельных общин в СМИ и общественно-политических дебатах, нагнетающих социальную напряженность в Скандинавских странах, особого внимания заслуживают официальные отчеты министерств и органов внутреннего правопорядка в государствах Северной Европы, подчеркивающих неоспоримую актуальность данного вопроса, но ис-

ключающих возможность перерастания указанной проблемы в угрозу национального или международного масштаба.

Таким образом, цель данного исследования заключается в изучении общественно-политического дискурса и анализа официально публикуемых документов североевропейских государств с опорой на научные разработки скандинавских исследователей, что позволит сформировать целостную картину проблемы конфессионального параллельного общества с перспективой его перерастания в «несостоявшееся государство» и оценить эффективность мер иммиграционной политики Дании, Швеции и Норвегии.

Дания: интеграционная политика в отношении мусульманских гетто

В Дании понятие «параллельное общество» для описания исторически обусловленного феномена впервые появляется в 1968 г., когда 19 сентября в ежедневной информационной газете *Dagbladet Information* вышла статья социолога культуры Питера Дуэлунда «Параллельное общество как новая политическая стратегия» [1]. Данная работа была опубликована в ответ на стремление левых движений создать «альтернативное общество» как особую контркультуру в противовес лидирующим на то время политическим и социальным установкам в обществе. Подобный подход, по мнению Дуэлунда, является выражением утопических представлений об общественном устройстве. Датский социолог утверждает, что любая попытка создать внутри социума сообщество, основанное на принципиально иных ценностных установках и правилах взаимоотношения между людьми, неминуемо приводит к обособлению данной группы людей в гетто [2. Р. 55] Тогда как создание параллельного общества, напротив, представляет собой реализацию политической стратегии, позволяющей показать, что возможно лучшее общество: «Утопично полагать, что параллельное общество может освободиться от остального общества, создав свои собственные институты. С другой стороны, наша параллельная

среда показывает, как мы можем объединиться в борьбе со старым обществом» [2. Р. 56]. Следовательно, изначально поставленная Дуэлундом цель состояла не в том, чтобы создать отдельную социальную среду со своими собственными институтами, а в том, чтобы изменить датское общество изнутри [2. Р. 57]. Однако прежнее значение концепции «параллельного общества», зародившееся в Дании в конце 1960-х гг., имеет принципиальное отличие от конфессионального параллельного общества, существующего в современных политических реалиях скандинавских стран.

Трансформация данного понятия обозначилась в 1990-е гг. – в то время, когда начинает набирать обороты целый спектр проблем, порожденный политикой мультикультурализма в развитых европейских государствах. Вехой в этом процессе является опубликование статьи немецкого социолога Вильгельма Хайтмейера в еженедельной газете *Die Zeit* под заголовком «Ислам играет важную роль для турецкой молодежи в Германии» [3]. В этот период параллельное общество начинает фигурировать в западноевропейском общественно-политическом дискурсе в качестве иллюстрации проблемы сегрегации мусульманских иммигрантских общин от мажоритарного общества. Особое внимание в своей работе Хайтмейер уделил тому факту, что обособленные группы фундаменталистов приобретают все большее влияние в турецких общинах в Германии, а их призывам к добровольной культурной сегрегации от большинства европейского населения наиболее восприимчивы именно молодые люди. В этой связи Хайтмейер предупреждает об опасности, согласно которой «религиозно-политические группы могут создать трудное для понимания “параллельное общество” за гранью общества большинства» [3. Р. 6]. Таким образом, термин «параллельное общество» впервые стал использоваться для обозначения феномена сегрегированных мусульманских общин, представляющих потенциальную угрозу национальной безопасности отдельных государств и международному европейскому пространству в целом.

Непосредственно в датский общественно-политический дискурс понятие «параллельное общество» в его новом облике входит 10 сентября 1998 г. благодаря выступлению на популярном датском телеканале DR1 бывшего депутата Европейского парламента от Датской народной партии Могенса Камре с критикой социал-демократической иммиграционной политики [4. Р. 78–79]. В своей речи Камре выразил сомнения, что Дания может справиться с интеграцией в основное общество столь существенного числа выходцев из других стран, разделяющих иные религиозно-культурные ценности. По сути, Камре предсказал образование на территории Дании сегрегированных мусульманских общин. В одной из своих последующих публикаций он утверждал, что мусульмане желают обосноваться в Дании, следуя при этом «установленным правилам интеграции мусульманских стран и противодействуя интеграции как официальной политике», что приводит к образованию в Дании исламских параллельных обществ [5]. Начиная с этого момента, «параллельное общество» из социологической концепции трансформируется в ценностно-идеологи-

ческую политическую стратегию, активно эксплуатируемую в качестве основного аргумента в датских политических и общественных дебатах против иммиграционной политики.

Такой подход был охарактеризован датским исследователем А.М. Фрайслебен как «антиутопический политический дискурс» в ее докторской диссертации «Параллельное общество Дании. Сегрегация, гетто и социальное единство: параллельное общество в датском дискурсе 1968–2013 гг. – от утопии к антиутопии» [4. Р. 100]. Проблема сегрегации мусульманских иммигрантских общин в форме конфессионального параллельного общества, отделенного от мажоритарного датского общества, преподносится в качестве актуальной угрозы устоявшейся в Дании либеральной демократии, концепции государства всеобщего благосостояния и сплоченности датского общества внутри его национальных государственных границ. Тогда как оппонентами данной аргументации отстаивается идея защиты прав меньшинств населения, проживающих на датской территории. К наиболее широко отстаиваемой позиции в контексте общественно-политических дискуссий относится идея о главенстве ценностей датской демократии, к которым относится уважение к меньшинствам.

Однако этот аспект проблемы параллельного общества в Дании является далеко неоднозначным по своей сути. Прежде всего, это связано с ситуацией, когда в роли социального меньшинства выступает не мусульманское сообщество иммигрантов, а сами датчане на тех территориях, где число исповедующих ислам турецких и арабских иммигрантов в первом и втором поколениях составляет большую часть населения. К примеру, одним из наиболее известных общественных скандалов можно считать события ноября–декабря 2012 г., связанные с отказом администрации города Коккедаля от установки рождественской елки на центральной площади. Такое решение было принято представителями государственной власти в целях экономии бюджета, однако социальную остроту вызвал тот факт, что большинство из них были приверженцами ислама и, вероятно, не имели прямой заинтересованности в продвижении и поддержании христианских традиций. Несмотря на приход к общественному консенсусу в отношении поддержки прав «датского меньшинства», сама ситуация была воспринята как осознанная провокация, а скандал получил широкий общественный резонанс, не утихающий в течение длительного времени. Общественному напряжению во многом способствовали публикуемые датскими СМИ характерные высказывания о сложившейся ситуации, которая представляет собой «классический пример того, как параллельные общества могут угрожать датским, демократическим ценностям» [6].

Следует отметить, что неоднозначность идеи уважения прав меньшинств является существенным препятствием для успешной реализации интеграционной политики государства. События, связанные с рождественской елкой, показывают, что уважение к меньшинству отстаивается только в случае, когда это меньшинство представлено датчанами и в пользу дат-

ского общества в целом. Если же меньшинство представлено мусульманскими иммигрантами или их потомками, то им следует интегрироваться в мажоритарное общество, чему свидетельствуют выступления представителей официальных властей. В качестве примера можно привести суждение депутата от Датской народной партии Марии Краруп о необходимости следовать датским общественным нормам: «...мы должны привыкнуть придерживаться своих собственных принципов и любезно дать понять мусульманам, как это работает в Дании. Теперь вы должны приспособиться к ним, если хотите жить в нашей стране» [7].

Таким образом, основные требования к меньшинствам для их эффективной интеграции в основное общество далеко не всегда применимы к датчанам, находящимся в данной категории населения. Подобная позиция также была поддержана основателем движения «Демократические мусульмане в Дании» и депутатом Датского парламента от Либерального альянса Насером Хадером, осознающим неоднозначность положения мусульманских меньшинств в датском обществе: «Между меньшинством в чужой стране и в своей собственной имеется существенная разница. Когда человек находится в чужой стране, предполагается, что он должен адаптироваться и действовать сообразно местным обычаям» [6].

Следовательно, мусульманские меньшинства в Дании часто позиционируются политическими деятелями как «чужие», «этнические и религиозные другие», стремящиеся подорвать основы «их» датского общества [4. Р. 94]. В такой ситуации логично предположить, что мусульманская иммигрантская контркультура осознанно противопоставляет себя «датской культуре», что спровоцировано специфической социальной средой и экономическими условиями, в которые попадают иммигранты не западного происхождения. С одной стороны, такая концепция «этнического и религиозного другого» служит основой сепаратистской направленности образующихся на территории Дании «параллельных обществ». С другой стороны, подобные провалы в интеграционной политике государства во многом способствуют распространению различных теорий «заговора параллельных обществ» [4. Р. 244], нагнетающих и без того напряженную социальную ситуацию информацией о целенаправленной консолидации мусульманского населения в Дании, контролируемой из арабских стран.

Тем не менее такой подход основывается на вполне реальных проблемах в социальной жизни крупно населенных городов, когда отделившиеся от общественного большинства группы населения обособляются на основе привычных для них религиозных традиций, собственных политических принципов и представлений о внутреннем правопорядке. Впоследствии замкнутые иммигрантские общины образуют «уязвимые жилые районы» – термин, который преимущественно используется полицией в Скандинавских странах для определения «параллельного общества». По данным датской полиции [8. Р. 36], в 2017 г. на основе местных анализов и оценки угроз было выявлено 25 особо уязвимых жилых района в девяти из двенадцати полицейских округов страны.

Справедливо отметить, что не для всех рассматриваемых уязвимых районов конфессиональный фактор играет ведущую роль, тем не менее, исламский экстремизм является наиболее дестабилизирующим фактором для районов, относящихся к категории «опасных». В Дании официально принято понятие «особо уязвимые жилые районы» [8. Р. 36], которые фактически приравниваются к гетто. На данный момент Дания является единственной страной в мире, где термин «гетто» используется на официальном уровне для обозначения жилых районов с соответствующими характеристиками параллельного общества.

Начиная с 2010 г., в Дании каждый год составляются и публикуются в открытом доступе «Национальные планы действий полиции в районах гетто» [9. Р. 10], призванные способствовать снижению уровня преступности и социальной напряженности в районах, где проживают в разной степени отделившиеся от мажоритарного общества мусульманские общины. Тем не менее разработанные полицией меры противодействия преступности в гетто не обладают достаточной эффективностью для полноценного нормативно-правового регулирования существующих социальных проблем. По большей части действия полиции ограничиваются сбором общей информации, беседами с населением данных «уязвимых районов» и фактическим присутствием стражей правопорядка на обозначенных территориях для возможности оперативного разрешения возникающих конфликтных ситуаций.

Существуют предположения, что категория «особенно уязвимые жилые районы» потенциально имеет опасность перерасти в «несостоявшееся государство»: «В Швеции и Дании мы видим, что некоторые группы изолируются и решительно выступают против законов общества, государственных и судебных властей. Например, это выражается в проявлении насильственных действий в отношении полиции при пересечении границы “территории” группы. Здесь можно провести параллель с так называемыми “несостоявшимися государствами”, когда правительства утрачивают контроль над территориями в пределах собственных государственных границ» [10. Р. 21]. Однако, судя по отчетам, публикуемым правительствами Скандинавских стран в открытом доступе интернет-пространства, актуальной для рассмотрения является именно проблема наличия «уязвимых районов», тогда как «несостоявшееся государство» представляет собой лишь потенциальную угрозу и, как правило, обозначается в качестве «зоны риска» в официальных отчетах государственных органов.

Швеция: исламизм как элемент мультикультурного общества

В частности, изложенной выше позиции придерживается Национальный оперативный отдел Швеции, определяющий уязвимые районы как объективно существующую угрозу для шведского общества и приводит трехуровневую классификацию, различая такие районы по степени их негативного воздействия на остальное общество [11. Р. 10–11]. К наиболее «безопасным» зонам можно отнести районы с типичными

проявлениями социального неблагополучия, обусловленного низким социально-экономическим уровнем жизни проживающего на его территории населения. Тогда как особую опасность представляет наличие в подобных районах параллельных структур общественного устройства и правопорядка, влекущее за собой различные негативные социальные проявления вплоть до религиозного экстремизма [11. Р. 10]. В качестве примера таких проявлений можно привести отток населения для непосредственного участия в вооруженных конфликтах на территории государств Ближнего Востока. Согласно материалам, представленным шведской полицией за 2017 г. [11. Р. 41], в Швеции зафиксировано 32 «уязвимых района», 23 «особо уязвимых района» и 6 «зон риска», которые потенциально могут перерасти в угрозу безопасности национального масштаба.

Кроме того, для Швеции, как и для Дании, характерна ответная реакция общества большинства на широко пропагандируемую потенциальную угрозу существующим демократическим ценностям и национальной безопасности со стороны проявлений исламского экстремизма. В частности, данная проблема порождает враждебное отношение ко всем иммигрантам из стран Северной Африки и Ближнего Востока, что наиболее ярко выражено со стороны правых радикальных движений [11. Р. 33]. Тем не менее в связи с данной проблемой можно отметить позитивные действия государственной интеграционной политики, в частности со стороны Шведского гражданского агентства по непредвиденным обстоятельствам. В качестве иллюстрации деятельности данного агентства можно привести профинансированный им исследовательский проект по изучению различных аспектов влияния феномена «глобализации ислама» на шведское общество и оценке исламизма как многогранного явления, имеющего помимо негативных проявлений собственное позитивное значение.

Данное исследование было проведено шведским антропологом и специалистом по вопросам исламизма и мультикультурализма Айе Карлбомом на базе Университета Мальме в 2018–2019 гг. [12]. Ключевая идея этого проекта состоит в позиционировании классического исламизма не как угрозы безопасности и подрыва демократических ценностей, но в качестве культурного феномена, затрагивающего социальные проблемы между меньшинствами и мажоритарным обществом и представляющего собой вызов устоявшейся политической системе Швеции. Тогда как действительная угроза безопасности исходит преимущественно от неофундаменталистских салафитских исламистских движений, распространившихся по всему Европейскому Союзу [12. Р. 7].

Проведенные в рамках исследования интервью с представителями Исламской ассоциации в Швеции позволили Карлбому выявить позитивные социальные черты деятельности исламских активистов, нацеленной на успешную интеграцию мусульманских иммигрантов в шведское общество, что возможно лишь при проведении государством открытой политики культурного и религиозного разнообразия [12. Р. 41–46]. В частности, к таким проявлениям можно отнести

просветительскую деятельность по разъяснению сущности ислама как мировой религии и правильного понимания Корана. К примеру, это нашло отражение в кратком иллюстрированном руководстве по пониманию ислама [13], опубликованного Скандинавским фондом Аль-Рисала.

Норвегия: дилемма культурного многообразия и единого норвежского общества

В отличие от Швеции и Дании, Норвегии присуща несколько иная специфика проблематики, связанной с конфессиональными параллельными обществами. Во многом данные отличия обусловлены другой демографической географией страны и, как следствие, более слабой степенью урбанизации, чем в других Скандинавских странах. Тем не менее в крупных городах Норвегии также отмечаются районы, населенные преимущественно представителями религиозно-этнических меньшинств. Но, несмотря на это, норвежская полиция не рассматривает факт религиозной радикализации в качестве основной угрозы формирования параллельного общества как уязвимого жилого района. С позиции полицейского руководства, основной причиной данного явления в обществе является социально-экономическое неблагополучие среди определенных групп населения [10. Р. 33]. Тем не менее при обсуждении проблемы параллельного сообщества в официальном докладе представителей органов внутреннего правопорядка «Осло 2022 – Будущие вызовы преступности в Осло» указывается, что «усиление поляризации между народами по признаку религии, этнической или политической принадлежности является реальной угрозой уже сегодня» [14. Р. 13]. В докладе также отмечается факт, согласно которому параллельные общества как группы населения с иной этнической принадлежностью, языком и (или) религией существуют на территории Осло, где из-за повышенной численности и плотности населения социально-экономические проблемы аналогичны тем, что присутствуют в Швеции и Дании. Однако в официально публикуемых докладах норвежской полиции чаще всего можно встретить отрицание существования в Осло «параллельных обществ» наподобие «уязвимых районов» в других скандинавских странах, так как на территории норвежской столицы отсутствуют закрытые для полиции жилые районы или сообщества, а социальные проблемы в областях с высокой численностью иммигрантов не выводятся в категорию особой угрозы, требующей отдельного рассмотрения [15. Р. 22–23].

Пример реакции полиции на проблему существования в Осло параллельных обществ отображен в книге норвежского писателя и эксперта по социально-экономическим тенденциям Столе Эккланда «Норвежские условия: за линией фронта в самом жестком полицейском участке Норвегии» [16]. Эккланд провел исследование о специфике работы норвежской полиции в Гроруддалене и Стовнере – районах Осло, где население иммигрантов или норвежцев с родителями-иммигрантами составляет более 80% [17]. Опрос среди полицейских показал, что они не считают данные

районы с мусульманскими общинами параллельными обществами, так как у них не возникает серьезных препятствий при осуществлении своих должностных обязанностей [16. Р. 12]. Тем не менее представители норвежской полиции подчеркивают целый спектр специфических проблем, порожденный наличием в данных районах специфической *субкультуры*, в которой сформированы «собственные законы, нормы и формы контроля вне установленных социальных институтов» [16. Р. 12]. Таким образом, несмотря на практически полное отсутствие официальных заявлений о существовании на территории Осло конфессиональных параллельных обществ или «уязвимых жилых районах», как в Швеции или Дании, норвежскими органами правопорядка отмечается определенная социальная напряженность в районах с преобладающим мусульманским иммигрантским населением.

Следует также отметить, что в Норвегии распространено и другое понимание параллельного общества, не имеющего отношения к мусульманским иммигрантским общинам, но обозначающего отдельную группу населения с параллельно действующими социальными институтами. В качестве примера можно привести саамское общество, активно отстаивающее самобытную культуру и добившееся официального признания собственной этнической идентичности несмотря на проведение политики норвегизации с ее жесткими принудительными мерами. В качестве параллельного социального института в данном контексте выступает основанный в 1989 году Саамский парламент Норвегии, осуществляющий посреднические функции между саамским населением и норвежским государством.

Саамский пример частично подходит под определение «параллельного общества» норвежского социолога П. Вейдена, охарактеризовавшего его как «общество, параллельно с обществом большинства развившее социальные институты» [18. Р. 154]. Согласно мнению Вейдена, единственным фактором, объединяющим параллельное общество с остальным населением государства, является общая территориальная граница. Однако такой тип социального устройства далек от подлинных общественных реалий Норвегии и может существовать только в качестве некой идеальной модели. Ранее схожее мнение было выражено профессором Дортмундского университета Т. Майром, который исследовал социально-политическую ситуацию в Германии и пришел к выводу о невозможности полноценной сегрегации мусульманского иммигрантского меньшинства от мажоритарного общества с перспективой образования «государства в государстве» в рамках современного геополитического европейского пространства [19].

Тем не менее в качестве определения параллельных обществ, принятого на официальном уровне в Министерстве юстиции и общественной безопасности Норвегии, можно указать «ситуации, в которых отсутствует национальное общественное единство, а государство не способно и/или не готово регулировать социальное многообразие» [10. Р. 7]. Отсутствие общественного единства в Норвегии является следствием появления в государстве с высокоразвитым

национальным самосознанием представителей «чуждых» культурно-религиозных традиций с низким уровнем социально-экономической адаптации. При этом религиозно-этническая составляющая процесса формирования параллельного общества является наиболее серьезным фактором идеологического противостояния в обществе, большая часть которого идентифицирует себя в качестве «норвежцев».

Сложившаяся ситуация приводит к появлению в норвежских реалиях феномена, который норвежский социолог Г. Брокманн охарактеризовала как «авторизованное понимание однородности общества» [20. Р. 5]. Данная концепция основывается на норвежской идеологии равенства населения, подразумевающей, что мигранты никогда не смогут стать «одними из нас» или «равными в достаточной мере» [20. Р. 76]. Такая позиция представляет собой отражение многолетнего социального опыта взаимодействия между этно-религиозными меньшинствами и мажоритарным обществом в Норвегии.

Однако она практически не освещается в норвежском политическом дискурсе на официальном уровне, несмотря на широкую популяризацию проблемы параллельного общества в норвежских СМИ. Вместо этого отмечается общая тенденция норвежской иммиграционной политики, ориентированной на формирование единого социума, вмещающего в себя все разнообразие культурных, религиозных и этнических элементов общества. Но на пути построения такой модели общественной сплоченности встает трудно разрешимое противоречие: с чьей стороны должны быть предложены уступки? Должны ли прибывшие в страну иммигранты отказаться от собственных культурно-религиозных традиций или перед норвежским обществом стоит нетривиальная задача пересмотра собственных культурных ценностей и формирования новых условий в государственных и общественных структурах для создания комфортной среды проживания «новых» граждан.

Заключение

Формирование конфессиональных параллельных обществ на северо-европейском геополитическом пространстве является следствием ряда существующих проблем в сфере социального взаимодействия между мусульманскими иммигрантскими общинами и Скандинавскими странами, преимущественно ориентирующихся на интересы мажоритарного общества. Отсутствие успешной интеграционной политики Дании, Швеции и Норвегии в отношении групп этнорелигиозных меньшинств в остальное общество затрудняет правовое регулирование культурного, религиозного и этнического многообразия внутри национальных границ, что приводит к образованию жилых районов, отличающихся высокой степенью преступности на фоне низкого социально-экономического уровня жизни.

Такие районы, подавляющее население которых составляют исповедующие ислам иммигранты не западного происхождения, имеют тенденцию к сегрегации от остального общества, что в немалой степени обусловлено дискриминацией прав мусульманских

меньшинств в демократических государствах Северной Европы. Это влечет за собой внутреннюю пропаганду, призывающую иммигрантские общины к самоизоляции в замкнутой и сравнительно однородной среде, представители которой разделяют общие культурно-религиозные ценности. Складывающаяся ситуация, в свою очередь, провоцирует реакцию общества большинства на появление новой контркультуры, основанной на идеологии противопоставления понятий «мы» – «они» и являющейся причиной возникновения в обществе социальной напряженности.

Тем не менее официальные полицейские отчеты Скандинавских стран указывают на отсутствие реальной угрозы образования внутри национальных государственных границ таких негативных общественно-политических феноменов, как «государство в государстве» или «несостоявшееся государство». Несмотря на то, что параллельные общества, обозначаемые

на языке правоохранительных органов как «уязвимые жилые районы», таят в себе потенциальную угрозу национальной безопасности, официальные представители структур обеспечения внутреннего правопорядка заявляют, что данные территории находятся под контролем полиции. Однако неэффективность существующей иммиграционной политики в условиях непрерывного расширения культурного, религиозного и этнического многообразия среди населения страны способствует расширению спектра и глубины проблем, непосредственно относящихся к процессу образования конфессиональных параллельных обществ. При этом основная причина возникновения параллельного общества как современного социального феномена заключается в отсутствии соответствующих государственных структур и общественных институтов, обеспечивающих полноценную интеграцию всех граждан в единый социум.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duelund P. Parallelsamfund som ny politisk strategi // Dagbladet Information. 1968. September 19th.
2. Duelund P. På vej mod et nyt samfund. Høsts Debatbog No 4. København: Høst, 1971.
3. Heitmeyer W. Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. Erste empirische Studie: 27 Prozent befürworten Gewalt zur Durchsetzung religiöser Ziele // Zeit Online. 1996. August 23th. URL: <http://www.zeit.de/1996/35/heimmey.txt.19960823.xml> (accessed: 11.09.2019).
4. Freiesleben A.M. Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968–2013 – fra utopi til dystopi. Doktorgradsavhandling. Københavns Universitet: Det Humanistiske Fakultet, 2016. URL: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (accessed: 02.08.2019).
5. Camre M. Debat: Tørklædet er brud på kvinders ret // Information. 1999. August 24th. URL: <https://www.information.dk/debat/1999/08/toerklædet-brud-paa-kvindens-ret> (accessed: 15.07.2019).
6. Khader N. Kahder: Juletræssagen er ikke en bagatel // Religion.dk. 2012. November 20th. URL: <http://www.religion.dk/kommentaren/khader-juletr%C3%A6ssagen-er-ikke-en-bagatel> (accessed: 25.05.2019).
7. Krarup M. Er det praktisk at give efter for muslimske særkrav? // Berlingske Tidende. 2013. July 26th. URL: <http://www.mariekrarup.dk/33303274> (accessed: 16.06.2019).
8. National Strategisk Analyse. Kriminalitet, Trafiksikkerhed, Beredskab // Dansk politi. 2017. URL: https://www.politi.dk/NR/rdonlyres/60D84675-DFA7-46FE-BDEC-6FE654FC8AF/0/Rapport_NSA17_enkelt sider.pdf (accessed: 09.07.2019).
9. Danske Regeringen. Ghettoen tilbage til samfundet. Et opgør med parallelsamfund i Danmark // Socialministeriet. 2010. URL: http://www.stm.dk/multimedia/Ghettoen_tilbage_til_samfundet.pdf (accessed: 05.07.2019).
10. Egge M., Solhjell R. Parallelsamfund: En del av den norske virkeligheten? Technical Report. Oslo: Politihøgskolen, 2018. URL: <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/2498197> (accessed: 15.07.2019).
11. Nationella operativa avdelning. Utsatta områden – Social ordning, kriminell struktur och utmaningar för polisen // Underrättelsesenheten Sverige. 2017. URL: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/utsatta-omraden-social-ordning-kriminell-struktur-och-utmaningar-for-polisen-2017.pdf (accessed: 03.07.2019).
12. Carlbohm A. Samhället måste öppna sig för mångfalden. Mångfaldspolicyn som politisk möjlighet till islamisk activism. Malmö : Malmö Universitet, 2019 URL: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28798.pdf> (accessed: 10.10.2019).
13. Muhammad i andras ögon, propagandistisk skrift där icke-muslimer uttalar sig fördelaktigt om profet Muhammad. Örebro : Alrisalah Skandinaviska Stiftelse, 2011.
14. Oslo 2022 – Fremtidens kriminalitetsutfordringer i Oslo // Oslo Politidistrikt: Strategisk Stab. 2013. URL: <https://docplayer.me/2809110-Fremtidens-kriminalitetsutfordringer-i-oslo.html>
15. Oslo Politidistrikt (2016). «Parallelsamfund? Et politiblikk». Oslo Politidistrikt: Strategisk Stab. URL: <https://www.politiet.no/globalassets/dokumenter/oslo/rapporter/parallelsamfund/rapport-fra-oslo-politidistrikt-parallelsamfund-et-politiblikk.pdf> (accessed: 28.09.2019).
16. Økland S. Norske tilstander: bak frontlinjen i Norges tøffeste politidistrikt. Gyldendal, 2017.
17. Innvandrere og deres norskfødte barn – gruppenes sammensetning // Statistisk sentralbyrå. 2017. URL: <https://www.ssb.no/befolkning/artikler-og-publikasjoner/innvandrere-og-deres-norskfodte-barn-gruppenes-sammensetning> (accessed: 26.08.2019).
18. Veiden P. Parallelsamfund // Tanker om Samfund / red. K. Dahlgren, H.R. Næss. Oslo : Universitetsforlaget, 2012. P. 154–170.
19. Meyer T. Parallelgesellschaft und Demokratie // Der Demokratische Nationalstaat in den Zeiten der Globalisierung: Politische Leitideen Für Das 21. Jahrhundertfestschrift Zum 80. Geburtstag von Iring Fetscher. Berlin : Akademie Verlag, 2002. P. 193–230.
20. Brochmann G., Borchgrevink T., Rogstad J. Maskineriet: Makt og demokrati i det flerkulturelle Norge. Oslo : Gyldendal Akademisk, 2002.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 октября 2019 г.

Confessional “Parallel” Societies in the Context of the Immigration Policy of the Scandinavian Countries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 143–149.

DOI: 10.17223/15617793/466/17

Ekaterina Yu. Talalaeva, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation); Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: aikatarin@mail.ru

Keywords: parallel society; immigration policy; Scandinavian states; vulnerable residential area; Muslim communities; multicultural society.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00054.

The article analyzes potential and real threats to the national security of the Scandinavian countries from Muslim segregated communities of immigrants who form “parallel” societies on the territory of Denmark, Sweden and Norway. Based on the commonality of the historical development, the economic system and the sociopolitical structure of the states in this geopolitical region, the research identifies general trends in the formation of a confessional parallel society and the modern political immigration strategy in Northern Europe. The study of social and political discourse and officially published documents on the problem of “parallel” societies makes it possible to assess the effectiveness of actions taken by state structures to ensure the full integration of isolated Muslim communities in the majority society. The reports of ministries and internal law enforcement agencies in the states of Northern Europe deserve special attention against the background of the widespread exploitation of the problems of Muslim parallel communities in the media and sociopolitical debates that escalate social tension in the Scandinavian countries. Despite the fact that the official reports emphasize the undeniable relevance of this problem, they exclude the possibility of escalating the current situation into a threat of national or international scale since the police keep these territories under control. However, the lack of successful integration policies of Denmark, Sweden and Norway regarding ethno-religious minorities significantly complicates the legal regulation of cultural, religious and ethnic diversity within their national borders. This situation leads to the formation of “vulnerable residential areas” with a high degree of crime against the background of a low socioeconomic standard of living. The population of such areas mainly consists of non-Western immigrants practicing Islam. Discrimination of the rights of ethno-religious minorities in democratic countries to a large extent determines the tendency to the segregation of Muslim communities from the majority society on the basis of their own cultural and religious order, which subsequently may lead to religious radicalization. Despite the positive measures taken by the governments of Denmark, Sweden and Norway to integrate Muslim minorities into the majority society, the prevailing inefficiency of the existing immigration policy in the context of the continuous expansion of cultural, religious and ethnic diversity among the population of the Scandinavian countries is stated. Moreover, the main reason for the emergence of a confessional parallel society as a modern social phenomenon lies in the practical absence of state structures and public institutions capable to ensure full integration of all citizens into a united society.

REFERENCES

1. Duelund, P. (1968) Parallelsamfund som ny politisk strategi. *Dagbladet Information*. September 19th.
2. Duelund, P. (1971) På vej mod et nyt samfund. *Høsts Debatbog*. 4. København: Høst.
3. Heitmeyer, W. (1996) Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. Erste empirische Studie: 27 Prozent befürworten Gewalt zur Durchsetzung religiöser Ziele. *Zeit Online*. August 23th. [Online] Available from: <http://www.zeit.de/1996/35/heimtmei.txt.19960823.xml> (Accessed: 11.09.2019).
4. Freiesleben, A.M. (2016) *Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968–2013 – fra utopi til dystopi*. Doktorgradsavhandling. Københavns Universitet: Det Humanistiske Fakultet. [Online] Available from: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (Accessed: 02.08.2019).
5. Camre, M. (1999) Debat: Tørklædet er brud på kvinders ret. *Information*. August 24th. [Online] Available from: <https://www.information.dk/debat/1999/08/toerklaedet-brud-paa-kvindes-ret> (Accessed: 15.07.2019).
6. Khader, N. (2012) Kahder: Juletræssagen er ikke en bagatel. *Religion.dk*. November 20th. [Online] Available from: <http://www.religion.dk/kommentaren/khader-juletr%C3%A6ssagen-er-ikke-en-bagatel> (Accessed: 25.05.2019).
7. Krarup, M. (2013) Er det praktisk at give efter for muslimske særkrav? *Berlingske Tidende*. July 26th. [Online] Available from: <http://www.mariekkrarup.dk/33303274> (Accessed: 16.06.2019).
8. Dansk politi. (2017) National Strategisk Analyse. Kriminalitet, Trafiksikkerhed, Beredskab. [Online] Available from: https://www.politi.dk/NR/rdonlyres/60D84675-DFA7-46FE-BDEC-6FE6545FC8AF/0/Rapport_NSA17_enkelt sider.pdf (Accessed: 09.07.2019).
9. Socialministeriet. (2010) Danske Regeringen. Ghettoen tilbage til samfundet. Et opgør med parallelsamfund i Danmark. [Online] Available from: http://www.stm.dk/multimedia/Ghettoen_tilbage_til_samfundet.pdf (Accessed: 05.07.2019).
10. Egge, M. & Solhjell, R. (2018) *Parallelsamfunn: En del av den norske virkeligheten? Technical Report*. Oslo: Politihøgskolen. [Online] Available from: <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/2498197> (Accessed: 15.07.2019).
11. Underrättelsesenheten Sverige. (2017) *Nationella operativa avdelning. Utsatta områden – Social ordning, kriminell struktur och utmaningar för polisen*. [Online] Available from: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/utsatta-omraden-social-ordning-kriminell-struktur-och-utmaningar-for-polisen-2017.pdf (Accessed: 03.07.2019).
12. Carlbom, A. (2019) *Samhället måste öppna sig för mångfalden. Mångfaldspolicyn som politisk möjlighet till islamisk activism*. Malmö: Malmö Universitet. [Online] Available from: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28798.pdf> (Accessed: 10.10.2019).
13. Alrisalah Skandinaviska Stiftelse. (2011) *Muhammad i andras ögon, propagandistisk skrift där icke-muslimer uttalar sig fördelaktigt om profet Muhammad*. Örebro: Alrisalah Skandinaviska Stiftelse.
14. Oslo Politidistrikt, (2013) *Oslo 2022 – Fremtidens kriminalitetsutfordringer i Oslo*. Oslo Politidistrikt: Strategisk Stab. [Online] Available from: <https://docplayer.me/2809110-Fremtidens-kriminalitetsutfordringer-i-oslo.html>.
15. Oslo Politidistrikt. (2016). *“Parallelsamfunn? Et politiblikk”*. Oslo Politidistrikt: Strategisk Stab. [Online] Available from: <https://www.politiet.no/globalassets/dokumenter/oslo/rapporter/parallelsamfunn/rapport-fra-oslo-politidistrikt-parallelsamfunn-et-politiblikk.pdf> (Accessed: 28.09.2019).
16. Økland, S. (2017) *Norske tilstander: bak frontlinjen i Norges tøffeste politidistrikt*. Gyldendal.
17. Ssb.no. (2017) *Innvandrere og deres norskfødte barn – gruppenes sammensetning*. Statistisk sentralbyrå. [Online] Available from: <https://www.ssb.no/befolkning/artikler-og-publikasjoner/innvandrere-og-deres-norskfodte-barn-gruppenes-sammensetning> (Accessed: 26.08.2019).
18. Veiden, P. (2012) Parallelsamfunn. In: Dahlgren, K. & Naess, H.R. (eds) *Tanker om Samfunn*. Oslo: Universitetsforlaget. pp. 154–170.
19. Meyer, T. (2002) Parallelsamfunn og Demokrati. In: *Der Demokratische Nationalstaat in den Zeiten der Globalisierung: Politische Leitideen Für Das 21. Jahrhundert*. Geburtstag von Iring Fetscher. Berlin: Akademie Verlag. pp. 193–230.
20. Brochmann, G., Borchgrevink, T. & Rogstad, J. (2002) *Maskineriet: Makt og demokrati i det flerkulturelle Norge*. Oslo: Gyldendal Akademisk.

Received: 31 October 2019

МИГРАЦИЯ КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ПРОСИТЕЛЕЙ УБЕЖИЩА (ОПЫТ Г. ТОРНИО, ФИНЛЯНДИЯ)

Статья подготовлена в рамках бюджетной темы № АААА-А19-119010990088-8 от 19.01.2019 «Методология системного исследования и управления развитием экономического и социокультурного пространства северного и приграничного поясов России в контексте национальной безопасности».

Рассмотрены подходы к изучению современных миграционных потоков в Европу в контексте обеспечения национальной безопасности и с учетом возникающих в процессе взаимодействия местного сообщества и мигрантов социокультурных противоречий. Исследование основано на материалах интервью с просителями убежища в Центре по приему беженцев г. Торнио, Финляндия (август – сентябрь 2016 г.). Предложены рекомендации по улучшению общей межкультурной и межнациональной коммуникации с целью снижения риска формирования закрытых социальных групп.

Ключевые слова: миграция; национальная безопасность; адаптация; проситель убежища; принимающее сообщество; Финляндия.

Количество беженцев, вынужденных переселенцев и мигрантов во всем мире увеличивается не только в результате вооруженных конфликтов, но и из-за отсутствия экономических возможностей, ослабления глобальной безопасности и роста природных катаклизмов. Несмотря на достаточно полиэтничный состав и высокий уровень толерантности европейского общества, внутри ЕС произошел раскол, когда нелегальные мигранты с Востока и Северной Африки (далее – мигранты) стали хаотично распространяться по всей Европе.

В современных реалиях проблемы миграции приобретают государственно-политическое значение, становясь одним из государственных приоритетов и вопросов национальной безопасности. Усиление миграционных потоков (миграционный кризис), будучи новым вызовом в современном мире, актуализирует проблематику исследований, раскрывающих взаимоотношения между принимающими сообществами и мигрантами.

Миграционные потоки не столько выявляют проблематику территориального перемещения больших масс людей, сколько актуализируют вопросы социокультурных характеристик сообществ в целом, принося иную новую культурную и духовно-ценностную составляющую, способную изменить существующие социальные, культурные и психологические установки местного сообщества [1. С. 64; 2]. Одной из первостепенных задач современных государств становится сохранение, с одной стороны, собственной идентичности и самобытности, с другой, участие в глобальных интеграционных процессах, происходящих в мировом сообществе. В этой связи на первый план выдвигаются вопросы:

готово и насколько современное общество к межкультурному диалогу, к выработке принципиально новых форм межкультурного взаимодействия в новых условиях?

возможна ли гармоничная интеграция мигрантов в европейское сообщество и готово ли принимающее сообщество принять трансформацию?

Нестабильные социально-экономические и политические условия, военные действия в странах Афри-

ки и Ближнего Востока наряду с благожелательной миграционной политикой, проводимой государствами ЕС в условиях «старения» населения и растущей потребностью в рабочей силе, спровоцировали мощный поток желающих приехать в Европу и стать европейскими гражданами. Неадекватность ассимиляционной политики привела к внедрению политики мультикультурализма, призванной служить гармонизации европейского общества, создавая новые реалии в отношениях между коренными и «новыми» европейцами [3. С. 123].

Европа становится все более и более притягательной дестинацией для жизни новых мигрантов, что актуализирует проблематику не столько как остановить, сколько как лучше принять и устроить гармоничное сообщество в новых реалиях [4, 5]. Доля населения иностранного происхождения в государствах Европы к середине XXI в. может достичь 30% от общей численности [6. С. 464].

При этом характер взаимоотношения с мигрантами часто определяется направленностью ожиданий местного сообщества. Среди наиболее распространенных форм ожидания выделяют экономическую угрозу, физическую безопасность, культурную безопасность, межгрупповую тревожность и негативные стереотипы [7. С. 38]. Особое значение приобретают противоречия, связанные с принятием или неприятием новой культуры как мигрантами, так и представителями принимающего сообщества. Разделение людей на «своих» и «чужих» в условиях интенсификации процессов мобильности населения и неконтролируемой миграции демонстрирует несостоятельность политики «плавильного котла» мультикультурализма. Реалии современности трансформируют государства в поликультурные сообщества с нестабильной системой межкультурных взаимодействий, в пределах которых гармоничные контакты постепенно становятся недостижимы из-за постоянных конфликтов между так называемым коренным населением и мигрантами. Выделяются три основных варианта поведения мигранта в новой для него городской среде от идентификации с принимающим сообществом или населенным пунктом до отчуждения новой социокультурной

среды [8. С. 30]. Среди факторов, влияющих на процесс адаптации к новой культурной среде, исследователями выделяются: индивидуальные особенности индивида, жизненный опыт, степень сходства или различия культур, стереотипы и др.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. мигранты, направляющиеся в Европу, стали восприниматься как потенциальный источник опасности. В европейском политическом и медийном дискурсах укрепилась риторика об идентичности европейцев и угрозе национальной безопасности государств, исходящей от мигрантов: «Правда заключается в том, что во всех наших демократиях слишком пекутся об идентичности тех, кто прибывает, и слишком мало об идентичности принимающей стороны», – заявил президент Франции Николя Саркози [9].

Действительно, не все мигранты готовы влиться в традиционный европейский социум, что несет не только угрозу национальной культуре, но и национальной безопасности в политическом, экономическом, социальном и демографическом аспектах. Политика мультикультурализма потерпела неудачу, продолжается миграционный кризис, а европейские политики возвращаются к теме способов интеграции приезжих в социальную жизнь принимающей общности.

Целью научного исследования является выявление социокультурных противоречий интеграции мигрантов и принимающего сообщества, а также выработка рекомендаций по улучшению общей межкультурной и межнациональной коммуникации с целью снижения риска формирования закрытых социальных групп.

Вызовы миграции для национальной безопасности в Европе: теоретические аспекты

Расширенное толкование концепции безопасности и увязывание рисков и угроз, связанных с мигрантами, появилось с теорией секьюритизации в рамках Копенгагенской школы в начале 1990-х. Барри Бузан и Оле Вевер рассматривали концепцию безопасности гораздо шире, чем сфера военных угроз национальным интересам государства, включая помимо военного сектора безопасности политический, экономический, общественный и экологический сектора [10]. Среди новых угроз ученые выделяли нелегальную и бесконтрольную миграцию. Б. Бузан и его коллеги обращаются к социальным аспектам безопасности: кто и каким образом создает и секьюритизирует различные угрозы. Данная концепция подразумевает речевой акт как способ привлечения внимания к угрозе и выражения факта ее потенциального вреда для жизни объекта. На сегодняшний день мы наблюдаем растущую тенденцию секьюритизации миграции в Европе, которая влияет на положение мигрантов. Средства массовой информации и интернет, являясь ключевым источником информации, не только отражают сложившиеся в обществе установки, но и сами конструируют стереотипные образы тех или иных социальных групп, разделяя на своих или чужих, друзей или врагов, и могут способствовать формированию определенного отношения общества к их представителям. Такие явления, как ис-

ламофобия, ксенофобия, антисемитизм, становятся инструментами дискриминации и способствуют возникновению социокультурных конфликтов, угрожающих национальной безопасности.

Согласно принципам мультикультурализма, любые социальные группы в современном глобальном обществе не просто заслуживают равенства, но и возможности сохранения за собой отличительных черт. Поэтому миграционная политика направлена на достижение необходимого баланса между интересами государства, общества и правами мигранта. С принятием в 1997 г. Амстердамского договора вопросы иммиграции были отнесены к совместной компетенции ЕС и государств-членов. Однако в ЕС не существует единой системы приема беженцев. Так, согласно Дублинской конвенции 1990 г., первая страна пересечения границы ЕС ответственна за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища. В большинстве случаев это страны, которые расположены на внешних границах Евросоюза, в основном на юге. При этом информация о количестве мигрантов, прибывших в ту или иную страну, отличается.

Согласно теории секьюритизации, выделяют следующие основные угрозы для национального государства от приема мигрантов:

1. *Политическая угроза*, которая выражается в опасности политической радикализации в странах, массово принимающих мигрантов и беженцев. В настоящее время антимигрантские настроения носят эпизодический характер и проявляются в виде напряженности между людьми в зонах массового скопления мигрантов. Однако все более популярными в странах ЕС становятся ультраправые партии, в программах которых в обязательном порядке присутствует положение о запрете миграции и высылке иммигрантов.

2. *Экономическая угроза* – финансовые расходы на пограничный контроль, создание лагерей беженцев, на социальные и медицинские услуги, содержание под стражей, депортацию. Нелегальные иммигранты, готовые работать на любых условиях, снижают существующие в европейских странах социальные гарантии (минимальный уровень заработной платы, максимальная продолжительность рабочего дня).

3. *Социальная угроза* проявляется в увеличении нагрузки на социальные бюджеты и социальную инфраструктуру принимающих стран. С одной стороны, беспокойство вызывает необеспеченность жильём, недостаточный уровень образования и высокий уровень безработицы, как следствие – бедность и преступность среди мигрантов. С другой стороны, мигранты вызывают обострение конкуренции на местных рынках труда и жилья, образуют целые сектора занятости, в том числе нелегальной, не поддающиеся законодательному регулированию.

4. *Культурная угроза* состоит в обоюдном непонимании мигрантами и принимающим сообществом иной культуры и моделей поведения, отсутствии позитивного взаимодействия.

Проблема социокультурной адаптации вынужденных мигрантов является одной из самых сложных и теоретически многозначных. Восприятие новых

национально-культурных моделей поведения неразрывно связано с идентичностью – национальной и социокультурной.

Возникновение социокультурных противоречий мигрантов и принимающего сообщества возможно в любых условиях: в трудовых отношениях и быту, общественном транспорте и магазинах, на улицах, во дворах и школах. Успех интеграции мигрантов зависит от степени близости их культурно-ценностных представлений к представлениям, сложившимся в принимающем обществе. Адаптация в стране со схожими культурными ценностями, как правило, проходит менее болезненно, чем там, где межкультурные различия значительны. Соблюдение принятых в той или иной группе правил дает человеку основания считать себя ее частью, лишая других членов группы возможности опровергнуть факт его принадлежности к ней [8. С. 29]. Ключевыми условиями успешной интеграции являются овладение языком, адаптация к жизни в принимающем обществе и принятие его укладов и нравов.

Миграция в Финляндию: обострение противоречий

Финляндия занимает третье место среди стран Евросоюза по количеству заявлений от просителей убежища, уступая Германии и Швеции. В 2015 г. в страну прибыло около 35 тыс. беженцев, в основном выходцы из Ирака (20 485 чел.), Афганистана (5 214 чел.) и Сомали (1 981 чел.) [11]. Всего в 2015 г. Иммиграционная служба вынесла в общей сложности 7 466 решений о предоставлении убежища [12].

Современное финское миграционное законодательство представлено Конституцией Финляндии 1999 г. и Законом «Об иностранцах» 2004 г. (в ред. Закона 49/2017). Согласно законодательству страны, категорию мигрантов, которым может быть предоставлено убежище в Финляндии, составляют лица, соответствующие критериям Женевской конвенции о предоставлении статуса беженца, а также те, кто покинул свою страну под угрозой смертной казни, негуманного обращения, вследствие военных действий или стихийных бедствий [13. С. 69]. Финляндия входит в число стран, принимающих беженцев согласно ежегодной национальной квоте ООН, что дает легальную возможность попасть в Европу из лагерей для беженцев, расположенных в различных точках мира. Однако большая часть просителей убежища попадают в страну нелегально. В течение первых 72 ч после прибытия просителя убежища регистрируют и до подтверждения статуса беженца размещают в приемных центрах, которые находятся под управлением муниципалитетов и Красного Креста. Сейчас в Финляндии насчитывается около 50 центров для взрослых [14].

Получение статуса беженца дает возможность на соединение членов семьи, что влечет за собой увеличение числа приезжих. Правительство выплачивает мигрантам деньги за счет прогрессивного налога с дохода местных граждан, как работающих, так и пенсионеров, который может достигать 50%. Официальный процесс приема мигрантов часто вызывает недо-

вольство финских граждан, обостряя социокультурные противоречия.

При указанных в некоторой степени стимулирующих факторах приезда в Финляндию существует сдерживающая рост мигрантов официальная процедура регулирования их числа. Так, в 2016 г. Миграционная служба Финляндии вынесла свыше 7 300 отрицательных решений по заявлениям о предоставлении убежища [12]. Чаще отказ получают мужчины, поскольку, по мнению иммиграционных служб, им легче, чем женщинам, уехать в безопасные районы внутри своей страны. В частности, с мая 2016 г. Афганистан, Ирак и Сомали были признаны полностью безопасными странами, соответственно, беженцев из этих стран депортируют на родину. Вместе с тем многие, получившие отказ, продолжают оставаться в Финляндии нелегально или направляются в другую страну ЕС.

Кроме того, с 2017 г. ужесточились правила въезда и пребывания иностранных граждан в Финляндии. Так, введена обязанность проживания беженцев в приемных центрах и регистрация в них от одного до четырех раз в сутки. Все заявления о предоставлении вида на жительство принимаются через новые обслуживающие центры в различных частях Финляндии на основании предварительной онлайн-записи. Одновременно на начало 2017 г. из центров по приему беженцев в Финляндии исчезло более 5 тыс. просителей убежища [14]. Сложившаяся ситуация усиливает политическую полемику. Так, по мнению ряда финских политиков, на время рассмотрения заявлений беженцев нужно содержать в закрытых лагерях, по примеру созданных в Венгрии. Член партии «Истинные финны» Сампо Терхо заявил: «У них не должно быть возможности находиться в стране после того, как было вынесено отрицательное решение в предоставлении убежища, поскольку именно это порождает угрозу безопасности» [15. С. 340]. В частности, для мигрантов партия предлагает ускорить адаптацию и социальную интеграцию путем лишения финансовой поддержки на сохранение их культуры.

В качестве одного из примеров обострения противоречий в финском сообществе по вопросу мигрантов, можно привести ситуацию в приграничном со Швецией городе-близнеце Торнио, где осенью 2015 г. более 10 тыс. просителей убежища пересекли шведско-финскую границу и через город Хапаранда (Швеция) оказались в Торнио [16]. В сентябре 2016 г. в Торнио проживало 289 просителей убежища. Общая численность населения г. Торнио составляет 22,3 тыс. человек (2015). Для того чтобы не допустить нелегального распространения мигрантов по всей Финляндии, в Торнио был создан центр по их регистрации. Городское сообщество Торнио раскололось на два лагеря: часть людей вышла на митинги, протестуя против роста беженцев и за закрытие финско-шведской границы, другие, считая необходимым помочь мигрантам, принялись собирать гуманитарную помощь, включая теплую одежду в преддверии долгой зимы. Осенние акции протеста против политики правительства в отношении приема беженцев прошли также в городах Хельсинки, Лахти и Миккели. Ситуа-

ция усугубилась после нескольких инцидентов нападения беженцев на местных жителей. Агрессия местных выразилась в закидывании центров по приему беженцев камнями в г. Ювяскюля, бутылками с зажигательной смесью в г. Торнио, а также в нападении на автобус в г. Лахти.

Кроме того, в феврале 2016 г. газета *Helsingin Sanomat* огласила результаты исследования, проведенного полицейским колледжем, согласно которым Финляндия плохо подготовлена к угрозам, которые несет миграционный кризис, а отсутствие мер по интеграции такого большого количества мигрантов приведет к криминализации городских районов [17]. «Миграционный кризис усиливает у людей ощущение незащитности, в то же время провоцируя на навешивание ярлыков: кто является и кто не является финном. Такая реакция на европейский миграционный кризис создает плодотворную почву для фашизма», – отмечает доцент университета Хельсинки Оула Силвеннойнен, написавший книгу о финском фашизме [15].

Несмотря на то, что ведется работа по информированию мигрантов о нормах и моделях европейского поведения, ситуация продолжает оставаться напряженной. Так, в декабре 2015 г. телерадиокомпания YLE опубликовала три статьи на арабском языке, адресованные приехавшим просителям убежища. В них рассматриваются вопросы интеграции, трудоустройства и случаев домогательства со стороны просителей убежища. Полиция Финляндия выпустила брошюру с разъяснениями о законах республики и видео о роли женщин, употреблении табака и алкоголя, обращении с детьми и равноправии с субтитрами на арабском, курдском, сомали и португальском языках.

Социокультурные противоречия и проблемы интеграции мигрантов в принимающее сообщество г. Торнио (данные за август – сентябрь 2016 г.)

Выявление социокультурных противоречий интеграции мигрантов и принимающего сообщества было сделано на основе проведенного в августе–сентябре 2016 г. в г. Торнио исследования в рамках международного проекта «Parents movement», посвященного проблематике мультикультурализма, миграции и глобализации. Проект был реализован при финансовой поддержке Министерства образования и культуры Финляндии и Европейского культурного Фонда, а также при содействии Министерства культуры Республики Карелия.

Эмпирическую базу исследования составили данные 12 глубинных интервью с мигрантами, проведенных в Центре по приему беженцев в г. Торнио (далее Центр). Выборка включала вынужденных мигрантов из Ирака, Афганистана и Нигерии (8 мужчин и 4 женщины), покинувших свою родину в 2015 г. и прибывших в Торнио. Структура глубинного интервью состояла из нескольких блоков вопросов:

– социально-демографическая информация (пол, возраст, образовательный уровень, профессия);

– предпосылки и причины выбора Финляндии в качестве места убежища;

– впечатления от пребывания в г. Торнио;

– опыт коммуникации с принимающим сообществом;

– образ жизни после приезда в Финляндию, включая места посещения и круг общения.

Согласно данным интервьюирования, маршрут передвижения мигрантов включал в себя следующие страны по пути следования: Турция – Греция – Македония – Сербия – Венгрия – Австрия – Германия – Дания, затем на пароме в Швецию и через г. Хапаранда в Финляндию. Нелегальная контрабанда людей занимает от 30 до 45 сут и стоит около 8 тыс. евро. Отчасти опасностью дороги объясняется тот факт, что среди постояльцев Центра в г. Торнио мужчины составляют абсолютное большинство – 80,36%, средний возраст которых 31 год. Доля женщин равна 11,54%, а детей – 8,1%.

В качестве основных причин выбора Финляндии были указаны: удаленность от театра военных действий; высокий уровень жизни; толерантность и дружественное отношение финнов к беженцам. Кроме того, беженцы отмечали, что на их решение обосноваться в Финляндии существенное влияние оказали СМИ и отзывы бывших соотечественников в социальных сетях. Так, в группах в соцсетях Финляндия характеризовалась в качестве страны с «высокими социальными пособиями», со «спокойной жизнью», «хорошим отношением местных» и «бесплатным медицинским обслуживанием». Однако, приехав осенью, беженцы с юга в первую очередь столкнулись с суровыми климатическими условиями [18]. «Климат ужасный, слишком холодно, нет солнца, вечером никого на улицах не встретишь, только автомобили» (Мужчина, 22 года, Ирак). «У моих детей проблемы со здоровьем из-за холодной зимы» (Мужчина, 25 лет, Ирак).

Следующие разочарование, которое их ожидало – это сумма пособия, которая для проживающих в центре составляет 320 евро. В интервью просители убежища отмечали, что рассчитывали на большие выплаты. В частности, молодежь высказывала заинтересованность переехать в крупные города Хельсинки, Тампере, Турку, где жизнь «более динамичная и интересная» и можно «дополнительно заработать». Кроме того, просители убежища стремятся найти своих друзей или членов семьи, которые попали в другие центры Финляндии: но затруднения вызывает возможность их свободного перемещения по стране. В подтверждение можно привести слова мигрантов с Ирака. «Я не понимаю, почему не могу поехать в Форсса, где меня ожидает друг, ведь он поможет мне с жильем и трудоустройством» (Форсса – город в 100 км от Хельсинки. – Прим. авт.) (Мужчина, 48 лет, Ирак) «Мне здесь скучно. Я не могу устроиться на работу и не могу переехать в лагерь в Хельсинки, где живут мои друзья. Город маленький, тихий и некуда идти» (Мужчина, 25 лет, Ирак).

Резюмируя обобщенные результаты социологических исследований, а также результаты наблюдений авторов, можно выявить ряд социокультурных противоречий интеграции мигрантов и принимающего со-

общества, обусловленных традициями, особенностями поведения и уклада жизни обеих сторон:

– несоответствие культурных ценностей и норм поведения, приводящих к появлению дискомфорта, постепенному отчуждению. В подтверждение можно привести слова мигрантов: «Удивительно, что здесь принято пожимать руку, даже женщинам» (Мужчина, 48 лет, Ирак). Финские коммуникативные практики не подразумевают близкого контакта с незнакомыми людьми. В то время как в восточной культуре принято собираться группами, громко и эмоционально разговаривать, что настораживает местных: «Нам делали замечание в общественных местах, что мы громко говорим, но мы так привыкли» (Женщина, 52 года, Ирак). «Местные и мы (приезжие) смотрим друг на друга как на чужаков. Мы не общаемся. Я говорю по-английски, но я не смею общаться с местными жителями. Я готов рассказать свою историю и узнать о городе, но это интересно только журналистам и представителям власти» (Мужчина, 31 год, Ирак). «Для местных мы остаемся мигрантами, людьми с низким статусом, которых приходится терпеть на своей территории» (Мужчина, 34 лет, Афганистан);

– проблематика угрозы безопасности для принимающего сообщества. Именно чувство воспринимаемой безопасности является главным фактором взаимного принятия и адаптации мигрантов. Наоборот, увеличение уровня тревожности приводит к усилению непринятия в межкультурном взаимодействии: «На нас подозрительно смотрят в магазине, потому что мы отличаемся внешне, одеваемся по-другому» (Мужчина, 25 лет, Ирак). «Я хочу переехать в Италию, так как там больше людей с темной кожей» (Мужчина, 31 год, Ирак). Результатом постепенного отчуждения со стороны приезжих стало не желание приспособляться к новой социокультурной среде. Однако обманутые в реальности ожидания нашли выход в демонстративной реакции местного населения по отношению к приезжим, что выразилось в форме ряда протестных митингов, акций с применением силы, что не является типичным для финского менталитета;

– незнание особенностей восточной и европейской культуры (включая сферу питания) повлекло недопонимание сторон. «Финская еда другая, нет нормального чая, сложно найти рис и специальный сыр. Мы готовим национальную еду» (Мужчина, 25 лет, Ирак). Кроме того, финские коммуникационные практики не подразумевают близкого контакта с незнакомцами, что является достаточно приемлемым для представителей восточной культуры.

В ходе исследования выявлено, что помимо принадлежности к национальной общности респонденты в большинстве случаев подчеркивают свою связь с этническими группами [19. Р. 310]. Во избежание конфликтов в центре просители убежища расселены по этническому принципу. Несмотря на свободу перемещения по городу, они не имеют права работать, их дети не посещают дошкольные и школьные учреждения. Пересечение финско-шведской границы запрещено.

Следует акцентировать внимание, что все мигранты испытывают тоску по родной культуре, что выражается в более интенсивном общении с представителями сво-

ей культуры, нежели с жителями принимающей страны. В результате часто образуются сегменты рынка профессий и услуг, тесно связанные с определенными этническими группами (например, в Торнио все владельцы пиццерий – выходцы из Турции). «В центре я чувствую безопасность и заботу персонала, открытость и теплоту людей, но я чувствую себя инопланетянином на улице. В основном общаюсь на Facebook с моими родственниками и друзьями в Ираке или в других финских лагерях» (Мужчина, 23 года, Ирак). Высокая социальная сплоченность, характерная для этнических групп мигрантов, способствует формированию системы неформальных отношений, через которые устанавливаются социальные коммуникации с окружающей городской средой [20. С. 58]. Центр приема беженцев находится в 30 минутах от центра города, где самое посещаемое место среди просителей убежища – торговый центр «Rajalla» (пер. с финского языка «на границе»). Торговый центр – место встречи и общения с представителями своей этнической группы. Помимо круга общения, беженцы сохраняют традиции национальной кухни, внешнего вида и музыкальные предпочтения. В Торнио мигрантами был открыт магазин с арабскими товарами, в основном продуктами питания. Вынужденные мигранты ориентированы в большой степени на друзей-соотечественников и стремятся часто с ними встречаться. Таким образом, иммигранты сохраняют устойчивые контакты со странами своего происхождения.

Активность участия просителей убежища в спортивных, культурных мероприятиях, организуемых для них в Центре, не очень высокая [19. Р. 312]. Представители отдела социальной политики отмечают, что в городе не хватает мероприятий по сплочению городского сообщества и включению мигрантов. Из-за большого количества приезжих рассмотрение заявлений о предоставлении статуса беженца затянулось до года. Из интервью было выявлено, что ожидание сильно повлияло на настроения людей, многие прекратили ходить на занятия по изучению языка, ощущают депрессию, их угнетает климат, отсутствие солнца и долгие зимы. Практически единственным местом общения мигрантов и местных является отделение «Красного Креста», где мигранты совместно с волонтерами изучают язык и традиции в ходе мастер-классов по приготовлению финских блюд, вязания на спицах и др. Отношения между добровольцами «Красного Креста» и мигрантами доверительные и дружелюбные. Такие встречи позволяют узнать правила поведения и культурные нормы, характерные для нового места пребывания.

В то же время есть и те, кто стремится начать новую жизнь и готов интегрироваться в финское общество (в основном женщины). «Я была воодушевлена вначале. Мы заплатили 8 000 евро, чтобы оказаться здесь, и в Интернете все казалось по-другому. Финский язык очень сложный, но я хотела бы остаться. Не знаю, что буду делать, если я получу отрицательное решение. Мне некуда возвращаться» (Женщина, 52 года, Ирак). «Мы покинули нашу страну, и мы должны оставить нашу культуру и усвоить европейские правила. Мне нравится жизнь здесь. Люди ува-

жают других, все религии. Образование бесплатное для всех, страна чистая. Культура сильно отличается, нам придется много научиться» (Женщина, 29 лет, Ирак). «Я хочу хорошей жизни для своей дочери, она никогда не вернется в Нигерию. После того, как я забеременела, мои родители бросили меня. Я бежала в Испанию, потом в Финляндию. Здесь хорошие социальные условия и множество других преимуществ» (Женщина, 28 лет, Нигерия). «Наша страна разрушена. Я бежала, чтобы спасти жизнь моих дочерей, а мой муж все еще в Ираке. Здесь мы видим другое отношение к людям и женщинам. Мои дочери будут счастливы здесь» (Женщина, 52 года, Ирак).

Возможности интеграции мигрантов в принимающее европейское сообщество: дискуссия

В результате исследования установлено, что мигранты идентифицируют себя с населенным пунктом, но не с его сообществом [19. Р. 312]. Испытывая тоску по родной культуре, приезжие общаются в основном с представителями своей этнической группы, а в отсутствие специальных мероприятий их возможности интегрироваться в финское общество становятся еще более ограниченными. Это создает определенную опасность формирования закрытых социальных групп. Игнорирование социокультурных факторов и недостаток социальных связей приезжих с местным населением могут привести к образованию анклавов, росту недовольства и потенциально конфликтным ситуациям.

Культурно обусловленные различия в способах невербальной коммуникации, нормах отношений, ценностях, стандартах и ритуалах поведения многочисленны, и они часто становятся причиной неприятных недоразумений при взаимодействии разных национальностей. Для улучшения общей межкультурной и межнациональной коммуникации в городе необходимо проводить адаптационные мероприятия для просителей убежища, чтобы они

смогли максимально интегрироваться в местные обычаи и традиции.

К рекомендациям по интеграции приезжих в местную среду следует отнести следующие меры:

– организация языковых курсов и проведение культурно-просветительских мероприятий для просителей убежища силами общественных организаций и муниципальных учреждений (на базе школ, университета и т.д.) при финансовой поддержке муниципалитета;

– проведение информационных встреч с выходцами из среды мигрантов, на которых последние делятся опытом проживания в регионе;

– организация профориентационных курсов совместно с заинтересованными предприятиями.

Проведенное исследование подтверждает стремление мигрантами сохранить ценности и нормы собственной традиционной культуры. Отказ от принятия сформированных традиций принимающего сообщества усиливает процессы фрагментации европейского общества. Для предотвращения развития данного процесса, улучшения общей межкультурной и межнациональной коммуникации в городе необходимо проводить адаптационные мероприятия для просителей убежища, с целью их максимального информирования о местных традициях и образе жизни. Мигранты, которые уже смогли устроиться в Финляндии, могли бы делиться опытом проживания в регионе, а заинтересованные предприятия проводить профориентационные курсы.

Однако ощущается необходимость повышения этнокультурной компетентности среди горожан, т.е. не только формирования позитивного отношения к наличию в обществе различных этнокультурных групп, но и умения понимать их представителей и взаимодействовать с партнерами из других культур. Для этого следует развивать этническую и культурную грамотность посредством информирования об особенностях истории и культуры всех представленных в обществе этнических групп – своей и «чужих».

ЛИТЕРАТУРА

1. Солодова Г.С., Гомзова В.В. Международная миграция – принимающее общество и иноэтничные мигранты // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 62–67.
2. Tartakovsky E., Walsh S. D. Testing a New Theoretical Model for Attitudes Toward Immigrants: The Case of Social Workers' Attitudes Toward Asylum Seekers // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2016. № 47 (1). P. 72–96.
3. Ким В.В. Социальные противоречия в «зеркале» миграции как фактор возникновения фанатизма // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 5 (133). С. 122–128.
4. Saukkonen P. Multiculturalism and Cultural Policy in Northern Europe // Höskolan i borås, nordisk kulturpolitisk tidskrift. 2013. № 16 (2). P. 178–200.
5. Löf R. The world will change with the influx of alyssum seekers // Bulletin of University of Eastern Finland. 2016. P. 12–16.
6. Coleman D. The Demographic Effects of International Migration in Europe // Oxford Review of Economic Policy. 2008. № 24 (3). P. 452–476.
7. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М. Отношение к иммиграции и субъективное благополучие принимающего населения // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 34–44.
8. Каранов Д.П. Мигранты и принимающее сообщество: Культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Полития. 2013. № 1 (68). С. 24–35.
9. Sarkozy estime à son tour que le multiculturalisme est un "échec". URL: <http://www.ladepeche.fr/article/2011/02/10/1010901-sarkozy-estime-tour-multiculturalisme-est-echec.html> (Accessed: 12.07.2017).
10. Buzan B., Weaver O., Jaap de Wilde. Security: A New Framework for Analysis. London, Lynne Rienner, 1998. 239 p.
11. Finnish Immigration Service, "Asylum applicants 1/1-11/30/2015". URL: http://www.migri.fi/download/65010_EN_tp-hakijat_2015.pdf?d09c5d95e82ad388 (Accessed: 12.07.2017).
12. Immigration service refuses nearly half of 2015 asylum applications. URL: http://yle.fi/uutiset/immigration_service_refuses_nearly_half_of_2015_asylum_applications/8618768 (Accessed: 22.08.2017).
13. Жданов И.Н. Современное миграционное законодательство Финляндии // Евразийский юридический журнал. 2017. № 2. С. 68–70.
14. Vastaanotokeskusten määrä pudonnut puoleen – katso kartalta, missä ne sijaitsevat. URL: <https://yle.fi/uutiset/3-9704977> (Accessed: 12.07.2017).
15. Sivennoinen O., Tikka M., Roselius A. Suomalaiset fasistit. Mustan sarastuksen airuet // WSOY. 2016. 510 p.

16. Hotspot: the new destination of refugee buses. URL: <http://www.helsinki.fi/finland/finland-news/domestic/13543-hotspot-the-new-destination-of-refugee-buses.html> (Accessed: 22.11.2016).
17. Tutkimus varoittaa maahanmuuton uhkista – “Nykyisestääkään tilanteesta hädin tuskin selvittäään”. URL: <http://www.hs.fi/kotimaa/art-200002886536.html> (Accessed: 12.07.2017).
18. Kauranen A. “Finland's no good”: Disappointed migrants turn back. URL: <https://www.yahoo.com/news/finlands-no-good-disappointed-migrants-turn-back-152042061.html?ref=gs> (Accessed: 11.06.2017).
19. Shlapeko E.A., Stepanova S.V. Cultural integration: positive and negative perceptions (case of Tornio, Finland) // *Geographia Polonica*. 2018. Vol. 91, Is. 3. P. 301–315. DOI: 10.7163/GPol.0122
20. Андронов И.С. Мигранты в социокультурной структуре населения мегаполиса // *Социология и право*. 2014. № 1. С. 55–60.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 января 2019 г.

Migration as a National Security Challenge: Problems of Asylum Seekers' Adaptation (A Case of Tornio, Finland)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 150–157.

DOI: 10.17223/15617793/466/18

Ekaterina A. Shlapeko, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation) E-mail: shlapeko_kate@mail.ru

Svetlana V. Kondrateva, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. (Petrozavodsk, Russian Federation) E-mail: svkorka@mail.ru

Keywords: migration; national security; adaptation; asylum seeker; host community; Finland.

The article was prepared within the budget theme “Methodology of System Research and Development Management of the Economic and Socio-Cultural Space of the Northern and Border Zones of Russia in the Context of National Security”, No. AAAA-A19-119010990088-8 of 19 January 2019.

The article considers approaches to the problems of contemporary migration flows to Europe in the context of ensuring national security, taking into account social and cultural contradictions between the local community and migrants. It begins with a brief overview of securitization theory, used as a theoretical tool to facilitate practical security analysis. Today we are witnessing a growing trend of migration securitization in Europe, which affects the position of migrants. The media and the Internet, being key sources of information, not only reflect the attitudes in society, but also construct stereotypical images of particular social groups, dividing into us or them, friends or foes, and can contribute to shaping a certain attitude of society towards its representatives. The theory of securitization distinguishes the following main threats to the national state from migrants: political threat, economic threat, social threat, and cultural threat. Social and cultural contradictions of migrants' integration are revealed on the basis of interviews with asylum seekers at the Tornio Refugees Reception Center (August–September 2016) regarding their stay in Finland and relationship with the host community, as well as on the basis of the authors' own observations. The authors believe that prerequisites for the fragmentation of European society are caused, on the one hand, by the desire of migrants to preserve values and norms of the traditional culture, and, on the other hand, by the clash of expectations (of both migrants and the host community) with real life, misunderstanding and refusal to accept host community traditions. The obtained results highlight the significant role of communication activities with the joint participation of locals and newcomers in understanding each others' culture, decreasing negative perceptions and reactions in the integration process. The study confirms the desire of migrants to preserve the values and norms of their own traditional culture. The elimination of social and cultural factors and lack of social contacts can lead to the formation of enclaves and potentially conflict situations. The article offers recommendations for improving general intercultural and interethnic communication in order to reduce the risk of forming closed social groups.

REFERENCES

1. Solodova, G.S. & Gomzova, V.V. (2013) Mezhdunarodnaya migratsiya – primimaiushchee obshchestvo i inoetnichnye migrant [International migration – host community and ethnic migrants]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. (11:2). pp. 62–67.
2. Tartakovsy, E. & Walsh, S.D. (2016) Testing a New Theoretical Model for Attitudes Toward Immigrants: The Case of Social Workers' Attitudes Toward Asylum Seekers. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 47 (1). pp. 72–96.
3. Kim, V.V. (2013) Sotsialnye protivorechiya v zerkale migratsii kak faktor vozniknoveniya fanatizma [Social conflicts in the mirror of migration as factor of fanaticism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 5 (133). pp. 122–128.
4. Saukkonen, P. (2013) Multiculturalism and Cultural Policy in Northern Europe. *Högskolan i borås, nordisk kulturpolitisk tidskrift*. 16 (2). pp. 178–200.
5. Löf, R. (2016) The world will change with the influx of asylum seekers. *Bulletin of University of Eastern Finland*. pp. 12–16.
6. Coleman, D. (2008) The Demographic Effects of International Migration in Europe. *Oxford Review of Economic Policy*. 24 (3). pp. 452–476.
7. Riabichenko, T.A. & Lebedeva, N.M. (2014) Otnoshenie k immigratsii i subiektivnoe blagopoluchie primimaiushchego naseleniia [Attitude to migrants and personal well-being of host community]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 34–44.
8. Karanov D.P. (2013) Migranty i primimaiushchee soobshchestvo. Kulturnyi aspekt mezhetnicheskikh otnoshenii v gorodskoi sred [Migrants and host community. Cultural aspect of interethnic relations in city]. *Politiya – Politeia*. 1 (68). pp. 24–35.
9. Ladepeche.fr. (2011) *Sarkozy estime à son tour que le multiculturalisme est un “échec”* [Online] Available from: <http://www.ladepeche.fr/article/2011/02/10/1010901-sarkozy-estime-tour-multiculturalisme-est-echec.html> (Accessed: 12.07.2017).
10. Buzan, B., Weaver, O. & Jaap de Wilde (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner.
11. Finnish Immigration Service. (2015) “*Asylum applicants 1/1-11/30/2015*”. [Online] Available from: http://www.migri.fi/download/65010_EN_tp-hakijat_2015.pdf?d09c5d95e82ad388 (Accessed: 12.07.2017)
12. YLE. (2017) *Immigration service refuses nearly half of 2015 asylum applications*. [Online] Available from: http://yle.fi/uutiset/immigration_service_refuses_nearly_half_of_2015_asylum_applications/8618768 (Accessed: 22.08.2017).
13. Zhdanov, I.N. (2017) Sovremennoe migratsionnoe zakonodatelstvo Finliandii [Contemporary migration legislation of Finland] *Evrasiyskiy yuridicheskii zhurnal*. 2. pp. 68–70.
14. YLE. (2017) *Vastaanottokeskusten määrä pudonnut puoleen – katso kartalta, missä ne sijaitsevat*. [Online] Available from: <https://yle.fi/uutiset/3-9704977> (Accessed: 12.07.2017).
15. Sivennoinen, O., Tikka, M. & Roselius, A. (2016) *Suomalaiset fasistit. Mustan sarastuksen airuet*. WSOY.

16. Helsinki Times. (2015) *Hotspot: the new destination of refugee buses*. [Online] Available from: <http://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/13543-hotspot-the-new-destination-of-refugee-buses.html> (Accessed: 22.11.2016).
17. Hs.fi. (2017) *Tutkimus varoittaa maahanmuuton uhkista – “Nykyisestääkään tilanteesta hädin tuskin selvitään”*. [Online] Available from: <http://www.hs.fi/kotimaa/art-2000002886536.html> (Accessed: 12.07.2017).
18. Kauranen, A. (2015) *‘Finland’s no good’: Disappointed migrants turn back*. [Online] Available from: <https://www.yahoo.com/news/finlands-no-good-disappointed-migrants-turn-back-152042061.html?ref=gs> (Accessed: 11.06.2017).
19. Shlapeko, E.A. & Stepanova, S.V. (2018) Cultural integration: positive and negative perceptions (case of Tornio, Finland). *Geographia Polonica*. 91:3. pp. 301–315. DOI: <https://doi.org/10.7163/GPol.0122>
20. Andronov, I.S. (2014) Migranty v sotsiokulturnoy strukture naseleniya megapolisa [Migration in social and cultural structure of metropolitan population]. *Sotsiologiya i pravo*. 1. pp. 55–60.

Received: 25 January 2019

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

К.Э. Безукладников, А.А. Прохорова

МЕТОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Представлен анализ результатов эмпирического исследования, посвящённого определению эффективности применения разработанной методической системы мультилингвального обучения студентов технического вуза. Данная система ориентирована на формирование у будущих инженеров новой компетенции, именуемой «мультилингвальная коммуникативная», является универсальной в логике обучения как российских, так и иностранных студентов и реализуется в условиях искусственно созданной мультилингвальной среды.

Ключевые слова: мультилингвальное обучение; мультилингвальная личность; мультилингвальная коммуникативная компетенция; мультилингвальный подход; иностранные языки; технический вуз.

Подготовка высококвалифицированных инженерных кадров, способных успешно решать профессиональные задачи в условиях разноязычной интернациональной среды, является одной из первоочередных целей, реализуемых в рамках приоритетного национального проекта «Образование» [1]. В современных социально-экономических условиях знание одного иностранного языка считается нормой, не дающей выпускникам отечественных вузов видимого конкурентного преимущества на международном рынке труда. Расширение спектра преподаваемых языков и модернизация подходов к обучению иностранным языкам могут сделать образование в технических вузах многофункциональным, соответствующим времени и более привлекательным как для отечественных, так и для зарубежных абитуриентов.

Актуальность исследования обусловлена рядом противоречий, возникновение которых связано со становлением в первой четверти XXI в. мультилингвистической парадигмы, в рамках которой возникают особые требования к будущим инженерам как к специалистам качественно нового уровня, умеющим вести ди- и полилоги с зарубежными партнёрами, выступая в том числе в качестве языковых посредников и «медиаторов культур», способными формировать многоязычные цифровые решения, разрабатывать сервисы для создания межкультурной коммуникации, предоставлять мультикультурные услуги и консультации, участвовать в международных проектах, осуществлять поиск и обмен разноязычной информацией и многое другое. Эти изменения диктуют новые требования к качеству языковой подготовки студентов, к системе обучения иностранным языкам студентов технических вузов, к методам иноязычного обучения и способам их реализации в системе инженерно-технического образования.

В условиях интернационализации высшей школы, в том числе технической, большое внимание уделяется установлению продуктивного академического и профессионального диалога с представителями иносоциумов. Публикуются исследования, посвященные особенностям формирования межкультурной составляющей иноязычной коммуникативной компетенции (Н.И. Алмазова [2], Н.Д. Гальскова [3], С.К. Гураль, О.А. Обдалова [4], Е.Н. Дмитриева, О.Г. Оберемко [5],

Г.В. Елизарова [6], О.Г. Оберемко [7], В.В. Сафонова [8], Тарева Е.Г. [9] и др.).

Анализ современных научных концепций свидетельствует, что в настоящее время идёт активный поиск новых подходов к обучению иностранным языкам студентов-нефилологов. Особую значимость для настоящего исследования имеют положения концепции профильно ориентированного обучения английскому языку в высшей школе (О.Г. Поляков [10]); концепции использования информационно-коммуникационных технологий для обучения иностранным языкам в техническом вузе (Л.П. Халяпина [11]; М.Г. Евдокимова [12]); концепции интегративного билингвального обучения иностранному языку для обучающихся на технических направлениях (Э.Г. Крылов [13]); концепции когнитивно-дискурсивного подхода к обучению иноязычной межкультурной коммуникации студентов бакалавриата естественнонаучных направлений (О.А. Обдалова [14]). Большой научный интерес представляет концепция формирования многоязычной компетенции у студентов гуманитарных специальностей неязыковых вузов и методика её формирования на основе рецептивного компонента (Н.В. Евдокимова [15]), а также концепция Н.В. Барышникова, которую автор назвал «Мультилингводидактика» [16], ориентированная на обучение современных лингвистов одновременно четырём языкам вне языковой среды.

Современная компетентностная парадигма определяет направление актуальных изменений, происходящих в логике обучения иностранным языкам, в том числе в системе технического образования (К.Э. Безукладников, Б.А. Жигалёв, Б.А. Крузе и др. [17]). Она устанавливает постепенный переход к новому типу лингвистического обучения будущих представителей технической интеллигенции, что предполагает апгрейд существующих и включение новых, востребованных в сфере их межкультурной профессиональной деятельности компетенций. Появление последних обусловлено вызовами стремительно развивающихся разноязычных коммуникационных цифровых технологий и системы международного взаимодействия работников инженерно-технической сферы, а также необходимости языковой диверсификации в целях лингвистической, информационной и национальной безопасности.

В данной статье анализируются возможности методической системы мультилингвального обучения студентов технического вуза, разработанной А.А. Прохоровой [18], в реализации современной цели иноязычного образования и обобщается материал, полученный в ходе проведенного эмпирического исследования. Согласно авторскому определению методическая система мультилингвального обучения студентов технического вуза представляет собой сложную образовательную структуру гуманитарного характера, которая направлена на формирование многоязычной личности обучающихся как субъектов кросс-культурной профессиональной коммуникации.

В целом она представляет собой сумму взаимосвязанных элементов, подчинённую стратегической цели современного высшего образования в общем и лингвистического образования в техническом вузе в частности – формированию способности и готовности обучающихся взаимодействовать с представителями иносоциумов в условиях диалога и недиалога культур и решать профессиональные задачи посредством эффективной разноязычной коммуникации.

Данная методическая система включает: а) концепцию мультилингвального обучения, учитывающую закономерности, тенденции, особенности освоения содержания лингвистического обучения в техническом вузе; б) модель мультилингвального обучения, направленную на создание условий для эффективного разноязычного взаимодействия субъектов образовательного процесса в логике достижения поставленной цели; в) методику мультилингвального обучения студентов технического вуза, включающую содержательную базу и методическое сопровождение с применением совокупности образовательных технологий, ведущая роль среди которых отводится авторским технологиям мультилингвального обучения, придающим новое качество лингвистическому

образованию в техническом вузе и открывающим широкие перспективы для формирования у обучающихся устойчивого многоязычия.

В процессе мультилингвального обучения иностранные языки, являясь средством культурной идентификации и инструментом речевой деятельности, предоставляют дополнительные возможности, реализуемые при кросс-культурной академической и профессиональной кооперации, способствуют установлению новых связей и отношений между субъектами интернациональной коммуникации, формируют актуальное качество личности обучающегося – *мультилингвальную компетентность*. Последняя достигается путём формирования у обучающихся ряда базовых и комплементарных субкомпетенций, составляющих структурный комплекс новой для методики обучения иностранным языкам в высшей технической школе компетенции, именуемой *мультилингвальная коммуникативная (МКК)* (рис. 1) [19].

Понятие «компетенция» в настоящем исследовании интерпретируется в логике идеи, предложенной профессором К.Э. Безукладниковым [20. С. 39], который доказал целесообразность его определения в терминах «готовность» и «способность». Такое понимание концепта «компетенция» объединяет на новом методологическом уровне все существующие интерпретации данного термина и служит основой для определения понятия «мультилингвальная коммуникативная компетенция» как базового компонента мультилингвального обучения студентов технического вуза. В этой связи МКК трактуется как способность и готовность обучающихся, обладающих определённым набором личностных и интеллектуальных качеств, собственных представителей технической интеллигенции, к разноязычной коммуникации (на двух и более иностранных языках), содействующей продуктивному профессиональному взаимодействию с носителями других языков и культур.

Рис. 1. Структурный комплекс мультилингвальной коммуникативной компетенции

К базовым составляющим мультилингвальной коммуникативной компетенции относятся: *лингвистическая* (освоение правил функционирования языка и речи), *речевая* (осуществление речевой деятельности), социокультурная (социальная адаптация, культуроповедение, страноведение), *когнитивная* (познавательная деятельность, решение учебных задач), *межкультурная* (диалог языков и культур), *прагматическая* (правила речевого поведения в соответствии с намерениями индивидуума и условиями общения), *медиативная* (языки как «посредники», обучающиеся как «медиаторы культур»), *профессиональная* (языки как средство профессионального взаимодействия), *информационная* (отбор, переработка, трансформирование, генерирование разноязычной информации), *компенсаторная* (преодоление дефицита лингвистических средств).

Среди комплементарных компонентов МКК определяются: *личностный* – обуславливающий внутреннюю мотивацию обучающихся к общению на иностранных языках, учитывающий набор профессионально значимых качеств личности, которые обеспечивают психологическую готовность к мультилингвальному взаимодействию; *интеллектуальный* – отвечающий за использование иностранных языков в качестве инструментов для познания инокультур и поиск способов эффективного взаимодействия с ними; *кросс-культурный* –

определяющий способности будущего инженера успешно контактировать с представителями других лингвосоциумов; *стратегический* – направленный на разработку оперативных планов по использованию вербальных и/или невербальных средств преодоления трудностей, возникающих в ходе мультилингвальной коммуникации и при освоении иностранных языков.

Мультилингвальный образовательный процесс в техническом вузе имеет интегративно-дифференцированную сущность, направлен на формирование всех компонентов целевой компетенции и реализуется в особых организационно-педагогических условиях, которые содействуют системному изучению языков и предполагают: актуализацию межкультурного, коммуникативного и когнитивного аспектов деятельности; введение мультилингвального контента в академическую среду технического вуза (разноязычные научные мероприятия; информационно-коммуникационные средства взаимодействия; потоковое мультилингвальное вещание); последовательное внедрение мультилингвальных блоков в учебные планы, наличие учебно-методических комплексов, содержащих мультилингвальные электронные и бумажные учебные материалы; осуществление контроля и оценки степени сформированности мультилингвальной коммуникативной компетенции обучающихся (рис. 2).

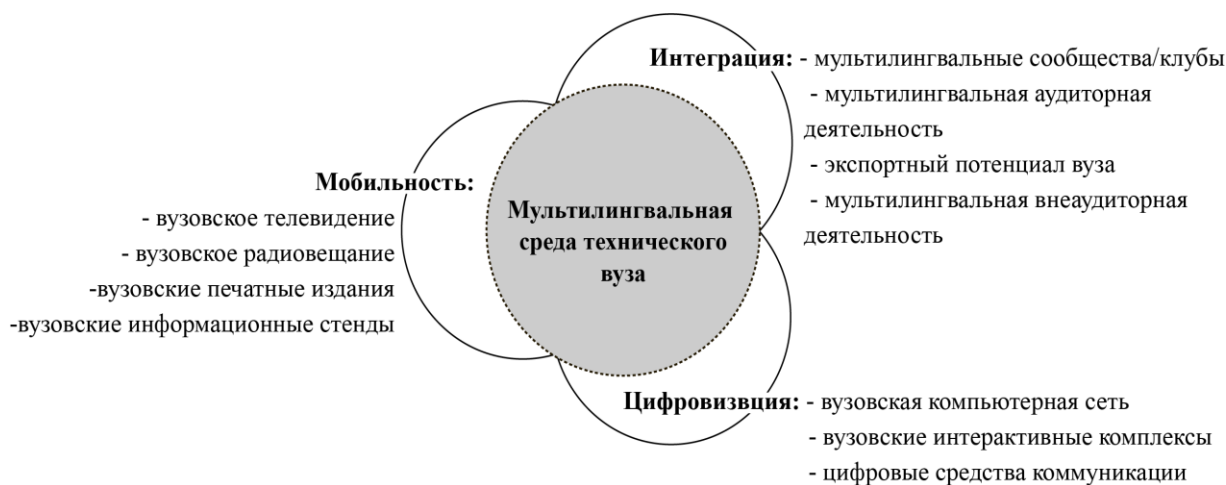

Рис. 2. Архитектура мультилингвальной среды технического вуза во взаимосвязи и взаимозависимости её составляющих

Практическая реализация и проверка эффективности методической системы мультилингвального обучения студентов технического вуза проходили в рамках опытно-экспериментальной работы, осуществляемой в течение 5 лет на базе Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина, в которой приняли участие более тысячи обучающихся уровней «бакалавриат», «специалитет» и «магистратура». Участниками эксперимента выступили студенты, обучающиеся на факультетах информатики и вычислительной техники, экономики и управления, а также электроэнергетическом, электромеханическом, теплотехническом, инженерно-физическом факультетах.

Диагностика сформированности компонентов

мультилингвальной коммуникативной компетенции участников контрольных и экспериментальных групп осуществлялась посредством наблюдения, опросов, применения современных методов анализа мультилингвальной учебной деятельности, в частности метода ведения дневника мультилингвальных достижений и мультилингвальных трудностей, ориентированного на обнаружение и фиксацию мультилингвальных успехов обучающихся. Полученные показатели заносились в карты наблюдений.

Достигнутые положительные результаты обусловлены общим преобразованием содержания обучения, последовательным введением помимо *базового* блока (отвечающего за интродукцию каждого отдельного

иностранный язык), мультилингвальных блоков: *фасилитационного* (помогающего вхождению в мультилингвальный кросс-культурный континуум (+ИЯ2, +ИЯ3) и построению конструктивных ди- и полилогов с носителями иносоциумов); *коммуникативного* (углубляющего содержание программы посредством мультилингвальной дискуссионной деятельности, которая ориентирована на выявление и сопоставление точек зрения, позиций представителей разных лингвосоциумов, в подборе и предъявлении убедительной аргументации); *акселерационного* (ориентированного на интенсивное развитие и совершенствование МКК в

логике работы со стремительно развивающимися и новыми появляющимися цифровыми, информационно-коммуникационными, компьютерными и другими технологиями, а также расширяющейся сферы применения мультилингвальных навыков в ракурсе виртуального (скоростного) обмена информацией); *переносимого* (обогащающий содержание программы посредством подключения практической (проектной, игровой и др.) мультилингвальной деятельности, предполагающей перенос знаний в процесс реального академического и профессионального сотрудничества) (рис. 2).

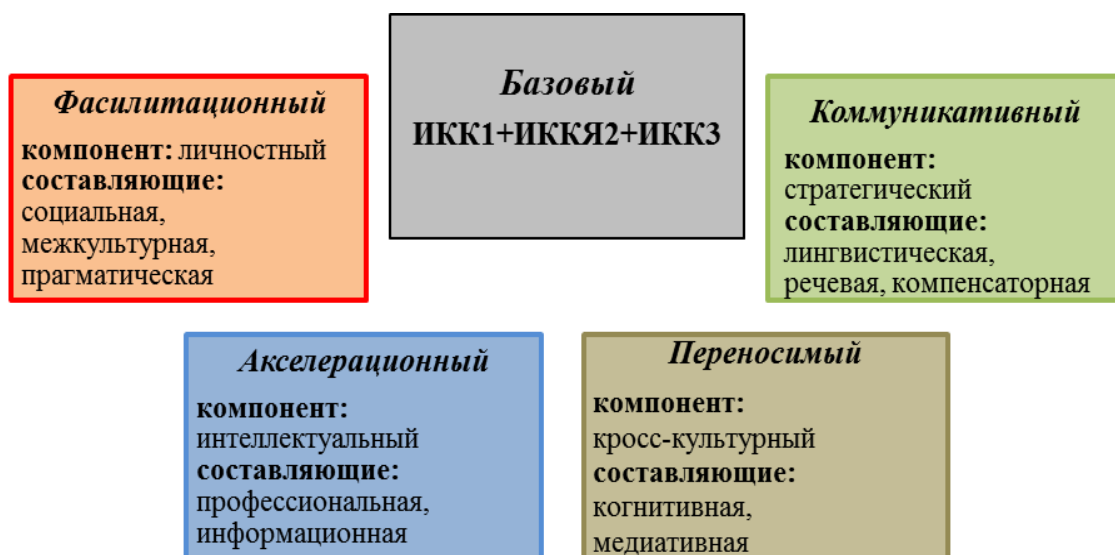

Рис. 3. Соотнесение учебных блоков с компонентами и составляющими МКК

Применение разработанных технологий мультилингвального погружения (Введение в мультилингвизм; инициация перехода от моно- и билингвизма к мультилингвизму; активизация мультилингвального потенциала будущих инженеров), мультилингвальной аккумуляции (Интродукция практики мультилингвального общения и сотрудничества; накопление опыта кросс-культурного взаимодействия в академической и профессиональной сферах деятельности будущих инженеров) и мультилингвального продвижения (Совершенствование навыков мультилингвального взаимодействия в различных сферах инженерного дела; лингвистическая и цифровая перфекция), реализуемых при использовании системы авторских разноязычных рефлексивно-аналитических и культурно-сопоставительных упражнений, представленных в мультилингвальном учебном пособии “Multilingual Guide to the English Speaking World” [21], также обусловили достижение положительных результатов мультилингвального обучения студентов.

Статистический анализ данных, осуществлённый с использованием программы IBM SPSS Statistics 22, позволил решить основную задачу экспериментального исследования, которая состояла в определении эффективности разработанной методической системы обучения. В этой связи было проведено сравнение показателей мультилингвального входного (МТвх) и

выходного (МТвых) тестирования обучающихся бакалавриата, специалитета, магистратуры.

В целях выбора метода исследования для решения поставленной задачи была определена нормальность распределения в исследуемых *группах студентов бакалавриата* посредством применения критерия Колмогорова–Смирнова, который рекомендуется для выборки с числом объектов более 50. Поскольку данные по мультилингвальным тестам (МТ) представлены в количественной шкале, использовался анализ различия в средних. Последовательно рассматривались различия в экспериментальной (ЭГ) и контрольной группах (КГ) для трёх образовательных уровней.

В связи с тем, что в настоящем исследовании осуществлялся поиск различий между двумя связанными выборками (замер объектов до и после эксперимента), был применён критерий Вилкоксона. Согласно расчётам различия в рангах до и после эксперимента в КГ и ЭГ достигают высокого уровня достоверности ($p = 0,0001$), что свидетельствует о высокой степени различий в исследуемых группах. Анализ данных табл. 1 показывает, что существует различие в границах вокруг среднего для экспериментальных и контрольных групп. В результате проведенного исследования с высокой степенью достоверности установлено, что в КГ студентов бакалавриата, обучающихся по традиционной системе,

результат МТ составляет до эксперимента от 3,1 до 3,25, после – от 3,3 до 3,5, в ЭГ – до эксперимента от 3,3 до 3,5, после – от 4,25 до 4,4.

Таблица 1

Степень различий в исследуемых группах студентов бакалавриата до и после экспериментальной работы

Показатель			Статистика		Станд. ошибка	
			ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
МТ до эксперимента	Среднее		3,402	3,185	,0558	,0333
	95%-й доверительный интервал для среднего	ниж. граница	3,290	3,118	–	–
		верх. граница	3,513	3,252	–	–
МТ после эксперимента	Среднее		4,328	3,412	,0391	,0516
	95%-й доверительный интервал для среднего	ниж. граница	4,250	3,308	–	–
		верх. граница	4,407	3,515	–	–

Полученные значения свидетельствуют о том, что методическая система мультилингвального обучения более эффективна по сравнению с традиционной системой при обучении студентов бакалавриата.

Проводя проверку нормальности для групп специалитета (контрольной и экспериментальной) посредством применения критерия Шапиро–Уилка (рекомендуемого для выборки с числом объектов менее 50), установлено, что уровень значимости в ЭГ не достоверен, что, по правилам применения критерия,

свидетельствует о наличии нормальности, в то время как в КГ – об отсутствии нормальности. В этой связи для анализа достоверности различий использовался непараметрический критерий Вилкоксона применительно к контрольной группе и параметрический *t*-критерий Стьюдента – для экспериментальной. Различия в средних значениях до и после эксперимента достигали высокого уровня достоверности ($p = 0,0001$), что свидетельствовало о высокой степени различий в группах (табл. 2).

Таблица 2

Степень различий в исследуемых группах студентов специалитета до и после экспериментальной работы

Показатель			Статистика		Станд. ошибка	
			ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
МТ до эксперимента	Среднее		3,407	3,220	,0887	,0690
	95%-й доверительный интервал для среднего	ниж. граница	3,225	3,079	–	–
		верх. граница	3,588	3,361	–	–
МТ после эксперимента	Среднее		4,340	3,407	,0586	,0812
	95%-й доверительный интервал для среднего	ниж. граница	4,220	3,241	–	–
		верх. граница	4,460	3,573	–	–

В результате проведенного исследования установлено, что в экспериментальных группах обучающихся специалитета применение методической системы мультилингвального обучения оказалось эффективным. МТ демонстрировал значения до эксперимента от 3,2 до 3,6, а после – от 4,2 до 4,5, в то время как в контрольной группе, занимавшейся по традиционной системе, не установлено достоверного изменения МТ до и после эксперимента. Значения МТ колебались в пределах от 3 до 3,2 как до, так и после проведения эксперимента.

При проверке нормальности для групп студентов магистратуры (контрольной и экспериментальной) в ходе применения критерия Шапиро–Уилка установлено, что уровень значимости достоверен и, по правилам применения критерия, свидетельствует об отсутствии нормальности. Исходя из этого, для анализа достоверности различий использовался непараметрический критерий Вилкоксона. Анализ данных табл. 3 показывает, что существует различие в границах вокруг среднего для контрольных и экспериментальных групп.

Таблица 3

Степень различий в исследуемых группах студентов магистратуры до и после экспериментальной работы

Показатель			Статистика		Станд. ошибка	
			ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
МТ до эксперимента	Среднее		3,400	3,469	,0732	,0698
	95%-й доверительный интервал для среднего	ниж. граница	3,251	3,328	–	–
		верх. граница	3,549	3,611	–	–
МТ после эксперимента	Среднее		4,464	3,664	,0391	,0586
	95%-й доверительный интервал для среднего	ниж. граница	4,357	3,545	–	–
		верх. граница	4,571	3,783	–	–

В результате проведенного исследования установлено, что в экспериментальной группе студентов магистратуры применение методической системы мультилингвального обучения оказалось более эффективным (МТ демонстрирует значения до экс-

перимента от 3,25 до 3,55, после эксперимента – 4,36 до 4,57), чем в контрольной группе, где применялась традиционная система обучения. Достоверного изменения МТ в КГ до и после эксперимента не установлено (значения МТ находятся в пределах

от 3,3 до 3,8 как до, так и после проведения эксперимента).

Таким образом, основная задача, заключающаяся в определении эффективности разработанной системы на уровнях «бакалавриат», «специалитет» и «магистратура» была решена. Доказано, что система мультилингвального обучения студентов технического вуза в среднем на 30% более эффективна на всех исследуемых образовательных уровнях по сравнению с традиционной системой разрозненного обучения иностранным языкам.

Применение разработанной методической системы видится перспективным при обучении всех категорий специалистов, сочетающих инженерную и лингвистическую деятельность, работников в сфере цифровой трансформации и межкультурной коммуникации, а также преподавателей-мультилингвов, планирующих свою работу в области обучения нескольким иностранным языкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 17.11.2020).
2. Алмазова Н.И. Межкультурная компетентность: дискурсивно ориентированный подход к дидактическим проблемам // Текст – Дискурс – Стиль коммуникации в экономике. СПб., 2003. С. 7–12.
3. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2004. № 1. С. 3–8.
4. Гураль С.К., Обдалова О.А. Концептуальные основы разработки образовательной среды для обучения межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2012. № 4 (20). С. 83–96.
5. Дмитриева Е.Н., Оберемко О.Г. Лингвистическое образование в контексте исследования феномена межэтнической коммуникации // Язык и культура. 2018. № 41. С. 241–254.
6. Елизарова Г.В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 371 с.
7. Оберемко О.Г. Соотношение межкультурной и межэтнической коммуникации в преподавании иностранных языков // Вестник НГЛУ. 2012. Вып. 18. С. 168–176.
8. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизации. Воронеж : Истоки, 1996. 237 с.
9. Тарева Е.Г. Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку // Язык и культура. 2017. № 40. С. 302–320.
10. Поляков О.Г. Профильно-ориентированное обучение английскому языку и лингвистические факторы, влияющие на проектирование курса // Иностранные языки в школе. 2004. № 2. С. 6–12.
11. Халяпина Л.П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством Интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2006. 426 с.
12. Евдокимова М.Г. Система обучения иностранным языкам на основе информационно-коммуникационной технологии (технический вуз, английский язык) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007. 49 с.
13. Крылов Э.Г. Интегративное билингвальное обучение иностранному языку и инженерным дисциплинам в техническом вузе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2016. 52 с.
14. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная система обучения иноязычной межкультурной коммуникации студентов бакалавриата естественнонаучных направлений : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2017. 46 с.
15. Евдокимова Н.В. Развитие познавательной способности студентов при формировании многоязычной рецептивной компетенции // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 1. С. 182–191.
16. Барышников Н.В. Мультилингводидактика // Иностранные языки в школе. 2004. № 5. С. 19–27.
17. Безукладников К.Э., Жигалев Б.А., Прохорова А.А., Крузе Б.А. Особенности формирования мультилингвальной образовательной политики в условиях нелингвистического вуза // Язык и культура. 2018. № 42. С. 163–180.
18. Прохорова А.А. Методическая система мультилингвального обучения студентов технического вуза : дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2020. 512 с.
19. Прохорова А.А. Multilingual Communicative Competence of Future Engineers: Essence, Structure, Content // Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives. Springer Nature. Switzerland, 2020. P. 11–20. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-47415-7> (дата обращения: 06.09.2020).
20. Безукладников К.Э. Лингводидактические компетенции: методика формирования. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2011. 206 с.
21. Прохорова А.А. Multilingual Guide to the English-Speaking World. Краснодар : Изд. дом ЮГ, 2015. 560 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 22 ноября 2020 г.

Methodological System of Future Engineers' Multilingual Training: An Empirical Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 158–164.

DOI: 10.17223/15617793/466/19

Konstantin E. Bezukladnikov, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: konstantin.bezukladnikov@gmail.com

Anna A. Prokhorova, Ivanovo State Power Engineering University (Ivanovo, Russian Federation). E-mail: prohanna@yandex.ru

Keywords: multilingual training; multilingual personality; multilingual communicative competence; multilingual approach; foreign languages; technical university.

Training of highly qualified engineering personnel capable of solving professional tasks in a multilingual international environment is one of the main goals implemented within the framework of the national project known as “Education”. Expanding the range of languages taught and modernizing the approaches to teaching foreign languages can change the attitude to linguistic education in technical universities making it multifunctional, relevant to the time and more attractive for both Russian and international students. This article analyzes the methodological system of multilingual training of technical students elaborated by Anna A. Prokhorova and summarizes the results of an empirical study conducted on the basis of one of the leading Russian technical universities. The study aimed at examining the effectiveness of the proposed methodological system. The authors consider the latter to be a compound educational structure of a humanitarian nature, which is aimed at developing a multilingual communicative competence (MCC) among students of engineering specialties as well as their multicultural personality. MCC is interpreted from the

perspective of the idea proposed by Konstantin E. Bezukladnikov, who offers to formulate it in terms of ‘readiness’ and ‘ability’. Thus, the authors give the definition and describe the structural complex of the multilingual communicative competence, which includes basic and complementary components. The authors also stress that a multilingual educational process in a technical university is possible only in specific conditions that promote systematic language learning. In this regard, they suggest the idea of creating the architecture of a multilingual environment that is built on the principles of mobility, integration and digitalization. The methodological system of multilingual training was implemented and its efficiency was verified via experimental work with more than a thousand student participants majoring in various fields of engineering and belonging to dissimilar learning paths. The multilingual skills of the participants were diagnosed through observation, surveys, and modern methods of analyzing multilingual educational activities. The obtained indicators were recorded and discussed. The achieved results proved to be positive due to the introduction of multilingual modules such as facilitative, accelerative, communicative and transferable, presented by the authors. The statistical data analysis performed using the IBM SPSS Statistics program confirms the effectiveness of the implemented system and proves that its integration into the content of technical students’ foreign language teaching is really promising.

REFERENCES

1. Kremlin.ru. (2018) *Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018, No. 204 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (Accessed: 17.11.2020). (In Russian).
2. Almazova, N.I. (2003) *Mezhkul'turnaya kompetentnost': diskursivno orientirovanny podkhod k didakticheskim problemam* [Intercultural competence: a discursively oriented approach to didactic problems]. In: Chernyavskaya, V.E. (ed.) *Tekst – Diskurs – Stil' kommunikatsii v ekonomike* [Text – Discourse – Communication style in economics]. St. Petersburg: SPbGUEF. pp. 7–12.
3. Gal'skova, N.D. (2004) *Mezhkul'turnoe obucheniye: problema tseley i sodержaniya obucheniya inostrannym yazykam* [Intercultural teaching: the problem of goals and content of foreign language teaching]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1. pp. 3–8.
4. Gural', S.K. & Obdalova, O.A. (2012) *Conceptual foundations for educational environment development when teaching intercultural communication. Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4 (20). pp. 83–96. (In Russian).
5. Dmitrieva, E.N. & Oberemko, O.G. (2018) *Linguistic education in the context of studying the phenomenon of interethnic communication. Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 41. pp. 241–254. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/41/15
6. Elizarova, G.V. (2001) *Formirovaniye mezhkul'turnoy kompetentsii studentov v protsesse obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu* [Formation of intercultural competence of students when teaching foreign language communication]. Pedagogy Dr. Diss. St. Petersburg.
7. Oberemko, O.G. (2012) *Correlation Between Cross-Cultural and Cross-Ethnic Communication in Foreign Language Teaching. Vestnik NGLU – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 18. pp. 168–176. (In Russian).
8. Safonova, V.V. (1996) *Izucheniye yazykov mezhdunarodnogo obshcheniya v kontekste dialoga kul'tur i tsivilizatsii* [Studying the languages of international communication in the context of the dialogue of cultures and civilization]. Voronezh: Istoki.
9. Tareva, E.G. (2017) *The system of culture-based approaches to foreign language teaching. Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 40. pp. 302–320. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/40/22
10. Polyakov, O.G. (2004) *Profil'no-orientirovannoe obucheniye angliyskomu yazyku i lingvisticheskie faktory, vliyayushchie na proektirovaniye kursa* [Profile-oriented teaching of English and linguistic factors affecting the design of the course]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2. pp. 6–12.
11. Khalyapina, L.P. (2006) *Metodicheskaya sistema formirovaniya polikul'turnoy yazykovoy lichnosti posredstvom Internet-kommunikatsii v protsesse obucheniya inostrannym yazykam* [Methodological system for the formation of a multicultural language personality through Internet communication when teaching foreign languages]. Pedagogy Dr. Diss. St. Petersburg.
12. Evdokimova, M.G. (2007) *Sistema obucheniya inostrannym yazykam na osnove informatsionno-kommunikatsionnoy tekhnologii (tehnicheskiiy vuz, angliyskiy yazyk)* [The system of teaching foreign languages based on information and communication technology (technical university, English)]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
13. Krylov, E.G. (2016) *Integrativnoe bilingval'noe obucheniye inostrannomu yazyku i inzhenernym distsiplinam v tekhnicheskoy vuz* [Integrative bilingual teaching of a foreign language and engineering disciplines in a technical university]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Yekaterinburg.
14. Obdalova, O.A. (2017) *Kognitivno-diskursivnaya sistema obucheniya inoyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii studentov bakalavriata estestvennonauchnykh napravleniy* [Cognitive-discursive system of teaching foreign language intercultural communication for undergraduate students majoring in natural sciences]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. N. Novgorod.
15. Evdokimova, N.V. (2008) *Razvitiye poznavatel'noy sposobnosti studentov pri formirovaniy mnogoyazychnoy retseptivnoy kompetentsii* [Development of students’ cognitive ability in the formation of multilingual receptive competence]. *Sibirskiy pedagogicheskiiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 1. pp. 182–191.
16. Baryshnikov, N.V. (2004) *Mul'tilingvodidaktika* [Multilinguodidactics]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 5. pp. 19–27.
17. Bezukladnikov, K.E., Zhigalev, B.A., Prokhorova, A.A. & Kruze, B.A. (2018) *Peculiarities of multilingual education policy formation in the context of non-linguistic university. Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 42. pp. 163–180. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/42/10
18. Prokhorova, A.A. (2020) *Metodicheskaya sistema mul'tilingval'nogo obucheniya studentov tekhnicheskogo vuz* [Methodological system of multilingual education of students of a technical university]. Pedagogy Dr. Diss. N. Novgorod.
19. Prokhorova, A.A. (2020) *Multilingual Communicative Competence of Future Engineers: Essence, Structure, Content*. In: *Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives*. Springer Nature. pp. 11–20. [Online] Available from: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-47415-7> (Accessed: 06.09.2020).
20. Bezukladnikov, K.E. (2011) *Lingvodidakticheskie kompetentsii: metodika formirovaniya* [Linguodidactic competencies: methods of formation]. Perm: Perm State Pedagogical University.
21. Prokhorova, A.A. (2015) *Multilingual Guide to the English-Speaking World*. Krasnodar: Izd. dom YuG.

Received: 22 November 2020

Э.Ю. Новикова

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПРОФИЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА ЭПОХИ 4.0: ПРЕЗЕНТАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Рассмотрены презентационные компетенции переводчика в парадигме целостного компетентностного профиля. Принимая во внимание широкую палитру переводческих компетенций, формирующих компетентность переводчика, отмечено, что развитию презентационной компетенции, как на уровне научно-практических исследований, так и на методико-дидактическом уровне, уделяется недостаточное внимание. Установлено, что наиболее эффективным маркетинговым инструментом переводчика выступает персональный интернет-сайт.

Ключевые слова: компетентностный профиль; перевод; презентационная компетенция; переводческий маркетинг; инструменты самопрезентации переводчика.

Введение

Переводческая отрасль динамично развивается и претерпевает преобразования в эпоху глобализации и цифровых технологий, которые ставят перед профессиональными переводчиками и перед отраслью новые вызовы, задачи и требования. С появлением веб-технологий 3.0 и технологий будущего 4.0 и 5.0 встает вопрос о профессиональном «update» переводчика, его компетентностного профиля. Под компетенцией переводчика мы понимаем совокупность знаний, навыков и умений, применяемых для реализации переводческого заказа в результате взаимодействия субъективных и объективных факторов.

Очевидно, что технологический прогресс 4.0 подразумевает новые форматы взаимодействия человека, интернета и компьютерных технологий, которые системным образом отражаются на изменении специфики рынка переводческих услуг. Наряду с традиционными компетенциями лингвокультурного трансфера востребованы дополнительные новые навыки и умения переводчика. Об этом свидетельствуют тематика и программы крупных переводческих конференций, проводимых экспертным сообществом по всему миру, например конференция Немецкого Союза устных и письменных переводчиков, Бонн, Германия, ноябрь 2019 «Übersetzen und Dolmetschen 4.0», III Международный форум устных переводчиков «Глобальный диалог» на тему «Переводчик будущего: Upgrade» и др. Тематический круг вопросов и выступлений представителей переводческой отрасли и переводческого профессионального сообщества, преподавателей перевода в рамках пленарных и секционных заседаний указанных конференций следующий:

1. Каким образом искусственный интеллект изменил взаимодействие переводчиков с клиентами и какие новые компетенции востребованы?

2. Как в эпоху технологий 4.0 создается, обрабатывается и используется языковой контент?

3. Специальный отраслевой язык (техника, IT, медицина, право, СМИ).

4. Использование машинного перевода и CAT.

5. В каком объеме переводчик должен обладать техническими знаниями?

6. Умение создавать письменные и устные тексты на родном языке.

7. Маркетинговая компетенция переводчика, позиционирование на рынке, умение вести переговоры.

8. Умения расслабляться, поддерживать здоровье и создавать оптимальные условия работы.

9. Устный переводчик-специалист или генералист, переводить на месте или удаленно.

10. Защита данных и профессиональная этика [1].

Очевидно, что круг вопросов, представляющих интерес для переводоведов, представителей отрасли, преподавателей, достаточно широкий, и большинство тем касаются конструкта переводческой компетентности современного переводчика – транслатора/межкультурного посредника/агента дискурса/медиатора. Компетентность переводчика, по нашему мнению, представляет собой сложный конструкт способностей, знаний и навыков, на реализацию которых в конкретном переводческом действии влияет совокупность внешних и личностных факторов.

Переводческая компетентность и компетенция являются предметом дискуссий и различных транслатологических исследований отечественных и западных переводоведов. В западноевропейском переводоведении пристальное внимание к проблематике переводческой компетенции встречаем в работах H. Risku, S. Kupsch-Losereit, P. Sandrini, A. Pym, D.A. Dillman, M. Eco, D. Brockmann [2–8] и других ученых. В этих исследованиях распространено скорее лингвистическое и коммуникативное описание переводческой деятельности. В основе такого подхода доминанту переводческой компетентности определяют коммуникативные, межкультурные и собственно языковые навыки и умения.

Мы полагаем, что компетентностный профиль переводчика в эпоху цифровых технологий и глобализации намного шире и выходит за рамки компетенций лингвокультурного трансфера. В многочисленных транслатологических исследованиях, учитывающих также нарастающий темп технологических процессов и детерминированные ими технологические инновации в переводе, к сожалению, несколько упускается из виду сопутствующая переводческой деятельности компетенция самопрезентации переводчика на рынке переводческих услуг, т.е. аспекты маркетинговой составляющей переводческой деятельности.

Маркетингово-обусловленная презентационная компетенция переводчика по сути представляет собой мало изученную научную проблему, рассмотрение и описание которой внесет существенный вклад в современное переводоведение и даст новый импульс развитию дидактики перевода, которая, как известно, нацелена на подготовку профессиональных переводчиков, способных решать самые актуальные задачи и адаптироваться к новым вызовам времени.

Итак, в основе проводимого исследования лежит гипотеза: презентационная компетенция, как необходимое умение современного переводчика, реализуется с помощью интернет-платформ, использование которых обязательно для осуществления успешной карьеры и позиционирования профессии; при этом эффективность интернет-ресурсов детерминирована как функциональными опциями веб-контента, так и способностью переводчика к информационному самопиару.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в попытке обратить внимание на специфику маркетинговой компетенции переводчика, ее значимость как для отрасли в целом, так и для отдельно взятого профессионального переводчика. Исследование ставит своей целью ответить на такие вопросы, как:

1. Какие компетенции приобретают новое звучание в современных условиях?
2. Какие новые требования предъявляет рынок?
3. Какие инструменты есть в арсенале переводчика для эффективного позиционирования на рынке переводческих услуг и реализации презентационной компетенции?

В настоящем исследовании с помощью методов наблюдения, сравнения, интерпретации, контент- и интент-анализа проводится комплексное осмысление переводческого компетентностного профиля на материале наиболее авторитетных научных работ по заявленной тематике, а также собственный сопоставительный анализ переводческого инструментария самопозиционирования, иллюстрируются преимущества и недостатки некоторых онлайн-ресурсов, с помощью которых переводчик может позиционировать себя и свои услуги для карьерного и личного роста.

Полученные данные и выводы исследования позволят сформировать представление о наиболее доступном и частотном инструментарии самопрезентации переводчика, а также показать вектор для дальнейших исследований маркетинговой презентационной деятельности переводчика.

Компетентностный профиль переводчика

Парадигма переводческих компетенций ввиду количества и состава компонентов различных концепций не случайно становится предметом транслатологических исследований. Следует также отметить динамичный характер компетенций, которые трансформируются, расширяются и видоизменяются в соответствии с трендами как самой науки о переводе, так и

реального сектора оказания переводческих услуг в определенную эпоху.

Если посмотреть на профиль переводчика в фокусе диахронии, становится очевиден его изменчивый характер. Позволим себе небольшой взгляд на классификацию переводческой компетенции выдающегося отечественного переводоведа В.Н. Комиссарова, в трудах которого уделялось особое внимание компетенциям переводчика [9. С. 35–36]. Рассматривая специфику переводческого действия и ремесла в целом, В.Н. Комиссаров выделял коммуникативную, языковую, техническую (техника перевода), текстообразующую компетенции и личностную характеристику переводчика. Исследователь указывал на умение переключаться с одного языка на другой, необходимость осуществления действий предпереводческого и проблемно-переводческого характера. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в указанной парадигме В.Н. Комиссарова нет компетенций технологического характера, т.е. на тот момент времени выделять, к примеру, информационную/поисковую/техническую (использование технического инструментария) компетенцию как самостоятельную, не представлялось необходимым, возможным и предсказуемым.

В классическом отечественном переводоведении есть попытки классифицировать компетенции, исходя из профессионального профиля деятельности переводчика. Л.К. Латышев и В.И. Провоторов, наряду с упомянутыми выше компетенциями рассматривают переводческую компетенцию в контексте умения целенаправленно и предвосхищения результатов перевода [10. С. 26]. Они выделяют базовую, специфическую и специальную компетенции в структуре переводческой компетенции. Согласимся с авторами такого подхода в том, что базовые умения переводчика маркируют специфику профессии, специальные умения применимы к конкретному виду перевода, а специфические представляется дискурсивно обусловленными умениями, что вполне логично и обосновано. Более того, такая градация позволяет расширить рамки подхода в дифференциации компетенций и сделать акцент на антропологическом ракурсе переводческого действия. Специальная компетенция, выделяемая Л.К. Латышевым и В.И. Провоторовым, под которой они понимают способность переводчика переводить в определенных жанрах и стилях, детерминировала рассмотрение дискурсивной зависимости и обусловленности переводческого действия.

Со своей стороны, считаем важным отметить, что роль *дискурсивной детерминированности* переводческой деятельности является существенным дополнением к зарекомендовавшей себя концепции. Опыт практикующего переводчика, а также анализ ряда работ по социокоммуникативным особенностям профессионального переводчика позволяют говорить о том, что коммуникативное действие переводчика в различных дискурсах имеет свои специфические черты и подразумевает глубокие отраслевые знания переводчика. В каждом конкретном дискурсе переводческое действие приобретает специфические черты и обнаруживает зависимость всех выше перечисленных

компетенций от ситуативного дискурсивного контекста [11. С. 100].

Переводчик анализирует факторы, признаки и конвенции дискурса и исходя из этого формирует своего рода досье переводческого действия, вырабатывает стратегии и тактики перевода, а также использует технологию поиска, подготовки к переводу, применяет определённые приемы перевода, релевантные для последующей межкультурной медиации. Исследователь Т.А. Волкова в своих работах также исходит из дискурсивно-коммуникативной модели и указывает на необходимость анализа переводчиком уровней дискурса, коммуникации и реальности и составление так называемого дискурсивного досье [12. С. 27]. Дискурсивное досье коммуникативной ситуации и/или объекта перевода (текста) помогает не только активизировать мыслительную деятельность переводчика – эксперта коммуникации и культурного транслятора, но и адаптировать ее под условия коммуникации.

Так, переводческое действие в дипломатическом, спортивном, туристическом, экономическом, инженерном и прочих дискурсах будет иметь свои особенности и подразумевать владение дискурсивно-значимой компетенцией. Если, к примеру, в медицинском или юридическом дискурсах необходима терминологическая точность и близость оригиналу, то в туристическом дискурсе допустима и востребована креативная свобода переводческого действия; беспристрастность в переводческом действии Community Interpreting противостоит повышенной дружелюбности и ориентированности на клиента в экскурсионном дискурсе и т.д.

Мы можем с уверенностью говорить о том, что антропологический ракурс лингвистики *язык – культура – личность* нашел свое отражение в современном переводе, где переводчик предстает личностью коммуникативной, языковой, дискурсивной, социокоммуникативной элитарной, метаязыковой. Мы рассматриваем переводчика универсальным специалистом «*homo universalis*», который, действительно, обладает беспрецедентным количеством компетенций, адаптированных ко времени и запросу общества.

Говоря о временной и ситуативной детерминированности переводческого действия, в наших размышлениях о специфике переводческого компетентного профиля мы переходим к описанию новых востребованных навыков и умений современного переводчика.

Итак, под влиянием внешних общественно-экономических и технологических факторов лингвистическое и коммуникативное описание переводческой деятельности постепенно сменяется технологической доминантой в переводческом ремесле, акцентированием триады «*человек – машина – рынок*».

До недавнего времени в переводческом сообществе, под влиянием трендов подготовки переводчиков в русле Болонского процесса, обсуждалась и внедрялась парадигма компетенций переводчика – эксперта мультязыковой и мультимедиаальной коммуникации, представленная в Европейском проекте ЕМТ [13],

которая начитывает шесть основных компетенций: 1) оказания услуг; 2) языковая компетенция; 3) межкультурная; 4) поисковая; 5) специальная; 6) техническая. Специалисты ЕМТ отмечают устойчивый характер компетенций, которые могут подразумевать расширенный и дополненный спектр умений применительно к конкретному переводческому действию.

В современных условиях интенсивного межотраслевого взаимодействия специальные знания, как составляющие специальной компетенции, владение специальной отраслевой терминологией на уровне специалистов-профессионалов отрасли, умение работать со специальными текстами различных жанров становятся все более востребованными, и заказчики ожидают высокого качества переводческих услуг.

Реализация специальной компетенции транслятора сопряжена также и с его умением работать с техническим арсеналом вспомогательных средств, особенно в современных условиях автоматизированных процессов. Тенденция все более узкой специализации в различных отраслях приводит к трансформации и обновлению технической компетенции переводчика. *Техническая/технологическая компетенция* является одной из наиболее востребованной в профессиональной среде и одной из самых необходимых современному переводчику. Ее границы постоянно расширяются на фоне вновь появляющихся опций, возможностей, разработок, программ. В общих чертах профессиональный переводчик должен уметь:

- эффективно пользоваться различными программами по распознаванию, редактированию, набору текста и др.;
- составлять и администрировать собственный банк данных;
- работать с терминологическими банками;
- быстро осваивать новые инструменты перевода;
- выполнять перевод в различных форматах и на различных носителях;
- знать возможности и границы машинного перевода;
- формировать и применять инструментарий локализации;
- использовать опциональные возможности проектного переводческого менеджмента;
- пользоваться механизмами и техническими возможностями проверки качества перевода и др.

Перечисленные навыки и умения, трактуемые также как «*value added Services*» (дополнительные виды обслуживания), зафиксированы в квалификационных требованиях в профессиональных стандартах, к примеру, в стандарте DIN EN 15038 и ISO 17100 перечислены такие услуги переводчиков, как локализация, интернационализация, глобализация, составление и управление терминологическими банками, проверка правильности/корректности терминологии, создание текстовой памяти переводов для ТМ, постредактирование машинного перевода, субтитрование, Voice-Over-перевод, транскрибирование, транслитерирование, графический дизайн интернет-страниц, адаптация, редакция и корректура

перевода, создание и перевод формуляров, обратный перевод и др. [14].

В проекте российского профессионального стандарта «Специалист в области перевода» к перечисленным выше умениям еще добавляются компетенции по разработке «типовых алгоритмов и типовых технологических процессов, и технологии оптимизации бизнес-процессов и повышения производительности труда» [15]. Очевидно, что для осуществления перевода в современных условиях необходимы расширенные знания переводчика о технических возможностях и умения эти возможности применить. Такие требования релевантны для всех видов перевода, включая устный.

Все более востребованным становится удаленный устный, перевод, который подразумевает знания технических основ и возможностей удаленного перевода, технологии передачи данных, использование мультимодальных средств в устном переводе и др. Устные переводчики сталкиваются с необходимостью использования программ по автоматическому распознаванию речи и транскодированию, внедряются новые формы и форматы устного синхронного последовательного перевода с помощью SmartPen, которые также подразумевают сформированную техническую компетенцию переводчика.

Очевидно, что наблюдаемая на практике трансформация переводческих процессов, должна найти свое отражение в переводоведении и дидактике перевода, поскольку наука о переводе, как молодая наука, активно «впитывает» актуальные тренды.

В этой связи заслуживает внимания переработанная актуализированная версия ЕМТ 2017 г., которая предлагает измененные формулировки компетенций на области: 1) язык и культура; 2) перевод; 3) технологии; 4) личностная и межличностная компетенция; 5) компетенция оказания услуг [16]. Работая над усовершенствованной версией переводческого профиля, авторы проекта предлагают расширенный набор компетенций, перераспределенных по группам. Изменения объясняются как трансформирующимися рамками профессии, когда перевод перестает быть продуктом лишь деятельности человека, так и новыми особенностями, и запросами рынка услуг.

На фоне явного акцентирования технологически обусловленных умений переводчика, внимание привлекает также наполнение области «личностная и межкультурная компетенция» и «компетенция оказания услуг» в новой классификации Европейского проекта ЕМТ. Авторы проекта постарались выделить те качества, которыми должен обладать современный переводчик-выпускник переводческих вузов. Эти качества касаются умения интегрироваться в реальный сектор переводческих услуг, взаимодействовать с заказчиками и участниками переводческих проектов, распределять свое время и ресурсы, т.е. отвечать всем вызовам рынка. Ориентация на «рынок», его вызовы и тренды лежит или должна лежать в основе современной вузовской подготовки переводчика, которая и закладывает основы формирования переводческой компетентности.

Принимая во внимание возрастающие требования к овладению технической компетенцией и значимость прочих компетенций современного переводчика, обратимся на основе сопоставительного анализа наиболее частотных механизмов позиционирования на рынке услуг к рассмотрению другой важной составляющей парадигмы навыков и умений переводчика – умению себя «подать», «организовать» и «продать».

Презентационная компетенция

Несмотря на стремительное развитие информационных технологий, современный переводчик и переводчик будущего, как и прежде, должен уметь взаимодействовать с инициаторами и заказчиками перевода, быть интегрированным в переводческое профессиональное сообщество, уметь решать сложные задачи и устранять возникающие проблемы, эффективно реализовывать временной менеджмент, иметь способность к самоорганизации, к осуществлению проектной деятельности и, наконец, уметь адекватно презентовать себя на рынке переводческих услуг.

Маркетинговый характер переводческой деятельности изначально закреплен в ее специфике, а именно деятельность переводчика всегда ориентирована на ожидания, требования и возможности клиента, переводчик выстраивает переводческое действие в соответствии с пожеланиями заказчика, при этом важно убедить заказчика в правильности его выбора, в надежности и профессионализме переводчика. В этом контексте позволим себе привести цитату Д. Карнеги: «...когда я иду на рыбалку, я думаю не о том, что люблю я, а о том, что любит рыба», которая иллюстрирует один из принципов переводческой маркетинговой деятельности – ориентированность на клиентов.

Несмотря на это, приходится констатировать, что развитию такой компетенции как в научной литературе, так и дидактике перевода уделяется незначительное внимание, что осложняет реализацию маркетинговых стратегий переводчика в его профессиональной карьере.

Предпринимательская компетенция переводчика, как правило, формируется самим переводчиком в практической деятельности, с приобретением опыта, путем проб и ошибок. Развитию таких способностей переводчика в период подготовки в вузах уделяется очень мало внимания или практически не уделяется совсем. Тем не менее от умения себя правильно подать, зарекомендовать и убедить в компетентности зависит успех продолжительной переводческой карьеры.

Методом наблюдения мы установили, что успешное вхождение на рынок переводческих услуг подразумевает реализацию трех важных предпосылок: организационных, профессиональных и личностных.

Организационный компонент переводческого маркетинга заключается в анализе переводчиком специфики услуг и формы занятости, знание и руководство правовыми нормами, финансовыми, страховыми, налоговыми и бухгалтерскими вопросами.

Профессиональный компонент подразумевает профессиональную подготовку переводчика, уровень образования, опыт, знания в области теории и практики перевода, т.е. сформированность всех профессионально-детерминированных компетенций. Кроме того, большую роль для переводческого маркетинга играют профессиональные навыки и способности переводчика взаимодействовать с заказчиками и клиентами: уметь выполнять перевод в соответствии с условиями заказа; уметь определить этапы выполнения перевода; уметь оценить степень сложности и выработать стратегии перевода; уметь обосновать примененные переводческие решения; владеть мета-языком; владеть навыком постредактирования текста перевода; уметь соблюдать нормы качества текста перевода; осознавать общественную роль переводчика; соответствовать требованиям рынка; уметь выстраивать отношения с клиентами и заказчиками; уметь вести переговоры с заказчиком (о сроках, гонораре, условиях работы, правах, обязанностях, требованиях к переводу); уметь соблюдать сроки и конвенции заказа; знать нормы и стандарты перевода; уметь взаимодействовать с участниками проекта; уметь брать на себя ответственность и работать в непредвиденных обстоятельствах; уметь правильно оценить свои возможности.

Личностный компонент коррелирует с физиологическими особенностями переводчика, его умственными способностями, харизмой и масштабом личности, такими как: состояние здоровья; стрессоустойчивость, переносимость нагрузок и готовность к ним; готовность к ненормированной трудовой занятости; гибкость, доброжелательность, уверенность, креативность, мобильность, способность выстраивать собственный тайм-менеджмент и др.

Для определения своей переводческой ниши и специфики распространения информации о себе переводчику необходимо очертить круг вопросов, составить своего рода собственное досье-портфолио. При формировании портфолио необходимо постараться найти для себя ответы на следующие вопросы:

Какой вид перевода я могу осуществлять?

Что я могу предложить клиентам?

Какие у меня сильные и слабые стороны?

Какой вид перевода мне доставляет удовольствие?

Что я перевожу лучше, качественнее, посредственно, плохо?

В чем мои основные преимущества?

Кто мои потенциальные клиенты?

Сколько я хочу зарабатывать?

В каком виде деятельности от меня будет максимальная польза потенциальным клиентам?

Какими ресурсами и технологиями я владею/располагаю?

На каких платформах я могу вывесить о себе информацию?

Поиск ответа на последний вопрос об интернет-платформах самопрезентации является важным для определения маркетингового инструментария переводчика с одной стороны, и начала презентационной деятельности переводчика в сети Интернет – с другой.

Для верификации рабочей гипотезы исследования мы провели сопоставительный анализ наиболее распространенных инструментов самопрезентации переводчика.

Методом контент- и интент-анализа были проанализированы следующие объекты исследования:

1) резюме, представленное на сервисах интернет-рекрутмента (Headhunter.ru, SuperJob.ru, Job.ru, gabota.ru, Profi.ru и др.) (15 русскоязычных резюме);

2) персональный профиль на специализированных сервисах по подбору переводчиков perevodchik.me, interpret.me и др. (15 русскоязычных профилей);

3) персональный сайт (5 немецкоязычных/5 русскоязычных), а также

4) размещение информации на персональной/корпоративной странице в социальных сетях (объявления в социальной сети «ВКонтакте»).

Критериями анализа послужили как структурно-тематические, так и содержательные аспекты презентации переводчика на интернет-платформах реального рынка переводческих услуг. Методом сплошной выборки был сформирован рубрикатор анализа, включающий 17 рубрик, проанализировано текстовое наполнение рубрик указанных выше ресурсов.

Представим результаты исследования (таблица). Приведенная ниже информация отражает сопоставление двух персональных сайтов русскоязычного (I) и немецкоязычного (II) переводчиков; резюме на портале переводчиков (III); объявление переводчика на рекрутинговом сайте работы (IV). Объявления в социальной сети имеют эпизодический характер, поскольку в профильной страничке пользователя содержится информация, имеющая отношение не только к его профессиональной, но и личной жизни. Данный вид ресурса был исключен из исследования ввиду затруднительного анализа.

Инструменты самопрезентации переводчика

Рубрика	I	II	III	IV
Приветствие	+	–	–	–
Фото	+	+	+	+
Информация о переводчике:	+	+	+	+
биография	+	+	+	–
образование	+	+	+	–
профессиональный опыт	+	+	+	–
членство в переводческих сообществах/организациях	+	+	–	–
Демонстрационные переводы	–	–	–	–
Слоган/девиз	+	+	–	–
Услуги	+	+	+	+
Виды перевода/специализация	+	+	+	+
Клиенты	+	–	–	–

Тематические/отраслевые данные	+	+	-	-
Юридические и правовые аспекты	+	+	-	-
Указание на владение вспомогательными переводческими ресурсами (CAT, ТМ и др.)	-	-	-	-
Стоимость	+	+	+	+
Контактные данные	+	+	+	-
Дополнительная информационно-справочная информация	+	+	-	-
Отзывы о переводчике/рейтинг	-	-	+	+
Форум/обратная связь	-	-	-	-
Иноязычная версия	+	+	-	-

Итак, резюме на портале переводчиков (III) и объявление переводчика на рекрутинговом сайте работы (IV) имеют схожие показатели по анализируемым рубрикам, разница заключается лишь в наличии позиции «контактные данные» и более полной информации о переводчике в ресурсе «резюме». Оба инструмента дают поверхностное и краткое представление о переводчике как профессионале. Потенциальные клиенты, обращаясь к ресурсам (III) и (IV), не могут сформировать о переводчике таким образом комплексное представление, поскольку нет данных о выполненных ранее переводах, о клиентской базе и отзывах. Такие ресурсы имеют также монолингвокультурный характер, не доступны иностранным клиентам ввиду отсутствия иноязычной версии. Тем не менее данные интернет-платформы способствуют продвижению услуг переводчика и его позиционированию на переводческом рынке.

Результаты сопоставительного анализа указанных выше ресурсов свидетельствуют о том, что персональный сайт (I), (II) является иллюстративным и наиболее эффективным презентационным ресурсом переводчика и по многим позициям превосходит все остальные предложенные к анализу ресурсы. Он содержит полную информацию практически по всем привлеченным для анализа рубрикам; позволяет за счет неограниченного функционала контента наиболее полно представить информацию о себе и таким образом привлечь клиентов. Существенное преимущество персонального сайта заключается в возможности создания иноязычной версии для презентации своих услуг иноязычному сообществу, что особенно важно в условиях глобальной меж- и транскультурной коммуникации.

В отобранных в качестве эмпирического материала русскоязычном и немецкоязычном персональных интернет-сайтах имеется ряд недостатков, например, отсутствуют такие рубрики, как «обратная связь», «отзывы заказчиков», нет указания на технологическую грамотность переводчика, умение использовать современные IT-ресурсы для оперативного выполнения переводов и т.д. Это объясняется авторской вариативностью формирования контента. К сожалению, переводчики – владельцы данных интернет-сайтов упустили такие важные составляющие из виду, однако сам ресурс, в отличие от других проанализированных нами платформ, позволяет подобную информацию добавлять и расширять. При этом, безусловно, важное значение играет дизайн и навигация сайта, рубрикация, стиль повествования. Следует отметить значительную роль организационного и личностного компонентов презентационной компетенции перевод-

чика для выполнения задач по информационному наполнению веб-контента.

Таким образом, исследование позволило подтвердить выдвигаемую гипотезу о взаимосвязи функциональных возможностей интернет-ресурсов и личного опыта или способности переводчика выбирать и презентовать на доступных интернет-платформах наиболее релевантную информацию о своей профессиональной компетентности – как необходимой предпосылке успешного самопиара. Результаты анализа говорят в пользу того, что для успешного продвижения карьеры и позиционирования себя как профессионала на рынке услуг переводчику необходимо создавать собственный интернет-сайт и наполнять его исчерпывающей информацией о себе и своих профессиональных компетенциях.

Заключение

Проведенное исследование, посвященное рассмотрению маркетинговой составляющей переводческой деятельности, в частности презентационной компетенции в парадигме множества компетенций современного переводчика, позволяет сделать вывод о необходимости развития такой компетенции как у начинающих, так и уже опытных переводчиков.

Современный мир маркетинговых технологий, корпоративного и персонального PR и брендинга в полной мере имеет влияние на профессию переводчика как межкультурного посредника, эксперта коммуникации и агента дискурса. Успех профессиональной переводческой деятельности и карьеры зависит в значительной степени от необходимых навыков презентации и маркетинга, особенно в условиях глобальной коммуникации вне географических границ, дигитализации коммуникации, набирающего обороты дистанционного формата взаимодействия, спроса на удаленный перевод и т.д.

Обращение к парадигме компетенций позволило определить место и значимость презентационной компетенции современного переводчика. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости постоянно развивать знания относительно маркетинговых ресурсов продвижения своего переводческого профиля, разбираться в эффективности рекрументовых платформ, форматах самопрезентации, развивать сеть своего онлайн-присутствия на различных интернет-ресурсах, наконец, иметь собственный сайт, блог, Telegram-канал и другие каналы общения и размещения информации о себе для наиболее успешного позиционирования на глобальном рынке переводческих услуг. При этом продуктивность презентационной компетенции зависит от сформиро-

ванности трех ее компонентов: организационного, профессионального и личного.

Исследование на основе сравнительно-сопоставительного анализа наиболее частотных интернет-ресурсов онлайн-презентации профиля переводчиков показало эффективность персонального интернет-сайта, его неисчерпаемые возможности самопиара. Чем больше переводчик разместит информации о своих профессиональных умениях, доминантах, осуществленных проектах с отзывами заказчиков, тем выше вероятность проявления доверия и заинтересованности со стороны новых клиентов.

Результаты нашего анализа позволили также выявить существенные недостатки таких распространенных инструментов презентации услуг переводчиков, как

резюме и объявление на сайтах рекрутинга. Несмотря на их доминирование и востребованность в сети Интернет, данные ресурсы не позволяют переводчику наиболее полно представить себя, свои возможности и убедить клиентов в своем профессионализме.

Кроме того, исследование открывает новые горизонты и перспективы для последующего более глубокого научного анализа составляющих презентационной компетенции переводчика. Одну из таких перспектив мы видим в анализе контента социальной сети, что, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения.

Таким образом, развитие презентационной компетенции переводчика, представляет собой новый вектор современной теории и практики перевода.

ИСТОЧНИКИ

1. Персональный сайт переводчика и преподавателя немецкого языка, канд. филол. наук В.В. Шубина. URL: <http://shubin.de/index.html>
2. Ekaterina Wittmann. Professionelle Dolmetscherin und Übersetzerin. URL: <http://wittmann-uebersetzungen.de/leistungen/>
3. Переводчик Никитченко. URL: <https://perevodchik.me/vse-perevodchiki/atalantamail>
4. Переводчик Кузавлев. URL: <https://profi.ru/profile/KuzavlevVE2/>

ЛИТЕРАТУРА

1. Übersetzen und Dolmetschen 4.0. Neue Wege im digitalen Zeitalter. URL: <https://www.uebersetzen-in-die-zukunft.de/callforpapers>
2. Risku H. Translatorische Kompetenz Kognitive Grundlagen des Übersetzens als Expertentätigkeit. Tübingen : Stauffenberg-Verlag, 1998. Bd. 5. 286 S.
3. Kupsch-Losereit S. Die Kulturelle Kompetenz des Translators // Lebende Sprachen. 2002. Vol. 47/3. S. 97–101.
4. Sandrini P. Translationstechnologie. Überblick und Aussicht // Translatologie – Neue Ideen und Ansätze. Innsbrucker Ringvorlesungen zur Translationswissenschaft IV / L. Zybatow (Hg.). Frankfurt : Lang, 2005. S. 203–220.
5. Pym A. What technology does to translating // Translation & Interpreting. 2011. Vol. 3 (1). P. 1–9.
6. Dillman D.A., Smyth J.D., Christian L.M. Internet, phone, mail and mixedmethod surveys: the tailored design method. 4th ed. Hoboken : John Wiley & Sons, 2014.
7. Eco M. Personal branding for freelance translators & interpreters. URL: <http://www.3p-translation.com/personal-branding-for-freelancetranslators-and-interpreters/>
8. Brockmann D. Übersetzen 4.0. Was die maschinelle Übersetzung mit dem Berufsbild “Übersetzen” macht. Presentation. Anglophoner Tag 2019 Würzburg. 2019.
9. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2002. 326 с.
10. Латышев Л. К. Протогоров В.И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. М. : НВИ – ТЕЗАУРУС, 2001. 136 с.
11. Новикова Э.Ю. Дискурсивная личность переводчика: переводческие компетенции и роли // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16, № 3. С. 90–102. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.9.
12. Волкова Т.А. Экспериментальная апробация дискурсивно-коммуникативной модели перевода в письменном переводе: пилотное исследование // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 27–37. DOI: 10.17223/15617793/444/3.
13. Competences for professional translators, experts in multilingual and multimediacommunication. EMT expertgroup. URL: http://ec.europa.eu/dgs/translation/programmes/emt/key_documents/emt_competences_translators_en.pdf
14. DIN EN 15038 (2006): Übersetzungs-Dienstleistungen: Dienstleistungsanforderungen; Deutsche Fassung ISO 17100 (2015): International Standard: Translation services – Requirements for translation services – Services de traduction – Exigences relatives aux services de traduction. First Edition 2015–05–01
15. Профессиональный стандарт. Специалист в области перевода. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56714265/>
16. EMT. Kompetenzrahmen 2017. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competence_fw_k_2017_de_web.pdf

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 7 апреля 2020 г.

Translator Competence Profile in the 4.0 Digital Age: Presentation Competence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 165–172.

DOI: 165–172. DOI: 10.17223/15617793/466/20

Elina Yu. Novikova, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: nov-elina@volsu.ru

Keywords: competence profile; translation; presentation competence; translation marketing; translator’s self-presentation tools.

The research is devoted to the marketing component of translation activity – the scientific problem poorly studied in the translation theory. The author of the article postulates that for a successful development of the translation market a highly qualified translator with comprehensive expertise and an extensive paradigm of competencies must have the ability to self-position and self-presentation, i.e. fully develop marketing and entrepreneurial skills. The relevance of the work is caused by the fact that in the existing translational studies, insufficient attention is paid to the presentation competence, which determines the translator’s professional career growth. The aim of the research is to analyze the required competences in modern conditions, new market requirements, as well as to analyze the translator’s tools for efficient positioning in the market of translation services and the implementation of presentation competence. Using the methods of observation, comparison, interpretation, content and intent analysis, domestic and foreign research and educational works that overview the current state of the competence profile of a modern translator were examined, and translation tools and self-positioning tools were compared to identify the advantages and disadvantages of the analyzed online presentation resources of translators. The research material was the presentation materials of

translators on the Internet (personal website, resume and personal profile). As a result of the research, the most relevant competences of the translator – discursive, special, and technical – have been identified; the boundaries of the presentation competence formed on the basis of three components – organizational, professional, and personal – have been determined. The analysis of the empirical material allowed determining that the most effective Internet resource for positioning a translator is a personal Internet site that contains comprehensive information about the translator, while other resources – resumes and ads for translation services – have a number of disadvantages due to limited content capabilities and to a lesser extent help the translator to promote their profile and image in the market of services. The research allows drawing a conclusion that both novice and experienced translators need presentation competence. The practical significance of the research lies in the possibility of developing presentation competence in the educational process of training translators, as well as implementing this competence by professional translators in their daily activities. The results of the research can be useful for both practicing translators and specialists in the field of translation studies, intercultural communication, and translation teachers.

SOURCES

- I. *Personal Website of V. Shubin*. [Online] Available from: <http://shubin.de/index.html>.
- II. *Ekaterina Wittmann. Professional Translator and Interpreter*. [Online] Available from: <http://wittmann-uebersetzungen.de/leistungen/>.
- III. *Translator Nikitchenko*. [Online] Available from: <https://pervodchik.me/vse-pervodchiki/atalantamail>.
- IV. *Translator Kusavlev*. [Online] Available from: <https://profi.ru/profile/KuzavlevVE2/>.

REFERENCES

1. Uebersetzen-in-die-zukunft.de. (n.d.) *Übersetzen und Dolmetschen 4.0. Neue Wege im digitalen Zeitalter*. [Online] Available from: <https://www.uebersetzen-in-die-zukunft.de/callforpapers>
2. Risku, H. (1998). *Translatorische Kompetenz. Kognitive Grundlagen des Übersetzens als Expertentätigkeit*. Vol. 5. Tübingen: Stauffenberg-Verlag.
3. Kupsch-Losereit, S. (2002). Die Kulturelle Kompetenz des Translators. *Lebende Sprachen*. 47/3. pp. 97–101.
4. Sandrini, P. (2005). Translationstechnologie. Überblick und Aussicht. In: Zybatow, L. (Hg.) *Translatologie – Neue Ideen und Ansätze. Innsbrucker Ringvorlesungen zur Translationswissenschaft IV*. Frankfurt: Lang. pp. 203–220.
5. Pym, A. (2011) What technology does to translating. *Translation & Interpreting*. 3 (1). pp. 1–9.
6. Dillman, D.A., Smyth, J.D. & Christian, L.M. (2014) *Internet, phone, mail and mixed method surveys: the tailored design method*. 4th edition. Hoboken: John Wiley & Sons.
7. Eco, M. (2017) *Personal branding for freelance translators & interpreters*. [Online]. Available from: <http://www.3p-translation.com/personal-branding-for-freelancetranslators-and-interpreters>
8. Brockmann, D. (2019) *Übersetzen 4.0. Was die maschinelle Übersetzung mit dem Berufsbild "Übersetzen" macht*. Presentation. Anglophoner Tag 2019 Würzburg.
9. Komissarov, V.N. (2002) *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. – Moscow: ETS.
10. Latyshev, L.K. & Provotorov, V.I. (2001) *Struktura i sodержanie podgotovki perevodchikov v yazykovom vuze* [Structure and Content of the Translation Studies in Higher School]. Moscow, NVI – TEZAVURUS.
11. Novikova, E.Yu. (2017) Discursive Personality of the Translator: Translation Competencies and Role Portrait. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 16 (3). pp. 90–102. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.9
12. Volkova, T.A. (2019) Testing a Discourse and Communication Translation Model: A Pilot Translation Experiment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 444. pp. 27–37. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/444/3
13. EMT Expert Group. (n.d.) *Competences for professional translators, experts in multilingual and multimedia communication*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/dgs/translation/programmes/emt/key_documents/emt_competences_translators_en.pdf.
14. *DIN EN 15038 (2006): Übersetzungs-Dienstleistungen: Dienstleistungsanforderungen*. [Online] Available from: <https://www.beuth.de/en/standard/din-en-15038/85933255>; *Deutsche Fassung ISO 17100 (2015): International Standard: Translation services – Requirements for translation services – Services de traduction – Exigences relatives aux services de traduction. First Edition 2015-05-01*. [Online] Available from: <https://www.iso.org/standard/59149.html>.
15. Garant.ru. (2019) *Professional'nyy standart. Spetsialist v oblasti perevoda* [Professional Standard. Specialist in translation services]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56714265/>.
16. EC. (2017) *EMT. Kompetenzrahmen 2017*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competence_fw_k_2017_de_web.pdf.

Received: 07 April 2020

Л.Г. Пащенко, А.В. Коричко, С.А. Давыдова

ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РАБОТНИКОВ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ И БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Представлен анализ физкультурно-спортивных предпочтений работников нефтегазодобывающих предприятий. Дифференциация предпочитаемых для рекреационных и спортивных занятий видов деятельности в зависимости от формы проявления в них соперничества позволила выявить факторы, характеризующие особенности двигательного поведения и функционирования организма мужчин, занятых тяжелым физическим трудом, что требует учета при разработке корпоративных программ оптимизации физической активности.

Ключевые слова: предпочтения; физическая активность; соперничество; субъективное отношение; физическое состояние; корпоративные программы

Актуальность исследования. Современные социально-экономические условия предъявляют повышенные требования не только к результатам профессиональной деятельности человека, но и его биологическим и социальным возможностям. Поиск путей и создание условий сохранения здоровья и повышения социальной активности работающего населения является приоритетным направлением государственной политики. Особенно это важно для работников, чья профессиональная деятельность относится к категории тяжелого физического труда, усугубленного сложными природно-климатическими условиями. Работники нефтяной и газовой промышленности, выполняющие тяжелые физические работы при пониженной температуре на открытом воздухе, зачастую в условиях нарушения биоритмов, испытывающие негативное влияние физических и химических производственных факторов, являются уязвимой частью мужского населения Югорского Севера [1, 2].

Выявленное Г.Г. Гимрановой и соавт. [3] преобладание в структуре хронических неинфекционных заболеваний болезней системы кровообращения, костно-мышечной системы и др. с увеличением стажа профессиональной деятельности работников нефтегазодобывающей отрасли требует разработки профилактических мер, содействующих сохранению их здоровья.

Одним из эффективных путей предупреждения нарушений здоровья может стать привлечение работников к занятиям физкультурно-спортивной направленности, что согласуется с целью федерального проекта «Спорт – норма жизни» [4]. Его реализация призвана содействовать увеличению числа жителей нашей страны, систематически занимающихся физической культурой и спортом, активизации спортивно-массовой работы в корпоративной среде.

Важность физической активности обусловлена положительным влиянием на показатели здоровья человека и его психологическое состояние. Несмотря на преимущества, получаемые в результате занятий физкультурно-спортивной и оздоровительной направленности, большинство населения избегает их, испытывая недостаток еженедельной физической активности: это характерно для жителей Европы [5], Америки [6], а также россиян, в том числе жителей Югорского Се-

вера [7]. Результаты исследования физической подготовленности работающего населения в выполнении требований ВФСК ГТО свидетельствуют о недостаточном уровне развития физических качеств у большинства мужчин зрелого возраста, проживающих в условиях Среднего Приобья [8, 9].

Профессиональная физическая активность не обеспечивает тех преимуществ для здоровья, которые дает двигательная активность в свободное время. Существующее мнение о достаточном уровне ежедневной физической активности у лиц, занятых в сфере тяжелого физического труда, по мнению ученых, ошибочно. Все больше фактических данных подтверждают, что высокие показатели профессиональной физической активности могут быть вредными для здоровья, даже после корректировки других факторов риска: повторяющиеся статические нагрузки, неудобные рабочие позы, динамические нагрузки силового характера без достаточного восстановления приводят к ухудшению показателей здоровья. Физическая активность в свободное время, выполняемая добровольно в течение коротких периодов времени с достаточным периодом восстановления способна противостоять негативным последствиям профессиональной физической активности [10].

Разработка корпоративных программ оптимизации физической активности на рабочем месте может стать стратегией повышения физкультурно-спортивной активности работников [11, 12]. Обзор мероприятий по укреплению здоровья на рабочем месте путем оптимизации физической активности, проведенный Malik et al., показал, что инициативы, направленные на стимулирование занятий физической культурой и спортом, представлены мероприятиями с использованием физической активности и информационными мероприятиями по пропаганде ЗОЖ. В последующих наблюдениях было выявлено, что большинство из них способствовало увеличению показателя физической активности работников, но неубедительность полученных результатов, по мнению авторов, требовала дальнейших поисков более эффективных и перспективных программ вмешательств [13]. Об этом же говорят и российские исследователи – разработка и внедрение корпоративных программ здоровья не все-

гда имеет долгосрочный результат: высокая эффективность наблюдается при их запуске на фоне повышенного интереса участников, а со временем снижается [14].

При планировании и реализации программ, содействующих оптимизации физической активности на рабочем месте, важным видится вовлечение в этот процесс самих работников [15]. Одной из задач «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 г.» является формирование среды равных возможностей для занятий физической культурой и спортом с учетом индивидуальных потребностей граждан и мотивации к систематическим физкультурно-спортивным занятиям. [16]. Повысить физическую активность людей не представляется возможным без учета их физкультурно-спортивных предпочтений, отношения к видам двигательной активности, мотивов занятий, а также барьеров для участия в программах, предусматривающих применение средств физической культуры и спорта [17–20].

Выявление предпочтений является одной из задач теории принятия решений. Понимая под предпочтением готовность субъекта к выбору, А.А. Ивин считает, что оно является результатом и рационального размышления, и эмпирического опыта [21]. По мнению В.В. Борисовой, предпочтительность того или иного варианта с точки зрения личных пристрастий и интересов человека, осуществляющего выбор, определяется эмоциональной стороной и базируется на собственном внутреннем отношении к предлагаемым вариантам. «Понимание того, что на самом деле движет человеком при выборе альтернативных вариантов, открывает широкие возможности для моделирования этого процесса и, как следствие, повышает эффективность выбора в сложной среде» [22].

Таким образом, в существующей практике наблюдается противоречие: с одной стороны – высокая заинтересованность государства и руководителей предприятий в повышении физической активности работающих граждан путем привлечения к участию в программах физкультурно-спортивной и оздоровительной направленности, с другой стороны – низкая активность участия в них. Требуется поиск путей привлечения работающего населения к занятиям физической культурой и спортом, что невозможно без учета их физкультурно-спортивных предпочтений.

Цель исследования – выявление физкультурно-спортивных предпочтений работников нефтегазодобывающих предприятий, а также факторов, характеризующих особенности их двигательного поведения и функционирования организма.

Методы и организация исследования. В процессе исследования применялись следующие методы: теоретический анализ и обобщение данных литературы, психолого-педагогическое и функциональное тестирование, методы математической статистики. В ходе работы использовался опросник «Отношение к состязательной физкультурно-спортивной деятельности», позволяющий оценить эмоциональный, познавательный, деятельностный и поступочный компоненты субъективного отношения человека к проявлению

состязательности в процессе физической активности [23]. Для анализа физкультурно-спортивных предпочтений и исследования особенностей физической активности индивида, его субъективного отношения к физкультурно-спортивным занятиям проводилось анкетирование с применением вопросов закрытой и открытой формы. С помощью аппаратно-программного комплекса «Омега» изучалась вариабельность сердечного ритма (продолжительность записи составляла 4–5 мин (300 кардиоциклов) в положении испытуемого – сидя, не ранее чем через 2 ч после еды, при отсутствии медикаментозного лечения в ближайшем анамнезе). Были использованы показатели: частота сердечных сокращений (ЧСС), вегетативный показатель ритма (ВПР), показатель адекватности процессов равновесия (ПАПР), индекс напряженности (ИН). Для интерпретации объективных параметров физического состояния использовались такие показатели, как уровень адаптации к физической нагрузке, показатель тренированности, уровень энергетического обеспечения, психоэмоциональное состояние, интегральный показатель спортивной формы. Математическая обработка полученных результатов осуществлялась с использованием среднего арифметического (M), ошибки репрезентативности средней (m). Достоверность различия признаков (p) в сравниваемых группах обеспечивалась с использованием U -критерия Манна–Уитни. Исследование проводилось на базе научно-исследовательской лаборатории спортивно-оздоровительных технологий ФГБОУ ВО «НВГУ» г. Нижневартовска в период с октября 2019 по февраль 2020 г.

На предварительном этапе исследования было проведено анкетирование, в котором приняло участие 80 мужчин зрелого возраста, осуществляющих профессиональную деятельность на предприятиях нефтегазодобывающей отрасли. Из их числа были исключены лица, не занимающиеся во внерабочее время физической активностью, а также предпочитающие интеллектуально-логические игры. В итоге была сформирована выборка работников, использующих во внерабочее время средства физической культуры и спорта рекреационной или спортивной направленности ($n = 49$).

Результаты и их обсуждение. Изучение индивидуальных предпочтений работников нефтегазодобывающих предприятий в выборе того или иного вида физкультурно-спортивной деятельности для занятий физической активностью рекреационной или спортивной направленности позволяет получить представление о видах физической культуры и спорта, способных повысить массовость физкультурно-оздоровительных и спортивных занятий. Анализ результатов анкетирования позволил выявить физкультурно-спортивные предпочтения работников предприятий нефтегазодобывающей отрасли: занятия футболом предпочитают 23% испытуемых, различными видами борьбы – 16%, бегом – 15%, боксом – 12%, смешанными единоборствами – 10%, силовыми видами – 10%, баскетболом – 6%, ходьбой – 6%, волейболом – 2%. Самостоятельно занимаются 61% опрошенных, посещают фитнес-центры 15%, совме-

щают трудовую деятельность с занятиями в спортивных школах 10%. Опыт организованных занятий спортом имеется у 80% участников исследования – в разное время они проходили спортивную подготовку под руководством тренера.

Наблюдаемый выбор испытуемыми вида физкультурно-спортивной деятельности для занятий рекреационной или спортивной направленности хотя и показывает фактическое состояние в реализуемой физической активности для данного контингента, но при этом их значительный разброс затрудняет разработку стратегии развития корпоративного спорта и требует применения какого-либо индикатора (критерия), позволяющего учесть интересы участников корпоративных физкультурно-спортивных программ. Таким критерием может стать дифференциация физкультурно-спортивных предпочтений по характеру проявляемого в них соперничества: виды физкультурно-спортивной деятельности 1) с индивидуальным соперничеством, 2) с командным (групповым) соперничеством, 3) с избеганием открытого соперничества, которое можно рассматривать как соперничество с самим собой.

Формы физкультурно-двигательной активности, используемые для сохранения и укрепления здоровья, физического совершенствования, отдыха, общения людей не предполагают участия в соревнованиях и подготовку к ним [24], однако предусматривают проявление соперничества. Элемент соперничества предполагает проявление значительных физических усилий, которые, в свою очередь, формируют нравственные и личностные качества, способствуют развитию интереса и, что более важно, деятельного мотива к физкультурно-спортивным занятиям. Рассматривая соперничество не как проявление враждебного начала и конфликтности, а как неизбежную реальность социальной жизни, содействующую развитию и достижению результатов, в том числе в спортивной сфере, В.А. Баранов отмечает, что в нем (соперничестве) заключена созидательная стратегия спортивного противоборства, в котором дух соревновательной борьбы базируется на уважении к сопернику [25]. Универсальная модель соперничества (противостояние «другому») является наиболее эффективным средством социализации широких слоев населения, ощущающих острую потребность в идентификации и самоидентификации [26].

Соперничество как показатель, имеющий позитивное значение в жизни человека и позволяющий сравнить свои способности со способностями других, призван побуждать людей к активности, к совершенствованию своих способностей [27. С. 17]. Современный человек, по мнению Т. Амброджи, нуждается в сопернике – личности, с которой можно померяться силой, сопротивляться ей, чтобы впоследствии ее победить; реализовать эту потребность возможно путем применения контролируемых методов – в процессе спортивной деятельности [28]. О необходимости учета контекста предпочитаемой деятельности, в том числе проявления соперничества, при разработке программ стимулирования физической активности людей, напоминают J. Lemoine et al. [29].

Вместе с этим, по мнению К.А. Абульхановой, большинству людей не свойственна тенденция сравнивать себя с другими [30]. При бессознательном стремлении личности к совершенству при отсутствии необходимых задатков возможно возникновение ощущения собственной неполноценности вследствие несоответствия ожиданиям. Этим объясняется снижение мотивации к физкультурно-спортивной деятельности у человека, постоянно сравнивающего собственные достижения с достижениями других людей [31. С. 108]. При этом среди занимающихся физической активностью может быть выделена такая форма соперничества, как соревнование с самим собой в целях повышения личных результатов [32].

Дифференцировав предпочитаемые мужчинами для рекреационных и спортивных занятий виды физкультурно-спортивной деятельности в зависимости от предусмотренного в них проявления соперничества, мы сформировали 3 группы (предпочитающие занятия с индивидуальным соперничеством (борьба, бокс, смешанные единоборства; $n_1=19$), с командным соперничеством (футбол, баскетбол, волейбол; $n_2=15$), с избеганием открытого соперничества (бег, оздоровительная ходьба, силовой фитнес; $n_3=15$)).

Нами был осуществлен анализ факторов, характеризующих двигательное поведение мужчин, предпочитающих занятия физкультурно-спортивной направленности, предусматривающие различное проявление соперничества. Анкетирование показало, что все представители 1-й группы систематически используют средства физической культуры и спорта в режиме дня либо ежедневно, либо несколько раз в неделю. Число лиц, чей режим организованных занятий физической активностью составляет 2–3 раза в неделю, существенно не различается во всех группах (в 1-й – 53%, во 2-й и 3-й – по 47%). От случая к случаю занимаются 33% мужчин, предпочитающих занятия, исключаящие соперничество с другими людьми, а также 7% из числа работников, выбравших для занятий командные виды спорта.

Вопрос об опыте занятий спортом как показателе, призванном выполнять функцию стабилизации и стимулирования физической активности, содействующего сохранению и закреплению результатов двигательной деятельности [33], показал, что все мужчины, предпочитающие физкультурно-спортивные занятия, предполагающие соперничество друг с другом, имеют опыт занятий спортом в прошлом или продолжают заниматься в настоящее время. Из числа лиц, предпочитающих командное соперничество (игровые виды спорта), организованные занятия спортом в анамнезе отметили 80%, а из тех, кто избегает открытого соперничества, предпочитая индивидуальные занятия бегом, оздоровительной ходьбой или силовые нагрузки, – 54%.

Субъективная готовность к участию в физкультурно-спортивных мероприятиях (рис. 1) в большей степени проявляется у мужчин, предпочитающих занятия единоборствами, предусматривающие индивидуальное соперничество, что выразилось не только в согласии стать участником, но и в ощущении физической подготовленности к проявлению максимальных возможно-

стей. В меньшей степени готовы участвовать в мероприятиях, предусматривающих проявление физических способностей, мужчины, предпочитающие занятия без явного проявления открытого соперничества.

Проведенное ранее исследование показало, что молодежь, работающая в сфере нефтедобычи, положительно рассматривает возможность участия в корпоративных мероприятиях, предусматривающих выполнение нормативов физической подготовленности, при условии их поощрения [34]. В большей степени это характерно для мужчин, предпочитающих физ-

культурно-спортивные занятия, предусматривающие командное соперничество (рис. 2). Число работников, чьим мотивом участия в массовых физкультурно-спортивных мероприятиях является отрицательный внешний мотив (опасение за возможные отрицательные последствия со стороны руководства из-за отказа от участия), во всех трех группах примерно одинаково. Наибольшее количество мужчин, категорически отказавшихся от участия в мероприятиях с максимальным проявлением физических способностей, выявлено в 3-й группе.

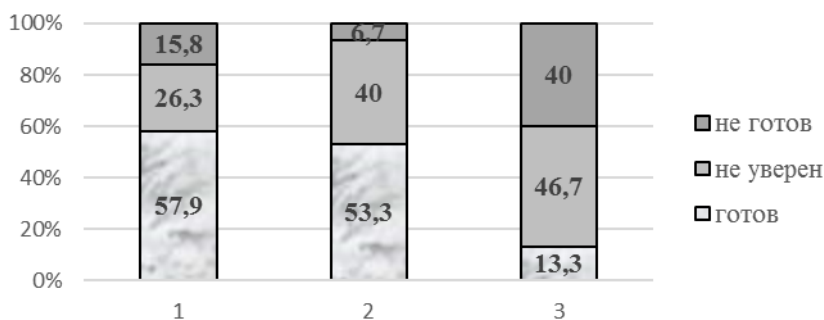

Рис. 1. Субъективное ощущение готовности участвовать в мероприятиях с максимальным проявлением физических способностей у мужчин, предпочитающих физкультурно-спортивные занятия с различным проявлением соперничества: 1 – индивидуальным; 2 – командным (групповым); 3 – с избеганием соперничества

Рис. 2. Согласие участвовать в мероприятиях с максимальным проявлением физических способностей у мужчин, предпочитающих физкультурно-спортивные занятия с различным проявлением соперничества: 1 – индивидуальным; 2 – командным (групповым); 3 – с избеганием соперничества

Субъективное отношение к состязательной деятельности в процессе физической активности является важной составляющей физической культуры личности и помогает определить основные пути, методы и средства повышения активности участия населения в физкультурно-спортивных мероприятиях, предусматривающих соперничество [23]. Отношение к состязательной деятельности в процессе физической актив-

ности говорит о мотивированной деятельности или бездеятельности в мероприятиях, предусматривающих проявление соперничества. В табл. 1 представлен сравнительный анализ результатов опросника «Отношение к состязательной физкультурно-спортивной деятельности» работников нефтегазодобывающих предприятий, дифференцированных по физкультурно-спортивным предпочтениям.

Таблица 1
Субъективное отношение к состязательной деятельности в процессе физической активности у мужчин, предпочитающих физкультурно-спортивные занятия с различным проявлением соперничества (баллы, $M \pm m$)

Компоненты	1 (n = 19)	2 (n = 15)	3 (n = 15)	P (1-2)	P (2-3)	P (1-3)
Эмоциональный	14,3 ± 0,6	14,4 ± 0,7	11,6 ± 1,1	> 0,05	> 0,05	> 0,05
Познавательный	14,0 ± 0,7	13,0 ± 0,6	10,0 ± 1,3	> 0,05	> 0,05	< 0,05
Деятельностный	13,3 ± 0,7	11,9 ± 0,7	8,6 ± 1,2	> 0,05	< 0,05	< 0,05
Поступочный	13,3 ± 0,8	10,9 ± 1,0	8,1 ± 1,2	> 0,05	> 0,05	< 0,05
Интенсивность показателя	55,0 ± 2,4	50,1 ± 2,5	38,7 ± 4,1	> 0,05	< 0,05	< 0,05

Примечание: группы мужчин, предпочитающие физкультурно-спортивные занятия с различным проявлением соперничества: 1 (n=19) – индивидуальным, 2 (n=15) – командным, 3 (n=15) – с избеганием соперничества.

Эмоциональное отношение к событиям в спортивной практике достоверно не различается во всех трех группах. При этом наибольшие показатели отмечают у мужчин, предпочитающих внешнее соперничество – и индивидуальное, и командное.

Интерес к знаниям в области физической культуры и спорта, связанным с проведением соревнований, преобладает у работников, предпочитающих занятия единоборствами ($14,0 \pm 0,7$ баллов), и достоверно превышает значения их коллег, занимающихся индивидуально ($10,0 \pm 1,3$ баллов).

Отношение к непосредственному участию в состязательных физкультурно-спортивных мероприятиях, степень готовности включиться в соперничество, характеризующие деятельностный компонент отношения к состязательной физкультурно-спортивной деятельности, у работников, предпочитающих индивидуальное соперничество, достоверно превышает значения представителей третьей группы. Также, этот показатель у мужчин, предпочитающих командные виды спорта, достоверно больше, чем у их коллег, выбравших индивидуальные занятия, исключаящие внешнее соперничество.

Показатель поступочного компонента, характеризующего активность в привлечении окружающих людей к участию в состязательной физкультурно-спортивной деятельности, возможность изменить их отношение к подобным мероприятиям преобладает у представителей 1-й группы. У них же отмечается самый высокий показатель интенсивности субъективного отношения к участию в состязательных физкультурно-спортивных формах, что соотносится с согласием большинства из них участвовать в мероприяти-

ях, предусматривающих максимальное проявление физических способностей.

Полученные результаты находят отражение в мнении работников нефтегазодобывающих предприятий о возможных путях повышения массовости участия в мероприятиях по выполнению государственных требований по нормативам комплекса ГТО. Так, у представителей 1-й группы для активизации участия в мероприятиях с проявлением максимальных физических возможностей важным видится организация предварительной подготовки (58%). Для 60% мужчин, предпочитающих командное соперничество, и 53% представителей группы, предпочитающих индивидуальные занятия без внешнего соперничества, важно поощрение. Процент мужчин, предпочитающих занятия единоборствами и игровыми видами спорта, считающих, что присутствие близких им людей способно повысить активность участия в спортивных мероприятиях, составляет 48% и 53% соответственно, а среди тех, кто избегает внешнего соперничества, – 33%. Будут рекомендовать и другим принимать участие в физкультурно-спортивных мероприятиях 84% представителей 1-й группы, 60% – 2-й и 53% мужчин, представляющих 3-ю группу.

Анализ факторов, характеризующих физическое состояние на основе данных variability сердечного ритма испытуемых позволил получить общую оценку состояния регуляторных систем организма, адаптационных возможностей и подверженность стрессовым воздействиям [35. С. 53]. В табл. 2 представлен сравнительный анализ показателей вегетативной регуляции сердца у мужчин с различными физкультурно-спортивными предпочтениями.

Таблица 2

Вегетативная регуляция сердца у мужчин, предпочитающих физкультурно-спортивные занятия с различным проявлением соперничества ($M \pm m$)

Компоненты	1 (n = 19)	2 (n = 15)	3 (n = 15)	P (1–2)	P (2–3)	P (1–3)
ЧСС, уд/мин	$75,1 \pm 2,2$	$70,8 \pm 3,1$	$80,8 \pm 3,3$	$> 0,05$	$> 0,05$	$> 0,05$
ИВР, у.е.	$202,2 \pm 25,5$	$132,8 \pm 19,5$	$300,8 \pm 56,4$	$< 0,05$	$< 0,05$	$> 0,05$
ПАПР, у.е.	$49,1 \pm 4,4$	$38,1 \pm 3,9$	$64,9 \pm 8,0$	$> 0,05$	$< 0,05$	$> 0,05$
ИН, у.е.	$135,5 \pm 19,4$	$84,1 \pm 14,2$	$224,5 \pm 47,1$	$< 0,05$	$< 0,05$	$> 0,05$
<i>Примечание: группы мужчин, предпочитающие физкультурно-спортивные занятия с различным проявлением соперничества: 1 (n = 19) – индивидуальным, 2 (n = 15) – командным, 3 (n = 15) – с избеганием соперничества.</i>						

Как видно из табл. 2, средние значения частоты сердечных сокращений, характеризующей суммарный эффект регуляции ритма сердца, находятся в пределах нормы при отсутствии достоверных различий между группами испытуемых. Более низкие значения ЧСС наблюдаются у мужчин 2-й группы, самые высокие – у представителей 3-й группы. Индекс вегетативного равновесия, указывающий на соотношение между активностью симпатического и парасимпатического отделов вегетативной нервной системы, находится в пределах нормы. При этом следует отметить достоверно низкое значение ИВР у работников, предпочитающих занятия командными видами спорта, по сравнению с их коллегами, выбравшими для занятий виды спорта, предполагающие соперничество между двумя субъектами, и теми, кто внешнего соперничества избегает. Показатель адекватности процессов регуляции у представи-

телей всех трех групп находится в пределах нормальных значений.

Индекс напряженности, характеризующий баланс симпатической и парасимпатической систем регуляции, у испытуемых, вошедших во 2-ю группу, находится в пределах нормы, но достоверно ниже значений их коллег из 1-й и 3-й групп. У работников, избегающих внешнего соперничества и предпочитающих заниматься физической активностью индивидуально, наблюдается напряжение регуляторных систем в состоянии покоя ($224,5 \pm 47,1$ у.е.).

Таким образом, наиболее оптимальные показатели активности регуляторных систем отмечаются у мужчин, предпочитающих командные виды спорта. У испытуемых, занимающихся в свободное от работы время спортивными единоборствами, показатели вегетативной регуляции сердца также находятся в пределах нормы, но ближе к границе, ха-

рактирующей переход от вегетативного баланса к преобладанию симпатического отдела вегетативной нервной системы. У представителей 3-й группы, отказывающихся от открытого соперничества, как индивидуального, так и группового, и предпочитающих индивидуальные занятия, отмечается более выраженное напряжение регуляторных систем. И это, несмотря на имеющуюся у организма, находящегося в состоянии напряжения регуляторных си-

стем, высокую сопротивляемость внешним факторам среды за счет симпатической и симпатoadrenalовой активации, требует проведения профилактических мероприятий для предупреждения функциональных нарушений [36].

В табл. 3 представлены интегральные показатели функционального состояния испытуемых, полученные с использованием аппаратно-программного комплекса «Омега».

Таблица 3

Объективные показатели функционального состояния мужчин, предпочитающих физкультурно-спортивные занятия с различным проявлением соперничества (% , M ± m)

Компоненты	1 (n = 19)	2 (n = 15)	3 (n = 15)	P (1–2)	P (2–3)	P (1–3)
Адаптация к нагрузкам	51,0 ± 5,6	68,5 ± 4,5	48,3 ± 5,8	< 0,05	< 0,05	> 0,05
Тренированность	60,3 ± 6,1	76,8 ± 6,34	49,6 ± 8,1	> 0,05	< 0,05	> 0,05
Энергетическое состояние	54,0 ± 4,6	65,4 ± 3,8	49,0 ± 5,2	> 0,05	< 0,05	> 0,05
Психоэмоциональное состояние	52,0 ± 4,5	66,0 ± 3,7	50,0 ± 4,6	< 0,05	< 0,05	> 0,05
Показатель «спорт формы»	54,3 ± 4,8	69,0 ± 4,1	49,1 ± 5,6	< 0,05	< 0,05	> 0,05

Примечание: группы мужчин, предпочитающие физкультурно-спортивные занятия с различным проявлением соперничества: 1 (n = 19) – индивидуальным, 2 (n = 15) – командным, 3 (n = 15) – с избеганием соперничества.

Как видно из табл. 3, показатель «адаптация к нагрузкам», отражающий способность организма поддерживать устойчивое равновесие в изменяющихся условиях среды, у мужчин 2-й группы достоверно превышает значения такового работников, вошедших в 1-ю и 3-ю группы. Показатель «тренированность организма», характеризующий способность поддерживать вегетативное равновесие в состоянии покоя с минимальными усилиями, выше также у тех, кто для занятий физкультурно-спортивной направленности предпочел командные игровые виды спорта. У представителей этой же группы наблюдаются средние высокие значения показателей энергетического и психоэмоционального состояния, а также индекса спортивной формы как комплексного показателя состояния организма, рассчитанного на основе показателей вегетативной, нейрогуморальной регуляции, психоэмоционального состояния и адаптационных возможностей. Наиболее низкие значения показателей функционального состояния обнаружены у мужчин, избегающих открытого соперничества в процессе физкультурно-спортивной деятельности, хотя их показатели достоверно не отличаются от результатов тестирования мужчин, предпочитающих занятия единоборствами.

Выводы. Наилучшие показатели физического состояния наблюдаются у работников, предпочитающих занятия игровыми видами спорта, предполагающими командное соперничество. Мужчины, предпочитающие соперничество в единоборствах, физически более активны, проявляют повышенную субъективную готовность к участию в физкультурно-спортивных мероприятиях, при этом у них отмечаются сниженные функциональные возможности по сравнению с их коллегами, предпочитающими командные виды спорта. Учитывая спортивный опыт в прошлом у всех представителей этой группы, следует активно их привлекать к организационным мероприятиям по подготовке и проведению физкультурно-оздоровительных и спортивных акций на рабочем месте в рамках кор-

поративных программ оптимизации физкультурно-спортивной деятельности. Для улучшения их физического состояния следует предусмотреть мероприятия как двигательной, так и образовательной направленности по обучению приемам снятия напряжения средствами оздоровительной физической культуры.

У работников нефтегазодобывающих предприятий, предпочитающих индивидуальные занятия, наблюдается напряжение регуляторных систем организма в состоянии покоя. Отсутствие опыта спортивной подготовки в прошлом более чем у половины испытуемых из этой группы на фоне зачастую несистематического применения физических нагрузок позволяет сделать предположение об имеющихся затруднениях в нормировании физической нагрузки на физкультурно-спортивных занятиях и может объяснить низкие показатели физического состояния организма. Вместе с тем относительно высокие показатели эмоционального и познавательного компонентов субъективного отношения к состязательной деятельности в процессе физической активности позволяют разработать и включить в корпоративную программу мероприятия, повышающие их физкультурно-валеологическую осведомленность, например: мастер-классы по применению различных средств физической культуры и спорта; открытые физкультурно-спортивные занятия развивающей или поддерживающей направленности; распространение буклетов по формированию знаний об основах самостоятельной физической подготовки, основах самоконтроля, а также включение мероприятий, содействующих получению положительных эмоций.

Полученные результаты необходимо принимать во внимание при разработке корпоративных программ оптимизации физической активности работников нефтегазодобывающих предприятий, содействуя удовлетворению физкультурно-спортивных интересов, мотивов занятий, а также улучшению физического состояния и оптимизации двигательной активности лиц, занятых тяжелым физическим трудом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еськов В.М., Газя Г.В., Майстренко Е.В., Болтаев А.В. Влияние промышленных электромагнитных полей на параметры сердечно-сосудистой системы работников нефтегазовой отрасли // Экология и промышленность России. 2016. Т. 20, № 1. С. 59–63.
2. Карамова Л.М., Башарова Г.Р., Валеева Э.Т., Галимова Р.Р., Власова Н.В., Газизова Н.Р. Уровень здоровья здоровых работников в нефтяной и химической отраслях промышленности // Медицина труда и экология человека. 2015. № 4. С. 270–275.
3. Гимранова Г.Г., Шайхлисламова Э.Р., Бакиров А.Б., Волгарева А.Д., Каримова Л.К. Оценка соматического здоровья работников нефтедобывающей отрасли Западной Сибири // Медицина труда и экологии человека. 2019. № 3. С. 5–14. DOI: 10.24411/2411-3794-2019-10030.
4. Федеральный проект «Спорт – норма жизни». URL: <https://www.minsport.gov.ru/activities/fedprosport/>
5. Physical activity and health in Europe: evidence for action // N. Cavill, S. Kahlmeier, F. Racioppi (Eds.) WHO Regional Office for Europe, Copenhagen, Denmark, 55. 2006. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/physical-activity/publications/2006/physical-activity-and-health-in-europe-evidence-for-action>
6. Bevington F., Piercy K.L., Olscamp K., Hilfiker S.W., Fisher D.G., Barnett E.Y. The Move Your Way Campaign: Encouraging Contemplators and Families to Meet the Recommendations From the Physical Activity Guidelines for Americans // Journal of Physical Activity and Health. 2019. Vol. 17, № 4. P. 397–403. DOI: 10.1123/jpah.2019-0395
7. Логинов С.И. Физическая активность и малоподвижное поведение взрослых жителей города Сургута // Человек. Спорт. Медицина. 2019. Т. 19, № 4. С. 70–77.
8. Снявский Н.И., Фурсов А.В., Безноско Н.Н., Садыков Р.И. Мониторинг физической подготовленности населения 35–39 лет в выполнении требований VII ступени комплекса ГТО // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 2 (156). С. 223–226.
9. Фурсов А.В., Снявский Н.И., Власов В.В. Физическая подготовленность работающей молодежи по результатам выполнения нормативов VI ступени комплекса ГТО // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 12 (154). С. 296–300.
10. Holtermann A. Why does occupational physical activity not provide same health benefits as leisure? 7th International Society for Physical Activity and Health Congress // Journal of Physical Activity and Health. 2018. Vol. 15 (s1). DOI: 10.1123/jpah.2018-0535
11. Conn V.S., Hafdah A.R., Cooper P.S., Brown L.M., Lusk S.L. Meta-Analysis of Workplace Physical Activity Interventions // American Journal of Preventive Medicine. 2009. Vol. 37, Is. 4. P. 330–339. DOI: 10.1016/j.amepre.2009.06.008
12. Родионов В.А., Родионова М.А. Роль корпоративного спорта в оздоровлении и повышении уровня физической активности трудящихся // Теория и практика физической культуры. 2020. № 1. С. 90–91.
13. Malik S.H., Blake H., Suggs L.S. A systematic review of workplace health promotion interventions for increasing physical activity // British journal of health psychology. 2014. Vol. 19, Is. 1. P. 149–180. DOI: 10.1111/bjhp.12052
14. Фесенко М.А., Геворкян Э.В., Рыбаков И.А. Оценка эффективности программ профилактики низкой физической активности с использованием фитнес-трекеров у офисных работников // ЗНиСО. 2017. № 9 (294). С. 43–46.
15. World Health Organization et al. Interventions on diet and physical activity: what works: summary report. 2009. URL: https://www.who.int/dietphysicalactivity/publications/physical_activity_9789241598248/en/
16. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <https://minsport.gov.ru/activities/proekt-strategii-2030/>
17. Романенко Н.И., Гончаров А.Ю. Мотивация мужчин к занятиям физической культурой в рамках подготовки к сдаче нормативов комплекса ГТО // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-4. С. 180–186.
18. Шилько В.Г., Гусева Н.Л. Социологический анализ образа жизни и физкультурно-спортивной деятельности студентов // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 199–202.
19. Пашенко Л.Г. Физическая активность и мотивы занятий физической культурой и спортом взрослого населения в России и за рубежом // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 3. С. 110–116.
20. Allender S., Cowburn G., Foster C. Understanding participation in sport and physical activity among children and adults: a review of qualitative studies // Health Education Research. 2006. Vol. 21, № 6. P. 826–835. DOI: 10.1093/her/cyl063
21. Ивин А.А. Человеческие предпочтения. М.: Ин-т философии РАН, 2010. 122 с.
22. Борисова В.В. Проблематика моделирования предпочтений лиц, принимающих решения // Вестник университета. 2014. № 14. С. 100–110.
23. Пашенко Л.Г. Диагностический инструмент оценки субъективного отношения студентов к состязательной деятельности в процессе физической активности // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 183–190. DOI: 10.17223/15617793/446/23
24. Столяров В.И. Философия спорта и телесности человека: монография. В 2 кн. Кн. 1. Введение в мир философии спорта и телесности человека. М.: Университетская книга, 2011. 766 с.
25. Баранов В.А. Социально-психологический феномен соперничества // Спортивный психолог. 2019. № 1 (52). С. 67–70.
26. Лубышева Л.И., Моченов В.П. Новый концептуальный подход к современному пониманию социальной природы спорта // Теория и практики физической культуры. 2015. № 4. С. 94–101.
27. Столяров В.И., Передельский А.А., Башаева М.М. Современные проблемы наук о физической культуре и спорте. Философия спорта: учебник. М.: Советский спорт, 2015. 464 с.
28. Амброжи Т. Безопасность человека в аспекте борьбы с самим собой, а также с угрозами современного мира // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2008. № 1. С. 3–8.
29. Lemoine J., Valois P, Guay F. Physical Self-concept and Participation in Physical Activity in College Students // Medicine & Science in Sports & Exercise. 2015. Vol. 47, Is. 1. P. 142–150
30. Абульханова К.А. Соотношение индивидуальности и личности в сфере субъектного подхода // Мир психологии. 2011. № 1. С. 22–32
31. Лифанов А.Д. Структура, механизмы и условия развития мотивации оздоровительной деятельности студентов вузов. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2016. 168 с.
32. Масловская Ю.И. О сущности и признаках соревновательного метода в физическом воспитании // Вестник БДУ. Серия 4: Филология. Журналистика. Педагогика. 2014. № 3. С. 75–78.
33. Логинов С.И. Роль интенционного компонента мотивации в процессе приобщения студентов к физической активности на основе теории поведения // Вестник Сургутского государственного университета. 2017. Вып. 4 (18). С. 34–45.
34. Давыдова С.А., Пашенко Л.Г. Физическая активность работающей молодежи в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2020. № 12. С. 52–53.
35. Трифонова Т.А., Мищенко Н.В., Климов И.А. Оценка адаптационного состояния студентов: монография. Владимир: Изд-во ООО «Ар-каим», 2016. 94 с.
36. Луценко Е.Л., Габелкова О.Е. Связь вариабельности сердечного ритма с психологическими особенностями, детерминирующими здоровое поведение // Вестник психофизиологии. 2013. № 1. С. 24–30.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 февраля 2021 г.

Physical Culture and Sports Preferences of Employees of Oil and Gas Producing Enterprises: Behavioral and Biological Factors

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 173–181.

DOI: 10.17223/15617793/466/21

Lena G. Pashchenko, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: lenav2008@yandex.ru

Alexey V. Korichko, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: alexey.korichko@gmail.com

Svetlana A. Davydova, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: ffkis@nvsu.ru

Keywords: preferences; physical activity; competition; subjective attitude; physical condition; corporate programs

The relevance of this study is due to the need to optimize the physical activity of workers engaged in heavy physical labor, which is impossible without taking into account their physical culture and sports preferences. The aim of the study was to identify the physical culture and sports preferences of employees of oil and gas production enterprises, as well as factors that characterize the features of their motor behavior and body functioning. To analyze the subjects' physical culture and sports preferences and features of physical activity, a survey was conducted; the Attitude to Competitive Physical Culture and Sports Activities questionnaire was used; the heart rate variability was studied using the hardware and software complex "Omega". The significance of the difference in the characteristics in the compared groups was verified using the Mann-Whitney U-test. The study involved 49 men of mature age who are engaged in professional activities at oil and gas production enterprises, using out-of-hours means of physical culture and sports of a recreational or sports orientation. The subjects were differentiated based on their physical culture and sports preferences, depending on the manifestation of rivalry in them: 1) with individual rivalry ($n_1=19$); 2) with team rivalry ($n_2=15$); 3) with avoiding open rivalry ($n_3=15$). All the men who prefer martial arts did sports in the past or continue to do sports in the present. Of those who prefer team sports, this is 80%, and of those who avoid open competition, preferring individual running, recreational walking or strength training, this is 54%. All representatives of the first group systematically engage in physical culture and sports. Thirty-three per cent of men who prefer activities without rivalry and seven per cent of men doing team sports do sports from time to time. Subjective readiness to participate in physical culture and sports events is more evident in men who prefer martial arts. To a lesser extent, men from the third group are ready to participate in events with the manifestation of maximum physical capabilities. The indicator that characterizes the interest in knowledge in the field of physical culture and sports, as well as the activity of attracting other people to participate in competitions, prevails among men who prefer martial arts. The most optimal indicators of the activity of regulatory systems are observed in men who prefer team sports. In subjects who engage in martial arts in their free time, the indicators of the autonomic regulation of the heart are also within the normal range, but closer to the border that characterizes the transition from the vegetative balance to the predominance of the sympathetic department. In the representatives of the third group who refuse open competition and prefer individual activities, there is a more pronounced tension of the regulatory systems. The results obtained should be taken into account when developing corporate programs to optimize the physical activity of employees of oil and gas producing enterprises.

REFERENCES

1. Es'kov, V.M., Gazyga, G.V., Maystrenko, E.V. & Boltaev, A.V. (2016). Effect of Industrial Electromagnetic Fields on Cardiovascular Systems of Oil and Gas Workers. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii – Ecology and Industry of Russia*. 20 (1). pp. 59–63. (In Russian). DOI: 10.18412/1816-0395-2016-1-59-63
2. Karamova, L.M. et al. (2015) Health Status of Healthy Oil and Petrochemical Workers. *Meditsina truda i ekologiya cheloveka*. 4. pp. 270–275. (In Russian).
3. Gimranova, G.G. et al. (2019) Somatic Health Assessment of Oil-Extracting Workers of the Western Siberia. *Meditsina truda i ekologii cheloveka*. 3. pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.24411/2411-3794-2019-10030
4. Russian Federation. (2020) *Federal'nyy proekt "Sport – norma zhizni"* [Federal project "Sport is the norm of life"]. [Online] Available from: <https://www.minsport.gov.ru/activities/fedprosport/>
5. Cavill, N., Kahlmeier, S. & Racioppi, F. (eds) (2006) *Physical activity and health in Europe: evidence for action*. WHO Regional Office for Europe, Copenhagen, Denmark, 55. [Online] Available from: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/physical-activity/publications/2006/physical-activity-and-health-in-europe-evidence-for-action>.
6. Bevington, F. et al. (2019) The Move Your Way Campaign: Encouraging Contemplators and Families to Meet the Recommendations From the Physical Activity Guidelines for Americans. *Journal of Physical Activity and Health*. 17 (4). pp. 397–403. DOI: 10.1123/jpah.2019-0395
7. Loginov, S.I. (2019) Fizicheskaya aktivnost' i malopodvizhnoe povedenie vzroslykh zhitel'ev goroda Surguta [Physical activity and sedentary behavior of adult residents of Surgut]. *Chelovek. Sport. Meditsina*. 19 (4). pp. 70–77.
8. Sinyavskiy, N.I., Fursov, A.V., Beznosko, N.N. & Sadykov, R.I. (2018) Complex Realizing the demands of the 7th level of All-Russian athletic civil defense squads complex. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2 (156). pp. 223–226.
9. Fursov, A.V., Sinyavskiy, N.I. & Vlasov, V.V. (2017) Physical Preparedness of Working Youth by Results of Implementation of VI Stage of the GTO. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 12 (154). pp. 296–300. (In Russian).
10. Holtermann, A. (2018) Why does occupational physical activity not provide same health benefits as leisure? 7th International Society for Physical Activity and Health Congress. *Journal of Physical Activity and Health*. 15 (s1). DOI: 10.1123/jpah.2018-0535
11. Conn, V.S. et al. (2009) Meta-Analysis of Workplace Physical Activity Interventions. *American Journal of Preventive Medicine*. 37 (4). pp. 330–339. DOI: 10.1016/j.amepre.2009.06.008
12. Rodionov, V.A. & Rodionova, M.A. (2020) Corporate Sports to Improve and Increase Physical Activity of Employees. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 1. pp. 90–91. (In Russian).
13. Malik, S.H., Blake, H. & Suggs, L.S. (2014) A systematic review of workplace health promotion interventions for increasing physical activity. *British Journal of Health Psychology*. 19 (1). pp. 149–180. DOI: 10.1111/bjhp.12052
14. Fesenko, M.A., Gevorkyan, E.V. & Rybakov, I.A. (2017) Otsenka effektivnosti programm profilaktiki nizkoy fizicheskoy aktivnosti s ispol'zovaniem fitness-trekerov u ofisnykh rabotnikov [Evaluation of the effectiveness of programs for the prevention of low physical activity using fitness trackers in office workers]. *ZNiSO*. 9 (294). pp. 43–46.
15. World Health Organization et al. (2009) *Interventions on diet and physical activity: what works: summary report* [Online] Available from: https://www.who.int/dietphysicalactivity/publications/physical_activity_9789241598248/en/.
16. Russian Federation. (2020) *Strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2030*. [Online] Available from: <https://www.minsport.gov.ru/activities/proekt-strategii-2030/>.
17. Romanenko, N.I. & Goncharov, A.Yu. (2018) Motivatsiya muzhchin k zanyatiyam fizicheskoy kul'turoy v ramkakh podgotovki k sdache normativov kompleksa GTO [Motivation of men for physical education in preparation for passing the standards of the GTO complex]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of Modern Pedagogical Education*. 59-4. pp. 180–186.

18. Shil'ko, V.G. & Guseva, N.L. (2011) Sociological analysis of lifestyles, physical training and sports activity of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 352. pp. 199–202. (In Russian).
19. Pashchenko, L.G. (2017) Physical Activity and Motivation of Physical Culture and Sports of the Adult Population in Russia and Abroad. *Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Nizhneartovsk State University*. 3. pp. 110–116.
20. Allender, S., Cowburn, G. & Foster, C. (2006) Understanding participation in sport and physical activity among children and adults: a review of qualitative studies. *Health Education Research*. 21 (6). pp. 826–835. DOI: 10.1093/her/cyl063
21. Ivin, A.A. (2010) *Chelovecheskie predpochteniya* [Human preferences]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
22. Borisova, V.V. (2014) Problematika modelirovaniya predpochteniy lits, primimayushchikh resheniya [Problems of modeling the preferences of decision-makers]. *Vestnik universiteta*. 14. pp. 100–110.
23. Pashchenko, L.G. (2019) Diagnostic Tools for Evaluating Students' Subjective Attitude to Competing During Physical Activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 446. pp. 183–190. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/446/23
24. Stolyarov, V.I. (2011) *Filosofiya sporta i telesnosti cheloveka: monografiya. V 2 kn.* [Philosophy of sport and human corporeality: monograph. In 2 books]. Book 1. Moscow: Universitetskaya kniga.
25. Baranov, V.A. (2019) Sotsial'no-psikhologicheskii fenomen sopernichestva [Socio-psychological phenomenon of rivalry]. *Sportivnyy psikholog*. 1 (52). pp. 67–70.
26. Lubyshcheva, L.I. & Mochenov, V.P. (2015) New Conceptual Approach to Modern Understanding of Social Nature of Sport. *Teoriya i praktiki fizicheskoy kul'tury*. 4. pp. 94–101.
27. Stolyarov, V.I., Peredel'skiy, A.A. & Bashaeva, M.M. (2015) *Sovremennye problemy nauk o fizicheskoy kul'ture i sporte. Filosofiya sporta* [Modern problems of the sciences of physical culture and sports. Philosophy of sport]. Moscow: Sovetskiy sport.
28. Ambrozhi, T. (2008) Bezopasnost' cheloveka v aspekte bor'by s samim soboy, a takzhe s ugrozami sovremennogo mira [Human security in the aspect of fighting oneself, as well as the threats of the modern world]. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta*. 1. pp. 3–8.
29. Lemoyne, J., Valois, P. & Guay, F. (2015) Physical Self-concept and Participation in Physical Activity in College Students. *Medicine & Science in Sports & Exercise*. 47 (1). pp. 142–150.
30. Abul'khanova, K.A. (2011) Sootnoshenie individual'nosti i lichnosti v sfere sub'ektnogo podkhoda [The correlation of individuality and personality in the sphere of the subjective approach]. *Mir psikhologii*. 1. pp. 22–32.
31. Lifanov, A.D. (2016) *Struktura, mekhanizmy i usloviya razvitiya motivatsii ozdorovitel'noy deyatel'nosti studentov vuzov*. Kazan: Kazan National Research Technological University.
32. Maslovskaya, Yu.I. (2014) O sushchnosti i priznakakh sorevnovatel'nogo metoda v fizicheskom vospitanii [On the essence and characteristics of the competitive method in physical education]. *Vesnik BDU. Seriya 4: Filologiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 3. pp. 75–78.
33. Loginov, S.I. (2017) Role of Intention in Motivation of Students in the Process of Inclusion in Physical Activity Based on the Behavioral Theory. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta – Surgut State University Journal*. 4 (18). pp. 34–45. (In Russian).
34. Davydova, S.A. & Pashchenko, L.G. (2020) Physical Activity of Income-Earning Youth in Context of Sociological Analysis. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 52–53. (In Russian).
35. Trifonova, T.A., Mishchenko, N.V. & Klimov, I.A. (2016) *Otsenka adaptatsionnogo sostoyaniya studentov* [Assessment of the adaptive state of students]. Vladimir: Izd-vo OOO "Arkaim".
36. Lutsenko, E.L. & Gabelkova, O.E. (2013) Svyaz' variabel'nosti serdechnogo ritma s psikhologicheskimi osobennostyami, determiniruyushchimi zdorovoe povedenie [Relationship between heart rate variability and psychological characteristics that determine healthy behavior]. *Vestnik psikhofiziologii*. 1. pp. 24–30.

Received: 17 February 2021

В.С. Сосуновский, А.И. Загrevская, М.Д. Акинина, С.В. Радаева

ОРГАНИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ М. МОНТЕССОРИ

Рассматривается модель физического воспитания дошкольников в педагогической системе М. Монтессори, которая ориентируется на положения теории и методики физической культуры и спорта, а также на основные принципы педагогики Марии Монтессори. Приводятся данные тестирования двигательной подготовленности детей 5–6 лет, направленные на выявление эффективности применения разработанной модели в процессе физического воспитания в дошкольном образовательном учреждении.

Ключевые слова: дошкольники; педагогическая система М. Монтессори; физическое воспитание.

В программах, которые реализуются по методике М. Монтессори, не адаптирован раздел «Физическое воспитание». Он направлен на формирование общей культуры ребенка, развитие его физических качеств, основных двигательных умений и навыков. При этом в процессе физического воспитания не реализуются ценности, заложенные Марией Монтессори [1, 2].

Педагогическая система М. Монтессори является одной из актуальных на сегодняшний день, так как современное образование ориентировано на процесс индивидуализации обучения. В системе Монтессори обучение исходит не от педагога, а от «истинных» потребностей самого ребенка [3]. В отличие от традиционной образовательной парадигмы дошкольного обучения, в которой образовательный процесс направлен от педагога к ребенку, педагогическая система М. Монтессори включает три компонента (педагог–ребенок–среда), где ребенок является центральным звеном. Педагог занимает позицию тьютора, который персонально для каждого ребенка выстраивает образовательный процесс, направленный на «раскрытие» потенциала, возможностей, а также ориентированный на его личные потребности [4, 5].

Отличительной особенностью педагогической системы М. Монтессори является создание развивающей предметно-пространственной среды, которая является автодидактичной, т.е. направлена на самостоятельное обучение [6].

Процесс физического воспитания в педагогической системе М. Монтессори не является ее активным элементом, осуществляется педагогом через навязывание средств двигательной активности дошкольникам, без ориентации на развитие у них самостоятельности, активности и субъектности в области двигательной деятельности [7].

Вместе с тем необходимо отметить, что здоровьесформирование дошкольника зависит от правильно организованного физического воспитания ребенка, которое должно быть направлено на его гармоничное развитие и рассматриваться в интегративной взаимосвязи с различными разделами образовательной программы дошкольного учреждения (художественно-эстетическим, познавательным, речевым и социально-коммуникативным развитием) [8–10].

Обзор современного состояния спортивной науки показал необходимость проведения исследований в области создания модели физического воспитания дошкольников в рамках педагогической системы М. Монтессори.

Цель исследования заключалась в разработке структуры и содержания модели физического воспитания детей дошкольного возраста в педагогической системе М. Монтессори и проверке ее эффективности в педагогическом эксперименте.

Организация и методы исследования. Для достижения поставленной цели в работе использовались следующие методы исследования: педагогические наблюдения (для анализа процесса физического воспитания дошкольников в педагогической системе М. Монтессори), моделирование (для разработки модели физического воспитания в педагогической системе Монтессори), педагогическое тестирование (для оценки двигательной подготовленности детей старшего дошкольного возраста), педагогический эксперимент (осуществлялся для внедрения разработанной модели и ее корректирования в процессе физического воспитания в дошкольном образовательном учреждении), методы математико-статистической обработки данных (для оценки эффективности разработанной модели и выявления статистически достоверных различий между показателями контрольной и экспериментальной групп).

В процессе педагогического эксперимента были сформированы контрольная (15 девочек и 15 мальчиков) и экспериментальная (15 девочек и 15 мальчиков) группы; всего в исследовании принимали участие 60 воспитанников МБ ДОУ № 4 «Монтессори» г. Томска в возрасте 5–6 лет.

Анализ результатов показателей двигательной подготовленности детей проводился с использованием программы Statistica 10.0 фирмы Statsoft.

В процессе исследования были сформированы две независимые выборки, до эксперимента в выборках наблюдалось нормальное распределение исследуемых показателей (челночный бег 3×5 м, прыжок в длину с места, метание набивного мяча, наклон вперед из положения сидя, ловля мяча с расстояния 5 метров).

Для определения характера распределения полученных данных и выявления различий между выборками использовался t-критерий Стьюдента.

С учетом теоретических основ моделирования, концепции педагогической системы М. Монтессори и теоретических основ физического воспитания дошкольников нами была разработана модель физического воспитания детей дошкольного возраста в педагогической системе М. Монтессори (рис. 1).

Рис. 1. Модель физического воспитания детей дошкольного возраста в педагогической системе М. Монтессори

Построение модели физического воспитания детей дошкольного возраста в педагогической системе Монтессори осуществлялось на основе таких концептуальных подходов, как личностно-ориентированный, деятельностный, технологический и синергетический.

Личностно-ориентированный подход как теория современной педагогики основывается на гуманизации современного образования. При реализации личностно-ориентированного подхода процесс обучения и воспитания направлен на развитие личности

учащегося с учетом его возрастных и индивидуальных особенностей [11].

В работах А.В. Запорожца (1986) человек рассматривается как центральное звено и высшая ценность воспитания. Поэтому при реализации личностно-ориентированного подхода человек выступает в качестве субъекта процесса обучения и воспитания. Помимо этого, необходимо понимать, что педагог должен обладать так называемой «педагогической рефлексией», которая позволяет прогнозировать педагогическую деятельность в

зоне ближайшего развития ребенка и эффективно осуществлять личностно-ориентированный подход. Данные положения направлены на сохранение физического и психического здоровья детей, развитие их творческих способностей [12].

В публикациях В.В. Серикова личностно-ориентированный подход рассматривается с точки зрения главного его назначения и заключается прежде всего в раскрытии природы и условий реализации личностно-развивающих функций образовательного процесса [13].

В исследованиях И.С. Якиманской личностно-ориентированный подход анализируется с позиции решения целого комплекса проблем обучения человека, в процессе которого ученик признается основным его субъектом, а обучение направлено на развитие индивидуальных способностей обучающегося [14].

В соответствии с личностно-ориентированным подходом, реализованным в нашей концепции, физическое развитие и двигательную подготовленность дошкольников необходимо осуществлять, учитывая в процессе их физического воспитания индивидуальные способности, предрасположенность, потребности и интересы самого ребенка [15].

Известно, что эффективное развитие личности возможно только через активную деятельность [16]. Теория деятельностного подхода основывается на положении активной деятельности как ведущей роли в процессе обучения, воспитания и образования личности человека. Деятельность человека выражается в уровне его активности и определяется способностью реализовать отношения с окружающим миром [17].

Важными критериями деятельности являются цель, мотив и условия деятельности [18]. Поэтому для детей дошкольного возраста необходимо создать предметно-пространственную среду, в которой они полноценно могли бы реализовать свои потребности в физической активности. Помимо создания физкультурно-спортивной предметно-пространственной среды, следует формировать условия, способствующие ее доступности в возрастной периодизации дошкольника, а также ее наполняемости и многовариантности [19].

Для создания мотивов к активным занятиям физическими упражнениями мы предлагаем перед занятием проводить презентацию спортивного инвентаря или вида спорта, используя современные технические средства и технологии, что значительно повышает интерес ребенка к предстоящей двигательной активности и является фактором применения технологического подхода в физическом воспитании дошкольников. Технологический подход позволяет использовать различные образовательные технологии для достижения поставленных целей [20].

Синергетический подход в педагогике предполагает рассмотрение процесса образования личности как самоорганизующейся и саморазвивающейся образовательной системы, при этом образовательная система имеет открытый характер. В открытой образовательной системе человеческая индивидуальность выступает как основа общественных связей [21]. Синергетический подход в процессе физического воспитания дошкольников обеспечивает переход от управления к

самоуправлению, которое формируется на основе внутренних и внешних механизмов личности и способствует формированию субъектности ребенка.

Задачей разработанной модели является переход от «навязанных» педагогом действий к самостоятельным действиям ребенка; таким образом у ребенка повышается уровень инициативы в процессе двигательной активности. Основным принципом модели является нелинейное построение учебного материала, что ведет к свободе выбора и вариативности двигательной деятельности. Очень важно отметить, что, наблюдая за ребенком во время самостоятельной двигательной активности, можно определить его интересы и потребности.

Построение модели физического воспитания дошкольников опирается на основные принципы образовательной системы «Монтессори»: игровая форма обучения, самостоятельное выполнение физических упражнений, индивидуализация процесса физического воспитания, подготовленная развивающая предметно-пространственная среда.

Рассмотрим более подробно разработанную модель физического воспитания дошкольников. Организационный компонент данной модели в рамках педагогической системы М. Монтессори включает в себя такие факторы, как организация образовательной предметно-пространственной среды спортивного зала; презентация спортивного инвентаря и методического материала; установка границ работы со спортивным инвентарем и методическим материалом; установка отведенного времени для самостоятельной двигательной деятельности в спортивном зале.

В спортивном зале ребенку должен быть доступен свободный выбор спортивного инвентаря и методического материала, который подчиняется принципу многовариантности. И спортивный инвентарь, и методический материал должны быть размещены в свободном доступе, на уровне глаз дошкольника – не выше 1 м от пола; такое расположение предметов является для ребенка призывом к действию. Спортивный зал разделяется на части, которые визуально разграничены; каждая секция предназначена для работы с одним предметом.

Во время презентации спортивного инвентаря и методического материала педагог рассказывает, из в каком виде спорта используется данный инвентарь, предоставляет детям информационную сводку о данном виде спорта с помощью лепбука, который остается в группе, так что ребенок может в любое время еще раз обратиться к интересующей его информации.

Педагог обучает детей технике выполнения физических упражнений со спортивным инвентарем и методическим материалом на основе принципа доступности, последовательно усложняя работу с ними. При этом ребенок самостоятельно может находить варианты выполнения физических упражнений, что развивает его творческие способности. В процессе презентации педагог может использовать современные технические средства для обеспечения метода наглядности и формирования навыков работы с инвентарем или методическим материалом.

Презентацию можно проводить как при индивидуальной, так и при групповой работе.

Перед выполнением физических упражнений со спортивным инвентарем и методическими материалами необходимо установить границы его использования: аккуратное отношение к спортивному инвентарю и методическому материалу; возможность работы только с тем инвентарем и материалом, который уже знаком, т.е. только с теми предметами, которые были презентованы педагогом; самостоятельность в выборе предмета для индивидуальной работы; на групповом занятии ребенок может использовать инвентарь и материал только так, как он был презентован педагогом; на индивидуальном занятии дошкольник может использовать инвентарь и материал придумывая разные способы работы с ним; на этапе начального обучения двигательному действию ребенок выполняет физические упражнения с предметом один, чтобы сосредоточиться на выполнении физического упражнения (если выбранный дошкольником спортивный инвентарь или методический материал занят, он дожидается окончания работы другого участника, наблюдая за его действиями, или выберет другой предмет).

В последнем случае в процессе наблюдения за работой другого участника у ребенка возникает возможность самостоятельно увидеть и проанализировать типичные ошибки работы с предметом.

Процессуальный компонент модели включает в себя групповую и индивидуальную работу. Перед индивидуальными и групповыми занятиями инструктор по физической культуре проводит подготовительную

часть занятия, применяя общеразвивающие упражнения на месте / в ходьбе / в беге.

Проведение индивидуальных занятий подразумевается в процессе свободной двигательной деятельности дошкольников, время которой определяется для каждой группы, в расчете на один час в день. В указанное время ребенок может прийти в спортивный зал, выбрать инвентарь или материал и выполнить двигательные действия с ними. Продолжительность индивидуальной работы 15 мин, по истечении этого времени дошкольник возвращается в группу, а в зал может прийти другой ребенок.

Деятельность педагога в процессе физкультурно-спортивного занятия сводится к представлению спортивного инвентаря и методического материала, проведению подготовительной части занятия, контролю по передвижению участников во время групповой работы, контролю выбора инвентаря и материала в спортивном зале и обеспечения техники безопасности при проведении занятия.

Мы отследили динамику уровня двигательной подготовленности дошкольников, проведя тестирование повторно и выявив различия между группами в начале педагогического эксперимента и в конце.

Из результатов, представленных на рис. 2, видно, что показатель теста «Прыжок в длину с места» у дошкольников экспериментальной группы статистически достоверно выше, чем у дошкольников контрольной группы ($p = 0,03$).

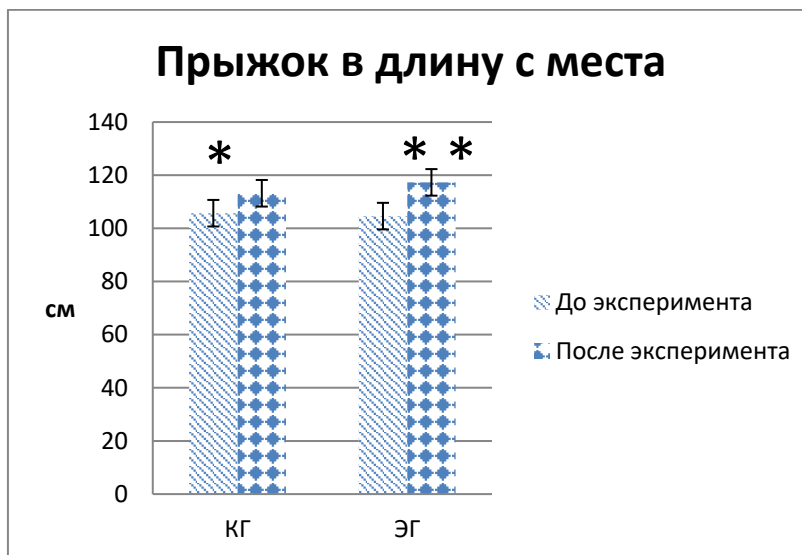

Рис. 2. Показатели детей дошкольного возраста в тесте «прыжок в длину с места»; ЭГ (n = 30 чел) и КГ (n = 30 чел) до и после эксперимента

* Значение статистически значимого различия между показателями КГ и ЭГ после педагогического эксперимента, $p < 0,05$.

Анализируя показатели теста «ловля мяча с расстояния 5 м», мы определили, что в контрольной и экспериментальной группах показатель улучшился (с 1,8 до 2,6 усл. ед и с 1,5 до 3,4 усл. ед., соответственно).

Следует отметить, что при этом наблюдаются статистически достоверные различия между значениями показателей в контрольной и экспериментальной группах ($p = 0,01$).

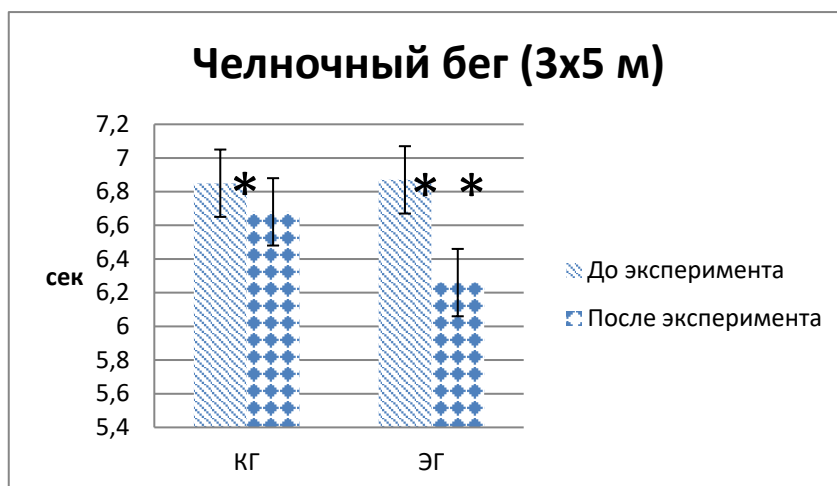

Рис. 3. Показатели челночного бега (3x5 м) детей дошкольного возраста ЭГ (n = 30 чел) и КГ (n = 30 чел) до и после эксперимента
* Значение статистически значимого различия между показателями КГ и ЭГ после педагогического эксперимента, $p < 0,05$.

При анализе результатов двигательного теста «челночный бег», показывающего уровень проявления скоростных и координационных способностей ребенка,

были выявлены статистически достоверные различия между значениями показателей в контрольной и экспериментальной группах ($p = 0,01$, рис. 3).

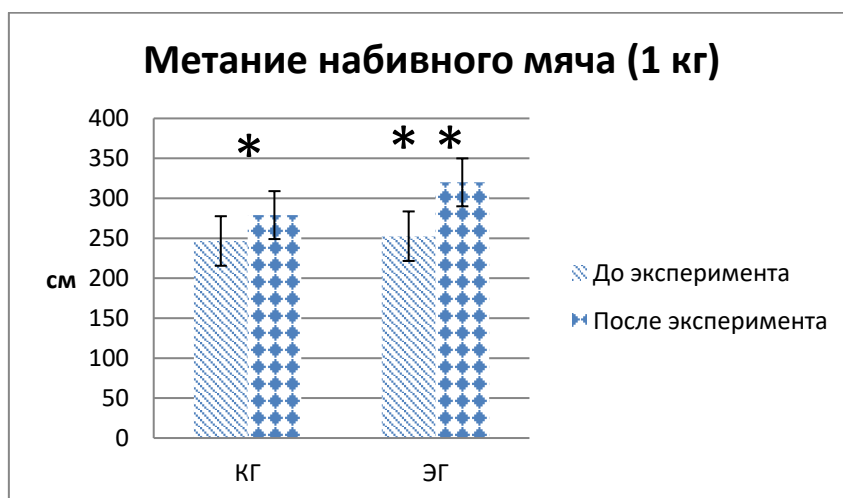

Рис. 4. Показатели теста «метание набивного мяча (1 кг)» детей дошкольного возраста ЭГ (n = 30 чел) и КГ (n = 30 чел) до и после эксперимента

* Значение статистически значимого различия между показателями КГ и ЭГ после педагогического эксперимента, $p < 0,05$.

После повторного педагогического тестирования было выявлено, что показатели теста «метание набивного мяча (1 кг) из-за головы» в обеих группах достоверно улучшились.

Следует отметить, что в экспериментальной группе изменения были более значительными: $p = 0,01$ (см. рис. 4).

В процессе внедрения было установлено, что разработанная модель, как и традиционная методика физического воспитания дошкольников, показала свою эффективность в тесте «наклон вперед из положения сидя», направленном на

выявление уровня такого физического качества, как гибкость.

В контрольной группе результат улучшился с 3,2 до 4 см, тогда как в экспериментальной – с 2,8 до 3,8 см, статистически достоверных различий между группами выявлено не было ($p = 0,7$).

Приведенные результаты свидетельствуют об эффективности разработанной модели в формировании двигательных умений и навыков, направленных на развитие скоростно-силовых и координационных качеств ребенка, а также на развитие навыков и умений в работе со спортивным инвентарем.

Улучшение показателей двигательной подготовленности мы связываем с организацией физического воспитания дошкольников в процессе их самостоятельной двигательной деятельности. Так как на сегодняшний день совместно организованная деятельность в процессе физического воспитания в дошкольных образовательных учреждениях составляет 1/10 всего времени в режиме дня ребенка.

Исследования в области двигательной подготовленности детей дошкольного возраста показывают, что совместная двигательная деятельность в дошкольных учреждениях проводится 3 раза в неделю и не обеспечивает физиологически обоснованной двигательной нагрузки на функциональные системы организма ребенка, не говоря уже о том, что отведенного времени недостаточно для формирования двигательных умений и навыков.

Таким образом, разработанная модель направлена на организацию такой формы физического воспитания дошкольников, которая создает благоприятные условия для их продуктивной самостоятельной двигательной деятельности на основе принципа

индивидуализации обучения, что согласуется с основными идеями педагогической системы М. Монтессори.

Выводы. Модель физического воспитания детей дошкольного возраста, базирующаяся на интеграции личностно-ориентированного, деятельностного, синергетического и технологического подходов в педагогической системе М. Монтессори, показала свою эффективность.

В результате исследования можно отметить положительную динамику показателей, отражающих уровень двигательной подготовленности дошкольников после педагогического эксперимента. По окончании эксперимента при сравнении показателей двигательной подготовленности, демонстрируемых экспериментальной группой до и после эксперимента, статистически значимые различия выявлены в двигательных тестах: «ловля мяча с расстояния 5 м», усл. ед.; «челночный бег, 3×5 м», с; метание набивного мяча (см), что указывает на эффективность предлагаемой модели физического воспитания дошкольников в возрасте 5–6 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хилтунен Е.А. Детский сад по системе Монтессори. От 3 до 8 лет : методические рекомендации для педагогов. М. : Национальное образование, 2016. 312 с.
2. Зекряева М.С. Актуальность метода М. Монтессори в современном образовании // Путь в педагогическую науку: проблемы и решения. 2020. № 6 (10). С. 34–38.
3. Рогожина В.В. Философия свободного развития ребенка в педагогике Марии Монтессори // Путь в педагогическую науку: проблемы и решения. 2020. № 6 (10). С. 45–52.
4. Рычагова Е.С., Кондратьева Н.Л. Педагогическое наследие Марии Монтессори в отечественном дошкольном образовании // Детский сад от А до Я. 2020. № 4 (106). С. 22–37.
5. Зарединова Э.Р., Рогожина В.В. Роль педагога в Монтессори-системе // Путь в педагогическую науку: проблемы и решения. 2020. № 6 (10). С. 27–34.
6. Модекин А.А., Прокофьева Е.Н. Критерии наблюдения за развитием самостоятельности и пути самоорганизации в начальной Монтессори-школе // Народное образование. 2020. № 2 (1479). С. 165–172.
7. Сосуновский В.С. Структура и содержание психомоторной подготовленности детей 11–12 лет // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 236–240.
8. Востриков В.А. Процессуально-содержательная характеристика физической культуры в аспекте формирования личности // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 5. С. 119–121.
9. Сосуновский В.С. Влияние олимпийского образования на самооценку детей в условиях детского образовательно-оздоровительного лагеря // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 199–201.
10. Фалалеева М.В., Чупрова Е.Д. Мониторинг использования методик раннего развития и способов повышения двигательной активности в дошкольных образовательных учреждениях г. Красноярска // Физическое воспитание, спорт, физическая реабилитация и рекреация: проблемы и перспективы развития: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 19 мая 2018 г. Красноярск, 2018. С. 103–108.
11. Загrevская А.И., Сосуновский В.С., Зальмеж Т.Н. Психомоторные особенности детей старшего дошкольного возраста // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 5. С. 13–21.
12. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. М. : Педагогика, 1986. Т. 1. 320 с.
13. Сериков В.В. Опыт научно-педагогической школы личностно-развивающего образования // Вестник Воронежского государственного университета. 2018. № 2. С. 11–18.
14. Якиманская И.С. Концепция личностно-ориентированного образования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 5 (110). С. 36–40.
15. Сосуновский В.С., Сухоставская К.В., Веревкина Е.О. Взаимосвязь компонентов кинезиологического потенциала дошкольников 5–6 лет // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 2. С. 191–194.
16. Цукерман Г.А. и др. О критериях деятельностной педагогики // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 3. С. 105–116.
17. Громько Ю.В., Давыдов – основатель деятельностной практики образования // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 5. С. 5–18.
18. Худик С.С., Чикуров А.И., Войнич А.Л., Радаева С.В. Функциональная асимметрия как биологический феномен сопутствующий спортивному результату // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 193–202.
19. Исаев Е.И. Деятельностный подход в педагогическом образовании: становление и реализация // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 5. С. 109–119.
20. Радаева С.В. и др. «Спорт без проигравших»: соревновательная модель на базе равновесия НЭША // Теория и практика физической культуры. 2018. № 10. С. 101–102.
21. Горшкова Е.В., Рыжова Е.Ю. Психолого-педагогическая оценка развития движений у детей 5–7 лет // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 3. С. 85–94.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 23 января 2021 г.

Vadim S. Sosunovskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

Alexandra I. Zagrevskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: a-zagrevskaya@ya.ru

Maria D. Akinina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maakin1993@yandex.ru

Svetlana V. Radaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetlanaradaeva70@mail.ru

Keywords: preschoolers; Montessori pedagogical system; physical education.

To date, in the programs implemented according to the Montessori method, the section “Physical Education” has not been adapted. The section is aimed at developing the child’s general culture, physical qualities and basic motor skills. In the process of physical education, the values of Maria Montessori are not realized. The Montessori pedagogical system is among the most relevant ones today as modern education is focused on the individualization of learning. The development of health in preschool children depends on their well-organized physical education, which should be directed towards the children’s harmonious development and considered in an integrative relationship with the various sections of the preschool education program (artistic, aesthetic, educational, verbal and socio-communicative development). The aim of the research is to develop the structure and content of the model of physical education of preschool children in the Montessori pedagogical system and check its effectiveness in a pedagogical experiment. To reach this aim, the following research methods were used: pedagogical observations, modeling, pedagogical testing, pedagogical experiment, mathematical and statistical data processing. In the course of the pedagogical experiment, a control (15 girls and 15 boys) and an experimental (15 girls and 15 boys) group were formed; a total of 60 five- and six-year-old pupils of the Montessori preschool educational institution in Tomsk took part in the study. To assess the effectiveness of the developed model, the following tests were selected: shuttle run 3x5 m, standing long jump, medicine ball throw, seated forward bends, ball catching at a distance of 5 meters. The model of preschoolers’ physical education based on the integration of personality-oriented, activity-based, synergetic and technological approaches in the Montessori pedagogical system has shown its effectiveness. The research shows a positive dynamics of indicators reflecting the level of preschoolers’ motor readiness after the pedagogical experiment. At the end of the experiment, when comparing the indices of motor readiness demonstrated by the experimental group before and after the experiment, statistically significant differences were revealed in motor tests (ball catching at a distance of 5 m, shuttle run (3x5 m), medicine ball throwing), which indicates the effectiveness of the proposed model of five- and six-year-old preschoolers’ physical education.

REFERENCES

1. Kihlunen, E.A. (2016) *Detskiy sad po sisteme Montessori. Ot 3 do 8 let: metodicheskie rekomendatsii dlya pedagogov* [Kindergarten according to the Montessori system. From 3 to 8 years old: guidelines for teachers]. Moscow: Natsional'noe obrazovanie.
2. Zekr'yaeva, M.S. (2020) Aktual'nost' metoda M. Montessori v sovremennom obrazovanii [The relevance of the Montessori method in modern education]. *Put' v pedagogicheskuyu nauku: problemy i resheniya*. 6 (10). pp. 34–38.
3. Rogozhina, V.V. (2020) Filosofiya svobodnogo razvitiya rebenka v pedagogike Marii Montessori [Philosophy of free development of the child in the pedagogy of Maria Montessori]. *Put' v pedagogicheskuyu nauku: problemy i resheniya*. 6 (10). pp. 45–52.
4. Rychagova, E.S. & Kondrat'eva, N.L. (2020) Pedagogicheskoe nasledie Marii Montessori v otechestvennom doskol'nom obrazovanii [The pedagogical heritage of Maria Montessori in the domestic preschool education]. *Detskiy sad ot A do Ya*. 4 (106). pp. 22–37.
5. Zaredinova, E.R. & Rogozhina, V.V. (2020) Rol' pedagoga v Montessori-sisteme [The role of the teacher in the Montessori system]. *Put' v pedagogicheskuyu nauku: problemy i resheniya*. 6 (10). pp. 27–34.
6. Modekin, A.A. & Prokof'eva, E.N. (2020) Kriterii nablyudeniya za razvitiem samostoyatel'nosti i puti samoorganizatsii v nachal'noy Montessori-shkole [Criteria for monitoring the development of independence and the path of self-organization in the elementary Montessori school]. *Narodnoe obrazovanie*. 2 (1479). pp. 165–172.
7. Sosunovskiy, V.S. (2015) The structure and content of psychomotor preparedness of children aged 11-12. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 236–240. (In Russian).
8. Vostrikov, V.A. (2011) Protsessual'no-soderzhatel'naya kharakteristika fizicheskoy kul'tury v aspekte formirovaniya lichnosti [Procedure and content characteristics of physical culture in the aspect of personality formation]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya – International Journal of Experimental Education*. 5. pp. 119–121.
9. Sosunovskiy, V.S. (2015) Effects of the Olympic education on the self-esteem of children in children’s educational and health camps. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 199–201. (In Russian).
10. Falaleeva, M.V. & Chuprova, E.D. (2018) [Monitoring the use of early development techniques and ways to increase physical activity in preschool educational institutions of Krasnoyarsk]. *Fizicheskoe vospitanie, sport, fizicheskaya reabilitatsiya i rekreatsiya: problemy i perspektivy razvitiya* [Physical education, sports, physical rehabilitation and recreation: problems and development prospects]. Conference Proceedings. Krasnoyarsk. 19 May 2018. Krasnoyarsk. pp. 103–108. (In Russian).
11. Zagrevskaya, A.I., Sosunovskiy, V.S. & Zal'mezh, T.N. (2018) Psychomotor features preschool children. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 23 (5). pp. 13–21. (In Russian). DOI: 10.17759/pse.2018230502
12. Zaporozhets, A.V. (1986) *Izbrannye psikhologicheskie trudy: v 2 t.* [Selected works: In 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
13. Serikov, V.V. (2018) Opyt nauchno-pedagogicheskoy shkoly lichnostno-razvivayushchego obrazovaniya [Experience of a scientific and pedagogical school of personality developmental education]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 11–18.
14. Yakimanskaya, I.S. (2010) Kontsepsiya lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya [The conception of personality-oriented education]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (110). pp. 36–40.
15. Sosunovskiy, V.S., Sukhostavskaya, K.V. & Verevkina, E.O. (2018) The interrelation of the components of kinesiological potential of preschoolers aged 5 to 6. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 191–194. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/427/26
16. Tsukerman, G.A. et al. (2019) On the Criteria of Activity-Based Education. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 15 (3). pp. 105–116. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2019150311
17. Gromyko, Yu.V. (2020) Vasiliy Davydov: The Founder of Activity Practice in Education. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 25 (5). pp. 5–18. (In Russian). DOI: 10.17759/pse.2020250501
18. Khudik, S.S., Chikurov, A.I., Voynich, A.L. & Radaeva, S.V. (2017) Functional asymmetry as a biological phenomenon associated with athletic performance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 193–202. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/29

19. Isaev, E.I. (2020) Activity Approach in Teacher Training: Formation and Implementation. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 25 (5). pp. 109–119. (In Russian). DOI: 10.17759/pse.2020250509
20. Radaeva, S.V. et al. (2018) Loser-free competitive model based on Nash equilibrium. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 10. pp. 101–102. (In Russian).
21. Gorshkova, E.V. & Ryzhova, E.Yu. (2019) Psychological and Pedagogical Assessment of Movement Development in Children of 5—7 years. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 24 (3). pp. 85–94. (In Russian). DOI: 10.17759/pse.2019240308

Received: 23 January 2021

Р.М. Шерайзина, М.В. Александрова, З.Б. Ефлова

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА И СЕЛЬСКИЙ УЧИТЕЛЬ: ПРОДУКТИВНЫЕ РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-113-50374.

Сравниваются современная социокультурная образовательная ситуация, особенности сельской школы и профессиональной деятельности сельского учителя, подготовка сельских учителей к профессиональной деятельности в разных странах и выявляются продуктивные практики, потенциальные к изучению и диссеминации. На основе сопоставления аргументируется необходимость специальной профессиональной подготовки и дополнительного профессионального образования сельского учителя, выдвигаются идеи персонализированной подготовки и создания сетевого центра «Земский учитель».

Ключевые слова: социокультурная ситуация в сельской местности; сельская школа; школа как социокультурный образовательный центр на селе; продуктивные практики; сельский учитель; персонализированная подготовка сельского учителя; сетевой центр «Земский учитель».

Актуальность исследования. «Мир VUCA» – одно из множества эксцентричных определений современности, появившееся в конце прошлого века. Аббревиатура означает: Volatility – отсутствие стабильности; Uncertainty – неясность; Complexity – запутанность; Ambiguity – неоднозначность. Определением «VUCA» констатированы неопределенность, изменчивость современного мира, что в полной, если не в большей, мере относится к сельской школе и к профессиональной деятельности сельского учителя. Пандемия 2020 г. приумножила напряжённость социально-экономической и социокультурной образовательной ситуации на селе: сельская школа и сельский учитель оказались в усугубившейся неустойчивости настоящего и неопределённости будущего.

Мировая статистика показывает, что сельское население мира сейчас составляет более 50%. В развитых государствах Европы, Северной Америки и в Австралии оно представляет значительно менее четверти жителей, а развивающихся странах Азии составляет 70%, Африки – 80% населения. В России к сельскому относится более 25% населения при плотности расселения 8,57 чел./км² (181-я страна в рейтинге) [1–3].

Развитие сельских территорий России в эпоху цифровизации общества и образования, реализации законов о собственности и аренде, о местном самоуправлении, смены социально-экономического уклада определяется изменениями в общественном сознании, связано с возрождением культуры и подъёмом образования. Фактическим исполнителем культурно-образовательной функции на селе является школа, непосредственным – сельский учитель.

Методологические подходы исследования

В качестве основных в данном исследовании определены социокультурный, дефицитарный и амбивалентный подходы.

Истоки *социокультурного подхода* к образованию находим в философии социального конструктивизма (П. Бергера, К. Джержена, Т. Лукмана), в философско-педагогических идеях Д. Дьюи о роли образования в обществе, о взаимодействии и взаимовлиянии образования и социума, в психологических трудах

Ж. Пиаже и Л.С. Выготского о социокультурной природе высших психических функций и социальной обусловленности развития человека. Социокультурная обусловленность деятельности сельской школы и сельского учителя находят отражение в работах многих современных исследователей:

– в России – Л.В. Байбородова, М.П. Гурьянова, О.В. Коршунова, Г.Е. Котыкова, Е.Е. Сартакова, Г.Ф. Суворова, Р.М. Шерайзина, А.М. Цирульников и мн. др.;
– в странах зарубежья –Т. Hascher (Австрия), L.M. Hargreaves (Великобритания), M.G. Arroyo (Бразилия); B. Ashton, A. Hargreaves, W. Kelly Wayne, D. Shirley (Канада), D. Marjolein (Нидерланды), A. Azano, C. Biddle, P. DiMaggio, D. Helge, D. Verstegen (США), O. Autti, E.K. Нуру-Beihammer, E. Kalaoja, E. Korpinen, J. Pietarinen, P. Sahlberg (Финляндия), S.R. Kucrova (Чехия) и др.

Современный период модернизации российской системы образования позиционируется как социокультурный этап реформирования (А.Г. Асмолов и др.), ориентированный на национальные ценности, на актуализацию и поддержку региональных аспектов преобразований, но на практике, на наш взгляд, доминируют тренды глобализации – единообразие и унификация через повсеместную стандартизацию, аккумуляцию с приоритетом урбанистической культуры и др.

Под социокультурным подходом к модернизации и развитию образования рассматривается, прежде всего, равноправный диалог мировой, национальной культур и культур многочисленных народов большой страны, основанный на паритете общечеловеческих, общегосударственных, региональных и локальных ценностей и интересов [4].

Дефицитарный подход к анализу педагогических явлений широко применяется в педагогической науке и в управлении образованием (современные концепции и программы развития образования основываются на анализе дефицитов). Некорректное использование данного подхода в отношении сельской школы и сельского учительства, к сожалению, может привести к принятию неоднозначных управленческих решений.

Предупреждением «перегибов» может выступить *амбивалентный подход* к анализу и оценке социально-педагогических явлений. Амбивалентность в понимании своеобразия социокультурной образовательной ситуации на селе, особенностей сельской школы и специфики сельского учителя подводит к выявлению как сильных, так и слабых сторон; как положительных, так и отрицательных аспектов.

Верификация положений трёх походов – их согласование, проверка и подтверждение – делает возможным конструктивную ориентацию в направлениях развития сельской школы, её воспитанников и педагогов, позитивных изменений социокультурной образовательной ситуации сельских поселений.

Источники исследования

Источниками для сравнения и обобщения являются результаты теоретических и эмпирических исследований учёных из разных стран мира. Используются: данные таких масштабных международных исследований, как PISA, TESIS, а также их аналитика; опубликованные материалы иностранных и отечественных исследователей, изучающих данную проблематику в теории и практике образования в своих странах и за рубежом; материалы и документы управления образованием разных стран, международная статистика и информация СМИ.

Представлены результаты работ отдельных российских и иностранных ученых и международных коллективных исследований.

Принципиально принимаем высказывание В.П. Борисенкова, который говоря о сотрудничестве России и Китая, отметил важность совпадения стремлений учёных «к созданию отвечающей специфике национальных условий своеобразного сочетания государственной и рыночной моделей при приоритетности культурологической и духовной функций образования» [5. С. 112].

Социокультурная ситуация в сельской местности

В общем плане под социокультурной ситуацией принято понимать многомерное пространство, включающее социокультурную среду и сферы жизнедеятельности людей. Образование, составляющая социокультурной ситуации, является одной из важнейших сфер активности человека и одновременно фактором преобразования среды.

На основании ведущих идей социокультурного подхода, разработанного А.М. Цирульниковым, можно утверждать, что учёт множества условий развития социокультурной образовательной ситуации на селе следует осуществлять по двум параметрам: «локальной культурно-исторической традиции и уровню развития современного социокультурного фона территории» [4].

А. Echazarrа и Т. Radinger – эксперты международной организации OECD, в составе которой почти 40 стран, где проживает 18% населения планеты, утверждают, что при всём различии сельских территорий есть общие черты, определяющие сельские сообщества, которые должны учитываться при разработке образовательной политики в сельских территориях [6. С. 11].

Исследователи выделяют следующие показатели своеобразия образовательной ситуации в сельской местности (What makes rural are as different? – Что отличает сельскую местность от других?):

- географическое расстояние (Geographical distance);
- небольшая численность населения (Small population size and sparse population);
- уменьшение доли населения (A dwindling share of the population);
- низкий социально-экономический статус (Low socio-economic status);
- этнически однородные и социально сплоченные сообщества (Ethnically homogeneous and socially cohesive communities) [6. С. 13].

Воздействие глобализации на экономику, политику, экологию, демографию, образ жизни людей... – практически на все среды и сферы жизнедеятельности человека – произошло и продолжается в городах и сельских территориях современного мира. Едва ли не во всех регионах социокультурная образовательная ситуация в сельских территориях характеризуется как *проблемная*, требующая государственных решений и участия общества.

Урбанизация, отсутствие постоянной работы, низкокачественные цивилизационные условия жизни и труда привели к миграции сельского населения в города. Ежегодно по всему миру значительно сокращается число людей, живущих в селах. В среднем в России за последние десять лет сельское население уменьшилось на 3,1%. [1, 3]. Общемировая тенденция проявляется в сворачивании сети образовательных учреждений в сельской местности и сокращении количества сельских школ.

В Финляндии – одной из мировых лидеров по показателю уровня жизни населения, по словам П. Йонсен (P. Johnsen), «стране маленьких школ» [7. С. 209], после «глобальной рецессии 1990-х годов» количество сельских школ уменьшилось почти на треть [8]. Особенно остро стоит проблема сохранения (!) малокомплектных школ в Лапландии – на севере Финляндии, где проживает коренная малочисленная народность – саамы [9].

Закрытие сельских школ характерно и для тех развивающихся стран, социально-экономическая политика которых направлена на развитие провинций, на поддержку государством сельского хозяйства и агропромышленного комплекса. Например, в Бразилии где в настоящее время реализуется несколько таких программ, с 2010 по 2018 г. было закрыто 21 822 сельских школ, при этом открыто 4 410 городских [10].

Данные Росстата с 90-х гг. по настоящее время фиксируют отрицательную динамику численности общеобразовательных учреждений в нашей стране. В сельской местности произошло сокращение почти в два раза: с 48,6 тыс. до 26,1 тыс. школ. Количество сельских школьников за аналогичный период уменьшилось с 5 903 тыс. до 3 808 тыс. человек. Количество сельских учителей с 2000 по 2013 г. снизилось на 40% – с 1 751 до 1 042 тыс. чел., а в 2014 г. – до 1 061 тыс. чел. [1].

С конца XX в. тенденция закрытия более всего затронула малочисленные малокомплектные школы сельских поселений России. Упразднение сельской малокомплектной школы под эгидой экономически выгодной оптимизации образовательных учреждений привело к появлению на селе многочисленных социальных проблем, породило ситуации социальной напряжённости из-за обеспокоенности родителей за безопасность в связи с подвозом детей [11], из-за недовольства учителей, оставшихся без работы [12], и сельских жителей, лишившихся школы как единственного культурно-образовательного социального института села [13].

Для многих развивающихся стран большой проблемой развития образования является неравномерность расселения и этническая неоднородность состава населения, проживающего в отдалённых территориях. Так, исследователи отмечают, что в приграничных горных районах Китая проживают многочисленные малые народности, говорящие на национальных языках, что предполагает двуязычие образования, а бедность этих территорий становится препятствием для создания и нормального функционирования образовательных учреждений [14–18]. Неравномерность расселения на обширных территориях государства, мононациональный состав населения отдалённых районов характерны и для многонациональной России.

Пути и способы решения проблем сельских территорий детерминированы внешними и внутренними обстоятельствами, обусловлены социально-экономической политикой страны в отношении ее сельских поселений, в свою очередь, определяющей образовательную политику в сельской местности. Отличия в образовательной политике на селе начинаются с понимания значения образования в развитии региона и его территорий, с признания или непризнания особенностей функционирования сельской школы и специфики труда сельского учителя.

Приведём примеры модернизации, начавшейся на стыке XX–XXI вв. и охватившей многие страны мира.

В Бразилии право на образование в сельской местности, соответствующее его социально-культурному разнообразию, закреплено на законодательном уровне, основано на статье Закона о национальных руководящих принципах и основах Бразилии. Согласно закону, образование сельского населения должно способствовать его адаптации к особенностям сельской жизни и соответствовать реальным потребностям и интересам сельских обучающихся, что является требованием к учебным программам сельской школы. Требования к организации жизнедеятельности образовательных организаций в сельских поселениях заключаются в согласованности школьного календаря этапам сельскохозяйственного цикла, климатическим условиям, характеру работы в сельской местности [10].

Реструктуризация системы образования в сельской местности КНР (с 2001 г.), проводившаяся путём укрупнения больших и закрытия маленьких школ, перевода сельских детей в интернаты, привела к росту отсева школьников. Экономическое положение кре-

стьянских семей ухудшилось. Произошла перегрузка городских школ [18. С. 35]. По плану 13-й пятилетки и курса на «Долгосрочную реформу образования и программу плана развития (2010–2020 гг.)» в Китае акценты образовательной политики развития образования в сельской местности были смещены на сохранение (и даже восстановление) сельских школ. В настоящее время в КНР работают десятки тысяч школ с 3–5 обучающимися, а в горных национальных районах сохраняются школы с 1 учеником. В целях обеспечения возникшей потребности в педагогических кадрах особой категории в Северо-Восточном педагогическом университете (Northeast Normal University) КНР открылся Институт сельского образования [19].

Меры, предпринимаемые Правительством Российской Федерации с 90-х гг. прошлого столетия, несколько улучшили положение образования в сельской местности отдельных регионов, но не привели к системным изменениям в масштабах всей страны. Реализуемые в настоящее время «Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года» [20], Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 года» [21] и другие государственные меры направлены на преодоление затянувшегося социально-экономического кризиса в российских селах, рассматривают образование как важнейший фактор и как один из значимых показателей благополучия сельских жителей. Однако реформирование системы образования на селе путём оптимизации, где социальные и педагогические факторы вторичны, продолжается, хоть и в меньших масштабах. Глубинное следствие такой модернизации, считает М.Б. Буланова, в смене отношения сельчан к образованию: оставаясь терминальной ценностью, оно теряет свою инструментальную ценность для сельского образа жизни [11. С. 228].

Пёструю картину социокультурной образовательной ситуации в сельской местности регионов мира первой четверти XXI в. отражают три обобщающие характеристики: *дифференцированность, противоречивость и неустойчивость*.

Сельская школа

Существование различий между образованием в сельской местности и в городе признаётся как в России, так в развитых и развивающихся странах мира. Принимаем его за нормативный, когда речь идёт о признании своеобразия социокультурной, соответственно, образовательной ситуации на селе как её составной части, за естественное следствие взаимообусловленности особенностей функционирования сельской школы и специфики профессиональной деятельности сельского учителя.

Миссия сельской школы многозначная, мультипликативная. Современные российские и зарубежные исследователи отводят сельской школе значительную роль в сельском поселении, определяют её как: американские учёные – «сердце сельского сообщества» [22], финские – «производителя и хранителя местного социального капитала» [8], индийские – «местное благополучие» [23], российские – «очаг культуры и

образования» и «хранительница села». Нидерландский исследователь Д. Марьёлейн (D. Marjolein) предупреждает, что потеря школы в деревне имеет глубокие последствия для местного сообщества [24].

Собирательный портрет современной сельской школы мира (и России) представляет собой неоднородный, разноликий образ, общими чертами которого остаются её расположение вне городов, близость к природному окружению, непосредственная связь с народной культурой и местным сообществом. Облик каждой конкретной сельской школы более отличен, чем единообразен, поскольку различны и часто контрастны условия её жизнедеятельности, её демографические, педагогические и материальные ресурсы в их зависимости, прежде всего, от уровня социально-экономического развития страны, региона, муниципалитета и локальной территории.

Р.М. Шерайзина, Л.В. Байбородова и другие российские исследователи относят к особенностям сельской школы: удалённость от социально-экономических, культурно-образовательных центров; обусловленность социально-экономическим положением поселения; включенность в сельскохозяйственное производство; малочисленность педагогического и ученического коллектива; многопрофильность и сменяемость деятельности учителей; слабую материально-техническую оснащённость школ [25, 26]. З.Б. Ефлова выделяет традиционные особенности, детерминированные современными обстоятельствами, и дополняет варианты неоднозначности [13].

Сельские школы повсеместно представлены в системах образования разных стран. Характеризуя сельские школы такого развитого, с высокой плотностью населения европейского государства, как Нидерланды, Д. Марьёлейн (D. Marjolein) представляет их как малочисленные, начальные, руководимые небольшой профессиональной командой педагогов, с небольшими школьными бюджетами. Исследователь называет следующие «риски» сельских школ: дороговизна образования в условиях малочисленности, отставание в когнитивном и некогнитивном развитии учащихся в разноуровневых классах (совмещённых, разновозрастных), социализация в условиях меньшего опыта работы в группах [24].

Наиболее существенные, с точки зрения исследователя Сюецзяо, проблемы сельских малокомплектных школ Китая: слабое кадровое обеспечение, низкий уровень квалификации учителей, перегрузки и отток педагогов; неудовлетворительные материальные условия; несовершенные механизмы управления; низкое качество образования; противоречивый китайский опыт развития сельской малокомплектной школы [18].

В отечественных и в зарубежных исследованиях, сопоставляющих образование в городе и в селе, часто применяется понятие «разрыв», преподносимый в негативном контексте, как маркер более низкого, худшего в сравнении с городом.

Анализируя продуктивность образования российских школьников по итогам Программы международной оценки учащихся PISA с 2000 по 2009 г., исследователи Амини и Новорожкин (С. Amini & E. Nivorozhkin) констатируют устойчивый положи-

тельный разрыв между результатами тестов городских и сельских учащихся. Более высокие показатели в городах и крупных поселениях они объясняют различиями в социально-экономическом положении учащихся [27].

Данные PISA 2015 показывают, что в среднем по странам ОЭСР учащиеся городских школ имеют более высокие показатели по школьным учебным предметам. Однако, например, по естественному сельские школьники Бельгии, Великобритании и США опережают учащихся городских школ, а в нескольких странах, включая Коста-Рику, Германию, Израиль и Испанию, нет различий.

Разрыв более заметен в намерениях школьников в продолжении обучения на более высоком уровне. PISA 2015 показывает, что в среднем в странах ОЭСР примерно половина городских учеников рассчитывают получить высшее образование, по сравнению с только 30% учащихся сельских школ. А. Ечазарра и Т. Радингер (А. Echazarra & Т. Radinger) отмечают, что такие проблемы предоставления образования в сельской местности, как неразвитая инфраструктура или нехватка квалифицированных учителей, не универсальны. Они практически отсутствуют в ряде развитых стран. Однако разница между городскими и сельскими выпускниками школ в возможностях получения последними высшего образования сохраняется [6].

По данным исследования Высшей школы экономики 2020 г., средняя наполняемость сельских школ России – 166 обучающихся, а городских – 700; средний показатель количества обучающихся на одного педагога – 17,8 в городских школах и 9,4 в сельских [28]. Большая часть современных российских сельских образовательных учреждений относится к малочисленным (до 100 обучающихся), а более половины из них – к малокомплектным школам.

Совместное или совмещённое обучение – распространённая форма организации обучения во всем мире, как в развитых, так и в развивающихся странах: она есть в Скандинавии и в Соединённом Королевстве, в странах Средней и в большинстве канадских провинций, а также в некоторых американских штатах. Такой формат особенно популярен в сельской местности, поскольку он позволяет стабилизировать нормы учебных групп в малочисленных регионах для предотвращения закрытия школы (Kalaoja & Pietarinen) [29].

Российские исследователи С.А. Авдеев, А.Е. Кондратенков, М.И. Зайкин, Г.Ф. Суворова пишут об особой дидактике малокомплектной школы, настаивают на необходимости применения учителем класскомплекта специальных методик и иных технологий организации образовательного процесса в условиях малокомплектности [30].

В отечественный перечень продуктивных практик обучения в условиях малокомплектности сегодня входят: методика совмещённого обучения Г.Ф. Суворовой, система обучения и воспитания в разновозрастной группе (РВГ) Л.В. Байбородовой, метод КСО (коллективный способ обучения) В.К. Дьяченко, система не классно-урочной организации обучения в

опыте сельских школ Красноярского края и Республики Карелия.

Испанский исследователь Л. Доминго-Пеñафил (L. Domingo-Peñafiel) приводит доводы в пользу обучения в небольших классах сельских школ и считает, что оно может быть успешно применено в городских школах [31].

Потенциальными, по мнению Э. Корпинен (E. Korpinen), для развития современной сельской малочисленной школы являются: деятельность сельской школы как сервисного центра поселения, расширение «домашнего» (семейного) и школьного сотрудничества, включение образовательного учреждения в социальную жизнь села и сельского сообщества в образование [32].

В России и за рубежом есть немало учёных, считающих, что при оценке продуктивности/результативности сельской школы необходимо учитывать специфику организации образовательного процесса, её отражение на качестве жизни сельских детей и взрослых [33, 34].

Финские учёные констатируют, что на статус современной «идеальной» школы претендуют две модели учреждений: одна – высокотехнологическая, с широким выбором образовательных услуг, другая – с уютной «семейной» атмосферой, близкая к природе и окружающей среде «деревенская» школа [35]. Последнюю они признают более комфортной и природосообразной детству, способствующей адекватной самоидентификации ребёнка, считают необходимым изучение малочисленной школы как «школы места» и распространение данной школьной культуры [36].

Постперестроечный период реформирования российского образования известен как время апробации инновационных моделей сельских школ. Поиску, разработке и описанию новых для того времени видов сельских образовательных учреждений посвящены исследования С.А. Авдеева, А.З. Андрейко, А.М. Цирульников и др. [30, 38, 19]. Состоялся большой исследовательский проект под руководством Высшей школы экономики (И.В. Абанкина, Т.В. Абанкина и др.), представивший десятки вариантов организации образования на селе, эффективных в условиях множественных дефицитов сложнейшей социально-экономической ситуации на селе [37]. Апробированы идеи создания образовательных пространств сельских территорий (М.В. Груздев), сетевой организации образования и функционирования образовательных сетей (Е.Е. Саргакова).

Первичное звено системы российского образования – сельская школа – представлена несколькими десятками моделей и их модификаций: «школа – детский сад», «школа с филиалами» – «школа-филиал», «базовая/опорная/магнитная школа», «кочевая школа», «мобильная школа» – «мобильный учитель», «учительский дом» и др.

Наиболее жизнеспособными оказались модели «Сельская школа – детский сад» (образовательное учреждение с группами дошкольного образования) и «Сельская школа – социокультурный образовательный центр (комплекс)», сетевая организация образования. Так, результаты нашего исследования показы-

вают, что в настоящее время 35,1% сельских общеобразовательных организаций Республики Карелия имеют в своём составе группы дошкольников, а 49,4% – позиционируют свою школу как социокультурный образовательный центр сельского поселения, половина – входят в состав сетевых объединений разных уровней учреждений образования, культуры, социальной защиты и пр. [12].

Создание образовательных комплексов и сетей объясняется необходимостью решения сложных, многомерных задач, не решаемых в условиях множественных дефицитов отдельными структурами, но потенциальных к решению при интеграции ресурсов и координации деятельности объединяющихся.

Социокультурный образовательный центр (комплекс) на селе – это социально-педагогическая система, создаваемая для решения комплексных проблем социокультурной образовательной ситуации сельского поселения на основе интеграции и оптимального распределения ресурсов её субъектов. В составе центра (комплекса) представлены общеобразовательное учреждение (школа), учреждения дополнительного образования, культуры, социальной защиты и иные социальные институты села; власть, бизнес, производство, образование и культура. Потенциально участие учреждений, общественных организаций и отдельных лиц, представленных в конкретном сельском поселении [37]. Один из примеров продуктивной практики реализации данной модели – социокультурный образовательный комплекс (СКК) села Коткозеро Республики Карелия. Осуществление многочисленных проектов и программ СКК – это результат совместных усилий детей и взрослых. Деятельность комплекса села Коткозеро кровными узами связана с особенностями образа жизни (старинное село), социально-экономической деятельности (сельское хозяйство, собирательство, рыболовство), этнокультурного состава поселения (место компактного проживания карелов) [38].

К обобщающим характеристикам современной образовательной организации в сельской местности относим *множественную полифункциональность, открытость, нестабильность/изменчивость* сельской школы. Последняя характеристика обусловлена возрастающей *малочисленностью* школы.

Сельский учитель

Сельский учитель рассматривается как квалифицированный специалист, имеющий соответствующую профессиональную подготовку (образование), профессиональная деятельность которого осуществляется в условиях сельской школы и сельского социума, а жизнедеятельность – сельского образа жизни.

Традиционная, исторически сложившаяся особенность сельской школы – ведущая роль учителя в образовательном учреждении, где он является главной и нередко единственной фигурой. Признанное определение роли сельского учителя России как «ключевой» подчёркивает его ответственность за процесс и результаты образования сельских детей, но не только (М.В. Александрова, З.Б. Ефлова, Р.М. Шерайзина) [39]. Это положение подтверждают

исследования сельских школ Англии Харгреавеса (L.M. Hargreaves) [40].

Результаты наших и других российских социологических и социально-педагогических исследований [11, 12, 28, 41] констатируют, что в связи с отсутствием специалистов, а также малой нагрузкой сельские педагоги вынуждены преподавать несколько дисциплин. Согласно данным, особенно не хватает учителей иностранного языка и естественно-научных дисциплин (математика, химия, физика, биология). В штатных расписаниях сельских малочисленных школ практически нет психологов, социальных педагогов, логопедов, тьюторов [12, 28]. В настоящее время ряд сельских школ оказались в ситуации, когда основанием для прекращения их деятельности становится не малое количество детей, а отсутствие педагогов.

Ведение нескольких учебных предметов одним учителем (не только на начальном уровне общего образования) зафиксировано исследователями как развитых стран (Канада, Нидерланды) [24, 33], так и развивающихся (Бразилия, Индия, Китай) [10, 18, 23].

При отсутствии специалистов в обязанности учителя отечественной сельской школы входят организация внеурочной деятельности и дополнительного образования, функции логопеда, практического психолога, социального педагога, а также менеджера, непосредственно отвечающего также за юридические, кадровые, хозяйственно-экономические, материально-технические и бытовые и другие аспекты жизнедеятельности сельской образовательной организации [12].

Обязанности эти неуклонно растут, причём в такой закономерности: чем меньше школа, тем больше функций у её педагогов; чем ниже уровень социально-экономического развития и социального благополучия населения сельской территории, тем выше потребность в разных видах помощи сельским детям и семьям со стороны учителя.

Президент Российской Федерации инициировал программу «Земский учитель», стартовавшую в 2020 г. [42]. В первый год реализации проекта в сельские школы и школы малых городов всех регионов РФ выехали 1 800 специалистов. Однако проблема заключается не только в преодолении кадрового дефицита, который растёт несмотря на принимаемые меры, но и в готовности педагогических кадров к профессиональной деятельности в особых условиях сельской школы и к сельскому образу жизни.

Образовательный уровень сельских учителей в разных странах мира отличается: если в Китае учителю малокомплектной школы достаточно иметь начальный уровень профессионального педагогического образования [16], то в Финляндии к педагогической деятельности в общеобразовательной школе допускаются только выпускники вузов, имеющие магистерскую степень [8].

В Российской Федерации средний показатель доли учителей с высшим образованием в сельских школах составляет 77,8% (в городских – 88,4%) [43. С. 89]. По данным исследования, в Республике Карелия 95% директоров сельских школ и почти 80% сельских учи-

телей имеют высшее образование, остальные педагоги – среднее профессиональное педагогическое [12].

В связи с миссионерским предназначением школы на селе и высокой социальной ответственностью труда сельского учителя справедлива постановка вопроса о необходимости его специальной целенаправленной подготовки к выполнению столь ответственного предназначения.

Результаты полевых исследований показывают: сельские учителя называют больший круг проблем и трудностей в освоении и внедрении инноваций, чем в городские. Это относится к ИКТ-технологиям, сотрудничеству с родителями в воспитании детей, поддержке одарённых детей и детей с проблемами в развитии, а такая инновация, как профилизация старшей школы, поставлена педагогами под сомнение в возможности реализации в условиях сельской школы [44]. Достижение главной цели модернизации образования на селе – обеспечение доступности качественного образования – они оценивают неоднозначно [12]. Указывают на необходимость повышения компетентности в реализации индивидуального подхода к ученику, в установлении и построении конструктивных отношений с детьми и родителями, в работе с разновозрастной группой обучающихся и детско-взрослой группой.

Дополним представления об образовательных потребностях сельских учителей предложениями исследователей зарубежья.

Исследуя проблемы сельских школ таких развитых стран, как Австрия и Финляндия, Хуру-Бейхаммер и Хасчер (Е.К. Нугу-Beihammer & T. Hascher) пришли к выводу, что сельские учителя не используют потенциал многоуровневого (разновозрастного) класса, хотя им необходимо владеть разнообразными технологиями работы в разновозрастных группах, индивидуальной работы с учеником в соответствии с его потребностями [35].

Американские исследователи (T.L. Tyler-Wood, D. Cockerham, K.R. Johnson) убеждены, что в современных условиях информатизации и цифровизации образования особое значение приобретают информационно-коммуникационная и технологическая компетентность сельского учителя. Однако, по их оценкам, даже в такой технологически развитой стране, как США, внедрение когнитивных и информативных технологий сопровождается проблемами разного порядка: отсутствие широкополосного интернета, дороговизна оборудования и его обслуживания, недостаточная мотивация педагогов к овладению и укреплению своих технических навыков, отказ от повышения квалификации, сопротивление сельских общин [45].

Результаты анализа российских и зарубежных исследований и практик показывают, что своеобразие социокультурной образовательной ситуации и особенности сельской школы непосредственно отражаются – проецируются на профессиональную деятельность сельского учителя, определяют специфику его труда и жизнедеятельности, дополняют комплекс компетенций, необходимых для успешной реализации профессиональных функций в образовательном учреждении и социуме села.

Специфику профессиональной деятельности современного учителя сельской школы характеризуют *многопредметность и полифункциональность, включённость в жизнь сельского социума, частая сменяемость видов профессиональной деятельности.*

Персонализированная подготовка сельского учителя

Основной источник овладения и совершенствования профессиональных компетенций современного учителя – это постоянное и непрерывное профессиональное развитие, основанное на личном интересе и желании повышать квалификацию, преодолевать профессиональные дефициты, формировать и удовлетворять образовательные потребности.

Общая тенденция – тренд развития образования и профессиональной педагогической подготовки в мире и в России – стремление стран к построению системы непрерывного профессионального образования учителя «обучение через всю жизнь», с одной стороны, национальной, с другой – вписанной в общемировое образовательное пространство.

Практически во всех странах современного мира созданы системы профессиональной подготовки и профессионального становления и развития педагогов, где в той или иной мере представлены основные этапы (предпрофессиональный этап, этап профессиональной подготовки, этап последилового образования), а также основные виды непрерывного образования (формальное, неформальное и информальное).

В ходе нашего исследования выявлялись практики профессионального педагогического образования, в которых просматривается ориентация на целенаправленную подготовку учителя сельской школы. Данные практики не вступают в противоречие с общими тенденциями развития профессионального педагогического образования, а дополняют и обогащают их.

Этап профессиональной подготовки сельского учителя. В современном профессиональном педагогическом образовании ведущее положение принадлежит компетентностному, практико-ориентированному подходам на базе фундаментальных знаний. Устанавливаются позиции индивидуализации обучения и персонализированного подхода. Повсеместно проводится стандартизация педагогического образования. С началом пандемии информатизация и цифровизация, дистанционные технологии образования из области востребованности перешли в сферу актуальности.

Иллюстрацией стандартизации содержания целенаправленной подготовки сельских учителей является пример из Бразилии. В стандарты подготовки сельских учителей вводятся следующие дополнительные компоненты: организация участия детей, молодежи и взрослых из сельской местности в социальной жизни региона, страны и мира; межкультурное взаимодействие в условиях культурного разнообразия, демократическое управление в сообществе, доступность научных и технических достижений для улучшения условий жизни на селе. По мнению бразильского исследователя Арройо (M.G. Arroyo), в программе обучения сельских учителей особое место должны занять знания о современном зем-

лепользовании, охране окружающей среды, культуре, самобытности и традициях сельского населения. Преподавателям рекомендуется сосредоточить внимание на студентах из сельской местности как потенциальных и реальных педагогах школы и сельских общин [46].

В Индонезии приняты стандарты компетенций выпускников педагогических учебных заведений, верифицированные со стандартами содержания общего образования, основанные на 13 принципах, среди которых принцип многомерности образовательного пространства (обучение происходит дома, в школе и общине) и принцип обучения «все, всегда и везде» (субъект может быть и учителем, и учеником, классом может быть и школа, и дом, и природный объект) [47. С. 185–186];

Продолжая и развивая тему специфики профессиональной деятельности учителя малокомплектной школы, учёные Хуру-Бейхаммер и Хасчер (E.K. Huru-Beihammer & T. Hascher) предлагают включить в профессиональную подготовку будущих учителей малокомплектной школы (multigrade teachers) методики и технологии обучения в разновозрастной группе школьников. В частности, исследователи называют такие технологии (практики), как *spiral curricula* – спиральный учебный план обучающихся, *working plans* – индивидуальный рабочий план ученика, *peer learning* – сетевое обучение, «равный учит равного» – технология взаимобучения учеников [35].

Ряд российских классических и педагогических университетов реализуют образовательные программы целенаправленной подготовки сельских учителей на разных уровнях высшего педагогического образования.

Успешный опыт осуществления таких программ бакалавриата есть в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, магистратуры – в Ярославском государственном педагогическом университете имени К.Д. Ушинского. Идею создания сетевой магистратуры для сельских учителей высказывают учёные педагоги из Сибирского федерального университета (Красноярск) [44].

Среди продуктивных практик российских вузов – разработка и преподавание специальных курсов и учебных дисциплин, направленных на формирование актуальных компетенций современного сельского учителя (коммуникативных, социально-педагогических, информационных, рефлексивных и др.), на его теоретическую и практическую подготовку к реализации образовательных, просветительских, менеджерских и иных функций, востребованных в современной сложной и нестабильной социокультурной образовательной ситуации российского села. В Петрозаводском государственном университете в образовательную программу подготовки учителей начальных классов включены такие дисциплины. В их разработке и преподавании участвуют опытные учителя сельских школ.

Постдипломный этап непрерывного образования сельского учителя. Постдипломный этап, согласно Р.М. Шерайзиной, включает три основных периода: вхождение в профессию, самоутверждение в профессии и профессиональная зрелость [25. С. 65–66].

Вхождение в профессию в Канаде, как о многих других странах, начинается с получения выпускником университета диплома бакалавра педагогики (Bachelor of Education), но для полного права работать в школе ему нужно получить сертификат (Teacher certificate), который выдаётся управлениями канадских провинций после первого года учительства. В течение «пробного года» подготовка продолжается через программы стажировки [48. С. 37].

Так, программа WKTER – программа обучения начинающих сельских учителей Западного Кутенея (West Kootenay Rural Teacher Education Program) в Нельсоне и прилегающих районах Британской Колумбии. Особое внимание в программе уделено небольшим школам в сельской местности, часть обучения проходит на местах в тесной связи с местными сообществами и школьными округами. WKTER предлагает обучающимся выбор из набора теоретических и практических занятий для самостоятельного и/или дистанционного изучения, а также двухнедельный и 10-недельный практикумы в четырех школьных округах и трехнедельный полевой опыт в сообществе. Организатором программы WKTER является Университет Британской Колумбии (University of British Columbia) [49]. Культивируется прогрессивная модель обучения – сотрудничество, наставничество и руководство более опытным коллегой. Предполагается закрепление и пополнение теоретических знаний, совершенствование практических умений и навыков начинающего учителя.

Практики постдипломного этапа непрерывного профессионального образования, ориентированные на категорию сельских педагогов, представлены в Великобритании, странах Скандинавии, Индии, США и др. При всём многообразии их единит идея социокультурной верификации как согласования мировых тенденций развития образования (гуманизация, демократизация, цифровизация, технологизация, персонализация и др.) с национальными особенностями и с особенностями образования в сельской местности региона и территории (региональными и локальными).

Многообразие постдипломных практик непрерывного образования сельских учителей можно типизировать по сложности решаемых задач и содержанию практики, по инициации и составу участников, по способам организации.

В ходе изучения реформирования педагогического образования в современной Великобритании Л.В. Абазовик выявляет несколько практик, которые предусматривают направленность на подготовку учителя для сельской школы:

- школьно-ориентированные курсы подготовки учителей (School Centered Initial Teacher Trainings) на базе вузов и школ. В данной модели объединяются несколько школ и совместно разрабатывают программы дополнительного образования;

- практико-ориентированные маршруты профессиональной подготовки учителей последипломного уровня: подготовка на базе школ для лучших выпускников вузов (School Direct), переподготовка для бакалавров и специалистов непедагогического профиля (School Direct (salaried)), а также отставных военных (Troops to Teachers). Эти программы ориентированы на актуальные

потребности и запросы школ-участников, предполагают учёт специфики образования в сельской местности [50].

Анализ опыта российских вузов показал, что подобная деятельность организована в Арзамасском филиале Нижегородского университета, в Вятском, Новгородском, Орловском, Петрозаводском, Томском, Ярославском университетах, где реализуются практики непрерывного образования сельских педагогов.

Выше была обозначена такая современная тенденция развития профессионального педагогического образования, как «университетизация» педагогического образования [16, 17]. В сравнении с университетами развитых стран «третья миссия» российских вузов имеет не столь давнюю историю. Университеты России в настоящее время осваивают новые статусы – «национальный», «федеральный», «опорный» и др., соответственно, масштабы и зоны своего влияния – страна, несколько регионов, регион.

Для научного сопровождения, учебно-методического обеспечения, организации и координации данной многоплановой деятельности в инфраструктурах вузов создаются специальные институты и структуры. Так, в Петрозаводском государственном университете создана лаборатория теории и практики развития сельской школы, которая стала системообразующим центром непрерывного образования в Республике Карелия [13], в Великом Новгороде – Центр региональных проблем образования взрослых «Мобилитет» [51].

Подумаем о будущем

Идеи персонализации витают в атмосфере образования. Востребована Персона как человек с чувством собственного достоинства, с высоким уровнем самоорганизации и саморегуляции, осознанно выбирающий цели и пути их достижения. На повестке дня персонализация профессиональной подготовки учителя сельской школы на лучших примерах отечественной истории – земского учительства. Жизнь требует и даёт подсказки в поиске конструктивных выходов из сложнейших ситуаций.

Программа «Земский учитель» предлагает педагогам, вызвавшимся поработать в качестве учителя в российской глубинке, финансовую поддержку, местные власти и администрация школ – помощь в решении социально-экономических и жилищно-бытовых проблем [42]. Однако ряд содержательных психологических, педагогических, методических, организационных условий программой не предусмотрены. Например, не учтена необходимость в научно-методической помощи педагогу-горожанину в адаптации к особенностям социокультурной ситуации села и сельской школы, в перестройке профессиональной деятельности в контексте специфики труда сельского учителя.

В Республике Карелия предпринята попытка частичного решения этой проблемы через создание ПРОФИ-товариществ – системы сотрудничества приехавших «земских» педагогов и опытных коллег из общественно-педагогического движения «Ассоциация сельских школ Республики Карелия» и общественной организации «Молодые педагоги Карелии». ПРОФИ-товарищество – добровольные деловые отношения начинающего и опытного сельского учителя, что задаёт им персонализированный характер.

Однако, и в этом мы солидарны с А.М. Цирульниковым, нужен специальный социальный институт, который взялся бы за обеспечение подготовки и дополнительного образования сельских педагогов, за координацию и диссеминацию лучших практик [19]. В рамках федеральной программы «Земский учитель» в таком её понимании проводятся научные изыскания, создаются и реализуются инновации образования в сельских территориях, ведётся просветительская, информационно-издательская работа. Выявляются, изучаются, адаптируются и популяризируются современные отечественные и российские продуктивные практики, транслирующие результативность в самые дальние уголки страны.

Организация деятельности такого института видится в сетевом формате многоуровневых и разнонаправленных отношений с различными социальными институтами и ведомствами, с широкими международными связями. Содержание его деятельности определяется в идеологии социокультурной парадигмы и непрерывного профессионального становления сельского учителя и включает предпрофессиональную, профессиональную и постдипломную подготовку сельских учителей, специалистов, руководителей сельских школ и муниципальных образований регионов в контексте взаимосвязи процессов индивидуализации и персонализации непрерывного профессионального образования сельского учителя.

Заключение:

– Конструктивной является образовательная политика, основанная на признании своеобразия социокультурной образовательной ситуации в сельской местности, особенностей функционирования сельской школы и специфики профессиональной деятельности сельского учителя в амбивалентности их влияния, предполагающая консенсус тенденций развития образования – глобализации и национализации – с учётом региональных и локальных условий.

– В ситуации неопределённости и нестабильности миссия сельской школы всё более выходит за границы ее образовательной деятельности, функции сельского учителя – за рамки обычного преподавания, прирастая новыми ответственностями, а полифункциональность и многопредметность, «ключевая» роль педагога в школе и в сельском сообществе требуют от него обладания дополнительными компетенциями, приобретаемыми в процессе непрерывного профессионального становления и развития.

– Перспективные продуктивные практики современного образования на селе и профессионального становления современного сельского учителя отличаются научной обоснованностью, социокультурная обусловленность и ориентация, технологичность в процессе формирования и развития комфортной информационно-образовательной среды в сельской школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский статистический ежегодник 2018: Статистический сборник. М.: Росстат. 2018. 694 с.
2. Список стран по сельскому населению. Статистика 2018 г. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/rural-population> (дата обращения: 10.01.2021).
3. Численность сельского населения в странах мира в 1960–2019 гг. Статистика. URL: <https://svspb.net/danmark/selo.php> (дата обращения: 10.01.2021).
4. Цирульников А.М. Развитие образовательных систем. Методология и методы социокультурного анализа. Часть 1 // Управление образованием: теория и практика. 2014. № 4. С. 29–56.
5. Борисенков В.П. Сотрудничество учёных России и Китая продолжается // Педагогика. 2019. № 12. С. 109–116.
6. Echazarra A., Radinger T. Learning in rural schools: Insights from PISA, TALIS and the literature OECD // OECD Education Working Paper. 2019. № 196. 77 p.
7. Сальберг П. Финские уроки. История успеха реформ школьного образования в Финляндии. М.: Классика XXI; Арт транзит. 2015. 234 с.
8. Autti O., Нуру-Бейхаммер Е.К. School Closures in Rural Finnish Communities // Journal of Research in Rural Education. 2014. № 29 (1). URL: https://www.researchgate.net/publication/269332660_Journal_of_Research_in_Rural_Education (дата обращения: 11.01.2021).
9. Маркина И. Сельские школы в развитых странах тоже закрываются. Но не везде // activity edu 15.05.2019. URL: <https://activityedu.ru/Blogs/international/selskie-shkoly-v-razvityh-stranah-tozhe-zakryvayutsya-no-ne-vezde/> (дата обращения: 17.01.2021).
10. Silva L.S., Costa J.R.S., Silva L.S., Cunha C.R.M. Retrospective study of the situation of Brazilian countryside schools and conceptions of teachers of rural public schools in the municipality of Itapuranga, Goiás, Brazil. // Revista Brasileira de Educação do Campo. Brazilian Journal of Rural Education. 2020. V. 5. 23 p. URL: <http://dx.doi.org/10.20873/uftrb.ec.e9036> (дата обращения: 12.01.2021).
11. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
12. Педагогические кадры сельской школы Карелии на этапе социокультурной модернизации образования / М.П. Гурьянова, З.Б. Ефлова, Е.С. Казько, С.И. Смирнова, Г.Г. Столяров; под общ. ред. З.Б. Ефловой. Петрозаводск: Изд-во ПИН. 2015. 120 с.
13. Ефлова З.Б. Сельская школа России на перекрестке социокультурной модернизации образования // Педагогика сельской школы. 2019. № 1. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. С. 24–45.
14. Ваньци Л., Болотова Е.Л. Сравнение некоторых элементов системы образования в Китае и в России // Наука и школа. 2018. № 1. С. 9–14.
15. Гурулева Т.Л. Система образования в Китайской Народной Республике: структура и основные направления развития // Высшее образование в России. 2017. № 7 (214). С. 152–164.
16. Ли Б., Игна О.Н. Профессионально-методическая подготовка учителей в Китае: история и текущее состояние // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2020. Вып. 6 (34). С. 172–182. DOI: 10.23951/2307-6127-2020-6-172-182
17. Ли Б., Игна О.Н. Этапы развития профессионального педагогического образования в Китае и России // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2019. Вып. 5 (27). С. 30–39. DOI: 10.23951/2307-6127-2019-5-30-39.
18. Сюецзяо И. Китайская сельская малокомплектная школа и ее опыт развития // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2018. № 4. С. 31–42.
19. Цирульников А.М. Миллион не поможет // Учительская газета. 2020. 26 мая (№ 21). С. 6.
20. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 года № 2136-п // Консорциум КОДЕКС. Электронный фонд нормативной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902250089> (дата обращения: 17.01.2021).
21. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 года № 598 (с изм. на 2 августа 2017 г.) // Электронный фонд нормативной и нормативно-технической документации Консорциум КОДЕКС. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499034090> (дата обращения: 17.01.2021).

22. Андреева Г.Б. Американский опыт привлечения учителей в сельские школы и закрепления их на рабочих местах // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Развитие инновационного потенциала сельской школы: возможности и перспективы. Комплексные сельские образовательные системы как перспективные модели для возрождения и развития сельского социума в России»*. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 2008. С. 238–239.
23. Kapur R. Education in Rural Areas // *Researchgate.net*. November 2018. DOI: 10.31080/ASAG.2019.03.0520
24. Marjolein D. Small School Size and Declining Student Populations in Primary Education // *EERA*. 14 SES 02 A, Schooling in Rural/Urban Settings. 2014. Part 2. URL: <https://eera-ecer.de/ecer-programmes/conference/19/contribution/31649/> (дата обращения: 10.01.2021)
25. Шерайзина Р.М. Профессиональное становление учителя сельской школы в процессе непрерывного образования (теоретико-методологический аспект). Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2019. 284 с.
26. Байбородова Л.В. Доступность дополнительного образования детей на селе: проблемы и пути их решения // *Образовательная панорама: научно-методический журнал*. 2018. № 1. С. 28–33.
27. Amini C., Nivorozhkin E. The urban–rural divide in educational outcomes: Evidence from Russia // *International Journal of Educational Development*. 2015. Vol. 44 (C). P. 118–133. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2015.07.006
28. Сорокин П.С., Матюненко Т.А. Попова Т.А. Тренды и вызовы, оказывающие влияние на сферу образования: анализ докладов международных организаций и экспертных центров // *Мониторинг экономики образования*. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2020. № 27.
29. Kaloaja E., Pietarinen J. Small rural primary schools in Finland: A pedagogically valuable part of the school network // *International Journal of Educational Research*. 2009. Vol. 48, Is. 2. P. 109–116.
30. Авдеев С.А. Сельская школа на современном этапе развития образования // *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*. 2010. №1 (15). С. 143–146.
31. Domingo-Peñafiel L. Hay mejor calidad educativa en la escuela rural que en la urbana? // *THE CONVERSATION*. 2019. 5 of May/ 9.08pm BST URL: <https://theconversation.com/hay-mejor-calidad-educativa-en-la-escuela-rural-que-en-la-urbana-116140> (дата обращения: 19.01.2021).
32. Korpinen E. Eläköön kyläkoulu! Jyväskylä: PS-kustannus. 2010. 284 s.
33. Ashton B., Kelly Wayne W. Rural Canada making a difference. 2011. 24 p. URL: <https://www.brandou.ca/rdi/wp-content/blogs.dir/116/files/2015/09/Rural-Canada-Making-A-Difference-Oct18-2011.pdf> (дата обращения: 20.06.2020)
34. Azano A., Biddle C. Constructing and Reconstructing the “Rural School Problem”: A Century of Rural Education Research // *Review of Research in Education*. 2016. № 40 (1). P. 298–325. DOI: 10.3102/0091732X16667700
35. Hury-Beihammer E.K., Hascher T. Multigrade Teaching in Primary Education as a Promising Pedagogy for Teacher Education in Austria and Finland // *Journal of Research in Rural Education*. 2015. № 29 (1). DOI: 10.1108/S1479-368720150000022005.
36. Hury-Beihammer E.K., Autti O. School as Narrated Places: Children’s Narratives of School Enjoyment // *Education in the North*. 2013. 30th May. URL: <http://abdn.ac.uk/eitn> (дата обращения: 10.01.2021).
37. Школа – социокультурный комплекс / М. Коломейченко, А. Миронова, А. Мокеева // *Интернет-журнал «Лицей»*. 17.04.2019. URL: <https://gazeta-licey.ru/educ/77321-shkola-sotsiokulturnyy-kompleks> (дата обращения: 10.01.2021).
38. Андрейко А.З. Сельская школа для всех: от мечты к реальности: сборник методических материалов. Петрозаводск : Центр образования села Коткозеро Олонечского района Республики Карелия. 2003. 76 с.
39. Шерайзина Р.М., Ефлова З.Б., Александрова М.В. Профессия – учитель сельской школы в современном информационном обществе. Великий Новгород : Изд-во НовГУ, 2020. 282 с.
40. Hargreaves L.M. Respect and responsibility: Review of research on small rural schools in England // *International Journal of Educational Research*. 2009. Vol. 48, Is. 2. P. 117–128.
41. Амирова Л.А., Антошкин В.Н. Социальный портрет сельского учителя: результаты сравнительного исследования сельских и городских педагогов // *Современные исследования социальных проблем*. 2017. № 9, Т. 8. С. 5–24.
42. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие образования». Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 09.11.2019 г. № 1430 с изм. от 22.01.2020 г. № 36 // *Законы Российской Федерации*. Систематическое собрание действующего законодательства. URL: <https://fzakon.ru/postanovleniya-pravitelstva/postanovlenie-pravitelstva-rt-of-09.11.2019-n-1430/> (дата обращения: 22.12.2020).
43. *Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие* / под ред. В.В. Локосова. М. : Изд-во «Экон-Инфо», 2015. 411 с.
44. Lukina A.K., Peterson I.R., Romanuk T.M. Peculiarities of Educational Needs of Rural School Teachers // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2010. № 5. P. 785–792.
45. Tyler-Wood T.L., Cockerham D., Johnson K.R. Implementing new technologies in a middle school curriculum: a rural perspective // *Smart Learning Environments*. 2018. Vol. 5, № 22.
46. Arroyo M.G. Políticas de formação de educadores (as) do campo // *Cadernos CEDES*. 2007. № 27 (72). P. 157–176. URL: <https://doi.org/10.1590/S0101-32622007000200004> (дата обращения: 20.06.2020).
47. Курьшева М.В., Тариган М.И. Организация начального обучения в Республике Индонезия // *Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review)*. 2020. Вып. 6 (34). С. 183–189. DOI: 10.23951/2307-6127-2020-6-183-189
48. Бовнар С.С. Структурные признаки системы непрерывного педагогического образования в Канаде // *Вестник ЧГПУ*. 2011. № 3. С. 34–45.
49. West Kootenay Rural Teacher Education Program (WKTEP) // *University of British Columbia*. Canada. URL: <https://teach.educ.ubc.ca/bachelor-of-education-program/wkter/> (дата обращения: 12.01.2021).
50. Абазовик Е.В. Реформирование подготовки учителей в Англии на современном этапе // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2016. № 2. С. 240–249.
51. Шерайзина Р.М. Амбивалентный подход к модернизации педагогического образования в современном университетском комплексе // *Интеграция образования*. 2003. № 3. С. 16–20.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 5 марта 2021 г.

The Rural School and the Rural Teacher: Productive Russian and International Practices

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 190–201.

DOI: 10.17223/15617793/466/23

Rosa M. Sherayzina, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Novgorod, Russian Federation). E-mail: Rosa.Sherayzina@novsu.ru

Marina V. Alexandrova, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Novgorod, Russian Federation Russia). E-mail: malex05@rambler.ru

Zinaida B. Eflova, Center for Education Development of Petrozavodsk City District (Petrozavodsk, Russian Federation); Association of Rural Schools of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: zeflova@onego.ru

Keywords: sociocultural situation in rural areas; rural school; school as sociocultural educational center in countryside; productive practices; rural teacher; personalized training of rural teacher; network center “Zemsky Teacher”.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-113-50374.

The comparative analysis of Russian and foreign theory and practice aims at identifying productive practices of modern rural schools, professional training and development of rural teachers. Since the sociocultural, deficiency and ambivalent approaches are determined as basic for this study, their verification allows for a constructive balance in the development of rural schools and teachers as well as for positive changes in the sociocultural educational situation in rural settlements. The comparative analysis is based on theoretical and empirical studies from different countries of the world. The authors draw on the data and analytics of large-scale international studies, results of foreign and Russian researches, international documents of educational management, statistics and media information. They also rely on their long-term experience of teaching and organizing continuous professional training for rural teachers. A rural school teacher's activity is considered as professional, determined by the specificity of the sociocultural educational situation with its differentiation, inconsistency and instability, as well by the characteristics of modern rural schools, including their social mission, multifunctionality, openness, instability/variability of its position, the latter brought about by the increasing paucity of rural school students. These factors directly determine the specificity of teaching in rural areas: educators have to teach multiple subjects and fulfill multiple functions; they are involved in local community life and often have to change the type of their professional activity. The chain of interrelated problems in the professional activity of rural teachers is considered within the framework of their integral, professionally-oriented development. The productive Russian and foreign practices of mixed-age teaching in rural schools are underpinned by the idea of relations in mixed-age child and child-adult communities as a system-forming factor in the modern information society. The authors determine and give grounds for the following priorities in modernization of the rural school and rural teacher training: formation and development of rural schools as sociocultural educational centers of settlements; establishment of federal and regional network educational centers to promote and support mixed-age child-adult educational communities that would function as a tool for solving vital problems of local communities and rural development; mixed-age education as a productive educational technology in small rural school; personalized training for rural teachers. The study can be useful for teachers, school administrators, researchers of lifelong education for rural teachers, and pedagogical students.

REFERENCES

1. Rosstat. (2018) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik 2018: Statisticheskiy sbornik* [Russian Statistical Yearbook 2018: Statistics]. Moscow: Rosstat.
2. Nonews.co. (2018) *Spisok stran po sel'skomu naseleniyu. Statistika 2018 g.* [List of countries by rural population. Statistics 2018]. [Online] Available from: <https://nonews.co/directory/lists/countries/rural-population> (Accessed: 10.01.2021).
3. Svspb.net. (2019) *Chislennost' sel'skogo naseleniya v stranakh mira v 1960–2019 gg. Statistika* [The number of rural population in the countries of the world in 1960–2019. Statistics]. [Online] Available from: <https://svspb.net/danmark/selo.php> (Accessed: 10.01.2021)
4. Tsurul'nikov, A.M. (2014) *Razvitiye obrazovatel'nykh sistem. Metodologiya i metody sotsiokul'turnogo analiza. Chast' 1* [Development of educational systems. Methodology and methods of sociocultural analysis. Part 1]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*. 4. pp. 29–56.
5. Borisenkov, V.P. (2019) *Sotrudnichestvo uchenykh Rossii i Kitaya prodolzhaetsya* [Cooperation between scientists from Russia and China continues]. *Pedagogika*. 12. pp. 109–116.
6. Echazarra, A. & Radinger, T. (2019) *Learning in rural schools: Insights from PISA, TALIS and the literature OECD. OECD Education Working Paper*. 196.
7. Salberg, P. (2015) *Finskie uroki. Istoriya uspekha reform shkol'nogo obrazovaniya v Finlyandii* [Finnish lessons. The success story of school reforms in Finland]. Moscow: Klassika XXI; Art tranzit.
8. Autti, O. & Hyry-Beihammer, E.K. (2014) *School Closures in Rural Finnish Communities. Journal of Research in Rural Education*. 29 (1). [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/269332660_Journal_of_Research_in_Rural_Education (Accessed: 11.01.2021).
9. Markina, I. (2019) *Sel'skie shkoly v razvitykh stranakh tozhe zakryvayutsya. No ne vezde* [Rural schools in developed countries are also closing. But not everywhere]. [Online] Available from: <https://activityedu.ru/Blogs/international/selskie-shkoly-v-razvityh-stranah-tozhe-zakryvayutsya-no-ne-vezde/> (Accessed: 17.01.2021).
10. Silva, L.S., Costa, J.R.S., Silva, L.S. & Cunha, C.R.M. (2020) *Retrospective study of the situation of Brazilian countryside schools and conceptions of teachers of rural public schools in the municipality of Itapuranga, Goiás, Brazil. Revista Brasileira de Educaçao do Campo. Brazilian Journal of Rural Education*. 5. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.20873/uftrbec.e9036> (Accessed: 12.01.2021).
11. Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2016) *Smysly sel'skoy zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza)* [Meanings of rural life (Experience of sociological analysis)]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga.
12. Efl'ova, Z.B. (ed.) (2015) *Pedagogicheskie kadry sel'skoy shkoly Karelii na etape sotsiokul'turnoy modernizatsii obrazovaniya* [Pedagogical staff of a rural school in Karelia at the stage of sociocultural modernization of education]. Petrozavodsk: Izd-vo PIN.
13. Efl'ova, Z.B. (2019) *Sel'skaya shkola Rossii na perekrestke sotsiokul'turnoy modernizatsii obrazovaniya* [Rural school of Russia at the crossroads of sociocultural modernization of education]. *Pedagogika sel'skoy shkoly*. 1. pp. 24–45.
14. Van'tsi, L. & Bolotova, E.L. (2018) *Sravnienie nekotorykh elementov sistema obrazovaniya v Kitae i v Rossii* [Comparison of some elements of the education system in China and in Russia]. *Nauka i shkola*. 1. pp. 9–14.
15. Guruleva, T.L. (2017) *Sistema obrazovaniya v Kitayskoy Narodnoy Respublike: struktura i osnovnye napravleniya razvitiya* [The education system in the People's Republic of China: structure and main directions of development]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 7 (214). pp. 152–164.
16. Li, B. & Igna, O.N. (2020) *Professional'no-metodicheskaya podgotovka uchiteley v Kitae: istoriya i tekushchee sostoyanie* [Professional and methodological training of teachers in China: history and current state]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 6 (34). pp. 172–182. DOI: 10.23951/2307-6127-2020-6-172-182
17. Li, B. & Igna, O.N. (2019) *Stages of development of professional pedagogical education in China and Russia. Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 5 (27). pp. 30–39. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6127-2019-5-30-39
18. Xuejiao, Y. (2018) *Chinese incomplete rural school and experience of its development Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*. 4. pp. 31–42. (In Russian).
19. Tsurul'nikov, A.M. (2020) *Million ne pomozhet [A million will not help]. Uchitel'skaya gazeta*. 26 May (21). pp. 6.
20. Konsortsium KODEKS. (2010) *Conception of Sustainable Development of Rural Areas for 2014–2017 and for the Period until 2020. Approved by Order of the Government of the Russian Federation of November 30, 2010, No. 2136-r.* [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902250089> (Accessed: 17.01.2021). (In Russian).
21. Konsortsium KODEKS. (2017) *Federal target program "Sustainable Development of Rural Areas for 2014–2017 and for the Period until 2020" Approved by Decree of the Government of the Russian Federation of July 15, 2013, No. 598 (as amended on August 2, 2017).* [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/499034090> (Accessed: 17.01.2021). (In Russian).

22. Andreeva, G.B. (2008) [American experience of attracting teachers to rural schools and securing them in the workplace]. *Razvitie innovatsionnogo potentsiala sel'skoy shkoly: vozmozhnosti i perspektivy. Kompleksnye sel'skie obrazovatel'nye sistemy kak perspektivnye modeli dlya vozrozhdeniya i razvitiya sel'skogo sotsiuma v Rossii* [Development of the Innovative Potential of a Rural School: Opportunities and Prospects. Integrated Rural Educational Systems as Promising Models for the Revival and Development of Rural Society in Russia]. Conference Proceedings. Moscow: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov. pp. 238–239. (In Russian).
23. Kapur, R. (2018) *Education in Rural Areas*. DOI: 10.31080/ASAG.2019.03.0520
24. Marjolein, D. (2014) Small School Size and Declining Student Populations in Primary Education. *EERA. 14 SES 02 A, Schooling in Rural/Urban Settings*. Part 2. [Online] Available from: <https://eera-ecer.de/ecer-programmes/conference/19/contribution/31649/> (Accessed: 10.01.2021)
25. Sherayzina, R.M. (2019) *Professional'noe stanovlenie uchitelya sel'skoy shkoly v protsesse nepreryvnogo obrazovaniya (teoretiko-metodologicheskii aspekt)* [Professional development of a rural school teacher in continuous education (theoretical and methodological aspect)]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University.
26. Bayborodova, L.V. (2018) Dostupnost' dopolnitel'nogo obrazovaniya detey na sele: problemy i puti ikh resheniya [Availability of additional education for children in the countryside: problems and solutions]. *Obrazovatel'naya panorama*. 1. pp. 28–33.
27. Amini, C. & Nivorozhkin, E. (2015) The urban–rural divide in educational outcomes: Evidence from Russia. *International Journal of Educational Development*. 44 (C). pp. 118–133. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2015.07.006
28. Sorokin, P.S., Matyunenko, T.A & Popova, T.A. (2020) Trendy i vyzovy, okazyvayushchie vliyaniye na sferu obrazovaniya: analiz dokladov mezhdunarodnykh organizatsiy i ekspertnykh tsentrov [Trends and Challenges Influencing the Sphere of Education: Analysis of Reports of International Organizations and Expert Centers]. *Monitoring ekonomiki obrazovaniya*. 27.
29. Kalaoja, E. & Pietarinen, J. (2009) Small rural primary schools in Finland: A pedagogically valuable part of the school network. *International Journal of Educational Research*. 48 (2). pp. 109–116.
30. Avdeev, S.A. (2010) Sel'skaya shkola na sovremennom etape razvitiya obrazovaniya [Rural school at the present stage of education development]. *Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal Gaudeamus*. 1 (15). pp. 143–146.
31. Domingo-Peñafiel, L. (2019) Hay mejor calidad educativa en la escuela rural que en la urbana? *THE CONVERSATION*. 5 May. [Online] Available from: <https://theconversation.com/hay-mejor-calidad-educativa-en-la-escuela-rural-que-en-la-urbana-116140> (Accessed: 19.01.2021).
32. Korpinen, E. (2010) *Eläköön kyläkoulu!* Jyväskylä: PS-kustannus.
33. Ashton, B. & Kelly Wayne, W. (2011) *Rural Canada making a difference*. [Online] Available from: <https://www.brandou.ca/rdi/wp-content/blogs.dir/116/files/2015/09/Rural-Canada-Making-A-Difference-Oct18-2011.pdf> (Accessed: 20.06.2020).
34. Azano, A. & Biddle, S. (2016) Constructing and Reconstructing the “Rural School Problem”: A Century of Rural Education Research. *Review of Research in Education*. 40 (1). pp. 298–325. DOI: 10.3102/0091732X16667700
35. Hyry-Beihammer, E.K. & Hascher, T. (2015) Multigrade Teaching in Primary Education as a Promising Pedagogy for Teacher Education in Austria and Finland. *Journal of Research in Rural Education*. 29 (1). DOI: 10.1108/S1479-368720150000022005
36. Hyry-Beihammer, E.K. & Autti, O. (2013) School as Narrated Places: Children's Narratives of School Enjoyment. *Education in the North*. 30th May. [Online] Available from: <http://abdn.ac.uk/eitn> (Accessed: 10.01.2021).
37. Kolomeychenko, M., Mironova, A. & Mokeeva, A. (2019) Shkola – sotsiokul'turnyy kompleks [School – a sociocultural complex]. *Litsey*. 17.04.2019. [Online] Available from: <https://gazeta-licey.ru/educ/77321-shkola-sotsiokulturnyy-kompleks> (Accessed: 10.01.2021).
38. Andreyko, A.Z. (2003) *Sel'skaya shkola dlya vsekh: ot mechy k real'nosti: sbornik metodicheskikh materialov* [Rural school for everyone: from dream to reality: a collection of methodological materials]. Petrozavodsk: Tsentr obrazovaniya sela Kotkozero Olonetskogo rayona Respubliki Kareliya.
39. Sherayzina, R.M., Eflova, Z.B. & Aleksandrova, M.V. (2020) *Professiya – uchitel' sel'skoy shkoly v sovremennom informatsionnom obshchestve* [Profession – a rural school teacher in a modern information society]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University.
40. Hargreaves, L.M. (2009) Respect and responsibility: Review of research on small rural schools in England. *International Journal of Educational Research*. 48 (2). pp. 117–128.
41. Amirova, L.A. & Antoshkin, V.N. (2017) Sotsial'nyy portret sel'skogo uchitelya: rezul'taty sravnitel'nogo issledovaniya sel'skikh i gorodskikh pedagogov // Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem. № 9, T. 8. pp. 5–24.
42. Laws of the Russian Federation. (2020) *On amendments to the state program of the Russian Federation “Development of Education”*. Approved by Resolution of the Government of the Russian Federation of 09.11.2019 No. 1430, as amended on 22.01.2020, No. 36. [Online] Available from: <https://zakon.ru/postanovleniya-pravitelstva/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-09.11.2019-n-1430/> (Accessed: 22.12.2020). (In Russian).
43. Lokosov, V.V. (ed.) (2015) *Narodonaselenie sovremennoy Rossii: vosproizvodstvo i razvitiye* [Population of modern Russia: reproduction and development]. Moscow: Izd-vo “Ekon-Info”.
44. Lukina, A.K., Peterson, I.R. & Romanuk, T.M. (2010) Peculiarities of Educational Needs of Rural School Teachers. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 5. pp. 785–792.
45. Tyler-Wood, T.L., Cockerham, D. & Johnson, K.R. (2018) Implementing new technologies in a middle school curriculum: a rural perspective. *Smart Learning Environments*. 5 (22).
46. Arroyo, M.G. (2007) Políticas de formação de educadores (as) do campo. *Cadernos CEDES*. 27 (72). pp. 157–176. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1590/S0101-32622007000200004> (Accessed: 20.06.2020).
47. Kuryshcheva, M.V. & Tarigan, M.Y. (2020) Organization of primary education in the Republic of Indonesia. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 6 (34). pp. 183–189. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6127-2020-6-183-189
48. Bovnar, S.S. (2011) Strukturnyye priznaki sistemy nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniya v Kanade [Structural features of the system of lifelong pedagogical education in Canada]. *Vestnik ChGPU*. 3. pp. 34–45.
49. University of British Columbia. (2021) *West Kootenay Rural Teacher Education Program (WKTEP)*. [Online] Available from: <https://teach.educ.ubc.ca/bachelor-of-education-program/wktep/> (Accessed: 12.01.2021).
50. Abazovik, E.V. (2016) Reformirovanie podgotovki uchiteley v Anglii na sovremennom etape [Reforming teacher training in England at the present stage]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2. pp. 240–249.
51. Sherayzina, R.M. (2003) Ambivalentnyy podkhod k modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniya v sovremennom universitetskom komplekse [An ambivalent approach to the modernization of teacher education in the modern university complex]. *Integratsiya obrazovaniya*. 3. pp. 16–20.

Received: 05 March 2021

ПРАВО

УДК 343.9

Р.Л. Ахмедшин

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ТАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Раскрывается природа явления, принципиально определяющего эффективность такого раздела криминалистической науки, как криминалистическая тактика. Диапазон проблем затрагивает методологический, исторический, криминалистический и психологический аспекты. Результатом проведенного исследования выступила модель тактико-криминалистического воздействия, имеющая не только теоретическое, но и практико-прикладное значение.

Ключевые слова: тактика; воздействие; личность подследственного; личность следователя; индивидуализация тактического воздействия.

«Воздействие» в системе «Индивидуализация тактического воздействия»

В наши дни «воздействие» как научная категория стало находить должное отображение в криминалистических исследованиях. Даже в академической среде стало не «модно» ассоциировать с категорией «воздействие» действия, направленные исключительно на подавление воли оппонента; действия, недопустимые с точки зрения нравственности в целом и профессиональной этики следователя в частности. Уже нельзя категорически утверждать, что в отношении недопустимости воздействия как такового «даже время не смогло изменить некие штампы, изобретенные теоретиками» [1. С. 163].

Воздействие – сложная система информационно-психологической природы. Порой исследователи смешивают понятия «воздействие» и «внушение», полагая, что воздействие – это то, что способно изменить установки и поведение индивида или тип отношений между участниками деятельности [2. С. 101]. Напомним, что структурно воздействие состоит из убеждения, внушения, манипуляции и ряда иных второстепенных процессов. Внушение – это только один аспект воздействия. «Внушать – значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению» [3. С. 9]. Воздействие – это целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому [4. С. 58], не исключающее ни в коем случае элемент свободы воли. Воздействие – категория информационная, а не волевая, вот точка зрения современных исследователей.

Психологическое воздействие одним человеком на другого оказывается при любом вербальном контакте и невербальном обмене информацией любым субъектом процесса расследования на любого его участника. Мы воспринимаем визуально субъект, ассоциирующийся у нас с чем-то неприятным – мы подверглись воздействию со стороны этого субъекта. Оно может быть осознанным или неосознанным, запланированным или случайным, но воздействие может быть контролируемым его объектом.

Принципиальным различием между «воздействием» и «внушением» выступает наличие возможности крити-

ческой оценки получаемой информации лицом, на которое оказывается воздействие, являющейся неотъемлемым атрибутом взаимодействия индивидуумов.

Необходимо признать этически несостоятельной фактически существующую в уголовно-процессуальных и даже в криминалистических исследованиях концепцию «убогого подследственного», который неспособен противостоять воздействию со стороны следователя и в силу сказанного нуждающегося в каких-то дополнительных защитных мерах своеобразном «наморднике» на следователя.

Вывод. Правомерное воздействие необходимо признать тактически и этически допустимым, если оно предполагает возможность вариативности реакции у воздействуемого, что сохраняет у подследственного свободу выбора.

О структурном подходе к тактическому приему

Тактический прием является системообразующим понятием в криминалистической тактике, что предопределяет актуальность его системного исследования.

В вопросе о природе тактического приема традиционно выделяют две точки зрения:

– тактический прием – это рекомендация, в основе которой лежат данные специальных наук (А.Н. Васильев, В.И. Шиканов);

– тактический прием – это наиболее рациональный способ действия или линии поведения при собирании, оценке и использовании доказательств (Р.С. Белкин, Н.И. Порубов).

Понимание тактического приема как рекомендации, в основе которой лежат данные специальных наук, предельно прогрессивно. Почему? Потому что подобное понимание сразу делает видимым ценность конкретного тактического приема. Что в нем больше – теоретических рассуждений и общих пожеланий или конкретных алгоритмов, проистекающих из ЗАИМСТВОВАНИЯ И ЗАДЕЙСТВОВАНИЯ конкретных знаний? Данный подход – олицетворение практического мышления. Справедливости ради необходимо отметить, что ранее мы, заблуждаясь, полагали данную модель также предельно теоретической [5. С. 34].

Понимание тактического приема как наиболее рационального способа действия или линии поведения

при собирании, оценке и использовании доказательств имеет очень спорную прикладную ценность. Это определение ради определения. Исходя из него, совершенно непонятно, зачем оно вообще заменило термин «следственная хитрость», известный еще родоначальникам криминалистической науки.

Проблема любой теоретической конструкции проявляется в процессе ее практической реализации. Можно ли сказать то же самое о понятии тактического приема? Можно.

Предопределяет ли сложившееся понимание природы тактического приема эффективность его использования? Нет, скорее не предопределяет.

В значительном количестве случаев содержательно тактический прием сводится к предельно общим рекомендациям. Неудивительно, что эти рекомендации нередко воспринимаются адресатом как элементарная информация и вызывают у него только раздражение.

Так, не стоит воспринимать полностью удовлетворяющим требованиям научности тактический прием, ориентирующий лицо, проводящее экспериментальные следственные действия, на необходимость принятия мер нейтрализации противодействия эффективно ходу опознания со стороны недобросовестных опознаваемых. Несоответствие требованиям научности проистекает из того, что данный прием включает в себя советы «что делать», но не раскрывает даже в общем приближении алгоритм «как делать». И разве уровень конкретизации содержания значительной части традиционных тактических приемов выше, нежели в приведенном случае? Очень часто не выше.

Теоретический подход к пониманию содержания тактического приема (как наиболее рационального способа действия или линии поведения) приводит исследователя к идее существования некой совокупности поведенческих операций, направленной на достижение криминалистически значимой задачи, которая содержательно составляет теоретическую модель тактического приема. Гипотетически это правильно, но подобное видение тактического приема происходит из кардинально неверной посылки идентичности психического потенциала лиц, которые его используют, и лиц, в отношении которых он используется. Действительно, если человеческий фактор не упоминается в контексте природы тактического приема, значит, он малозначим. Соглашаться с последним недозволительно.

Неубедителен контраргумент о том, что содержательная детализация тактического приема предопределяется значительным количеством ситуационных факторов, и в силу этого неконкретность тактического приема является объективно существующей проблемой. Предельно устарело утверждение, что в тактический прием должна включаться только непосредственная рекомендация совершения определенных действий. Неубедительность данного положения проистекает из создания все более и более детализированных тактических приемов, что демонстрирует постепенность приращения тактико-криминалистического знания.

Включение в прикладную модель тактического приема только самой рекомендации безотносительно

условий ее реализации было объективно для периода зарождения криминалистического знания и его первоначального становления (конец XIX – первая половина XX в.). С развитием же знаний о человеке игнорирование индивидуальных особенностей лица, применяющего тактический прием, и лица, по отношению к которому прием применяется, становится просто недопустимым.

Нам могут возразить, что тактический прием есть рекомендация следователю, специально сформулированная в достаточно общем виде, в целях последующей конкретизации в процессе расследования конкретного преступления. Контраргумент – при рассмотрении модели тактического приема необходимо рассуждать не в рамках примитивной системы «общие закономерности – частный случай», а в рамках системы «общие закономерности – частные закономерности – частный случай». Во втором случае ценность идеи увеличения тактического арсенала становится рациональной.

Вывод. Тактический прием, который сводится лишь к рекомендации безотносительно учета условий, в которых они реализуются, сегодня можно признать архаизмом.

О структуре тактического приема

Если отказаться от порочной исследовательской практики, которая включает в содержание тактического приема лишь саму рекомендацию, оптимизирующую деятельность по расследованию, то его структура видится следующей:

1. Действия, реализация которых с высокой степенью вероятности будет способствовать достижению криминалистически значимых задач. Содержательно эти действия подробно описаны исследователями-криминалистами.

2. Рекомендации по уточнению алгоритма действий, исходящие из личностных особенностей лица, оказывающего воздействие. В основе рассматриваемых рекомендаций лежат личностные особенности воздействующего, выраженные в сильных/слабых поведенческих моделях, присущих ему в силу его психологического типа. Из того, что следственная деятельность характеризуется рядом факторов, предопределяющих эффективность психической организации следователей, становится ясным, что предельно наивно утверждать, что ко всем поведенческим моделям одинаково эффективно адаптированы люди с различными особенностями психологической организации.

3. Рекомендации по уточнению алгоритма действий, исходящие из личностных особенностей лица, на которое оказывается воздействие. В основе рассматриваемых рекомендаций лежат личностные особенности воздействуемого, выраженные в сильных/слабых поведенческих моделях, присущих ему в силу его личностных особенностей.

Современная криминалистическая тактика продолжает оставаться на распутье. С одной стороны, перед ней практикуемая ранее традиция бессмысленных дискуссий о природе тактических средств, которая потеряла свою актуальность еще в конце XX в., ввиду исчерпан-

ности темы и актуальная сегодня только в рамках написания диссертаций. С другой стороны, весьма перспективная (а на наш взгляд единственная), кристаллизующаяся в наше время идея исследования факторов, которые оптимизируют использование ставших классическими тактических приемов.

В англосаксонской исследовательской традиции юридическая психология (law psychology) включает в себя широкий спектр закономерностей, которые у нас в стране частично исследуются в рамках криминалистической тактики, но даже там среди криминалистов актуальна дискуссия «Действительно ли мы наука?» [7. Р. 145]. Исследование же факторов, оптимизирующих использование тактических приемов, способствует пониманию криминалистической тактики как научного знания, а не «философствования на тему».

Рекомендации по уточнению алгоритма действий, исходящие из личностных особенностей лица, на которое оказывается воздействие, и рекомендации по уточнению алгоритма действий, исходящие из личностных особенностей лица, оказывающего воздействие, выступают содержательным наполнением процесса индивидуализации тактического воздействия. Мы осознаем порочную исследовательскую практику генерирования новых терминов, которая, как правило, проистекает из нежелания исследователя проводить практико-ориентированные исследования, однако в помощь начинающим криминалистам сформулируем понятие индивидуализации тактического воздействия.

Индивидуализация тактического воздействия – это адаптированное к конкретной ситуации, прежде всего по кругу лиц, использование тактического приема. На современном этапе развития криминалистической науки элементы, в наибольшей степени подлежащие адаптации – это элементы, проистекающие из особенностей личности лица, на которое оказывается воздействие, и особенностей личности лица, оказывающего воздействие.

Процесс индивидуализации тактического воздействия обладает вполне выраженным видовым разнообразием. Использование абстрактной рекомендации (тактического приема) в рамках конкретных условиях предполагает естественную опору либо на интуитивные алгоритмы, базирующиеся на опыте человека, либо алгоритмы, базирующиеся на научных знаниях. На основе сказанного можно выразить три основные разновидности индивидуализации тактического воздействия:

- интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом опыта;
- интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом эмпатии;
- формализованная индивидуализация тактического воздействия.

Бесспорно, что адаптация используемого тактического приема к условиям конкретной ситуации может быть основана на ситуативном анализе использующего этот прием лица. Необходимо, однако, помнить, что объективность данной разновидности адаптации базируется на широком диапазоне факторов, начиная от опыта специалиста и заканчивая его настроением, а значит, в плане эффективности варьируется в таком же широком диапазоне.

Если личность специалиста тяготеет к рациональной организации, то скорее всего мы будем наблюдать индивидуализацию тактического воздействия, базирующуюся на личном опыте (ранее пережитых ситуациях). Напомним, что модели, базирующиеся на опыте носителя уязвимы, во-первых, в силу неадекватности объема имеющегося опыта требованиям конкретной ситуации, а во-вторых, в силу деактуализации опыта со временем. О второй тенденции исследователи часто забывают, а ведь достаточно сравнить преступность современную и двадцатилетней давности, чтобы понять, что существование специалиста с огромным, но неактуальным опытом есть явление распространенное. Особенно если исследователь или специалист возрастной.

Если личность специалиста тяготеет к иррациональной организации, то, скорее всего, мы будем наблюдать индивидуализацию тактического воздействия, базирующуюся на эмпатийной составляющей. Роль эмоционального прочувствования текущей ситуации крайне слабо исследована в отечественно криминалистической науке, которая в качестве аксиомы ставит доминанту разума в каждой конкретной ситуации расследования.

В целом интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом как опыта, так и эмпатии характеризуются следующими свойствами:

– не являются научными категориями, так как весьма спорным является утверждение, что один человек может собрать достаточно репрезентативный объем информации (напомним, что научные законы могут формулироваться только статистически, путем изучения и анализа большого числа случаев, отобранных методом рандомизации);

– не носят системный характер, в силу слабой формализации (именно из сказанного проистекает сложившаяся традиция бывших практиков из следствия и дознания, перешедших в науку не обобщать полученный ими опыт, так как он ими слабо или проблемно формализуется, а исследовать оторванные от реальности понятийные и сущностные проблемы, выдумывать концептуальные основы одиночных понятий и новые подходы к давно исследованным явлениям);

– крайне зависимы от текущего психологического состояния лица их использующего, т.е. предельно спорные в плане прикладной эффективности.

В чем же причина такого широкого признания столь неэффективных форм индивидуализации тактического воздействия? Причина одна – как интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом опыта, так и интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом эмпатии не предполагают возможности формулирования конкретных выводов, предоставляя возможность исследователю пространно рассуждать об их значимости и неоднозначности. Нет конкретных выводов – нет и критики со стороны коллег, либо эта критика носит предельно полемичный характер.

Мы не отрицаем ценности рассмотренных форм индивидуализации тактического воздействия. Так,

интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом опыта содержательно нередко позволяет оптимизировать тактический прием по времени и месту. Однако интуитивная индивидуализация тактического воздействия с выраженным элементом эмпатии содержательно нередко позволяет оптимизировать тактический прием по кругу лиц. Диапазон этой оптимизации ввиду бесструктурности, о которой говорилось в начале статьи, крайне незначителен, и криминалистическая наука современности давно его переросла. В целом же возможности идеографического подхода, его недостатки и проблематика неоднократно обсуждались исследователями. Криминалистика в рамках идеографического подхода – это прошлое криминалистики.

Из сказанного следует, что только третья форма индивидуализации тактического воздействия, а именно формализованная индивидуализация тактического воздействия, имеет системный характер, предполагающий научность этой формы.

Вывод. Крайне значимо ориентирование на формализованные, а не на интуитивные знания, так как первые олицетворяют научный подход, вторые (в лучшем случае бытовую) – логику.

О формализации в системе «индивидуализация тактического воздействия»

Номотетический подход объективно предполагает формализацию явления как первый шаг к его измерению. Как формализовать абстракцию? Конечно, по частоте ее проявлений в реальности. Так, абстракция «порядочность человека» может быть измерена в количестве доносов, написанных человеком за определенный период времени. К примеру, чем больше количество доносов им написано за определенный период (хотя в целом достаточно и одного), тем четче прослеживается дегенеративность человека, а с определенным допуском – и дефектность его родителей и его потомства. Оговоримся, что под доносом мы понимаем сообщение властям (вообще любому начальству) о чьих-то действиях, предосудительных с точки зрения начальника, но не с точки зрения общества.

Как видно из вышеприведенного случая, феномен человека даже на уровне наименее измеряемых параметров подлежит объективному изучению. Изучение это нам видится в рамках двух основных типовых векторов – персонализации и типизации. Именно в этих двух формах и происходит формализация в системе «индивидуализация тактического воздействия».

Под персонализацией в контексте индивидуализация тактического воздействия мы понимаем выделение таких личностных особенностей, которые будучи измеряемыми позволяют вносить коррективы в использование тактических приемов. В основном в круг упомянутых личностных особенностей мы склонны включать такие наиболее измеряемые конструкции как психологические свойства. Однако в силу того, что индивидуализирующая роль одиночного психологического свойства невысока, а комплексы психологических свойств как системные образования исследованы недостаточно, персонализацию можно вос-

принимать как облегченную (экспресс) форму индивидуализации тактического воздействия, использующую преимущества формализации.

Под типизацией в контексте индивидуализация тактического воздействия мы понимаем выделение таких психотипологических особенностей, которые будучи измеряемыми позволяют вносить коррективы в использование тактических приемов. Типовые модели поведения – идеальное средство индивидуализации тактического приема на современном этапе развития знаний о человеке. Следует однако понимать, что с самого зарождения криминалистической науки отмечалась такая проблема отраслевых правовых наук, как невыраженная способность к использованию достижений иных наук, на право «как на наиболее отсталую из всех дисциплин, которые соприкасались с современными тенденциями», на неспособность к существованию в пространстве современной науки [8], по сути – на проблему научности правовых знаний.

Рассуждая о типировании личности, даже сегодня необходимо признать, что идея сведения многообразия внутреннего мира человека к типовым моделям его поведения не является общепризнанной. Несмотря на это, исследования с помощью приема типизации значительно обогащают криминалистическую тактику [9. С. 207–224].

Объективной основой аргументации против типирования выступает принципиальная многоаспектность человеческой личности. Причиной же данных заявлений является непонимание того, что человек имеет только потенциал многоаспектности, не означающий, однако, что в реальности будет реализована большая часть возможностей этой многоаспектности.

Человек склонен к состоянию гомеостаза (равновесия) как базовому для человеческой психики, что полностью соответствует гомеостатической природе физической системы в целом. Природа человека подчиняется закону гомеостаза, определяющего необходимость уменьшения напряжения и сохранения состояния внутреннего психофизиологического равновесия. Типологическая (точнее психотипологическая) модель идеально «вписывается» в концепцию гомеостаза и выступает определяющей в деятельности каждого человека, хотя последнее и не безоговорочно.

«Когда говорят о “нормальной личности”, то сплошь и рядом забывают, что соединение двух таких терминов, как “личность” или “индивидуальность”, с одной стороны, и “норма” или “средняя величина” – с другой, такого рода соединение грешит внутренним противоречием; это есть соединение двух по существу совершенно не согласных друг с другом терминов. Слово “личность” именно подчеркивает индивидуальное в противоположность схеме, норме, середине. Решительно то же самое относится и к выражению “нормальный характер”» [10. С. 262–269]. Стереотипность личности – величина весьма условная, как и величина, характеризующая индивидуальность. Балансируя между условной нормальностью и неявно выраженной индивидуальностью, которая в силу схожих условий существования объективно незначительна, психотипологический подход представляет собой закономерный

этап исследований личности. Тот самый этап, который и определяет научность применяемого знания, а не его интуитивность, которую предпочитают большее количество практиков, проецирующих в свое психическое напряжение.

Вывод. Исследовательский вектор, ориентированный на индивидуализацию тактических приемов, будет способствовать, прежде всего, их более глубокому научному осмыслению, а на уровне прикладном – более эффективному применению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков О.И. Тактико-криминалистическая основа следственной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 208 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М. : Изд-во МГУ, 1980. 417 с.
3. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб. : Издание К.Л. Риккера, 1908. 175 с.
4. Психология. Словарь. М. : Политиздат, 1990. 494 с.
5. Ахмедшин Р.Л., Воронин С.Э. Моделирование в криминалистической деятельности. Красноярск : АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2019. 281 с.
6. Дулов А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М. : Юрид. лит., 1973. 168 с.
7. David M. *Miranda evidence found: an approach to crime scene investigation*. N. Y. : Elsevir, 2015.
8. Gross H. *Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students*. Boston : Little, Brown and Co, 1915.
9. Юань В.Л., Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л. Выявление истероидной акцентуации у обвиняемого с помощью анализа его речи, поведения и биографии // *Правосудие*. 2020. Т. 2, № 1. С. 207–224.
10. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика, некоторые общие соображения и данные // *Психология индивидуальных различий* / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 262–269.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 апреля 2021 г.

Individualization of Tactical Impact: Theoretical and Applied Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 202–206.

DOI: 10.17223/15617793/466/24

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation); West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: tactic; impact; personality of person under investigation; personality of investigator; individualization of tactical impact.

The article reveals the nature of the phenomenon that fundamentally determines the effectiveness of the forensic tactic, a section of forensic science. The range of problems affects methodological, historical, forensic, and psychological aspects. The result of the study was a model of tactical and forensic impact, which has not only theoretical, but also practical and applied value. The object of the research is a complex of backbone elements of the phenomenon of impact as a unique form of forensic interaction of participants in the investigation. In the study, the general methods of analysis, synthesis, systemic and structural methods and the specific methods of biographical analysis, statistical analysis, comparative historical analysis, and expert assessment were used. The article contains the following conclusions. Legal impact must be recognized as tactically and ethically permissible if it implies the possibility of variability of the reaction of the affected person, which preserves the freedom of choice for the person under investigation. A tactical technique, which boils down to only a recommendation without regard to the conditions in which they are implemented, can be recognized as an archaism today. Orientation to formalized rather than intuitive knowledge is extremely significant since the former personifies the scientific approach and the latter, at best, everyday logic. Personalization, in the context of the individualization of tactical impact, is understood as the selection of such personal characteristics that, being measured, will allow making adjustments to the use of tactical techniques. However, due to the fact that the individualizing role of a single psychological property is low, and complexes of psychological properties as systemic formations have not been studied enough, personalization can be perceived as a facilitated (express) form of individualization of tactical impact using the advantages of formalization. Typification, in the context of the individualization of tactical impact, is understood as the selection of such psychotypological features that, being measured, will allow making adjustments to the use of tactical techniques. Typical models of behavior are an ideal means of individualizing a tactical technique at the present stage of development of knowledge about a person. The research vector focused on the individualization of tactical techniques will contribute, at the theoretical level, to their deeper scientific understanding and, at the applied level, to their more effective application.

REFERENCES

1. Zhukov, O.I. (2006) *Taktiko-kriminalisticheskaya osnova sledstvennoy deyatel'nosti* [Tactical and forensic basis of investigative activity]. Law Cand. Diss. Moscow.
2. Andreeva, G.M. (1980) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Moscow State University.
3. Bekhterev, V.M. (1908) *Vnushenie i ego rol' v obshchestvennoy zhizni* [Suggestion and its role in public life]. St. Petersburg: Izdanie K.L. Rikкера.
4. Abramenkova, V.V. et al. (1990) *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. Moscow: Politizdat.
5. Akhmedshin, R.L. & Voronin, S.E. (2019) *Modelirovanie v kriminalisticheskoy deyatel'nosti* [Modeling in forensic activities]. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology.
6. Dulov, A.V. (1973) *Osnovy psikhologicheskogo analiza na predvaritel'nom sledstvii* [The basics of psychological analysis in the preliminary investigation]. Moscow: Yurid. lit.
7. David, M. (2015) *Miranda evidence found: an approach to crime scene investigation*. N. Y.: Elsevir.
8. Gross, H. (1915) *Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students*. Boston: Little, Brown and Co.
9. Yuan', V.L., Alekseeva, T.A. & Akhmedshin, R.L. (2020) Identification of hysterical accentuation in the accused by analyzing his speech, behaviour and biography. *Pravosudie – Justice*. 2 (1). pp. 207–224. (In Russian). DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.207-224
10. Gannushkin, P.B. (1982) *Klinika psikhopatii: ikh statika, dinamika, sistematika, nekotorye obshchie soobrazheniya i dannye* [Clinic of psychopathies: their statics, dynamics, systematics, some general considerations and data]. In: Gippenreyter, Yu.B. & Romanov, V.Ya. (eds) *Psikhologiya individual'nykh razlichiy* [Psychology of individual differences]. Moscow: Moscow State University. pp. 262–269.

Received: 29 April 2021

А.А. Бессонов, А.А. Гайворонская

ПРАЙМИНГ И ЕГО ЭФФЕКТЫ В ПОЛУЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Исследуется феномен прайминга, его эффекты при получении и оценке показаний допрашиваемых по уголовным делам. Доказывается, что внедрение приемов прайминга в деятельность следователей поможет установить взаимосвязь явлений, процессов, факторов, о содержании которых нет ясного представления, в то время как необходимо установить криминалистически значимую информацию о преступлении.

Ключевые слова: прайминг; прайм; криминалистически значимая информация; допрашиваемый; память; воспроизведение; допрос; оценка показаний.

В практике расследования преступлений нередко возникают проблемы, связанные с получением криминалистически значимой информации, необходимой для успешного решения задач этого вида деятельности. В свою очередь, под криминалистически значимой информацией понимаются сведения, имеющие отношения к расследуемому преступлению и позволяющие в досудебной стадии судопроизводства по уголовному делу исчерпывающе установить обстоятельства происшедшего криминального события и причастного к нему лица (лиц) [1]. Такая информация выступает одним из инструментов установления предмета доказывания по уголовному делу. Проблема получения доказательств занимает центральное место в уголовном процессе и рассматривается в качестве системы действий участников на предварительном следствии, связанных с познанием и моделированием событий прошлого, прогнозированием процесса расследования в будущем и получением доказательственной и ориентирующей информации.

Разработку теоретических основ представления доказательств в системе способов собирания, фиксации, проверки и оценки доказательств в рамках теории и практики уголовного процесса и криминалистики осуществляли: Т.В. Аверьянова, В.Д. Арсеньев, А.Р. Рати-

нов, А.Р. Белкин, Р.С. Белкин, О.Я. Баев, М.В. Кроз, Н.И. Порубов, М.С. Строгович и другие исследователи. Большой вклад в теоретическое обоснование теории доказательств внесли С.А. Шейфер, В.И. Диденко, А.М. Ларин и другие ученые, однако они исследовали лишь отдельные аспекты использования доказательств по уголовным делам (прежде всего – предметы и документы). Между тем представляется, что сегодня в трансформировавшихся под воздействием научно-технологического развития условиях остро стоит вопрос о получении и оценке таких доказательств, как показания человека, с точки зрения их полноты и достоверности на основе новейших достижений различных областей научного знания, прежде всего психологической науки.

Анализ изученных материалов уголовных дел о 1 300 преступлениях против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности показал, что в структуре доказательств, на основе которых установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых (подозреваемых) занимают более половины (54,7%). Более наглядно структура и распределение видов показаний участников досудебной стадии уголовного процесса продемонстрированы на рис. 1.

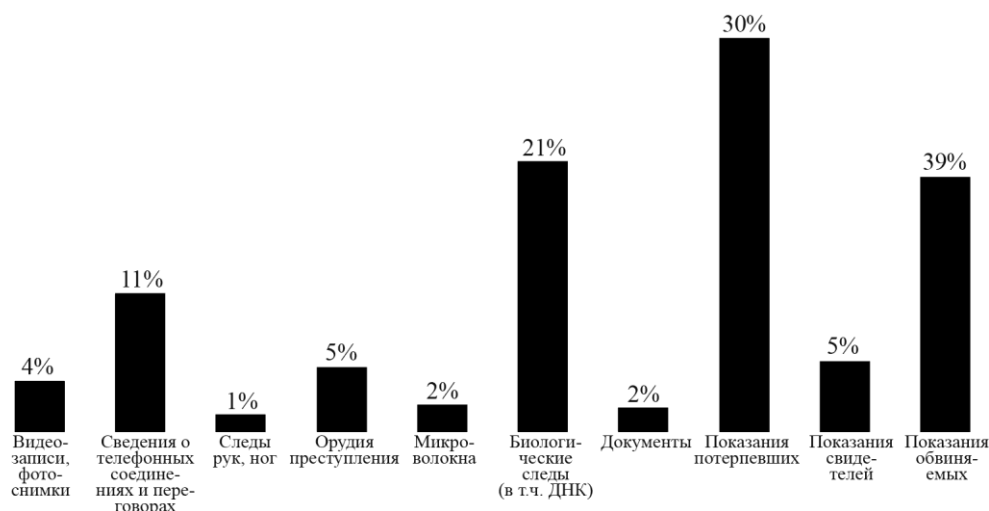

Рис. 1. Структура доказательств, подтверждающих обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу

В этой связи нами выдвинута рабочая гипотеза, что важную роль в системном подходе при получении и оценке показаний допрашиваемых по уголовному

делу лиц играет феномен прайминга, способствующий активации поведенческих и следовых проявлений памяти человека с целью воспроизведения в по-

казаниях полной и объективной криминалистически значимой информации.

Объектом изучения выступила зафиксированная с помощью видеозаписи при производстве по уголовным делам деятельность допрашивающего и допрашиваемого лиц в ситуации такого следственного действия, как допрос. Эмпирическую базу исследования составили материалы более 250 уголовных дел (убийства, изнасилования, преступления против собственности и пр.), из которых просмотрено свыше 302 видеоматериалов допросов.

Сложность в получении и оценке этого вида доказательств заключается в необходимости учета разнообразных психологических факторов, связанных с закономерностями запоминания, сохранения и последующего воспроизведения допрашиваемым значимой для уголовного дела информации. При этом необходимо помнить, что память (воспоминания) определяются тем, во что человек верил, о чем он думал и что ему говорили. Грань между ложью и реальностью может быть условна, а применение разнообразных техник (например, использование наводящих вопросов и др.) может трансформировать или исказить память (воспоминания) допрашиваемых [2].

Нельзя не отметить что, исследования в различных сферах психологии (психология внимания, памяти, когнитивная психология, нейропсихология) так и не дали однозначных ответов на вопросы: «Можно ли извлекать (анализировать) из массива информации, в том числе несознаваемой, конкретные признаки, показатели?», «Как проявляются локальные эффекты влияния неосознаваемой информации на осознаваемую когнитивную деятельность?» или «Как устанавливать признаки достоверности показаний, включая признаки искажения, сокрытия информации, конструирование ложных сообщений и др.?» и т.д. [3]. В то же время решение таких вопросов является краеугольным камнем в расследовании преступных деяний.

Думается, что ответы на эти вопросы базируются на переходе от микроструктурного анализа операционного состава процессов памяти к уровню макроструктурного анализа на уровне целостной структуры психической деятельности. Именно системный подход должен лежать в основе использования поведенческих и следовых проявлений памяти в воспроизведении допрашиваемым по уголовному делу криминалистически значимой информации.

В практической деятельности при производстве следственных действий возникают такие ситуации, когда допрашиваемому, например свидетелю, необходимо вспомнить цвет наблюдаемого в связи с совершенным преступлением предмета, описать его форму, восстановить временную последовательность событий, действий конкретных лиц и т.п. В этом случае следователь использует тактические приемы, способствующие реконструкции события произошедшего. Например, допрос с применением психологического реагента, допрос на месте события (приемы активизация памяти), допрос с использованием ассоциативных связей, повторный допрос по ограниченному кругу обстоятельств (использование механизмов реминис-

ценции) и др. Как показал анализ научной литературы и упомянутых материалов уголовных дел, в основе данных тактических приемов лежат феномен прайминга и его эффекты. Применение этих методов (интуитивно или осознанно) используется следователями для получения полного объема информации об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по делу.

Исходя из выдвинутой гипотезы цель проведенного исследования заключалась в изучении закономерностей получения и оценки криминалистически значимой информации с использованием феномена прайминга. В процессе исследования использовались, в частности, такие методы, как теоретический метаанализ, синтез, обобщение, научная дедукция, моделирование, а также методы математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение

В зарубежных исследованиях открыли и описали феномен прайминга когнитивные психологи Д. Шахтер, Дж. Барг, С. Чейк и др. [4]. В отечественной психологии данными исследованиями занимались М.В. Фаликман (решение мыслительных задач, тип прайма), А.Я. Койфман (семантический прайминг, установка), Е.М. Лаптева, Е.А. Валуева (феномен подсказки) и др. [5, 6].

Термин «прайминг» (от англ. *to prime* – подготавливать, инструктировать, давать установку) определяется как «явление имплицитной памяти» (автоматическая, автобиографическая и т.п.) и описывается при помощи таких феноменов, как «эффект предшествования», «подсказка», «подготовка», «преднастройка» [7]. Распознавание объекта или актуализация в памяти информации о нем в результате хронологически более ранней встречи с ним представляет собой прайминг [8]. Прайминг – это воздействие воспоминаний (часто неосознаваемых, произвольных) на другие последующие действия человека. В проявлениях этого феномена обнаруживается взаимодействие между всеми уровнями психики, в том числе поведения. Это выступает показателем «преднастроенности когнитивной системы прошлым опытом» [9].

Эффекты прайминга (эффекты предшествования) фиксируют тот факт, что ранее воспринятая информация не исчезает в никуда, а находит свои проявления в психической деятельности. Преднастроенность когнитивной системы прошлым опытом связана с процессами восприятия, внимания, памяти, как способность опознать или извлечь из памяти информацию в результате особой предшествующей встречи с конкретным элементом объективной реальности.

Механизм действия эффекта прайминга выражается в том, что *раздражители* (праймы) латентно или косвенно участвуют в воспроизведении информации, проявляются на основе внешних признаков описываемого события (перцептивный эффект); на основе концептов, описывающих и определяющих изучаемое событие (семантический эффект); на основе близости, похожести происходящих событий (ассоциативный эффект), когда описываемое событие помогает вспомнить другое событие.

Процессы, лежащие в основе прайминга и его эффектов, можно объяснить векторной психофизиологией на основе ориентировочного рефлекса. Ориентировочный рефлекс – это главное (ключевое) звено между рефлексами и осознанным формированием автоматизмов (рефлексов, выработанных при осознании ситуации). Действие ориентировочного рефлекса объяснено в концепции «нервной модели стимула». По факту, ориентировочный рефлекс – это нейронный механизм генерации «сигнала новизны», инициирующего запуск *ориентировочного рефлекса*.

В результате при воздействии раздражителя в памяти формируется его след – нервная модель [10]. Новизна выступает как прайм безусловного ориентировочного рефлекса и зависит от сигнала рассогласованности, запускаемого при несовпадении нервной модели стимула с возбуждением. Психологический аспект прайминга связан с непроизвольными и неосознаваемыми феноменами, оказывающими влияние на результаты сознательного поведения и деятельности [11]. Условием формирования действий (по П.Я. Гальперину) является ориентировочная основа действия (ориентировочный рефлекс), который появляется при воздействии раздражителя (прайма) и предназначен для обеспечения адекватного выбора из разных вариантов [12].

Таким образом, содержание имплицитной памяти можно извлечь, используя ориентировочные рефлексы, которые проявляются в психофизиологических изменениях организма в ответ на прайм. Обнаруженные локальные (мнемические, семантические, перцептивные и др.) эффекты прайминга представлены в экспериментальных исследованиях [13]. Эти эффекты могут быть долговременными или кратковременными. Чем более узнаваем прайм (раздражитель), тем сильнее выражен эффект прайминга; чем больше повторений одного и того же стимула, тем ярче эффект. Наибольший эффект достигается при малом количестве праймов и большом количестве повторений [14].

В соответствии с практическими задачами следствия, процесс извлечения криминалистически значимой информации из памяти связан с переходом от реального события, факта к его представлению в формальном, реконструированном виде. Личность использует (применяет) осознано или неосознанно всю информацию, накопленную априори в ходе жизнедеятельности, и важно, насколько данная информация готова к использованию (употреблению).

Психофизиологическим подтверждением проявления этих механизмов, в том числе объясняющих феномен прайминга, выступает тот факт, что установленная скорость когнитивной обработки информации равна 13 миллисекундам [15]. Тем более, что в практической деятельности это составляет теоретическую основу использования современных инструментальных средств: полиграфа, айтрекера и пр., для фиксации скорости ответа на интересующий следствие вопрос с целью вывода о том, насколько данная информация имеет свои следы в памяти человека.

Как показало наше исследование, разработанные в психологической науке (М.В. Фаликман, А.Я. Кофман) приемы на основе прайминга возможно применять и

для получения криминалистически значимой информации в ходе расследования преступных деяний:

- поиск ассоциаций, связанных с привязкой к какому-либо событию (*прием сходства*);
- обнаружение последовательности разных событий во времени (*прием смежности*);
- выявление скрытых закономерностей по категориям (описаниям) событий (данных) путем выявления причинно-следственных механизмов исследуемой ситуации (*прием контраста*);
- оценка влияния событий на развитие ситуации (*прием наглядности*);
- классифицирование (распознавание), осуществляемое путем поиска критериев, по которым можно было бы отнести события, ситуации, процессы к той или иной категории (*прием смежности*);
- кластеризация, основанная на группировании объектов по каким-либо признакам (*прием классификации*);
- прогнозирование (моделирование) развития событий и ситуаций (*прием мысленного моделирования*) [5].

Предлагается следующая общая процедура извлечения из памяти допрашиваемого криминалистически значимой информации: допрашиваемому предъявляются праймы/раздражители (это могут быть звуки, запахи, фотографии, схемы, связанные с местом происшествия и/или преступления) и др. Как правило, такие праймы предъявляются как бы случайным образом. Если это предметы, то они располагаются на втором плане и должны быть видны допрашиваемому. Увидев, почувствовав, услышав раздражитель (прайм), который для допрашиваемого выступает так называемым неммым свидетелем, происходит реакция, а затем некое действие, даже в условиях, если допрашиваемый не помнит события совершенного им или в его присутствии во время преступления. Если допрашиваемый не воспроизводит или не извлекает криминалистически значимую информацию, возникает негативный прайминг, проявления которого надо снижать, изменяя раздражители (праймы) или корректируя условия проведения допроса.

В качестве подтверждения изложенного приведем примеры из реальных уголовных дел, в ходе производства по которым использовались тактические приемы, базирующиеся на феномене прайминга, для выяснения обстоятельств совершенного преступления. Допрашиваемому А.В. (ч. 1. ст. 105 УК РФ) в момент преступления находившемуся в состоянии алкогольного опьянения, необходимо было вспомнить место совершения преступления. Следователь в ходе допроса предложил ассоциации, с привязкой к предполагаемому месту: «комната», «ванная», «кухня», «подвал». При слове кухня допрашиваемый побледнел и стал давать детальные показания о совершенном преступлении (*прием сходства*).

По другому уголовному делу в отношении допрашиваемого А.П. (ч. 1. ст. 105 УК РФ) использован *прием смежности*. Ему были заданы вопросы, в которых упоминалась последовательность событий: 1. Посещение магазина. 2. Встреча знакомого. 3. Покупка сигарет «Максим». 4. Посещение гостей. Это поз-

волило реконструировать последовательность событий и получить подробные показания, содержащие важную криминалистически значимую информацию.

В ходе расследования преступления, квалифицированного по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, для установления причинно-следственных связей механизма криминального события (реконструкции) был использован прием контраста. Так, допрашиваемому (свидетелю) сначала были заданы вопросы, а потом ему показали скриншоты экрана монитора, сделанные в ходе осмотра видеозаписи с камер внутреннего и наружного наблюдения. В результате была установлена точная реконструкция как самого расследуемого события, так и его участников.

Не менее значимо то, что применение тактических приемов с эффектом прайминга в условиях конфликтной ситуации допроса помогает скорректировать уровень противодействия допрашиваемого. К примеру, в процессе производства по уголовному делу, возбужденному по ч. 4 ст. 111 УК РФ, допрашиваемый в качестве обвиняемого С.А. вину свою не признал и настаивал на том, что действия (он нанес удар по животу, столкнулся с лестницы и др.) совершены им по неосторожности. Следователь при допросе перечислил все телесные повреждения, которые были причинены потерпевшему, т.е. использовал прием наглядности. В результате удалось установить, что допрашиваемый целенаправленно искажал обстоятельства совершенного им преступления, чтобы избежать уголовной ответственности за совершенное особо тяжкое преступление против жизни и здоровья, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 15 лет.

Использование релевантных раздражителей / праймов снижает проявления психологических защит, которые допрашиваемым могут и не осознаваться. К релевантным раздражителям можно отнести взгляды, запахи, звуки, которые в своем единстве активируют информацию, делая ее более доступной для использования. Выбор стимулов, оценка предыдущего опыта способствует интерпретации конкретных форм поведения, которые могут и не контролироваться сознанием, несмотря на то, что понимание причины воспроизведенной информации допрашиваемым приходит к нему намного позже.

При изучении следователем двух событий, следующих друг за другом, целесообразно сначала выявить раздражители, связанные с общей характеристикой обоих событий (прием смежности). Далее нужно определить отношение допрашиваемого к последующему событию и зафиксировать его реакцию на него. В качестве примера приведем уголовное дело, в ходе производства по которому допрашиваемому Б.Е. (ч. 1 ст. 105 УК РФ), подозреваемому в убийстве женщины, были заданы вопросы о его профессиональной деятельности. Поскольку он до криминального инцидента работал в колхозе пастухом, ему был задан вопрос: «Приходилось ли ему резать скотину по просьбе соседей?». По замыслу следователя события (забой

домашнего скота и нанесение колото-резаных ранений убитой) имеют логическую связь между собой и тем самым способны вызвать эмоционально значимую реакцию у допрашиваемого. Это позволило побудить допрашиваемого пойти на сотрудничество со следствием и дать признательные показания.

Выводы: во-первых, в тех случаях, когда допрашиваемое лицо готово к даче показаний, но по каким-то причинам (физиологические, психологические) не может этого сделать, использование эффектов прайминга поможет изменить такую ситуацию в благоприятную сторону. Во-вторых, в конфликтных ситуациях допроса использование эффектов прайминга помогает скорректировать несознаваемые проявления психологических защит, снизить проявления психологической травмы, установить психологический контакт.

В-третьих, анализ содержания информации на несознаваемом уровне, поиск признаков и категорий (сравнение с эталонами памяти) связан с обнаружением этой информации в пространстве (массиве) имплицитной памяти, при этом критерии такого отбора детерминированы долговременной памятью, сохраняющей эталоны, мотивационные установки и способы переработки входной информации.

В-четвертых, локальные эффекты несознаваемой информации отражаются в осознаваемой когнитивной деятельности, особенно при изучении следственных ситуаций. Использование таких тактических приемов способствует расследованию преступлений.

Обсуждение

Потенциал использования эффектов прайминга при проведении следственных действий, направленных на получение показаний участников досудебной стадии уголовного судопроизводства (свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых), расширяет возможности получения криминалистически значимой информации. Вместе с тем тактика использования этого феномена в деятельности по расследованию преступных деяний требует более глубокого научного изучения и экспериментального подтверждения. В ходе такого исследования обязательно следует уделить внимание изучению силы воздействия различного вида праймов, тактике их использования в разнообразных следственных ситуациях, применению в инструментальных исследованиях (полиграф, айтрекер).

Представляется целесообразным создание кейсов, соединяющих в себе разные праймы (звуки, запахи, символы, изображения и т.п.) и позволяющих предъявлять их в разных реальных ситуациях допроса (изменение положения в пространстве, изменение цвета, размера, угол наклона, поворот и др.).

Внедрение приемов прайминга в практическую деятельность следователей поможет установить взаимосвязь явлений, процессов, факторов, о содержании которых нет ясного представления, в то время как необходимо установить криминалистически значимую информацию о преступлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов В.О. О категории «криминалистически значимая информация» в контексте концепции криминалистического учения об организации расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 67.
2. Лофтус Э.Ф. Ложные воспоминания. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1719.html> (дата обращения: 18.02.2021).
3. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я., Васкэ Е.В., Дозорцева Е.Г., Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., Шипшин С.С., Ошевский Д.С., Бердников Д.В., Секераж Т.Н., Калинин А.Н. О неправомочности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы // Психология и право. 2016. Т. 6, № 3. С. 61–78.
4. Bargh J.A., Chaik S., Govender R., Pratto F. The generality of the automatic attitude activation effect // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. № 62. P. 893–912. DOI: 10.1037//0022-3514.62.6.893
5. Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2005. № 3. С. 86–97.
6. Лаптева Е.М., Валуева Е.А. Феномен подсказки при решении задач: взгляд со стороны психологии творчества часть 1. Прайминг-эффекты // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8, № 4. С. 134–146.
7. Фаликман М.В. Прайминг и прайминг_эффекты (эффекты предшествования). URL: <http://old.virtualcoglab.ru/projects/priming.html> (дата обращения: 10.01.2021).
8. Schacter D.L., Buckner R.L. Priming and the brain. Review // Neuron. 1998. Vol. 20. P. 185–195. DOI: 10.1016/s0896-6273(00)80448-1
9. Аллахвердов В.М. Процесс осознания в контексте когнитивной науки // Психология. Журнал ВШЭ. 2006. № 2. С. 56–61.
10. Соколов Е.Н. Механизмы памяти: Опыт экспериментального исследования. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. 176 с.
11. Тимошенко Е.А. Теоретические и экспериментальные истоки прайминг-эффектов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-8. С. 1779–1783.
12. Гальперин П.Я. Основные результаты исследований по проблеме «формирование умственных действий и понятий»: Доклад на соискание учен. степени доктора пед. наук (по психологии) по совокупности работ / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филос. фак-т. Отд-е психологии. М., 1965. 51 с.
13. Койфман А.Я. Решение задачи категоризации при разных формах категориального прайминга // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8, № 3. С. 102–110.
14. Костригин А.А., Петренко В.Ф. Оценочный прайминг как перспективный метод анализа бессознательных личностных установок: обзор зарубежных исследований // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1 (112). С. 131–146. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-1-112-131-146
15. Potter M.C., Wyble B., Hagmann C.E., McCourt E.S. Detecting meaning in RSVP at 13 ms per picture // Attention, Perception, & Psychophysics. 2014. Vol. 76. P. 270–279.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 марта 2021 г.

Priming and Its Effects in Obtaining Forensically Relevant Information

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 207–212.

DOI: 10.17223/15617793/466/25

Alexey A. Bessonov, Main Forensic Department of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: bestallv@mail.ru

Alexandra A. Gaivoronskaya, Main Forensic Department of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: agajvoronskaya@yandex.ru

Keywords: priming; prime; forensically significant information; interrogated person; memory; reproduction; interrogation; evaluation of testimony.

The article deals with the phenomenon of priming, its effects in obtaining and evaluating the testimony of interrogated persons in criminal cases. The problem of obtaining evidence is central to the criminal process and is considered as a system of actions of participants in the preliminary investigation related to the knowledge and modeling of past events, forecasting the investigation process in the future and obtaining evidentiary and orienting information. The analysis of the studied materials of criminal cases on 1,300 crimes against life and health, sexual integrity and sexual freedom of the individual showed that, in the structure of evidence, the testimony of witnesses, victims, accused persons (suspects) occupies more than a half (54.7%). An important role in obtaining and evaluating the testimony of persons questioned in a criminal case is played by priming, which promotes the activation of behavioral and trace manifestations of human memory in order to reproduce complete and objective forensically significant information in the testimony. The object of the study was the activity of the interrogator and the interrogated person video recorded during the criminal proceedings in the situation of interrogation. The empirical basis of the study was materials of more than 250 criminal cases (murders, rapes, crimes against property, etc.), of which more than 302 video materials of interrogations were viewed. When the interrogated person is ready to give evidence, but for some reason (physiological, psychological) cannot do it, the use of priming effects will help to change this situation in a favorable direction. In conflict situations of interrogation, the use of priming effects helps to correct the unconscious manifestations of psychological defenses, reduce the manifestations of psychological trauma, and establish psychological contact. The analysis of the content of information at an unconscious level, the search for features and categories (comparison with memory standards) is associated with the detection of this information in the space (array) of implicit memory; at the same time, the criteria for such a selection are determined by long-term memory that preserves standards, motivational attitudes and ways of processing input information. Local effects of unconscious information are reflected in conscious cognitive activity, especially in the study of investigative situations. The use of such tactics contributes to the investigation of crimes. The potential for using priming effects in conducting investigative actions aimed at obtaining the testimony of participants in the pre-trial stage of criminal proceedings (witnesses, victims, suspects, accused persons) expands the possibilities for obtaining information. The tactic of using priming in the investigation of criminal acts requires a deeper scientific study and experimental confirmation.

REFERENCES

1. Davydov, V.O. (2014) O kategorii “kriminalisticheski znachimaya informatsiya” v kontekste kontseptsii kriminalisticheskogo ucheniya ob organizatsii rassledovaniya prestupleniy [On the category of “forensically significant information” in the context of the concept of forensic doctrine on the organization of crime investigation]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2-2.
2. Loftus, E.F. (2021) *Lozhnye vospominaniya* [False memories]. [Online] Available from: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1719.html> (Accessed: 18.02.2021).
3. Smirnova, S.A. et al. (2016) O nepravomernosti opredeleniya dostovernosti pokazaniy putem sudebnoy ekspertizy [On the illegality of determining the reliability of testimony by forensic examination]. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 6 (3). pp. 61–78.
4. Bargh, J.A., Chaiké, S., Gøvender, R. & Pratto, F. (1992) The generality of the automatic attitude activation effect. *Journal of Personality and Social Psychology*. 62. pp. 893–912. DOI: 10.1037//0022-3514.62.6.893
5. Falikman, M.V. & Koyfman, A.Ya. (2005) Vidy prayminga v issledovaniyakh vospriyatiya i pertseptivnogo vnimaniya [Types of priming in studies of perception and perceptual attention]. *Vestnik MGU. Ser. 14. Psikhologiya – Moscow University Psychology Bulletin*. 3. pp. 86–97.
6. Lapteva, E.M. & Valueva, E.A. (2011) Fenomen podskazki pri reshenii zadach: vzglyad so storony psikhologii tvorchestva chast' 1. Praying-effekty [The Phenomenon of Hints in Problem Solving: A View from the Psychology of Creativity Part 1. Priming Effects]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 8 (4). pp. 134–146.
7. Falikman, M.V. (2021) *Praying i praying-effekty (effekty predshestvovaniya)* [Priming and priming effects (precedence effects)]. [Online] Available from: <http://old.virtualcoglab.ru/projects/priming.html> (Accessed: 10.01.2021).
8. Schacter, D.L. & Buckner, R.L. (1998) Priming and the brain. Review. *Neuron*. 20. pp. 185–195. DOI: 10.1016/s0896-6273(00)80448-1
9. Allakhverdov, V.M. (2006) Protseess osoznaniya v kontekste kognitivnoy nauki [The awareness process in the context of cognitive science]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2. pp. 56–61.
10. Sokolov, E.N. (1969) *Mekhanizmy pamyati: Opyt eksperimental'nogo issledovaniya* [Memory Mechanisms: An Experimental Study]. Moscow: Moscow State University.
11. Timoshenko, E.A. (2015) Teoreticheskie i eksperimental'nye istoki praying-effektov [Theoretical and experimental origins of priming effects]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2-8. pp. 1779–1783.
12. Gal'perin, P.Ya. (1965) *Osnovnye rezul'taty issledovaniy po probleme “formirovanie umstvennykh deystviy i ponyatiy”* [The main results of research on the problem of “the formation of mental actions and concepts”]. Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
13. Koyfman, A.Ya. (2011) Reshenie zadachi kategorizatsii pri raznykh formakh kategorial'nogo prayinga [Solving the categorization problem for different forms of categorical priming]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 8 (3). pp. 102–110.
14. Kostrigin, A.A. & Petrenko, V.F. (2020) Evaluative Priming as a Promising Method of the Study of Unconscious Personal Attitudes: The Review of Foreign Research. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1 (112). pp. 131–146. (In Russian). DOI: 10.20323/1813-145X-2020-1-112-131-146
15. Potter, M.C., Wyble, B., Haggmann, C.E. & McCourt, E.S. (2014) Detecting meaning in RSVP at 13 ms per picture. *Attention, Perception, & Psychophysics*. 76. pp. 270–279.

Received: 10 March 2021

С.В. Бурмагин

ТРЕБОВАНИЕ ЗАКОННОСТИ РЕШЕНИЙ УГОЛОВНОГО СУДА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Предъявляемое в уголовном процессе к приговору и иным решениям суда требование законности исследовано с позиции современного правопонимания. Рассмотрены правовые источники нормативных предписаний, которым должно соответствовать судебное решение. В историческом контексте проанализированы основные стороны (аспекты) требования законности судебных решений в уголовном процессе и сформулированы его содержательные компоненты. Выявлено несовершенство законодательного закрепления требования законности решений суда и предложены способы его оптимизации.

Ключевые слова: принцип законности; правосудие; судебное решение; приговор; требование законности судебных решений; нарушение закона.

Введение

В российской процессуальной науке законность признается неотъемлемым свойством приговора и иных судебных решений, образующим в совокупности с другими свойствами решений суда: обоснованностью, мотивированностью и справедливостью – систему взаимосвязанных условий, соблюдение которых обеспечивает вынесение судом правосудного решения [1. С. 7, 11; 2. С. 6, 15; 3. С. 53–54; 4. С. 88, 97; 5. С. 88–90, 112–113; 6. С. 52]. Требование законности выделяется в качестве конструктивного элемента правосудности уголовно-процессуальных решений суда ввиду его нормативной определенности (ст. 7, 297, 305, 307 УПК РФ) и распространяется на любые их виды.

Судебные решения наделяются свойством законности посредством выполнения (соблюдения) судом в ходе осуществления правосудия конкретно-определенных правовых требований, охватываемых понятием законности судебного акта. Являясь предъявляемым к судебному решению требованием и одним из условий его правосудности, законность изначально предстает в качестве идеального образа судебного решения («желаемого результата»), но будучи реализованным в конкретном судебном решении становится его внутренним свойством [7. С. 20].

Правовое требование законности судебного решения вытекает из принципа законности уголовного судопроизводства и полностью охватывается его содержанием. В свою очередь принцип законности уголовного процесса есть проявление таких социально-правовых реалий более общего порядка, объединенных единым термином «законность», как «принцип, режим и метод функционирования общества и государства, в основе которых лежит точное исполнение законов и подзаконных актов государственными органами, должностными лицами, общественными объединениями и гражданами» [8. С. 63].

Таким образом, законность как «общеправовой принцип, общеправовое требование, которому должна отвечать деятельность всех государственных органов и должностных лиц, юридических и физических лиц» [9. С. 101], распространяет свое действие на деятельность суда по осуществлению правосудия и обязывает суд при ведении уголовного производства строго следовать нормам права.

Обеспечение законности выносимых в процессе уголовного судопроизводства актов правосудия требует в первую очередь ясного и однозначного представления о содержании данного императивного требования, которое не имеет достаточно четкой и исчерпывающей регламентации в нормах УПК РФ. В связи с этим актуальной остается задача законодательного закрепления всех сторон и составных элементов правового требования законности применительно к уголовно-процессуальным актам суда. Для ее решения необходимо на доктринальном уровне точно определить характер и объем правовых предписаний, которым должны соответствовать принимаемые судом процессуальные решения, но прежде – уточнить правовые источники этих предписаний.

Современное доктринальное толкование понятия законности судебных решений

По мнению некоторых исследователей, употребление категории «законность» в качестве принципа судебного правоприменения (Р.Р. Рафиков) или для обозначения соответствующего свойства судебного решения (М.В. Беляев) изжило себя, не отвечает современным реалиям, поскольку неадекватно (искаженно и не в полной мере) отражает существо обозначаемых ею понятий.

Р.Р. Рафиков в связи с этим предлагает считать принципом судебного правоприменения не законность, традиционно означающую, по его мнению, лишь общеобязательность действующих юридических норм, их непереносное и строжайшее соблюдение независимо от их качества, а принцип «правозаконности», который тоже означает «строгое и неукоснительное проведение в жизнь юридических норм, но не любых, а, прежде всего и главным образом, начал гуманистического права, основных неотъемлемых прав человека, других связанных с ними правовых институтов и принципов» [10. С. 16]. При этом данный автор убежден, что понятие правозаконности «применительно к специфическим российским реалиям позволяет соединить и проводить две величайшие идеи: принцип господства права и принцип верховенства закона» [10. С. 17].

М.В. Беляев, в свою очередь, пришел к выводу, что «законность не вполне точно характеризует соот-

ветствующее свойство судебного решения, поскольку формально означает лишь соблюдение требований нормативно-правовых актов, что не охватывает всей совокупности правовых норм, регулирующих процесс принятия решения и его содержание», поэтому «теоретически обоснованным и практически необходимым представляется определение в качестве важнейшего свойства судебного решения его соответствие требованиям правовых норм (правовой характер судебного решения)» [5. С. 129].

Разделяя озабоченность указанных авторов преданием судебному правоприменению в целом и судебным решениям в частности большей правовой основательности и поддерживая их стремление подчеркнуть объективно необходимое соответствие судебных актов не только законодательным установлениям, но и иным формам права, тем не менее, не считаем остро необходимым устранение привычного понятия законности из характеристики судебных правоприменительных актов и его замену на предлагаемые «правозаконность» (Р.Р. Рафиков) либо «правовой характер судебного решения» (М.В. Беляев), так как, во-первых, проблема состоит не в терминологическом обозначении исследуемого требования (принципа), а в адекватности смыслового значения, вкладываемого в него доктриной и правоприменительной практикой, а во-вторых, предлагаемые указанными авторами формулировки не представляются безукоризненными с точки зрения удобочитаемости, ясности и точности передачи вложенного в них смысла.

На наш взгляд, термин «правозаконность» несет в себе некоторое противопоставление права и закона, что представляется принципиально неверным и при употреблении каждый раз требует разъяснений соотношения соединенных в нем понятий. Фраза «правовой характер судебного решения», как мы понимаем, буквально означает относимость судебного решения к правовым явлениям и подчеркивает его юридическое значение, поэтому использование словосочетания «правовой характер судебного решения» в придаваемом М.В. Беляевым смысле вынужденно сопровождается пояснением о «соответствии решения требованиям правовых норм», что удлиняет, хотя это, безусловно, дело вкуса, и без того не лаконичное название соответствующего свойства.

Безусловно, нельзя отрицать, что с началом судебно-правовой реформы (с конца 1980-х гг.) и на протяжении всего периода государственно-правовых преобразований современной России вследствие множества социально-политических, идеологических, правовых, мировоззренческих, культурологических и иных факторов, общеправовая категория законности обрела новые смыслы и наполнилась новым содержанием, выходящим за пределы сугубо легистского правовопонимания¹, преобладавшего в отечественной правовой науке и общественном правосознании [12. С. 6].

Согласно Конституции РФ 1993 г.², Россия – демократическое правовое государство (ч. 1. ст. 1), высшей ценностью в нем объявлены человек, его права и свободы (ст. 2), которые признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Кон-

ституцией РФ (ч. 1 ст. 17); права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (ст. 18), в связи с чем каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46); Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ, законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции, а общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, при этом правила международного договора имеют приоритет перед правилами, предусмотренными российским законом (ст. 15).

Последнее положение действует при условии, что международный договор не противоречит Конституции РФ. Согласно изменениям в Конституцию РФ, принятым на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г., не соответствующие Конституции РФ международные договоры РФ и признанные таковыми при их проверке Конституционным Судом РФ не подлежат введению в действие и применению (п. «г» ч. 2 и ч. 6 ст. 125 Конституции РФ).

Данным конституционным установлениям корреспондирует ст. 1 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 08.12.2020 г. № 419-ФЗ³), которая к источникам уголовно-процессуального права – законодательству РФ, регулиющему уголовное судопроизводство, относит Конституцию РФ, уголовно-процессуальный закон (УПК РФ), общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. При этом применение правил международных договоров РФ не допускается в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, когда такое противоречие установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом.

В согласовании и единстве с положениями ст. 1 УПК РФ следует понимать и закрепленное в ч. 4 ст. 7 и ст. 297 УПК РФ требование законности приговора и иных судебных решений, которое вслед за расширением границ права и правосудия доктринально стало трактоваться шире и более емко, включать в себя не только соответствие уголовно-процессуальных решений суда законам и подзаконным нормативно-правовым актам, но и другим правовым источникам, а в приоритете – положениям Конституции РФ и общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам РФ [13. С. 14; 14. С. 6–7].

В соответствии с приведенными нормативно-правовыми предписаниями Верховный Суд РФ разъяснил, что а) судам при рассмотрении дел, в том числе уголовных, следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, соизмерять его с конституционными положениями и во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия; б) под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и при-

знаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо, а под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного; в) международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе при разрешении уголовных дел, в частности, когда международным договором РФ установлены иные правила судопроизводства, чем уголовно-процессуальным законом РФ, или регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения; г) при осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ может являться основанием к отмене или изменению судебного акта в апелляционном, кассационном или надзорном порядках (п. 1, 5, 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (в редакции от 03.03.2015 г.)).

Помимо прямо указанных в Конституции РФ и УПК РФ форм права, которыми судам надлежит непосредственно руководствоваться при осуществлении правосудия по уголовным делам, современный российский суд широко использует правоприменительные решения и интерпретационные акты (акты толкования права) Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. К этому его обязывают положения нормативно-правовых актов, устанавливающих обязательность для судов РФ решений ЕСПЧ⁴ и Конституционного Суда РФ (ст. 6 и 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в редакции от 09.11.2020 г.), а также полномочие Верховного Суда РФ давать судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации (ст. 126 Конституции РФ, ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в редакции от 05.02.2014 г.; п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»).

При этом обязательность учета правовых позиций и толкований Верховного Суда РФ при осуществлении правосудия в настоящее время вытекает не столько из нормативных предписаний (упоминание о «руководящем» характере разъяснений Верховного Суда РФ в указанных законах отсутствует), сколько из правового обычая российско-советской действительности, который зиждется на иерархичности судебной системы и инстанционности правосудия [15. С. 60], а также на авторитете Верховного Суда РФ как высшего судебного органа государства.

Кроме того, как верно отмечают К.В. Барановский, А.В. Безруков и А.Г. Калугин, «законодательная ре-

гламентация уголовно-процессуальных отношений не является исчерпывающей, постоянно дополняется и корректируется решениями Конституционного Суда РФ, которые включаются в содержание отраслевых процессуальных норм, однако не всегда полностью и своевременно» [16. С. 68]. В таких условиях учет и непосредственное использование в судебном правоприменении правовых позиций Конституционного Суда РФ особо востребованы.

В сегодняшних правовых реалиях невозможно себе представить судебное правоприменение в процессе осуществления правосудия, в том числе по уголовным делам, без учета постановлений Конституционного Суда РФ, устанавливающих соответствие или несоответствие Конституции РФ отдельных положений российских законов и, следовательно, пределы их допустимого применения, а также без использования иных решений Конституционного и Верховного Судов РФ и содержащихся в них правовых позиций, раскрывающих смысл, содержание и юридическое значение тех или иных правоположений российского законодательства, подлежащих применению при разрешении конкретных судебных дел. Современная судебная практика по уголовным делам изобилует примерами обоснования судами своих процессуальных решений прямыми ссылками на конкретные решения высших судебных органов страны и содержащиеся в них правовые позиции.

Схожее значение для отправления правосудия, важнейшее с точки зрения правильного понимания и применения российскими судами положений европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) приобрела практика ЕСПЧ, в решениях которого раскрывается смысл и содержание прав и свобод человека, а также гарантий этих прав и осуществляется их динамическая интерпретация. В силу обязательности (принятых в отношении России) решений ЕСПЧ для российских судов, последние при рассмотрении конкретных уголовных дел обязаны учитывать даваемые ЕСПЧ толкования и интерпретации прав человека и основывать свои решения на правовых позициях, изложенных в постановлениях данного суда, ориентироваться на разработанные им стандарты соблюдения прав человека при осуществлении правосудия.

Верховный Суд РФ еще в 2003 г. указал, что применение судами Конвенции во избежание любого ее нарушения должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ (п. 9 и 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5). Принятое спустя десятилетие Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» побуждает суды при осуществлении правосудия активнее использовать решения ЕСПЧ. В этом документе Верховный Суд РФ ориентирует суды на то, что правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов и учитываются при применении российского законодательства.

В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством РФ, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого ЕСПЧ при применении Конвенции и Протоколов к ней (п. 2, 3 Постановления). Более того, Верховный Суд РФ призывает российские суды с целью эффективной защиты прав и свобод человека учитывать также правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в окончательных постановлениях, принятых в отношении других государств – участников Конвенции, если обстоятельства рассматриваемого ими дела аналогичны обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов ЕСПЧ (п. 2 Постановления).

Таким образом, несмотря на сохраняющуюся на доктринальном и законодательном уровнях неопределенность статуса решений ЕСПЧ как источника (формы) права, сомнения в судебной среде относительно прямого действия Конвенции и возможности непосредственного использования ее положений (в интерпретации ЕСПЧ) при отправлении правосудия практически развеяны. Практика осуществления правосудия по уголовным делам свидетельствует, что суды ориентируются на выработанные ЕСПЧ правовые позиции, заимствуют из его актов юридические формулировки, раскрывающие смысл и содержание того или иного положения Конвенции, и все чаще в своих решениях по уголовным делам ссылаются на конкретные прецеденты ЕСПЧ [17].

Вместе с тем следует заметить, что в настоящее время, в соответствии с внесенными в 2020 г. изменениями в ст. 79 Конституции РФ, судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, исполнению в Российской Федерации не подлежат. Это значит, что решения ЕСПЧ не имеют для России абсолютной юридической силы и могут быть «заблокированы» Конституционным Судом РФ (п. 6 ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ), если основаны на противоречащей Конституции РФ интерпретации конвенционных прав и свобод человека либо налагают на Россию обязанности в противоречие основам публичного правопорядка Российской Федерации. Соответственно, проблема выбора для применения в судебном решении конфликтующих между собой правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ по одному и тому же вопросу должна решаться в пользу позиции последнего.

Не углубляясь в сложный и весьма дискуссионный вопрос о правотворческой сущности решений высших судов России и ЕСПЧ и юридической природе изложенных в них правовых позиций, отметим, что независимо от того, придается ли данным правовым актам значение источника (формы) права [18–21] или только «прецедента толкования права» [22. С. 110–111; 23. С. 227–228], «прецедента индивидуального судебного регулирования» [24], решения суда в уголовном судопроизводстве помимо норм позитивного права должны соответствовать актам (правовым позициям) указанных судебных органов и основываться на них. Без этого соответствия правосудность судебного решения не может быть обеспечена.

Из всего изложенного следует, что прежнее, ушедшее в прошлое буквальное понимание законности как требования соблюдения исключительно законодательных и подзаконных нормативных актов исчерпало свои социальные, теоретические и правовые основания, и уступило место новой признанной большинством юристов концепции законности.

Данный вывод подтверждается и результатами опросов работников уголовной юстиции. Согласно данным, полученным М.В. Беляевым, абсолютное большинство опрошенных (91,7% судей, 88,1% прокуроров, 95% адвокатов) подтвердили, что связывают законность судебного решения с соблюдением не только закона и нормативных актов, но и положений Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, а также с необходимостью учета при принятии судебных решений позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и ЕСПЧ [5. С. 119, 459]. Опрошенные И.Г. Смирновой судьи подтвердили, что постоянно руководствуются правовыми позициями Конституционного и Верховного судов РФ и в большинстве случаев (69,4 и 65,3% соответственно) мотивируют ими свои процессуальные решения, а также опираются на правовые позиции ЕСПЧ [25. С. 151].

Таким образом, обращенное к судебным решениям требование законности, сохраняя традиционное и привычное для юридической науки, процессуального законодательства и правоприменительной практики название, в современном его толковании означает соответствие решения суда требованиям правовых норм, т.е. не слепое, формальное следование указаниям закона, а их применение через широкое правописание в комплексе и через призму конституционных положений, правовых, в том числе общепризнанных, принципов и международных норм права, основополагающих прав и свобод человека.

Иначе говоря, в модернизированной парадигме российского правосудия законное судебное решение обрело значение *правомерного акта правосудия* (правомерный – «находящийся в соответствии с правом» [26. С. 355], «внутренне оправданный, закономерный, основанный на праве» [27. С. 498]), призванного обеспечить верховенство права и его защиту.

Содержательные компоненты законности решений уголовного суда: историческая преемственность и развитие

В теории уголовно-процессуального права законность судебных решений изначально (И.Я. Фойницкий) связывали с согласованностью «вынесенного судом ответа с законом по существу тех мер, которые устанавливаются судебным решением» («материальная законность») и с соблюдением того порядка, который установлен для постановления решений («формальная законность») [28. С. 342], хотя нормативно материальная и процессуальная стороны в требовании соблюдения закона не выделялись⁵. В основном в таких же аспектах законность судебного решения рассматривалась и трактовалась в советский период развития уголовного процесса, но главным обра-

зом в отношении приговора, что было обусловлено особенностями нормативно-правового регулирования уголовного судопроизводства тех лет.

В УПК РСФСР 1923 г. требование законности не было закреплено в отдельном предписании ни для приговора, ни для определений суда, но исходило из общих положений уголовно-процессуального закона, из установленных в УПК права на кассационное обжалование судебных решений (ст. 349) и обязанности кассационной инстанции рассмотреть по поданной жалобе все производство по делу в ревизионном порядке на предмет допущенных в ходе него нарушений закона (ст. 350 и 412), а также из оснований к отмене приговора (ст. 413, 415–416). Принятые Президиумом ЦИК СССР 31 октября 1924 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик в качестве оснований для отмены приговоров в кассационно-ревизионном порядке предусматривали: а) такое нарушение форм судопроизводства, которое помешало суду всесторонне рассмотреть дело и повлияло или могло повлиять на вынесение правильного приговора; б) нарушение или неправильное применение законов СССР или союзной республики, если при этом допущенная судом ошибка повлекла за собой назначение иной меры социальной защиты, нежели та, которая должна бы быть определена судом при правильном применении закона (ст. 26); а в порядке надзора – признанное надзорным судебным органом существенное нарушение форм судопроизводства или законов СССР или союзных республик (ст. 28).

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (далее – Основы) в ст. 43, а вслед за ними и УПК РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР) в ст. 301 прямо установили требование законности приговора, но аналогичное требование к иным судебным решениям по-прежнему выводилось из норм общего действия (задач и принципов уголовного процесса – ст. 1, 2, 4, 8, 10, 17 Основ, ст. 1, 2, 4, 11–14, 16, 22 УПК РСФСР) и положений закона об обжаловании и основаниях отмены и изменения судебных решений в судах вышестоящих инстанций (ст. 49 Основ, ст. 325, 331, 342, 345–347, 350, 371, 379, 478, 486, 496, 498, 499 УПК РСФСР).

Сообразно состоянию правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности вплоть до конца прошлого столетия большинство ученых под законностью приговора понимали требование вынесения приговора с точным соблюдением всех норм (предписаний) уголовно-процессуального законодательства и с правильным применением материального права, т.е. постановления приговора на основе закона и в порядке, установленном законом [30. С. 10; 31. С. 15; 32. С. 191–200; 33. С. 325]. В ряде научных работ аналогичное по смыслу требование законности, взятое в единстве его двух сторон: материального (на основании закона) и формального (в установленном законом порядке), было приложено и к иным процессуальным, в том числе судебным, решениям [34. С. 1194; 35. С. 36; 36. С. 12; 37. С. 36].

В этот же период в юридическом правосознании утверждается идея о том, что вследствие системности уголовного судопроизводства и процедурной взаимо-

связи его стадий и этапов законность судебного решения (приговора) обеспечивается не только соблюдением процессуальной формы его вынесения, но обусловлена законностью предваряющей решение деятельности по его подготовке и принятию [35. С. 36] и, более того, всего предшествующего производства по делу, включая его возбуждение, расследование и судебное рассмотрение [38. С. 118, 121].

Выработке и закреплению в теории и судебной практике такого диалектического подхода к пониманию свойства законности (правомерности) судебного решения способствовало совокупное толкование в судебной практике понятия «существенное нарушение уголовно-процессуального закона» как основания отмены или изменения приговора (равно как и иного судебного решения), предусмотренного ст. 345 УПК РСФСР, в сочетании с таким основанием возвращения дела судом для дополнительного расследования, как «существенное нарушение уголовно-процессуального закона при производстве дознания или предварительного следствия» (п. 2 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР).

Верховные Суды СССР, РСФСР, а затем и РФ, давая разъяснения относительно существенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену приговора, включали в их примерный перечень и нарушения, свойственные органам расследования – непредъявление обвинения, невручение копии обвинительного заключения, непроведение экспертизы, когда она по закону обязательна, и другие⁶. Указанные высшие судебные органы страны также призывали суды при производстве по уголовному делу тщательно проверять соблюдение органами дознания и предварительного следствия требований уголовно-процессуального закона при возбуждении и расследовании дела, ориентировали судебные органы на нарушения закона, наличие которых препятствует судебному разбирательству, а устранение требует направления дела на дополнительное расследование⁷.

В период действия УПК РСФСР правоприменительная практика судов по вопросу оценки законности приговора и иных судебных решений сформировалась и в дальнейшем основывалась на постулате о том, что существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные органом предварительного расследования или прокурором, в равной мере, как и существенные нарушения процессуальных норм судом, препятствуют вынесению законного акта правосудия, поэтому должны быть по возможности исправлены (преодолены) в ходе производства в суде первой инстанции либо, если характер процессуального нарушения этого не позволяет, устранены самим органом предварительного расследования или прокурором после возвращения дела на дополнительное расследование [39. С. 293–295, 414–419; 40].

Выработанные в советский период подходы к определению законности актов правосудия через единство материальной и формальной (процессуальной) сторон и посредством включения в структуру ее «процессуальной» составляющей в качестве обязательного компонента соблюдение процессуальной формы на всем протяжении предшествующего уголовного производства закрепились в российской уго-

ловно-процессуальной науке [14. С. 6–7; 41. С. 9; 42. С. 205; 43. С. 14; 44. С. 190–191] и получили дальнейшее развитие, в том числе в законодательстве и правоприменительной практике.

Нормативно-правовое закрепление требования законности судебных решений нуждается в дальнейшем совершенствовании

Действующий УПК РФ в отличие от предыдущих уголовно-процессуальных законов распространяет требование законности на все судебные решения без исключения (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 297) и уточняет, что приговор признается законным, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона (ч. 2 ст. 297). Последнее положение ценно тем, что в нем законодатель впервые попытался раскрыть нормативное понятие законности приговора, соединив в нем материальный и процессуальный аспекты, но в то же время оно содержит в себе и существенный недостаток – материальная сторона законности приговора в данной формулировке ограничивается соответствием нормам уголовного права, тогда как при разрешении всей совокупности вопросов уголовного дела (как основного, так и сопутствующих) суду помимо уголовного закона доводится применять нормы практически всех иных (материальных) отраслей права. Более того, те или иные положения материальных законов могут быть положены в основание принятия и других, помимо приговора, актов уголовного правосудия. Например, без учета и применения гражданского законодательства в части имущественных прав невозможно принять верное решение по такому, казалось бы, сугубо процессуальному вопросу, как наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), а принятие решений по судебно-исполнительным производствам в ряде случаев (п. 3, 14, 18, 18.1, 19 ст. 397 УПК РФ) сопряжено с применением уголовно-исполнительного законодательства.

Другое, связанное с изложенным законодательное упущение, перекочевавшее из предыдущего уголовно-процессуального закона (ст. 342 УПК РСФСР), усматривается в отсутствии в перечне предусмотренных ст. 389.12 УПК РФ оснований пересмотра решений суда первой инстанции неправильного применения иных материальных законов, помимо уголовного. Не предусмотрено такого основания и для отмены (изменения) судебного решения в кассационном и надзорном порядках (ч. 1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ). Если следовать формальному, буквальному толкованию указанных норм, то неприменение или неверное применение иного материального закона, например по вопросам имущественных взысканий (по иску, некоторым видам процессуальных издержек), не влияет на законность приговора. В действительности подобное нарушение не может быть легализовано и на практике влечет отмену или изменение судебного приговора, несмотря на отсутствие в процессуальном законе необходимого указания. Иное положение невозможно представить, поскольку оно извращало бы саму суть судебного правоприменения, противоречи-

ло бы правозащитным целям уголовного правосудия и предназначению судебной власти.

Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отменен в части удовлетворения гражданского иска приговор Челябинского областного суда в отношении осужденных Мезенцева, Похлебаева, Плотникова и Бахарева ввиду того, что в нарушение ч. 1 ст. 1080 ГК РФ компенсация морального вреда в солидарном порядке возложена не только на осужденных, но и на законного представителя несовершеннолетнего Бахарева, тогда как он, не являясь непосредственным причинителем вреда, не может нести солидарную с причинителями вреда ответственность, а только долевую⁸.

Приговором Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга гр-н К. осужден по ч. 3 ст. 264 УК РФ, в пользу территориального фонда обязательного медицинского страхования по иску прокурора взыскано 223 661,1 руб. в качестве возмещения расходов на лечение потерпевшего. Судебная коллегия по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда, отменяя приговор в части данного взыскания, указала, что у суда отсутствовали материально-правовые основания для удовлетворения иска прокурора, поскольку вред здоровью потерпевшей причинен неосторожными действиями осужденного, а по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1973 г. № 4409-VIII «О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий» взысканию с осужденного в доход государства подлежат лишь средства, затраченные на стационарное лечение пострадавших, вред здоровью которым причинен умышленно⁹.

Президиум Самарского областного суда своим постановлением изменил приговор мирового судьи в отношении осужденной по ч. 1 ст. 159.1 УК РФ гр-ки С., которым удовлетворен гражданский иск в пользу коммерческой организации о взыскании имущественного вреда, а в доход государства с осужденной взыскана государственная пошлина в соответствующем размере. Суд кассационной инстанции, исключая из приговора решение о взыскании госпошлины, указал, что действующее законодательство о налогах и сборах взимание госпошлины при производстве по уголовному делу не предусматривает¹⁰.

Примечательно, что во всех приведенных и других аналогичных примерах суд вышестоящей инстанции не приводит юридическое (процессуальное) основание отмены (изменения) проверяемого приговора из числа предусмотренных уголовно-процессуальным законом и не ссылается на конкретные нормы УПК РФ, предусматривающие эти основания, что вполне объяснимо: ни одно из них не подходит к указанным случаям нарушения закона. Налицо явный пробел нормативно-правового регулирования, который длительное время компенсируется правоприменительными решениями судебных органов, т.е. судебной практикой, но очевидно требует правотворческого начинания и четкого законодательного решения.

Другой проблемный вопрос, непосредственно связанный с определением содержательной стороны законности судебного решения, возник вследствие не-

достаточной регламентации полномочий судов всех инстанций по реагированию на выявленные в уголовном деле нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в досудебном производстве. Полностью ликвидировав при принятии УПК РФ институт возвращения уголовных дел на дополнительное расследование, законодатель не учел сложившуюся к этому времени устойчивую парадигму законности актов правосудия и не обеспечил в новом уголовно-процессуальном законе действенного механизма устранения судом процессуальных ошибок и нарушений со стороны органов уголовного преследования. Судебная процедура возвращения уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, пришедшая на смену упраздненному институту возвращения дела для дополнительного расследования, содержит неоправданно ограниченный перечень процессуальных препятствий судебному рассмотрению дела, служащих основанием для возвращения дела прокурору.

Ситуацию, как известно, исправили сами органы правосудия благодаря правовым позициям Конституционного Суда РФ, позволившим использовать широкое толкование оснований и процессуальных границ применения процедуры, предусмотренной ст. 237 УПК РФ [45]. В 2003 г. Конституционный Суд РФ, подтвердив, что существенное процессуальное нарушение, допущенное органами дознания или предварительного следствия, которое суд не может устранить самостоятельно и которое, как повлекшее лишение или стеснение гарантируемых законом прав участников уголовного судопроизводства, исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора, являясь препятствием для рассмотрения дела судом, в Постановлении № 2-П¹¹ констатировал соответствие Конституции РФ положений п. 2 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР, допускавших возвращение уголовного дела прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, если это не связано с восполнением неполноты предварительного расследования, а затем в Постановлении № 18-П¹² признал не противоречащей Конституции РФ и ч. 1 ст. 237 УПК РФ, растолковав при этом, что ее положения по своему конституционно-правовому смыслу не исключают право суда вернуть дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве, если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия.

Исходя из выявленного Конституционным Судом РФ правового смысла ч. 1 ст. 237 УПК РФ, Пленум Верховного Суда РФ в ряде постановлений последовательно разъясняет, что на основе указанной нормы закона суд любой инстанции в целях обеспечения законности правосудия вправе, в том числе по собственной инициативе, вернуть уголовное дело прокурору для устранения нарушений процессуального закона, допущенных в досудебном производстве и не устранимых судом¹³. В результате судебная практика, преодолев указанный недостаток правовой регламентации обо-

значенного вопроса, на протяжении последних лет демонстрирует стабильность в обозначенном вопросе и выглядит достаточно предсказуемой, базируется на непреложном правиле недопустимости сохранения в деле процессуальных огрехов и нарушений органов предварительного расследования и их перерастания в ошибки и нарушения органов правосудия, ориентирована на разработанные ранее понятие и критерии ответственности процессуальных нарушений. Тем не менее по-прежнему считаем целесообразным в целях более четкой правовой регламентации уголовно-процессуальных полномочий суда дополнить ч. 1 ст. 237 УПК РФ указанием в качестве отдельного или общего с п. 1, 2 и 5 основания возвращения дела прокурору на «допущенные в ходе досудебного производства по делу и не устранимые в суде существенные нарушения уголовно-процессуального закона, препятствующие рассмотрению дела и исключающие возможность постановления судом правосудного приговора или иного решения».

Исследуя процессуальный аспект законности (правомерности) судебных решений, невозможно обойти вниманием заложенное в законе и связанное с рассмотренным понятием существенности процессуальных нарушений некое противоречие между требованием «сплошной законности» уголовно-процессуальной деятельности, вытекающим из общеправового принципа законности и диктующим строгое и безоговорочное соблюдение в уголовном судопроизводстве всех без исключения установленных законом процедурных правил и нормативных предписаний, и превалирующим в реальности концептом «достаточной законности» судебных решений, который обусловлен ограниченными основаниями отмены или изменения судебных решений, предусмотренными в ст. 389.15–389.17 УПК РФ.

В отношении материальной стороны законности судебного решения такого противоречия не наблюдается (ст. 389.18 УПК РФ). Как свидетельствует судебная практика, любая ошибка в применении норм материального (чаще – уголовного) права, самое незначительное отклонение от положений уголовного или иного подлежащего применению закона влекут отмену, изменение приговора или иного судебного акта в части принятых резолютивных решений и (или) корректировку формулировок описательно-мотивировочной части. В этом случае законность (правомерность) противопоставлена незаконности (противоправности) и никаких промежуточных положений между этими противоположностями не существует.

При оценке законности (правомерности) судебного решения с точки зрения соблюдения норм уголовно-процессуального права дело обстоит иначе, сложнее. Положения п. 2 ст. 389.15 и ст. 389.17 УПК РФ дают основание вмешиваться в судебное решение при наличии не любых, а только существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных в ходе производства по делу, под которыми понимаются такие нарушения процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или

иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения. При этом закон разделяет значимые для оценки законности–незаконности судебных решений нарушения процессуальных требований: а) на условные, подлежащие оценке контрольно-проверочной судебной инстанцией на предмет отнесения их к существенным с учетом конкретных обстоятельств их совершения (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ), и б) безусловные, являющиеся критичными для правомерности судебных решений в любом случае, поэтому изначально отнесенные законодателем к категории существенных (ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ).

При таком положении создается иллюзия, что в правосудии по уголовным делам допустимы, поскольку не влекут уголовно-процессуальных санкций, определенные отступления от процедуры судопроизводства, и может возникнуть сомнение, является ли судебное решение, которое предваряется такими «несущественными» нарушениями уголовно-процессуального закона, в полной мере законным. Так, М.В. Беляев, исходя из выдвинутого им тезиса о том, что «соблюдение правовых предписаний в ходе предшествующей принятию судебного решения процессуальной деятельности носит относительный характер», не соглашается с позицией других авторов, определяющих законность приговора как постановление его в точном соответствии с правовыми принципами и нормами, и делает ошибочное, на наш взгляд, заключение о том, что «требование соответствия судебных решений правовым предписаниям не носит абсолютного характера» и в ряде случаев «формальное несоответствие судебного решения предписаниям правовых норм не означает, что оно не носит правового характера» [5. С. 128–129].

Очевидно, что никакие нарушения права в процессе деятельности по осуществлению правосудия не совместимы с его правозащитными целями и стоящими перед судом задачами, поэтому не могут быть легализованы ни при каких условиях. Всякое, даже незначительное нарушение нормативно установленных процедурных правил и условий, исходящее от суда или не устраненное судом (в случае допущения его в досудебных стадиях производства по делу), не может расцениваться иначе как противоправное действие (бездействие), даже если оно было чисто формальным, не вызвало никаких негативных последствий и не отразилось на законности принятого судом решения. Соответственно, не может быть приемлемым для судебной власти и допущение в какой-либо степени «условно законных» решений.

Следует отметить, что любое нарушение процессуального порядка вынесения решения, т.е. несоблюдение процедуры его принятия и документального оформления, всегда будет значимым и считаться существенным, поскольку непосредственно затрагивает процессуальную форму судебного решения. Примеры: решение принято без удаления в совещательную комнату либо оглашено частично при отсутствии предусмотренных в ч. 7 ст. 241 УПК РФ условий; вынесенное и провозглашенное решение не подписано одним из судей; судебный акт озаглавлен постановле-

нием вместо положенного определения либо не содержит дату его принятия; в приговоре неверно указана (искажена) фамилия осужденного или время и место его рождения. Во всех подобных случаях порочное решение суда подлежит отмене либо, насколько это возможно, исправлению в предусмотренных законом порядках посредством изменения вышестоящей судебной инстанцией или путем уточнения вынесшим его судом (п. 15 ст. 397, ст. 399 УПК РФ).

Несущественными могут признаваться только предшествующие принятию решения нарушения требований УПК РФ, в том числе в досудебном производстве, и только такие, которые *не влияют и не могут повлиять на законность и обоснованность конкретного судебного решения*. Противоправность таких действий (нарушений) «не переносится» на судебное решение, последнее по этой причине не утрачивает качества правомерности. Это возможно в тех случаях, когда порочное действие или неверное (ошибочное) вспомогательное (промежуточное) решение не имеет никакого или не оказывает существенного негативного влияния на формирование фактической основы судебного решения и не задействовано иным образом в механизме принятия акта правосудия. Пример: несоблюдение установленного срока представления следователем в суд ходатайства о заключении лица под стражу и прилагаемых к нему материалов (ч. 3 ст. 108 УПК РФ) или 8-часового срока рассмотрения данного ходатайства судьей (ч. 4 ст. 108 УПК РФ).

В подобной ситуации уместно высказываться не о «формальном несоответствии (признаваемого законным) судебного решения предписаниям правовых норм», а только о формальном, несущественном для принятия и правомерности судебного решения, отклонении процессуальной деятельности от нормативных предписания (правил). При этом сами процедурные нарушения, квалифицируемые как несущественные, не остаются вне правового реагирования и подлежат негативной оценке в иных правовых формах, например, в частных постановлениях (определениях) судов любой из инстанций, и способны повлечь меры дисциплинарной ответственности должностных лиц, в том числе судей, допустивших эти нарушения.

Заключение

Являясь в своей сущности правоприменительной деятельностью, правосудие по уголовным делам должно неизменно следовать принципу законности во всех своих проявлениях и прежде всего при принятии судом процессуальных решений. Требование законности в современной, научно обоснованной интерпретации означает точное соответствие уголовно-процессуальных решений суда не только законодательным установлениям, но и иным правовым предписаниям, содержащимся в иных формах права (конституционных нормах, общепризнанных принципах и нормах международного права, устоявшихся правовых обычаях и стандартах правосудия), а также выработанным судебной практикой правовым позициям по конкретным вопросам правоприменения, их широкое и комплексное восприятие, понимание и применение судом.

Обобщив проанализированные доктринальные положения, нормативно-правовые предписания и судебную практику, приходим к заключению, что *законность (правомерность) судебного решения* как императивное требование уголовного судопроизводства имеет две стороны: материальную и формальную (процессуальную) – и содержательно включает в себя следующие компоненты – обязательные условия:

– вынесение решения компетентным судом, созданным на основании закона;

– законность предшествующего производства по делу в пределах, исключающих существенные нарушения уголовного процессуального закона;

– использование правомерных средств и способов установления фактических обстоятельств дела (допустимость и достоверность доказательств);

– наличие в деле предусмотренных законом юридических оснований принятия решения;

– правильное применение норм материального и (или) процессуального права;

– соблюдение нормативно установленной процедуры и процессуально-правовых условий вынесения решения;

– надлежащее документальное оформление принятого решения (внешняя форма, структура, реквизиты, подписи).

В целях более точного отражения (закрепления) в УПК РФ перечисленных аспектов законности судебных решений необходимо: 1) дополнить ст. 237 УПК РФ отдельным основанием возвращения дела прокурору, под которым указать наличие допущенного органом предварительного расследования существенного нарушения уголовно-процессуального закона, исключающего возможность рассмотрения дела и вынесения судом приговора или иного решения; 2) уточнить ч. 2 ст. 297 УПК РФ в части того, что приговор должен быть основан на правильном применении не только уголовного, но и иного материального закона; 3) придать закреплённым в отношении приговора требованиям «материальной» и «процессуальной» законности универсальный характер и распространить их на все иные решения суда в уголовном процессе; 4) скорректировать предусмотренное п. 6 ст. 389.15 и ст. 389.18 УПК РФ основание отмены (изменения) судебного решения, указав в этом качестве неправильное применение любого, а не только уголовного, закона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Легистский тип правопонимания традиционно сводит по существу все право к «законодательству» – законам и иным нормативно-правовым актам, принятым органами государственной власти [11. С. 24].

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 г. опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

³ Федеральный закон от 08.12.2020 Г. № 419-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8064.

⁴ Обязательность для российских судов предписаний и правовых позиций ЕСПЧ, содержащихся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации, вытекает из ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

⁵ Статья 10 Устава уголовного судопроизводства 1964 г. предписывала всем судебным установлениям «решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов» [29].

⁶ См.: п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 17.12.1971 г. № 10 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» (в редакции от 01.12.1983 г.); п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 05.04.1985 г. № 2 «О применении судами законодательства, регламентирующего пересмотр в порядке надзора приговоров, определений, постановлений по уголовным делам»; п. 15 Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23.08.1988 г. № 5 «О повышении роли судов кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел»; п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 г. № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (в редакции от 01.12.2015 г.).

⁷ См.: п. 1 и 7 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 17.04.1984 г. № 2 «О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно - процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования»; п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30.11.1990 г. № 10 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел на дополнительное расследование»; п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.12.1999 г. № 84 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования».

⁸ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.06.2007 по делу № 48-О07-35 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 26.07.2017 г. № 22-5247/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Президиума Самарского областного суда от 02.04.2015 № 44у-51/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2003 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова, А.В. Шмелева» // СЗ РФ. 2003. № 12. Ст. 1176.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

¹³ См. п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм УПК РФ» (ред. от 01.06.2017 г.) – *в настоящее время утратил силу*; п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» (ред. от 15.05.2018 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев И.Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1992. 21 с.
2. Гай О.Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 24 с.
3. Чайковская М.А. Свойства приговора. М. : Проспект, 2013. 176 с.

4. Попова И.П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2018. 321 с.
5. Беляев М.В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 472 с.
6. Корнакова С.В., Щербakov В.А. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2019. 144 с.
7. Коваленко Е.Н. Судебное решение : Теоретико-методологические и технико-юридические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 26 с.
8. Хачатуров Р.Л. О законности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 3 (6). С. 59–63.
9. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 168 с.
10. Рафиков Р.Р. Судебное правоприменение: Теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 20 с.
11. Ершов В.В. Право и неправое: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2013. № 1. С. 24–31.
12. Ершов В.В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиции легизма и «широкого» понимания права // Российское правосудие. 2011. № 12. С. 5–16.
13. Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 26 с.
14. Остапенко И.А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 21 с.
15. Дорошков В.В. Стратегия развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 57–60.
16. Барановский К.В., Безруков А.В., Калугин А.Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на уголовно-процессуальное законодательство и практику // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 56–68.
17. Бурмагин С.В. Проблемы применения решений Европейского суда по правам человека при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 2. С. 299–309.
18. Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 49–57.
19. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5–12.
20. Терёхин В.А. К вопросу о легализации судебной практики как источника права // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 3. С. 142–143.
21. Смолькова И.В., Преловский И.О. Значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации для уголовного судопроизводства // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 5. С. 870–878.
22. Нерсисянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права : сб. ст. М. : Юрист, 2000. С. 107–112.
23. Байтин М.И. О юридической природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Судебное правоприменение : проблемы теории и практики / ред. В.М. Сырых. М. : РАП, 2007. С. 220–222.
24. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4. С. 4–23.
25. Смирнова И.Г. К вопросу о социальной роли Европейского суда по правам человека в уголовном судопроизводстве // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 5. С. 149–153.
26. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 3. П–Р. 1987. 752 с.
27. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1985. 797 с.
28. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. М. : Альфа, 1996. Т. 2. 607 с.
29. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 8. Судебная реформа. М. : Юрид. лит., 1991. 496 с.
30. Каз Ц.М. Правовая природа приговора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1952. 21 с.
31. Пашкевич П.Ф. Законность и обоснованность приговора судебного приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958. 20 с.
32. Перлов И.Д. Приговор в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1960. 262 с.
33. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М. : Наука, 1970. 516 с.
34. Бажанов М.И. Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967 // Бажанов М.И. Избранные труды / отв. ред. В. Я. Тацкий. Харьков : Право, 2012. С. 1191–1209.
35. Лупинская П.А. Теоретические основы принятия решений в советском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973. 42 с.
36. Бутов В.Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 20 с.
37. Муратова Н.Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования: Вопросы теории и практики. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. 118 с.
38. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков : Вища школа, 1979. 143 с.
39. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекунова, А.К. Орлова. М. : Юрид. лит., 1981. 536 с.
40. Бурмагин С.В. Направление уголовных дел для дополнительного расследования в условиях развития состязательности судопроизводства (обзор судебной практики районных судов Архангельской области) // Юридическая практика: Информационный бюллетень. 2002. № 1 (28). С. 33–65; № 2 (29). С. 79–94.
41. Ивенский А.И. Приговор – акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядках судебного разбирательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 20 с.
42. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М. : Норма; Инфра-М, 2010. 240 с.
43. Бозров В.М., Костовская Н.В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. М. : Юрлитинформ, 2013. 160 с.
44. Рябинина Т.К. Полномочия суда на стадии назначения судебного заседания как средства реализации судебной власти. М. : Юрлитинформ, 2017. 336 с.
45. Бурмагин С.В. Возвращение уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (комментарий судебной практики) // Российская юстиция. 2005. № 1–2. С. 59–73.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 октября 2020 г.

The Requirement of Legality of Decisions of the Criminal Court: The Legal Basis and Content Components

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 213–224.

DOI: 10.17223/15617793/466/26

Sergey V. Burmagin, Northern Institute of Entrepreneurship (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: serburmagin@yandex.ru

Keywords: principle of legality; criminal justice; judicial decision; sentence; requirement of legality of judicial decisions; violation of law.

Legality as a complex legal requirement to judicial decisions, developed for a long time by Russian science and legal practice, was formally consolidated in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2001 and extended to all decisions of the criminal court. However, the wording of the law does not fully and adequately reflect the content of this requirement, and to some extent it contradicts the established scientific ideas and needs of judicial practice. In this regard, the author aims to reveal the content side of the concept of legality of judicial decisions in criminal proceedings, both from a historical perspective and from the perspective of modern legal understanding, and to justify the need to adjust the legislative expression of this requirement. The research problems are solved using historical, dialectical and comparative legal methods of cognition based on the analysis of relevant theoretical concepts developed by the Russian science of criminal procedure law, the provisions of criminal procedure legislation and the legal positions of the judicial authorities: the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, federal courts of general jurisdiction. The legal sources of regulatory requirements that the criminal court should follow when making procedural decisions have been identified. The author substantiates the need for an expanded understanding of the legality of judicial decisions as their compliance not only with direct instructions of the law, but also with legal provisions contained in other forms of law: constitutional norms, generally recognized principles and norms of international law, established legal customs, as well as standards of justice developed by judicial practice and legal positions on specific issues of law enforcement. In the context of historical development, the material and procedural aspects of the requirement of legality of judicial decisions in criminal proceedings are analyzed and its content components are formulated. Continuity and at the same time dynamism of doctrinal and legislative approaches to determining the legality of court decisions supported by judicial practice are noted. Certain shortcomings of the normative consolidation of the requirement of legality of court decisions in the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation are revealed, in connection with which specific proposals are made to change and optimize certain formulations of the procedural law that determine the content of the requirement of legality of a sentence and other court decisions in criminal proceedings.

REFERENCES

1. Solov'ev, I.F. (1992) *Pravosudnost' prigovora v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [Justice of the verdict in the criminal procedure of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Voronezh.
2. Gay, O.Yu. (1999) *Zakonnaya sila prigovora v ugovnom protsesse* [Legal force of the verdict in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
3. Chaykovskaya, M.A. (2013) *Svoystva prigovora* [The properties of the verdict]. Moscow: Prospekt.
4. Popova, I.P. (2018) *Obvinitel'nyy prigovor bez naznacheniya nakazaniya v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve: sushchnost', osnovaniya i poryadok postanovleniya* [A verdict of guilty without sentencing in Russian criminal proceedings: essence, grounds and order of issuing]. Law Cand. Diss. Irkutsk.
5. Belyaev, M.V. (2019) *Sudebnye resheniya v rossiyskom ugovnom protsesse: teoreticheskie osnovy, zakonodatel'stvo i praktika* [Judgments in Russian Criminal Procedure: Theoretical Foundations, Legislation and Practice]. Law Dr. Diss. Moscow.
6. Kornakova, S.V. & Shcherbakov, V.A. (2019) *Problemy realizatsii printsipa spravedlivosti v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve*. Moscow: Yurlitinform.
7. Kovalenko, E.N. (2009) *Sudebnoe reshenie: Teoretiko-metodologicheskie i tekhniko-yuridicheskie aspekty* [Judgment: Theoretical-methodological and technical-legal aspects]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
8. Khachaturov, R.L. (2009) *O zakonnosti* [On legality]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (6). pp. 59–63.
9. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Ponyatie, naznachenie, differentsiatsiya ugovnogo protsessa. Printsipy ugovnogo sudoproizvodstva* [Concept, purpose, differentiation of criminal procedure. Principles of criminal proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Rafikov, R.R. (2006) *Sudebnoe pravoprimerenie: Teoretiko-pravovoy analiz* [Judicial law enforcement: Theoretical and legal analysis]. Abstract of Law Cand. Diss. N. Novgorod.
11. Ershov, V.V. (2013) *Pravo i nepravo: diskussionnye voprosy teorii i praktiki* [Right and wrong: debatable issues of theory and practice]. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 1. pp. 24–31.
12. Ershov, V.V. (2011) *Pravosudie, pravoponimanie i pravotvorchestvo v usloviyakh globalizatsii s pozitsii legizma i "shirokogo" ponimaniya prava* [Justice, legal thinking and lawmaking in the context of globalization from the standpoint of legalism and a "broad" understanding of law]. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 12. pp. 5–16.
13. Bunina, A.V. (2005) *Prigovor suda kak akt pravosudiya. Ego svoystva* [The verdict of the court as an act of justice. Its properties]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
14. Ostapenko, I.A. (2007) *Prigovor kak itogovoe reshenie po ugovnomu delu* [The verdict as a final decision in a criminal case]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladimir.
15. Doroshkov, V.V. (2016) *Strategiya razvitiya sovremennogo ugovnogo sudoproizvodstva* [Modern criminal justice development strategy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 4. pp. 57–60.
16. Baranovskiy, K.V., Bezrukov, A.V. & Kalugin, A.G. (2007) *Vliyanie pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda RF na ugovno-protsessual'noye zakonodatel'stvo i praktiku* [The influence of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on criminal procedure legislation and practice]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 11. pp. 56–68.
17. Burmagin, S.V. (2018) *Problemy primeneniya resheniy Evropeyskogo suda po pravam cheloveka pri rassmotrenii ugovnykh del sudami Rossiyskoy Federatsii* [Problems of the application of decisions of the European Court of Human Rights in the consideration of criminal cases by the courts of the Russian Federation]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (2). pp. 299–309.
18. Livshits, R.Z. (1997) *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial practice as a source of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 6. pp. 49–57.
19. Ebzeev, B.S. (1998) *Tolkovanie Konstitutsii Konstitutsionnym Sudom RF: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Interpretation of the Constitution by the Constitutional Court of the Russian Federation: theoretical and practical problems]. *Gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 5–12.
20. Terekhin, V.A. (2011) *On the legalization of judicial practice as a source of law. Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 3. pp. 142–143. (In Russian).
21. Smol'kova, I.V. & Prelovskiy, I.O. (2015) *Znachenie pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii dlya ugovnogo sudoproizvodstva* [The value of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation for criminal proceedings]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*. 25 (5). pp. 870–878.
22. Nersesyants, V.S. (2000) *U rossiyskikh sudov net pravotvorcheskikh polnomochiy* [Russian courts do not have law-making powers]. In: *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial practice as a source of law]. Moscow: Yurist. pp. 107–112.
23. Baytin, M.I. (2007) *O yuridicheskoy prirode resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [On the legal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. In: Syrykh, V.M. (ed.) *Sudebnoe pravoprimerenie: problemy teorii i praktiki* [Judicial law enforcement: problems of theory and practice]. Moscow: RAP. pp. 220–222.

24. Ershov, V.V. (2013) Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy kak parnye kategorii [Legal and individual regulation of public relations as paired categories]. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 4. pp. 4–23.
25. Smirnova, I.G. (2011) K voprosu o sotsial'noy roli Evropeyskogo suda po pravam cheloveka v ugovnom sudoproizvodstve [On the social role of the European Court of Human Rights in criminal proceedings]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*. 5. pp. 149–153.
26. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Rus. yaz.
27. Ozhegov, S.I. (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.
28. Foynitskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Proceedings Course]. Vol. 2. Moscow: Al'fa.
29. Chistyakov, O.I. (ed.) (1991) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t.* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes]. Vol. 8. Moscow: Yurid. lit.
30. Kaz, Ts.M. (1952) *Pravovaya priroda prigovora v sovetskom ugovnom protsesse* [The legal nature of the sentence in the Soviet criminal procedure]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
31. Pashkevich, P.F. (1958) *Zakonnost' i obosnovannost' prigovora sudebnogo prigovora* [The legality and validity of the court verdict]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
32. Perlov, I.D. (1960) *Prigovor v sovetskom ugovnom protsesse* [The verdict in the Soviet criminal procedure]. Moscow: Gosyurizdat.
33. Strogovich, M.S. (1970) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsesa* [The course of the Soviet criminal procedure]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
34. Bazhanov, M.I. (2012) *Zakonnost' i obosnovannost' osnovnykh sudebnykh aktov v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve*: avtoref. dis. ... d-ra yurid. n. Khar'kov, 1967 [Legality and validity of the main judicial acts in the Soviet criminal proceedings. Abstract of Law Dr. Diss. Kharkiv, 1967]. In: Tatsiy, V.Ya. (ed.) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Kharkiv: Pravo. pp. 1191–1209.
35. Lupinskaya, P.A. (1973) *Teoreticheskie osnovy prinyatiya resheniy v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve* [Theoretical foundations of decision-making in Soviet criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
36. Butov, V.N. (1975) *Opredeleniya suda pervoy instantsii po ugovnym delam* [Rulings of the court of first instance in criminal cases]. Abstract of Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
37. Muratova, N.G. (1989) *Protsessual'nye akty organov predvaritel'nogo rassledovaniya: Voprosy teorii i praktiki* [Procedural acts of bodies of preliminary investigation: Issues of theory and practice]. Kazan: Kazan State University.
38. Groshevoy, Yu.M. (1979) *Sushchnost' sudebnykh resheniy v sovetskom ugovnom protsesse* [The essence of court decisions in the Soviet criminal procedure]. Kharkiv: Vishcha shkola.
39. Rekunkov, A.M. & Orlov, A.K. (eds) (1981) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Procedure Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. lit.
40. Burmagin, S.V. (2002) *Napravlenie ugovnykh del dlya dopolnitel'nogo rassledovaniya v usloviyakh razvitiya sostyazatel'nosti sudoproizvodstva (obzor sudebnoy praktiki rayonnykh sudov Arkhangel'skoy oblasti)* [Sending of criminal cases for additional investigation in the context of the development of adversarial proceedings (review of judicial practice of district courts of Arkhangelsk Oblast)]. *Yuridicheskaya praktika: Informatsionnyy byulleten'*. 1 (28). pp. 33–65; 2 (29). pp. 79–94.
41. Ivenskiy, A.I. (2006) *Prigovor – akt pravosudiya, osushchestvlyаемого v obshchem i osobom poryadkakh sudebnogo razbiratel'stva* [The verdict as an act of justice carried out in the general and special procedures of judicial proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
42. Lupinskaya, P.A. (2010) *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. Moscow: Norma; Infra-M.
43. Bozrov, V.M. & Kostovskaya, N.V. (2013) *Sudebnoe reshenie i otsenka dokazatel'stv po ugovnomu delu* [Judgment and evaluation of evidence in a criminal case]. Moscow: Yurlitinform.
44. Ryabinina, T.K. (2017) *Polnomochiya suda na stadii naznacheniya sudebnogo zasedaniya kak sredstva realizatsii sudebnoy vlasti* [Powers of the court at the stage of appointment of a court session as a means of exercising judicial power]. Moscow: Yurlitinform.
45. Burmagin, S.V. (2005) *Vozvrashchenie ugovnykh del prokuroru v poryadke st. 237 UPK RF (kommentariy sudebnoy praktiki)* [Return of criminal cases to the prosecutor in accordance with Art. 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (commentary on judicial practice)]. *Rossiyskaya justitsiya – Russian Justitia*. 1–2. pp. 59–73.

Received: 22 October 2020

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА КОНТРАБАНДЫ СТРАТЕГИЧЕСКИ ВАЖНЫХ ТОВАРОВ И РЕСУРСОВ

Рассматриваются вопросы, связанные с определением объекта контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов как преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ. Формулируется вывод, что непосредственным объектом указанного преступления является установленный международными договорами и законодательством Российской Федерации порядок перемещения стратегически важных товаров и ресурсов через таможенную границу ЕАЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами ЕАЭС.

Ключевые слова: контрабанда; стратегически важные товары и ресурсы; объект преступления; объект контрабанды; непосредственный объект контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов.

В Особенной части УК РФ содержится ряд статей, предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду: ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ.

По нашему мнению, в основном указанные преступления размещены законодателем по главам и разделам Особенной части УК РФ в зависимости от их родовых, видовых и непосредственных объектов, однако вопросы размещения контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов в Гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» вызывают сомнения.

Вопрос об объекте преступления, в том числе предусматривающего уголовную ответственность за контрабанду, на протяжении уже многих лет является одним из наиболее сложных и дискуссионных в науке уголовного права.

До декриминализации так называемой товарной контрабанды данное преступление рассматривалось как преступление в сфере экономической деятельности. Видовой объект преступления по ст. 188 УК РФ по-разному определялся авторами, в том числе как:

- отношения, регулирующие сферу экономической деятельности [1. С. 13];
- общественные отношения в сфере реализации принципов осуществления экономической деятельности [2. С. 11];
- нормальная экономическая деятельность по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ и услуг [3. С. 355];
- общественные отношения, охраняющие свободную внешнеторговую экономическую деятельность ее субъектов [4. С. 80].

Поскольку установление именно непосредственного объекта является определяющим при включении преступлений в конкретные главы УК РФ, полагаем необходимым остановиться на его рассмотрении более подробно. До признания ст. 188 УК РФ, утратившей силу среди исследователей контрабанды были высказаны следующие позиции.

Б.В. Волженкин в качестве непосредственного объекта контрабанды определял «общественные отношения, регулирующие установленный порядок осуществления внешнеэкономической деятельности» [5. С. 386].

В.И. Михайлов и А.В. Федоров в качестве такого объекта называли «охраняемые уголовным законом

общественные отношения в сфере таможенного дела, обеспечивающие установленный порядок товарооборота через таможенную границу и внесение в бюджет таможенных пошлин и сборов» [1. С. 13].

С точки зрения Н.А. Лопашенко, непосредственным объектом контрабанды являются «общественные экономические отношения, соответствующие принципу запрета заведомо криминальных форм поведения в экономической деятельности» [2. С. 12].

По мнению А.В. Наумова, непосредственным объектом контрабанды следует считать «установленный порядок внешнеэкономической деятельности, направленной на обеспечение товарооборота через таможенную границу» [3. С. 440].

Согласно позиции Ю.И. Сучкова, непосредственным объектом контрабанды является «порядок перемещения грузов через государственную границу, установленный для обеспечения законной внешнеэкономической деятельности российского государства» [6. С. 104].

Схожей точки зрения придерживается Г.А. Русанов, называя в качестве непосредственного объекта контрабанды «установленный порядок осуществления внешнеэкономической деятельности» [7. С. 60].

Одновременно здесь следует отметить, что до внесенных ФЗ № 420 изменений ряд ученых неоднократно высказывал сомнения относительно определения объекта контрабанды по ч. 2 ст. 188 УК РФ как экономических отношений, указывая на необходимость их помещения в Гл. 24 УК РФ, объединяющую преступления против общественной безопасности. Одним из основных аргументов такого помещения предметов контрабанды, поименованных в ч. 2 ст. 188 УК РФ, являлись специальные правила оборота (запреты и ограничения) в отношении таких предметов, установленные в силу их свойств как источников повышенной опасности.

Следуя именно такому принципу, в Модельном Уголовном кодексе для государств – членов СНГ было предложено предусмотреть ответственность за контрабанду в главе «Преступления против общественной безопасности» и за экономическую контрабанду – в главе «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности».

Вместе с тем следует отметить, что относимые в настоящее время согласно постановлению Правитель-

ства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» (далее – Перечень СВТиР) к стратегически важным товарам и ресурсам в основном не изъяты из гражданского оборота и в отношении них отсутствуют специальные правила перемещения.

Сопоставительный анализ Перечня СВТиР с Единым перечнем запретов и ограничений, утвержденным решениями Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 августа 2012 г. № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования» и от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования», позволяет сделать вывод, что Перечень СВТиР включает в себя товары и ресурсы, на которые распространяются установленные правом Евразийского экономического союза и нормативными правовыми актами Российской Федерации запреты и ограничения на ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Евразийского экономического союза или из Российской Федерации (озоноразрушающие вещества, виды дикой флоры и фауны, драгоценные металлы, янтарь), а также в отношении которых эти запреты и ограничения не установлены (нефть, нефтепродукты, лесоматериалы, уголь, газ природный) (подробнее об этом см.: [8]).

Кроме того, отдельные исследователи предлагали объект контрабанды определять отдельно для ч. 1 и отдельно для ч. 2 ст. 188 УК РФ [9. С. 45–47; 10. С. 534].

Другие авторы писали о необходимости выделения для части 2 статьи 188 УК РФ лишь дополнительного непосредственного объекта [11. С. 8; 12. С. 127].

Так, Г.А. Русанов отмечал, что «дополнительный непосредственный объект контрабанды будет определяться в зависимости от специфики перемещаемых предметов, предусмотренных ч. 2 ст. 188 УК РФ. В частности, ими будут являться общественные отношения в сфере общественной безопасности (при контрабанде оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывчатых устройств, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, материалов и оборудования, которых могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Российской Федерации); общественные отношения, обеспечивающие право гражданина на осуществление его культурных прав, предусмотренных Конституцией Российской Федерации (при контрабанде культурных ценностей)» [13. С. 66].

Следует согласиться с позицией указанных авторов, поскольку она в полной мере соответствует подходу к построению системы Особенной части УК РФ,

в соответствии с которым на тот момент контрабанда была размещена законодателем в Гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ.

Теперь рассмотрим современные позиции авторов на объект контрабанды после декриминализации так называемой товарной контрабанды и включения в Гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» статьи 226.1, предусматривающей ответственность за контрабанду, в том числе стратегически важных товаров и ресурсов.

Н.Ю. Приходько, указывая на то, что «законодателю не удалось уйти от сложной конструкции объекта преступления, предусмотренного статьей 226.1 УК РФ», полагает, что «родовым и видовым объектами данного состава является совокупность близких по природе и содержанию общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность, т.е. безопасное существование населения и общественный порядок в виде правил безопасного проживания людей, направленных на охрану общественной безопасности обращения опасных веществ, предметов и материалов, стратегически важных товаров и ресурсов, культурных ценностей, а также ценных животных и водных биологических ресурсов» [14. С. 41].

А.А. Никифорова, отмечая, что «имеющееся ранее закрепление контрабанды в Гл. 22 УК РФ отвечало всем необходимым требованиям, и ее разделение в 2011 году привело к множеству спорных вопросов и затруднений в квалификации», предлагает все уголовно-правовые нормы об ответственности за контрабанду закрепить в Гл. 22 УК РФ, поскольку «в данном случае объектом выступают общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности» [15. С. 56–57].

По мнению Е.А. Азаренковой, «непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьей 226.1 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность в результате перемещения через таможенную границу Таможенного союза ЕАЭС либо Государственную границу Российской Федерации опасных предметов» [16. С. 15].

Н.И. Крюкова считает, что «основным непосредственным объектом контрабанды, предусмотренной статьей 226.1 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность личности, общества и государства от различного вида угроз в сфере оборота предметов, указанных в диспозиции данной статьи» [17. С. 67].

Р.Л. Габдрахманов и В.Н. Кужиков непосредственным объектом контрабанды называют «внешнеэкономическую деятельность государства», при этом дополнительно отмечая, что «нахождение контрабанды в структуре Особенной части УК РФ, в главе «Преступления в сфере экономической деятельности», достаточно обоснованно, так как ввоз и вывоз товаров и предметов через границу являются видами внешнеэкономической деятельности, за осуществление которой выплачиваются таможенные сборы и пошлина, из которых частично формируется бюджет государства» [18. С. 16–20].

А.В. Скачко, отмечая, что «в действующей редакции статьи 226.1 УК РФ предметы преступления

не отвечают содержанию объекта преступления», указывает, что «видовой и непосредственный объекты контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов в крупном размере составляют общественные отношения в сфере экономической деятельности» [19. С. 154, 157].

В.Г. Беспалько указывает, что «основным непосредственным объектом контрабанды, предусмотренной статьей 226.1 УК РФ, является совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение и защиту общественной безопасности от угроз, связанных с незаконным оборотом, в том числе и незаконным перемещением через границу, указанных источников повышенной опасности» [20. С. 86–93].

При этом В.Г. Беспалько отмечает, что «фактический объект контрабанды культурных ценностей не соответствует объекту, предусмотренному уголовным законом» [20. С. 86–93].

Данное утверждение, на наш взгляд, всецело относится и к контрабанде стратегически важных товаров и ресурсов.

Учитывая расположение нормы о контрабанде стратегически важных товаров и ресурсов в разделе IX Особенной части УК РФ, родовым объектом такой контрабанды является совокупность близких между собой общественных отношений, составляющих содержание общественной безопасности и общественного порядка.

Вместе с тем в праве под общественной безопасностью понимается «система общественных отношений и юридических норм, регулирующих эти отношения в целях обеспечения общественного спокойствия, неприкосновенности жизни и здоровья населения, нормального труда и отдыха граждан, нормальной деятельности государственных, общественных организаций, учреждений и предприятий» [21. С. 204].

Согласно ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» «основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности определяет Президент Российской Федерации».

В соответствии с п. 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, «общественная безопасность является частью национальной безопасности Российской Федерации, которая также включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего, государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности».

Важнейшим требованием экономической безопасности Российской Федерации является сохранение государственного контроля над стратегическими ресурсами, недопущение их вывоза в размерах, могущих причинить ущерб национальным интересам России.

В связи с этим, по нашему мнению, контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов наносит вред не общественным отношениям, обеспечивающим общественную безопасность, а общественным отношениям в сфере экономики.

Схожей позиции придерживается также ряд авторов. Так, А.В. Федоров отмечает, что «включение стратегически важных товаров и ресурсов в Гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» УК РФ, а также культурных ценностей явно противоречит традиционному (и вполне логичному) подходу распределения преступлений по главам и разделам Особенной части УК РФ в зависимости от их родовых, видовых и непосредственных объектов» [12. С. 141].

При этом соотнесение ст. 189, 191, 191.1, 200.2 и 226.1 УК РФ позволяет также говорить о нарушении законодателем принципа деления предметов контрабанды по единым критериям. Так, ответственность за контрабанду алкогольной продукции установлена в статье 200.2 УК РФ, включенной в Гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», а ответственность за контрабанду спирта этилового и прочих спиртовых настоек установлена в ст. 226.1 УК РФ, включенной в Гл. 24 «Преступления против общественной безопасности». Кроме того, именно к преступлениям в сфере экономической деятельности отнесена ст. 189 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконный экспорт сырья, близкого по своим характеристикам к стратегически важным товарам и ресурсам. Незаконный оборот драгоценных металлов и древесины, отнесенных к стратегически важным товарам и ресурсам, также относится к преступлениям в сфере экономической деятельности.

А.В. Скачко делает вывод «о нелогичности включения законодателем контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов в крупном размере в диспозицию статьи 226.1 УК РФ и целесообразности включения специальной статьи о контрабанде стратегически важных товаров и ресурсов в систему Особенной части УК РФ в главу 22 УК РФ “Преступления в сфере экономической деятельности”» [19. С. 316].

По мнению Е.С. Спесивцевой, «к стратегически значимым (важным) товарам относятся товары, количество, экспорт/импорт, цены которых напрямую влияют на экономическую безопасность государства» [22. С. 55–60].

Н.Н. Коновалов полагает, что «отнесение контрабанды к преступлениям против общественной безопасности требует более серьезной теоретической аргументации и обоснования, и представляется, что существующие реалии не позволяют отнести данный деликт именно к таким преступлениям» [23. С. 22].

Т.В. Кондрашова, указывая на несовершенство ст. 226.1 УК РФ, отмечает, что «основным непосредственным объектом данного преступления исходя из названия главы, в которой расположена ст. 226.1, является общественная безопасность. Но в этот объект не вписывается ряд предметов, исчерпывающий перечень которых дан в названии статьи» [24. С. 135–142].

Кроме того, объективную сторону контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов по ст. 226.1 УК РФ представляет факт их незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза либо государственную границу с государствами – членами Таможенного союза.

В связи с этим, на наш взгляд, является спорным вопрос прямого воздействия указанного перемещения на такой объект, как безопасность общества.

При контрабанде стратегически важных товаров и ресурсов всегда напрямую страдает установленный международными договорами и законодательством Российской Федерации порядок перемещения, общественная безопасность лишь ставится под угрозу, принимая во внимание возможность их дальнейшей реализации, в случае несвоевременного пресечения незаконного перемещения, но напрямую не страдает.

При этом установление законодателем для квалификации контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов крупного размера перемещения, который должен превышать 1 млн руб., подтверждает, что общественная опасность данного преступления определяется экономическими показателями.

Доказательствами отнесения контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов к экономическому преступлению и негативного влияния данного преступления на экономические отношения государства являются в том числе характеристика стратегически важных товаров и ресурсов, являющихся предметом преступления в сфере внешнеэкономической деятельности, а также сведения ФТС России о деятельности таможенных органов по предупреждению и пресечению контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов.

Так, именно стратегически важные товары и ресурсы пользуются устойчивым спросом за рубежом, формируя основную доходную часть бюджета Российской Федерации в виде таможенных платежей за счет экспорта, поскольку их вывоз из Российской Федерации облагается вывозной таможенной пошлиной (вывозные таможенные пошлины устанавливаются в том числе для защиты внутреннего рынка Российской Федерации и стимулирования структурных изменений в экономике).

Экономическую направленность контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов также отражают следующие цифры. Согласно данным ФТС России таможенными органами в период с 2012 по 2020 г. по ст. 226.1 возбуждено 5 235 уголовных дел. Общая стоимость незаконно перемещенных товаров, в том числе стратегически важных товаров и ресурсов, за 2012–2020 гг. составила более 150 млрд руб.

А.С. Попов в качестве меры противодействия контрабанде стратегически важных товаров и ресурсов предлагает «дополнить ст. 226.1 УК РФ квалифицированным составом преступления, устанавливающим ответственность за перемещение стратегически важных товаров и ресурсов в особо крупном размере» [25. С. 25–28], т.е. также в основу определения общественной опасности и ужесточения ответственности кладет экономический показатель.

Ранее при рассмотрении правоведами вопроса о размещении деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 188 УК РФ, в Гл. 24 или 25 УК РФ Д.В. Коземаслов также отмечал, что «при перемещении стратегически важных товаров и ресурсов не нарушается ни общественная безопасность, ни здоровье населения» [26. С. 41].

Важно отметить, что незаконный импорт товаров, помимо существенного сокращения доходов государственного бюджета, наносит серьезный удар по российским товаропроизводителям, чья продукция не способна конкурировать с дешевыми контрабандными товарами, в розничную цену которых не включаются таможенные и налоговые обложения.

Таким образом, на наш взгляд, основным родовым объектом указанного преступления следует считать совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование и развитие экономики.

Непосредственным объектом контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов является установленный международными договорами и законодательством Российской Федерации порядок перемещения стратегически важных товаров и ресурсов через таможенную границу Евразийского экономического союза либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза.

В связи с этим, по нашему мнению, уголовная ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов следует предусмотреть отдельной статьей, которая должна размещаться в разделе VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ.

Исследование объекта контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов позволило прийти к следующим выводам.

1. Следует исключить из ст. 226.1 УК РФ стратегически важные товары и ресурсы как предмет контрабанды.

2. Статью, предусматривающую ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов, следует разместить в разделе VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ, в Гл. 22 «Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности», поскольку родовым объектом контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов являются отношения в сфере экономики.

3. Фактически, на наш взгляд, законодатель при декриминализации товарной контрабанды по ст. 188 УК РФ и установлении ответственности за контрабанду по ст. 226.1 и 229.1 УК РФ сохранил в ст. 226.1 УК РФ уголовную ответственность за товарную контрабанду, но только в отношении отдельных наиболее значимых категорий товаров в крупном размере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления: Уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности / под ред. А.В. Федорова. СПб. : Баттерфляй, 1999. 344 с.
2. Лопашенко Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997. 183 с.
3. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 2. М., 2007. 492 с.
4. Качкина Г.П. Контрабанда как таможенное преступление : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. 270 с.
5. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2002. 641 с.

6. Сучков Ю.И. Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности Российской Федерации. М., 2005. 424 с.
7. Русанов Г.А. Контрабанда культурных ценностей: уголовно-правовое, криминологическое и сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 200 с.
8. Zaigraeva V.K. On the issue of determining the subject of smuggling of strategically important goods and resources // Revista dilemas contemporáneos: educación, política y valores. 2019. Year VII, Special Edition, December 2019. URL: <https://www.dilemascontemporaneoseduacionpolitica.yvalores.com/index.php/dilemas/article/view/1024>
9. Рогатых Л.Ф. Контрабанда: проблемы уголовно-правовой характеристики : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. СПб., 1999. 207 с.
10. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. 765 с.
11. Дмитриенко И.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Краснодар, 2008. 190 с.
12. Федоров А.В. Еще раз к вопросу об объекте «переродившейся» контрабанды, предметах контрабанды и ее месте в особенной части УК РФ // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2013. № 2 (46). С. 121–152.
13. Русанов Г.А. Уголовная ответственность за контрабанду (статья 188 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 2. С. 65–76.
14. Приходько Н.Ю. Предупреждение органами внутренних дел контрабанды на железнодорожном транспорте : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 211 с.
15. Никифорова А.А. Уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. 273 с.
16. Азаренкова Е.А. Уголовная ответственность за контрабанду, посягающую на общественную безопасность (ст. 226.1 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 208 с.
17. Крюкова Н.И., Арестова Е.Н. Квалификация и расследование преступлений в сфере таможенного дела. М. : Юрайт, 2016. 223 с.
18. Габдрахманов Р.Л., Кужиков В.Н. Контрабанда по российскому уголовному законодательству: понятие и виды // Российский следователь. 2016. № 21. С. 16–20.
19. Скачко А.В. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: стратегические направления уголовно-правовой политики противодействия им в современной России : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. 377 с.
20. Беспалько В.Г. Новые проблемы квалификации контрабанды культурных ценностей по признакам объекта и предмета преступления // Публичное и частное право. 2013. Вып. I. С. 86–93.
21. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев; ред. кол.: М.М. Богуславский, М.И. Козырь, Г.М. Миньковский и др. М. : Сов. энциклопедия, 1984. 415 с.
22. Спесивцева Е.С. Тарифное регулирование в России: аргументы в пользу подвижности ставок таможенных пошлин // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 9. С. 55–60.
23. Коновалов Н.Н. Контрабанда по законодательству стран Таможенного союза // Таможенное дело. 2014. № 1. С. 20–22.
24. Кондрашова Т.В. Культурные ценности под защитой российского уголовного права // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 135–142.
25. Попов А.С. Противодействие незаконному перемещению через Государственную границу Российской Федерации товаров и иных предметов в условиях евразийской интеграции // Таможенное дело. 2017. № 3. С. 25–28.
26. Коземаслов Д.В. Контрабанда: уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 183 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 февраля 2021 г.

Distinctive Features of the Object of Smuggling of Strategically Important Goods and Resources

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 225–230.

DOI: 10.17223/15617793/466/27

Vladislava K. Zaigraeva, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: customs.v.k@gmail.com

Keywords: smuggling; strategically important goods and resources; object of crime; object of smuggling; direct object of smuggling of strategically important goods and resources.

The aim of the study is to consider issues related to the definition of public danger and the object of smuggling of strategically important goods and resources as a crime under Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the positions of individual researchers on these issues. The methodological basis of the research was formed by the general scientific theory of knowledge; the method of comparative analysis and the logical-legal method of cognition were also used. The latter was used for a more accurate understanding of the norms of Russian criminal legislation, their analysis, as well as for the interpretation of the main provisions reflected in the legal literature. As a result, the author questions the correctness of the placement of the smuggling of strategically important goods and resources in Chapter 24, Crimes Against Public Security, of Section IX, Crimes Against Public Security and Public Order: in cases of smuggling of strategically important goods and resources, the procedure for movement established in the international treaties and legislation of the Russian Federation always suffers directly, while, taking into account the possibility of further distribution of smuggled objects in the event of an untimely suppression of these objects' illegal movement, public security is only endangered but does not suffer directly. The legislator establishes the qualification of smuggling of strategically important goods and resources in large volumes as exceeding one million rubles, which confirms that the public danger of this crime is determined by economic indicators. The author proves that smuggling of strategically important goods and resources harms public relations in the economic sphere rather than public relations that ensure public security. The conclusion is formulated that the totality of social relations that ensure the normal functioning and development of the economy should be considered as the main generic object of this crime. The direct object of smuggling of strategically important goods and resources is the procedure established by the international treaties and legislation of the Russian Federation for moving strategically important goods and resources through the customs border of the Eurasian Economic Union or the state border of the Russian Federation with the member states of the Eurasian Economic Union. Criminal liability for smuggling of strategically important goods and resources is proposed to be provided for in a separate article, which should be placed in Section VIII, Crimes in the Economic Sphere, of the Criminal Code of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Mikhaylov, V.I. & Fedorov, A.V. (1999) *Tamozhennye prestupleniya: Ugolovno-pravovoy analiz i obshchie voprosy operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Customs crimes: Criminal legal analysis and general issues of operational-search activity]. St. Petersburg: Butterflyay.
2. Lopashenko, N.A. (1997) *Voprosy kvalifikatsii prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Issues of qualification of crimes in the sphere of economic activity]. Saratov: Saratov State University.

3. Naumov, A.V. (2007) *Rossiyskoe ugovnoe pravo. Kurs lektsiy* [Russian criminal law. Lectures]. Vol. 2. Moscow: Volter Kluver.
4. Kachkina, G.P. (2003) *Kontrabanda kak tamozhennoe prestuplenie* [Smuggling as a customs crime]. Law Cand. Diss. Vladivostok.
5. Volzhenkin, B.V. (2002) *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Crimes in the field of economic activity]. St. Petersburg: YuTs Press.
6. Suchkov, Yu.I. (2005) *Prestupleniya v sfere vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti Rossiyskoy Federatsii* [Crimes in the sphere of foreign economic activity of the Russian Federation]. Moscow: Ekonomika.
7. Rusanov, G.A. (2009) *Kontrabanda kul'turnykh tsennostey: ugovno-pravovoe, kriminologicheskoe i sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Smuggling of cultural values: criminal law, criminological and comparative legal research]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. Zaigraeva, V.K. (2019) On the issue of determining the subject of smuggling of strategically important goods and resources. In: *Revista dilemas contemporáneos: educación, política y valores*. 2019. Year VII, Special Edition, December [Online] Available from: <https://www.dilemascontempo.raneoseducacionpolitica.yvalores.com/index.php/dilemas/article/view/1024>.
9. Rogatykh, L.F. (1999) *Kontrabanda: problemy ugovno-pravovoy kharakteristiki* [Smuggling: problems of criminal law characteristics]. Law Cand. Diss. 12.00.08. St. Petersburg.
10. Volzhenkin, B.V. (2007) *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti po ugovnomu pravu Rossii* [Crimes in the field of economic activity under the criminal law of Russia]. St. Petersburg: YuTs Press.
11. Dmitrienko, I.V. (2008) *Ugovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti* [Criminal liability for crimes in the field of foreign economic activity]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
12. Fedorov, A.V. (2013) Eshche raz k voprosu ob ob'ekte "pererodivsheysya" kontrabandy, predmetakh kontrabandy i ee meste v osobennoy chasti UK RF [Once again on the object of "reborn" smuggling, smuggled items and its place in the special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 2 (46). pp. 121–152.
13. Rusanov, G.A. (2011) Ugovnaya otvetstvennost' za kontrabandu (stat'ya 188 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii) [Criminal liability for smuggling (Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2. pp. 65–76.
14. Prikhod'ko, N.Yu. (2015) *Preduprezhdenie organami vnutrennikh del kontrabandy na zheleznodorozhnom transporte* [Prevention of smuggling in railway transport by the internal affairs bodies]. Law Cand. Diss. Moscow.
15. Nikiforova, A.A. (2017) *Ugovno-pravovoy mekhanizm protivodeystviya prestupleniyam v sfere vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti* [Criminal law mechanism of counteracting crimes in the sphere of foreign economic activity]. Law Cand. Diss. N. Novgorod.
16. Azarenkova, E.A. (2016) *Ugovnaya otvetstvennost' za kontrabandu, posyagayushchuyu na obshchestvennyuyu bezopasnost' (st. 226.1 UK RF)* [Criminal liability for smuggling infringing on public safety (Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Law Cand. Diss. Moscow.
17. Kryukova, N.I. & Arestova, E.N. (2016) *Kvalifikatsiya i rassledovanie prestupleniy v sfere tamozhennogo dela* [Qualification and investigation of crimes in the field of customs]. Moscow: Yurayt.
18. Gabdrakhmanov, R.L. & Kuzhikov, V.N. (2016) Kontrabanda po rossiyskomu ugovnomu zakonodatel'stvu: ponyatie i vidy [Smuggling under Russian criminal law: concept and types]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 21. pp. 16–20.
19. Skachko, A.V. (2017) *Kontrabanda i ukлонenie ot uplaty tamozhennykh platezhey: strategicheskie napravleniya ugovno-pravovoy politiki protivodeystviya im v sovremennoy Rossii* [Smuggling and customs payments evasion: strategic directions of the criminal law policy of counteracting them in modern Russia]. Law Dr. Diss. Krasnodar.
20. Bepal'ko, V.G. (2013) *Novye problemy kvalifikatsii kontrabandy kul'turnykh tsennostey po priznakam ob'ekta i predmeta prestupleniya* [New problems of qualifying smuggling of cultural property on the basis of the object and subject of the crime]. *Publichnoe i chastnoe pravo*. 1. pp. 86–93.
21. Sukharev, A.Ya. (ed.) (1984) *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Legal encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
22. Spesivtseva, E.S. (2018) Tarifnoe regulirovanie v Rossii: argumenty v pol'zu podvizhnosti stavok tamozhennykh poshlin [Tariff regulation in Russia: arguments in favor of the flexibility of customs duty rates]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 9. pp. 55–60.
23. Kononov, N.N. (2014) Kontrabanda po zakonodatel'stvu stran Tamozhennogo soyuza [Smuggling under the legislation of the countries of the Customs Union]. *Tamozhennoe delo*. 1. pp. 20–22.
24. Kondrashova, T.V. (2016) Kul'turnye tsennosti pod zashchitoy rossiyskogo ugovnogo prava [Cultural values under the protection of Russian criminal law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 5. pp. 135–142.
25. Popov, A.S. (2017) Protivodeystvie nezakonnomu peremeshcheniyu cherez Gosudarstvennyuyu granitsu Rossiyskoy Federatsii tovarov i inyykh predmetov v usloviyakh evraziyskoy integratsii [Counteraction to illegal movement of goods and other items across the state border of the Russian Federation in the conditions of Eurasian integration]. *Tamozhennoe delo*. 3. pp. 25–28.
26. Kozemaslov, D.V. (2002) *Kontrabanda: ugovno-pravovyye aspekty* [Smuggling: criminal law aspects]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.

Received: 05 February 2021

А.Н. Калюжный, Н.Г. Шурухнов

СОКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ РАБОТОТВОРЧЕСТВА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА

Обосновывается структура способа совершения преступлений, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда. Аргументируются особенности сокрытия исследуемых преступлений в ходе приготовления к их совершению, во время вербовки, перевозки, удержания, купли-продажи и эксплуатации жертв. Исследуется специфика сокрытия противоправной деятельности после (по факту) совершения рассматриваемых преступлений. Анализируется судебная и следственная практика раскрытия и расследования указанных преступлений.

Ключевые слова: торговля людьми; рабский труд; эксплуатация; преступление; способ преступления; сокрытие преступления.

Свобода личности выступает одной из наивысших ценностей, гарантированных международными правовыми актами и Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 22). Однако реализация данного права, как в России, так и за рубежом, сталкивается со значительными трудностями, обусловленными корыстной направленностью преступлений, связанных с работорговлей и использованием рабского труда, их групповым характером и высокой степенью латентности. Статистические данные ООН свидетельствуют, что на сегодняшний день около 20 млн человек подвергаются работорговле и использованию рабского труда, при этом более 70% из них в сфере проституции и иных сексуальных услуг [1. С. 46–47]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и ГИАЦ МВД России, ежегодно в России регистрируется порядка четырех десятков таких преступлений (ст. 127.1 и ст. 127.2 УК РФ): в 2017 г. – 46 преступлений, в 2018 – 48, в 2019 – 40 [2, 3].

Высокая латентность посягательств, связанных с работорговлей и использованием рабского труда, обеспечивается не только спецификой механизма их совершения, но и деятельностью преступников, старающихся замаскировать ее следы, воспрепятствовать их выявлению, раскрытию и расследованию, уклониться от уголовной ответственности.

Деятельность по сокрытию преступления получила развитие в трудах Г.Г. Зуйкова [4. С. 10] и Б.В. Лисиченко [5. С. 48], войдя в учение о способе преступлений, и в настоящее время прочно закрепилось в криминалистической науке и методиках расследования отдельных преступлений (видов, групп преступлений), наполненных полноструктурными [6. С. 90] данными о способах совершения противоправных деяний. Полноструктурные способы преступлений характерны для совершения умышленных противоправных деяний, состоящих из деятельности по их подготовке, реализации преступного посягательства и сокрытия факта его совершения и оставленных следов.

Поскольку преступления, направленные на совершение торговли людьми и использование рабского труда, реализуются лишь умышленно, особенности выражения способов сокрытия в неосторожных преступлениях мы рассматривать не будем. Бесспорным является и мнение авторов, утверждающих о дина-

мичной структуре способа преступления, которая может быть трехзвенной (способы подготовки, совершения и сокрытия преступления) или же двухзвенной, однозвенной, что коррелирует с личностью преступника и его отношением к совершаемому им преступному деянию (например, совершаются без подготовки или сокрытия преступления) [7. С. 69–70].

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел о преступлениях, направленных на совершение торговли людьми и использования рабского труда, позволяет утверждать, что для подавляющего большинства из них характерен полноструктурный способ преступления, одной из составляющих которого являются данные о сокрытии противоправного деяния.

Рассмотрение особенностей сокрытия преступлений, направленных на совершение торговли людьми и использование рабского труда, предполагает выяснение сущности и содержания исследуемой категории. Под способом сокрытия преступления В.Ф. Ермолович понимает систему действий (бездействий) преступника (преступников) и иных лиц, детерминированную реализованным способом совершения преступления, условиями внешней среды и качествами личности (личностей), связанную с избирательным использованием соответствующих орудий, условий места и времени, направленную на полное или частичное уклонение виновного (виновных) от уголовной ответственности и наказания за содеянное [8. С. 88–89].

Р.С. Белкин рассматривает сокрытие преступлений как деятельность, направленную на воспрепятствование расследованию путем активного или пассивного утаивания, умолчания, недонесения, несообщения необходимых сведений, невыполнения требуемых действий, а также уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления, преступника и их носителей [9. С. 663].

Схожей позиции придерживается и ряд других ученых-криминалистов, понимая под способом сокрытия систему действий, детерминированную условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами преступника, находящих отражение в элементах внешней среды и указывающих на корреляционную зависимость с иными данными криминалистической характеристики преступлений [10. С. 57–58; 11. С. 122–123].

Рассматривая содержание деятельности по сокрытию преступления, А.А. Эксархопуло включает в нее информацию о подготовительных действиях преступников, деятельность по приисканию орудий и средств преступления, а также меры по сокрытию деяния [12. С. 677]. А.Ю. Головин и О.П. Грибунов предлагают в способы сокрытия преступлений включать совокупность следующих действий, совершающих виновными: инсценировка, утаивание, уничтожение, маскировка и фальсификация [13. С. 66]. Мнение авторов базируется на ранее рассмотренной позиции Р.С. Белкина. Актуальной и значимой является классификация способов сокрытия преступлений, проведенная В.А. Труциным, в соответствии с которой автор разделил их на три группы:

а) поведенческого характера, к которым относится недонесение о преступлении или его отдельных действиях, уклонение от дачи показаний или отказ от их дачи, уклонение от явки в органы расследования;

б) материального характера, представленные фальсификацией обстановки и следов совершения преступления, уничтожением следов преступления, их маскировкой;

в) вербального характера, образуемые ложными показаниями, созданием ложного алиби, ложным доносом [14. С. 134].

На современном этапе развития криминалистики к проблемам обоснования дефиниции «способ сокрытия преступления» и аргументации ее содержания обращались Ю.Д. Горчаров [15], О.Г. Карнаухова [16], О.П. Левченко [17], В.С. Овчинский, Ю.Г. Торбин [18], И.В. Тишутина [19] и другие ученые. Ряд из них справедливо полагают необходимым рассматривать исследуемую категорию в неразрывной связи с понятием «противодействие расследованию». В то же время отметим, что «способ сокрытия преступления» содержательно входит в категорию «противодействие расследованию», дополнительно включающую приемы оказания воздействия и подкупа участников уголовного судопроизводства; симуляции психического расстройства; умышленного затягивания сроков расследования, неявки для производства следственных действий; использования связей должностных лиц правоохранительных органов и др.

Особая роль и значимость способа сокрытия преступлений, связанных с работоторговлей и использованием рабского труда, заключается не только в использовании типичных для многих преступлений моделей (форм) уничтожения или маскировки преступной деятельности и оставленных следов, но и характерных лишь для них, специфичных способов конспирации данных преступлений.

Изучение материалов уголовных дел о преступлениях, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда, а также судебной и следственной практики их раскрытия и расследования указывает, что рассматриваемая нами деятельность виновных реализуется как на стадиях приготовления и совершения рассматриваемых преступлений, так и после (по факту) их осуществления. Анализ механизма совершения анализируемых преступных деяний, свидетельствует о том, что звеньями способа сокрытия рас-

сматриваемых преступлений выступает следующая деятельность:

а) сокрытие факта и следов приготовления к совершению преступления;

б) конспирация непосредственного совершения преступной деятельности;

в) маскировка или уничтожение следов совершенного преступления.

Сокрытие факта и следов приготовления к совершению преступлений, направленных на совершение торговли людьми и использование рабского труда, обусловлено механизмом реализации исследуемой преступной деятельности, подчеркивающим неразрывную связь способа сокрытия со способом подготовки анализируемых преступных деяний.

Криминалистически значимой составляющей приготовления к совершению исследуемых нами преступлений, отражающей сокрытие истинных целей преступной деятельности, выступает поиск потенциального потерпевшего.

Как правило, поиск жертвы осуществляется путем реализации комплекса активных действий, направленных на привлечение будущего потерпевшего к общению с преступниками, соучастниками или посредниками в преступных действиях.

Анализ изученных материалов уголовных дел о преступлениях, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда, позволяет выделить следующие наиболее типичные формы сокрытия деятельности по поиску будущего потерпевшего:

а) подготовка и предоставление для размещения печатным или электронным средствам массовой информации объявлений с предложениями предоставления услуг по трудоустройству на высокооплачиваемую работу за рубежом, обучению, бракосочетанию с иностранными гражданами и т.п.;

б) размещение вышеуказанных завуалированных объявлений на страницах социальных сетей (Facebook, «Одноклассники» и др.),

в) распространение данной информации устно через посредников, знакомых будущих потерпевших. Как правило, рекламируют описываемую деятельность сутенеры, лица ранее занимавшиеся проституцией, эксплуатируемые в строительном или производственном бизнесе [20. С. 65];

г) печать флаеров, листовок, информационных объявлений с предложением анализируемых конспирируемых услуг и последующее их распространение на остановках общественного транспорта, размещение на подъездах домов, почтовых ящиках и других местах;

д) организация и проведение мнимых «конкурсов красоты», «розыгрышей» и подобных мероприятий, победителям и лауреатам которых предлагают «выгодные» условия работы или учебы за рубежом [21. С. 35];

е) устное распространение заведомо ложной информации с целью привлечения бедующих жертв работоторговли и незаконной эксплуатации в определенных социальных группах: проститутки, наркоманы, лица, оказавшиеся в сложном материальном положении, психически больные, лица без определенного места жительства (для организации попрошайничества), молодежная среда и т.п.

Например, Н. и Э. на территории Кировской области организовали деятельность нескольких фирм, предоставлявших за денежные средства услуги «приятного времяпровождения». Из корыстных побуждений, намереваясь увеличить свое материальное благосостояние, Н. и Э. решили привлечь для занятия проституцией девушек. Приисканием новых кандидаток осуществлялось среди девушек, ведущих аморальный образ жизни, неработающих, испытывающих материальные затруднения и злоупотребляющих спиртными напитками. Распространяя информацию о предстоящей работе, Н. и Э. искажали истинные условия труда и предполагаемый доход девушек. Кроме того, Н. и Э. в областных средствах массовой информации разместили объявления о наборе молодых девушек на работу (подработку) и в ходе телефонных переговоров предлагали несоответствующие объективной действительности условия труда [22].

Обоснованные нами типичные способы поиска потенциального потерпевшего характерны для большинства преступлений, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда и, как правило, выражаются в совершении активных действий со стороны виновных. В то же время жертва может сама совершить целенаправленные, активные действия, направленные на установление коммуникативных связей с виновными, заблуждаясь в их истинных намерениях и поддавшись на преподнесенную ей (жертве) завуалированную рекламную информацию.

Рассмотренные нами типичные формы сокрытия приготовления к реализации исследуемой преступной деятельности не исключают выполнение и других действий, также совершаемых конспиративно и заключающихся в приискании:

- а) соучастников преступления;
- б) транспортных средств для последующей перевозки жертв;
- в) мест удержания предполагаемого потерпевшего;
- г) средств физического и психологического воздействия на жертву;
- д) средств связи субъектов преступления (как правило, с SIM-картами, зарегистрированными на посторонних лиц) [23. С. 116].

Найдя и выбрав жертву, преступники переходят к следующей составляющей механизма преступлений, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда, и осуществляют преступную деятельность по вербовке предполагаемого потерпевшего к выполнению рекламируемых условий. Анализ положений уголовного законодательства свидетельствует, что вербовка является способом совершения исследуемых преступлений и, как и деятельность по приготовлению к реализации торговли людьми или использованию рабского труда, имеет специфические способы сокрытия.

В соответствии с разъяснением Верховного Суда Российской Федерации вербовкой является отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека [24]. Вербовка представлена совокупно-

стью преступных действий, запрещенных как международными стандартами о правах человека, так и национальным законодательством России, и направленных на принуждение жертвы к совершению действий, навязываемых преступниками. Она может быть осуществлена как с помощью устного или письменного воздействия на потенциальную жертву, физического или психологического влияния на нее, так и с помощью создания ситуации, в которой жертва становится «обязанной» или «должной» преступникам [25. С. 23]. Например, оформление виновными документов для выезда за рубеж, приобретение билетов, заем потерпевшим денежных средств, которые в последующем они не могут вернуть, и др.

Одним из средств осуществления вербовки является обман, который состоит в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение потерпевшего в заблуждение [26]. Еще одним средством осуществления вербовки выступает злоупотребление доверием, заключающееся в использовании дружеских, приятельских или родственных отношений с потерпевшим или его близкими.

Как правило, в ходе обмана или злоупотребления доверием искажаются сведения об истинной сфере предполагаемой деятельности, условиях труда (эксплуатации) и проживания жертвы.

Совершив вербовку жертвы, преступники переходят к следующим составляющим способа реализации механизма исследуемых преступлений, которыми выступают перемещение и удержание жертвы. Проведенный анализ материалов уголовных дел о работорговле, использовании рабского труда и судебной следственной практики их расследования свидетельствует, что перемещение жертвы, в подавляющем большинстве, осуществляется в добровольной форме [27. С. 93], которая детерминирована способом завладения потенциальным потерпевшим – вербовкой (обманом, введением в заблуждение). Для перевозки используются любые виды транспорта, причем для вывоза жертв за рубеж – в большинстве своем авиационный, а для перевозок внутри страны – в основном автомобильный. Характерной особенностью перемещения потенциальных жертв за рубеж является проводимый преступниками инструктаж потерпевших, обусловленный спецификой оформления выездных документов (туристические визы вместо рабочих, сроки виз и страховок и т.п.), в ходе которого им рекомендуют исказить условия и цель поездки, умолчать об истинном положении дел (сфальсифицированных документах, сроках поездки и т.п.).

Например, Б., П.Е., П.В., Г. и Л. с целью получения материальной прибыли от торговли людьми организовали создание и приняли участие в деятельности преступного сообщества. В ходе осуществления преступной деятельности фигуранты осуществили на территории Российской Федерации вербовку 15 молодых девушек, обещав высокую заработную плату и комфортные условия жизни и работы за рубежом (танцовщицами). С целью реализации условий выезда в страну и оформления виз, Б., П.Е., П.В., Г. и Л. были

вынуждены подделать паспорта некоторым жертвам, увеличив их возраст. Оформив соответствующие документы, преступная группа осуществила продажу 15 девушек соучастникам, переправив их в Республику Мальта, где последние были лишены документов, удостоверяющих их личности, подверглись физическому и психологическому воздействию и были вынуждены заниматься проституцией [28].

Таким образом, кроме использования методов обмана потерпевших, вербовки и злоупотребления их доверием для сокрытия истинных цели преступной деятельности, проведенное нами исследование выявило следующие формы конспирация непосредственного совершения преступной деятельности:

а) маскировка под правомерную деятельность организаций и лиц, предоставляющих услуги по обучению, замужеству, трудоустройству населения за рубежом, инсценировки религиозной, туристической, благотворительной и иной деятельности (61,9%);

б) подделка (фальсификация) документов, удостоверяющих личность потерпевших, страховых свидетельств и иных, позволяющих жертвам выехать за границу (используются схемы фиктивных браков, инсценировки благотворительной, религиозной и других видов деятельности);

в) сокрытие мест удержания потерпевших и выбор их расположения, исключая сторонние контакты с жертвами или обращение за помощью (44,7%);

г) охрана жертв, в целях предупреждения возможности свободного передвижения потерпевших, их побега, незапланированных контактов с другими людьми (85,8%);

д) изъятия у жертв документов, удостоверяющих личность, в целях предотвращения возможности обращения потерпевших за помощью в правоохранительные органы, затруднения передвижения как внутри страны, так и за ее пределы (в свою страну);

е) оказание психологического воздействия на жертв с целью запугивания, формирования чувства обреченности и неизбежности подчинения виновным, тем самым создавая условия для повышения степени латентности рассматриваемых посягательств;

ж) использование нескольких телефонных номеров (в том числе зарегистрированных на посторонних лиц), ноутбуков, флеш-носителей для хранения необходимой информации и наличия возможности ее быстрого уничтожения [29. С. 44–46];

з) завуалированная реклама преступной деятельности по приисканию потребителей сексуальных и иных услуг, оказываемых жертвами исследуемых преступлений (бани, сауны, клубы, бары и т.п.) (64,7%). Размещение рекламных объявлений, как способ посягательств, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда, характерен не только для приготовления к совершению исследуемых преступлений, но и для их реализации (эксплуатации жертв). Для этих целей в печатных и электронных средствах массовой информации размещаются объявления, искажающие содержание рекламируемой деятельности: предлагающие орга-

низацию «приятного времяпровождения», «эскорт-услуги», выполнение «массажа» и т.п. Конспирируется и оплата предоставляемых жертвами услуг, за оказание которых преступники, в большинстве своем, получают деньги наличными, а купля-продажа человека происходит как за наличный расчет, так и путем перевода денежных средств за рубеж, в том числе и в криптовалюте [30. С. 215].

Изучение материалов уголовных дел о преступлениях, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда, указывает на наличие намерений преступников замаскировать или уничтожить следы совершенного преступления. Эта деятельность реализуется в ходе приготовления к совершению рассматриваемых посягательств, заключаясь в завуалированной рекламе предлагаемых преступных услугах, использованию SIM-карт, зарегистрированных на посторонних людей и других формах сокрытия, рассмотренных нами ранее. Маскировка или уничтожение следов совершенного преступления характерны для преступников и после совершения анализируемых преступных деяний, однако выявлялись редко. Данное обстоятельство объяснимо тем, что к моменту эксплуатации потерпевших или торговли людьми, как правило, преступники выполнили комплекс действий, препятствующих установлению и изобличению их противоправной деятельности. Кроме того, оказание физического и психологического воздействия на жертв, их охрана, созданные преступниками условия удержания и эксплуатации потерпевших препятствуют изобличению совершенных преступных деяний, а оставляемые следы остаются латентными для правоохранительных органов. Именно поэтому лишь по 12,8% изученным уголовным делам по преступлениям, направленным на торговлю людьми и использование рабского труда, были выявлены факты уничтожения вещей и одежды потерпевших (сжигались, выбрасывались и т.п.). В 8,4% изученных дел производилось уничтожение следов потерпевшего (замывание крови, затирание отпечатков пальцев и др.).

Изложенное позволяет охарактеризовать преступления, направленные на торговлю людьми и использование рабского труда, как умышленные, организованные, подготавливаемые деяния, следы преступной деятельности которых тщательно скрываются или уничтожаются. Анализ рассматриваемых преступлений позволил выявить типичные формы сокрытия преступной деятельности в ходе подготовки, вербовки, перевозки, удержания, работ торговли и эксплуатации жертв. Знание специфики механизма совершения преступлений, направленных на торговлю людьми и использование рабского труда, а также типичных способов сокрытия преступной деятельности позволяет эффективно организовать расследование [31. С. 93], используя аналитические тактико-криминалистические средства [32. С. 94], изобличить преступников, раскрыть анализируемые преступные деяния и разрешить задачи уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисиевич Е.С. Совет Европы на страже прав жертв торговли людьми: правовые стандарты и факторы риска // Международное правосудие. 2018. № 3. С. 46–65.
2. Основные статистические показатели деятельности судов // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.10.2020).
3. Состояние преступности в России с 2017 г. по 2019 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 27.10.2020).
4. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Высш. школа МВД СССР, 1970. 30 с.
5. Лисиченко Б.В. К вопросу о способе сокрытия преступления // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 1976. С. 48–53.
6. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex russica. 2019. № 3. С. 87–99.
7. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступления // Криминалистика : учебник / под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА-М, 2010. С. 69–70.
8. Ермолович В.Ф. Способ и механизм преступления. Минск, 2000. 107 с.
9. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. и др. Криминалистика : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 900 с.
10. Князьков А.С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 1. С. 51–64.
11. Халиков А.Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов. 2-е изд., доп. и испр. М. : Юрлитинформ, 2006. 176 с.
12. Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник. СПб., 2009. 904 с.
13. Головин А.Ю., Грибунов О.П., Бибииков А.А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений. Иркутск, 2015. 164 с.
14. Труцин В.А. Характеристика сокрытия следов дорожно-транспортных преступлений // Криминалистическая сущность, средства и методы установления способов сокрытия следов преступления. М., 1987. 160 с.
15. Гончаров Д.Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 320 с.
16. Карнаухова О.Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевший : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 23 с.
17. Левченко О.П. Торговля людьми и легализация преступных доходов. Вопросы противодействия : науч.-практ. пособие. М. : Юнити-Дана, 2009. 271 с.
18. Овчинский В.С., Торбин Ю.Г. Противодействие торговле людьми в Российской Федерации / под ред. В.С. Овчинского, Ю.Г. Торбина. М. : Норма, 2009. 208 с.
19. Тишутина И.В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности: организационные, правовые и тактические основы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 46 с.
20. Дворкин А.И., Торбин Ю.Г. и др. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование. М. : Юрист, 2007. 144 с.
21. Фархутдинов Р.Р. Методика расследования торговли людьми : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 240 с.
22. Приговор Яранского районного суда Кировской области по уголовному делу № 1-74/2015 // Официальный сайт ГАС РФ «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.rubigs/showDocument.html?id=bf8cde24129aa992a9e052aaf635b2c&shard=%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0&fieldName=court_document_documenttext1_tag&from=p (дата обращения: 26.10.2020).
23. Варданын А.А. Особенности расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2012. 208 с.
24. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 г. Москва «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном освобождении и торговле людьми» // Российская газета. 2019. 31 декабря.
25. Толстухина Т.В., Гусейнов Т.А. Вербовка лиц на первоначальном этапе торговли людьми // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5 (2) С. 23–26.
26. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Февраль 2008. № 2.
27. Колесов А.И. Проблемы первоначального этапа расследования торговли людьми, использования рабского труда и связанных с ними преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 252 с.
28. Уголовное дело № 2-10/2013 // Архив Ростовского областного суда.
29. Олимпиев А.Ю. Международное сотрудничество в противодействии торговле людьми. М., 2011. 87 с.
30. Долгиева М.М. Противодействие легализации преступных доходов при использовании криптовалюты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 213–218. DOI: 10.17223/15617793/449/26
31. Бульжгин А.В., Чаплыгина В.Н. Оценка эффективности следственной деятельности в России: размышления выводы // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 2 (85). С. 91–95.
32. Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 января 2021 г.

Crime Concealment as an Element of the Method of Committing Slave Trade and Slave Labor Use

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 231–237.

DOI: 10.17223/15617793/466/28

Alexander N. Kalyuzhnyi, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (Oryol, Russian Federation). E-mail: kalyuzniy-a-n@yandex.ru

Nikolai G. Shurukhnov, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: matros49@mail.ru

Keywords: human trafficking; slave labor; exploitation; crime; method of crime; concealment of crime.

The authors examine the patterns of concealment of illegal activities in human trafficking and slave labor use, as well as patterns of the activities of law enforcement agencies in the disclosure and investigation of the analyzed crimes. The aim of the article is to substantiate the data on the concealment of the investigated crimes for their subsequent use in the disclosure and investigation of the

analyzed illegal activity. In the research, the authors used legal, sociological and other methods of scientific knowledge: logical, comparative legal, statistical, modeling, and a number of others. The authors relied on the materials of 130 criminal cases on encroachments on human trafficking and slave labor use, the results of interviewing 320 law enforcement officers, scientific developments of other researchers on the issue under consideration, as well as statistical data from the Main International and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. The study of the materials of criminal cases shows that the basis for the disclosure and investigation of perpetrators' criminal activities should be based on the regularities of the method of concealing the crimes under consideration reflected in the following typical forms: (1) concealment of the fact and traces of preparation for committing a crime: a) placing veiled ads with offers of employment, training, marriage services in the media, social networks, leaflets, etc.; b) holding fake "beauty contests", "draw games", and similar events, participants of which are offered work or study abroad; c) disseminating deliberately false information in order to attract future victims of slave trade and illegal exploitation in certain social groups: prostitutes, drug addicts, unemployed, homeless people, etc.; d) conspiring in finding accomplices, means of communication, places of detention of victims, means of physical and psychological pressure on the victim; (2) conspiracy of the direct commission of a crime: a) disguising it as legitimate; b) falsifying documents that allow victims to travel abroad; c) concealing places of detention of victims and organizing victim safe-keeping; d) seizing identity documents from victims; e) using SIM cards registered to unauthorized persons, f) veiled advertising of activities to search for consumers of sexual and other services; (3) disguise or destruction of traces of the committed crime: destruction of clothing and belongings of the victim, erasing the traces left. Thus, in the course of the analysis of the literature and criminal case materials on human trafficking and slave labor use, forensically significant data on the concealment of the investigated crimes were substantiated; the knowledge of these data should be used in the course of the disclosure and investigation of such crimes.

REFERENCES

1. Alisievich, E.S. (2018) The Council of Europe Guarding the Rights of Victims of Human Trafficking: Legal Standards and Risk Factors. *Mezhdunarodnoe pravosudie – International Justice*. 3. pp. 46–65. (In Russian).
2. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Osnovnye statisticheskie pokazateli deyatel'nosti sudov* [The main statistical indicators of the activities of the courts]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 27.10.2020).
3. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2019) *Sostoyanie prestupnosti v Rossii s 2017 g. po 2019 g.* [The state of crime in Russia from 2017 to 2019]. [Online] Available from: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics> (Accessed: 27.10.2020).
4. Zuykov, G.G. (1970) *Kriminalisticheskoe uchenie o sposobe soversheniya prestupleniya* [Forensic doctrine of the method of committing a crime]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
5. Lisichenko, B.V. (1976) K voprosu o sposobe sokrytiya prestupleniya [On the method of concealing a crime]. In: *Voprosy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy* [Problems of criminalistics and forensic examination]. Saratov: [s.n.]. pp. 48–53.
6. Rossinskaya, E.R. & Ryadovskiy, I.A. (2019) Modern means of committing computer crimes and patterns of their execution. *Lex Russica*. 3. pp. 87–99.
7. Yablokov, N.P. (2010) *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya* [Forensic characteristics of a crime]. In: Yablokov, N.P. (ed.) *Kriminalistika: uchebnik* [Criminalistics: textbook]. 4th ed. Moscow: NORMA-M. pp. 69–70.
8. Ermolovich, V.F. (2000) *Sposob i mekhanizm prestupleniya* [Method and mechanism of the crime]. Minsk: [s.n.].
9. Aver'yanova, T.V. et al. (2012) *Kriminalistika: uchebnik* [Forensic science: textbook]. 3rd ed. Moscow: NORMA.
10. Knyaz'kov, A.S. (2011) *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya v kontekste ego sposoba i mekhanizma* [Forensic characteristics of a crime in the context of its method and mechanism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1. pp. 51–64.
11. Khalikov, A.N. (2006) *Osobennosti rassledovaniya polucheniya vzyatok dolzhnostnymi litsami pravookhranitel'nykh organov* [Features of the investigation of bribery by law enforcement officials]. 2nd ed. Moscow: Yurlitinform.
12. Eksarkhopulo, A.A. (2009) *Kriminalistika: uchebnik* [Forensic science: textbook]. St. Petersburg: YuTs Press.
13. Golovin, A.Yu., Gribunov, O.P. & Bibikov, A.A. (2015) *Kriminalisticheskie metody preodoleniya protivodeystviya rassledovaniyu transportnykh prestupleniy* [Forensic methods of overcoming counteraction to the investigation of transport crimes]. Irkutsk: VSI MVD Rossii.
14. Trutsin, V.A. (1987) *Kharakteristika sokrytiya sledov dorozhno-transportnykh prestupleniy* [Characteristics of the concealment of traces of road traffic crimes]. In: *Kriminalisticheskaya sushchnost', sredstva i metody ustanovleniya sposobov sokrytiya sledov prestupleniya* [Criminalistic essence, means and methods of establishing ways of concealing the traces of a crime]. Moscow: [s.n.].
15. Goncharov, D.Yu. (2014) *Kontseptual'nye osnovy mezhotraslevykh vzaimosvyazey v zakonodatel'stve o protivodeystvii prestupnosti* [Conceptual foundations of intersectoral relationships in the legislation on combating crime]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
16. Karnaukhova, O.G. (2015) *Taktika preodoleniya protivodeystviya rassledovaniyu so storony svideteley i poterpevshiy* [Tactic of overcoming opposition to the investigation by witnesses and the victim]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
17. Levchenko, O.P. (2009) *Torgovlya lyud'mi i legalizatsiya prestupnykh dokhodov. Voprosy protivodeystviya* [Human trafficking and money laundering. Counteraction issues]. Moscow: Yuniti-Dana.
18. Ovchinskiy, V.S. & Torbin, Yu.G. (2009) *Protivodeystvie torgovle lyud'mi v Rossiyskoy Federatsii* [Counteraction to human trafficking in the Russian Federation]. Moscow: Norma.
19. Tishutina, I.V. (2013) *Preodolenie protivodeystviya rassledovaniyu organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti: organizatsionnye, pravovye i takticheskie osnovy* [Overcoming opposition to the investigation of organized criminal activity: organizational, legal and tactical foundations]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
20. Dvorkin, A.I. et al. (2007) *Torgovlya lyud'mi v Rossiyskoy Federatsii: kvalifikatsiya, preduprezhdenie, rassledovanie* [Human trafficking in the Russian Federation: qualification, prevention, investigation]. Moscow: Yurist.
21. Farkhutdinov, R.R. (2011) *Metodika rassledovaniya torgovli lyud'mi* [Methods for investigating human trafficking]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
22. Pravosudie. (2015) *The verdict of the Yaransky district court of Kirov Oblast in Criminal Case No. 1-74/2015*. [Online] Available from: https://bsr.sudrf.rubigs/showDocument.html?id=bf8cde24129aa992a9e052aaf635b2c&shard=%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0&fieldName=court_document_documenttext1_tag&from=p (Accessed: 26.10.2020). (In Russian).
23. Vardanyan, A.A. (2012) *Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s torgovley lyud'mi: ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty* [Features of the investigation of crimes related to human trafficking: criminal procedure and forensic aspects]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
24. *Rossiyskaya gazeta*. (2019) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 24 dekabrya 2019 g. № 58 g. Moskva "O sudebnoy praktike po delam o pokhishchenii cheloveka, nezakonnom osvobozhdenii i torgovle lyud'mi"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2019, No. 58, Moscow: "On judicial practice in cases of kidnapping, illegal release and human trafficking"]. 31 December.

25. Tolstukhina, T.V. & Guseynov, T.A. (2013) Verbovka lits na pervonachal'nom etape trgovli lyud'mi [Recruiting persons at the initial stage of human trafficking]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 5 (2) pp. 23–26.
26. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. (2008) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 27 dekabrya 2007 g. № 51 "O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2007, No. 51: "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement"]. 2.
27. Kolesov, A.I. (2010) *Problemy pervonachal'nogo etapa rassledovaniya trgovli lyud'mi, ispol'zovaniya rabskogo truda i svyazannykh s nimi prestupleniy* [Problems of the initial stage of investigation of human trafficking, slave labor use, and related crimes]. Law Cand. Diss. N. Novgorod.
28. Archive of the Rostov Regional Court. *Criminal Case No. 2-10/2013*. (In Russian).
29. Olimpiev, A.Yu. (2011) *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v protivodeystvii trgovle lyud'mi* [International cooperation in combating human trafficking]. Moscow: YuNITI-DANA.
30. Dolgieva, M.M. (2019) Countering the legalization of criminal proceeds using cryptocurrency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 449. pp. 213–218. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/449/26
31. Bulyzhkin, A.V. & Chaplygina, V.N. (2018) Evaluation of the effectiveness of the investigation in Russia: reflections and conclusions. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2 (85). pp. 91–95. (In Russian).
32. Knyaz'kov, A.S. (2013) *Analiticheskie taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Analytical tactical and forensic means of pre-trial proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 06 January 2021

А.С. Скоревич, Д.А. Мезинов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАИМСТВОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В ТАКТИКУ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА

Рассматривается тема междисциплинарных исследований, связанных с заимствованием моделей коммуникации из смежных наук в криминалистическую тактику коммуникативных следственных действия. На основании смыслообразующей составляющей коммуникации выделены следующие подходы: кибернетический, семиотический, этологический, психологический. Обозначены тактические возможности использования сведений о мотивационной сфере личности допрашиваемого.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования; модели коммуникации; мотивация; тактические приемы допроса.

Междисциплинарные исследования возникают вследствие пересечения сфер интересов различных наук. Явления объективной действительности, выступая в качестве предмета исследования, могут изучаться посредством методологического инструментария как гуманитарных, так и технических наук. Интеграция полученной таким образом информации влечет возникновение отдельных областей знаний. В качестве такого предмета исследования выступает коммуникация как деятельность человека, связанная с обменом информацией. Интегративная область знаний о коммуникации формируется в результате исследований, проводимых в рамках широкого спектра наук: политологии, социологии, психологии, лингвистики, нейрофизиологии, математики, физики.

Коммуникация представляет интерес для криминалистики как деятельность, реализуемая в процессе взаимодействия людей при производстве следственных действий. Исходя из того, что «важным источником происхождения криминалистических методов и средств служат достижения иных наук» [1. С. 42], соответствуя «интегративной природе криминалистической науки» [2. С. 244], следует установить то, каким образом данные научных разработок в сфере коммуникации могут представлять ценность посредством «приспособления этих данных для решения задач, стоящих перед криминалистикой» [2. С. 244].

В качестве заимствований будут рассмотрены модели коммуникации, «в силу того, что коммуникативное моделирование является основной формой познания коммуникации» [3. С. 49]. Посредством моделирования осуществляется «достижение оптимального

уровня упрощенности, приближенности и адекватности» [4. С. 10] информации, что имеет существенное значение при интеграции знаний о коммуникации в криминалистику.

Существующие определения коммуникации, исходя из выделения смыслообразующих составляющих данного понятия, следует сгруппировать на следующие подходы: кибернетический, семиотический, этологический, психологический.

Кибернетический подход определяет коммуникацию как «обмен информацией между сложными динамическими системами и их частями, которые в состоянии принимать информацию, накапливать ее, преобразовывать» [5. С. 11]. «Коммуникация – это акт отправления информации от мозга одного человека к мозгу другого человека... в этом процессе существуют отправитель, получатель и сообщение, передаваемое от первого ко второму» [6. С. 18]. Смыслообразующая составляющая коммуникации в данном подходе – это система передачи информации. Информация передается посредством каналов связи, между источником и получателем. Кибернетический подход отличается количественной обработкой информации безотносительно ее смыслового содержания. Участники коммуникации характеризуются только способностью передачи, обработки и хранения информации.

В рамках кибернетического подхода разработана модель коммуникации Шеннона – Уивера (рис. 1). Авторы данной модели – специалисты в области математики, моделировали коммуникацию как стохастический процесс.

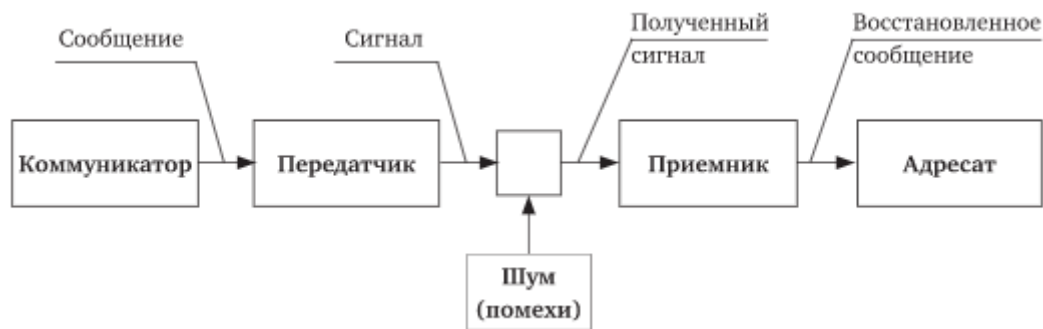

Рис. 1. Модель коммуникации Шеннона – Уивера

Модель коммуникации Шеннона – Уивера [7. Р. 7] включает в себя участников коммуникации (коммуникатор и адресат), канала связи, который состоит из передатчика (проводник сигнала от коммуникатора), приемника (проводник сигнала к адресату) и шума (факторы, вызывающие искажение или частичную потерю сигнала). Назначение данной модели – в изучении передачи информации: количественное измерение в буквенном или численном выражении и качеству соответствия полученного сообщения его исходному смыслу.

К кибернетическому подходу также относится линейная модель коммуникации. Г.Д. Лассуэл сформулировал схему анализа коммуникации в формате ответов на следующие вопросы: Кто? Что сообщается? По какому каналу? Кому? С каким эффектом? [8. Р. 215]. В изначальной редакции назначением указанной модели было структурировать научный анализ политологических исследований феномена коммуникации. Впоследствии линейная модель коммуникации была усовершенствована Г.Д. Лассуэлом. Дополненная версия модели была представлена следующим образом [9. Р. 62]:

Участники (Participants) → Цели (Perspectives)
→ Ситуация (Situations) → Ресурсы (Base Values) → Стратегии (Strategies) → Реакция (Outcomes) → Результат (Effects).

Дополненная линейная модель рассматривает коммуникацию посредством анализа того, кто, с какой целью, в какой ситуации, обладая какими ресурсами, используя какие стратегии, достигая какой аудитории, какой получает результат.

Логика изложения линейной модели не вполне оправдана графическим изображением последовательности структурных элементов в связи с разнорядковостью элементов, включенных в состав модели. Наименование «линейная модель» призвано обозначить характеристику ее одномерности. Данная характеристика выражается в том, что элементы модели составляют отдельные аспекты исследования коммуникации. Структура линейной коммуникативной модели не определена на основе корреляционных зависимостей, что означает отсутствие в графическом изображении линейной модели взаимодетерминации входящих в ее состав элементов.

Отличительная особенность линейной модели коммуникации – в формализации структуры коммуникации, благодаря чему модель обладает значительной теоретической и прикладной ценностью. Теоретическая ценность линейной модели в том, чтобы «придать структурную организованность дискуссиям о коммуникации» [10. С. 96]. Практическая ценность заключается в потенциале использования модели в качестве инструмента для принятия организационных управленческих решений в сфере коммуникации [11. Р. 22].

В отношении линейной модели коммуникации отмечается «односторонний акцент изучения» [12. С. 7], который определяет «подход к коммуникации как к прямому воздействию сообщений коммуникатора на реципиента, который выступает лишь в качестве объекта, реагирующего на полученную информацию»

[13. С. 214]. Таким образом, линейный характер данной модели коммуникации также трактуется как односторонний «процесс убеждения» [14. С. 9] субъект-объектного воздействия.

Преимущества моделей коммуникации кибернетического подхода заключаются в структурном представлении коммуникативного процесса, возможности количественной обработки информации, установленных параметров эффективности коммуникации.

Ограничения моделей коммуникации кибернетического подхода – в односторонней направленности акта коммуникации, обезличивание получателя информации до объекта воздействия, абстрагировании от смыслового содержания информации.

В юридической науке кибернетический подход к коммуникации задействован в методологии цивилистических исследований [15. С. 421], толковании правовых актов [16. С. 201]. Отдельные положения линейной коммуникативной модели также используются при анализе преступлений экстремистской направленности [17. С. 87], изучении вопросов коррупции [18. С. 130].

Заемствование кибернетических моделей коммуникации в криминалистику целесообразно применительно к следующим областям проведения допроса. Во-первых, анализ сообщаемой допрашиваемым информации посредством маркировки данных по разделам. В качестве разделов следует избрать криминалистическую характеристику расследуемой категории преступления, которая выступает как «система значимых для расследования сведений» [19. С. 39].

Таким образом сообщаемая информация может быть промаркирована как данные, относящиеся к «способу совершения преступления», «потерпевшему», «способу сокрытия следов» и т.д. Реализация такого анализа, во-первых, обеспечит оценку полноты сообщаемых допрашиваемым сведений, и в случае необходимости будет основой для конкретизации типовых вопросов, уточняющих сообщенную информацию и дополнительных, касающихся разделов криминалистической характеристики, о которых допрашиваемым не было сообщено необходимых данных. Во-вторых, кибернетическая модель коммуникации может быть задействована в рамках ситуационного подхода [20. С. 95] к анализу проведения допроса. Обстановка следственного действия может быть рассмотрена в качестве факторов шума, влияющих на канал передачи информации. Также, исходя из параметров эффективности коммуникации кибернетических моделей, можно определить эффективность реализуемых тактических приемов в текущей ситуации следственного действия.

Семиотический подход определяет коммуникацию как «процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы» [21. С. 16]. Соответственно, «коммуникация реализуется в конкретных коммуникативных ситуациях согласно нормам речевой деятельности, которая состоит из мотивированных речевых действий коммуникантов» [22. С. 64]. Смыслообразующая составляющая коммуникации в данном подходе – это сообщение, передающее информацию посредством знаковой системы.

Семиотический подход отличается смыслом, который возникает, когда событие объективной действительности обрабатывается в формате языковых конструкций под воздействием социокультурных особенностей участников коммуникации. Также семиотический подход принимает во внимание средство связи, представляющее лингвистический аспект коммуникации. Слова языка, на котором происходит коммуникация, составляют ограниченный набор смыслов, посредством которых участник коммуникации описывает свои переживания и формулирует мысли, закладываемые в сообщении. Кроме того, семиотический подход также рассматривает невербальные средства коммуникации, понимание которых обусловлено общепринятым смыслом определенных действий.

В соответствии с семиотическим подходом коммуникативные действия подразделяются по критерию намеренности (интенциональные/неинтенциональные) и каналу передачи сообщения (вербальные/невербальные) [10. С. 84]. Если участник коммуникации, передающий сообщение, озвучивает информацию целенаправленно посредством речи, значит

совершаемое им коммуникативное действие классифицируется как интенциональное и вербальное. Если участник коммуникации целенаправленно передает информацию при помощи невербальных средств общения, совершаемое им коммуникативное действие классифицируется как интенциональное и невербальное. Участник коммуникации также может передавать информацию ненамеренно. В таком случае он не осознает, что осуществляемая им деятельность или сказанные слова представляют собой ценность с точки зрения передаваемой информации. С позиции семиотического подхода в этом случае совершается неинтенциональный коммуникативный акт – невербальный или вербальный – соответственно каналу передачи сообщения.

В рамках семиотического подхода разработана модель коммуникации Дж. Гербнера. Коммуникация рассматривается как последовательность процессов «восприятие события» – «создание сообщения» – «восприятие сообщения». Графически модель коммуникации Дж. Гербнера представлена следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Коммуникативная модель Дж. Гербнера

В соответствии с представленной моделью [23. Р. 177] событие воспринимается участником коммуникации и при помощи средств создания сообщение приобретает форму и содержание. Сформированное сообщение направляется по каналам передачи другому участнику коммуникации, являясь для него объектом восприятия. Коммуникация также включает в себя анализ доступности и возможности использования средств создания и передачи сообщения. Таким образом проявляется роль языковых и невербальных средств, определяющих передаваемый смысл сообщения.

Преимущества моделей коммуникации семиотического подхода – в качественной оценке сообщаемой информации. Переход к исчисляемым показателям возможен посредством применения контент-анализа [24. С. 125; 25. С. 137]. Также значимой является возможность учета информации, передаваемой по невербальным каналам коммуникации. Данная информация

передается, как правило, неосознанно тем участником коммуникации, который является источником такой информации. Неосознанность в данном случае означает отсутствие сознательной регуляции, что позволяет судить об искренности коммуникатора.

Ограничения моделей коммуникации семиотического подхода в том, что не рассматривается механизм расшифровки сообщения получателем. Предполагается, что расшифровка происходит на основании опыта и знания языка получателем сообщения. Отмечается, что особенности восприятия и когнитивные процессы имеют значение. Также предполагаются искажения, вносимые в описания объективной действительности участниками коммуникации. Однако существует недостаток конкретизации указанных положений.

В юридической науке семиотический подход к коммуникации задействован в сфере изучения наси-

лия и противоправного поведения [26. С. 30], «как мобилизующего, так и десоциализирующего воздействия коммуникативных технологий» [27. С. 101]. Также семиотический подход применен в изучении коммуникации внутри преступной группы [28. С. 40].

Займствование семиотических моделей коммуникации в криминалистику целесообразно применительно к следующим областям проведения допроса. Во-первых, анализ сообщаемой допрашиваемым информации на стадии свободного рассказа. Установление смысла сообщаемой информации будет способствовать выяснению криминалистически значимых обстоятельств. Во-вторых, выбор и реализация тактических приемов могут быть оптимизированы с учетом смысла, который содержат в себе действия допрашивающего.

Так, например, предложение допрашиваемому изложить показания письменно содержит в себе тот смысл, что его позиция будет собственноручно зафиксирована и приобщена к материалам дела. В то же время предложение ознакомиться с протоколом допроса, составленным допрашивающим, и подписаться под надписью «с моих слов записано верно, мною прочитано», содержит в себе тот смысл, что материалы уголовного дела сформулированы следователем, а

пожелания и просьбы подследственного могут быть осуществлены только по воле следователя. Соответственно, судьба подследственного на данный момент в руках следователя, который наделен государством властными полномочиями.

Этологический подход определяет коммуникацию как «социальное объединение индивидов с помощью языка или знаков, установление общезначимых наборов правил для различной целенаправленной деятельности» [29. С. 349], «способ деятельности, который облегчает взаимное приспособление поведения людей» [30. С. 129]. Смыслообразующая составляющая коммуникации в данном подходе – это согласованная деятельность участников коммуникации. Этологический подход отличается ориентацией на целенаправленность. Назначение коммуникация состоит в организации согласованного взаимодействия. При этом сама коммуникация представляет собой разновидность человеческой деятельности. Следовательно, совместная деятельность предполагает коммуникацию, необходимую для ориентирования действий одного участника коммуникации с действиями другого.

В рамках этологического подхода разработана транзакционная модель коммуникации (рис. 3).

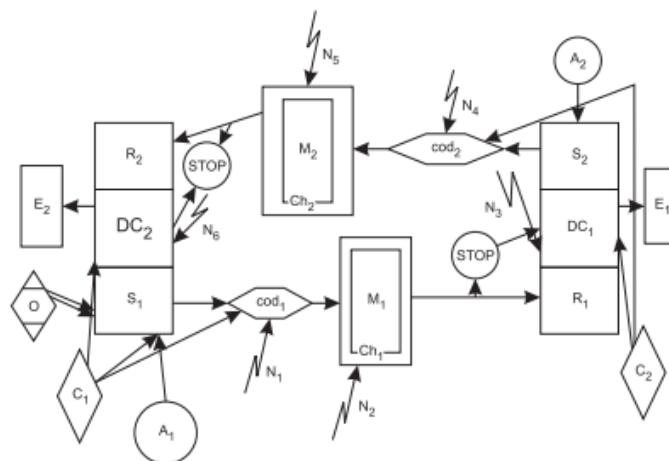

Рис. 3. Транзакционная модель коммуникации.

O – объект; 1, 2 – субъекты коммуникации; S – субъект источник; C – культура субъектов; A – цель; M – сообщение; декодирование сообщения; E – эффекты; R – субъект получатель; N – семантические шумы; N – механические шумы; STOP – прекращение коммуникации

В соответствии с транзакционной моделью коммуникации [31. Р. 68] каждый из участников коммуникации выступает в роли как источника информации, так и в роли получателя информации. Следовательно, коммуникация состоит из сообщений, поочередно отправляемых одним участником коммуникации и получаемых другим.

Также транзакционная модель учитывает культуру участников коммуникации и эффекты (ответные реакции), вызываемые процессом коммуникативного взаимодействия. Каждый из участников приступает к коммуникации с определенной целью. В частности, такой целью может служить потребность в организации совместной деятельности.

В соответствии с данной моделью [32. С. 44] субъект осуществляет коммуникацию на основании культурно-концептуальной картины мира (ККМ), на которой основан сценарий коммуникации и система ожиданий действий со стороны другого участника коммуникации. Таким образом, представления о надлежащих моделях поведения в текущей коммуникативной ситуации предопределяют коммуникативные стратегию, тактику и ходы участника коммуникации.

Преимущества моделей коммуникации этологического подхода – в относительной устойчивости и прогнозируемости стереотипов коммуникативной деятельности. Предсказуемость поведенческих реакций участников коммуникации позволяет оптимизировать процесс организации взаимодействия (рис. 4).

Рис. 4. Межкультурная модель коммуникации

Ограничения моделей коммуникации этологического подхода происходят из того, что они основаны на социальной природе человека. Данный подход не учитывает психологию индивидуальных различий, вследствие которых происходят отклонения от общепринятых норм поведения. Кроме того, коммуникативное поведение состоит из поведенческих моделей, которыми владеет участник коммуникации, исходя из его опыта. Такое поведение характеризуется неадаптивностью к некоторым коммуникативным ситуациям. Поведение может быть деструктивным, в случаях, когда участник коммуникации склонен реагировать агрессивно, вступать в конфронтацию, инициировать конфликты.

В юридической науке этологический подход к коммуникации задействован в сфере изучения ресоциализации осужденных [33. С. 533], отклоняющегося поведения подростков [34. С. 256], форм нарушения права на неприкосновенность частной жизни [35. С. 161].

Займствование этологических моделей коммуникации в криминалистику целесообразно применительно к следующим областям проведения допроса. Во-первых, координация действий участников следственной группы, в случае поручения проведения допроса некоторых лиц, вовлеченных в событие преступления, другому сотруднику правоохранительных органов. Во-вторых, разработка тактических комбинаций, способных детерминировать поведение допрашиваемого, связанное с сообщением достоверных показаний. Особую ценность коммуникативные модели этологического подхода представляют в сфере следственных действий, процесс производства которых совмещает коммуникативную и иные виды деятельности: проверка показаний на месте, следственный эксперимент.

Психологический подход определяет коммуникацию как «специфический акт обмена информацией, процесс передачи эмоционального и интеллектуального содержания» [36. С. 10], а также «непосредственное межличностное взаимодействие субъектов, результатом которого в социально-психологическом плане является взаимопереживание, взаимовлияние и взаимопонимание субъектов» [37. С. 10]. Смыслообразующая составляющая коммуникации в данном подходе – межличностное взаимодействие. Психологический подход отличается рассмотрением личности участников коммуникации в качестве субъектной составляющей коммуникации. Воспринимая другого как «субъект со своими ценностно-смысловыми предпосылками и своим миром означивания реальности, мы изначально выстраиваем наши коммуникативные отношения как попытку диалога, совместного поиска истины» [38. С. 35]. Субъект-субъектный акцент данного подхода определяет значимость личности каждого из участников коммуникации, за счет чего «отношение к другой личности персонализировано» [39. С. 52]. Персонализированность предполагает необходимость учета личностных особенностей участников коммуникации.

В рамках психологического подхода разработана модель коммуникации Ньюкомба (рис. 5). Данная модель именуется социально-психологической [21. С. 231] или АВХ-моделью.

В соответствии с данной моделью [40. Р. 394] участники коммуникации А и В обмениваются информацией об объекте Х. Коммуникация организуется на основе аттитюдов. «Аттитюд – это психическое и нейрофизиологическое состояние готовности, базирующееся на опыте, которое оказывает предопределяющее или динамическое влияние на реакцию человека на все объекты и ситуации, с которыми оно связано» [41. Р. 810].

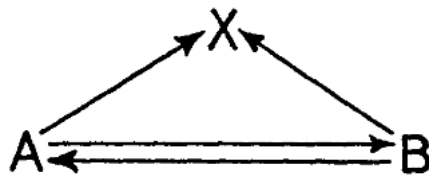

Рис. 5. Социально-психологическая АВХ-модель коммуникации.
А, В – субъекты коммуникации; X – объект коммуникации

Исходя из аттитудов формируется отношение одного субъекта к другому субъекту и объекту коммуникации. Отношение включает эмоциональную и когнитивную оценку, которые имеют качественное и количественное измерение. Качественное измерение эмоциональной оценки выражается в векторе: положительном (+) либо отрицательном (-). Качественное измерение когнитивной составляющей выражается в стремлении (+) либо избегании (-). Количественное измерение отношения заключается в численной степени выраженности. Исходя

из сопоставления векторов, отношение субъектов коммуникации друг к другу или к объекту может быть одинаковым (+) (+) / (-) (-) либо различным (+) (-) / (-) (+). Как отмечает Т.М. Ньюкомб, отношения в коммуникации имеют «стремление к симметрии» [40. Р. 395], что выражается в тенденции преобразования в процессе коммуникации векторов качественной оценки к одинаковым значениям у обоих участников.

В рамках психологического подхода также разработана модель коммуникации Спизберга (рис. 6).

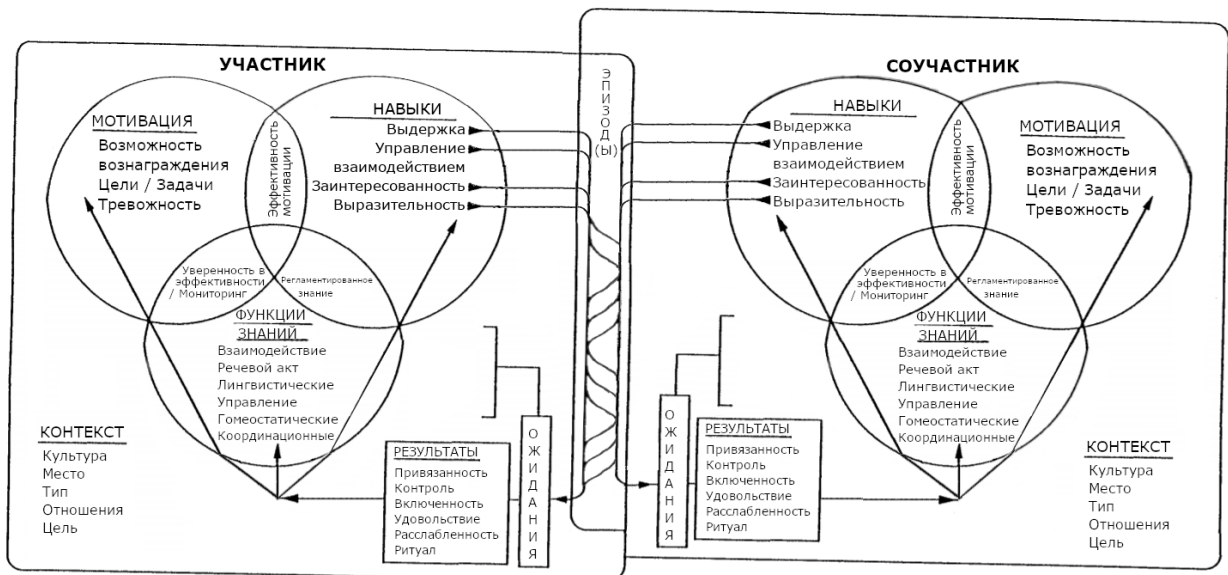

Рис. 6. Модель коммуникации Спизберга

Модель коммуникации Спизберга [42. Р. 382] рассматривает эпизод взаимодействия. Данная модель содержит психологические характеристики участников коммуникации такие, как мотивация, навыки, знания об организации коммуникации. Также модель включает в себя поведение, ожидаемое от другого участника коммуникации, и результаты, оценивающие коммуникативный акт по критериям взаимоориентации субъектов коммуникации. Кроме того, учитывается контекст, который представлен ситуационными факторами коммуникации.

Преимущества моделей коммуникации психологического подхода заключаются в учете личностных особенностей участников, понимание которых способствует оптимизации процесса коммуникации. Также существенно включение мотивационной и эмоциональной составляющих межличностного взаи-

модействия, принятие во внимание актуальных переживаний субъекта, динамики его психологического состояния, процесса мотивации поведения в общении.

Ограничения моделей коммуникации психологического подхода – в необходимости учета индивидуального опыта субъекта, который обусловлен рамками его коммуникативной компетентности и социального интеллекта.

В юридической науке психологический подход к коммуникации задействован в сфере изучения государственной гражданской службы [43. С. 13], коммуникативной компетентности руководителя оперативного подразделения [44. С. 62], сотрудников уголовно-исполнительной системы [45. С. 24; 46. С. 122].

Заемствование психологических моделей коммуникации в криминалистику целесообразно применительно к следующим областям проведения допроса.

Во-первых, установление психологического контакта, который основан на демонстрации понимания внутренних переживаний допрашиваемого, стимулировании положительной эмоциональной реакции и факторов мотивационной сферы его личности, способных сформировать установку на сотрудничество. Во-вторых, персонификация тактических приемов допроса, в том числе приемов психического воздействия на мотивационную сферу личности допрашиваемого с тем, чтобы стимулировать имеющиеся в ней мотивы (точнее, мотивационные образования) или даже добиться в ней изменений с целью получения от него правдивых показаний.

Посредством психологических моделей коммуникации можно определить то, какие психические качества, свойства личности допрашиваемого использовать и каким именно образом. Обращаясь к опыту имеющихся исследований, следует констатировать, что среди подлежащих использованию в ходе допроса психических качеств и свойств личности допрашиваемого важное место принадлежит свойствам, элементам мотивационной сферы. Это определяется особой ролью свойств, элементов мотивационной сферы последних среди других психических свойств и элементов личности человека, что, вслед за психологами [47. С. 182–183, 344], применительно к личности преступника, обвиняемого (подозреваемого), признается в работах ученых наук уголовно-правового цикла [48. С. 6–7, 11, 25; 49. С. 6; 50. С. 23; 51. С. 29–30, 35–41; 52. С. 14, 26, 53–70, 87–99], включая криминалистику.

Обобщая приведенные в этих работах понятия, в наиболее общей форме можно определить понятие мотивационной сферы личности обвиняемого следующим образом: это относительно устойчивая, иерархически организованная система мотивов (мотивационных образований), которая является побуждающей и направляющей определенную деятельность и поведение обвиняемого подсистемой его личности. Составляют мотивационную сферу личности обвиняемого такие ее элементы, являющиеся устойчивыми и носящими личностный смысл мотивационными образованиями, как потребности, ценностные ориентации, влечения (желания), интересы, увлечения, привычки, мотивационные установки, иные побуждения, которые могут при взаимодействии с определенной ситуацией выступать в качестве мотивов различных проявлений поведения и деятельности обвиняемого. Относительно мотивационной сферы личности любого допрашиваемого, независимо от его процессуального статуса (кроме обвиняемого, подозреваемого у него может быть статус потерпевшего или свидетеля), можно утверждать то же самое.

Одним из известных тактических приемов, предполагающих использование сведений о мотивационной сфере личности лица в тактике его допроса, является прием «стимулирования положительных (отрицательных) качеств личности». Этот прием в варианте стимулирования положительных качеств личности включает в себя психическое воздействие допрашивающего на содержащиеся (и ведущие, доминирующие) в мотивационной сфере личности допрашиваемого чувства (отношения), влечения к определенным

лицам, мотивационные установки, привычки, склонности к определенной деятельности, поведению, образу жизни, имеющим положительную социальную оценку и обеспечивающим удовлетворение его потребности в самоуважении (удовлетворение его чувства собственной значительности).

Так, может использоваться воздействие на особое отношение допрашиваемого к социальному институту семьи вообще и своей семье, в частности («отличный семьянин»), склонность к социально полезной деятельности по месту жительства (например, по благоустройству микрорайона, общего имущества и окружающей территории многоквартирного дома), к проявлению активной гражданской позиции в решении вопросов государственного, местного и общественного значения (реализуемой, например, в депутатской деятельности того или иного уровня, в организации и участии в деятельности общественных организаций) и др.

Стимулирование отрицательных качеств личности допрашиваемого также возможно в тактических целях допроса, т.е. это тоже психическое воздействие на элементы мотивационной сферы личности допрашиваемого, вызывающие деятельность, поведение и образ жизни, однако имеющие уже отрицательную социальную оценку, но при этом все-таки обеспечивающие удовлетворение его потребности в самоуважении (удовлетворение его чувства собственной значительности). Например, может использоваться воздействие на чувства солидарности с другими участниками преступной группы и особого уважения к наиболее авторитетным ее членам, в случаях ранее начавшегося сотрудничества таких членов преступной группы с органами уголовного преследования.

Сведения о мотивационной сфере личности допрашиваемого также могут использоваться для создания у него понимания (можно сказать, чувства) общности определенных интересов, увлечений, склонностей, привычек, мотивационных установок и т.п. с допрашивающим. В конфликтной ситуации допроса это может обеспечить преодоление у допрашиваемого неконструктивной внутренней оценки ситуации допроса как противопоставления, с одной стороны, социальной общности «они» (допрашивающий, иные представители правоохранительных органов, а иногда здесь подразумеваются вообще все законопослушные граждане), с другой – социальной общности, включающей «я» (допрашиваемый со своими особыми интересами, склонностями и представлениями о законе, отличающимися от таковых у «они»). В результате создаются условия для конструктивной оценки ситуации допроса как принадлежности допрашиваемого и допрашивающего к единой социальной общности «мы» (мы – спортсмены, мы – знатоки той или иной техники, мы – ценители определенных направлений культуры (литературы, музыки, живописи, искусства) и др.).

Описанные тактические возможности использования сведений о мотивационной сфере личности допрашиваемого могут как способствовать установлению конструктивного психологического контакта с ним, так и стимулировать у него установку на сотрудничество и положительное поведение – дачу правдивых показаний.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что обозначенные подходы к определению коммуникации основаны на смыслообразующей составляющей данного феномена. Смыслообразующая составляющая коммуникации в кибернетическом подходе – система передачи информации. Заимствование моделей коммуникации кибернетического подхода в криминалистику целесообразнее применительно к криминалистической характеристике сообщаемой допрашиваемым информации и ситуационному анализу обстановки проведения допроса. Смыслообразующая составляющая коммуникации в семиотическом подходе – смыслодержательное сообщение.

Заимствование моделей коммуникации семиотического подхода в криминалистику целесообразнее применительно к анализу сообщаемой допрашиваемым информации на стадии свободного рассказа и оптимизации воздействия, оказываемого допрашивающим в процессе проведения допроса. Смыслообразующая составляющая коммуникации в этологическом подходе – согласованная деятельность. Заимствование моделей коммуникации этологического подхода в криминалистику целесо-

образнее применительно к координации действий участников следственной группы и разработке тактических комбинаций. Смыслообразующая составляющая коммуникации в психологическом подходе – личность. Заимствование моделей коммуникации психологического подхода в криминалистику целесообразнее применительно к установлению психологического контакта и персонификации тактических приемов допроса.

Криминалистический потенциал заимствования коммуникативных моделей в тактику проведения допроса основан на том, насколько подход к определению коммуникации, в рамках которого создана конкретная модель, соответствует задачам, решаемым посредством определенного криминалистического инструментария. Определяя сферу применимости модели, также следует учитывать преимущества и ограничения, которыми характеризуется конкретная модель коммуникации. Благодаря изложенному подходу, обеспечивается адаптивная интеграция знаний из смежных криминалистике наук в целях повышения эффективности предварительного расследования преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р.С. Криминалистика : учебник для вузов. М. : НОРМА, 2001. 990 с.
2. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. Т. 3. 250 с.
3. Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 7 (58). С. 49–53.
4. Ахмедшин Р.Л., Воронин С.Э. Моделирование в криминалистической деятельности. Красноярск: АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2019. 281 с.
5. Василик М.А. Основы теории коммуникации. М. : Гардарики, 2003. 616 с.
6. Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. Коммуникации стратегического маркетинга. М. : Юнити-Дана, 2001. 415 с.
7. Shannon C.E., Weaver W. The mathematical theory of communication. Urbana : The university of Illinois press, 1964. 125 p.
8. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // İletişim kuram ve araştırma dergisi. Kış-Bahar. 2007. № 24. P. 215–228.
9. Lasswell H.D. The uses of content analysis data in studying social change // International Conference on Comparative Research on Social Change and Regional Disparity March 27 – April 1 st. New Delhi, 1967. P. 57–70.
10. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб. : Питер, 2011. 288 с.
11. Cunningham L.L. Applying Lasswell's Concepts in Field Situations: Diagnostic and Prescriptive Values // Educational Administration Quarterly. 1981. Vol. 17, № 2. P. 21–43.
12. Адамьянц Т.З. Социальная коммуникация. М. : ИС РАН, 2005. 158 с.
13. Вотчин И.С. Моделирование и определение содержания коммуникативного процесса // Философия образования. 2009. № 2 (27). С. 211–219.
14. Береснева Ю.В. Становление понятия «коммуникация» в социально-гуманитарном познании: содержание, структура, функции коммуникации // Вестник МГОУ. 2017. № 4. С. 6–20.
15. Воронцов С.Г. Модель коммуникации Г.Д. Лассуэла как элемент методологии цивилистических исследований // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 414–431.
16. Кравец А.А. Толкование правовых актов как правовая коммуникация (конституционный и муниципально-правовой диалог) // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Алушта, 2019. С. 199–203.
17. Радионов Д.А. Социально-психологическая экспертиза информационных материалов с целью выявления признаков преступлений экстремистской направленности // Научный портал МВД России. 2015. № 1 (29). С. 85–90.
18. Хлус А.М., Ляхнович А.С. Нравственные основы коррупции и их криминалистический анализ // Современные проблемы права, экономики и управления. 2018. № 1 (6). С. 128–136.
19. Мартынов А.Н. Криминалистическая характеристика преступлений: проблема структурированности // Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. 2014. Т. 14, № 2. С. 39–45.
20. Князьков А.С. Понятие и сущность следственной ситуации // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности». Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 94–101.
21. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. Киев : Ваклер; Москва : Рефл-бук, 2001. 656 с.
22. Конечная В.П. Социология коммуникаций. М. : Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.
23. Gerbner G. Toward a general model of communication // ETR&D. № 4. 1956. P. 171–199.
24. Чернобровкина Е.П. Контент-анализ в лингвистических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 11. С. 125–129.
25. Малкова Г.Ю. Контент-анализ автобиографических рассказов в изучении личностных свойств : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 137 с.
26. Смирнов А.А. Средства массовой информации в механизме детерминации противоправного поведения // Научный портал МВД России. 2012. № 2 (18). С. 26–34.
27. Грачев М.Н. Трансформация моделей мобилизующего и десоциализирующего воздействия коммуникативных технологий на аудиторию // Век информации, 2017. № 1–2. С. 100–102.
28. Енгальчев В.Ф., Моисеева И.Г., Моисеев А.В. Об особенностях применения метода контент-анализа в судебно-психологической экспертизе различной предметной направленности // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3 (40). С. 39–46.
29. Черри К. Человек и информация: пер. с англ. М. : Связь, 1972. 368 с.
30. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Д. : Феникс, 1999. 544 с.
31. Tan A.S. Mass communication theories and research. Columbus : Grid Publishing, 1981. 311 p.

32. Шеина И.М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического и культурного опыта : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 50 с.
33. Пастушеня А.Н., Симакова Т.А. Ресоциализация как процесс социально-психологического и духовно-нравственного развития личности осужденных // Человек: преступление и наказание. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. Т. 27, № 4. С. 529–535.
34. Новик Н.Н. Коммуникативные навыки и их формирование у подростков с отклоняющимся поведением // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 254–258.
35. Капустина А.Г. Информация о частной жизни в структуре массовой коммуникации. Этико-правовой аспект // Известия Южного федерального университета. 2016. № 3. С. 161–167.
36. Таратухина Ю.В., Авдеева З.К. Деловые и межкультурные коммуникации. М. : Юрайт, 2015. 324 с.
37. Болотова А.К., Жуков Ю.М. Психология коммуникаций. М. : Изд. дом ВШЭ, 2015. 495 с.
38. Сидорская И.В. Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании // Материалы II Международной научно-практической конференции. Минск : Изд. центр БГУ, 2008. С. 35–37.
39. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси : Мецниереба, 1989. 204 с.
40. Newcomb T.M. An approach to the study of communicative acts // Psychological Review. 1953. Vol. 60 (6). P. 393–404.
41. Allport G.W. Attitudes. Worcester : Clark university press, 1935. 1195 p.
42. Spitzberg V. A model of intercultural communication competence // International journal of intercultural relations. 1984. № 10. P. 380–392.
43. Тулугоева М.С. Социальные особенности коммуникаций в государственной гражданской службе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 22 с.
44. Лобажевнич В.В., Поликарпов И.С. Коммуникативная компетентность руководителя оперативного подразделения как условие эффективности его управленческой деятельности // Антинаркотическая безопасность. 2014. № 1 (2). С. 61–68.
45. Пестриков Д.В., Полянин Н.А. Толерантное поведение сотрудников ФСИН России. Рязань : Book Jet, 2017. 226 с.
46. Дубова О.Д. Характеристика коммуникативной компетентности у сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система России в условиях реформирования: материалы конф., 2017. С. 120–123.
47. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2000. 512 с.
48. Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 152 с.
49. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
50. Криминальная мотивация. М. : Наука, 1986. 304 с.
51. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М. : Наука, 1991. 383 с.
52. Мезинов Д.А. Преступная мотивация как объект познания в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 188 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 16 марта 2021 г.

Forensic Potential of Borrowing Communication Models into the Interrogation Tactic

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 238–248.

DOI: 10.17223/15617793/466/29

Alyona S. Skorevich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: skorevich.a.s@msail.ru

Dmitriy A. Mezinov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

Keywords: interdisciplinary research; communication models; motivation; interrogation tactics.

The article deals with the problem of interdisciplinary research related to the borrowing of communication models from related sciences into the forensic tactic of investigative actions. The subject matter of the research is the interpersonal interaction of interrogation participants. The study used the general research methods of analysis, synthesis, abstraction, system analysis, as well as the specific modeling and comparative-historical research methods. The article contains the following conclusions. Communication models are a field of interdisciplinary research that has significant potential for borrowing into forensic science in order to improve the efficiency of preliminary investigation. The existing definitions of communication that are based on the allocation of semantic components are grouped into the following approaches: cybernetic, semiotic, ethological, and psychological. Semantic components were established for each approach to the definition of communication by abstracting: in the cybernetic approach, it is a system of information transmission; in the semiotic approach, it is a meaningful message; in the ethological approach, it is a coordinated activity; in the psychological approach, it is an individual. The final conclusion is the idea that the forensic potential of borrowing communication models into the tactic of interrogation is based on the extent to which the approach to defining communication, within which a specific model was created, corresponds to the tasks solved by means of a certain forensic toolkit. The cybernetic approach abstracts communication into a system of information, the content of which is blocks of data. Accordingly, the sphere of forensic characterization of crimes, used as a system for grouping information contained in the testimony of the interrogated, has the greatest potential for borrowing cybernetic models of communication. The semiotic approach focuses on the meaning that is embedded in the behavior of interrogation participants and the ways in which it is conveyed. Respectively, the sphere of overcoming the interrogated person's opposition and the tactic of targeted influence have the greatest potential for borrowing semiotic communication models. The ethological approach is focused on interaction as the need for coordinated actions of the participants in communication. Accordingly, the greatest potential for borrowing ethological models of communication belongs to the sphere of coordinating the actions of the participants in the investigation team, as well as developing tactical combinations. The psychological approach is based on the unique personality of the offender. Respectively, the sphere of establishing psychological contact and personification of tactical methods of interrogation has the greatest potential for borrowing ethological models of communication.

REFERENCES

1. Belkin, R.S. (2001) *Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov* [Forensic science: a textbook for universities]. Moscow: NORMA.
2. Vedernikov, N.T. (2019) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
3. Tukhvatulina, L.R. (2006) Printsipy klassifikatsii modeley kommunikatsii [Principles of classification of communication models]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 7 (58). pp. 49–53.
4. Akhmedshin, R.L. & Voronin, S.E. (2019) *Modelirovanie v kriminalisticheskoy deyatel'nosti* [Modeling in forensic activities]. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology.
5. Vasilik, M.A. (2003) *Osnovy teorii kommunikatsii* [Foundations of the theory of communication]. Moscow: Gardariki.

6. Smith, P., Berry, C. & Pulford, A. (2001) *Kommunikatsii strategicheskogo marketinga* [Strategic marketing communications]. Translated from English. Moscow: Yuniti-Dana.
7. Shannon, C.E. & Weaver, W. (1964) *The mathematical theory of communication*. Urbana: The university of Illinois press.
8. Lasswell, H.D. (2007) The structure and function of communication in society. *Iletishim kuram ve arastırma dergisi. Kış-Bahar*. 24. pp. 215–228.
9. Lasswell, H.D. (1967) The uses of content analysis data in studying social change. *International Conference on Comparative Research on Social Change and Regional Disparity*. New Delhi. pp. 57–70.
10. Gavra, D.P. (2011) *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of the theory of communication]. St. Petersburg: Piter.
11. Cunningham, L.L. (1981) Applying Lasswell's Concepts in Field Situations: Diagnostic and Prescriptive Values. *Educational Administration Quarterly*. 17 (2). pp. 21–43.
12. Adam'yants, T.Z. (2005) *Sotsial'naya kommunikatsiya* [Social communication]. Moscow: IS RAS.
13. Votchin, I.S. (2009) Modelirovanie i opredelenie soderzhaniya kommunikativnogo protsessa [Modeling and determination of the content of the communicative process]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 2 (27). pp. 211–219.
14. Beresneva, Yu.V. (2017) The Formation of the Concept "Communication" in Social-Humanitarian Knowledge: Content, Structure and Functions of Communication. *Vestnik MGOU – Bulletin MSRU. Series: Philosophy*. 4. pp. 6–20. (In Russian).
15. Vorontsov, S.G. (2019) Methodological Problems of the Civil Law Researches. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 1. pp. 414–431. (In Russian).
16. Kravets, A.A. (2019) [Interpretation of legal acts as legal communication (constitutional and municipal legal dialogue)]. Conference Proceedings. Alushta. pp. 199–203. (In Russian).
17. Radionov, D.A. (2015) Sotsial'no-psikhologicheskaya ekspertiza informatsionnykh materialov s tsel'yu vyyavleniya priznakov prestupleniy ekstremistskoy napravlennosti [Socio-psychological examination of information materials in order to identify signs of extremist crimes]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*. 1 (29). pp. 85–90.
18. Khlus, A.M. & Lyakhovich, A.S. (2018) Nravstvennyye osnovy korruptsii i ikh kriminalisticheskoy analiz [Moral foundations of corruption and their forensic analysis]. *Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravleniya*. 1 (6). pp. 128–136.
19. Martynov, A.N. (2014) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy: problema strukturirovannosti [Forensic characteristics of crimes: the problem of structure]. *Problemy i voprosy ugovolnogo prava, ugovolnogo protsessa i kriminalistiki*. 14 (2). pp. 39–45.
20. Knyaz'kov, A.S. (2012) [The concept and essence of the investigative situation]. *Aktual'nye problemy ispol'zovaniya situatsionnogo podkhoda v yuridicheskoy nauke i pravoprimenitel'noy deyatel'nosti* [Topical issues of using the situational approach in legal science and law enforcement]. Conference Proceedings. Kaliningrad: Baltic Federal University. pp. 94–101. (In Russian).
21. Pocheptsov, G.G. (2001) *Teoriya kommunikatsii* [Communication theory]. Kyiv: Vakler; Moscow: Refl-buk.
22. Konetskaya, V.P. (1997) *Sotsiologiya kommunikatsiy* [Sociology of communications]. Moscow: International University of Business and Management.
23. Gerbner, G. (1956) Toward a general model of communication. *ETR&D*. 4. pp. 171–199.
24. Chernobrovkina, E.P. (2011) Kontent-analiz v lingvisticheskikh issledovaniyakh [Content analysis in linguistic research]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 11. pp. 125–129.
25. Malkova, G.Yu. (2005) *Kontent-analiz avtobiograficheskikh rasskazov v izuchenii lichnostnykh svoystv* [Content analysis of autobiographical stories in the study of personality traits]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
26. Smirnov, A.A. (2012) Sredstva massovoy informatsii v mekhanizme determinatsii protivopravnogo povedeniya [Mass media in the mechanism of determination of illegal behavior]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*. 2 (18). pp. 26–34.
27. Grachev, M.N. (2017) Transformatsiya modeley mobilizuyushchego i desotsializiruyushchego vozdeystviya kommunikativnykh tekhnologiy na auditoriyu [Transformation of models of mobilizing and desocializing impact of communication technologies on the audience]. *Vek informatsii – Information Age*. 1–2. pp. 100–102.
28. Engalychev, V.F., Moiseeva, I.G. & Moiseev, A.V. (2015) Ob osobennostyakh primeneniya metoda kontent-analiza v sudebno-psikhologicheskoy ekspertize razlichnoy predmetnoy napravlennosti [On the peculiarities of using the method of content analysis in forensic psychological examination of various subject areas]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 3 (40). pp. 39–46.
29. Chery, C. (1972) *Chelovek i informatsiya* [Man and information]. Translated from English. Moscow: Svyaz'.
30. Shibutani, T. (1999) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Translated from English by V.B. Ol'shanskiy. Rostov-on-Don: Feniks.
31. Tan, A.S. (1981) *Mass communication theories and research*. Columbus: Grid Publishing.
32. Sheina, I.M. (2010) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya kak proyavlenie lingvisticheskogo i kul'turnogo opyta* [Intercultural communication as a manifestation of linguistic and cultural experience]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
33. Pastushenya, A.N. & Simakova, T.A. (2019) Resotsializatsiya kak protsess sotsial'no-psikhologicheskogo i dukhovno-nravstvennogo razvitiya lichnosti osuzhdennykh [Resocialization as a process of socio-psychological and spiritual-moral development of the personality of convicts]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 27 (4). pp. 529–535.
34. Novik, N.N. (2012) Kommunikativnye navyki i ikh formirovanie u podrostkov s otklonyayushchimsya povedeniem [Communication skills and their formation in adolescents with deviant behavior]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 1 (27). pp. 254–258.
35. Kapustina, A.G. (2016) Informatsiya o chastnoy zhizni v strukture massovoy kommunikatsii. Etiko-pravovoy aspekt [Information about private life in the structure of mass communication. Ethical and legal aspect]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. 3. pp. 161–167.
36. Taratukhina, Yu.V. & Avdeeva, Z.K. (2015) *Delovye i mezhkul'turnye kommunikatsii* [Business and intercultural communications]. Moscow: Yurayt.
37. Bolotova, A.K. & Zhukov, Yu.M. (2015) *Psikhologiya kommunikatsiy* [Psychology of communications]. Moscow: HSE.
38. Sidorskaya, I.V. (2008). [Communication in social and humanitarian knowledge, economics, education]. *Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of the II International Conference]. Minsk: Izd. tsentr BGU. pp. 35–37. (In Russian).
39. Sardzhveladze, N.I. (1989) *Lichnost' i ee vzaimodeystvie s sotsial'noy sredoy* [Personality and its interaction with the social environment]. Tbilisi: Metsniereba.
40. Newcomb, T.M. (1953) An approach to the study of communicative acts. *Psychological Review*. 60 (6). pp. 393–404.
41. Allport, G.W. (1935) *Attitudes*. Worcester: Clark University Press.
42. Spitzberg, B. (1984) A model of intercultural communication competence. *International Journal of Intercultural Relations*. 10. pp. 380–392.
43. Tulugoeva, M.S. (2004) *Sotsial'nye osobennosti kommunikatsiy v gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe* [Social features of communications in the state civil service]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.
44. Lobazhevich, V.V. & Polikarpov, I.S. (2014) Kommunikativnaya kompetentnost' rukovoditelya operativnogo podrazdeleniya kak uslovie effektivnosti ego upravlencheskoy deyatel'nosti [Communicative competence of the head of the operational unit as a condition for the effectiveness of his managerial activity]. *Antinarkoticheskaya bezopasnost'*. 1 (2). pp. 61–68.
45. Pestrikov, D.V. & Polyaniy, N.A. (2017) *Tolerantnoe povedenie sotrudnikov FSIN Rossii* [Tolerant behavior of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ryazan': Book Jet.
46. Dubova, O.D. (2017) [Characteristics of communicative competence among employees of the penal system]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii v usloviyakh reformirovaniya* [The penal system of Russia in the context of reforming]. Conference Proceedings. S.I.: [s.n.], pp. 120–123. (In Russian).
47. Il'in, E.P. (2000) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter.

48. Kotov, D.P. (1975) *Motivy prestupleniy i ikh dokazyvanie* [Motives for crimes and their proving]. Voronezh: Voronezh State University.
49. Volkov, B.S. (1982) *Motivy prestupleniy* [Motives for crimes]. Kazan: Kazan State University.
50. Antonyan, Yu.M. et al. (1986) *Kriminal'naya motivatsiya* [Criminal motivation]. Moscow: Nauka.
51. Luneev, V.V. (1991) *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation for criminal behavior]. Moscow: Nauka.
52. Mezinov, D.A. (1999) *Prestupnaya motivatsiya kak ob"ekt poznaniya v kriminalistike* [Criminal motivation as an object of knowledge in forensic science]. Law Cand. Diss. Tomsk.

Received: 16 March 2021

С.В. Слинко, Д.С. Слинко, Д.В. Филин

ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Предложены теоретические аспекты и практическое решение возникающих проблемных вопросов на основе уголовного процесса Украины, построение теоретических подходов исходя из англосаксонского права, что имеет значение для оптимизации уголовного процесса Российской Федерации.

Ключевые слова: теория; репрессии; доказательства; доказывание; следователь; прокурор; следственный судья; коллегиальный суд; протокол; процессуальные; следственные (розыскные); судебные действия.

Актуальность работы можно определить на основании научных исследований общих теорий уголовного процесса. Основные теоретические положения уголовного процесса начали разрабатываться с 1864 г., после принятия Устава уголовного судопроизводства России [1]. В данном случае конструкция Устава уголовного уложения была построена на основе процессуальных норм континентальной Европы и романо-германской правовой системы. Теоретические разработки включали концептуальный подход, который определял гарантии прав, свобод и интересов участников процесса, основные принципы, формы доказательств и доказывания, процессуальную процедуру производства следственных и судебных действий.

Необходимо отметить работы, в которых с 1894 г. были определены общие теории уголовного процесса. Это труды К.Д. Анциферова, С.И. Викторского, В.Ф. Дерюжинского, Т.Я. Фойницкого и других ученых [2–5]. Все они отстаивали точку зрения построения процесса на основе романо-германской правовой системы. Отдельные элементы англосаксонской системы были включены в Устав уголовного судопроизводства и определили процедуру судебного рассмотрения уголовного дела, установление вины, участие стороны защиты в исследовании доказательств, принятие решения присяжными и т.д.

Дальнейшее развитие процессуальной науки было продолжено с 1949 г. С.А. Альпертом, М.И. Бажановым, Ю.Н. Белозеровым, А.Я. Вышинским, М.М. Гродзинским, Г.Ф. Горским, Л.Д. Кокаревым, Н.В. Жогиным, А.М. Лариным, М.С. Строговичем и многими другими учеными [6–14].

Наука процесса не стоит на месте, теория процесса является фундаментом для развития практики. Те вопросы, которые ставит сегодня практика, должны решаться и решаются с усовершенствованием законодательства, созданием новых условий механизма производства процессуальных, следственных (розыскных) и судебных действий. Теоретическое развитие и новое направление науки определились на основе оптимизации, процессуальной экономии процесса. Следователь, прокурор, судья должны установить столько доказательств, для подтверждения вины подозреваемого, обвиняемого, сколько необходимо для квалификации его действий по уголовному закону. Если доказательств недостаточно и их возможность теряется для дальнейшего производства уголовного дела, следователь, прокурор, судья на основе уголовно-

процессуального закона имеют право закрыть производство. Необходимо отметить, что по УПК 1961 г. судья имел право направить материалы уголовного дела для производства дополнительного досудебного производства. Уголовное дело поступало к прокурору, который решал вопрос о поиске новых доказательств или принимал решение о закрытии уголовного производства.

По новому действующему УПК России и Украины такую «лазейку» закрыли. Закон определил, что судья обязан принять решение о виновности или невиновности лица в судебном заседании и составить и огласить приговор. Однако, несмотря на категорическое утверждение закона Украины, все же остались отдельные элементы процесса, на основе которых прокурор, поддерживающий публичное обвинение в суде, имеет право изменить формулировку обвинения или отказаться от обвинения. В данном случае возникает ряд процедурных и процессуальных моментов. Участники процесса должны знакомиться с новым обвинением в период судебного рассмотрения уголовного дела, а обвинительный акт, в соответствии со ст. 338–341 УПК Украины, теряет свою процессуальную сущность, поскольку прокурор составляет новое обвинение. Теоретические проблемы действующего УПК Украины в отдельных моментах не совпадают с общими и частными теориями процесса.

Целью статьи является раскрытие теоретического содержания общих теорий процесса и определение новых частных или специальных теорий, которые установлены в действующем законодательстве. Если общие теории процесса рассматривались на уровне монографических исследований, то частные, специальные остались вне зоны научных исследований. В данном случае необходимо взять на себя ответственность по определению частных, специальных теорий процесса, которые имеют не только теоретическое, но и практическое значение для его последующего совершенствования. Предела совершенствования, как правило, нет, поэтому необходимо обратить свой взор на новые конструктивные положения определения частных, специальных теорий.

Новизна работ заключается в раскрытии теоретических и практических аспектов общих и частных, специальных теорий уголовного процесса на основе действующего законодательства и практики его применения органами уголовной юстиции, коллегиального суда. В основе новизны лежит англосаксонский процесс Украины, который существенно отличается от уголов-

ного процесса России. В данном случае предлагается рассмотреть теоретические аспекты частной, специальной теории Украины для последующего научного обозначения и возможного применения в уголовном процессе России. Основные положения новизны определяют решение процедурных и процессуальных положений оптимизации, процессуальной экономии. Предлагается новая формулировка частной теории, которая определена как реперная теория, предусматривающая основные положения освобождения от уголовной ответственности по процессуальным основаниям с применением альтернативных мер, установления возможного перевоспитания лица, совершившего преступление, не являющегося тяжким. В данной теории основной аспект направлен на возможность исправления лица без применения уголовно репрессивных мер воздействия, связанных с лишением свободы.

Теоретические разработки построения общих теорий процесса были направлены на обеспечение прав, свобод и интересов его участников. Наука уголовного процесса всегда отставала классические теории, не стараясь выходить за ее пределы. Последние научные публикации России и Украины свидетельствуют, что исследование проводится на основании собирания эмпирического материала, какой подтверждает существующие общие теории процесса. Анализ научных положений дает возможность определить отдельные теоретические аспекты проблем общих и частных, специальных теорий процесса. В основном общая ошибка заключается в том, что во время обоснования теоретических положений, как правило, изымаются отдельные повторяющиеся события, а потом это общее фиксируется с помощью абстракции. Если рассмотреть данные ошибки, можно составить определенную формулу и определить ее как «абстрактное – общее». Совокупность таких выявленных закономерностей определили как набор абстракций. После этого не совсем понятным оказывается логическая связь абстракций. При этом не практика подчиняется теоретическим элементам, а, наоборот, теория приспособляется к практике, что является препятствием в создании новых теоретических разработок. Не является исключением из этого правила наука уголовного процесса, которая подтверждает общие теории и на их основании предоставляет формулирование новых частных теорий.

Методологические положения позволяют утверждать, что научное построение процесса проводится на основе иерархии уголовных процессуальных теорий. Метатеория уголовного процесса, общие теории устанавливают теоретические конструкции, имеющие общие связи друг с другом. Кроме того частные процессуальные теории направлены на законодательное регулирование процессуальной деятельности относительно применения отдельных процессуальных институтов. В свою очередь частные процессуальные теории делаются на теории-системы, например теория доказательств, досудебного и судебного производства, и теории-элементы, например теория освобождения от уголовной ответственности. Вместе с тем значение специальных теорий-элементов неодинаково для теорий-систем и общих процессуальных теорий.

У большинства теории-элементы используют теоретические конструкции общих теорий и теорий-систем для разработки собственных теоретических положений. Отдельные теории-элементы, их понятийный аппарат, теоретические положения предоставляют новый импульс для построения общих процессуальных теорий и теорий-систем.

Основу уголовного судопроизводства можно определить как привлечение виновного к уголовной ответственности. Уголовный процесс Украины построен на основе уголовного иска. Статья 214 УПК Украины указывает, что досудебное производство начинается после принятия заявления о совершенном правонарушении, когда есть его признаки, установлено лицо, его совершившее. То есть если отсутствует заявление или потерпевший отказывается от его подачи, то уголовное производство не начинается. Элементы англосаксонского права в данном случае расходятся с публичным процессом России.

Институт привлечения к уголовной ответственности является межотраслевым. С одной стороны уголовная ответственность, понятие, характеристики определяются на основании уголовного права. Второй компонент включает процедуру привлечения к уголовной ответственности как предмет науки уголовного процесса. Можно сказать, что теоретическое понятие «привлечение к уголовной ответственности» является «основой построения клетки», которая лежит в основе метатеории уголовного процесса.

Следователь при приеме заявления должен определить квалификацию уголовного правонарушения (по уголовному праву это понятие преступления) и начать досудебное расследование. В данном случае имеется резкое отличие от уголовного процесса России, когда органы уголовной юстиции проводят проверку по факту совершения преступления и принимают решение о возбуждении уголовного дела, после чего передают его следователю, который и приступает к производству предварительного расследования.

Стадия предварительного расследования России и досудебного производства Украины построены на основе общих теорий процесса и юридически не имеют существенных отличий. Фактически на стадии досудебного производства осуществляется публичное обвинение, контроль возложен на следственного судью. Только он имеет право после судебного рассмотрения уголовного производства составить определение на проведение экспертизы, отдельных следственных действий, которые ограничивают права, свободы и интересы участников процесса. Определение следственного судьи является обязательным для исполнения всеми участниками процесса. Отдельные общие теории процесса России и Украины предусматривают обжалование действий или бездействий следователя и прокурора. Причем уголовный процесс Украины предусматривает такое обжалование на стадии досудебного производства только следственным судьей.

Общие теории процесса, связанные с принципами, доказательствами и доказыванием, процессуальным статусом, функциями, досудебным и судебным производством, наукой рассмотрены практически в полном объеме.

На основе общей теории процесса действующий закон определил, в соответствии со ст. 3 УПК Украины, процессуальные полномочия сторон процесса и указал, что следователь, прокурор относятся к стороне обвинения, сюда отнес потерпевшего, который принимает участие в поддержании обвинения против подозреваемого, обвиняемого. Сторона защиты включает в себя подозреваемого, обвиняемого, который защищает свои интересы, и адвоката, который защищает подозреваемого (обвиняемого) от обвинения. Данное теоретическое разделение является правильным с точки зрения общей теории процесса.

Сторона обвинения определяет пределы доказывания, собирает, оценивает доказательства, составляет уведомление о подозрении, обвинительный акт. В судебном заседании прокурор поддерживает публичное обвинение, контролирует ход судебного разбирательства, имеет право изменить обвинение или отказаться от его поддержания.

Сторона защиты возражает против обвинения, имеет право собирать доказательства, оценивать их и выдвигать свои процессуальные требования к определению доказательств с точки зрения допустимости и относимости к главному факту доказывания.

Общая теория процесса предусматривает применение уголовно-процессуальных репрессивных мер воздействия в отношении лица, привлеченного к уголовной ответственности. С одной стороны, репрессии ограничены законом, с другой – процессуальными полномочиями стороны обвинения.

Уголовный процесс Украины не определяет понятия репрессий, однако дает его практические положения и механизм применения. В частности, следователь имеет право применять физическую силу при задержании подозреваемого, если последний оказывает вооруженное сопротивление. Следователь имеет право вскрывать помещения при производстве обыска.

Однако закон указывает, что, применяя репрессии, сторона обвинения должна помнить следующее: меры уголовного воздействия негативно влияют на лицо, в отношении которого проводится уголовное производство. Ничем нельзя восполнить моральный ущерб, пережитые чувства, в отношении лица, привлеченного к уголовной ответственности, после его оправдания.

Необходимо обратить внимание на малоизученную теорию уголовно-процессуальных репрессий, которая установлена законом и действует на всех стадиях процесса. Следует сказать, что отдельные положения данной теории рассматривались в публикациях А.Я. Вышинского, А.М. Ларина, М.С. Строговича, И.В. Тыричева и др. ученых [9, 12, 13, 15]. Однако теоретические конструкции были построены таким образом, что затрагивали репрессии с точки зрения обеспечения прав, свобод и законных интересов участников процесса. Все авторы были едины во мнении о необходимости применения уголовно-процессуальных репрессий в отношении подозреваемого (обвиняемого). В первом случае это требует закон. Во втором – обвиняемый, совершивший преступление, нарушает уголовный закон, действуя «вне закона». Органы уголовной юстиции обязаны применять репрессивные меры, связанные с ограничением

свободы, передвижения, возможного пресечения дальнейшего преступления и т.д. Если обвиняемый скрылся от следствия и суда, то осуществляется его уголовное преследование. Для того чтобы установить обстоятельства совершения преступления, закрепить следы, доказать вину подозреваемого, необходимо производство следственных (розыскных) действий, которые проводит следователь. В данном случае следователь, осуществляя обвинение, обязан применять процессуальные средства и меры, предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Статьи 20, 21 УПК России установили процессуальное понятие уголовного преследования. В уголовном процессе Украины данный термин не обозначен, поскольку, в соответствии со ст. 2 УПК Украины, задачи уголовного производства определены в двух значениях. С одной стороны, это быстрое и полное раскрытие преступления, с другой – защита личности, общества и государства от преступных посягательств. Рассматривая уголовно-процессуальные нормы России, можно сказать, что они имеют более выраженный репрессивный подход, который определяется исходя из положений публичного права.

Предлагается понятие уголовно-процессуальных репрессий. Первый установлен на основе уголовного закона и указывает на применение санкции статьи уголовного кодекса. Последний применяется в случае его нарушения. Второй определен на основе уголовного процессуального закона.

В первом случае уголовный закон четко устанавливает санкцию статьи за его нарушение. По действующему уголовному законодательству Украины следственный судья на стадии досудебного производства, коллегиальный суд на стадии судебного разбирательства имеют право, в пределах санкции статьи уголовного кодекса, применить репрессивные меры воздействия к нарушителям закона. На судебном заседании, как правило, судья применяет штрафные санкции к лицам, нарушающим судебный порядок, на основании судебного решения. В отдельных случаях по представлению следователя, прокурора судья имеет право применить уголовные санкции к подозреваемому (обвиняемому), связанные с лишением свободы.

Во втором случае уголовно-процессуальные репрессии установлены уголовно-процессуальным законодательством и процедурой выполнения процессуальных решений. В частности, при необходимости провести обыск, наложение ареста на имущество, арест на почтово-телеграфную корреспонденцию, заключение под стражу, производства негласных следственных (розыскных) действий следователь, прокурор на стадии досудебного производства составляют ходатайство к следственному судье о необходимости проведения следственных (розыскных) действий. Основа подачи данного ходатайства предусмотрена законодательством в случае временного ограничения прав, свободы и интересов участников процесса. Прокурор обращается к следственному судье с данным ходатайством и поддерживает его при судебном рассмотрении. Следственный судья в судебном заседании по результатам рассмотрения всех материалов составляет определение,

которое обязательно для всех участников процесса. Следователь обязан провести следственные (розыскные) действия для установления фактов, процессуально закрепить их как доказательства и квалифицировать вину подозреваемого на основе норм уголовного права. В случае отказа участников процесса выполнить законные требования следователя, он имеет право для применения процессуального давления.

Общие теории процесса рассматривают принцип презумпции невиновности. Все основные положения данного принципа предусмотрены таким образом, чтобы установить законность при определении вины подозреваемого, обвиняемого. В случае если следователь, прокурор на стадии досудебного производства установят отсутствие вины лица в инкриминируемом ему правонарушении (преступлении), то следователь, только с согласия прокурора, составляет постановление о закрытии уголовного производства на основании ст. 283–284 УПК Украины (ст. 25–28 УПК России).

Сопоставление норм статьи уголовного и уголовного процессуального законодательства Украины свидетельствует о том, что диспозиция данных норм существенно отличается. Основания освобождения от уголовной ответственности по уголовному закону определены совершенно в ином аспекте, чем нормы уголовного процессуального закона. Такое различие ставит больше вопросов, чем ответов при решении следователя, прокурора, судьи об освобождении от уголовной ответственности. Практика определяет, в основном, диспозицию уголовного процессуального законодательства. В данном случае следует объединить формулировки статей уголовного и процессуального закона в единое целое, определить критерии и виды, формы освобождения от уголовной ответственности. Необходимо отметить, что законодательство России в данном случае более совершенно, оно определяет единую форму освобождения от уголовной ответственности.

Если установлена вина подозреваемого лица, но правовые действия последнего указывают на его раскаяние, возможность исправления без меры уголовного наказания, прокурор имеет право, на основании ст. 287 УПК Украины, обратиться в суд для решения вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности. По процессуальному законодательству только судья имеет право освободить подозреваемого, обвиняемого от уголовной ответственности и наказания. С данной теоремой нельзя спорить, потому что ее основа определена Всеобщей декларацией прав и свобод [16].

Действующий УПК Украины устанавливает освобождение подозреваемого от уголовной ответственности на стадии приготовления судебного разбирательства. Рассматривая данный тезис, можно сказать, что процессуальную экономию в этом случае можно установить на стадии досудебного производства. Все основные положения взяты из англосаксонского права, когда судья решает вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности только на стадии судебного разбирательства.

Судебное производство континентальной Европы указывает, что подготовительная часть судебного производства имеет организационные вопросы. Судья решает вопрос о предании подозреваемого суду и

определяет момент начала рассмотрения уголовного дела по существу. В данном случае, придерживаясь элементов континентального права, следует рассматривать вопросы освобождения подозреваемого от уголовной ответственности по УПК Украины на стадии досудебного производства следственным судьей. Однако данные положения носят больше дискуссионный характер, чем практическое решение.

Процессуальные полномочия следственного судьи определены как орган государственной власти. Следственный судья ближе стоит к следователю, контролируя уголовное производство при даче санкции на проведение следственных (розыскных) действий. Налицо процессуальная экономия материальных, физических, моральных, интеллектуальных затрат со стороны прокурора, следователя.

Теоретические и практические вопросы освобождения от уголовной ответственности стоят остро, поскольку рецидив совершения преступления в Украине, по данным прокуратуры, полиции, суда составляет около 80% [17].

Основное положение уголовного и процессуального законодательства заключается в возможном исправлении лица, совершившего нетяжкое уголовное правонарушение (преступление). Всемирная практика уголовного процесса предложила альтернативные способы разрешения уголовно-правового конфликта. При этом важно заметить, что урегулирование спора возможно только с согласия потерпевшего.

Конструктивно все аспекты освобождения от уголовной ответственности можно определить на основе предлагаемой частной реперной теории.

Основные положения данной теории определены на основе теории пространственных кривых, которую в геометрии разработал Френе Репер [18]. Теория предоставляет собой определение комплекса математических символов, который имеет много центров тяжести, однако указывает на одну точку. В данном случае точкой в процессе можно определить частную теорию системы процесса. Основой метрического значения установлена размерность от единой субстанции к метатеории. Теорию элементов можно разрабатывать на основании общих положений освобождения от уголовной ответственности на стадиях процесса и структурных элементов понятийного аппарата, который раскрывает теоретические конструкции, имеющие влияние на дальнейшую разработку общих и частных теорий. В частности, теории оптимизации, экономии, уменьшения репрессивного влияния стороны обвинения на участников процесса и т.д. Реперная теория устанавливает экономию репрессивного влияния при освобождении лица от уголовной ответственности, возможности его исправления без применения мер уголовного воздействия. Теоретическую конструкцию можно определить исходя из основных положений процесса, а именно на основе диспозиции норм уголовного права и процесса, определить классификацию и дать систематизацию фактов, фрагментов научных положений; теоретических понятий и их толкование. При рассмотрении конкретных аспектов реальности возможно определять и прогнозировать полученные результаты, они могут быть направлены на дальнейшее

совершенствование и развитие научных подходов объединения с практикой. Все элементы могут быть применены к предложенной частной процессуальной реперной теории. Ее построение происходит не от абстрактного к конкретному, наоборот, от конкретного к абстрактному. Принципиальная идея заключается в том, что данная частная теория всегда разворачивается из неопределенного, исходного пункта, который фиксирует сущность явлений. Данный пункт нельзя получить путем простой фиксации эмпирического исследования. Он должен строиться на основании нормы закона и функционирования правовой системы.

Теория освобождения от уголовной ответственности, как частная реперная теория, предлагает новые теоретические конструкции привлечения к уголовной ответственности, позволяет понять сущность экономии репрессивного влияния и является радикальным отказом от применения уголовной процессуальной репрессии, его принуждения, а также устанавливает возможность отказа от уголовного наказания. Процедура освобождения от уголовной ответственности и наказания направлена на оптимизацию уголовной процессуальной процедуры, которая позволяет не проводить следователю отдельные следственные (розыскные) действия, что в конечном итоге экономит не только материальные ресурсы, но также моральные, физические, временные и т.д.

На стадии судебного разбирательства экономится не только время, материальные расходы, но и расходы интеллектуальные.

Основная концепция статьи включает в себя анализ общих и частных специальных теорий уголовного процесса Украины, определение положений его оптимизации и процессуальной экономии на основании единого содержания уголовных и процессуальных норм при установлении обстоятельств, связанных с закрытием уголовного производства, освобождения лица от уголовной ответственности. На основе анализа действующего уголовного процессуального законодательства Украины раскрывается содержание уголовно-процессуальных репрессий, которые определены на основе процессуального статуса стороны обвинения и механизм его применения относительно отдельной категории участников уголовного производства. Принципиальное отличие уголовного преследования по УПК России и публичного обвинения по УПК Украины заключается в различном правовом построении романо-германского и англосаксонского права. Однако частная реперная теория уголовного процесса может быть применена как в УПК Украины, так и УПК России. Концептуальный подход в данном случае можно определить исходя из оптимизации, процессуальной экономии уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1864. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.
2. Андиферов К.Д. Обвинительное начало и английский процесс // Юридический вестник. Мо., 1879. С. 432.
3. Викторский С.И. Русский уголовный процесс : учебник. М., 1997. 310 с.
4. Дерюжинский В.Ф. Habeas Corpus Акт и его приостановка в английском праве. Юрьев, 1895. 392 с.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : учебник. Т. 1. СПб. : Наука, 1996. 586 с.
6. Альперт С.А., Стрёмовский В.А. Возбуждение уголовного дела органами милиции. Харьков : Харьков. юрид. ин-т, 1957. 24 с.
7. Бажанов М.И. Изменение обвинения в судебных стадиях советского уголовного процесса : учебник. Советский уголовный процесс. Киев : Вища школа, 1983. 360 с.
8. Белозеров Ю.Н., Чугунов В.Е., Чувилов А.А. Дознание в органах милиции и его проблемы. М. : Юрид. лит., 1972. 150 с.
9. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Госюриздат, 1946. 327с.
10. Гродзинский М.М. Государственный обвинитель в советском суде. М. : Госюриздат, 1954. 234 с.
11. Горский Г.Ф., Кокарев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж : ВГУ, 1978. 230 с.
12. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М. : Юрид. лит., 1986. 260 с.
13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Юриздат НКЮ СССР, 1958. 440 с.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, В.Г. Танасевич, Г.М. Миньковский, А.Р. Ратинов, А.А. Эйсман; под. ред. Н.В. Жогина. М. : Юрид. лит., 1973. 510 с.
15. Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса. М. : Юрид. лит., 1983. 160 с.
16. Всеобщая декларация прав человека Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
17. Офис Генерального прокурора. URL: <https://www.gp.gov.ua/ua/index.html>
18. Трехгранник Френе // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Трёхгранник_Френе

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 февраля 2020 г.

General and Special Theories of Criminal Procedure

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 249–254.

DOI: 10.17223/15617793/466/30

Sergey V. Slinko, Kharkiv National University of Internal Affairs (Kharkiv, Ukraine). E-mail: s.slinko743@gmail.com

Dmitry S. Slinko, V.N. Karazin Kharkiv National University (Kharkiv, Ukraine). E-mail: d.s.slinko@karazin.ua

Dmitry V. Filin, Yaroslav Mudryi National Law University (Kharkiv, Ukraine). E-mail: filinju@ukr.net

Keywords: theory; repression; evidence; proving; investigator; prosecutor; investigative judge; collegiate court; protocol; procedural actions; investigative (search) actions; judicial actions.

The relevance of the article can be determined on the basis of research on general theories of criminal procedure. The main theoretical provisions of the criminal procedure of continental Europe began to be developed in 1864, after the adoption of the Charter of the Criminal Proceedings of Russia. Theoretical developments included a conceptual approach that defined guarantees for the rights, freedoms and interests of participants in the procedure, basic principles, forms of evidence and proving, the procedure for investigative and judicial actions. The aim of the article is to reveal the theoretical content of the general theory of the procedure and to determine new special theories enshrined in the current legislation. If general theories of the procedure have been considered at the level

of monographic research, special ones have remained outside the scope of studies. The novelty of the research consists in the disclosure of theoretical and practical aspects of general and special theories of criminal procedure on the basis of existing legislation and the practice of its application by criminal justice authorities and the collegiate court. The article considers the theoretical aspects of a special theory. Issues of the optimization and procedural economy of criminal procedure based on benchmark theory are related to the release of a person from criminal liability and the use of alternative measures. New legal definitions are proposed that establish a clear mechanism for procedural, investigative (search), judicial actions in establishing, securing, evaluating evidence of guilt or innocence of a person. The existing legal constructions of general theories provide an impetus for the application of special theories of criminal procedure, which are associated with solving the problems of criminal proceedings, its optimization, and procedural economy of applying criminal procedural repression. The current criminal procedural law does not fully define the concept of general and special theories of the procedure. The article proposes theoretical aspects and practical solutions to these emerging problematic issues. The basic concept of the article includes the analysis of general and special theories of criminal procedure, the determination of the provisions for its optimization and procedural economy on the basis of the unified content of criminal and procedural rules in establishing circumstances related to the closure of criminal proceedings, and the release of a person from criminal liability. Based on the analysis of the current criminal procedural legislation, the content of procedural repressions, which are determined on the basis of the procedural status of prosecution and the mechanism of their application with respect to a particular category of participants in criminal proceedings, is revealed.

REFERENCES

1. Constitution.garant.ru. (1864) *Ustav ugovnogo sudoproizvodstva* [1864 Charter of criminal proceedings]. [Online] Available from: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.
2. Antsiferov, K.D. (1879) *Obvinitel'noe nachalo i angliyskiy protsess* [The indictment and the English procedure]. *Yuridicheskiy vestnik*. 3. p. 432.
3. Viktorovskiy, S.I. (1997) *Russkiy ugovnnyy protsess: uchebnik* [Russian criminal procedure: textbook]. Moscow: Gorodets.
4. Deryuzhinskiy, V.F. (1895) *Habeys Corpus Akt i ego priostanovka v angliyskom prave* [Habeys Corpus Act and Suspension in English Law]. Yuriev: [s.n.].
5. Foyntskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva: uchebnik* [The course of criminal proceedings: textbook]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
6. Al'pert, S.A. & Stremovskiy, V.A. (1957) *Vozbuzhdenie ugovnogo dela organami militsii* [Initiation of a criminal case by the police]. Kharkiv: Kharkiv Law Institute.
7. Bazhanov, M.I. (1983) *Izmenenie obvineniya v sudebnykh stadiyakh sovetskogo ugovnogo protsessa: uchebnik. Sovetskiy ugovnnyy protsess* [Change of charges in the judicial stages of the Soviet criminal procedure: textbook. Soviet criminal procedure]. Kyiv: Vishcha shkola.
8. Belozarov, Yu.N., Chugunov, V.E. & Chuvilev, A.A. (1972) *Doznanie v organakh militsii i ego problemy* [Inquiry in the police and its problems]. Moscow: Yurid. lit.
9. Vyshinskiy, A.Ya. (1946) *Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave* [The theory of forensic evidence in Soviet law]. Moscow: Gosyurizdat.
10. Grodzinskiy, M.M. (1954) *Gosudarstvennyy obvinitel' v sovetskom sude* [State prosecutor in a Soviet court]. Moscow: Gosyurizdat.
11. Gorskiy, G.F., Kokarev, L.D. & El'kind, P.S. (1978) *Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [Problems of evidence in the Soviet criminal procedure]. Voronezh: Voronezh State University.
12. Larin, A.M. (1986) *Rassledovanie po ugovnomu delu: protsessual'nye funktsii* [Criminal investigation: procedural functions]. Moscow: Yurid. lit.
13. Strogovich, M.S. (1958) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [The course of the Soviet criminal procedure]. Moscow: Yurizdat NKYu SSSR.
14. Zhogin, N.V. (ed.) (1973) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [The theory of evidence in the Soviet criminal procedure]. Moscow: Yurid. lit.
15. Tyrichev, I.V. (1983) *Printsipy sovetskogo ugovnogo protsessa* [The principles of the Soviet criminal procedure]. Moscow: Yurid. lit.
16. UN. (1948) *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka Prinyata rezolyutsiey 217 A (III) General'noy Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 goda* [Universal Declaration of Human Rights Adopted by Resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of December 10, 1948]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
17. *Office of the Prosecutor General*. [Online] Available from: <https://www.gp.gov.ua/ua/index.html>. (In Ukrainian).
18. Wikipedia. (2020) *Trekhrannik Frene* [Frenet trihedron]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Trekhrannik_Frene.

Received: 12 February 2020

А.В. Шеслер

ВИДЫ УГОЛОВНО-ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ

Рассматриваются виды уголовно-противоправных деяний, выделяемые в уголовном законе, с которыми связаны определенные уголовно-правовые последствия: преступление; малозначительное деяние; невиновное причинение вреда; уголовный проступок, влекущий уголовную ответственность в виде замены одного наказания более тяжким или отмену probation; общественно опасное деяние лиц, которые не являются субъектами преступления в силу не достижения возраста уголовной ответственности или невменяемости.

Ключевые слова: преступление; малозначительное деяние; невиновное причинение вреда; уголовный проступок; общественно опасное деяние.

В теории предмет уголовного права как отрасли права связывается в основном с преступлением. Однако в сферу уголовно-правового регулирования попадают также иные виды деяний, которые в той или иной степени связаны с нарушением требования уголовного закона. Рассмотрение круга этих видов деяний, правильное их терминологическое обозначение позволяют уточнить предмет уголовного права и его задачи, указанные в ст. 2 УК РФ. Полагаем, что для выделения этих видов деяний вполне подходят те теоретические подходы, разработанные в общей теории права, в соответствии с которыми выделяются преступления и проступки, правонарушения и объективно-противоправные деяния.

В соответствии с первой классификацией следует выделять преступления и уголовные проступки. Дискуссия об их соотношении активно велась советскими учеными после появления в 1982 г. в УК РСФСР такого понятия, как деяние, не представляющее большой общественной опасности, за совершение которого к лицу могут быть применены меры общественного воздействия в связи с возможностью его исправления без применения наказания (ст. 51, 52). Одни исследователи полагали, что указанное деяние следует именовать уголовным проступком, который отличается от преступления отсутствием общественной опасности в связи с возможностью исправления лица без применения уголовного наказания. Причем наличие такой возможности связывалось с ее установлением судебно-следственными органами [1. С. 36–41]. Такая позиция не давала возможности отличить уголовный проступок от малозначительного деяния, которое также характеризовалось отсутствием общественной опасности (ст. 7 УК РСФСР 1960 г.). Другие исследователи, называя рассматриваемое деяние уголовным проступком, относили его к определенной разновидности преступления [2. С. 36–37].

Полагаем, что последняя позиция в настоящее время получила воплощение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г., который принял решение о внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». В этом проекте предлагается из числа преступлений

небольшой тяжести выделить деяния, за совершение которых закон не предусматривает наказание в виде лишения свободы, и признать их уголовными проступками. Это должно повлечь ряд уголовно-правовых последствий, в частности, освобождение от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера (помимо судебного штрафа, обязательных или исправительных работ).

На наш взгляд, предложения Верховного Суда РФ, в случае их практического воплощения, повлекут нежелательные последствия. Часть из них обозначены в официальном отзыве Правительства РФ от 24 июля 2018 г. № 5690-П 4. Правительство указало на нецелесообразность таких изменений, отметив, что они не согласуются со ст. 52 Конституции Российской Федерации в части освобождения от ответственности лица, совершившего уголовный проступок, поскольку не учитывают интересы потерпевших, которым в результате совершения уголовного проступка причинен вред. Кроме того, в отзыве отмечалось, что введение в УК РФ сходных с соответствующими видами наказаний новых мер уголовно-правового характера в виде обязательных и исправительных работ повлечет дополнительную нагрузку на сотрудников уголовно-исполнительной системы и может потребовать дополнительного бюджетного финансирования.

Помимо этого, следует обосновать возражения уголовно-правового характера. Прежде всего, практическая реализация в законе критикуемого предложения сломает десятилетиями сложившейся в законотворческой деятельности подход, в соответствии с которым все правонарушения делятся на преступления, за которые уголовный закон предусматривает уголовное наказание или заменяющие его меры уголовной ответственности (условное осуждение, отсрочку отбывания наказания и т.д.), и проступки, влекущие иные виды юридической ответственности, в том числе меры уголовной ответственности помимо наказания и заменяющих его мер уголовной ответственности. Нивелирование отличия между преступлением и проступком повлечет утрату законодателем основания криминализации деяния в виде общественной опасности [3. С. 18–36], так как этим существенным признаком преступления станут обладать все правонарушения. Кроме того, практическое воплощение этой позиции углубит законодательную тенденцию по

нивелированию разницы между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера. Судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ), являющийся по сути разновидностью штрафа как уголовного наказания, предусмотренного ст. 46 УК РФ, дополнится еще такими мерами уголовно-правового характера, как обязательные работы и исправительные работы. Анализ тех изменений, которые предлагаются Верховным Судом РФ, показывает, что их отличие от аналогичных наказаний состоит только в том, что их назначение не влечет судимости. В остальных случаях эти меры обладают всеми существенными признаками наказания.

Во-первых, они носят возмездный характер, так как предполагается назначать их за совершенное преступление, а продолжительность этих мер должна зависеть от тяжести преступления. Такой вывод можно сделать, исходя из того, что в критикуемом проекте предлагаются верхний и нижний пределы обязательных и исправительных работ. Во-вторых, карательное содержание этих мер и их продолжительность аналогичны тому, что предусмотрено для обязательных и исправительных работ как вида уголовного наказания. Снижение минимальных и максимальных сроков этих мер (обязательных работ до 30 и 240 ч соответственно, исправительных работ соответственно до 1 мес. и 1 года), а для исправительных работ кроме того верхнего размера удержания из заработной платы до 1 мес, по сравнению с аналогичными видами наказаний сущности этих мер не меняет, так как обязательные и исправительные работы как наказание также могут быть назначены в пределах, обозначенных для этих мер. В-третьих, применение этих мер означает отрицательную оценку государством от имени суда виновного лица и совершенного им деяния, выраженную, в соответствии с предложениями, содержащимися в критикуемом проекте, в постановлении суда. И, наконец, эти меры уголовно-правового воздействия предполагается исполнять тем же субъектам, что и аналогичные наказания, т.е. уголовно-исполнительным инспекциям.

Вряд ли указанные аргументы против введения в уголовный закон категории уголовного проступка как вида преступления могут быть перевешаны одним аргументом Верховного Суда РФ в виде необходимости дальнейшей гуманизации уголовного законодательства. Полагаем, что для решения такой задачи можно было законодательно расширить перечень оснований и условий, предусмотренных гл. 11 и 12 УК РФ, которые влекут освобождение от уголовной ответственности и наказания. Можно также расширить практику применения соответствующих норм, положения которых в значительной мере носят оценочный характер, поэтому их реализация во многом зависит от политики применения уголовного закона судебными органами.

Законодательный опыт других государств в части выделения в уголовном законе уголовного проступка является более позитивным. В частности, в §12 Уголовного уложения ФРГ уголовно-противоправные деяния разделены на уголовные преступления, за совершение которых законом предусмотрено минимальное наказание в виде лишения свободы на срок

один год или выше, и уголовные проступки, за совершение которых законом предусмотрено минимальное наказание в виде более краткого срока лишения свободы или денежного штрафа. Таким образом, уголовные проступки законодателем ФРГ не отнесены к разновидности преступления, хотя за их совершение предусмотрены указанные виды наказаний. Полагаем, это связано с тем, что в Уголовном уложении ФРГ нет института уголовной ответственности, который предусматривал бы, как в УК РФ, не только наказания в отношении лиц, совершивших уголовно-противоправные деяния, но и иные меры, выражающие их государственное осуждение с применением уголовно-правового принуждения.

Внимательный анализ действующего УК РФ показывает, что фактически уголовный закон предусматривает уголовно-противоправные деяния, которые по своей сущности являются уголовными проступками. К таким деяниям относятся те виды уклонения от уголовных наказаний, а также те виды уклонения от мер уголовно-правового характера, которые законодатель не считает общественно опасными, но за которые предусматривает уголовную ответственность в виде замены одного вида наказания другим более тяжким либо отмену какого-либо вида probation.

К видам замены одного вида наказания другим более тяжким в случае уклонения от него уголовный закон относит замену: штрафа (ч. 5 ст. 46 УК РФ), обязательных работ (ч. 3 ст. 49 УК РФ), исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК РФ), ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания (ч. 5 ст. 53 УК РФ), принудительных работ (ч. 6 ст. 53.1 УК РФ). Такая замена наступает в том случае, если совершенное деяние, составляющая ее основание, не является преступлением. Уклонение от ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, уклонение от лишения свободы, побег из мест лишения свободы являются преступлениями (ст. 313, 314 УК РФ).

Кроме того, уклонение от наказания следует относить к уголовному проступку в тех случаях, когда оно является злостным. В иных случаях уклонение от наказания является уголовно-исполнительным проступком и влечет ответственность, предусмотренную УИК РФ и выражающуюся в дисциплинарных взысканиях. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 46 УИК РФ злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный, допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения в письменной форме за любое из указанных в части первой настоящей статьи нарушений, а также скрывшийся с места жительства осужденный, местонахождение которого неизвестно. Именно такое уклонение от исправительных работ влечет замену неотбытой их части принудительными работами или лишением свободы (ч. 4 ст. 50 УК РФ, ч. 5 ст. 46 УИК РФ). Иное нарушение порядка и условий отбывания осужденным исправительных работ (например, прогул или появление на работе в состоянии алкогольного опьянения) является уголовно-исполнительным проступком и влечет за собой предупреждение осужденного

уголовно-исполнительной инспекцией в письменной форме о замене исправительных работ другим видом наказания, а также возложение этим органом на осужденного обязанности являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации до двух раз в месяц (ч. 2 ст. 46 УИК РФ).

Исключения составляют принудительные работы, уклонение от которых, составляющее уголовный проступок, может быть не злостным и состоять в простом уклонении осужденного от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания (в том числе в неявке его за получением предписания) или неприбытии его к месту отбывания наказания в установленном в предписании срок (ч. 4 ст. 60.2 УИК РФ).

К видам отмены probation относятся: отмена условного осуждения (ст. 74 УК РФ), отмена условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 7 ст. 79 УК РФ), отмена отсрочки отбывания наказания (ч. 2 ст. 82 УК РФ), отмена отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ч. 2 ст. 82.1 УК РФ). Основанием такой отмены, представляющей собой форму уголовной ответственности, является неисполнение возложенных на осужденного обязанностей в основном в виде принуждения его к позитивному поведению (трудиться, учиться, лечится и т.д.). Неисполнение таких обязанностей представляет одну из разновидностей уголовного проступка.

Таким образом, уголовный проступок характеризуют следующие признаки: это не общественно опасное, не содержащее признаки преступления деяние; такое деяние нарушает требование уголовного закона, состоящее в обязанности осужденного подвергнуться ограничениям, вытекающим из назначенного судом наказания или примененных судом одного из видов probation (условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, отсрочки отбывания наказания, отсрочки отбывания наказания больным наркоманией); это деяние влечет уголовную ответственность в виде замены одного вида наказания другим более тяжким либо отмену probation.

В связи с обсуждением преступления и уголовного проступка важно обратить внимание на другой вид уголовно-противоправного деяния – малозначительное деяние, которое в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ формально содержит признаки деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, однако не является преступлением, так как не представляет общественную опасность. К видам уголовно-противоправных деяний его позволяет отнести то, что оно нарушает уголовно-правовой запрет, поскольку содержит признаки запрещенного уголовным законом деяния.

Полагаем, что основным таким признаком этого деяния является причиненный им вред как последствие определенного преступления. В тех случаях, когда в результате деяния этот вред не наступает, когда такое деяние влечет социально-полезные или социально-нейтральные последствия, оно по сути не нарушает требований уголовного закона. Вопрос о малозначительности деяния обычно встает в тех случаях, когда в уголовном законе не установлены минимальные размеры такого вреда, например, в

ст. 291.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за мелкое взяточничество.

В связи с тем, что законодатель поместил положения о малозначительном деянии в статью о преступлении, чтобы подчеркнуть общественную опасность последнего, полагаем, что малозначительное деяние содержит признаки не любого деяния, предусмотренного УК РФ, а именно преступления. В этом состоит его сходство с преступлением и его отличие от уголовного проступка, который таких признаков не содержит. Отличие малозначительного деяния от преступления состоит в том, что оно лишено существенного признака преступления – его общественной опасности. Этот существенный признак преступления – оценочный, следовательно, оценочным является и малозначительность деяния, наличие которой устанавливается в процессе применения уголовно-правовой нормы, содержащей признаки определенного состава преступления.

Например, кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору даже на сумму ниже 2 500 руб., формально содержит признаки состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Это вытекает из того, что в ст. 7.27 КоАП РФ законодатель разграничил сферу действия административного и уголовного закона, отнеся кражу при наличии квалифицирующих признаков к преступлению. Такая кража может быть признана малозначительным деянием, исходя из оценки правоприменителем размера похищенного (плитки шоколада, бутылки сока, пачки сигарет и т.д.), его стоимости (например, более низкой, чем максимальный размер мелкого хищения, предусмотренный ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ), а также направленности умысла участников группы, которым не охватывается хищение на сумму, превышающую размер мелкого хищения.

Актуальными для применения ч. 2 ст. 14 УК РФ являются вопросы о форме вины, с которой может совершаться малозначительное деяние, а также о правовой природе этого деяния. Полагаем, что малозначительное деяние может совершаться только умышленно, так как в действующем УК РФ уголовная ответственность за неосторожное причинение вреда установлена только в тех случаях, когда этот вред носит значительный характер. Так, не может быть малозначительным неосторожное причинение вреда здоровью человека, в связи с тем, что уголовная ответственность предусмотрена только за тяжкий вред здоровью, причиненный по неосторожности (ст. 118 УК РФ). Неосторожное причинение иной тяжести вреда здоровью без сопряженности с другими преступлениями, например, с неоказанием помощи больному (ч. 1 ст. 124 УК РФ), не является уголовно-наказуемым деянием.

Большую сложность вызывает правовая природа малозначительного деяния. В классификации правонарушений на преступления и проступки места ему не находится: как деяние, содержащее признаки преступления, оно не является ни уголовным проступком, ни проступком другой правовой принадлежности (например, административным правонарушением), так как эти проступки признаков преступления не содержат.

Как деяние, лишенное свойства общественной опасности, оно не является преступлением. В результате, несмотря на то, что малозначительное деяние причиняет определенный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, оно не влечет никакой юридической ответственности. Например, кража, впервые совершенная группой лиц по предварительному сговору на сумму 200 руб., не повлечет даже административную ответственность, так как административным правонарушением не является. Кража на эту же сумму, совершенная впервые одним лицом, повлечет административную ответственность в соответствии с ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ. Получается юридический парадокс безответственности.

По этой причине малозначительное деяние некоторые исследователи относят к обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния, в силу отсутствия у него общественной опасности как материального признака преступления. Исходя из этой позиции, исследователи предлагают дополнить гл. 8 УК РФ, предусматривающую обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, новой разновидностью таких обстоятельств – малозначительностью деяния [4. С. 6–7].

Классификация деяний, нарушающих нормы права, на правонарушения и объективно-противоправные деяния, позволяет нам выявить, во-первых, такие виды уголовно-противоправных деяний, как деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, которые совершаются лицами, не являющимися субъектами преступления в силу невменяемости или не достижения возраста уголовной ответственности. О деяниях первого вида речь идет в ст. 21 УК РФ, в п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ, п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ. О деяниях второго вида речь идет в ч. 3 ст. 20 УК РФ, в п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Прежде всего должно ли деяние, предусмотренное статьями Особенной части УК РФ, совершенное в состоянии невменяемости, быть предметом уголовного права? Полагаем, что нет. Такое деяние – результат болезненного состояния психики. Лицо, подвергающееся принуждению за его совершение, является не субъектом права, а объектом правового воздействия, применяемые за это деяние принудительные меры медицинского характера по содержанию являются мерами терапевтическими, а не правовыми.

Далее, как оценивать участие невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, в групповых посягательствах, совершаемых несколькими лицами, из которых лишь одно является субъектом преступления? Как известно, судебная практика до сих пор не выработала постоянную позицию в этом вопросе. Такие посягательства оцениваются то как совершенные группой лиц с вменением этого обстоятельства участнику, являющемуся субъектом преступления, в качестве отягчающего наказания (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ) или в качестве квалифицирующего признака ряда составов преступлений, то как юридически совершенные в одиночку без учета этого обстоятельства [5. С. 9–14].

Достаточно в качестве примера не постоянной позиции судебной практики в этом вопросе привести

разную редакцию п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Первоначальная редакция этого пункта включала первый абзац следующего содержания: «В случае совершения кражи несколькими лицами... их действия следует квалифицировать... по признаку “группа лиц”, если в совершении этого преступления совместно участвовало два или более исполнителя, которые в силу статьи 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное. Если лицо совершило кражу посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия... следует квалифицировать... как непосредственного исполнителя преступления...».

Данный текст свидетельствует о том, что под группой лиц в судебной практике понималась такая форма соучастия в преступлении, как соисполнительство, при котором два и более лица, являющиеся субъектами преступления, полностью или частично выполняют деяние, входящее в объективную сторону состава преступления, предусмотренного в Особенной части УК РФ. Однако первый абзац из п. 12 данного постановления был исключен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31. Это дало основание судам широко трактовать совершение преступления группой лиц, понимая под ним не только соисполнительство, но и всякое выполнение объективной стороны конкретного состава преступления двумя и более физическими лицами, из которых лишь одно является субъектом преступления.

И, наконец, какой является правовая природа обстоятельства, указанного в ч. 3 ст. 20 УК РФ, которое исключает уголовную ответственность лица, достигшего календарного возраста уголовной ответственности, однако не достигшего соответствующего ему психологического возраста вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством? Была высказана точка зрения о том, что такое лицо является невменяемым по возрасту [6. С. 27]. На наш взгляд, невменяемым или даже ограниченно вменяемым такое лицо назвать нельзя, так как отсутствует не только медицинский критерий невменяемости в виде болезненного состояния психики, но и медицинский критерий ограниченной вменяемости в виде психического расстройства, не достигшего болезненного состояния психики. Нельзя решить эту проблему и с позиций вины, так как речь идет не о психическом отношении лица к совершаемому деянию и его последствиям, а об особом психическом состоянии лица, предшествующем совершению этого деяния.

Некоторые исследователи предлагают данную проблему решать в плоскости возраста уголовной ответственности, относя состояния, указанные в ч. 3 ст. 20 УК РФ, к уголовно-релевантным психическим состояниям [7. С. 112–134]. Таким образом, сформулированный вопрос остается открытым, так как весомых аргументов для отнесения анализируемой ситуации к ситуации невменяемости, ограниченной вменяемости или к ситуации не достижения возраста уголовной ответственности лицом, совершившим обще-

ственно опасное деяние, никем из исследователей не приведено.

Классификация деяний, нарушающих нормы права, на правонарушения и объективно-противоправные деяния, позволяет нам выявить уголовно-противоправные деяния, совершенные невиновно. Такие деяния являются предметом уголовного права, когда они в соответствии со ст. 28 УК РФ причиняют общественно опасные последствия. Необходимость их включения в предмет уголовного права обусловлена законодательным определением границ критериев неосторожного причинения вреда, за пределами которых уголовная ответственность исключается. Основной вопрос, который возникает в этой связи, состоит в том, насколько правильным является отнесение ситуации, указанной в ч. 2 ст. 28 УК РФ, к невиновному причинению вреда.

Одни исследователи полагают, что лица, причинившие вред в такой ситуации, не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что находятся в состоянии, аналогичном состоянию невменяемости. При этом сторонники такой позиции осознают, что указанное состояние вызвано не соответствующими требованиям экстремальной ситуации ограниченными психофизиологическими возможностями лица, причиняющего вред, а не болезненным состоянием психики. Это означает, что медицинский критерий невменяемости отсутствует. В этой связи сторонники такой позиции предлагают наряду с общими понятиями вменяемости и невменяемости ввести понятия специальной вменяемости и специальной невменяемости, которые позволяли бы установить наличие или отсутствие признаков субъекта преступления у лиц, причиняющих вред в экстремальной ситуации, связанной прежде всего с эксплуатацией источников повышенной опасности [8. С. 63–68].

Последователи другой позиции отмечают, что в указанной ситуации лицо, причинившее вред, не несет ответственности из-за отсутствия вины, поскольку сложность ситуации лишает его возможности предвидеть общественно опасные последствия [9. С. 104–118; 10. С. 367–376]. Законодатель за основу взял вторую позицию. Полагаем, что она является достаточно уязвимой. В анализируемой ситуации речь идет не о пси-

хическом отношении лица к совершаемому деянию и его последствиям, свидетельствующем об отсутствии вины, а об особом психическом состоянии лица, предшествующем совершению этого деяния и обуславливающим отсутствие вины. Такое состояние заключается в несоответствии психофизиологических качеств лица, эксплуатирующего источник повышенной опасности, требованиям экстремальной ситуации. Таким образом, и эта проблема требует оптимального теоретического и законодательного разрешения.

Итак, сформулируем следующий вывод. Предметом уголовного права как отрасли права должны быть следующие виды уголовно-противоправного поведения:

1. Преступление (ч. 1 ст. 14 УК РФ).
2. Уголовный проступок, который влечет уголовную ответственность в виде замены одного наказания другим более тяжким наказанием: штрафа (ч. 5 ст. 46 УК РФ), обязательных работ (ч. 3 ст. 49 УК РФ), исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК РФ), ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания (ч. 5 ст. 53 УК РФ), принудительных работ (ч. 6 ст. 53.1 УК РФ).
3. Уголовный проступок, который влечет уголовную ответственность в виде отмены какого-либо вида probation: условного осуждения (ст. 74 УК РФ), условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 7 ст. 79 УК РФ), отсрочки отбывания наказания (ч. 2 ст. 82 УК РФ), отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ч. 2 ст. 82.1 УК РФ).
4. Малозначительное деяние (ч. 2 ст. 14 УК РФ).
5. Общественно опасное поведение лиц, не являющихся субъектами преступления в силу достижения возраста уголовной ответственности или невменяемости (ст.ст. 20, 21, п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ, п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ).
6. Невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ).

Такое понимание предмета уголовного права как отрасли права, основанное на действующем уголовном законодательстве, позволяет в круг задач, указанных в ч. 1 ст. 2 УК РФ, включить не только предупреждение преступлений, но и предупреждение иных уголовно-противоправных деяний, предусмотренных настоящим кодексом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание. Омск, 1986. 68 с.
2. Кузнецова Н.Ф. Совершенствование норм о преступлении // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 29–37.
3. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. 142 с.
4. Багиров Ч.М. о.глы. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2005. 18 с.
5. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении. Новокузнецк, 2014. 84 с.
6. Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970. 125 с.
7. Назаренко Г.В. Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния. СПб., 2002. 205 с.
8. Гринберг М.С. Технические преступления. Новосибирск, 1992. 144 с.
9. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток, 1983. 300 с.
10. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Преступление / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. 604 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 8 февраля 2021 г.

Types of Criminal Acts

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 255–260.

DOI: 10.17223/15617793/466/31

Alexander V. Shesler, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

Keywords: crime; insignificant act; innocent infliction of harm; criminal offence; socially dangerous act.

The article examines criminal acts, with which the law associates certain criminal legal consequences. The aim of the article is to substantiate the identification of various criminal acts and show their specificity in comparison with crimes. The research is based on the domestic criminal legislation, materials of judicial practice and the legislation of the Federal Republic of Germany. The research methods are: the method of comparative law, which allowed comparing the provisions about criminal offenses in the 1960 Criminal Code of the RSFSR and in the 1996 Criminal Code of the Russian Federation, in the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of Germany; the method of document analysis, which made it possible to analyze the judicial practice and proposals of the Supreme Court of the Russian Federation on the introduction of provisions on criminal offences in the Criminal Code of the Russian Federation; the formal-logical method that made it possible to analyze the content of the norms of the Criminal Code about criminal acts. The article concludes that, in addition to crimes, criminal acts should include: a criminal offence, which entails criminal liability in the form of replacing punishment with a more severe one (fine, compulsory labor, correctional labor, restriction of freedom as the main type of punishment, forced labor) or criminal liability in the form of the cancellation of any type of probation (suspended sentence, parole, deferred sentence, deferred sentence for drug addicts); a minor act; socially dangerous behavior of persons who are not subjects of a crime due to their minor age or insanity; innocent infliction of harm. The article shows the specificity of a misdemeanour, consisting in the fact that this act is not socially dangerous, does not contain signs of a crime, violates the liability of the convicted person to be subject to limitations arising from the court-appointed punishment or type of probation (suspended sentence, parole, deferred sentence, deferred sentence for drug addicts). It is substantiated that a minor act should be referred to circumstances that exclude the criminality of an act due to the absence of public danger, an essential feature of a crime. It is argued that acts, provided for by the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, committed in a state of insanity and entailing compulsory medical measures, should not be subject to criminal law. The article criticizes the judicial practice of a broad interpretation of the commission of a crime by a group of persons, according to which it is not only a co-execution, but also any execution of the objective side of the crime by several persons, of which only one can be the perpetrator. It is argued that causing harm due to the non-compliance of the psychophysiological qualities of a person with the requirements of an extreme situation does not apply to innocent infliction of harm.

REFERENCES

1. Martsev, A.I. (1986) *Prestuplenie: sushchnost' i sodержanie* [Crime: essence and content]. Omsk: Om. VSh MVD SSSR.
2. Kuznetsova, N.F. (1984) *Sovershenstvovanie norm o prestuplenii* [Improving the norms on crimes]. In: *Problemy sovershenstvovaniya ugovnogo zakona* [Problems of improving the criminal law]. Moscow: [s.n.], pp. 29–37.
3. Prozumentov, L.M. (2012) *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyaniy* [Criminalization and decriminalization of acts]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Bagirov, Ch.M. ogly. (2005) *Maloznachitel'nost' deyaniya i ee ugovno-pravovoe znachenie* [The insignificance of the act and its criminal legal significance]. Abstract of Law Dr. Diss. Tyumen.
5. Shesler, A.V. (2014) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a crime]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
6. Astemirov, Z.A. (1970) *Ugovnaya otvetstvennost' i nakazanie nesovershennoletnikh* [Criminal liability and punishment of minors]. Moscow: VSh MVD SSSR.
7. Nazarenko, G.V. (2002) *Nevmenyaemost': ugovno-relevantnye psikhicheskie sostoyaniya* [Insanity: Criminally Relevant Mental Conditions]. St. Petersburg: YuTs Press.
8. Grinberg, M.S. (1992) *Tekhnicheskie prestupleniya* [Technical crimes]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
9. Mikheev, R.I. (1983) *Problemy vmenyaemosti i nevmenyaemosti v sovetskom ugovnom prave* [Problems of sanity and insanity in Soviet criminal law]. Vladivostok: Far Eastern State University.
10. Korobeev, A.I. (ed.) (1999) *Rossiyskoe ugovnoe pravo. Kurs lektsiy* [Russian criminal law. Lectures]. Vol. 1. Vladivostok: Far Eastern State University.

Received: 08 February 2021

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКИНИНА Мария Дмитриевна – аспирант кафедры общей и экспериментальной физики Томского государственного университета. E-mail: maakin1993@yandex.ru

АЛЕКСАНДРОВА Марина Викторовна – д-р пед. наук, профессор кафедры начального, дошкольного образования и социального управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород). E-mail: m-alex05@rambler.ru

АНИКИН Даниил Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им М.В. Ломоносова. E-mail: dandee@list.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета; профессор кафедры уголовного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники; профессор кафедры уголовно-процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). E-mail: raist@sibmail.com

БЕЗУКЛАДНИКОВ Константин Эдуардович – д-р пед. наук, зав. кафедрой методики преподавания иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: konstantin.bezukladnikov@gmail.com

БЕССОНОВ Алексей Александрович – д-р юрид. наук, полковник юстиции, руководитель управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва). E-mail: bestallv@mail.ru

БОРИСОВ Денис Алексеевич – канд. ист. наук, зав. кафедрой мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: denisborisov69@gmail.com

БОЧАРНИКОВА Марта Владимировна – аспирант кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: bmartav@mail.ru

БУРМАГИН Сергей Викторович – канд. юрид. наук, начальник отдела методической, научно-исследовательской работы и качества образования Северного института предпринимательства (г. Архангельск); федеральный судья в почетной отставке. E-mail: serburmagin@yandex.ru

ГАЙВОРОНСКАЯ Александра Александровна – канд. психол. наук, лейтенант юстиции, инспектор отдела исследования проблем технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва). E-mail: agajvoronskaya@yandex.ru

ДАВЫДОВА Светлана Александровна – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания, декан факультета физической культуры и спорта Нижневартковского государственного университета. E-mail: ffkis@nvsu.ru

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Иркутского государственного университета. E-mail: levdameshkek@gmail.com,

ЕФЛОВА Зинаида Борисовна – канд. пед. наук, старший научный сотрудник Центра развития образования; исполнительный директор Ассоциации сельских школ Республики Карелия (г. Петрозаводск). E-mail: zeflova@onego.ru

ЗАГРЕВСКАЯ Александра Ивановна – д-р пед. наук, зав. кафедрой теоретических основ и физкультурно-оздоровительных технологий Томского государственного университета. E-mail: a-zagrevskaya@ya.ru

ЗАИГРАЕВА Владислава Константиновна – соискатель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: customs.v.k@gmail.com

КАЛЮЖНЫЙ Александр Николаевич – канд. юрид. наук, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (г. Орел). E-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

КИОСЕ Мария Ивановна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета; ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова Института языкознания Российской академии наук (г. Москва). E-mail: maria_kiose@mail.ru

КОНДРАТЬЕВА Светлана Викторовна – канд. экон. наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск). E-mail: svkor-ka@mail.ru

КОРИЧКО Алексей Викторович – канд. пед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Нижневартковского государственного университета. E-mail: alexey.korichko@gmail.com

КУШНАРЕВА Маргарита Дмитриевна – д-р ист. наук, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета. E-mail: rita270880@mail.ru

ЛЕКАРЕНКО Оксана Геннадьевна – д-р. ист. наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: olekarenko@gmail.com

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета; доцент кафедры «Менеджмент и общегуманитарные дисциплины» Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: AALinchenko@fa.ru

ЛОГИНОВСКАЯ Юлия Владимировна – аспирант кафедры философии и методологии науки Томского государственного университета. E-mail: urucel@yandex.ru

МАНОЙЛО Андрей Викторович – д-р полит. наук, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: 9315891@gmail.com

МЕЗИНОВ Дмитрий Анатольевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: mez_da@mail.ru

МИШИН Валерий Юрьевич – заведующий сектором международной и региональной безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: uran_mishin@mail.ru

НОВИКОВА Элина Юрьевна – д-р филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета. E-mail: nov-elina@volsu.ru

ПАНТЕЛЕЕВА Лилия Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Соликамского государственного педагогического института (филиала) Пермского государственного университета. E-mail: liliya_pant@mail.ru

ПАЩЕНКО Лена Григорьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Нижневартковского государственного университета. E-mail: lenanv2008@yandex.ru

ПЛАТЕ Алисе – канд. ист. наук, младший сотрудник лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: aliceplate@mail.ru

ПРОХОРОВА Анна Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина. E-mail: prohanna@yandex.ru

ПУЗИК Андрей Анатольевич – канд. филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького (Украина). E-mail: apuzzik@mail.ru

РАДАЕВА Светлана Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта Томского государственного университета. E-mail: svetlanaradaeva70@mail.ru

САФАРОВ Аслиддин (Марат) Мукомович – ассистент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: safarovmarat001@mail.ru

СИМОНЕНОК Анна Владимировна – канд. ист. наук, научный сотрудник сектора международной и региональной безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: asimonenok@yandex.ru

СКОРЕВИЧ Алена Сергеевна – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: skorevich.a.s@msail.ru

СЛИНЬКО Дмитрий Сергеевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (г. Харьков, Украина). Email: d.s.slinko@karazin.ua

СЛИНЬКО Сергей Викторович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса Харьковского национального университета внутренних дел (г. Харьков, Украина). Email: s.slinko743@gmail.com

СОСУНОВСКИЙ Вадим Сергеевич – ст. преподаватель кафедры теоретических основ и физкультурно-оздоровительных технологий Томского государственного университета. E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

СПИЧАК Александра Владимировна – канд. ист. наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексных исследований социальных систем Нижневартковского государственного университета. E-mail: spichak-89@mail.ru

СТРИГУНОВ Константин Сергеевич – соискатель кафедры российской политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: sks6891@gmail.com

ТАЛАЛАЕВА Екатерина Юрьевна – ассистент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина; соискатель кафедры философии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург). E-mail: aikatarin@mail.ru

УГРЮМОВА Мария Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России и документоведения Нижневартковского государственного университета. E-mail: mugruymova@mail.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович – д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» Самарского государственного технического университета. E-mail: vfar@mail.ru

ФИЛИН Дмитрий Витальевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса Национального юридического университета им. Ярослава Мудрого (г. Харьков, Украина). Email: filinju@ukr.net

ЧЕКУШИН Викентий Владимирович – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: vikisha@bk.ru

ЧЕРНИКОВА Ирина Васильевна – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и методологии науки Томского государственного университета. E-mail: chernic@mail.tsu.ru

ЧЕРНЫШЕВА Влада Александровна – аспирант кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: st042939@student.spbu.ru

ШЕРАЙЗИНА Роза Монсеевна – д-р пед. наук, зав. кафедрой начального, дошкольного образования и социального управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород). E-mail: Roza.Sherayzina@novsu.ru

ШЕСЛЕР Александр Викторович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Томского государственного университета; профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк). E-mail: sofish@inbox.ru

ШЛАПЕКО Екатерина Андреевна – канд. полит. наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск). E-mail: shlapreko_kate@mail.ru

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 3 Научно-исследовательского института ФСИН России (г. Москва). E-mail: matros49@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 466. Май

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.05.2021 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34. Усл. печ. л. 31,6. Тираж 50 экз.
Заказ № . Цена свободная.

Дата выхода в свет 19.08.2021 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru